ВЛАДИМИР БУШИН

Я ЖИЛ ВО ВРЕМЕНА СОВЕТОВ

ДНЕВНИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдающийся публицист современности, как его часто называют, последний рыцарь советской эпохи — солдат Великой Отечественной Владимир Сергеевич Бушин прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. Потом были Маньчжурия, война с Японией… И в мирное время, в литературе, он всегда оставался на передовой. Еще на фронте, двадцатилетним, начал вести дневник. С тех пор, часто повторяя тютчевское «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», в разные периоды жизни доверял себя дневниковым записям, ничего не утаивая и не приукрашивая, в любые ее переломы оставаясь человеком чести, не изменявшим своим убеждениям. В книге своих дневников Владимир Бушин неожидан и узнаваем, ироничен и правдив. Она охватывает практически семь десятилетий, начиная с военного времени по день сегодняшний, и раскрывает общественную атмосферу нескольких эпох, события творческой и личной жизни автора.

- Владимир Сергеевич Бушин
  - Но прежде замечу…
  - Я жил во времена Союза…
    - Ничего иного
    - Ты знал!
    - Мое время
    - Долголетие и долг
    - Энергия заблуждения
    - Авва отче!
  - Книга первая
    - Из дневника 1944 года
    - Из дневника 1945 года
    - После войны
      -
      - Нас было много на челне…
      - Враги и стихи
      - Гитлер и цветы
      - Предательство
      - Звезды
  - Книга вторая
    - 1960-е
      - Абрам и Аржак
      - КГБ, Сапфо и Вова Котов
      - Кутеж в «Метрополе» как взятка

- Так велика моя вина
- Стон всей страны
- «Диверсия» против яковлевщены
- Евгений винокуров
- Залитературенность
- «Мы не от старости умрем…»
- А жизнь не остановилась…
- Двоякодышащие за работой
- Мама и Владимир Даль
- «Когда строку диктует чувство…»

- 1970-е
  - Нашел!
  - Владимир Богомолов
  - Ищейки национализма
  - Маркс и Аполлон
  - Поэты и собаки. Бунин и Островой
  - Поэты и собаки
  - Две потери в один день
  - Встреча с нобелиатом
  - Сарнов, Астафьев и Буцефал
  - Какая радость — пускать кораблики
  - Без Россий и Латвий?
  - Языки большого пожара
  - Спасский — Фишер
  - Первые загадки бытия
  - О, как это было давно!
  - Зачем Лютер вступал в союз писателей?
  - За Кривицкого против Кардина
  - Из теплых ручек в холодные
  - В школу!
  - Звонок в вытрезвитель
  - Бонди, Пастернак, Ахматова
  - «Когда уходит женщина…»
  - Лев Ошанин и Марина Цветаева
  - Видение
  - Знакомый Марков
  - Фахчисарайский бонтан
  - Дима
  - Похоронили, помянули
  - От Бабеля до Володарского
  - Отмолчаться не удалось
  - Я жил во времена Шекспира
  - На уровне мировых стандартов 1880 года
- Из дневников начала 80-х

- Книга третья
  - 1980–1990-е
- notes
  - 1

Владимир Сергеевич Бушин
Я жил во времена Советов. Дневники

Но прежде замечу…

Я начал вести дневник в двадцать лет на фронте. Уже после войны узнал, что это запрещалось, но я никаких запретов не изведал, может быть, потому, что, будучи радистом, делал записи чаще всего во время одинокого ночного дежурства на РСБ (радиостанция среднего бомбардировщика, установленная в виде закрытого фургона на полуторке). К тому же я был комсоргом роты, и в этом качестве нередко приходилось бывать в ее разных, разбросанных по линии фронта взводах и отделениях, т. е. быть не на глазах начальства. Это также давало определенные возможности для ведения дневника. Да и знал о моем дневнике, пожалуй, только мой ровесник и друг Райс Капин, казах из Ташкента, с довольно странной для казаха фамилией. Светлая ему память…

Мариэтта Чудакова, известная специалистка по дневникам, пишет, что форма дневника «позволяет создавать иллюзию свободного выражения мыслей и впечатлений автора» (КЛЭ, т.2, с.707). Что за чушь — почему иллюзию? Я писал все, что хотел, безо всяких иллюзий. Другое дело, что в моем дневнике нет записей, например, подобных этой:

«Утро человека начинается бурной физиологией. Человек гадит, мочится, издает звуки, харкает и кашляет, чистит протухшую табачищем пасть, вымывает гной из глаз и серу из ушей, жрет, рыгает, жадно пьет и остервенело курит. Насколько опрятнее пробуждение собаки.

Тяжелое хамство дремлет в моей груди.

Не осталось ничего, лишь скучная, бессильная злоба».

Какая тонкая наблюдательность! Какая откровенность! 3 ноября 1951 года это написал в своем дневнике уже всего объевшийся, утопавший в богатстве 32-летний мизантроп Юрий Нагибин.

Или вот что записал в дневнике 10 сентября 1976 года Андрей Тарковский: «В ночь на 9-е умер Мао Цзэдун. Пустячок, а приятно» (РГ.21.2.08). И это о смерти человека, который возглавил борьбу великого народа против многовекового рабства хищников Запада и привел к победе… Я подобную запись не мог сделать даже 30 апреля 1945 года, когда мы узнали о самоубийстве Гитлера.

В моем дневнике нет таких записей просто потому, что у меня совсем другие глаза, иная натура, совершенно непохожий склад ума. У осетинского поэта Бориса Муртазова есть стихотворение «Разные глаза». В моем вольном переводе оно

выглядит так:

— Мне тошно на московских улицах! —
Сказал один москвич, мой друг. —
Иду — и хочется зажмуриться
От рож каких-то, от пьянчуг!..
Ответил я: — Ничуть не меньше
И у меня хлопот с Москвой:
Такая пропасть милых женщин,
Что так и вертишь головой!

В этом все дело.

Но Чудакову далеко превзошел критик Бенедикт Сарнов. Он уверяет, что иные советские писатели хитроумно нахваливали в дневниках Советскую власть, создавая иллюзию своей лояльности и даже любви к ней. Зачем? А это, говорит, «для глаз будущего следователя». Вдруг, мол, нагрянет ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ и при обыске уж непременно обнаружит дневник, а там — сплошные восторги о Советской власти и здравицы в честь товарища Сталина или раскаяния в своих антисоветских заблуждениях. Ну, и все подозрения тотчас рассыплются в прах. Может, еще и орден или Сталинскую премию дадут хитрецу.

В качестве примера Сарнов называет известного до войны драматурга А. Н. Афиногенова, автора талантливых пьес, в том числе замечательной «Машеньки», по которой в 1942 году был поставлен фильм, тогда же, в дни войны получивший Сталинскую премию. Автор пьесы этого не дождался. Сарнов приводит такую, допустим, запись драматурга: «Нет, все же наше поколение неблагодарно, оно не умеет ценить всех благ, данных ему Революцией. Как часто забываем мы все, от чего избавлены, как часто морщимся и ежимся от мелких неудобств, чьей-то несправедливости, считаем, что живем плохо. А если бы мы представили себе прошлую жизнь, ее ужасы и безысходность, все наши капризы и недовольства рассеялись бы мгновенно, и мы краснели бы от стыда за свою эгоистическую забывчивость… Я всем сердцем люблю новую жизнь!». Критик убежден: это — для Ежова! Он уверен: интеллигентный человек не может любить Советскую власть, не может думать, что в прошлом были ужасы, которых при Советской власти уже нет. Как и о том, что в нынешней России столько ужасов, коих мы не ведали в Советское время.

А Александр Николаевич погиб в 1941 году во время налета немецкой авиации на Москву. Между прочим, это случилось в здании ЦК, на которое упала бомба. Странно, что Сарнов не

использовал сей факт для доказательства того, что Афиногенов сознательно выбрал место своей гибели, чтобы еще раз заверить партию и правительство в своей преданности и любви. Странно и то, отчего критик, приведя известные строки из дневника К. Чуковского о том, как они с Пастернаком наперебой восхищались Сталиным, увидев его в президиуме съезда комсомола, не зачислил и это в графу «для будущего следователя», для Ягоды.

В нашей литературе наиболее известны короткие дневниковые записи Пушкина, «Дневник писателя» Достоевского, многолетние, с 19 лет до смерти, дневники Толстого, короткие записи Чехова… В более позднее, в Советское время — Бунина, Пришвина, Чуковского, «Рабочие тетради» Твардовского, воспоминания Эренбурга, Нагибина, Куняева… В сущности, своего рода дневниками оказались и «Камешки на ладони» Солоухина, и «Затеси» Астафьева, и «Мгновения» Бондарева… Я думаю, что все упомянутые писали дневники не из страха перед Третьим отделением или КГБ и даже не перед самим Сарновым. Так писал и я, не пытаясь создавать никаких иллюзий.

Надо еще заметить, что я начинал дневник, разумеется, безо всякого прицела на публикацию. Ну, кого могли заинтересовать писания двадцатилетнего безвестного солдата? Да я и сам не думал о литераторском будущем, хотя вскоре начал печатать стихи в армейской газете «Разгромим врага». Однако гораздо позже, когда мое имя замелькало, даже, можно сказать, замельтешило в прессе и встало в определенный литературный ряд, читатели не раз обращались ко мне с предложением или с просьбой написать воспоминания. Так, незнакомый мне В. Андрианов после публикации в «Завтра» моей статьи о поединке на телевидении Г. Зюганова и демократа Л. Гозмана прислал мне по интернету 29 апреля 2011 года и упрек и призыв: «Владимир Сергеевич! Зачем Вы тратите драгоценные «снаряды» своей публицистической «пушки» на таких ничтожных политворобьев, как Леонид Гозман? А кому интересны бредовые выхлопы ума подельника Горбачева по развалу страны и всего соцлагеря бывшего секретаря ЦК Валентина Фалина или убогой думской функционерши «Едра» Яровой? Их и знать-то никто не знает! А Гозман настолько сер, безлик и тягостен… Двойник Льва Новоженова. Треп этих людей просто смешон, и вступать с ними в дискуссию на полном серьезе — это создавать им рекламу. Извините, но для такого автора, как Вы, это мелкотемье».

Я согласен с оценками «этих людей», но согласиться, что понапрасну веду пальбу из пушек по воробьям, не могу. Да, воробьи! И сами по себе они меня совершенно не интересуют, и я

не рассчитываю ни устыдить их, ни переубедить. На это, похоже, надеется Геннадий Зюганов. Он то уверяет их, что им будет стыдно за те гнусности, которые они льют на Ленина; то приглашает посетить сайт КПРФ; то говорит: «Перечитайте переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем». Пере-? Да они ее и не читали, скорей всего и не знают о ней, ибо все это их совершенно не интересует, чуждо им и отвратительно.

Да, говорю, это воробьи, но им же предоставлены самые высокие в стране трибуны, их слушают миллионы и они в сущности тиражируют не свои собственные «бредовые выхлопы ума», а взгляды, мысли, оценки враждебной народу верховной власти. Они — лишь повод, чтобы ударить по позиции именно антисоветской верхушки. И я вовсе не «дискутирую на полном серьезе». То, что я проделываю с ними, называется иначе.

А дальше В. Андрианов пишет: «Мне кажется, Вы должны заняться писанием мемуаров. Интереснейшего материала у Вас уйма. Детство, юность, война, Литинститут, Ваше становление как поэта и писателя, встречи с великими людьми, перестройка, Ваша яростная борьба с разрушителями СССР… Все это было бы чрезвычайно интересно и познавательно.

Большая просьба: отложите в сторону всю текучку, возьмитесь за очень нужное для читателей и для истории русской литературы дело — за воспоминания!»

Недавно Светлана Лакшина даже попросила у меня почитать мои воспоминания — от кого-то слышала, что они уже опубликованы. Увы… Воспоминания это совсем иной и очень соблазнительный жанр. Но дневник в какой-то мере может заменить воспоминания, а в некотором смысле он даже предпочтительней. Тем более, что я буду дневниковые записи сопровождать примечаниями нынешних дней и воспоминаниями.

Но чтобы ввести читателя «в курс моей жизни» начать придется именно с воспоминаний, точнее, с биографической справки. Если кратко, то выходит дело так.

Я родился 24 января 1924 года в Глухове. Это недалеко от Ногинска (Богородска), что в Московской области. Мать, Мария Васильевна, в молодости работала ткачихой на фабрике или, как тогда говорили, мануфактуре Арсения Ивановича Морозова, кажется, одного из знаменитого рода фабрикантов. Я после двух сестер был третьим ребенком в семье, вернее, четвертым, — первенец моих родителей умер в младенчестве. Мать тогда уже не работала. Отец, Сергей Федорович Григорьев-Бушин, лет в двадцать окончил Алексеевское юнкерское училище, что находилось в Лефортове, словом — офицер царской армии, позже — врач-хирург и член партии, уже просто Бушин. И мать до моего

рождения какое-то время тоже состояла в партии. Отца почему-то часто переводили по работе с одного места на другое в пределах Московской области. Он был главным врачом в Минине, Раменском, Кунцеве, а с 1933 года, видимо, когда я начал что-то соображать, мы жили в Измайлове, которое тогда было подмосковным селом. Его образующим центром с давних дореволюционных времен являлась прядильно-ткацкая фабрика, а потом и колхоз «Красная гряда». При фабрике — несколько больших и не очень больших корпусов и домов в два-четыре этажа, которые с дореволюционных времен называли спальнями. В них жили рабочие и все сотрудники фабрики. Существовало два двора — старый и новый, почему-то получивший название Балкан. Тут же была хорошая полутораэтажная больница, тоже дореволюционная, где отец работал главным врачом. Последнее место его работы — уже в самой Москве, какая-то большая больница в Сыромятниках. Я там не был, но помню горделивые восторги деда: «Какая больница!..» Отец умер в 1936 году… Однажды в Коктебеле я написал стихотворение «Воспоминание в Крыму об отце».

Он умер от чахотки в сорок.
Его в Крыму бы полечить!
Но нелегко туда в ту пору
Путевку было получить.

Но, впрочем, и не в этом дело,
А в складе том умов, сердец,
При коем дух превыше тела, —
Таким и был он, мой отец.

То партячейка, то субботник —
И всюду первым, не вторым —
То мореплаватель, то плотник…
И где там Крым! Какой там Крым!

А я, продукт эпохи новой,
Дитя литфондовских щедрот,
Благополучный и здоровый,
В Крыму едва не каждый год.

А мать умерла в 1981-м. Это было в Нагатино, где она жила со старшей дочерью. Я сидел у ее постели, она гладила мне руку и говорила: «Я ухожу…» Почему-то мама не похоронила урну с прахом отца сразу, и она оставалась в сундуке до ее смерти. И

тогда собрались мы перед поездкой в Глухово на кладбище всей семьей — родители в урнах и нас трое их детей. Там, на глуховском кладбище, они и лежат…

Как большинство советских людей, свою родословную дальше бабушки, Арины Никифоровны, умершей в 1944 году, и дедушки, Федора Григорьевича, умершего в 1936-м, на полгода раньше отца, я не знал. А родители матери умерли еще до революции. Некая Лариса из Ленинграда уверяет, что Советская власть не то препятствовала, не то прямо запрещала нам интересоваться своими предками. Почему? Зачем? Она не знает, но уверена. Да разве книги, фильмы, спектакли о временах Александра Невского, Ивана Грозного, Петра, наконец, Ленина и Сталина — не о наших предках? А ведь дело-то простое. Почти все мы из крестьян. Откуда там взяться генеалогическому древу?

Однако когда мое имя замелькало в печати, Вячеслав Александрович Казанский, заслуженный учитель и краевед из села Михайловского, соседнего с деревней Рыльское, где жили на берегу Непрядвы мои дедушка и бабушка, у которых я и мои сестры каждый год проводили лето, по ревизским сказкам, оказывается, до сих пор хранящимся в областных архивах, составил мне мою родословную по линии отца и возвел ее к Степану Феопентовичу Бушину, жившему в 1703–1754 годы, современнику шести царей от Петра до Елизаветы. Что дает мне знание всего лишь имен Феопента и Степана Бушиных? Вроде бы ничего. Но вроде бы и неохватно много. Если есть у меня какие-то способности, то я обязан этим длинному ряду моих предков, в которых эти способности накапливались столетиями, передавались от поколения к поколению и вот подарены мне. И я чувствую великую ответственность перед длинной чередой предков.

Я считаю себя туляком, потому что из Глухова, что под Ногинском, где родился, мы уехали, когда мне было лет пять, и ничего не помню из столь раннего детства, кроме странных мистических сновидений да одного совсем не мистического случая: очень любившая меня тетя Агаша, соседка по коммунальной квартире, зачем-то высунула мою юную, ничем не обремененную голову в форточку и долго не могла втащить обратно, хотя, говорю, голова-то была легкая. А изрядную часть и «сознательного детства», и отрочества, и юности я провел как раз в Рыльском у милой бабушки Арины Никифо-ровны, исконной пролетарке, увезенной дедушкой Федором Григорьевичем, тоже очень добрым и славным, в тульскую деревню. Он был мастер золотые руки, солдат японской войны, но мужик гулевой, время от времени отключавшийся от бренного мира по причине запоя,

что, впрочем, не помешало ему после недолгой и несправедливой тюремной отсидки стать председателем колхоза имени Марата.

В Рыльское я и сестры ездили каждое лето, а изредка и родители с нами. Однажды я был там с отцом зимой. Как раз готовилась коллективизация. Деревня бурлила. В избу набивались мужики со всей деревни и пытали отца — он же был столичный коммунист и образованный человек, врач — пытали, что будет, как и зачем. Иногда поднимался такой гвалт!.. А я лежал на высокой печи и в прорезанное под потолком окошко с интересом смотрел и слушал, ничего не понимая, как в «Войне и мире» моя ровесница шестилетняя Малаша смотрела тоже с печи на совет в Филях. Громче всех шумел лысый Андрей Семенов, чья изба была напротив и ниже на лугу, доходившем до Непрядвы.

В школу я пошел в 1931 году в Раменском. Это была одноэтажная каменная земская школа — так ее и называли. Был у меня там друг Коля Чистяков, я до сих пор помню его зрительно. Помню и один конфузный случай… В детстве я был болезненно застенчив. Даже в своей семье за обеденным столом не мог ничего сказать громко, как-то обратить на себя внимание без того, чтобы не залиться краской. Вот из-за этого в первом классе однажды и случился конфуз: не посмел вовремя попроситься выйти из класса… Беда! Катастрофа!.. Правда, никто ничего не заметил. Во второй класс пошел в Кунцеве, а в третий — уже в Измайлове. Старая школа была такого же образца, как в Раменском — каменная, добротная, с большим актовым залом. Там, помню, в день какого-то праздника, видимо, Первого мая, умирая от смущения, я читал со сцены стихи:

Я — май зеленый, листочек нежный,
И непокорный, и неудержный.
Вперед стремлюсь я и исчезаю,
И к жизни новой всех вас зову…

Там помню уже многих друзей: Васю Акулова, Толю Антонова, Толю Фомичева… С Фомичевым мы были вратарями двух соперничающих футбольных команд соседних дворов. Помню и классного руководителя Николая Георгиевича, доброго человека с бельмом на левом глазу. Он очень любил нас, а меня, пожалуй, особенно. Подумать только, из деревни Измайлово, когда еще не было не только метро, но и до трамвая надо была топать несколько верст, он возил нас в Архангельское и в Останкино, в музеи!

Эта школа называлась Белой, а в четвертом классе мы учились в обыкновенной крестьянской избе, в которой было две

комнаты и небольшой коридор. Рядом — прекрасная старинная церковь. На Пасху мы видели из окон вереницы старушек, шедших святить куличи.

Стыдно вспоминать, но ведь было… По наущению второклассника Илюхи Котова, заводилы всего класса, я стащил для него у самой учительницы шерстяные перчатки. Да еще гордо напевал потом блатную песенку той поры:

По ширмам бегать научил меня товарищ мой…

Это блатное выражение означает «воровать». Оно есть и в нынешнем словаре воровского жаргона.

Что из пакостей такого же рода застряло в памяти из той поры? Да хотя бы то, как еще в Раменском, т. е. будучи первоклассником, я из кустов сада, умирая от страха, запустил камнем в большое итальянское окно детского сада. Почему, зачем?.. Мимо нашего дома озорные фабричные огольцы (сейчас это слово забыто: мальчишки, пацаны) ходили в парк на озеро купаться, и каждый раз они швыряли камни в наши двери и окна и во все горло вопили: «Бей жидов!» Хотя во всем доме был только один еврей — врач Граевский, женатый на француженке мадам Сюзанне. Видимо, я разбил окно только для того, чтобы доказать себе: и я это могу! Комплекс Раскольникова. А ведь вроде бы психически вполне нормальный человек…

Пушкин писал:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Лев Толстой однажды заметил: «Надо бы сказать «строк постыдных». Но на такую откровенность, как Толстой, способны немногие. Я не понимаю, как он мог своей жене, восемнадцатилетней чистой домашней девочке, дать читать свой дневник за былые годы, в котором ведь чего только не было. Далеко ли это от другого Льва — от Ландау, который говорил жене: «Сегодня вечером я приведу девочку. Приготовь нам чистое постельное белье». И та готовила…

В пятом классе я учился уже в Красной школе на Балкане. А летом 1936 года отец отвел меня в только что построенную четырехэтажную школу № 437, которую я и окончил летом 1941 года, за несколько дней до войны.

А в деревню нашу можно было ехать двумя путями: первый — с Курского вокзала до Товарково, а там поджидал с лошадью дед или дядя Гриша, младший брат моего отца, и надо было плестись еще 25 верст, часто по ужасной жаре; второй путь — с Павелецкого вокзала до Льва Толстого (Астапово), там — пересадка и — до Птани, где опять же кто-то, конечно, встречал. Летом после второго курса Литинститута я позвал с собой в деревню друга-однокурсника Женю Винокурова, прекрасного поэта, милого человека. Прибыли мы в Товарково. Нас никто не встречал: дед давно умер, а кто еще?.. Это же был 1948 год, деревня пережила оккупацию, наша изба сгорела, вероятно, и лошадь невозможно взять в колхозе, если они были. С грехом пополам на весьма специфической, сильно ароматической машине мы все же добрались до деревни, где нас ждали дядя Гриша, тетя Лена и мои двоюродные сестры Клава и Тоня, которые ныне живут в прекрасном Минске.

Запомнилась первая самостоятельная поездка в деревню. Мне было тринадцать лет, зимой умер отец, и вот меня почему-то отправили одного. Кто сейчас решится на это? Тем паче, что сестра купила мне билет с Павелецкого, т. е. с пересадкой в Астапово, да еще почему-то вышло так неудачно, что там мне пришлось ждать мой поезд до Птани семнадцать часов, чуть ли не до вечера следующего дня. Куда деваться? Что делать? Хорошо, еще было тепло, июнь. Ну, побродил я по станции, посидел в буфете. Наступил тихий вечер, и вдруг донесся звук духового оркестра. По незнакомому поселку я пошел на этот звук. Дорога привела в парк, к танцплощадке. Вероятно, была суббота или воскресенье. Посмотрел я на танцующих. Что мне, тринадцатилетнему, еще делать? Вернулся на станцию. Печаль того вечера памятна мне доныне. А как скоротать ночь?

Уже поздно вечером, то ли сам вспомнил, то ли мне кто-то сказал, что ведь здесь умер Толстой. 28 октября 1910 года он, терзаемый стыдом и горем, ушел из Ясной Полны в сопровождении своего врача Душана Петровича Маковицкого, по дороге в поезде подхватил воспаление легких, в Астапово его ссадили и здесь, в квартире начальника станции Ивана Ивановича Озолина, обрусевшего латыша, 7 ноября в 6 часов 5 минут утра писатель умер.

Сейчас в статье священника Георгия Ореханова я прочитал, что старец Варсонофий, игумен Оптиной пустыни, явившийся сюда в предсмертные дни Толстого с целью добиться его покаяния перед церковью, «вынужден был ночевать на вокзале в женской уборной» (Ясная Поляна. «Толстой. Новый век» № 2’06, с.

115). Ждал согласия грешника и готов был прямо из уборной кинуться к его смертному одру. Не дождался…

Так вот он прямо около станции, этот дом. По моим воспоминаниям, он деревянный, одноэтажный, в пять окон. Но на фотографии в одной книге 60-х годов — два этажа. Как видно, надстроили… Что знал я тогда о Толстом, что читал? «Кавказского пленника», конечно. Его тогда в четвертом или третьем классе проходили. Там, в «Пленнике», все так просто, ясно и благородно: нельзя товарища бросать в беде. Помните, как Жилин тащил на горбу выбившегося из сил Костылина? Мой друг Вася Акулов, одноклассник, почему-то иногда повторял: «Костылин мужчина грузный…»

Я дернул входную дверь дома Озолина, она, конечно, была заперта, во всех пяти высоких окнах — ни огонька. Несколько раз обошел вокруг дома, как 27 лет тому назад, утром 4 ноября, Софья Андреевна, приехавшая из Ясной. Устал ходить, сел на крыльцо в три ступеньки. Была уже глубокая ночь, слипались глаза, захотелось спать. Положив под голову сумку, что была со мной, прилег и быстро уснул, как провалился в бездну. Так всю ночь до рассвета и проспал на крыльце этого скорбного дома. На рассвете меня разбудил свисток паровоза.

Чем была для меня ночь, проведенная у двери дома, в котором умер Толстой? Вроде бы ничем. Но, может быть, и неохватно многим. И впрямь, не после посещения Ясной Поляны или музея в Хамовниках, не после того, как положил руку на кожаный черный диван, на котором Толстой родился, не после прочтения «Войны и мира», не после безмолвного стояния у его могилы, не после фильма Бондарчука, о котором я еще и написал большую статью, а гораздо раньше — после той бесприютной летней ночи до рассвета на крыльце дома Озолина я, отрок, на всю жизнь ощутил какую-то странную, необъяснимую связь с Толстым, постоянный интерес к нему. Может быть, потому, что за полгода до этого умер мой любимый отец и загадка жизни и смерти уже томила юный ум? Не знаю… Конечно, мне тогда неведомы были строки Фета, которые так любил Толстой:

Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет и плачет, уходя.

И какой огонь над мирозданьем мог я тогда знать! Однако…

Не знаю точно когда, видимо, в середине 30-х, Измайлово стало частью Сталинского района Москвы. В июне 1941 года я

окончил 437-ю школу этого района. За два дня до войны у нас был выпускной вечер. Ах, этот вечер! Сколько в нем было радости и печали, как многозначительны были речи, тосты и взгляды влюбленных… А как только война началась, девчата нашего класса пошли работать на знаменитый Электроламповый завод, а ребята, в числе которых и я, — на авиационный завод № 266 имени Лепсе, что на Мочальской улице, как сейчас она называется, не знаю, была потом — Ибрагимова. Вскоре почти всех ребят взяли в армию. Но некоторые, как и я, по возрасту еще не подходили, и с началом учебного года мы без экзаменов поступили в институты. Я — в Бауманский, хотя никакой тяги к технике отродясь не имел.

В октябре Бауманский эвакуировался в Ижевск. Я не поехал, а пошел работать слесарем на ту самую Измайловскую прядильно-ткацкую фабрику, где мать, еще в Раменском окончившая курсы медсестер, заведовала здравпунктом. В декабре, когда немцев отбросили от Москвы, некоторые институты возобновили работу. Ближайшим из них к Измайлову был Автомеханический, что на Большой Семеновской. Туда и пошли мы, несколько одноклассников: Нина Головина, Тамара Казачкова, Зоя Серова и я. Здесь летом 1942 года я окончил первый курс и отсюда осенью был призван в армию.

Будучи с отроческих лет очкариком и не обладая сколько-нибудь выдающимися физическими данными, я решил своим 18-летним умом, что лучше всего могу пригодиться на фронте как артиллерист. Толчком в этом направлении оказался очерк Константина Симонова в «Правде» о каком-то замечательном артиллеристе на фронте. Я несколько раз ходил в военкомат и просил направить меня в артиллерийское училище, но направлений все не было и не было. Наконец, военком, кажется, по фамилии Морозов вдруг сообщил: есть направление! Собрали нас команду человек в пять-шесть, и мы пошагали куда-то в восточное Подмосковье, но не очень близко: в пути ночевали в каком-то клубе на полу, на каких-то плакатах и транспарантах. Пришли, и оказалось, что это вовсе не артиллерийское училище, а — химслужбы. Моему огорчению не было границ. Но когда я не прошел медицинскую комиссию, обрадовался, думая, что меня направят обратно в мой военкомат и я все-таки добьюсь артиллерийского. Наивный студиоз! Меня признали ограниченно годным и тотчас направили в знаменитые Гороховецкие лагеря.

Однако любопытное дело с этой медкомиссией. Меня забраковали для училища не по зрению (я в очках лет с пятнадцати), а нашли что-то в сердце. Вот какой строгий был отбор в офицерские училища даже в те суровые дни 42-го года.

Это было тяжкое испытание, о котором как-нибудь в другой раз. Пробыл я там месяца полтора-два. Жив остался. Обрел хорошего друга Райса Капина, уже помянутого казаха, моего ровесника. Однажды глубокой ночью нас подняли, привели на станцию, погрузили в телятники и доставили в разбитую Калугу. Там некто, как узнали позже, капитан Шуст, отобрал нас с моим другом Райсом как ребят грамотных в какую-то формирующуюся часть и увез в Мосальск, небольшой городок Калужской области. Там эта часть и формировалась.

Это была 103-я Отдельная армейская рота воздушного наблюдения, оповещения и связи. Такие роты были при каждой армии. Наша рота, как, видимо, и другие, ей подобные, состояла из четырех взводов во главе с лейтенантами. Это примерно человек 150–200. Взвода располагали вдоль линии фронта свои посты («точки»). На каждом было человек 5–6. Задача состояла в том, чтобы неусыпно наблюдать за небом, вернее, за немецкой авиацией. Мы выучили тактико-технические данные немецких самолетов, знали их профили, внешний вид, и когда они появлялись в небе, мы сообщали по телефону и по радио в штаб ПВО, каким курсом, в каком количестве, на какой высоте и какие именно машины идут. Меня, как уже упоминал, еще при формировании, надо думать, как парня грамотнее других (студент!) да еще москвича — к москвичам на фронте было особое отношение, нас в роте было человек пять — избрали комсоргом роты. Я был комсоргом и в школе, а после войны — и в Литературном институте. Ныне многие о таких делах стыдливо молчат, а я горжусь, ибо меня никто не назначал, не присылал, а избирали свои ребята, знавшие меня как облупленного.

Вскоре меня и еще несколько ребят направили на краткосрочные армейские курсы радистов в прифронтовую деревню Вятчино. Весной 43-го года было голодно, ели конину. Но почему-то каждый раз, когда читаю или слышу гениальные строки Есенина:

> Я теперь скупее стал в желаньях.
> Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
> Словно я весенней гулкой ранью
> Проскакал на розовом коне, —

каждый раз вспоминаю ту голодную прифронтовую весну, гулкую мартовскую рань в деревне Вятчино.

По окончании курсов мы вернулись в роту, и я работал сначала на переносной радиостанции 5-АК («трет бока»), а потом на стационарной, точнее, на колесах, РСБ. Как комсоргу и

ротному корифею всех наук мне порой приходилось выполнять поручения и не относившиеся прямо к моей военной профессии, в частности, бывать на постах, о чем я не раз упоминаю в дневнике.

Он начинается с января 1944 года. Перед этим мне дали короткий отпуск, вернее, командировку в Москву. Впрочем, и командировкой это назвать грех. Просто дело в том, что у нашего командующего ПВО полковника Горбаренко была возлюбленная военфельдшер Хилай, видимо, москвичка, по списку она состояла в нашей роте, появлялась у нас редко. У нее

были в Москве какие-то родственники. Ей захотелось послать им продовольственную посылочку, собрать которую для ее возлюбленного было не трудно. Собрал. А как отправить? О, есть же в роте москвич Бушин. Меня и послали, пробыл я дома дней семь-десять. Помню, что посылочку я передал кому-то в двухэтажном доме по правой стороне Арбата. Между прочим, явился я домой с чесоткой. Но мать быстро вылечила меня жаркой самодельной баней при больнице и ихтиоловой мазью. И это была единственная болезнь за всю войну.

Мой дневник за 1944 год, поскольку я писал его почти всегда карандашом, сейчас прочитать очень трудно, иные страницы просто невозможно. Ну, действительно, ведь им 67 годочков! Однако недавно по случаю я все-таки ухитрился кое-что разобрать.

А случай был такой. С апреля 2009 года незнакомая мне женщина по неведомой причине присылала мне интересные тексты на церковно-религиозные темы. Раз прислала, другой, третий… Я заинтересовался, кто такая? Имя интернациональное — Анна, фамилия — явно не русская, и пишет она ее латиницей. Я спросил. Оказалось — белоруска, а фамилия в переводе означает «аист». «Аист сидит на крыше», как пела молодая и прекрасная София Ротару, и шлет мне с крыши, то есть из поднебесья, псалмы Иоанна Златоуста. В знак признательности послал ей шутливый мадригал не совсем религиозного характера:

Когда являетесь вы, Анна,
На мой экран в заветный час,
Я превращаюсь в дон Гуана
И донну Анну вижу в вас.

Она подхватила шутку: «Вы рискуете: «тяжело пожатье каменной его десницы…» Десницы дон Альвара не каменного, а живого. О-го-го…

Я написал Анне, что недавно получил медаль «За освобождение Белоруссии», поскольку в 1944 году со своей 50-й

армией всю ее протопал наискосок с юго-востока на северо-запад — от Быхова до Гродно. И рассказал, как порой голодные из-за отставших кухонь стучались мы в бедные белорусские избы и просили: «Тетка, бульба есть?» — «Есть, тільки трошки дробненькая». И кормила нас тетка, и поила, а то и спать укладывала.

Мои воспоминания об этом, родные ей слова «бульба есть?» до слез растрогали Анну. Вспомнилось ей босоногое детство, как свиней пасла с хворостиной, как мечтала о стране, где живут только красивые, благородные и бескорыстные люди. А уже став взрослой, оказалась в стране красавца Гайдара, благородного Чубайса да бескорыстного Абрамовича…

А тогда… Помните у Твардовского?

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой.
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам Бог… —
То была печаль большая,
Как брели мы на восток…

Но нет, в ту пору, с которой начинается дневник, шел уже 44-й год, и мы не на восток брели, а шагали на запад, каждый день считая, сколько осталось до Германии. Это были дни освобождения Белоруссии по гениальному плану Рокоссовского «Багратион». Когда этот план обсуждали в Ставке, все были изумлены. Одновременно два главных удара? Так не бывает. Не может быть! Но Рокоссовский сказал: «А в данном положении это лучший путь!» Сталин попросил его выйти в соседнюю комнату и спокойно наедине подумать. А когда позвали, он повторил: «Два одновременных главных удара!» Сталин еще раз попросил генерала выйти и подумать. Тот вышел, подумал, вернулся и доложил: «Два главных». Сталин в третий раз попросил его подумать наедине. Генерал вышел, подумал, вернулся: «Два!» Только после этого весьма необычный план утвердили. Сталин знал то, что много лет позже четко выразил мой покойный друг Евгений Винокуров:

Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.

Операция «Багратион» была одной из самых блистательных за всю войну. И, к слову сказать, именно в ходе ее Рокоссовскому было присвоено звание маршала Советского Союза.

И я листаю дневник тех дней. Операция началась 23 июня, а вот давно забытые, но, по-моему, кое-чем интересные записи за пять месяцев до этого, когда еще стояли в обороне. Итак… Но — минутку. Слова просит моя Муза. Она хочет кратко поведать в этой книге о моей жизни и даже кое в чем дополнить повествование.

Я жил во времена Союза…

Ничего иного

А. И. Цветаевой

Я устал от двадцатого века,
От кровавых бушующих рек.
И не надо мне прав человека —
Я давно уже не человек…

Владимир Соколов

Весь этот мир —
от блещущей звезды
До малой птахи, стонущей печально,
Весь этот мир
труда, любви, вражды,
Весь этот мир
трагичен изначально.

И ничего иного тут не жди,
Не спорь с быстротечным веком,
И, зная все, сквозь этот ад иди
И до конца останься человеком.

Коктебель, январь 1974 г.

Ты знал!

Карьерными, хитрыми их делало время — время интриг, авантюр, подсиживания…

Андрей Дементьев

Все оправдать на свете можно.
Не падай духом ни на миг!
Одно лишь, милый, безнадежно —
Рассчитывать на черновик

И путь свой не рисуй превратно:
Нас время, дескать, так вело.
Ты знал, что жизнь — единократна,
И все в ней сразу — набело.

Март 1976 г.; 2005 г.

Мое время

Я жил во времена Советов.
Все испытал и убежден:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времен.

Я жил в Стране Социализма,
Я взвесил все ее дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.

Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я — мой глаз был меток, —
Нам светит горняя звезда.

Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный День, представ пред Богом,
Мы развернем наш Красный Флаг.

1999 г.

* * *

Я был молодым и бессмертным,
Я спорил бесстрашно с судьбой,
И знал я победы и жертвы,
И звал я других за собой.

Шли годы… Какие удары
Пришлось отражать нам в бою!
Теперь я и смертный и старый,
Но там же, где прежде, стою.

Сентябрь 2009 г.

Долголетие и долг

Не дай мне Бог вас пережить, собратья!..

А. С. Пушкин

Мы не от старости умрем —
от старых ран умрем…
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!..

Семен Гудзенко

Увы, я многих пережил,
Хоть и берег себя не очень:
И с полной рюмочкой дружил,
И мог работать дни и ночи,

Трусцой не бегал по утрам,
Считая это чушью просто,
А жил, открытый всем ветрам…
Вдруг — бац! — уже и девяносто.

Но занемочь иль пасть в бою
Доныне не имею права,
Поскольку родину мою
Терзает злобная орава.

Мы защитим Отчизны честь,
Врагу не избежать разгрома.
Что за победу выпить есть?
Семен! Тут водка лучше ром

4—21 ноября 1992 г.

Энергия заблуждения

Весь мир погибнет, если я остановлюсь.

А. Шопенгауэр

Порой меня пронзает ощущение,
Что без моей любви к ней и труда
Земли остановилось бы вращение
И солнце закатилось навсегда;

Что я один за жизнь ее в ответе
И кое-что мне сделать удалось —
Лишь потому еще и солнце светит,
И не скрипит пока земная ось.

Авва отче!

Люди есть — как солнца. Свет их льется
И тепло от них — во все края.
Пушкин был таким. Таким был Моцарт.
Как хотел таким же быть и я!

Люди есть — как луны. Свет их ярок,
Но не свой он, а у солнца взят.
Господи, пошли такой подарок!
Даже и ему я буду рад.
Но — есть люди-камни среди прочих.
Здесь тепла и света не проси.
Если только можно, авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси!

Июль 1974 г.

* * *

Потрепал я Ширли по ушам,
Мне она в ответ лизнула руку.
Мы с ней знаем мудрую науку —
Говорить без звука по душам.

28 окт. 1913 г.

Книга первая

Из дневника 1944 года

25 января, Белоруссия, Железинка.

Вчера мне исполнилось двадцать. Отметить это никак не удалось.

Вот так незаметно и вступил в третий десяток А сержанту Шарову — 50. Мне до него еще 30 лет сознательной жизни! Когда Юлий Цезарь был на два года старше, чем я сейчас, то, вспомнив Александра Македонского, из молодых да раннего, воскликнул: «Двадцать два! И еще ничего не сделано для бессмертия!» Ведь тот-то уже… А кого в детстве слуга будил словами: «Вставайте, граф! Вас ждут великие дела»? Кажется, Сен-Симона.

Вернулся из короткой командировки в Москву. Нина подарила мне толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете, и вот решил использовать ее для дневника, для рассказа о моих сен-симоновских делах. Еще в школе однажды, кажется, начал вести, но потом бросил. На этот раз авось не брошу эти «Записки о Галльской войне».

Говорят, в дневниках обычно врут. Конечно, врать самому себе порой гораздо более необходимо, чем другим. Да иногда и утешительно, даже отрадно.

Но постараюсь не врать. Вот Добролюбов вел настолько откровенный дневник, что при его публикации Чернышевский счел нужным иные места вычеркнуть. Но это еще не значит, что Д. был до конца откровенным.

27 января.

Стоит сырая, туманная погода. Ходить в валенках невозможно. Такой мокрой зимы я не помню. Клава Якушева продолжает хворать. Сегодня вместо нее ротный меня послал на почту. Потом мылся без мыла в холодной дымной бане (топил сам). И стирал без мыла…

Вчера полк Горбаренко вручал награды. Гроздицкий получил ор. Красной Звезды. Он был ранен еще при артналете в Мосальске. Михайлин и Хилай — тоже Кр. Зв. Думаю, в следующий раз получит награду Адаев.

А Нечаева и Артюшенко отправили в штрафную роту. Кому что.

Капитан Ванеев (командир роты) сказал, что в молодости тоже писал стихи. Я заметил, что в молодости пишут все. Нет, возразил он, пишут только «ищущие». И тут же к чему-то привел слова Ленина: «Я тоже ищущий. Я ищу, на чем сломали себе головы прежние мыслители». Оказывается, Черчилль сказал про

Ленина, что такие люди родятся один раз в 500 лет (из того же разговора с капитаном).

А дома я будто и не бывал…

29 января.

Сегодня опять заступил дежурным по роте. Время двенадцатый час. Только что сменил посты. Хочется спать…

Корнеев вот уже несколько дней пристает ко мне с таинственным делом. Уверяет, что Артемов — бывший шпион. Будто бы он и его отец выполняли специальные задания немцев, будто он завел группу наших бойцов в немецкую засаду, будто советовал Корнееву в случае чего сдаваться в плен и проситься в транспортную роту, он, мол, знаком с ней и т. п. Верно то, что А был на оккупированной территории под Калугой. А все остальное? Кто говорит-то! Кабы кто толковый, а то ведь сущее трепло. Ему нравится интересная игра. Ведет какие-то глупые записи латинскими буквами. Говорит, что связан со ст. лейт. Кулимановым из Особого отдела. Будто занят этим Артемовым уже девять месяцев. Разрабатывает…

Вчера, когда он разжигал печку, там взорвался патрон. Уверяет, что это устроил Артемов, покушался на его драгоценную жизнь. В роте многие заболели желудком — тоже рука А-а. Скорее всего, чепуха все это.

Получил письма от мамы и Ады. Мне становится не по себе, когда представляю, что кто-нибудь из родных голодает: мама, Галя, Ада, Нина, Павел. Готов вынести что угодно, только бы не это.

Сегодня взяты Новосокольники.

1 февраля, Железинка

Два вечера разучивали новый гимн.

Видно, союзничкам нашим старый очень не нравился. Ну как же!

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем —
Мы наш, мы новым мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Ах, вам не нравится? Пожалуйста, вот новый, но старый стал гимном многомиллионной партии, у которой раньше никакого официального гимна на было. Но была просто песня Александрова «Гимн партии большевиков», которую исполнял ансамбль Красной Армии. На музыку этой песни и положили

слова нового гимна. Умен, ловок, хитер товарищ Сталин!

Уж как мусолила телевизионная шарага (запомнилась куда-то провалившаяся Светлана Сорокина), вырвав их из песни, слова «разрушим до основанья»! Подавали это так, будто коммунисты хотели разрушить не «мир насилья», а все на свете и ничего не создавать. Какое бесстыдство, помноженное на тупость! Сегодня, 30 апреля, по ТВ сообщили, что аэродромом Домодедово, оказывается, владеет какая-то иностранная фирма. Какая? Докопаться не могут. Крупнейшим и ближайшим к столице аэродромом! Да что может помешать за три-четыре часа подготовить его для приема вражеских десантов? Но может, и никакой подготовки не требуется. А в прошлом году в стране было выпущено 7 самолетов, в позапрошлом — 4. Рост — 75 %. Небывалый в мире! За одно это вас без суда и следствия…

21 декабря 1920 года в заключительном слове на Восьмом съезде Советов Ленин огласил полученную им записку: «На Арзамасском уездной съезде Нижегородской губернии один беспартийный крестьянин по поводу иностранных концессий заявил: «Товарищи! Мы вас посылаем на Всероссийский съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте!» (ПСС, т. 42, с.118)

Остался ли в Нижегородской области хоть один такой крестьянин после того, как там несколько лет погубернаторствовал прощелыга Немцов?

Сегодня на попутной машине ездил с Бондаренко как комсорг роты в политотдел армии. Он там получил комсомольский билет. Потом хлопотал, чтобы прислали к нам кинопередвижку. Ведь давно обещали. И опять только обещают.

Из политотдела зашел на пост Ракова. У него вполне приличная конурка. Встретил тут девчат из второго взвода. Они идут из госпиталя в Железинку, где проходили осмотр, к себе во взвод и вот зашли. Все такие веселые, задорные, озорные.

Вано Бердзенишвили, начхим, рассказал. Мелкий странствующий торговец в станционном буфете захудалого городка попросил в долг десяток вареных яиц. Лишь через два года случилось ему снова оказаться в этом городке. Желая честно расплатиться с буфетчиком, он предложил ему деньги, вполне достаточные за десяток яиц. Но буфетчик сказал: «Ты должен мне гораздо больше. Посчитай: из десяти яиц вылупились бы десять цыплят, которые вырастут и тоже снесут яйца, из которых опять вылупятся цыплята… Посчитай, сколько же ты мне задолжал за

два года». Должник не согласился, и дело дошло до суда. Перед судом торговец зашел к своему веселому приятелю и попросил совета. Тот сказал: «Дай мне десять копеек на нужды твоего спасения». Тот дал. И приятель купил на эти десять копеек фасоль и сварил ее. Когда начался суд, весельчак вошел в зал и стал разбрасывать по полу вареную фасоль. «Что ты делаешь, безумец?» — спросил судья. «Я сажаю фасоль», — ответил веселый человек. «Но разве взойдет по каменном полу фасоль да еще вареная?» — опять спросил судья. «О мудрейший, — ответил приятель подсудимого, — если ты намерен решать вопрос о цыплятах из вареных яиц, но почему сразу не веришь, что вареная фасоль взойдет на каменном полу?»

Кого, кроме русских, знал я до войны, до фронта? Украинцев, евреев, татар, ну, была у нас еще домработница Лина, белоруска. А на фронте! Кроме опять же украинца Козленко, еврея Берковича, татарина Губайдуллина, встретил еще и грузина Бердзенишвили, казаха Капина, удмурта Адаева, мордвина Модунова, молдованина Юрескула, чуваша Казакова, узбека Зиятдинова, цыгана Казанина… Какой букет! Какое разнообразие! И все говорим на одном языке.

Некоторые уверяют, что на фронте они не различали, кто какой национальности. Григорий Бакланов писал даже, что его это не интересовало. А недавно вдова писателя М. рассказывала мне об одной женщине, которую я должен бы знать, но не мог вспомнить, и спросил: «Эта азербайджанка?» Собеседница с вызовом ответила: «Национальность человека меня никогда не интересует!» Очень странно. Как я мог не интересоваться, вдруг встретив на фронте такое неизвестное мне дотоле разнообразие! Ведь в свободное время у нас только и разговоров было, что о доме: как где хлеб пекут, как свадьбы играют, как хоронят… И это было очень интересно, особенно таким, как мы с Баклановым — вчерашним школьникам. Другое дело, что на национальной почве не было никаких конфликтов, даже трений. Это святая правда. А если порой и подшучивали друг над другом, так это только мы, русские: тамбовский волк, Рязань косопузая, владимирский водохлеб, вятские ребята хватские — семеро одного не боятся и т. д.

2 февраля.

Вчера, дождался у Ракова капитана Ванеева, поехал вместе с ним на СПП (сортировочно-пересыльный пункт) за пополнением. Увы, людей не оказалось. А сегодня пришлось провожать на СПП Яшку повара и Степанова. Они вчера перепились самогону.

Старшина Буркин воспользовался этим. Теперь все недостачи на складе свалит на Яшку, дескать, пропивал. Жалко Яшку. Дурак он, связался с этим Степановым. Он же, тертый калач, где только ни бывал. А Яшка-то неопытный, неповоротливый, пропадет он в пехоте, если туда направят. Сдал я их уже поздно, а мне надо было еще получить троих. Я решил переночевать на посту Ракова, а завтра опять на СПП. У Ракова на точке потешный старик-гармонист. На линию он не ходит, ничего не делает, лейтенант держит его только из-за гармошки. Он знает одних вальсов 16 штук.

Сегодня должен быть опубликован доклад Молотова по второму вопросу повестки дня сессии. Видимо, это будет результатом Тегеранской конференции.

4 февраля, около часа ночи.

Только что узнали по радио, что войска 1-го и 2-го Украинского фронтов окружили 10 дивизий — 9 стрелковых и 1 танковую. Освободили города Шпола, Смела, Звенигородка… Красиво получается! Это же почти половина Сталинграда. Но, с одной стороны, сравнивать со Ст-м, очевидно нельзя, п.ч. там были отборные, высоко оснащенные техникой войска, а с другой стороны, учитывая, что сейчас для немцев очень дорога каждая дивизия, можно думать, что последствия будут серьезными. Как проклинает, поди, Гитлер сейчас тот день, когда решил напасть на нас! Что получается? В сущности, русский человек решил ход истории. Если бы мы не устояли, все было бы иначе. Как бы сейчас ликовал немец, чванливый, самоуверенный только тогда, когда за ним сила. Но вот она — справедливость. Это не отвлеченное понятие и не заблуждение. В таких делах, как судьба мира, она побеждает. Мерзавцы и наглецы! Вся-то их Фатерландия не стоит одной русской деревеньки.

Вчера переночевал у Ракова. Утром они накормили меня картошкой на молоке да блинами, и я пошел на СПП: надо выбрать для роты троих. Вообще-то неприятная задача. Как на невольничьем рынке. Построили передо мной человек десять один другого краше. У молодого парня недержание мочи, остальные припадочные. Кому они нужны? Зачем их в армии держат? Это же балласт. Никого и не выбрал. Пришел в роту рассказал капитану, он промолчал.

Получил письма: от мамы, Нины (почему-то № 7, а потом № 6) и Веры Соломахо.

С Верой я подружился в 1939 году в пионерском лагере, кажется, в Софрино.

Это была живая, жизнерадостная, не больно красивая, но приятная девчонка из очень бедной семьи. Она мне нравилась. Не забыть, как мы провожали ее в Артек. На фронт она прислала мне несколько писем. После войны я разыскал ее. Она жила с матерью в какой-то жуткой хибаре на дне огромного котлована какой-то огромной стройки в Филях, в этом районе жили они и до войны. Она вышла замуж, и мужа ее за что-то посадили.

А в пионерском лагере я был дважды. Оба раза меня взяли с трудом: после четвертого класса был слишком мал, а после девятого — ну, какой же я пионер! Вот так же с трудом пять лет принимали меня и в Союз писателей: то слишком правый, то слишком левый, то слишком русский, то недорусский. Ну, прямо как у Пушкина:

> Бывало, что ни напишу,
> Все для иных не Русью пахнет…

А возглавлял тогда приемную комиссию Анатолий Рыбаков. Галя, жена писателя Виктора Ревунова, зубной врач, ездила к нему лечить зубы. И однажды говорит: «Вчера была у Рыбакова. Он спрашивал, с кем мы видимся. Я сказала, что с Бушиными. И он так стал тебя хвалить: талант! большой талант!» Ну, вот, а в Союз пять лет не пускал большой талант.

Последний раз дело было так. В ту пору по праздникам в редакциях устраивали застолья. В журнале «Дружба народов», где я тогда работал, мы его и учинили в конце рабочего дня то ли 8 марта, то ли 7 ноября 1965 года. Но в тот вечер я должен был встретиться с одной супружеской парой, давними приятелями, около Театра киноактера, что был на улице Воровского, прямо через дорогу против журнала. Мы хотели пойти в этот театр на праздничный концерт. Видимо, я заранее получил или купил туда билеты и пригласил друзей. И вот после нескольких хороших рюмок и тостов — среди них был и тост Ярослава Смелякова: «За Бушина!». Ему очень по душе пришлась моя недавняя статья «Кому мешал Теплый переулок» в «Литгазете» против несуразных антиисторических переименованиях наших городов, улиц и т. д. — я оставил застолье и в отличном состоянии духа двинул в театр напротив. В условленный час мои друзья не явились. Прождав их какое-то время, я пошел на концерт один. В фойе уже никого не было. Я стал прогуливаться в некоторой нерешительности: авось друзья еще придут. Вдруг капельдинерша, увидев скучающего бездельника, а в зале, как оказалось, народа явная недостача, схватила меня и сунула в какую-то дверь, и я оказался в одиночестве чуть ли не в

правительственной ложе. Шел концерт, и притом ужасно скучный. Но скучнее всего был конферансье. Я некоторое время терпел, но вскоре по причине духовного парения после выпитого все-таки не выдержал и что-то громко вякнул из своей правительственной ложи. Конферансье-дурак ответил. Завязалась перепалка. Публика, уверенная, что так и было задумано, захохотала. Но вдруг открылась дверь в ложу, и два добрых молодца вывели меня под белы рученьки. И это под наблюдением администратора Лосева, который раньше работал в «Московской правде», печатал там мои статьи и прекрасно знал, что большой общественной опасности я не представляю. Что мне оставалось делать при виде такого непонимания духовного парения и явного вероломства? Я смиренно удалился…

И вот кто-то сочинил, как тогда говорили, «телегу», в которой моя деликатная полемика с конферансье была представлена как антисемитская выходка. Возможно, мой собеседник был еврей, но, во-первых, я этого не знал, не мог узнать с налету, тем более, под градусом. Во-вторых, в моих доводах и аргументах не было ничего такого. И вот «телега» была направлена не главному редактору журнала, не в парторганизацию, что было бы понятно, а в самый важный тогда для меня пункт — в приемную комиссию Союза писателей, где тогда лежало мое заявление о приеме, в болевую точку. Кто-то орудовал с умом. И Рыбаков на заседании сказал примерно так:

— Все мы знаем Бушина, но вот бумага о его антисемитской выходке. Отложим…

И отложили. Пришлось мне вступать в Союз писателей не через приемную комиссию, а через Секретариат Московского отделения, где, впрочем, при голосовании голоса разделились ровно пополам, но Сергей Михалков вдруг вспомнил: в таких случаях голос председателя, коим он был, имеет двойной вес. Так одним голосом я и проскочил. Но самое замечательное в истории с «телегой» то, что фамилия друзей, которых я не дождался у театра и пустился на антисемитскую выходку, — Гальперины, Саша и Регина.

А в пионерском лагере, с чего я начал это отступление, оба раза было замечательно! Сколько друзей я там обрел!..

5 февраля.

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.
.
Клянусь четой и нечетой,

Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой…

Как эти пушкинские строки («Подражание Корану») попали в мой фронтовой дневник, не знаю. А сейчас вспомнилась Ахматова:

Я клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь…

У Пушкина все выдержано на уровне, достойном высокой клятвы, а Ахматова клянется одновременно и чудотворной иконой и чадом пламенных ночей — недопустимое для верующего человека смешение уровней.

9 февраля.

Если дневник попадет кому-то в руки, могут быть неприятности. Надо внимательней беречь его.

Вчера отправили на пересыльный Артемова, а Корнеева на 10-дневные курсы минеров. Хотели еще Казанина, но он завопил: «Не хочу быть подарком!» Капитан Ванеев махнул рукой.

По старому наряду я привел с СПП трех старичков: Ржанов — 47 лет, Смирнов — 52 и Старовойтов — 52. Последний из деревни Теляши, где стоял взвод Павлова. Моложе, лучше мне найти не удалось. А военфельдшер Иван Хмелинин ругается: у них у всех гастрит. Капитан отнесся к этому благодушно. Он стал звать меня начальником укомплектования.

Вечером меня вызвал в землянку капитана особняк Кулиманов. Он сразу спросил: «Куда вы сегодня ходили, Бушин?» Я рассказал. Потом стал расспрашивать о новых людях, которых я привел. А что я о них знаю, кроме возраста да вот еще гастрит у всех. Но больше-то говорил он сам — о том, как важна работа его службы, «как важно обеспечить безопасность выступления вождя» (дословно) и т. д. Видно, хотел покрасоваться перед интеллигентным парнем из Москвы. А перед моим уходом сказал: «Никому не говорите, о чем мы с вами беседовали. Это необходимо для вашего дальнейшего пребывания (?), жизни и работы, а также для общего дела» (тоже дословно). А о чем я мог бы кому-то что-то рассказать, кроме того, как важно обеспечить безопасность вождя?

После окончания Литинститута, если уж еще несколько слов об этой службе, меня однажды пригласили на Лубянку и стали расспрашивать об уже арестованном Коржавине (Манделе). А я и знаком-то с ним не был. Он учился курсами двумя старше. Но, конечно, видел его не раз — лохматого, похоже, и неумытого, в огромных валенках. Он бродил по коридорам и бубнил:

Я все на свете видел наизнанку,
Я путался в московских тупиках.
А между тем стояло на Лубянке
Готическое здание ЧЕКА…

А дальше выражалось желание приползти на коленях к этому зданию то ли с раскаянием, то ли с благодарностью. Помню еще, что на первомайской демонстрации, когда наша литинститутская колонна стояла на площади Пушкина, кто-то из студентов или сразу несколько весело напевали на известный тогда мотив «Товарищ, товарищ, болят мои раны». Кончалась эта шутливая песенка так:

Ползу я, товарищ, как сам ты понимаешь,
В готическое здание ЧЕКА.

Впрочем, оно вовсе и не готическое. Но вот приполз, однако.

Потом, уже после его возвращения из ссылки в Москву, не помню, где и как мы познакомились, точнее сказать, спознались. И именно он, Эмка Мандель, в мае 1967 года припожаловал ко мне в «Дружбу народов» и предложил подписать коллективное письмо в президиум Четвертого Всесоюзного съезда писателей с предложением дать слово на съезде Солженицыну. Возможно, что его направил ко мне сам Солженицын, поскольку до этого у нас с ним была довольно любезная переписка. Я подписал. Почему не дать слово? Это потом оказалось известным «Письмом 80-ти» московских писателей, под которым странным образом очутилось более 60 подписей нерусских москвичей. Однако подписей Евтушенко, Радзинского и других героев перестройки не было.

Впрочем, о чем говорить. По свидетельству генерала П. Судоплатова, Евтушенко не остался без чуткого внимания этой службы. По признанию самого поэта, Андропов дал ему свой личный телефон и сказал: «Если что, звоните». И поэт звонил. Был у него телефон и Брежнева, и тоже перезванивались.

А Коржавин-Мандель с 1973 года живет в Америке. Его недавнее 85-летие было отмечено «Новой газетой». Сарнов написал о Коржавине и статью для словаря «Русские писатели XX века» и две книги. У него есть замечательные стихи.

…А кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят…

Но вот что еще вспомнилось. Коржавина забрали ночью из студенческого общежития. При этом Владимир Солоухин, тоже живший в общежитии, на прощанье обнял арестанта. Сарнов уверяет: это по предварительной договоренности с КГБ. Так сказать, выдали лицензию на поцелуй. Поверить в добрый и смелый порыв такие люди просто неспособны.

11 февраля.

Оказывается, деревня Лесная, что от нас в пяти километрах, это та самая, где Петр Первый разбил шведов, которые шли на помощь Карлу XII, уже находившемуся под Полтавой. Узнал это из выступления Пономаренко на сессии. Хорошо бы при случае побывать там.

12 февраля.

Вчера долго пробыл у Шарова. Варили картошку. Он крепко выпил и охотно рассказывал, как в ту войну воевали с турками. Зашел разговор о том, легко ли убить человека. Очень трудно, говорит, только первый раз, а потом привыкаешь. Сколько и тогда было жестокости! А я подумал, что когда Красная Армия придет в Германию, трудно будет удержать солдат от кровавой мести. Ведь месть эта законна. Люди забудут жалость, имея дело с немцами. Простое и сильное чувство справедливости требует мести.

14 февраля.

Опять заступил дежурным по роте. В десятом часу, когда часовые давно были выставлены, прилег соснуть. В десять проснулся. Вижу — все в землянке прислушиваются к страшному крику откуда-то из леса. Даже здесь, среди людей, от него страшно. Пирожков говорит, что это сыч. Нет, похоже, что человек Сенченко взял винтовку и пошел на голос. Вот грохнули четыре выстрела. Что это?.. Сенченко вернулся. Оказывается, действительно какой-то смоленский мужик из стройбата. Свихнулся, что ли, или заблудился? Иван отвел его на хутор к бабке.

19 февраля.

Давно взял у капитана сборник «Русские поэты». Во время дежурства на РСБ иногда листаю. Вот Баратынский:

Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей.
Служить любви еще прекрасней.
Приятно драться. Но ей-ей,
Друзья, обедать безопасней…

Ну, это смотря где и когда — безопасней. Мы с Мосальске как раз обедали, когда нас накрыл артналет.

От Коли Рассохина письмо пришло обратно. С Верой переписку возобновил. Прислала фото. Оно мне понравилось.

21 февраля.

РП (ротный пункт), комроты, Михайлин с нашей РСБ, уже в Кульшичах, на том берегу Днепра. Здесь, в Железинке, нас осталось немного и ни одного офицера. Анархия! Свобода! Вчера Козленко и Пирожков напились до чертиков. Часов до двух кричали, ругались. Вано, он дежурный по роте, чуть не подрался с Козленко. А тот как ребенок «Я, — кричит, — старый революционер, партизан с 18-го года, орденоносец!» А в общем-то человек он безвредный и безобидный.

Я вчера выпил грамм 300.

23 февраля, Кульшичи.

Деревня на высоком бугре, большая, разбросанная. Если немец нащупает нас тут да пустит авиацию, укрыться тут негде. Как чаще всего бывает, незнакомая деревня кажется неуютной, странной, и жаль прежнего расположения, где оставил частицу жизни. Нам отвели только три дома. Это мало. Неужели опять будем рыть землянки. А лес неблизко.

26 февраля.

Эти дни строимся. Уже готова землянка для капитана. Сегодня строим кухню. С едой сейчас неважно. Из жиров дают только сало — 43 гр., консервов нет. Вероятно, это объясняется тем, что на нашем участке перешли в наступление, форсировали Днепр, взяли Новый Быхов на западном берегу. Заходил раненый лейтенант. Говорил, что особенно отчаянно дерутся власовцы. Одна деревня три раза переходила из рук в руки, и все-таки немцы ее заняли.

Вчера с Колькой Торгашовым ездили в старое расположение.

Едешь туда словно к себе домой. Народу здесь мало. Привез им продукты, почту, забрал, что надо было на РП.

На обратном пути нашел на дороге бутылку самогонки. Дар небес! Должно быть, первач — очень крепкий и без противного запаха. Распили с Пирожковым после того, как он распряг Ворончика, на котором я ездил.

Все-таки люди великие оптимисты. Ведь все знают, что их ждет, и однако же трудятся, создают, преодолевают трудности и страдания, любят, рожают детей, которых ждет то же. А Батюшков писал:

> Ты знаешь, что изрек,
> Прощаясь с жизнию, седой Мельхисидек?
> Рабом родился человек, рабом в могилу ляжет.
> И перед смертию никто ему не скажет,
> Зачем он брел долиной горьких слез,
> Мечтал, любил, страдал, исчез.

От мыслей о зыбкости всего сущего, вдруг навалившихся, как когда-то в отрочестве, пытаюсь отгородиться словами Баратынского:

> Не вечный для времен, я вечен для себя…

1 марта, Кульшичи.

Ходят слухи, что Финляндия запросила мира. Пожалуй, это вполне возможно. «Гайка оси». С ней у нас счеты особые. Финны на нас злее, чем немцы.

В ожидании томимся бездельем и скукой. И сколько болтовни! Вот Разумовский восхищается тем, как до революции было поставлено дело в публичных домах. Я, говорит, полМосквы красных фонарей прошел. Очень сожалеет, что в 1919 году их ликвидировали. Он лодырь, подхалим и дурак

Но и он не поверил бы, что настанет время и женщин его родины станут продавать в публичные дома всего мира. И это будет называться путинской демократией, главный глашатай которой без конца долдонит «Наша главная забота — человек Все для человека!» И мы этого человека знаем.

5 марта, Красный Берег.

Деревня большая и неразрушенная. Для нас в этом районе работы по горло. Немецкая авиация действует активно. По ночам

над деревней летают «хейншеля» (давно их не было видно) и побрасывают ящики с гранатами.

В первую ночь, как мы тут ночевали, бомбил. Но я с дороги да еще после бани так крепко спал, что ничего не слышал. Только снилось мне, будто Яшка Миронов стреляет из какого-то пистолета с коротким стволом, и звук от выстрела долгий и раскатистый.

Вчера вечером фриц сбросил один ящик на том конце деревни, где РП, второй посредине деревни. Уже темнело, и наблюдать, как летели вверх огни, было даже красиво. Но есть и убитые и раненые.

Сегодня с точек приехали за продуктами. Кто-то сказал, что 60-тонную переправу немец разбил.

По слухам, на наш участок прибыла 65-я армия генерала Батова.

Получил два письма от Нины. Одно большое и такое содержательное, умное. Она не случайно окончила школу с золотой медалью, она талантлива. Я уверен, что, если бы ей заниматься какой-нибудь наукой, она добилась бы больших успехов. В другом письме хандрит, скучает, как и я о ней.

8 марта, Красный Берег.

Вчера пришло на ум:

Потомок мой, далекий прапрапра,
Ты слышишь голос пращура-солдата?
Я говорю с позиций у Днепра
В вечерний час кровавого заката.

Бомбежками разорванный на части,
На запад волоча кровавый след,
Уходит день и горя, и несчастий,
И радости, и счастья, и побед…

Продолжить? В обеих строфах «кровавый». Так нельзя. Да и размер нарушен.

Встретил студента МАМИ. Костин. Его взяли в армию в октябре 41-го, когда первый раз получил повестку и я. Но когда мы с мамой пришли на призывной пункт в школе у Семеновкой площади и я предъявил паспорт, то сотрудник военкомата, раскрыв его, воскликнул: «Тебе же нет восемнадцати! А ну, шпарь домой и жди повестки!»

Конечно, приятно было поговорить с человеком, с которым

слушали одних и тех же профессоров. По математике — Бессонова, по физике — Бориса Ивановича Котова… И живет он на знакомой Большой Семеновской, где МАМИ.

Сейчас штаб нашей армии в 5–6 км от передовой. Если бы немец знал, что так близко хотя бы штаб дивизии, он дал бы здесь жизни. Но, видимо, считает, что просто немыслимо, чтобы штаб армии был так близко. Но к нам время от времени бросает и бомбы и снаряды.

Сегодня Женский день. Для девчонок будет праздник и покажут фильм «Радуга».

12 марта.

Пришло пополнение из 125-й роты ВНОС.

А позавчера мы оставили деревню Красный Берег и принялись в лесу строить свой подземный город. Потребовалась тотальная мобилизация, вплоть до писарей. Построили землянку для РП. А еда — одна бульба, и той мало.

Вдруг приказ: кончай стройку, обратно в Красный Берег… Сколько мы землицы-то перекопали вот так только выроем землянки аж загляденье, сколько труда положим, сколько сил, вдруг — бросай, идем вперед! А из Кр. Б., говорят, опять за Днепр в Кульшичи.

13 марта.

Жуткая история. Во взводе Павлова во время передислокации солдаты пытались застрелить своего командира поста сержанта Поликарпова. Рассказывают невероятные вещи. Их четверо: Богатырев, Шуник, Сметанин, Лавров. Говорят, Поликарпов — унтер-офицер еще царский армии, был очень строг, взыскателен, возможно, и чрезмерно. А тут поводом послужило то, что он не разрешил положить вещмешки на подводу. Стрелял сзади Шуник Попал в плечо, второй выстрел в голову. Пуля попала в затылок и вышла между бровями. И Поликарпов обернулся и выхватил винтовку, он перестрелял бы всех, но в винтовке уже не было патронов. Мерзавцы разбежались. А он добрался до взводного поста и сейчас в госпитале. А этих арестовали. Должно быть, Шуника расстреляют.

14 марта, Кульшичи.

Дядя Ваня Сморчков, моторист нашей РСБ, поехал в Москву. Мы догнали его в первой деревне за Днепром, в Обидо-вичах Там и заночевали. Он на попутной уехал ночью, а мы утром пошли дальше. Погода сырая, иногда дождь. На дорогах непролазная грязь. Идти трудно, ноги мокрые. Да и груз порядочный —

винтовки, мещмешки, кое у кого и противогаз. Я свой отдал Яшке Мирнову Когда идет машина, перед ней волна грязи. Вчера на переправе их скопилось сотни две, и немец время от времени обстреливал переправу.

Сейчас не поймешь, куда мы относимся — к 1-му Белорусскому или к ударной группе Баграмяна.

Все-таки старшина наш трусоват. Вчера, когда немец бросил снаряды на переправу, он готов был в грязь плюхнуться. Может, потому что уже ранен?

Сегодня прошли не больше 14 км. Встали на ночлег уже часа в 4. А дни-то теперь длинные, снега почти нет, весна чувствуется во всем.

Уж сколько месяцев мы на этой Могилевщине, а я все не могу привыкнуть к бедности крестьян. И в этих избах люди живут всю жизнь. Но главное, ведь они хвалят свои места. Каждый кулик…

Вчера получил новые желтые ботинки. Очень вовремя. Старые совсем развалились.

Когда думаешь о будущем, то невольно пытаешься установить какие-то сроки. Буду я к новому 1945 году дома? Думается, война кончится, но дома я не буду.

18 марта.

Была серьезная стычка с л-м Эткиндом, подслушивающим солдат, и ст. л-м Пименовым. Этот гусь П., имея несколько пар, шьет себе новые сапоги и по этой причине запретил сапожнику Устименко ремонтировать солдатскую обувь. Да еще говорит ему: «Ты что каким-то кузькам сапоги шьешь?» Солдаты для него кузьки. Вот подлец! Он хотел взять меня наскоком, но я ему сказал пару горячих. Тогда он вздумал критиковать комсомольскую работу. Я отрезал: «Вам в бельэтаже не видно, что происходит в подвале».

22 марта.

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор.
Закоптелые полати,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряхи, плач дитяти…
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться,

Нищим умереть…
Вот где надо бы учиться
Верить и терпеть.

Это Никитин.

27 марта.

Видимо, началось. И идет уже третий день. Правый фланг прорвал оборону немцев и продвигается вперед, а центр застрял в третьей полосе обороны. Небо чистое, весеннее и тревожное. А на земле — зима, снег. Авиация немцев действует активно. На высоте 5–6 тыс. ходят «юнкерсы» и М-190. Самолеты оставляют в небе белые полосы, они образуют причудливые узоры. На такой же высоте прошли и наши ястребки. А сейчас на высоте 1,5–2 тыс. пошло штук сорок Пе-2.

Как радостно глядеть на наших! Немцы встретили их ожесточенным огнем зениток Потом они шли обратно еще ниже. Надо думать, дали немцам жару. Вероятно, наступление скоро примет широкий размах. Немцам сейчас не до Белоруссии. Как бы на юге ноги унести. Сообщили, что наши войска вышли к Румынии.

Сегодня я впервые в жизни увидел почти зимой радугу. Как странно и красиво. Говорят, это доброе знамение.

29 марта.

Весь день наша авиация действует активно. «Петляковы» летают группами в 20–25 машин, их сопровождают Ла-5. Как видно, решено все-таки прорвать оборону. Погода благоприятна. Редкие высокие облака.

……

Нина так близка мне, что кажется, будто она часть меня самого, и все, что я пишу ей, она уже знает.

Живешь, и все думаешь, что то, что сейчас, — это не главное, оно впереди. А ведь это не верно. Каждый день в жизни важен. Ведь не будет отведено времени для завершения дел. Может быть, это ожидание конца войны?

3 апреля

Второй день буран. Замело снегом все дороги. Машины стоят. Замело и наш колодец. Пробовали вычистить — не выходит. Приходится таить снег. Не помню такой погоды в это время.

6 апреля

Почти в каждом приказе Сталина говорится о дисциплине. Понятно. Советским людям, воспитанным на сознании того, что я равный среди равных, не untermensch и не ubermensch, трудно привыкать к армейской дисциплине, когда кто-то может тебе приказывать, распоряжаться тобой и т. д.

11 апреля

Вчера было комсомольское собрание. Прошло довольно оживленно, удалось собрать больше половины комсомольцев. Вопрос: происшествие на посту Поликарпова. Доклад делал капитан Ванеев. Выступили 12 человек И очень убедительно говорил подполковник Рыбаков, нач. отдела ПВО.

А после собрания в доме, где мы размещены — дом большой, добротный, — организовали танцы. Было какое-то приподнятое настроение. И в самом деле праздник освободили Одессу! Взят Джанкой!

15 апреля

Кажется, пришла настоящая весна. Снегу еще много, но солнце уже теплое, ласковое. Кругом тает, тает… Но дороги стали еще хуже грязь была жидкая, а теперь густая, машины вязнут.

Хочу втянуть в комсомол Саню Баронову! Очень славная девчонка. Деловая, скромная. Поговорил с ней вчера, и она меня удивила. Я думал, она всю жизнь благополучно прожила в Ивановской области. Оказывается, родилась где-то в Горьковской. Семья была зажиточная, имели мельницу. В 30-м году их раскулачили, сослали в Вятскую область. Первые года жизнь на поселении ссыльных была тяжелая. Жили в бараке, в тесноте. Хлеб пекли с примесью мха. Из их семьи умерли двое. Но со временем жизнь стала налаживаться. Построили дома, школу, клуб. Вся семья работала честно, ударно. В 36-м году ее семью первой в поселке восстановили в правах. Как загорелись у нее глаза, когда рассказывала об этом! Потом семья выехала в Иваново. Там родственники купили отцу лошадь, он стал заниматься извозом. Жизнь наладилась. В 39-м году она кончила семилетку и пошла работать в хлебопекарню… В последнее время в ней произошел какой-то переворот. Раньше и слышать не хотела о вступлении в комсомол, а теперь хочет вступить.

Говорят, в 108сд командир артполка подполковник 22 лет.

22 апреля

Что означает внезапное затишье на фронте? Нетерпение съедает. Но думаю, что к 1 мая все выяснится, Сталин скажет.

27 апреля

У Глафиры Грачевой на днях убили парня. Он служил в морской пехоте 324сд. А вчера позвонили из зенитного полка Шуста: при обстреле погиб Лешка Казанин, цыган из Бийска, которого послали в этот полк на курсы. Он еще и стриг и брил всех нас. И любил при этом бормотать что-то вроде рекламной зазывалки: «Вот она, вот она, ночью работана, днем продаем. Подходи — подешевело, расхватали — не берут. Граждане, десять! Только десять! За десять рублей корову не купишь, дом не построишь, ко мне придешь — удовольствие получишь».

Однажды я вдруг вспомнил эту зазывалку на книжной ярмарке в ВВЦ (ВДНХ), где два раза в год всегда принимаю участие в торговле книгами издательства «Алгоритм», уже лет десять издающего мои писания. И, подняв над головой какую-то свою книгу, начал шуметь: «Вот она, вот она, ночью работана!..» Люди смеялись и останавливались у нашего прилавка. Торговля шла неплохо…

На днях подорвался на мине еще сержант Морозов, что прибыл к нам из 125-й роты ВНОС. Подорвался на новой мине. Немец много набросал их по дороге в Рябиновку. Глянешь на поле — будто желтые цветы. Взрываются при прикосновении. Морозов поддел ногой — взрыв!

А еще рассказывают, что Дора Карабанова со своим фронтовым мужем, каким-то капитаном, попали в плен. И теперь немцы разбрасывают листовки о том, как прекрасно живут супруги.

28 апреля

Сегодня нагрянул подполковник Максименко, замначштаба армии по политчасти. Внушительный мужчина. Его первой жертвой оказался я. Потом — военфельдшер Хмелинин, парторг Ильин, еще кто-то. Меня он больше поучал, чем ругал. «Кого вы принимаете в комсомол? Всех, кто пожелает. У вас какое образование? Вам надо переучиваться. У вас теория не связана с практикой…» Ну, дал звону.

29 апреля

— Товарищи, мы заслушали суровый, но справедливый приговор. Этот человек нанес ущерб Красной Армии. Он нарушил присягу советского воина. Смертью карает народ нарушителя присяги. Русский сражается против немца, русский защищает Россию. А этот человек поднял руку на своего сражающегося

собрата. Он опаснее немца. Немца мы видим перед собой, его мы встречаем грудью, а этот нанес удар в спину. Смертью карает народ изменников родины. У нас нет жалости к предателям.

2 мая.

То, что записал 29-го, я должен был сказать перед строем после зачтения приговора Лаврову. 29-го утром капитан Ванеев вызвал меня и велел приготовиться выступить. В 11 часов его должны были расстрелять.

В 10 нас построили с оружием, было человек 50. Пришла еще рота охраны. Вышли из Кульшичей на склон холма. Там нас построили углом. Миронов и Попов привели Лаврова. Он был бледный, заросший, глаза безумные, остановившиеся. Капитан сказал, зачем нас привели, и предоставил слово мне. Я волновался. Пока говорил, Лавров стоял спиной к строю метрах в ста. Потом его подвели к яме. Майор юстиции зачитал приговор. Закончил он так «Товарищ комендант, приведите приговор в исполнение». Тот повернул Лаврова лицом к яме (руки у него были связаны), выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил в упор в затылок. Лавров повалился назад, комендант выстрелил еще раз. Из выходной раны около глаза хлынула кровь. Труп спихнули в яму, скомандовали: «Разводите людей!» Человека три остались закапывать. Ничего он не сказал, не крикнул, умер молча. Яшка Миронов рассказывал, что, когда его везли из Уречья, он попросил покурить.

Не дай бог, хоть еще раз видеть такое. Ну, а что делать, если стреляют в спину.

Видимо, как показало следствие, стрелял не Шуник, а Лавров, и он самый старший из них. Шуника и всех остальных отправили в штрафную роту.

6 мая.

3 мая было партийно-комсомолькое собрание. Вопросы такие: 1. Доклад капитана Ванеева о приказе Сталина № 70. 2. О третьем военном займе. Он свел свой доклад к оглашению приказа и разъяснению некоторых моментов. По второму вопросу — партог Ильин. А сейчас находимся вместе с капитаном на взводном посту Павлова. Мы с ним намечали, что рядовые будут подписываться на 100 рублей, а начальник постов — на 200. Но дело превзошло наши ожидания: ниже 200 не подписывались. Модунов — на 300, Распопов и Прасол — на 500. Я вначале, исходя из старых представлений, подписался было на 200, но потом еще на 200.

Накормили нас блинами, угостили самогонкой, и мы

тронулись на пост Райса. Там подписались еще лучше. Сам Райс — на 550, остальные на 300. Часов в 11 докладываем в роту: подписались на 9 тысяч. В честь удачной подписки выпили и опять ели традиционные блины. На другой день пост Рожкова подписался на 2100 рублей.

7 мая.

Нахожусь на посту Райса. Вчера вечером долго и интересно говорили. Об этой войне: будет ли она последней? О переломе, который война внесла во всю жизнь. Он говорил, что мы кончали десятилетку с розовым взглядом на жизнь. Но уже в школе такой взгляд начал у него меняться. Как это совместить, говорит, — у нас в младших классах была молодая привлекательная учительница, общественница, словом, образцовая деятельница в масштабе школы. А с другой стороны, она приглашала к себе домой учеников старших классов и сожительствовала с ними. В армии его поразило воровство интендантов и старшин.

11 мая.

9-го вечером пришел в Долгий Мох на пост Распопова и Прасола. Мне везет всегда, как приду на пост поближе к передовой, так обязательно начнется обстрел деревни, где стоит пост. Так было у Берковича, когда рота стояла в Журавле, а взвод Павлова — в Теляшах (Там я впервые увидел немца на виселице.) Так и здесь. Снаряды падали недалеко каждые 3–5 минут. Пришлось идти на улицу и лезть в отрытые щели. Снаряды стали ложиться ближе. Наконец один снаряд угодил в дом против нашего. Когда немного утихло, я сходил туда. На полу валялись убитая девушки (местная, с 23-го года) и красноармеец лет 25. Тела их были иссечены осколками. Над телом девушки рыдала ее 1 6-летняя сестренка. Из документов парня следовало, что он из 110сд, с марта — кандидат партии. В кармане медаль «За отвагу».

Мы ожидали, что ночью немец усилит огонь, но не случилось, хотя и стреляли. Я только один раз выходил в щель, когда зажигательный снаряд запалил дом неподалеку. Не выспался. В пять часов вместе с Казаковым и Овчаренко уехали на подводе в роту.

Начали строительство нового города в лесу недалеко от маленькой деревеньки Пчельня. Неудобно, что мне не пришлось работать на строительстве. Ой, да еще всем хватит…

15 мая.

И твои полуоткрыты очи,

Думаешь о ком-то о другом.
Я и сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.
Этот пыл не называй любовью.
Между нами вспыльчивая связь.
Я случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.
Но и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни.
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.
И когда с другим по переулку
Ты пойдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку
И с тобою встретимся мы вновь.
Ты прижмешь к другому ближе плечи,
Голову опустишь тихо вниз.
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер…»
Я отвечу «Добрый вечер, мисс…»
И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь —
Кто любил, уже любить не может,
Кто горел, того уж не зажжешь.

Ума не приложу, как это стихотворение Есенина попало на фронте в дневник. Книгу поэта я приобрел только в 48-м году, когда впервые после бухаринского погрома на Первом съезде писателей в 1934 году издали его сборник. Я подарил его Эльзе Бабкиной, преподавательнице немецкого языка из Иркутска, с которой оказался в одной группе туристов в путешествии по Кавказу. Эльза мне нравилась. Она много раз приезжала в Москву.

По пути с поста Кириенки на пост Берковича побывал в Лесной. Осмотрел там церковь и памятник в честь победы Петра над шведами в 1708 году, «матери Полтавской победы», как значится тут же на доске, установленной на каменном постаменте 28 сентября 1908 года. Церковь немцы превратили в сортир. Внутри стены вьется лестница. Я поднялся по ней на площадку. С нее видно далеко.

18 мая.

Адаев рассказал, что приказом Болдина капитан Ванеев снят.

Полковнику Горбаренко объявлен выговор. Его возлюбленная военврач Хилай лишена ордена Красной Звезды и куда-то отправлена из роты. А помпохоза Анисимова отдали под трибунал. Жалко только капитана. Прекрасный человек Он из Семенова в Горьковской области. Однажды после перехода верст в 40 я имел неосторожность посетовать ему, что ноги ужасно натер. Он сказал: «За это полагается наряд вне очереди — не умеете портянки завертывать». Умный, деликатный. Он пострадал из-за своей чрезмерной мягкости и доверчивости. Они-то его и подвели. Он по натуре философ, мыслитель, а не офицер. На многие безобразия он смотрел как на неизбежное, на воровство, например, на блядство кое-кого из офицеров.

К Берковичу пришел уже вечером Вечер был хороший, погожий. Деревенские мальчишки ловили майских жуков, которых здесь называют хрущами. Ну, да и у Шевченко, кажется, так

Садок вишневый биля хаты,
Хрущи над вишнями гудуть…

Генерал-полковник Болдин Иван Васильевич (1892–1965) с ноября 1941 года под Калугой до февраля 1945-го в Восточной Пруссии командовал нашей 50-й армией. На фронте я его, конечно, не встречал. Куда там! Как говорил Твардовский,

Генерал один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на тридцать верст вокруг…

А уж командирам… Но однажды в 1958 году я встретил его в «Литературной газете», где тогда работал, и конечно, обрадовался. Он писал воспоминания, и, видимо, была нужда встретиться с кем-то из литераторов. Генерал меня не узнал…

30 мая.

Перебрались в лес, в землянки. Печей нет, поэтому по ночам холодно, и комары проклятые житья не дают.

Вместо Хилай пришла новая военфельдшер лет 28. Ничего особенного, кроме больших черных глаз.

Три дня меня терзал подполковник Диденко из политотдела, змий в образе человека. Прислан, зануда, проверять нашу комсомольскую работу. Заседали, как на Тегеранской конференции Большая тройка — он, парторг Ильин и я. Сто раз

расспрашивал об одном и том же: о воровстве, о сожительстве… Ну да, есть это, есть. Но вот вчера был армейский гинеколог — энергичный, симпатичный лысый еврей, майор медицинской службы.

У нас довольно много телефонисток и радисток из Москвы, из Ивановской и Рязанской областей. Они чуть ли не каждый месяц проходят медицинское освидетельствование. Врач остался очень доволен нашими девчатами, просто восхищен. Все здоровые, сильные, ни одной беременной. Каков процент девиц, не знаю, но прошлый раз их было 80 %. А ведь на парткомиссии, на которой наш капитан был перед этим, его изображали чуть ли не сутенером.

25-го было комсомольское собрание. Приняли четверых, в том числе Саню Баронову и Засимова. Сейчас идем в политотдел, где им вручат билеты.

……

Если вы точно знаете, что хотите сказать, вы это хорошо скажете (Флобер).

Кто неясно говорит, тот и думает путано (Шопенгауэр).

У Симонова были во время войны стихи:

На час запомнив имена, —
Здесь память долгой не бывает —
Мужчины говорят: «Война!»
И наспех женщин обнимают.

Ну да, бывало и так Но вот вам цифра — 80 процентов после трех лет войны, а им 20–25 лет.

6 июня, севернее Новой Слободы

Великий день мировой истории! Никогда люди не забудут 7 ноября, 22 июня, 6 июня… Как не забудут и года 1066, 1812, 1789, 1917, 1941, 1944. Меня охватил восторг, когда услышал, что союзники наконец высадились во Франции. 11 тысяч самолетов, 4 тысячи судов… В тылу немцев выброшен десант… Удар в самое сердце Атлантического вала. Я предложил майору устроить митинг. Но он удержал: «Погоди. Надо ждать указаний». Здесь сердце говорит, что надо делать, а он будет ждать указаний политотдела. Ведь мы ждали этот день почти три года. Помню, мне покойный Ленька Гиндин писал в 42-м с фронта после Дьеппа: «Мы тут обсуждаем, возможно ли осуществить десант в октябре». Как мы ждали летом 42-го! Пришлось ждать еще два года. Мы не устояли до этого дня, мы до него дошли.

Молодцы союзники! Хочется от всей души сказать спасибо. Все-таки они держат слово. Интересно, что думает, что делает сейчас Гитлер. Идет возмездие за комедию Компьена, за Ковентри, за убийство английских детей, за Смоленщину и Ленинград, за все наши страдания и горе.

Эта операция не может превратиться в гигантское Касино. Союзники будут успешно наступать. Ведь такая мощь техники, свежих армий, резерва. Россия вздохнет легче. Да, можно твердо надеяться, что война кончится в этом году. (Первый час ночи.)

А о городе с таким необычным именем тот же Симонов тогда написал шутливую «Сказку о городе Пропойске». Она начинается так

Когда от войны мы устанем,
От грома, от пушек, от войск,
С друзьями мы денег достанем
И выедем в город Пропойск.
Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано.
Должно быть, и зиму и лето
Там пьют беспробудно вино…

Увы, в 44-м году там не пили вино, там лилась кровь.

12 июня

Только что прошел дождь, отгрохотал гром, и снова над посвежевшей зеленью луга, пажитей, леса — солнце! Мокрая, вымытая зелень блестит. Радостно и легко дышится. И не верится, что за полчаса до этого было пыльно и душно. Глядя на эту смеющуюся мокрую зелень, я почему-то вспоминаю Нину. Как я однажды целовал ее мокрую, не успевшую утереться после умывания. Она не давалась, отталкивала: «Отстань, Бушев!» И смеялась. И была так хороша. Ресницы мокрые, черные, глаза казались больше, чем обычно. И волосы вокруг лба, за ушами — мокрые, вьющиеся. И я сам стал весь мокрым. Потом мы вместе вытирались полотенцем. Я так по ней тоскую в последнее время.

В последнем письме она пишет, что Галя (моя сестра) мечтает о том, как будем справлять нашу свадьбу.

14 июня

Вот и ушел от нас капитан Ванеев. Проститься с ним я не смог — стоял на посту. Говорят, когда он садился в машину, едва сдерживал слезы. Он был у нас больше 9 месяцев. Ст. л-т Ищенко

до него — 8. Вместо него прислали капитана Елсакова. Человек, видно, простой. Работал где-то в Кузнецке на судостроительном заводе. Образование, думаю, не выше 7 классов. У меня с ним складываются вроде хорошие отношения. Эткинд так и бегает за ним.

В последнее время я ругаюсь с начальством. Майор Львов из отдела снабжения просто вынужден был попросить меня выйти.

Сегодня началось наступление на Карельском перешейке.

15 шюня

Утром взял в руки «Фронтовую правду» и не поверил своим глазам: с первой страницы сморит, улыбаясь, молодой капитан-артиллерист. И это не кто иной, а Валька Шлыгин из нашего класса, которого мы почему-то звали Шлиссен. У него ордена Отечественной войны и Красной Звезды. Я написал в редакцию газеты, прошу адрес. Газету послал Нине.

Если будут у нас в этом месяце посылать в училище, я, пожалуй, поеду. Мне трудно быть рядовым. Наука повиноваться трудная наука. Я не владею ей.

Мама прислала письмо. Пишет: «Мы с тобой должны быть награждены медалью «За оборону Москвы».

Валя не вернулся с войны… Позже я помянул его и всех одноклассников, оставшихся там — Толю Федотова, Игоря Зайцева, Фридриха Бука, Володю Семенова, Леню Гиндина, Гришу Андрусова, Костю Рейнветтера, Петю Скотникова, Леву Давыдова…

Сорок четвертый. Польша. Висла.
Мне двадцать лет. И как Вийон,
Я жизнь люблю сильнее смысла
И назначения ее.

Как все, хотел в живых остаться,
Без костылей прийти с войны,
Хотя нетрудно догадаться,
Я знать еще не мог цены

Любви, испитой полным кубком,
Отцовства радостям святым,
Труду, смиренью и уступкам,
Ветвям черемухи густым,

Неторопливым наслажденьям

Неспешного теченья дум,
Случайным нежным песнопеньям,
Тропе, что выбрал наобум…

Потом лишь это все изведав,
Я оценить и смог вполне,
Что клали на алтарь победы
Ровесники на той войне.

18 июня

Новый командир роты отличается от Ванеева, как земля от неба. Много общего с первым комроты Ищенко.

Интересно, хватит ли мне этой тетради до конца войны. Думаю, хватит.

Сейчас обе стороны начали вводить новые виды оружия. Немцы — танкетки-торпеды и самолеты-снаряды, союзники Боинг-29. Эта машина поражает грандиозностью и скорость, надо думать, км. 800.

«Война без ненависти нечто постыдное, как сожительство без любви» (Эренбург). Всякая война постыдна, кроме войны в защиту родины.

В Витебске окружили 5 дивизий.

24 июня

На днях военфельдшер поругалась со ст. лей-м Пименовым. Это было у Шарова в канцелярии. Когда он вышел, она начала над ним смеяться на еврейский манер: «Разве я видала когда-нибудь такого большого начальника. Задрал ноги кверху и к нему не подходи, я — старший лейтенант!» И дальше в том же насмешливом духе. Вдруг открывается дверь, и на пороге он — Пименов. «Бушин, подите сюда». Я вышел.

«Все, что вы сейчас слышали, напишите и дайте мне». Оказывается, он стоял за дверью и подслушивал. «Нет, я писать не буду». — «Вы же комсорг, вы обязаны» — «Никаких рапортов я вам писать не буду». Так и ушел он не солоно хлебавши.

25 июня

Сегодня, наконец, и в сводке говорится о наступлении севернее Чаусы. Это наступает наш правый сосед — 49-я армия. Левый сосед — 3-я армия тоже наступает. Видимо, нам предстоит быть дном мешка. Витебск уже в мешке, он завязывается с запада. Одним словом, началось. А мы еще стоим.

26 июня, Новая Слобода, взводный пост Гудкова

Вчера были взяты Чаусы. Ночью они горели. Во вчерашнем приказе Сталина отмечаются как отличившиеся войска генералов Гришина и Болдина. Кажется, это первое упоминание нашей армии в приказах Сталина. Как радостно было узнать об этом. А в Витебске окружено 5 дивизий.

28 июня, деревня Смолка на шоссе
Пропойск — Могилев, 20 км от Могилева

Голодны как волки. Поесть бы да поспать, а проклятые комары кончились. Могилев уже взят. Захвачены два немецких генерала.

1 июля, деревня Пешенья

Около деревни остановились тяжелые танки. Шумные веселые танкисты расположились обедать. Из одного танка вылез целый духовой оркестр. Играют какой-то трогательный вальс. Сбежались деревенские. Смотрят с любопытством и восторгом. Танцуют…

Наша полуторка мчится полем. Женщина радостная, запыхавшаяся бежит за машиной и бросает нам в кузов ковригу хлеба. Хлеб хороший, с хрустящей корочкой… Сушков плачет…

В церкви, окруженной народом, четыре пленных фрица. Наш пьяный солдат лезет к ним целоваться. Фрицы угодливо целуют небритые щеки солдата. «Дурак ты», — говорит солдат длинному худому фрицу в лаптях. «Nicht дурак», — отвечает тот и в пояснение поднимет руки вверх…

По дороге идет колонна пленных, человек 35–40, и что-то поют…

Елсаков не способен руководить ротой. Два раза полк Горбаренко ругал его при всех. В Сидоровичах досталось и мне: «Комсорг, почему нет связи?» — «Тов. полковник, об этом командование знает» — «А вы, комсомольцы, для чего тут? В пехоту захотели? Я могу устроить это удовольствие». Смех и грех. С комсорга связь спрашивает.

3 июля

Вчера купались в Друте, а сегодня пьем воду из Березины… Немцы бегут панически. Дороги неважные, на переправах заторы, а иногда переправы приходится делать самим. Много распухших трупов лошадей и зловонных фрицев. Беженцы, беженцы. Большинство деревень целы. Одна хозяйка вчера нас покормила

бульбой с квасом и хлебом.

За день всеми правдами и неправдами дали километров 80.

Мы шли крутым заросшим берегом Ресты, три тезки — Сушков, Лобунец и я. Сушков сорвал цвет боярышника, долго его нюхал и сказал «Вот так же пахнет девушка»…

Деревни начались большие, красивые, уютные. В избах порядок и чистота. Чистые кровати, скатерти. Сожжено сравнительно мало…

5 июля. Дер. Моторово, 25 км от Минска

Жители встречают приветливо. Рассказывают, как жили при немцах, жалуются, плачут, проклинают…

Я никогда не видел такого количества техники. Тысячи машин, тягачей — и наших, и немецких, и союзников.

Немецкий генерал Бармлер приветствует наших солдат. Запоздалое рыцарство…

На шоссе стоит старая женщина и сквозь слезы смотрит на нас. Ее сын шесть лет как ушел в армию….

У переправы через Березину окружили толпу пленных. Они в страхе заискивают. Какой-то сержант, видно, прошедший огни и воды, трогает фрица за плечо: «Вы, сукины дети, зачем же вы ребятишек убиваете, а?» — и показывает рукой ниже пояса.

7 июля. Западнее дер. Озеры

8 лесах, во ржи бродят группы немцев. Машины теперь ездят с пулеметами, у тех, кто в кузове, — наготове винтовки или автоматы. Группировки немцев бывают по 10–15 тысяч. Их уничтожают, как крыс. И большинство деморализованы. Один наш боец ведет 30–40 пленных.

Деревни начались большие, красивые, уютные. В избах порядок и чистота.

Чистые кровати, скатерти. Сожжено сравнительно мало…

8 июля. Негорелое, 10 км до старой границы

Округа кишит немцами разбитых частей. Они всюду — в лесу, в кустах, во ржи… Спать хочу, спать, спал не больше двух часов… Вчера нам пришлось занимать оборону. Шальная орда разбитых и обезумевших немцев сквозь лес, стреляя на ходу, перла на нас, но метрах в ста почему-то свернула вправо. А если бы не свернули — растоптали. Я испугался только вначале, когда не мог найти куда-то запропастившуюся винтовку, а как только нашел — как бром принял. Спать, спать…

9 июля. Дер. Анталезы, уже за старой границей

Жара страшенная. Все тонет в облаках белой пыли. Вдыхаешь этот воздух — словно затягиваешься крепкой махоркой. Лес по бокам дороги белый, как зимой.

Ночь была беспокойной. «Хейнкеля-111» на бреющем полете обстреливали село.

11 июля. Новогрудок, Белоруссия

Интересно наблюдать жизнь этих маленьких местечек, городков. Советская власть была тут меньше двух лет. Частное предпринимательство. Много всяких магазинчиков, ресторанов. Комфортабельно обставленные особнячки с водопроводом, электричеством, ванной. Объявления всюду — на белорусском и немецком. Мы расположились в замечательном двухэтажном особнячке. Остатки роскошной обстановки. Кафельные печи, все удобства. Но у меня какое-то недоброе предчувствие.

Зашли в аптеку. Продавец никак не хочет дать без денег женщине для больного ребенка лекарство, которое она просит. Требует 5 рублей. Я даю три. «Спасибо, пан, спасибо!»… А сколько здесь мужчин, которые могли бы быть на фронте.

13 июля. Щучин, 65 км от Гродно

Когда сейчас смотришь на смерть, какой она кажется досадной и омерзительной. Вот хоронят солдата, убитого в бою на дороге Щучин — Гродно… Окруженные немцы стараются пробиться на запад. Наклали их в деревушке неисчислимо.

17 июля. 30 км от Гродно

Три недели назад мы были дальше других фронтов от границы. Теперь до черной земли Германии осталось несколько десятков километров, от Гродно — 80.

Начинается Неметчина.

Трудно высказать чувства, которые овладевают при этой мысли… Вчера опять попалась навстречу колонна пленных, их же сейчас тысячи и тысячи.

Я обратился к одному: «Wir gehen nach Deutschland!» (Мы идем в Германию). Он сокрушенно покачал головой: «Ja, ja, und wir gehen nach Rusland».

Вчера в «Красноармейской правде» был снимок Болдин допрашивает генерал-лейтенанта Миллера, сдавшегося в плен.

22 июля. Деревушка под Гродно, лес

Вот уже двое суток стоит беспрерывный гул моторов. Это «Илюшины» в сопровождении Ла-5 идут на запад и обратно. Немец занял на том берегу очень удобную позицию…

Было совершено покушение на Гитлера. Сообщают о столкновении эсэсовцев с войсками. Не начало ли это внутреннего краха?

В роте опять перемены. Елсаков, как и следовало ожидать, долго не просидел. Вчера сдал дела Павлову, самому уважаемому в роте взводному командиру. Он справится с делом.

Лес, где мы обосновались, замечательный, смешанный, пропасть черники.

24 июля

Ходят слухи об аресте Гитлера. Что ж, неудивительно, если так

В последние дни снятся какие-то невероятные сны. Приснился Маяковский с какой-то женщиной, бледный, почти призрачный, совершенно не схожий с портретами. Они сидели за столом и молчали.

Несколько раз снилось, что меня расстреливали. Но во сне я понял, что это сон, и от радости проснулся. Неужели это отзвук расстрела Лаврова?

25 июля. Гродно

Большинство здесь поляки. Все рассказывают и убеждают, что они нас ненавидят, но я не заметил этого. После немцев, по-моему, они поняли, что такое Красная Армия. Но вот Якушев встретил одну знакомую, которая живет здесь с 1940 года. Та рассказывает, что поляки действительно ненавидели их. Русские вынуждены были побираться и побирались только в белорусских деревнях.

27 июля. Новый Двур

Старая полька говорит мне: хорошо, что Гитлера не убили. «Почему?» — «Это была бы для него слишком легкая смерть».

В Гродно мы ночевали у одной панночки семнадцати лет. Живая, веселая, миловидная. Мать ее куда-то в этот день уехала, и она осталась за хозяйку. Говорить с ней, слышать то и дело такое милое «Ну?» было одно удовольствие. Ст. лейт. Пименов как раз принес газету с картой линии Керзона. Как она обрадовалась, когда увидела, что Гродно по эту сторону линии! Спать постелила нам все свежее, только не выспались мы: она очень долго читала нам по-польски. Между прочим, у поляков тут очень популярна Ванда Василевская.

В Витебске окружили 5 дивизий. Еще два-три марша, и мы в Германии.

31 июля

Нина прислала новую фотографию. Как она хороша! На старой фотографии в ее красоте еще что-то незавершенное, почти детское. А теперь это красота молодой женщины. У какого-то грузина есть такие строки в переводе, кажется, Тихонова:

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено —
Виноград стеной, или река весной,
Или нив налив, или женщина.

Это о ней.

Все-таки жаль, что я не старше ее года на 3–4, а даже немного моложе. Ведь если я скоро вернусь благополучно, что ж будет? Она учится на пятом курсе, а я поступлю только на первый. И ведь мы поженимся. И что же? Жена — инженер, а муж — студент младших курсов.

1 августа

Древняя старушка бродит по нашему расположению, подходит к бойцам, заглядывает в лица.

— Бабушка, что вам здесь надо?

— Да я, сынок, российская, из Калининской области. Смотрю, нет ли здесь моего сына или знакомых кого…

Она верит, что может найти своего сына, которого не видела лет пять, в какой-то незнакомой случайной части. Как сильна вера материнского сердца!

Начинаются Августовские леса.

У границы своей берлоги немцы дерутся ожесточенно.

3 августа

Когда стою ночью часовым, на ум идут стихи. За два наряда сочинил «Балладу о бочонке». В основу положил рассказ капитана Ванеева.

Под натиском несметных сил
Оставив рубежи,
Наш полк с боями отходил
По полю спелой ржи.
Прижаты были мы к реке
На правом берегу.
Винтовка верная в руке
Да ненависть к врагу.

И кровью вспенилась река—
Таков был их урон.
Но и от нашего полка
Остался батальон…

Потом допишу.

А в роте опять перемены. Пришел новый командир капитан Требух, высокий носатый рябой украинец лет 35. Довольно приятный человек Говорит не торопясь, вдумчиво. Сразу заинтересовался комсомольской работой. Был с ним на нескольких постах. Человек веселый, имеет Красную Зв. и медаль «ЗБЗ».

4 августа. 13 км юго-западнее Августова, лес

Лес хороший, строевой, много брусники.

Идет бой за Августов. «Катюши» играют почти рядом. В небе ревет авиация.

Вчера были с Арсентьевым в Гродно. Отвозили бак с бензином для машины, которую наши подобрали вместе с шофером.

Жизнь в городе налаживается, работают хлебопекарни, бани, парикмахерские. Всюду ходят партизаны с медалями.

Васька Бредихин из 3-го взвода украл у хозяина, у которого мы сушились, ведро с молоком. Я предложил, чтобы он вернулся, отдал ведро, уплатил за молоко и извинился. Так он и сделал, гад.

До Германии 30 километров. Над головой ревет авиация, артиллеристы уже бьют по немецкой земле.

6 августа

Вчера прошел ложный слух о взятии Варшавы.

За Августов немцы дерутся отчаянно. Канал Осовец — Августов преграждает нам путь. Немцы взорвали плотину. Вода разлилась метров на 500–800. Пехота на западном берегу канала, но технику переправить не удается. Каково ей там, матушке.

Даже мы, современники этих дней и событий, со временем будем удивляться их величию. Каждый день события грандиозной важности. Сегодня мы объявили войну Болгарии, взяли несколько городов Румынии, американцы освободили Антверпен, вступили в Люксембург, финны снова заговорили о мире. Что думают сегодня турки, глядя на болгар, которым не удалось отсидеться за нейтралитетом?

8 августа

Вчера продвинулись к юго-востоку. Стоим в дубраве около дер. Ялувка. Лес хороший, сухой, много малины, она уже перезрела.

Какая странная интонация речи у поляков, особенно у женщин. Не могу забыть, как трогательно Женя говорила «Ну?»

10 августа

Сплошной гул — несколько часок идет артподготовка. Иногда выделяется какое-нибудь особенно басистое орудие. Это слышно уже в Германии. Лишь бы войти туда. Среди этих паскудных тварей начнется паника. Каждый будет спасать свою шкуру. На партизанскую войну они не способны. Говорят, они построили здесь шесть линий обороны. Даже прекратили уборку урожая — все мобилизованы на строительство! Поздно, фрицы, поздно. Не могли удержать, когда мы были почти за две тысячи верст отсюда, не удержат и теперь. Думаю, это наступление будет последним рывком к разгрому и это последняя артподготовка, которую мы слышим. Лишь бы войти…

11 августа

Вчера было комсомольское собрание. По оживленности оно напоминало лучшие школьные времена. Приняли в комсомол Володьку Лобунца и обсудили состояние дисциплины…

Сейчас меня прервали бомбежка и обстрел. Ил-15 своих бомбил. Сдурели, что ли? И вчера два раза бомбили своих. Зайцев получил медаль, в этот же день мы выдали ему комсомольский билет.

Сплошной гул — идет артподготовка. Иногда выделяется какое-нибудь особенно басистое орудие. Это слышно уже в Германии.

14 августа

Немец стал сильно минировать дороги, по которым отступает, почти как в Жиздре. И кое-кто попадается. В зенитном полку Шуста одна батарея потеряла трех человек Какой-то дурак сапер возился у дороги с противотанковой, а рядом лежало еще шесть таких. Мина взорвалась у него в руках и сдетонировали остальные, а батарея — рядом. И Кольку Незнамова, шофера, с которым мы недавно отвозили подполковника Рыбакова, — осколком в голову. Он сидел через дорогу. С 18-го года парень. А вчера подорвался Шевчук Он ехал верхом и уступил дорогу машине, чуть сошел в сторону, а она тут и есть. Лошади вырвало все внутренности, Шевчук оглох и не может говорить, но рассудок

не потерял. Еще повезло, что мина противопехотная. Он показал рукой, чтобы дали бумагу и карандаш. Видно, подумал, что его хотят отправить в госпиталь. И написал: «Я пойду с вами». Сегодня уже немного отошел: говорит нормально, но недослышит.

16 августа

Вчера было партсобрание. Присутствовал ген.-м. Васильев, командующий артиллерии и полк Горбаренко. Старшину исключили из партии и сняли с должности, на его место назначили парторга Ильина.

Сегодня три года со дня формирования нашей армии. Издан специальный приказ за подписью Болдина, г.-м. Карамышева, полк Рассадина и нач. штаба г.-м. Брилева. В приказе за взятие Осовца отмечены войска полк Тейковцева (дядя Саша), нач. связи армии, т. е. и мы тоже.

22 августа

Адаев рассказывает, что у них, удмуртов, молодожены три первых ночи спят в амбаре, если даже стоит лютый мороз, и все это время муж не должен трогать жену. Но я, говорит, и одной ночи не выдержал.

23 августа

Старшину Ильина разжаловали, перед строем сняли с него погоны и отправили на один месяц в штрафную роту. Он виноват, но все-таки жаль его.

Да, это случится когда-то.
(Дай бог, чтобы в этом году!)
Усталой походкой солдата
Я к двери твоей подойду.
За годы тревог и разлуки,
Что верности силу дают,
Мне будут наградою руки,
Обвившие шею мою.

Белорусская операция «Багратион», разработанная в основном К. К. Рокоссовским, началась 23 июня наступлением против группы армий «Центр» и завершилась 29 августа 1944 года. В ней принимали участие войска четырех фронтов — 1-го Прибалтийского (генерал армии И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (генерал армии И. Д. Черняховский), 2-го Белорусского (генерал армии Г. Ф. Захаров) и 1-го Белорусского

(маршал К. К. Рокоссовский). Это 168 пехотных дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 20 бригад и 7 укрепрайонов, а также Днепровская военная флотилия и 1-я армия Войска Польского. Общая численность личного состава 2 млн. 300 тыс. человек. Наземные войска поддерживала авиация 3-й, 1-й, 4-й, 6-й и 16-й воздушных армий и авиация дальнего действия (маршал авиации А. Е. Голованов). Наша 50-я армия действовала в составе 2-го Белорусского. Войска Красной Армии окружили и уничтожили вражеские силы западнее Витебска (5 дивизий), в районе Бобруйска (6 дивизий), под Минском (4-я и 9-я армии — около 100 тыс. человек). Всего было ликвидировано 17 дивизий и 3 бригады, а 50 дивизий врага потеряли более половины состава. В результате операции были освобождены вся Белоруссия, часть Литвы и Латвии. Мы вступили на территорию Польши и вышли к границе Восточной Пруссии. Этот великая победа стоила нам 178 707 жизней, что составляет 7,6 % от общего состава наших войск, и 587 308 раненых. Всего — это 765 815 *(Г. Ф. Кривошеев и др.* Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., Вече. С.144–147).

18 сентября

Наступают холода. Ночью уже трудно уснуть. Особенно холодно стоять на посту. А стоять приходится через день — нет людей. Очень холодно по утрам. Прижмемся друг к другу спинами с начхимом Вано, вроде тепло. Наконец решили строить общий блиндаж и сегодня уже строили. А капитану уже готова замечательная землянка.

Крепко поругался со старшиной. Он выдает бойцам поношенное белье, а новое — тому, кто нравится и нужен.

Несколько человек в роте награждены. Ну, мне-то черта с два… Не уживаюсь я с нынешним начальством. Все вспоминаю Ванеева.

Я был несправедлив к начальству: получил же две солдатских медали — «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Союзники уже в Германии. Немцы нас боятся в сто раз сильней, чем их, и сделают все, чтобы не пустить нас к себе. Вероятно, грандиозные бои идут за Варшаву. По сегодняшней сводке сбито 110 самолетов, уничтожено 130 танков.

Убит Тельман. 11 лет сидел и не дождался конца, который сейчас уже близок

30 сентября

Утром вернулся из взвода Павлова. Побывал на всех постах. Когда был у Берковича, к нему приехал брат, лейтенант-самоходчик Замечательный парень. Нагрянул среди ночи, поднял нас, выставил бутылку водки, сало, консервы — и пошел у нас пир горой. Он рассказал, что на днях немцы большими силами предприняли контрнаступление, перешли Нарев, но назад никто не ушел.

Гудков уверял Берковича, будто в 81ск зачитывался приказ всему личному составу о том, что мы вступаем на германскую территорию не как освободители, а как мстители, что юрисдикция упраздняется, каждому солдату и офицеру дано право судить. Будто за каждого убитого советского воина будет расстреливаться 100 немцев. Не знаю, что и думать обо всем этом. Если правда, то, очевидно, вскоре подтвердится.

Разумеется, все это было вздором. Но примечательно, что такой слух родился — так велика была боль от всех зверств, учиненных немцами на нашей земле.

2 октября

Ну и дежурство по роте выпало мне. Ст. серж Ульянов где-то выпил и нагрубил сперва Пименову, потом капитану Требуху. Ему и пришлось вязать его. А мне приказано посадить его на губу. Посадили почти силой. Он не хотел снимать ни ремня, ни погон. Только сегодня утром я уговорил его сдать то и другое. Капитан объявил ему трое суток строгого. Хоть он и не велел сегодня давать ему обедать, но я сейчас его покормил. Не переношу я такие вещи.

Прибыло еще несколько девчат, почти все украинки. Среди них есть цветочки с довольно резким запахом. Вот Шурочка Радченко. Коля Клоков играет на гармошке, а она поет частушки такого рода:

Я бывало всем давала, всем давала на току.

Не подумай что иное — на цигарку табаку.

Поет тихим безразличным голосом, словно не понимая о чем. В лице еще много детского. На вид ей, кажется, не больше 16–17 лет. Курит.

Опять осень. Желтеют липы, клены, тополя, поспела брусника, в воздухе нити паутины. Последняя осень.

Черчилль утверждает, что потребуется еще несколько месяцев 1945 года. До конца этого осталось три, срок немалый. Я продолжаю надеяться, что все будет кончено в этом году. Думаю, что подготовка к завершающему штурму уже закончена.

7 октября

Вчера чуть не погиб сержант Нехотяев из полка Шуста. Он шел ночью из Тыкоцына. Навстречу ему — человек, говорят, что поляк Когда поравнялись, тот выстрелил в него в упор и бросился бежать. Женя упал в кювет, но потом поднялся и нашел силы дойти до полка. Оказалась перебитой гортань. Теперь дышит через трубочку. А как он пел!..

……

Нина! Конец войны близок, но оставшийся путь будет очень тяжел и кровав. Надо быть готовым ко всему. Хотя каждый человек и думает, что он нечто особенное, отличное от других, но на войне у всех судьба равная. Не завещание я пишу. Нет! Завещание пишут, когда готовятся к смерти. А я хочу еще долго жить, узнать с тобой все радости, доступные человеку на земле. Ведь мы еще так мало жили! Почти четыре года прошло, как я тебя впервые поцеловал, и из этих четырех лет мы два года не вместе.

И может случиться, что я не вернусь. А ты еще совсем молодая, и если я не вернусь, года через два острота твоей боли притупится. Не сердись, что я так говорю, но время самый лучший доктор от всех душевных ран. Я знаю, что ты меня никогда не забудешь, но женой другого все-таки станешь. Он будет хорошим честным человеком, но как страшно мне представить, что он будет тебя обнимать… И твой ребенок не будет ничуть похож на меня. А я так хотел бы быть его отцом!

И я прошу тебя, расскажи своему мужу и детям обо мне, что, дескать, был он неплохой парень и любил тебя больше жизни. Если муж будет ревновать, значит, он мелкий человек, ничего не понимает и недостоин твоей любви.

И прошу тебя. Каждый год 7 октября, когда вы будете садиться за стол, ставь пустой прибор для меня: раз в год я буду приходить и радоваться твоему счастью.

Хочу думать, что эти строки когда-нибудь мы прочтем вместе, и ты скажешь: «Глупый!» и поцелуешь меня. Но это только надежда. Сегодня 7 октября, я не знаю, что будет 8-го.

Целую тебя крепко-крепко.

12 октября

Когда я вижу, как сейчас,
Что жизнь моя на нити тонкой…
.
И если дням моим предел
Положит пуля или мина,
Я бы на мир глядеть хотел

Глазами собственного сына.

16 октября

Вчера явился в 1-й взвод на пост Распопова. Здесь Анучин, Хамитдуллин, Морозов и одна девчонка — Наташа Михеева. Стоят они, как и большинство наших постов сейчас, на хуторе у хозяев. Вечером ходили к местному милиционеру. По случаю воскресенья у него собралось несколько человек местной молодежи. Танцы. Поляки танцуют как сумасшедшие, азартно, до упада…

.
Часовни, мадонны, кресты на околицах
И звон колокольный опять и опять —
То Речь Посполита за воинов молится,
Пришедших от рабства ее избавлять…

20 октября

Получил письмо от Симы Ионовой. Она теперь Бутюгина. Знал я Ивана Бутюгина, красивого бледнолицего парня. У них был большой красивый дом на Никитинской улице села Измайлова у Хабаринских ворот.

Ведь Сима — моя первая мальчишеская любовь. Какое охватывало волнение, когда я в надежде увидеть ее проходил мимо их дома, стоявшего как бы на острове. Помню, однажды видел ее там с козочкой на лугу. А позже как трепыхалось сердце, лишь только издали я замечал ее бордовое пальто. До 6-го класса мы учились вместе в старой измайловской «красной» школе, но в разных классах, а потом — в новых разных. Я знал ее не только по школе, но и по двору. Наш дом был № 14, но в «старом» дворе, ее № 15 — «в новом», довольно далеко от нас. Но для меня была полна значения даже близость номеров: 14, 15. А если бы мы не разошлись по разным школам? Ответил ей. И рассказал о давних чувствах.

22 июня около 12 часов мы с Борисом Федоровым зачем-то зашли к ней. Она стояла в открытой двери, и мы о чем-то разговаривали. И вдруг из-за ее спины слышим объявление по радио: «Через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение!» И мы почему-то не остались слушать радио у нее, а побежали ко мне домой. У меня, у нашей тарелки и прослушали выступление Молотова: началась война.

21 октября

Роту перебрасывают на правый фланг, опять к Августову Взвод Дунюшкина уже там, Павлова — пошел.

Много разговоров о том, что немцы готовятся применить Fau-1 в комбинации с газами. Роются бомбоубежища, проверяются химнакидки, противогазы, по точкам разосланы специальные инструкции.

.

И год еще как мы в разлуке,
И мне не верится опять,
Что я когда-то эти руки
Мог так свободно целовать…
Да, наши дни трудны и грубы,
Но ты ведь знаешь по себе,
Как по губам тоскуют губы
И руки тянутся к тебе…

22 октября

А между тем, на РП появилась новая, очень милая девушка Клава Тихонова.

24 октября

Вчера наши войска вошли в Восточную Пруссию. Началось возмездие. Взят Гольдан, Сувалки. Михайлин говорит, что взят Августов.

26 октября

Стоим на хуторе, занимаем несколько домов, мы — в большом прекрасном доме. Просторно, чисто, светло. Хозяин болен, хозяйствует его сын лет 18. Хозяйка приветливая женщина лет 50. Украшение всего дома — большеглазая, белолицая, с родинкой на щеке, пугливая, робкая Чеслава.

Августов взят!

Сегодня первая ночь с инеем. Вода замерзла. Зимно, зимно, — говорят поляки, а ходят босиком.

4 ноября

Подорвался на мине Голубев. Горе, несчастье, а Требух собрал всех и битый час ругал Голубева: вот, дескать, полез куда не надо, куда не положено. На все смотрит с одной точки зрения — положено или не положено. Не понравилось, как у нас стоит пирамида с винтовками. «Разве положено пирамиде так стоять?»

В одной комнате гардероб с зеркалом. «Каждый солдат приходит и смотрится? Убрать!»

5 *ноября*

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1931).

С начала войны по 1 авг. 1944 года зарегистрировано 2 644 329 награждений. Одна треть из них — коммунисты. Из 5241 Героя Сов. Союза больше половины коммунисты. Из 24 дважды Героев 22 коммунисты.

9 ноября

Опять дежурный по роте. Сейчас дежурными ходим трое: Ильин, Лобунец и я. Все давно спят. Вдруг отворяется дверь и старшина зовет: «Бушин, поди сюда!» И повел меня в комнату к хозяевам. Так вот они где! Сидят за столом: на углу Ильин, рядом — старшина, с ним — Чеслава, повар Смирнов, ее брат Олег, их мать. Мне отвели место между Олегом и хозяйкой. На столе — бутылка с водкой и закуска. До меня, как видно, они уже приложились. Особенно хорошо это видно у Чеславы: ее красивые голубые глаза светятся мягко, застенчиво и в то же время весело. Она лепечет что-то нескладное, старшина обнимает ее, она не сопротивляется. Сейчас особенно видно, что руки у нее грубые, рабочие, со шрамами, а лицо — красиво и женственно от рассеянной улыбки.

Олег наливает рюмки. Я предлагаю тост «За сильную, независимую, демократическую Польшу, нашего соседа и друга!» Потом пьем просто за здоровье, за чье — неизвестно. Олег пробует запевать: «Еще Польска не згинела!..» Я снова: «За знамя нашей победы над Берлином!» Никак не могу понять, чем мы закусываем. Все смеются надо мной. Потом рассказали, что это кровяная колбаса, зажаренная в сале. Хозяйская свинина замечательна — мягкая, душистая.

Чеслава пьянеет все сильнее. Старшина почти целует ее. Наконец водка кончилась. Мы встаем. Чеслава легла на свою постель. Старшина остается. Я ужасаюсь… Потом Смирнов зашел и сказал, что она лежит с ним. Удивляюсь спокойствию матери и Олега. Я бы набил старшине морду. Иду спать…

Смешная и милая девчонка Саня Баронова. Она вчера просила Нину Фадееву научить ее целоваться.

10 ноября

Кажется, старания старшины были напрасны. Я очень рад.

Чеслава по-прежнему пуглива, робка и застенчива.

Вчера к ним приезжал ксендз, мужчина лет 35, высокий, тучный, холеный в очках с тонкой оправой. Подкатил на бричке, богато украшенной цветастыми шалями домашней работы. Почти на ходу соскочил с сиденья и, бросив недружелюбный взгляд на нас, быстрыми шагами прошел мимо хозяйки и дочки, опустившихся перед ним на колени, в дом к хозяину. Его здоровье сильно ухудшилось, и ксендз приехал, чтобы причастить его.

Как старательно вся семья готовилась к приезду ксендза. В комнатах, даже к коридоре все было чисто прибрано, сами они принарядились. Мы так не готовились даже к приезду генерала.

Когда ксендз выходил из дома, в руке у него был белый узелок, надо полагать, вознаграждение. А у нас попы никогда не окружались таким почтением. Сколько самых забористых сказок и побасенок рассказывают о них на святой Руси. Чего стоит одна «Сказка о попе и работнике его Балде» Пушкина.

После смерти Пушкина его архивом занимался Жуковский. Он и обнаружил эту «Сказку», которую автор написал еще в 1830 году, но и не надеялся напечатать. Как писал С. М. Бонди, она «представляет собой во многом близкую к подлиннику обработку народной сказки. Сюжет о жадном попе и о перехитрившем и наказавшем его батраке очень распространен в народных сказках Пушкин усилил социальный смысл этой антипоповской сказки и очистил от всего лишнего».

В 1840 году Жуковский напечатал «Сказку» в своей переработке:

> Жил был купец Кузьма Остолоп
> По прозванию Осиновый лоб и т. д.

В подлинном виде «Сказка» была напечатана гораздо позднее. А проделка Жуковского, естественно, никогда больше не печаталась и осталась в истории литературы как факт вопиющего попрания воли автора после его смерти. И вдруг в этом году в Липецке один священник издал «Сказку» в переделке Жуковского! Опять:

> Жил-был купец Кузьма…

Не вынесла богобоязненная душа правдивого пушкинского слова, сказанного 170 лет тому назад! Как это характерно для всего ретроградно-мракобесного строя нынешней России с ее

двуглавыми орлами, триколорами, господами… Сейчас в любой редакции Пушкина с его «Сказкой» и слушать не стали бы. А то и спустили бы с лестницы. В любой! Вплоть до «Правды». Ведь уверяет же Г. Зюганов, что ныне треть членов КПРФ — верующие.

14 ноября

Черчилль в палате общин сказал о новых ракетах дальнего действия, которые немцы стали применять против Англии. Они поднимаются на высоту 100–120 км и летят со скоростью, превышающей скорость звука. Если принять, что это 350 м/сек, то в час они могут преодолеть 1260 км. Конечно, этим оружием ничего существенно уже не изменишь, но все-таки дело серьезное. Все зависит от радиуса действия. Ведь если удастся его увеличить до 2 тыс., то и Москва окажется в зоне обстрела. Быстрее их надо добивать, чтобы еще чего не придумали.

После Первой мировой войны сильное развитие получила авиация, а после этой, надо думать, получат ракеты самого разного вида.

Чернов рассказал, что еще в начале войны один майор говорил ему о таком снаряде, который содержит в себе еще несколько снарядов и когда вылетает из пушки, то через какое-то время рвется и из него вылетают эти другие снаряды, они летят дальше.

«Мы не пережили и не переживем и одной десятой доли того, что уготовано тем, кто начал и развернул это жестокое нападение» (Черчилль. 9 ноября).

Да, вы не пережили, вы и не переживете.

24 ноября

Маруся Живоглядова под большим секретом сказала мне, что Катя Агапкина беременна. Кто здесь виноват, судить трудно. А Тоньку Чекулаеву украл в свою часть какой-то лейтенант.

27 ноября

Нина в последнем письме пишет: «Володька, если ты не веришь мне, то кто и кому тогда может верить? Право же, никто так не хранит верность своим милым, как я. Абсолютно безгрешна». А ведь красавица!

30 ноября

Пропал Зайцев. Куда-то вышел без оружия, и вот уже несколько дней нет его.

3 декабря

Адаев уехал в дом отдыха под Домброво. Мне поручено на это время его заменить. Вчера ездили на склад, все, что было, получили. Ох, и не люблю же я это дело…

Сейчас мы с Ильиным загнали черта носатого Лобунца в одном нижнем белье в угол на нары и вдосталь отхлестали ремнями.

Сегодня получил ответ из «Красноармейца» от какого-то Л. Котомка. Не понравились ему мои стихи.

Попросил Нину прислать «Манифест».

8 декабря

Запись делаю на семинаре комсоргов, созванном политотделом армии. Майор Пьянцев прав, когда говорит, что уж и то большое дело, что мы друг на друга посмотрели.

Ухожу с семинара с добрым намерением. Будем работать с новым парторгом. Ильина неожиданно сняли, и на его место пришел ст. с-т Гончаров из полка Шуста, говорят, с высшим образованием.

Только теперь прочитал ст. Эренбурга «Ответ леди Гибб». Как это она от меня ускользнула. Хорошо сказано. Ишь, сердобольные нашлись.

12 декабря

Вернулись из отпуска Михайлин и Обертышева. Сейчас уехали в отпуск Беркович и Юрескул. До Москвы они добирались три дня. Рассказывают, что там — сугробы по колено. А здесь сейчас сырость, туман, дожди. Как хочется побывать дома. Вернее, как хочется к ней, к Нине…

15 декабря

Вчера мне опять выпало дежурство с приключениями: пришлось арестовывать Пирожка. Опять черт старый где-то напился.

В 41-м году против Германии воевало 14 государств, сейчас 38. Лучше бы сказать так 1 и 37.

На днях производили пристрелку новых карабинов. Я стрелял лучше других.

Еще утром Лобунец ушел в Пшистовку, и до сих пор его нет.

16 декабря

Слышу в соседней комнате говорят обо мне.

Адаев:

— В пехоте он давно был бы заместителем командира полка по политчасти.

Чернов, кажется:

— Да не только в пехоте, а в любой другой части он уже далеко бы продвинулся, только не в нашей роте.

Носов:

— Нет, только на передовой он продвинулся бы…

Лобунец ушел еще утром в Пшистовку, и до сих пор его нет. Видимо, у Кулиманова.

18 декабря

Куда девался Лобунец? Ведь почти двое суток, как ушел. Либо его послали на какое-то срочное секретное задание, либо Кулиманову стало известно что-нибудь из его прошлого. Ведь он два года был в оккупации. Молодой здоровый парень, почему он не ушел к партизанам? Но с др. стороны, если за ним есть какие-то грехи, то ведь он их давно искупил кровью, он дважды ранен.

Несмотря на то что он был дежурным по роте, Пименов направил его в отдел контрразведки штаба армии с пакетом обычного содержания (о личном составе). Он взял автомат и в одной телогрейке ушел. Пименов, как это заметно, все знает.

Пименов разрешил мне заменить карабин на автомат. Сегодня я его пристреливал. Бьет отлично.

20 декабря

Сегодня наконец пришел Кулиманов. Вызвал меня и сказал:

— Хочу вас предупредить, т. Бушин, что вы очень неосмотрительны при приеме в комсомол. Советую вам в этих вопросах всегда советоваться со мной.

Я ответил, что понимаю, о ком он говорит, и понимаю свою беспечность в этом деле. Он сказал, что в политотделе мне еще наломают шею. И дальше:

— 16-го числа я разоблачил Лобунца как агента германской разведки, агента гестапо.

Я достал старый протокол о приеме Лобунца в комсомол. Рекомендации — Бушин и Тупоносов.

И подумал, что все-таки надо верить первому впечатлению: он мне сперва очень не понравился. Но потом подружились. И какое совпадение: Нина тоже писала, что он ей не нравится, а ведь она знает о нем только из моих писем. Как позорно я прохлопал, проглядел врага. Ведь вся рота считала нас лучшими друзьями. Из одного котелка ели, один кусок хлеба ломали пополам. Мы все думаем, что враги какие-то особенные, а они вот принимают личину друзей, хороших ребят. Как он пел Лещенко!

Осень… Прозрачное утро.
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное раннее.
Где наша первая встреча,
Острая, нежная, тайная.
В тот летний памятный вечер
Милая словно случайная…

Мне многое в нем не нравилось и потом, но сейчас поздно об этом говорить. В моей жизни это первый случай такого рода, надо, чтобы он же был и последним.

Молодец Кулиманов. Я проникаюсь к нему уважением.

Он сказал мне, что Лобунец был завербован немецкой разведкой во время оккупации Путивля, где он жил. Я пытаюсь представить себе его мысли и чувства. Значит, он считал, что немцы пришли навсегда? Значит, был не рад освобождению Путивля?

Кулиманов уверял, что сказал ему «Сволочь ты. Если бы сейчас был не 44-й, а 41-й год, я бы вывел тебя и расстрелял, но теперь тебя отдадут под суд. Счастье, если ты отделаешься штрафной, но думаю, что заслужил либо расстрел, либо виселицу».

И еще сказал Кулиманов: «Вы сейчас намерены принять в комсомол Н. Советую воздержаться. Он четыре раза был в окружении». Я промолчал…

22 декабря

Ночью опять долго торчал у нас Кулиманов. Вызывал Бороненкова, Крылова. Около часу ночи вызвал меня. Беседовал со мной долго и дружелюбно. Мы вышли из его землянки около четырех часов. Ночь стояла тихая, темная, звездная…

Валька Калашникова, помирая со смеху, рассказывала, что она зачем-то полезла Райсу за отворот шапки и вытащила оттуда пару презервативов. Тот смутился неимоверно, но не нашел ничего умнее, как взять один и надуть. Ох, и оторва эта Валька из Иванова. А Райс, как видно, всегда в полной боевой готовности даже в зимнее время.

25 декабря

Итак, вчера в ясный, ветреный морозный день мы оставили Длуги Луг, где простояли два месяца. Прошли км 20 и остановились ночевать в д. Яскра, где стоял пост Берковича,

который ушел вперед.

Расположились все в одной избе. Поужинали, поговорили с поляками. Панночки знают все наши песни и поют то «Шумел камыш», а то —

Я любила лейтенанта
И любила старшину —
Лейтенанта — за погоны,
Старшину — за ветчину.

После войны русские песни будут распевать по всей Европе.

А спалось после 20 км крепко.

Время седьмой час. Я разбудил старшину Басова, позавтракали и — дальше.

Позже, местечко Хорощ, 10 км южнее Белостока

Расположились в небольшом каменном доме, пока нас семь человек Нашу комнату всю зиму не топили, она промерзла, холодно. Притащили соломы, на ней и спим.

Я сегодня дежурный. Постов всего три. Семья, у которой живем, русская. Даже 70-летний дед не знает, как они сюда попали. Словом, живут здесь спокон веку. Но вся семья свободно говорит по-русски, и у всех русские имена: Лиза, Петр, Иван, Евгений, Николай. Хозяйка непочтительно, прямо враждебно говорит о поляках. Рассказывает, что при немцах они говорили, что после этой войны начнется другая: поляки по всей Польше перебьют москалей. Рассказывает о довоенных случаях убийства жен командиров Красной Армии.

Спрашиваю хозяйку: «Зачем жить в таком враждебном окружении? Езжайте в Россию». — «Привыкли».

Сегодня у поляков Рождество. Но наши хозяева будут его праздновать 7 января.

Сообщили, что вчера подбито 177 танков, сбито 54 самолета. Бои разгораются. Окружен Будапешт.

27 декабря

Черчилль и Иден в Афинах, где еще идет стрельба.

31 декабря

До Нового года осталось не больше часа. Едва ли удастся как-нибудь отметить его приход. Хоть бы дали по 100 гр. Единственная радость сегодня — два письма от Нины. Она защитила проект на 5. Молодчина! Она просто талантлива. А год назад мы были вместе. А сегодня нет возможности и тост

поднять. А еще писала, что с Тамарой Казачковой видели Феничку. Майор.

А вообще-то я вступаю в 1945 год с самыми светлыми надеждами на победу, на окончание войны, на возвращение домой. Как интересно бы знать, где я буду 31 декабря 1945 года, что будет со мной. Как этот год казался далеким когда-то.

Помню, однажды в 7-м классе на уроке конституции или обществоведения Захарова сказала: «В 1945 году будет построен коммунизм».

У меня какие-то особые надежды на этот год, он будет знаменательным, великим.

Из дневника 1945 года

1 января

Вчера Гончаров крепко подшутил надо мной. Поднес мне стакан водки. Я ее ахнул за Новый год, за победу, закусил кусочком хлеба и думал, что это от щедрот старшины.

А сегодня Обертышева мои законные 100 грамм не дает «На вас вчера взяли» — «Как взяли? Кто?» — «Гончаров». Оказывается, вчера в суматохе впотьмах, чуть не из-под полы я выпил свои законные.

И вот сегодня ребята донимают: «Обрадовался на чужбинку и без всякой закуски…»

Сегодня у меня зазвенело в левом ухе. Спрашиваю Устименко: в каком? И задумал: побываю в отпуске или нет? Он угадал. Значит, побываю.

3 января

Ночую на посту Горбаренко. Это новый ефрейтор, родной брат нашего полковника.

Эренбург прислал во «Фронтовую правду» новогоднее поздравление. Желает нам быть в Берлине весной. «Во-первых, весной даже немецкие города лучше, а, во-вторых — и это самое главное — весна приходит раньше осени». Все надеются, что новый год будет годом победы.

6 января

«Прислушайтесь, друзья. То бьют куранты истории. Мы начинаем не новую страницу — новую летопись. Сердце и ум твердят: 1945 год будет первым годом другой, большой выстраданной нами жизни» *(Эренбург.* Куранты века).

Вчера привез из госпиталя Адаева. Это чудо, что мне удалось забрать его.

Обычно на просьбу или требование о возвращении в свою часть отвечают отказом.

Сегодня впервые с 22-го помылись в бане. После этого хочется спать, но мне выпало дежурить. Думаю сейчас заняться «Манифестом», который прислала Нина.

8 января

Вчера партбюро дало мне рекомендацию в партию.

10 января

Вчера мы с Адаевым пошутили над Надей Беловой. Она очень

хочет сфотографироваться. Мы сказали, что можем. И вот она принарядилась, сколь можно, и пришла. Я взял газоопределитель, очень похожий на ФЭД, и заставлял ее принимать разные эффектные позы. Она все послушно выносила. Мы сказали: через два дня будет готово. Много нашлось и еще желающих: Абдуллаев, Кадушкин, Корнеев…

«Ты меня любишь, радость моя? Люби, милый. Сколько нежности, радости и ласк могу я подарить тебе! Только ты не ищи ничего этого у других женщин. Для тебя только я. Ведь все это я отдам одному тебе. А как я жду тебя, тоскую… И помни: у кого было много женщин, тот познал, а кто любил одну, тот познал любовь».

Позже

Сегодня приняли кандидатом в партию. Прием прошел благополучно. Вопросы задавал только майор Амбрузов. Он мне показался очень симпатичным.

14 января

Женщины более откровенны, чем мужчины, их легче вызвать на «разговор по душам». Полина рассказала мне о своих отношениях с подполковником из корпуса в таких подробностях, что даже неудобно записывать.

На 15-е наметили комсомольское собрание. «Как комсомольцы роты готовятся выполнять приказ т. Сталина № 220».

Послал в «Разгромим врага» в окончательном виде это стихотворение:

Все ближе заветная дата…
Я верю, что в этом году
Нелегкой походкой солдата
Я к двери твоей подойду.
Ты выйдешь навстречу, как прежде,
И, дверь не прикрыв за собой,
К моей пропыленной одежде
Внезапно прижмешься щекой.
За годы тоски и разлуки,
Что верности силу дают,
Твои драгоценные руки,
Как прежде, меня обовьют.

16 января

1-й Украинский стремительно наступает из района Сандомирского плацдарма. Прорыв расширяется. Заняты Кельце и др. Куда пойдут: на Лодзь или на Краков? Передали приказ о прорыве на участке 1-го Белорусского южнее Варшавы. Прорыв грандиозный — 120 км. по фронту!.. И у нас на левом фланге три дня гремит канонада. Туда то и дело идут Ил-2 и Ил-4. Вероятно начинается решающий штурм.

Вчера было комсомольское собрание. Удалось собрать только 30 чел. Но прошло очень живо, активно. Выступающих было половина — 15 чел.

Капитан объявил мне благодарность за хорошие результаты на стрельбах: из шести пуль в цель попали все шесть.

18 января

Итак, наступление ширится. Взят Радом. 1-й Укр. всего в 20 км от Кракова. Несколько часов назад сообщили, что взята Варшава! Как только я узнал, пошел поздравлять поляков. Первой поздравил Гертруду Ивановну. Милая симпатичная женщина. Она обрадовалась больше всех. Потом пошел к пану Сандомирскому. Ему пришлось долго толковать, что такое магарыч. Наконец я сказал просто: «Ставь пол-литра!» Он перепугался и стал оправдываться, что ему уже попало от капитана за угощение наших. Я ему сказал, что через четыре месяца мы будем в Берлине.

Был приказ за еще какой-то город. Пашка Огородов не запомнил. Очевидно, за Ченстохов. «Матка Бозка Ченстоховска», — часто говорят поляки.

Сегодня около нас приземлился Ил-2 — кончилось топливо. Стрелок-радист ночует у нас, а летчик — на местном посту.

23 января

Какие дни настали! Считаем, сколько до Берлина. Для 1-го Белорусского. их не больше 250 км. Сегодня снова, уже третий раз, Москва салютовала пятикратно! За Инстербург, Алленштейн, Дейтш-Айлау, Остерланде, Иноврацлав… Как сладко звучат эти названия…

Наш фронт, видимо, нацелен на Эльбинг, чтобы изолировать всю Пруссию и войска там. До Эльбинга осталось км 60–70. Юго-восточная Пруссия. Осталась в глубочайшем мешке. И нам выпала неблагодарная роль быть дном мешка. Что ж, уж если не суждено дойти до Берлина, будем в Кенигсберге.

С одним из упомянутых здесь немецких городов связана

занятная страница хвастливой и невежественной болтовни Солженицына. Он ведь врал не только на родине, но и за ее пределами, охват глобальный.

30 июня 1975 г. он выступал перед профсоюзными деятелями США Изображая себя рабочим человеком, познавшем все тяготы физического труда, он воскликнул: «Братья по труду!» И дальше там такие слова: «Я был в тех войсках, которые шли прямо на Эльбу, еще немного — и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим солдатам. Но меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась…И я пришел сюда вместо той встречи на Эльбе *(аплодисменты)* с опозданием на тридцать лет. Для меня сегодня здесь — Эльба!»

Действительно, Солженицына «взяли в тюрьму» за два с половиной месяца до встречи 25 апреля 1945 года войск 1-го Украинского фронта с американцами на Эльбе в Торгау. Но если по оплошности его и не взяли бы, то и тогда он никак не мог пожать руку американцам, которым сейчас так хотел понравиться Дело в том, что Александр Исаевич служил в 48-й армии, которая, как и моя 50-я, в составе 3-го Белорусского фронта вторглись в Восточную Пруссию. Там он командовал своей беспушечной инструментальной батареей. Это до Торгау, пожалуй километров 600–700. И если моя армия шла прямо на Кенигсберг, стоящий на реке Прегель, то его — на Эльбинг, стоящий на Висле. Там американцами и не пахло. В наступающих войсках 48-й армии, естественно, частенько раздавалось голоса: «Эльбинг!..Эльбинг!..» Солженицын не мог не слышать это и решил, что город с таким названием, конечно же, стоит на Эльбе. Надо полагать, в его голове все прояснилось бы, если ему довелось бы побывать в этом городе, но его «взяли» 9 февраля, а Эльбинг взяли 10-го, на другой день после того, как Красная Армия освободилась от Александра Исаевича. Но откуда могли все это знать его американские слушатели в 1975 году? Они аплодировали герою…

24 января

Как непривычно и радостно звучат названия немецких городов, взятых Красной Армией: Крейцбург, Аллендорф, Инстербург…

Вчера мы с Адаевым ездили в Кнышин и ночевали у одного поляка. Как он восторгается Польшей и поляками! И это после разгрома в 1939 году. А что должны чувствовать мы за Россию!

26 января, г. Биалла

Сегодня перешли границу.

Границу Германии люди переходили по-разному, с разными чувствами.

Не так давно в Германии в почтенном возрасте умер уехавший туда литературовед-германист Лев Копелев, мой сосед по фронту в Восточной Пруссии (служил в политотделе 48-й армии, кстати, в той же, что и Солженицын) и сосед по лестничной клетке в московской квартире. Это личность во многих отношениях примечательная. Начать хотя бы с того, что его всю жизнь отовсюду исключали, начиная с пионерской организации, а потом — из какой-то профшколы, из кандидатов в комсомол (был такой институт), из членов комсомола, из Харьковского университета, из Московского института иностранных языков, на фронте — из партии, после войны — из Союза писателей…И только из России он уехал по доброй воле. Он, конечно, постоянно жаловался на несправедливость, причем — в самые высокие инстанции, вплоть до папы Римского. То есть человек был бесстрашный и неутомимый на жалобы. Не зря же в его имени в отличие, допустим, от Льва Толстого, истинного льва русской литературы, было сразу аж два Льва: Лев КопеЛев.

Как сосед по квартире Лев Залманович мне сильно досаждал тем, что со страшным львиным грохотом захлопывал дверь лифта, что не только ужасало всех жильцов нашего этажа, но и просто грозило существованию самого лифта. И однажды я не выдержал, быстро выскочил на площадку и бросил ему в лицо с огромной бородой: «Если вы еще раз так грохнете лифтом, я напишу папе Иоанну Павлу Второму!» И что вы думаете? Подействовало. Отныне он пробирался в свою квартиру как мышка, а не лев.

Но это все много лет спустя. А границу Германии 33-летний майор Копелев, питомец института истории, философии и литературы (знаменитый ИФЛИ), специалист по Шиллеру и старший инструктор Политуправления фронта, перешел границу так На территорию Германии он ехал на машине во главе небольшой группы из Политуправления в двухдневную командировку с целью изучить настроения среди немцев. И вот едут… В книге «Хранить вечно», вышедшей в США в 1975 году, он писал: «Установив точно по карте линию границы и убедившись, что мы ее пересекли, я скомандовал: «Вот здесь Германия. Выходи оправляться!» (с.91).

Трудно поверить, что солдату Сидорычу, тюменскому колхознику, и пожилому шоферу эта принудительная оправка под команду интеллигентного майора пришлась по душе. Возможно, под команду они оправляться и не стали, но уж Лев-то Залманович, знаток Шиллера и Гете, духовный сын Лессинга и

Томаса Манна, наверняка подготовился к этой акции со всей основательностью своей научной эрудиции. Поди, перед выездом принял чего-нибудь мочегонного.

И представьте себе, жизнь свою завершил в Германии как великий друг немецкого народа.

28 января, Биалла

Одиночные пожары продолжаются. Любители трофеев работают вовсю. Почту сразу завалили посылками в тыл. Мы своего поросенка уже съели, народу-то много. Поляков, которые тащат немецкое имущество, останавливают и все отбирают. Пьяные в городе не редкость. Сегодня как дежурный по роте сажал на губу Пирожкова и Година. Гончаров пьян и Аньку свою напоил. Карманов приехал пьяный, Валуев — тоже. Вчера, чтобы не обидеть Смирнова, я сделал вид, что пью, а сам вылил.

В немецких домах поражает обилие всякой мелочи, часто безделушек Попадаются и наши советские вещи. Случаев отравления, кажется, не было. Минировать он тоже не успел. Мы нагрянули внезапно.

31 января, Зенсбург

Попадаются подводы с поляками, русскими, итальянцами, французами. Много немцев, большинство старые, но есть и молодые. Меня сперва удивило, что на мой вопрос, кто они, отвечали не скрывая: немцы.

С Валуевым зашли в дом. В комнате фрау и герр. На мое приветствие «Guten Tag!» поспешно и любезно отвечали. Разговариваю с герром вначале по-немецки, потом оказалось, что он может и по-русски. Перешли на русский. Он с 1914 по 18-й год был у нас в плену. «Как обращались с вами в плену?» — «Хорошо» — «А почему вы так поступаете с нашими пленными?» — «Мы не виноваты». — «Кто у вас еще есть?» — «Sohn Walter». Входит верзила Вальтер, которому, по словам матери, 16 лет. Она по-русски не понимает. Он смелее, но, увидев в руках у меня пистолет, пугается. Отец говорит, что его хотели забрать в СС, но он молод.

Еще зашли в пустой дом, в котором много прекрасной одежды. Я взял на всякий случай смокинг. Ха-ха! Может, послать домой?

Мне думается, зря разрешили эти посылки. Еще хорошо, что немец не минирует дома, а то было бы столько жертв. И вообще это действует разлагающе. Но у меня кроме пистолета (оружие не грех) и костюма ничего нет. А костюм завтра еще, может, брошу.

Сегодня ночуем в пивоваренном заводе. Бочки водки, ящики

ситро, сало, масло, сахар. По дорогам бродят сотни отощавших коров, все черно-белой пегой масти.

Проезжали мимо кучи убитых немцев. Только отъехали, один поднял голову и опять положил.

3 февраля, Бишофсбург.

Город разрушен еще больше прежних. Некоторые кварталы горят до сих пор. Впереди — Зеебург.

Славяне не пропускают ни одной немецкой повозки, но лошадей все-таки не просто берут, а заменяют.

Жуков километрах в 70 от Берлина.

7 *февраля, Зеебург.*

Немцы сопротивляются отчаянно. Ночью в город прибывают машины с ранеными. Душу выворачивает от их страшного крика.

Получил нехорошее письмо от Нины. Настроение у нее ужасное. Вероятно, под влиянием трудных условий работа на заводе. Мрачные, тоскливые мысли. Она совершенно серьезно пишет, чтобы я передумал, пересмотрел, люблю ли я ее. Я, говорит, очень изменилась за это время. У меня от этого сожаление и тоска. Как я хотел бы сейчас ей чем-то помочь, ободрить. Мне кажется, что, если я даже разлюблю ее и сильно полюблю другую, я не найду сил уйти от нее. Многое заставляет меня думать, что наиболее характерная для меня черта — жалость, сострадание. Но едва ли кто-нибудь, наблюдая меня, сделает такой же вывод. Ведь я очень вспыльчив, несдержан и даже груб. Об этом мне только сегодня говорил Василий Иванович.

Вчера все-таки отправил посылку матери: шерстяной отрез и костюм. Наверное, испугается старушка. Посылки отправили почти все в роте.

Понемногу начинают наводить порядок отбирать вещи у населения запрещено, право при необходимости расстреливать предоставлено только передовым частям, скот собирают в стада, отправляют в тыл, нам дали задание собрать 30 лошадей, начали собирать, немцев берут на учет.

На одном фольварке мы натолкнулись на семью не то немцев, не то поляков, не то немцев, говоривших по-польски. Вслед за нами приехал верхом какой-то солдат. Мы уже собирались уезжать, как вышел Валуев и говорит «Вот черт, в

сенях насилует!» Я не поверил, вернулся, вошел в пустую захламленную комнату. Она стояла перед диваном, сложив ладонями руки и даже боялась говорить, а только дрожала и прерывисто вздыхала. Парень попросил меня уйти. Я начал его уговаривать бросить ее, уйти. И, как мне показалось, уговорил. Я думал, он выйдет следом за мной. Но мы сели в тарантас, и только когда отъехали метров 400, он показался верхом. Неужели успел сукин сын? Ведь у нее здесь был ребенок и муж… Ах, как жалею, что не дал ему по морде и не прогнал к чертям! Стрелять такого гада на месте…

В армию брали не по «Кодексу строителя коммунизма», а только по двум статьям — возраст и здоровье, остальное никого не интересовало. Поэтому, конечно, на фронте встречались и преступные типы, и люди с дурными склонностями, и просто распущенные, хулиганистые субъекты. И вот они с оружием в руках, частенько вдалеке от всякого начальства в чужой стране, которая только что принесла столько горя их родине. Конечно, находились мстители и такого рода, что в приведенной записи. Но гораздо важнее то, что это жестко пресекалось, за это грозил трибунал. А вот во Франции, когда там высадились американцы и англичане, жертвами оказались женщины не враждебной, а союзной страны, которая ничего дурного не сделала Америке. Но и там это сурово преследовалось.

11 февраля, Хайльсберг.

Это самый крупный из всех городов В. Пруссии, что мы прошли. Бой за него был упорнейший. Его брал не наш фронт, а Черняховского. Но теперь, говорят, нас передают ему.

Эренбург пишет «Только бы не смягчиться, только бы не забыть!» А, по-моему, уже смягчились. Мы не убиваем стариков, детей, женщин. Если такие факты и есть, то они единичны. За все время я видел только раз труп ребенка, неизвестно как погибшего, и раза 3–4 стариков. А ведь пятилетний ребенок, как напоминает Эренбург, через 15 лет может быть солдатом. Нет, убивать нельзя!

Случаи насилия тоже широкого распространения не имеют. Сегодня из политотдела армии пришла бумага, в к-й указывается, что некоторые комсомольские руководители занялись пьянкой, барахольством, самоустранились от комсомольской работы. Приводится пример: комсорг УКАРТА (забыл фамилию), который устроил попойку… Вероятно, снимут с работы. Вспомнил фамилию комсорга — Житник!

16 февраля, Лоттенбрух.

Сегодня совершили небольшой переход — км 12.

Позади нас стоит артбригада и бьет через наши головы, недалеко от нас бьют и «катюши». Где-то строчат и пулеметы, доносится и ружейная стрельба. Небо дрожит от кровавых сполохов.

18 февраля.

Бои идут упорные. Вчера наш 3-й Белорусский занял два города. Наши артиллеристы молотят и молотят. Немцем надо благодарить бога, что погода нелетная. В последний летный день над нами стаями проходили сотни «илов», «бастонов» и «яковлевых»

Вернулся Николай Чувашов. В штрафной он не был недостаточно материала. Думает теперь идти в полк Шуста.

22 февраля.

19-го с военфельдшером Тамарой Гусевой побывали во взводе Павлова. Провел там беседу о положении на фронте и о Крымскоой конференции. Их частенько обстреливают. В корпусе есть потери. Чебуркову осколок, видимо, уже падая, ударил плашмя и контузил руку. И Распопову повезло: он спал под телегой. А бойца (не нашего), спавшего на телеге, убило снарядом, и лошадь убило. Райс рассказал, что и ему повезло: начался обстрел, и он решил лечь в кювет, но не успел. А снаряд угодил как раз в то месту, куда хотел лечь.

А Лобунец-то, оказывается, вовсе не в штрафной, а в 58зсп.

Бой с невероятной силой гремел весь день, сейчас смолк У нас особенно активно работают артиллерия и авиация. Самолеты ходят сотнями. Капитан Завязкин говорил, что немцы подбросили несколько танковых дивизий, чтобы успеть вывезти ценности.

Все хутора здесь побиты. На хуторе метрах в сорока от нас приютились беглые немцы: две старухи, старик, женщина средних лет и шесть ее детей. Я довольно легко с ними говорил. Жаль детей. Старший Франц, ему 10 лет. Они мне вчера сказали, что у них нечего есть. Ночью я принес им хлеба… А наши-то дети как гибли тысячами, подбрасывали детей и стреляли… Валуйчик всех их рассмешил, развеселил, они перестали нас бояться.

Получил письмо от С. Швецова из «Разгромим врага». Пишет: «Тов. Бушин, стихотворение Ваше получил. Оно настолько хорошо, что у некоторых товарищей в редакции возникло сомнение: действительно ли Вами написана эта вещь? Не списана ли она из какого-нибудь журнала. Прошу прислать другие Ваши стихи и указать Ваше воинское звание. Прошу не обижаться, если

сомнение товарищей окажется неосновательным. К нам поступает много стихов известных поэтов, под которыми стоят подписи, не имеющие никакого отношения к этим стихам. С приветом. С. Швецов».

Это о стихотв. «Все ближе заветная дата». Конечно, приятно читать такое письмо: я заподозрен в плагиате! И, выходит, по мнению редакции, мой стишок мог быть напечатан в журнале. Но до чего соблазнительна слава стихотворца: к ней пытаются приобщиться даже обманом и даже на фронте.

26 февраля.

Сегодня миновали Мюльзак, прошли еще 12 км. Расположились в трех домах. Дома разбитые, окон нет. Пришлось с ними повозиться, чтобы можно было жить. Когда мы с Гончаровым вошли, глянули, казалось, здесь черт ногу сломит. Но только стоило взяться энергично, поработать часок-другой — и уже у дома божеский вид. Так и во всяком деле: трудности часто выглядят преувеличенно.

Шевцову послал еще три стихотворения.

На новом месте Валуева и Пирожкова еще не посадили. Я на них не могу смотреть… Он стал молчаливее, а если когда и продолжает балагурить по привычке, меня это не смешит. Более гнусного и лживого подлеца, чем Пирожков, я еще не встречал. Как мордовал их обоих Требух! Они так и летали из угла в угол от его кулаков. Молодец. Так и надо. Пусть радуются, что он их под трибунал не отдал…

Немцы прижаты к морю, и артиллерия бьет их беспрестанно.

Странно, не видно убитых наших солдат. Быстро хоронят? А Капин говорил, что потери большие, бывали случаи, когда от батальона оставалось 11 человек. Верно ли? Ведь потери всегда преувеличивают, считая их доказательством героизма. А это далеко не всегда так. Павлов не раз напевал песню еще времен Германской войны:

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался.
Над озером белая чайка кружит.
Один я от всей полуроты остался…

А до войны была песня «Орленок», там было так

Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один…

И того «ведут на расстрел».

Эта «традиция больших чисел» в стихах и песнях после войны была продолжена. Вспомните песню «Безымянная высота»:

Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят…

Почему, по какой причине, в результате чего — об этом ни звука, слушайте, что я говорю. А ведь большие потери могут быть и результатом ошибки, промаха, неумелого командования.

Интересно, кто будет командовать нашим фронтом после гибели Черняховского. Ах, какого мужика не уберегли!..Он отстреливался до последнего патрона. А у нас сняли Болдина, командовавшего армией еще под Калугой. Говорят, за безобразия в армии вроде того, что учинили пьяные Валуев и Пирожков.

4 марта, Айххольц.

Ужасное настроение вроде предчувствия беды. Может быть, от Нининых писем, которые вчера получил(2). В них много горького, но верного. Она просит откровенно сказать, что я думаю о нашем будущем. Твердит о том, что она старше. «Сейчас ты об этом не хочешь слушать. Но через год-два мне не надо будет напоминать тебе об этом». Ну, это преувеличение. В 24 года она собирается старухой стать? Что за глупости! Конечно, рано было бы мне в 22–23 года обременять себя семьей. Надо бы получить образование, специальность. Не плохо бы лет пять пожить беззаботной студенческой жизнью. Но не могу же я ради этого отказаться от нее. А с другой стороны, я хотел бы до конца испробовать свои литературные наклонности. И семейная жизнь, наоборот, станет источником энергии, бодрости. Ведь я так люблю ее..

А еще на настроение действует просто эта осенняя погода, пустые, безжизненные однообразные поля? Снега на них почти не осталось. Грязь, ветер. Ветер воет так уныло. Какая тоска!

5 *марта, Кильденен.*

Нахожусь во взводе Дунюшкина. Тут стоит штаб 69-го корпуса, от передовой км 2–3. Деревня сильно разбита. Кони и подводы стоят в сараях, а живут в подвале. Он большой каменный и сухой. Можно оборудовать не хуже землянки, но никто не хочет. Оконца заткнуты перинами. Спали на полу на соломе.

Говорил с ребятами об отношении к немцам — жителям и к их добру. На другой день рассказал об итогах январско-

февральского наступления и о Крымской конференции. Сенченко сказал потом: «Такие беседы нам почаще бы».

Обстановка во взводе мне не понравилась. Девчонки (их четыре) не слушают Дунюшкина, все их мысли совсем о другом. А что делать? Им же двадцать лет. З. прямо говорит: мне 21 год, ведь уходит самая лучшая пора. При мне к ней приходил ее воздыхатель — ефрейтор из штаба, с которым она хочет все порвать, потому что он приходит редко.

На участке 69-го корпуса немец отошел км на 4–5.

Сенченков привез меня к нашим «челюскинцам». В доме две комнаты. В первую ночь все легли в большой. А Клавка почему-то захотела лечь в маленькой, где стоял телефон, но лечь одной она боялась. Я предложил ей лечь вдвоем. Она без раздумий согласна. Мы умастились на узкой одинарной софе. Чтобы не свалиться, лежать надо было только на боку и в обнимку. Ну, а уснуть при таких обстоятельствах я не смог. Тем более, что на ней была тоненькая майка-безрукавка…А она, чертовка, делала вид, что спит. И потом, когда надо было подойти к телефону, даже стала рассказывать какой-то сон, который только что видела. Так я и не уснул часов до четырех, когда она, тоже, видно, измучившись, ушла спать к СИ… О, если бы Нина видела меня в ее объятьях!

3-го числа от Гончарова узнал, что «Мечты о встрече» уже напечатаны в «Разгромим врага». На корпусной почте дали газету за 1 марта, где напечатано это стихотворение. Первая публикация! Конечно, приятно. Но как-то и неловко: ведь в армии столько знакомых, а стихи такие интимные. А «С тобой и без тебя» Симонова в «Знамени»? Там уж такой интим!..

8 марта.

Неожиданность: капитана Требуха сменил старший л-т Савчук Тот самый, что еще в Мосальске был заместителем по строевой. Что-то слабо его повышают: ушел лейтенантом — пришел через два года старшим.

Видимо, предстоит большая передислокация, но все же для девчат решили устроить вечер. К празднику многих из них наградили медалями. Трем офицера — Красную Звезду. А Эткинд, еще не услышав приказ, уже приколол колодочку.

Гастрономическая подготовка к празднику идет полным ходом. Вызван повар Роберман, Годин тоже не стоит, возится на кухне. Ну, а мне в этот светлый праздник опять выпало дежурить.

Жуков и Рокоссовский вышли в Балтийскому морю, первый — у Кольберга, второй — у Кезлина. Померании остается померать. Союзники взяли Кельн. Черепаха ползет…

11 марта.

Совершив 150-километровый рейс, оказались км в 15 от Кенигсберга. Обосновались в подвале одинокого дома в лесу. Восемь человек из роты направляют в зенитное училище. Эткинд спросил: «Не хочешь?» Нет… И никто не хочет. Слышал разговор полковника с Савчуком и Шустом: «Кто не хочет в училище, тех пошлю в пехоту. Сам отвезу!» Вот рыло…

16 марта.

Итак с училищем все прошло благополучно. Уехали Корнеев, Овчаренко и Кизилов. Вот уж из Корнеева офицер будет… Но он единственный, кто поехал по желанию.

Сегодня новый ротный Савчук собрал младших командиров и произнес речь. Мы перед ним стоим, а он, развалясь в кресле, закинув ногу на ногу, с улыбочкой нас поучает дескать, я не Требух, я наведу порядок, у меня будет дисциплина, я добьюсь, что все будут приветствовать друг друга и т. п. Зачем такие глупости говорить столь решительно? Знаем мы этих наводителей порядка.

Вот уже шестой. Новая метла всегда хочет хорошо мести. Словом, он мне уже не нравится.

Сегодня была серьезная стычка с Пименовым и Эткиндом. Этот хмырь Пименов шьет себе сапоги и по этой причине запретил чинить сапоги солдатам. Имея несколько пар, шьет новую. Да еще сказал сапожнику Устименко: «Что ты каким-то кузькам сапоги чинишь?» Это мы-то — кузьки. Ах, подлец!

19 марта.

Сегодня послал письмо С. Швецову в «Р.В.» в ответ на его письмо, в котором он заподозрил меня в плагиате: не сдул ли я где-то стихов «Все ближе заветная дата»? Послал ему «На Кенигсберг»:

Мы видели много на нашей земле
Разбитых дотла городов:
И Жиздры кроваво-кирпичный след,
И камни твои, Могилев…
Всю ненависть нашу и горечь утрат
В стихах рассказать не берусь я.
Сейчас под твоими ногами, солдат,
Всем миром проклятая Пруссия.
Ты будешь наказан советским бойцом,
Кровавое логово Коха,

За русских, расстрелянных под Осовцом,
За тяжесть последнего вздоха.

23 марта, Кноппельсдорф.

Вчера утром я направился в деревню Нойхаузен в 481 — й минометный полк, где должно было состояться совещание комсоргов спецчастей.

Мой путь лежал через д. Кноппельсдорф, где стоит пост Дунюшкина. Я разыскал его и посидел у них

Совещание проходило в уютной, хорошо прибранной комнате какого-то старинного замка. Это первый настоящий замок, который мне довелось видеть. Совсем как в романах Вальтера Скотта: зубчатые стены, башни, тяжелые ворота, ров, когда-то наполнявшийся водой. Так и несет от каждого камня Средневековьем, тевтонством.

Совещание продолжалось часов пять. Первые полтора часа занял майор Найштут: «Приказ № 5 — боевая программа окончательного разгрома врага». Потом выступления с мест. И я кратко выступил.

25 марта.

Стоит чудесная весенняя погода. Проселочные дороги подсыхают. Появись бабочки, набухли почки сирени. Воздух пахнет землей, навозом и прелью, протяжно и грустно свистят дрозды.

Весной у меня всегда как-то тревожно и грустно на душе. Ждешь чего-то нового, неизвестного. Что принесет эта весна — победу? Встречу с Ниной?.. Весна лучшее время для встреч, для любви.

Морозов, Дейнеко и я вчера были посланы в расположение 39-й армии занять дома для ПВО и роты. 39-я уходит на другой участок. В этой деревне стоит Юрескул. Ночевали у него в доме из восьми комнат.

29 марта.

Ночую последнюю ночь в роте. Все-таки направляют меня на курсы. 27 месяцев протекло здесь. Как всему и ко всем привык, а то и сроднился. Ухожу с таким же чувством, с каким в 4 2-м уходил из дома. Уже распрощался со всеми. Комсомольские дела сдал Михайлину.

О чем жалею? Единственно, о друзьях. Ведь как привык я к Адайчику, к Райсу, к Шуре Бароновой да ко всем.

Путь лежит в д. Вилау км 6–8 от Тапиау Итак, в путь!

3 апреля

Напрасно я прощался. Видно, в этой роте и кончать войну придется. Лантух-пентюх из политотдела дал мне неверный адрес. Курсы не в Вилау, а в Швиндау Я два дня проблуждал, устал, как черт, и пропала вся охота идти на эти курсы. Да и шел-то я без большого желания.

По дороге прочитал заявление Рузвельта, чтобы его сенаторы и секретари были начеку «на случай немедленной победы в Европе». Я перепугался. Ведь так хочется встретить окончание войны среди старых друзей в родной роте.

Прихожу в политотдел. Капитан Завязкин, гад, посылает меня в отдел кадров 41-й армии. Но все-таки с Пьянцевым удалось все уладить, хотя он был недоволен моим отступничеством. И я направился в свою роту.

Дома меня ждали два письма от Нины (с буковками), от мамы и от С. Шевцова. Нина тяжело болела гриппом. Мама посылала к ней врачей из своей больницы. С.А приглашал зайти к нему. Я на другой же день пошел. Меня встретил маленького роста очкастый капитан а/с в помятой гимнастерке без пуговицы на рукаве. Два ордена — Красной Звезды и Отеч. Войны. Видно, лет сорок, но во всем чувствуется что-то молодое, непосредственное. В письмах он всегда писал «Вы», а тут сразу на «ты». И это было естественно, непринужденно. Но как же он теперь будет обращаться в письмах?

Сразу заговорил о стихах. Сказал, что мои «Мечты о встрече» солдаты вырезали и посылали домой. Посоветовал кое-что изменить в «Кенигсберге» и послать его во фронтовую газету. Хотел «Мечты» и кое-что еще послать Степану Щипачеву. Видимо, знаком с ним.

В «К» я изменил вторую строфу:

Сейчас наша месть за родные края
По прусским дорогам идет.
Врага добивает в последних боях
Разгневанный русский народ.

8 апреля

На 6 было назначено общее комсомольское собрание, но вдруг явился Эткинд и объявил, что ротный приказал к 17 часам всем быть на своих местах. Все разъехались. Но мы все-таки провели бюро, на котором исключили из комсомола Полину Кузнецову.

Меня с Кармановым послали в 1-й взвод. К 15 часам прибыли в Нойхоф. Все вокруг разбито. Устроились со своей рацией на чердаке чудом уцелевшего дома. Связались с ротой. Связь есть!

Начался решающий штурм Кенигсберга. Передовые части уже прорвались за внешний оборонительный обвод. Город горит. Горизонт всю ночь в огне. Сейчас сообщили, что он окружен полностью, отрезан от моря и от Пиллау Меняем дислокацию — в Кенигсберг!

9 апреля, Кенигсберг

Расположились мы с Кармановым с нашей рацией на втором этаже небольшого домика на окраине Кенигсберга под названием Ротенштайн.

День весенний, теплый. Весь день ведут колонны пленных. Удивляешься их количеству. Вероятно, сдаются в массовом порядке. Время от времени немец бросает к нам снаряды, через нас и в сторону. Очень редко. А его буквально засыпают. На площади метрах в 150 от нас стоят штук 15 «катюш». Когда их залп застает неожиданно, пугаешься. Когда-то они после каждого залпа меняли позицию, а теперь весь день бьют с одного места. Артиллерия и впереди и сзади нас — всюду. Сейчас бьет батарея. Что метрах в ста от нашего дома. Студебеккеры только успевают подвозить снаряды.

Пленных тысячи и тысячи. Есть и гражданские — все нации Европы! Павлов говорит. что у немцев осталась площадка 4х6 км. Город горит, горит, весь окутан черным дымом.

Петька Карманов притащил маленького щенка, которого мы в честь нашей радиостанции назвали Шаплаем. Связь у нас работает безотказно.

10 апреля

Итак, вчера в 9.30 вечера гарнизон Кенигсберга капитулировал. Остается Пиллау. Ну, если уж не выдержал Кенигсберг двух дней нашего штурма, то она и дня не продержится. Теперь фронт от нас, если не считать Пиллау, км 400. Василевского сменил Баграмян.

Что ж теперь будет с нами? На Дальний Восток? Говорят, две армии туда уже отправились.

11 апреля

Вчера весь день пробродили по Кенигсбергу. Трудно представить, как он выглядел до войны, когда видишь кругом развалины. Город в пыли, гари, дыму.

По всем улицам снуют сотни машин, повозок, бесчисленными

колоннами бредут пленные (всего их 92 тыс.), наши освобожденные русские. Французы со своим красно-бело-синим флагом усталые, но радостные.

Во дворе одного дома набрели на немца, сносно говорящего по-русски. Портной. Приняв меня за офицера, предложил свои услуги. Очень обрадовался, узнав, что я понимаю его по-немецки. Пристал с просьбой вернуть ему какой-то жакет. Насилу отвязался.

Еще вчера город обстреливался либо в моря, либо из Пиллау. Сегодня уже нигде не слышно никакой стрельбы.

Для взвода привезли трофеи: 30 банок консервов, компот и еще что-то.

Я нашел немецкий пистолет.

В подвалах много убитых немцев.

14 апреля

«Мы рады, что наш январь принес союзникам такой апрель. Радуясь, мы заняты делом. И май в этом году будет действительно маем» (И. Э. Перед финалом. Кр. зв. 7 апреля).

15 апреля

Позавчера вернулся из взвода Павлова в 4 утра. Ехали на машине, запутались в городе, кончился бензин. Савчук, Михайлин и я шли пешком. Савчук на каждом слове матерится, и оттого мат у него бессильный, бесцветный. Видимо, очень честолюбивый человек

Умер Рузвельт. Как жаль! В такой ответственный, решающий момент. Ведь неизвестно, как поведет дело Трумэн, хотя и обещает продолжать его линию.

19 апреля

Сегодня в 3 часа комсомольское собрание. Повестка: «Как показали себя комсомольцы в последней операции». Думаю, что соберется большинство.

Недавно зашел к нам полк Горбаренко, удивился: «Как, разве ты не уехал учиться?» Потом ему не понравились мои зеленые трофейные брюки, которые я и ношу-то всего два дня после изорвавшихся. После брюк не понравилась комсомольская работа: «Не вижу, чтобы комсомольская жизнь била ключом». Ишь ты, ключ ему нужен. За брюки велел старшине наложить на меня взыскание. А закончил так «А ведь вы, Бушин, имеете среднее образование!» И такие, мол, брюки. И чего я ему не нравлюсь? И ведь это давно.

Союзники окружили Нюрнберг, взяли Марбург, подходят к Гамбургу, почти не встречая никакого сопротивления. Сдача немцев союзникам в плен носит массовый характер. Даже погибая, они не оставляют надежды поссорить нас с союзниками. Им сданы богатейшие районы, запас имперского золота. Пожалуй, ими руководит не только страх, как считает Эренбург. В ст. «Товарищ Эренбург упрощает» об этом сказано достаточно ясно. Александров напомнил слова Сталина о том, что Гитлер не Германия, а Германия не Гитлер. А то у нас действительно впали в упрощение, в отрицание всего немецкого. Полезное напоминание.

22 апреля

В первом часу заходил Ванька Чеверев, сказал, что только что принял сводку: наши на окраине Берлина! Подходят последние сроки…

23 апреля

Только что пришел от С. Швецова. Показал ему это:

О, как мечтали мы о нем —
Священном дне расплаты,
Когда завоют под огнем
Берлинские форштадты!
И перед завтрашним судом
Берлин, как вор, дрожит.
И в страхе жмется к дому дом,
К насильнику бандит.
Да, ты не зря, Берлин, дрожишь.
Как истинный солдат,
К тебе пришли солдат Париж
И воин Сталинград… — и т. д.

Ему не понравилось. Сплошная, говорит, символика: города идут, идут, а что дальше? Должно быть, он прав.

Сегодня и завтра при 693 ОЛБС семинар комсоргов. Проходит оживленно и весело. Некоторую приподнятость в семинар вносят девушки — мл. лейтенанты, одна с почтовой базы, другая из цензуры. Славные девчата.

Жуков и Конев ворвались в Берлин с севера и юга. Не уступили союзникам первенства. Какой радостью охвачены все! Говорят, мы уже соединились с союзниками, и Германия разрезана надвое.

29 апреля

Дежурю. В 4 часа была тревога.

Эткинд смешон и жалок в своем стремлении копировать ротного. А ведь оригинал-то не слишком хорош. Теперь Э. Тоже каждую фразу, густо пересыпанную скучным матом, кончает словами: «Понял, нет?» Так делает Савчук. Манеры Эткинда, и до того развязные и развинченные, стали еще противнее. И даже Михайлин поддается этому психозу попугайства. Говорят, 1 мая в Кенигсберге состоится парад. Такое чувство, словно война уже кончилась. Конечно. Ведь наша 50-я армия уже не воюет, мы оказались в глубоком тылу.

Восточно-Прусская операция, в результате которой была занята вся Восточная Пруссия и город Кенигсберг (9 апреля), началась 13 января 1945 года и завершилась разгромом Земландской группировки противника 25 апреля. В ней участвовали войска двух фронтов — 3-го Белорусского (генерал армии И. Д. Черняховский, а после его гибели с 20 февраля — маршал А. В. Василевский) и 2-го Белорусского (маршал К. К. Рокоссовский). Моя 50-я армия входила в состав 2-го Белорусского. Всего в нашей группировке было 133 дивизии, 8 корпусов и 10 бригад. Это 1 млн. 670 тыс. солдат и офицеров. Их поддерживала авиация 1-й и 4-й воздушных армий. В ходе наступления вражеские войска были окружены, расчленены на три части и 25 дивизий уничтожены, а 12 разгромлены и взяты в плен. Лишь части сил 2-й немецкой армии удалось отойти в Восточную Померанию. В боях за 103 дня сложили головы 126 464 наших солдат и офицеров, что составляет 7,6 % от общего числа войск. А ранено — 458 314 человек Таким образом общие потери — 584 778 человек, или 5677 в сутки (Цит. соч. С.163–165) …

В ноябре прошлого года в гостях у своей старой приятельницы И.Е., живущей в Москве и в Париже, я познакомился с одним иностранцем. Человек средних лет, автор нескольких исторических книги, женат на русской. Я подарил ему и его жене свои новые книги. Видимо, прочитав их и почему-то решив, что в наших взглядах есть нечто общее, близкое, он прислал мне по Интернету свою довольно пространную статью. Я прочитал ее с большим удивлением и 14 января этого написал ему ответ. Вот он почти целиком.

«Приходится сказать, что самое огорчительное в вашей статье — то, что вы пишете о моей родине, об Октябрьской революции, о Великой Отечественной войне. Вы употребляете слова, смысл

которых вам неизвестен, пишете о событиях, значение которых не понимаете. Ссылаетесь, например, как на несомненный авторитет, на Черчилля: «Октябрьская революция большей частью была творением евреев». И вы стараетесь этот вздор тиражировать. Но вам надлежало бы знать, что, как писал о нем еще Маяковский,

Достопочтенный лорд Черчи́лль
в своем вранье переперчил,
Орет как будто чирьи
вскочили на Черчи́лле.

(Тогда у нас говорили именно так: Черчи́лль.)

Он лишь на несколько лет уступил Гитлеру пост врага России № 1.

А Октябрьская революция была творением русского народа. Да, некоторые евреи тоже принимали в ней участие. Но революцию надо было не только совершить, но еще и защитить. За это сложили головы миллионы русских людей.

«Роберт Уилтон, кор. «Таймс», — пишете вы, — привел список 384 советских комиссаров, из которых более 300 евреи». Слово «комиссар» у нас имело много значений. Были народные комиссары — наркомы, это министры, и в самом начале их было как во Временном правительстве — 15 человек, среди них один еврей — Троцкий. Были многочисленные комиссары разного уровня в армии, начиная с батальона. И были комиссары, имевшие разного рода полномочия, — по заготовке хлеба, по борьбе с преступностью и т. д. Какие же комиссары имеете в виду вы с Уилтоном? Неизвестно.

О народном комиссаре Л. Кагановиче пишете, что он «отдал распоряжение о взрыве в 1931 году храма Христа Спасителя». Доказательств у вас никаких. А сам Каганович рассказывал вот что: «М. Калинин сказал, что есть мнение архитекторов — строить Дворец Советов на месте храма Христа-Спасителя. Это было предложение АСА — Ассоциации советских архитекторов. Еще в двадцать втором-третьем-четвертом годах Щусев и Жолтовский предлагали поставить Дворец Советов на месте храма, говорили, что он не представляет художественной ценности, даже в старину так считали.

Другая ценность — что народ собирал деньги на храм. Но даже Щусев не возражал, говорил, что храм бездарный. Сталин сразу не решился, выявлял мнения, колебался. Когда составили план, его подписали Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Булганин. Я знал, что все черносотенцы свалят эту историю на

меня.

Дочь Майя Лазаревна говорит, что в день взрыва храма отца не было в Москве.

— Зря, конечно, это сделали, — сказал Каганович (*Ф. Чуев.* Так говорил Каганович. М.1992. С.47). Александр Викторович Щусев (1873–1949) наш знаменитый архитектор, четырехкратный лауреат Сталинской премии. Автор множества проектов от церкви на Куликовом Поле и Казанского вокзала в Москве до Мавзолея Ленина и гостиницы «Москва». Не менее известен и Иван Владимирович Жолтовский(1867–1959). И вот даже эти большие авторитеты предлагали снести храм. Время было такое! О нем прекрасно сказал Николай Тряпкин в предсмертных стихах, которые я ниже приведу.

Еще вы шьете Кагановичу, что он «руководил голодомо-ром на Украине». Да вы хоть подумали бы, зачем руководителям был нужен сознательно организованный мор в своей собственной стране. Тут вы похожи на тех антисоветчиков вроде Радзинского, которые обвиняют коммунистов в развязывании в 1918 году Гражданской войны. Зачем она им была нужна, если они взяли власть и намерены были заняться мирным строительством? Так и в 1932-м — разворачивалось строительство, нужны были рабочие руки, и вот Сталин и Каганович устраивают мор? Тут вы лишь подпеваете украинским националистам, ненавидящим страну вашего проживания. Никакого голодомора не было, а был голод в результате засухи, от которого жестоко пострадали и украинцы и русские. Почитайте книгу Мих. Алексеева «Драчуны». Там об этом сильно рассказано.

Со слов лжеца Солженицына вы пишете: «Самым тяжелым преступлением Сталина было так называемое «раскулачивание», стоившее жизни миллионам крестьян». И сколько же миллионов — не интересовались? А у А.С. есть цифра. Кажется, 30.

«Сталин в беспрецедентном темпе проводил индустриализацию, несмотря на ужасные человеческие страдания». Что вы знаете об этих страданиях? Где вы о них начитались — у Геббельса или у Радзиховского? Да, темпы были стремительные. В 1931 году Сталин сказал: «Мы отстали от передовых

стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Если мы это не сделаем, нас сомнут». Только благодаря этим темпам мы и раздавили фашизм.

«В войне против национал-социалистической Германии (вы не в силах называть вещи своими именами: против фашистской Германии) Сталин поставил на карту русского национализма». Во-первых, Сталин не в карты играл, как Гитлер, а защищал

родину. Во-вторых, речь шла не о национализме, как у Гитлера, а о патриотизме. Это должны понимать и швейцарцы, известные своей патриотической службой при чужих дворах.

«Без обращения к национализму СССР ни за что не выиграл бы войну». Это просто глупость, которую не хочется объяснять. Впрочем, замечу: авантюрист Адольф обратился даже не к национализму, а к расизму. И что, это ему помогло?

Вы осуждаете нас: «Ни СССР, ни западные союзники и отдаленно не собирались думать о компромиссном мире с Адольфом Гитлером». А этот кровавый болван Адольф думал? Ведь сколько времени и возможностей было у него подумать! Хотя бы после того. как мы вышвырнули его вшивую орду со своей земли. Или хотя бы когда Жуков уже стоял на Зееловских высотах в 60 верстах от Берлина. Нет, он предпочел улизнуть от ответственности, бросив свой народ на произвол судьбы. Как и Геринг, Гиммлер, Геббельс и множество других фашистских негодяев.

И с какой стати было думать нам о компромиссе после того, как этот Адольф порвал два договора с нами, вторгся на нашу землю, учинил невиданные зверства, уничтожил миллионы наших граждан, а ход войны все равно шел в нашу пользу.

Вы пишете: «С точки зрения западных держав единственной разумной политикой было бы захватить как можно больше территории в Вост. Европе, прежде чем Красная Армия опередит их». Это и ваша точка зрения. Но Красная Армия уже далеко опередила ваши мечты.

И вы опять горько сожалеете: «Англо-американцы могли бы захватить три ключевых города Центр. Европы — Берлин, Вену и Прагу раньше русских, но Д. Эйзенхауэр приказал своим войскам остановиться, так что все три города были взяты Красной Армией». К вашему огорчению. И вы читали этот приказ: «Янки, ни шагу вперед!»? Или знаете, когда он был дан и под каким номером? Вы это опять взяли с еврейского потолка Сванидзе или Млечина.

А чего же это Д.Э. так странно себя вел? Из любви к России? Но назовите хоть одну страну, армию, полководца, которые, имея успех в войне, не стремились бы к наивысшему достижению, к наибольшему захвату территории противника. Может быть, американцы остановились когда-то в войне против Мексики? Да, после того, как отхватили половину ее территории. Ведь Д. Э. выглядит у вас просто идиотом. Но он таким не был. Как и Черчилль, которого вы превратили в «статиста», коим он тоже не был.

Вот что 1 апреля 1945 г. Черчилль писал Рузвельту: «Русские

армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической т.з. нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять» (W. Churchill. The World War. Vol. 4. P. 407).

Такое желание вполне естественно и закономерно, особенно если принять во внимание, повторю, что Черчилль был соперником Гитлера в своей вражде к России. А Берлин, увы, не оказался в пределах вашей досягаемости.

Но, может быть, как вы уверяете, захвату Берлина противился идиот Эйзенхауэр и издал приказ «Янки, тихо! Дайте русским взять Берлин!». Нет, он был не идиотом, а талантливым и разумным генералом. Еще в конце марта 1945 года он «считал, что Берлин не может быть объектом западных союзных армий, т. к. Красная Армия находится ближе к нему, чем союзные войска» (*Дж. Эрман.* Большая стратегия. М. 1964. С.318). И потому главное — захватить Рур. Однако уже 7 апреля Эйзенхауэр писал Председателю Объединенного комитета начальников штабов: «Я первый признаю, что война ведется для достижения политических целей. И если ОКНШ решит, что стремление взять Берлин перевешивает чисто военные соображения, я с радостью пересмотрю мои планы, чтобы осуществить такую операцию» (История внешней политики СССР. 1945–1980. Т.2, с.254). И в те же дни фельдмаршалу Монтгомери: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнения… Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму» (Важнейшие решения. Перевод с англ. М.1964. С.318).

Но не взял. В чем же дело? Вы опять пытаетесь все объяснить происками евреев: «Рузвельт, ставший марионеткой его преимущественно еврейских и полностью просоветских консультантов решил преподнести половину Европы коммунизму на «блюдечке с голубой каемочкой». Как у вас рука поднялась написать такой вздор, столь оскорбительный для России, страны вашего пребывания…Или не соображаете, что пишете? Вот вам эти «блюдечки с каемочкой».

Вена. Операция, в результате которой 6 апреля 1945 года она была взята, обошлась Красной Армии в 38 661 убитых и 129 279

раненых, всего — 167 940 (Цит. соч. С.168).

Берлин. Операция, в результате которой он был 8 мая 1945 года взят, обошлась нашему народу в 78 291 убитых и 274 184 раненых, всего — 352 475 (Там же, с. 171).

Прага. Операция, в результате которой она была 9 мая 1945 года взята, стоила нашему народу 11 265 убитых и 38 083 раненых, всего — 49 348 (Там же, с. 173).

Сложите-ка эти страшные цифры. Не превосходят ли они все население вашей Швейцарии, которая всю войну снабжала Гитлера своей прекрасной оптикой. Или еще требуется добавить восточно-прусскую «каемочку»?

А уж такие ваши мечты, чтобы немцы вышли на улицы и подняли свой голос «против той лжи, которая с 1945 года висит, как свинцовая гиря, на немецком народе», заставляет думать. что у вас на плечах не голова. в свинцовая гиря.

А такие речения, как «коммунисты и сионисты действовали по принципу «Маршировать отдельно, сражаться вместе» — это из арсенала Геббельса.

А это: «настоящими победителями во Второй мировой войне стали братья-близнецы — еврейский коммунизм и еврейский сионизм». Так, если бы он воскрес, не сказал бы сам Гитлер, ибо он все-таки знал, что победил советский народ во главе с русским.

А назвать Нюрнбергский процесс «мерзким фарсом», «оргией мести» не посмел бы даже он, этот ваш Адольф.

«Благодаря пособничеству западных руководителей Сталин стал властелином половины Европы». Жаль, что не всей, в т. ч. и вашей Швейцарии. Тогда там не сажали бы в тюрьму «ревизионистов», а награждали бы орденом Дружбы народов.

Вы не оставили без своего пронзительного внимания и послевоенное время. «Марксистская идеология запрещала советским руководителям распустить неприбыльные колхозы и распределить землю между крестьянами». Ну вот нынешние правители распустили. И что получилось? Страна лишена продовольственной безопасности. Запад может задушить нас голодом. Вы это понимаете? Кое-где колхозы сохранились, и только там среди вымирающих деревень люди живут по-человечески. И прежде большинство колхозов вполне обеспечивали страну и были прибыльны. А где фермеры? Их единицы. Они влачат жалкое существование.

«Марксистская идеология принуждала вкладывать огромные суммы в поддержку «братских революционных движений во всем мире». Да, революционные движения для нас братские. Швейцарцу это не понять. Но ответьте хотя бы, какая идеология

принуждает американцев вкладывать огромные суммы во все контрреволюционные движения, в Израиль и т. д.

«Марксистская идеология принуждала вкладывать огромные деньги в размещение войск в Вост. Европе». А вы знаете, что американские войска с 1945 года до сих пор находятся и в Германии и в Японии? Если не знаете, чего ж судите марксистскую идеологию?

«Она побудила их в дек. 79 г. к безумному решения войти в Афганистан». Просто удивительно, сколько антисоветского вздора может поместиться в одной швейцарской голове. Во-первых, мы туда вошли после многочисленных просьб афганского правительства. Во-вторых, мы там не только воевали, но и строили дороги, больницы, школы. В-третьих, если бы не вошли мы, то вошли бы американцы. В-четвертых, как только мы ушли, они это и сделали. И война продолжается там до сих пор, как и в Ираке. Видели на днях, как американские солдаты ссут на трупы убитых пленников? Вот оно, безумие-то настоящее.

Вы, конечно, не могли промолчать о «еврейских корнях» Ленина. Возможно, что мать его была наполовину еврейка. Но в России. сударь, это не работает. Даже наш самый великий национальный поэт имел кое-какие «африканские корни». О себе он однажды сказал: «Потомок негра безобразный…» И однако же он, как сказал другой поэт о нем самом и его трагической гибели в 37 лет, —

Любовь и горе всей земли…

И только опять же лишь евреи любят порассуждать на сей счет о Пушкине, как предпринял это, например, возможно, известный вам советский журналист-международник Генрих Боровик на X1X партконференции.

Запомните: Ленин — великий сын русского народа.

А то, что вы вместе с Путиным почитаете грязного лжеца и русофоба Солженицына, это вполне закономерно.

Вы пишете: «Кто, как автор этих строк пережил холодную войну, будучи гражданином Швейцарии, для того СССР был подлинным образом врага. Мы не хотели Берлинской стены, танков в Праге, процессов против диссидентов, очередей в магазинах. Мы были правы, когда не хотели этого». Я, переживший и Горячую и Холодную, будучи гражданином СССР, тоже кое-чего из перечисленного не хотел. Например, глупых процессов над диссидентами, которые только придавали им известность и делали из них «жертвы тоталитаризма». Их надо

было просто высылать или высмеивать. Но для вас СССР как был, так и остался врагом. В этом вся суть.

Так вот. милостивый государь, вы мните себя борцом против сионизма, а на самом деле советские и американские сионисты до такой степени оболванили вас, что вы со всем доступным вам старанием именно на них и работаете. Потому что недооцениваете сионистов, не понимаете, насколько тонки и ловки приемы их пропаганды.

Позвольте на этом наше случайное знакомство считать законченным.

ВБ».

1 мая.

Сегодня в Москве был парад. Это парад победителей. Парад на Красной площади и Знамя Победы над рейхстагом. Какое это, вероятно, величественное зрелище — сегодняшний парад. А каким энтузиазмом охвачены люди! Первый парад после 41-го года. Думаю, что 7 ноября 1941 года Сталин предвидел этот майский парад. Интересно, была ли демонстрация. Может быть, и Нина на ней была.

Перед праздниками я был все дни занят. Писали лозунги, плакаты, делали знамена. Я научится замечательно рисовать серп и молот. На это дело пошли немецкое тряпье, перины — замечательный материал! На одной улице с нами живут немцы, и они вывесили красные флаги над каждым домом.

Вчера был вечер. Пименов сделал доклад. Потом выступил полковник Горбаренко. Вручали награды. «За отвагу» — Михайтину, Тупоносову, Тамаре Гусевой, Чевереву — многим. Между прочим, генерал все представления понизил на ступень. Откровенно говоря, было обидно и, вероятно, заметно по мне. Потому что когда выпили по первой и взялись за вторую, ко мне со спиртом в стакане подошел Михайлин и сказал «Володя, я тебя понимаю и всегда понимал. Давай чокнемся». Он хороший парень, но он может жить со всеми мирно. А я вот с Савчуком не могу. А ведь я ничего плохого ему не делал и потому не понимаю его вражду ко мне. Самоуверенный наглец! Между прочим, за два месяца пребывания в роте его уже наградили Красной Звездой. Его, должно быть, любит полковник

Между прочим, сегодня зачитали приказ о присвоении мне капрала.

6 мая.

Провели подписку на заем. Я был во 2-м взводе. Взвод дал 9,4 тысячи. Я подписался на 500. Рота дала 48 тыс.

Какое-то тревожное ожидающее настроение.

Геббельсы застрелились. Их надо во что бы то ни стало найти.

Ермаков усиленно изучает фотографии Гитлера — вдруг попадется.

Против союзников немцы уже не воюют. И северная и южная группировки капитулируют. А вот здесь у нас на какой-то несчастной Фриш Нерунг огрызаются, как черти.

Все чаще разговоры заходят о демобилизации. Ходит слух, что с 15-го будут отпускать девчат. Ах, не дожила Надя Платонова! И ведь как глупо погибла: прыгнула с полуторки, держа в руке карабин, а он был заряжен и на взводе, при ударе о землю прикладом — выстрел и прямо в голову…

10 мая, Кенигсберг, Ротенштайн

Второй день мирного времени. Как непривычно и странно: война кончилась… Вчера уже с двух часов ночи почти никто не спал. И до утра была пальба изо всех видов оружия. И раненые в госпиталях ликовали. Утром у репродуктора политотдела, когда еще раз передавали акт капитуляции, встретил Шевцова. Мы поздравили друг друга и поцеловались. Позже он пришел к нам нам на митинг, читал стихи.

А вчера, в самый-то День Победы, я весь день гонял на велосипеде, которых здесь множество. Радость требовала физического выражения.

Днем вчера на одном из перекрестков были танцы, танцевали генерал Гарнич и сам Озеров, наш новый командарм (Федор Петрович, 1899–1971. Два ордена Ленина и др.).

Сейчас трудно нам понять все значение нынешних дней. Главное чувство — радость, торжество. Какое ликование в Москве, во всей стране! Как рада и Нина, теперь она ждет меня скоро.

Все гадают: когда будут отпускать, кого в первую очередь.

В такие дни, как сегодня, лучше молчать, все равно не выскажешь всей радости. Но не молчится!

11 мая.

Вчера вечером пришел С. А. Шевцов с капитаном Марковым и дали редакторский заказ написать строк 12–16 о том, как мы слушали Сталина. Часам к 12 я принес Шевцову 16 строк Он уже спал. Встал, зажег свет, стали обсуждать. В трех местах он посоветовал исправить. Сейчас понесу в таком виде:

Если было б судьбой суждено мне
Жить до ста, даже тысячи лет,
И до тех бы времен я запомнил
Дня Победы и облик и цвет.
Слезы счастья и скорби на лицах…
Отстояли мы волю и честь!
Залпы тысячи пушек в столице,
О победе разнесшие весть,
И простое сердечное слово
Поздравленья отцом сыновей
В этот день мы услышали снова,
Дети разных земель и кровей.
Его слово нас в битвы водило,
В амбразуры бросало сердца.
И его беспощадную силу
Враг сегодня узнал до конца.

Позже

О, кто без слез посмотрит ныне
На край, измученный от ран,
На разоренные святыни,
На жертвы хищных англичан!

Это Байрон о Греции.

12 мая.

Сегодня в «РВ» мое «Слово Сталина» напечатано. Я только начал было политинформацию, как приходит Шевцов и дает мне 5 экз. газеты: «Напечатали крупным шрифтом, как классика. Как Демьяна Бедного».

Последний выстрел где-то грохнул,
И хлынула внезапно тишь.
Ты от нее с отвычки глохнешь
И вдруг от радости молчишь.
А ведь какие, друг мой, речи,
Казалось, мог бы ты сказать!
Столица будет в этот вечер
Тебе опять салютовать.
То не привал настал короткий
Средь утомительных дорог.
Сегодня нету оперсводки

Советского Информбюро.
И воздух чист, синеет небо,
На листьях золотая пыль,
И зеленеют всходы хлеба…
Да, мир сегодня это был!

Потом переписал так

Где-то выстрел грохнул
И внезапно — тишь.
С непривычки глохнешь
И молчишь.
А какие речи
Надо бы сказать!
Будут в этот вечер
Нам салютовать.
Не привал короткий
Посреди дорог —
Нет сегодня сводки
Совинформбюро.
Голубое небо,
Золотится пыль,
И мечты из небыли
Превратились в быль.

18 мая.
Стихи так и прут из меня в эти дни.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Теперь недолго ждать до встречи.
Во сне я вижу тот вокзал,
Где в долгожданный летний вечер
Опять гляжу тебе в глаза.
В них столько радостного света,
Что рядом меркнет свет огней.
Хоть в глубине и тлеет где-то
Тревога пережитых дней.
И в знак того, что все невзгоды
Теперь остались позади
И не вернутся больше годы,
Тоской щемившие в груди,
Я положу на плечи руки,

Как это часто снилось мне
Все годы долгие разлуки,
Что были отданы войне.

20 мая.

Сегодня в «РВ» напечатано «После победы». Хотя Шевцов и сказал: «Чемоданное настроение».

Сегодня открытие АДКА Вчера наши комсомолки мыли там полы, принесли цветов. А они, канальи, дали нам всего один билет. Я отдал его Якушевой. Но билет нужен, оказывается, только для буфета, а на концерте могли быть все, и в кино тоже. Ведь ДК рядом с нами. Сейчас там танцы. В нашей комнате слышно музыку…

Сегодня уже второй выходной. Выходной!.. И особенно тоскливо: уж очень все напоминает мирную жизнь. А тут еще от Нины долго нет письма. Последнее написала 9-го и обещала скоро написать еще, и вот нет. Что с ней?

А погода стоит чудесная. Весна в бурном расцвете. Распускается сирень. Я оборудовал неплохую спортплощадку. Еще 9 апреля в каком-то разбитом здании недалеко от Северного вокзала я заметил оборудованный спортзал. Вот туда и съездил на подводе два раза.

Привез брусья, козлы, два турника, ядра, гири.

Помогали мне немецкие ребята. А теперь есть и два хороших волейбольных мяча. Площадка для волейбола тоже готова уже. А парторг Гончаров ходит за Анькой, как хвост. Смотреть противно.

Оказывается, полковник за моими стихами следит. Был у Швецова разговор с ним обо мне. Ш. хвалил ему меня, а он недоволен, что я не поехал на курсы, думает, что я увильнул.

27 мая, воскресенье

Писать дневник никакой охоты нет. Он превращается в стихотворный. А часто такие сильные чувства овладевают душой, но писать об этом в дневнике трудно.

Например, как много я передумал, перечувствовал, читая выступление товарища Сталина на приеме командующих. С какой теплотой сказал он о нас, русских: «Спасибо ему, русскому народу…»

Стихи пишутся гораздо охотнее, но иногда и стихи заставляю себя писать.

К Швецову захожу частенько, читаю стихи. Когда был последний раз, он завел речь даже о моем «лирическом голосе», о сборнике. Я ему, вероятно, нравлюсь. И он мне определенно

нравится — понимающий, умный, чуткий человек.

Демобилизационные разговоры понемногу утихают. Никаких предпосылок. Тревожное чувство вызывает наглость лондонских поляков. Все еще артачатся. Пока не будет решен польский вопрос и обстановка вокруг Триеста, о демобилизации думать нечего.

Мы свято чтим и помним всех,
Кто жизнь за родину отдали.
Но я хочу сказать о тех,
Которым не салютовали.
Кто пал в начале дней войны,
Не увидав зари победы,
На берегах Березины
Всей горечи тех дней отведав.
Или в предгориях Карпат,
Или на западной границе,
Где мертвые с живыми в ряд
С врагами продолжали биться.
Кто даже, может быть, не знал,
Свой путь под пулями кончая,
Что другом вождь его назвал,
Судьбу страны ему вручая.
Они, как те, имеют право
На память вечную людей,
Кто путь войны прошел со славой
От первых до последних дней.

Завтра комсомольское собрание, первое после окончания войны. Вероятно, Завязкин будет вручать награды.

3 июня

Швецов обещает напечатать песню на мотив «Священной войны»:

Прошли огнем объятые
Военные года.
Разгромлена проклятая
Фашистская орда.

Припев:
Ликуй, страна свободная,
Прекрасна и сильна.
Окончилась народная
Священная война.

Весь мир спасла от ужаса,
От рабства и оков
Своим великим мужеством
Страна большевиков.

И мы стоим уверенно
На вахте боевой.
Оружие проверено —
Мы вновь готовы в бой.

4 июня

Назревает большое событие для роты: мы куда-то едем. Вся армия остается на месте, а мы едем. Уже заготавливают на месяц продуктов, договариваются о вагонах, упаковывают, ремонтируют… Неизвестно только — куда. Есть слух, что на Дальний Восток Я не верю, надеюсь, поедем не дальше Москвы. Конечно, хорошо бы из этой Пруссии вернуться в Россию. Адаев рассказывает, что Дунюшкин поехал за пополнением Да, это пахнет ДВ.

7 июня

Сегодня покинули Ротенштайн и направились на станцию в р-не Понарт, т. е. с северной окраины Кенигсберга перешли на юго-восток Расположились в трехэтажном доме вблизи станции. Там пока делать нечего. Состав наш еще не подан. Все наше имущество лежит на путях. Погрузка, вероятно, будет завтра. Число вагонов для нас увеличили с 10 до 18. До сих пор неизвестно, куда едем. Хорошо бы дней на десять позже: во-первых, в ближайшие дни должны быть напечатаны «Бочонок» и «Ликуй, страна свободная»; во-вторых, в эти дня я уже мог бы получить, возможно, медаль «За отвагу». Впрочем, и по почте можно потом получить выписку из приказа.

Сейчас по Кенигсбергу шатаются группки наших пацанов. Я все больше встречал витебских и великолукских, но, говорят, есть и ивановские, даже куйбышевские. Вездесущие российские пацаны! Они отправляются за границу с буханкой хлеба и поллитром молока. От Витебска до Кенигсберга едут три дня. А сейчас разъезжают по Кенигсбергу на велосипедах без шин, носятся с колясками, собирают трофеи. Как приятно видеть здесь, в Кенигсберге, русских пацанов!

12 июня, Режица

Понарт покинули 10-го в 10.45. Эшелон шел через Гутенфельд, Инстербург, Шталлпенен, Эйдкунен.

Протяжный ласковый свисток
Прошел над эшелоном.
И поезд двинул на восток
Со скрежетом и звоном.

Рябит от скорости в глазах,
Бегут дома Понарта,
Как будто кто-то их назад
Отбрасывал с азартом…

Приехали в Литву. Дальше — на Вильно. Там для лошадей взяли сена на продпункте. От Вильно повернули на север — на Двинск Каунас я проспал. Проезжали его утром, часов в пять. Когда я проснулся, поезд стоял. Пошла Латвия — холмистые зеленые поля, красивые озера. После Двинска начались разговоры, что едем в Ленинград. Но ведь туда нас могли перебросить морем. В Двинске судьба не решилась: поехали на Режицу, где возможен поворот направо — на Москву. С пяти утра стоим в Режице. Соседний эшелон прошел на Москву. Неужели увижу?..

Поезд шел, подхлестывая даты,
Версты расстилая за собой.
На платформах ехали солдаты,
Только что окончившие бой…
Пили, балагурили, курили,
О родной мечтали стороне,
О войне, конечно, говорили…
О какой такой еще войне?

15 июня, ст. Шарья

В эшелоне творится безобразие. Большинство пьяны. Не проходит дня без драки. Все чаще отстают. Как только эшелон подходит к станции, сразу возникает базар. Продают перины, одеяла, простыни — все, что захватили. О, братья-славяне! Люди будут правы, если смотрят на нас презрительно. Я уже слыхал, как на платформе говорили: «Гляди, они все пьяные…»

Но можно ли осуждать нас, едущих с фронта на фронт, когда других демобилизуют… Уже поют: «Уходили комсомольцы на Японскую войну…» Да, теперь ясно: сегодня или завтра — новая

война.

Кольку Шибаева на какой-то станции встретили мать и сестры. Только и успел сказать «Здравствуйте!» и «До свидания!» да обнять — и поезд пошел дальше. Солдату не суждены долгие встречи.

Но как отрадно ехать по России. Какой милый народ! Особенно восхищают женщины. Ей-богу, на каждой станции влюбляюсь. Поразила меня молодая женщина в Рыбинске. Высокая, статная красавица. Может быть, потому так понравилась, что русыми волосами, свежестью лица напоминает Нину.

Ах, Нина, Нина, еще не скоро мы увидимся. Если увидимся

18 июня

Сегодня минули Молотов. Стояли часа три. Весь эшелон помылся в бане. Порядок в эшелоне заметно улучшился.

Пишу после перерыва, вызванного пожаром в соседнем вагоне. Загорелось сено.

На разъезде Мулевка местная девчонка играла на гармошке и пела частушки. И все они были не плохи. Но спела и такую:

Лейтенанты, лейтенанты,
Лейтенанты модные.
Хлеб разносите по бабам,
А бойцы голодные.

19 июня, Тюмень

Ни дня не обходится без ЧП. На последнем перегоне в соседнем вагоне один боец по пьянке застрелил другого. Поезд остановили только минут через 30–40 после выстрела. Ранение в голову, едва ли выживет.

23 июня

Рассказывают, что вчера на XII сессии Верх. Совета начальник Генштаба Антонов внес предложение о демобилизации 13 возрастов. Одни говорят, что демобилизации подлежал до 1908 года рождения, другие — до 1905-го. Будто бы всю зарплату за время войны выплатят снова. Старики, конечно, рады.

Эшелон двигается очень медленно. Прошлую ночь почти всю простояли недалеко от Новосибирска. Уж не усомнились ли в нашей необходимости на ДВ.

Сегодня опять было ЧП. На каком-то полустанке сукин сын сержант войск железнодорожной охраны выстрелил из нагана в живот инвалиду, зачем-то подошедшему к вагону. Инвалид упал.

Солдаты все это видели. Кто-то крикнул: «Бей его, мента!» И сразу орава озверевших солдат бросилась на сержанта, и началось страшное избиение. Били долго, ожесточенно, яростно и кулаками и сапогами коваными. Я видел, что вмешиваться в дело, значит, разделить участь сержанта: настолько солдат возмутила его дурость, настолько ярость овладела толпой. Его хотели бросить под поезд, но поезд стоял. Я побежал к Павлову, но он не согласился идти со мной. Все же, кажется, не добили. Но все равно он уже не жилец.

Но как трогательны встречи с населением! Всюду, куда приезжаем, начинаются танцы, пляски, девушки кидают цветы, передают записки. И сколько их, хороших, красивых, милых..

4 июля

Итак, проехав 24 дня, сегодня выгружаемся на ст. Куйбышевка-Восточная. До нее осталось 152 км. Там стоит штаб фронта. Что же нас ждет? Все убеждает в том, что Японию будем бить. Уж скорее бы. Раздолбать бы ее, сердешную, и делу конец, и по домам.

Я начал эту тетрадь 25 января 1944 года и кончаю ее сегодня, 4 июля 45-го. Почти полтора года я делал записи от случая к случаю. Но все же главные события, кажется, не оставил без внимания. События, но не мысли, мысли я записывал редко. Вероятно, потому, что не умею это делать.

Я начал эту тетрадь в белорусском лесу и, пройдя с нею всю Белоруссию, Польшу и Восточную Пруссию, оканчиваю на Дальнем Востоке.

За дорогу было много интересного, но в движении не всегда была возможность записать. Дневник буду продолжать вести, хотя пишу его неинтересно, но думаю, что и при этом он будет очень интересен потом.

Итак, моя старая тетрадь, отправляйся в вещмешок На твое место появится новая, дальневосточная тетрадь. Долго ли она будет иметь право так называться? Поживем — увидим. Сейчас я смотрю в будущее спокойно. Все самое трудное — позади.

18 июля, ст. Куйбышевка-Восточная

Сегодня пятый день, как мы прибыли на место. Везли нас из Кенигсберга больше месяца. Понемногу начинаем привыкать к новым условиям. Вся рота пока в сборе. Отвели нам, я бы сказал, хорошую казарму. Она громадная! По углам две большущие печки, посредине шесть столбов, справа и слева по четыре окна. Этот зал мне напоминает тот, в котором я провел первые дни армейской жизни в училище химслужбы под Москвой. Только то

помещение было еще больше.

Личный состав сейчас заново разбили по постам и говорят, что скоро посты будут выброшены. Комроты Савчук говорит, что удаленность постов от взвода управления будет огромная — до 200 км.

В этом городишке неплохо. В километре от нас протекает быстрая река Томь. Мы уже два раза ходили туда купаться — замечательно. А жара здесь стоит ужасная, изнуряющая, солнце не яркое, но печет так, будто его приблизили в два раза к Земле.

Вчера мы ходили в театр Дома Красной Армии. Правда, билеты не по солдатским карманам, от 18 до 25 рублей, но все-таки нашлись 40 человек любителей. Здесь дает гастроли Московский театр комедии под руководством Рощина. Ставили «Испанского священника» Флетчера. Несмотря на то, что я уже более трех лет не был в театре, мне не смогло понравиться их искусство. Между прочим, с некоторыми девчатами из труппы я познакомился на реке, когда был там в первый раз. Среди них одна оказалась из Измайлова, с Третьей Парковой, соседка.

Полезное, что я извлек из этого посещения — там имеются читальный зал и библиотека. Спрашиваю у барышни: «Можно записаться в библиотеку?» Не отрывая глаз от тетради, в которой она что-то пишет, отвечает: «Пожалуйста». Потом поднимает глаза на мои погоны и спохватывается: «Ах, я думала… Библиотека только для офицеров». Но читальней-то, слава Богу, можно пользоваться всем. Да, здесь, в тылу, где живут по мирным порядкам, чувствуется грань, которую проводят между солдатами и офицерами. Я ее воспринимаю как оскорбительную. Беркович, чертов сын, все пророчит «Погодите, скоро на воротах парков и театров будет написано: «Собакам и солдатам вход воспрещен». Когда-нибудь он договорится!

Думаю воспользоваться читальней. Но беда, что здесь шагу не сделаешь без увольнительной. Вообще бумажка здесь царит. Может, оно так и надо — аборигенам знать лучше. Парторг Гончаров ходил в политотдел и рассказывает, что для того, чтобы добраться до какого-нибудь начальничка, надо прежде через отдел подать заявку, получить пропуск, и уж потом вас соизволят пустить. У нас до самого Александрова легче было дойти, чем здесь до какого-нибудь лейтенанта. Это же замораживает, тормозит работу. Гончаров спросил, почему так много волокиты, ему девушки из партучета объяснили это бдительностью. На фронте, дескать, бдительности нет, а вот у нас… Но потом они все же сознались, что все это от избытка времени и людей. Люди здесь служат подолгу. Двадцатилетнего лейтенанта не встретишь. С наградами почти нет. На нас смотрят как на мамонтов:

«Фронтовики!»

Вчера Савчук решил подвести итоги нашего переезда. Развалился перед всей ротой в кресле, задымил папиросой — и начал. Просто неохота писать все то, что он говорил.

До сих пор не могут прикрепиться на почте!

23 июля

Нет охоты браться за дневник А дни ползут, ползут… И до сих пор наше положение (да и не только наше, а общее) неопределенно. До сих пор продолжают идти на восток эшелоны. Трудно себе представить, сколько сил здесь сейчас собрано. Будет ли в конце концов война с Японией? В официальной политике пока никаких изменений нет. Все с интересом ждут конца Берлинской конференции. Может быть, это определит. Но я думаю, что если с Японией что-то будет у нас, то это пройдет скоротечно: у нас подавляющее превосходство. И все-таки 13 возрастов к 46-му году домой поедут.

Положение нашей роты тоже неопределенно. Савчук поехал в штаб фронта в Хабаровск Вероятно, там решится вопрос о нас. Есть предположения, что мы будем фронтовой ротой.

В армейской газете «За счастье Родины» уже было напечатано одно мое стихотворение. Послал еще «на конкурс», еще — в «Тревогу», «Амурскую правду» и «Тихоокеанскую звезду». Я не из ленивых…

На почтовой базе, которая рядом с нами, служит очаровательный ефрейтор, которая очень недружелюбно относится к нам с Райсом.

26 июля

Вчера в дивизионе бронепоездов капитан из политотдела прочитал доклад о международном положении. Капитан молодой, лет двадцати шести, с правильной, культурной речью, что встретить нелегко. Весь доклад он именно читал, изредка подымая глаза на аудиторию. Это, может быть, и неплохо, не отвлекает слушателей созерцанием своей персоны. На мой вопрос о сущности происходящих во Франции событий, связанных с Генеральными штатами, ассамблеей и т. п., путем не ответил. Говорил о борьбе демократии с реакцией — одним словом, отделался общими словами. А мне хотелось бы это уяснить себе, я как-то не обратил на это внимание в газетах. Доклад он закончил призывом: «Водрузим знамя победы над Токио!»

Старшину Басова заменили — ст. с-т Чабан из пульроты. В первый же вечер, когда он повел нас на прогулку, произошла неприятность. Мы отнеслись к нему сначала с недоверием и даже

с некоторой враждебностью, отчужденностью. Дескать, мы воевали четыре года, а ты нас, не нюхавший пороху, учить будешь. Такое мнение чувствовалось. Это вздорное мнение, конечно. Ведь дальневосточники не виноваты в том, что они не были на фронте. Их пребывание здесь было необходимо. А если бы они попали на фронт, они бы, конечно, показали себя не хуже тех, кто там был. Я представляю себе их недовольство судьбой, досаду. И в будущем со стороны дураков можно ожидать выкриков: «Сидели в тылу, а мы воевали за вас!» Вот против этого надо бороться умно, умело, настойчиво. Но ни в коем случае нельзя умалять и заслуги фронтовиков, как это делает Савчук, который просто издевается над ротой. А что он видел сам?

Так вот, когда старшина подал команду «Запевай!», песни не получилось — пели единицы. Разъяренным чертом выскакивает лейтенант Эткинд.: «Они у меня запоют!» Побился минут десять, бросил — не запели. Вышел ст. л-т Пименов. Его уважают в роте, да и надоело маршировать — кое-как спели.

У Эткинда собачий слух, вероятно, выработанный его образом жизни. Он услышал, как я в строю сказал: «Слов не знают». Когда кончилась прогулка, вызывает к себе: «Агитируешь?» В общем, лаялся, как паскудная собака. А я бесил его своим спокойствием и холодным возражением.

Когда Савчук приехал из Хабаровска, он ему, понятно, поспешил об этом сообщить. Этот тоже вызвал, и тоже, мерзавец, начал лаяться. И опять его больше всего злило мое спокойствие и улыбки. Каким подлецом надо быть, чтобы, пользуясь своим положением, унижать и оскорблять человека. Правда, оскорблять он меня не оскорблял, потому что мат у него не сходит с уст и в лучшие минуты его душевного спокойствия, но угрожал как только мог. Дурак, невежда и хвастун. «Я не так много читал, как ты, но я больше тебя видел». Его и Эткинда бесит то, что я в чем-то повыше их, и они пользуются любым случаем, чтобы показать свое превосходство административное.

А вообще-то у нас были хорошие командиры: старший лейтенант Ищенко, капитаны Ванеев, Требух, лейтенанты Алексей Павлов, Дунюшкин, техник-лейтенант Михайлин. Душевные, добрые мужики. Павлов, теперь полковник, и ныне живет в Алуште. Я не раз у него гостил даже с семьей, и он приезжал ко мне в Коктебель. До сих пор переписываемся, перезваниваемся, дарю ему книги, он мне, когда помоложе был, привозил домашнее вино да сотовый мед со своей пасеки. Не так давно они с женой Лорой помогли мне телефонами при написании статьи «Кладбищенская гиена» — об Ирине Бобровой из МК, которая

прикатила в Алупку, чтобы написать грязные измышления о покойной матери Павлика Морозова. Вот беда, с глазами у него плохо, почти не видит, пишет каракулями… Звонил ему на новый 2012 год, а потом послал новую книгу «Мне из Кремля пишут». Он сказал: «Лора мне почитает…»

27 июля

Я заключил, что мне постоянно надо прислушиваться к своему «внутреннему голосу», к настроению при писании стихов. Как иногда все получается иначе! Я написал «Эшелон с запада» и задумал написать «Смерть лейтенанта» по рассказу комсорга ОБИС. И вот настраивал себя на эту тему все утро. Вдруг нашла туча, прошел ливень, стало скучно, тоскливо — и это у меня вылилось в двадцать строк грустных стихов об осени. Сегодня уже преднамеренно написал еще 8 строк. Писем все нет!

28 июля

Правительство Черчилля ушло в отставку. Полная победа лейбористов: они получили 389 мест. Я хотел их победы, но не надеялся и теперь рад. Это очень большое дело! Поэтому затягивается и Берлинская конференция, ведь теперь вместо Черчилля там должен быть Эттли.

(О нем Черчилль хорошо сказал: «Овца в овечьей шкуре».)

Опубликовано сегодня обращение Черчилля, Трумэна и Чан Кайши к Японии с требованием капитуляции. Это не впервой — откажутся. Но ведь безумство противостоять таким силам. И не могут же они не знать о наших приготовлениях.

Итак, сегодня рано утром взводы разъехались. Сразу стало пусто, голо, скучно. Громадная казарма пуста. Хоть и остались еще более 60 человек, но их совсем не видно.

Вчера вечером мы долго сидели с Райсом на бревнах за воротами. Было очень грустно и чего-то жаль, тоска… Райс сказал: «Если со мной что случится, ты забери мои вещи». Он, возможно, хотел сказать что-то еще, но я перебил его: «Брось!» И мы опять замолчали, и минуты через две сказал уже я: «А если со мной что случится, писанину мою при случае передай…» Он понял кому. Через несколько минут мы встали. Было около одиннадцати — совсем темно. Мы не торопясь шли в казарму. Но там никто не спал: получали продукты, собирались, прощались, шумели.

30 июля

11 постов разъехалось. Народу в хозяйстве осталось мало.

Поэтому мне сегодня пришлось идти дежурить на ночь в штаб ПВО. Я дежурю до трех, а после — старший сержант Чернов.

Мы перешли в новое помещение, оно хуже, но то было для нас велико. Ужасно много клопов, но я пока сегодня их не слыхал.

Итак, дежурю в отделе. Из работников отдела здесь сегодня ночует начальник — капитан Федоров, немолодой, с простыми, мягкими, добрыми чертами лица человек

Сейчас второй раз погасла коптилка. Спичек нет. Первый раз, когда капитан еще не спал, я пошел к какому-то дневальному внизу — так он, сукин сын, побоялся дать мне зажигалку. Я его выругал и ушел; добрые люди нашлись — дали зажигалку. А сейчас ходил с плошкой.

Якушеву отправили на пост. Постоянного почтальона сейчас нет. Временно хожу за почтой я. Сегодня было первое письмо: Ивану Чевереву, из Москвы посланное 15-го. Завтра жду много писем. Но, вероятно, что будут не «кенигсбергские».

На почте свои порядки. Мне вчера начальник почты старший лейтенант по поводу того, что у меня нет форменной доверенности, как у штатного почтальона, заявил: «Это вам не фронт!» Он, капитан, гордится тем, что пятый год на Дальнем Востоке письма перебирает.

2 августа

Сегодня с Афанасием Адаевым пошли на почту. Он меня сопровождал как охрана. В здешней экспедиции, если придешь без вооруженного сопровождающего, ничего не дадут. Девушка-лейтенант обращается ко мне и говорит: «Ваша почта 66417? Вам есть перевод — Бушину». — «Я и есть Бушин». — «Ну и замечательно — получите деньги!» Смотрю я на бланк и недоумеваю — от кого? Наконец, спрашиваю: «А это откуда?» — «Это ваш гонорар за стихи в газете». О, это понимать надо — гоно-рар! И я с большим удовольствием получил шесть червонцев. Авторский гонорар! Впервые в жизни… Тут же у прилавка стоял какой-то парень-красноармеец, видимо, экспедитор из редакции. Он обратился ко мне: «Так вы будете Бушин? Можно вас поздравить. Ваше стихотворение сегодня напечатано». И еще он, кажется, сказал, что другое сдано в набор, интересно какое? Видно, этот парень близок к Смолякову. Оказывается, они вместе читали мое последнее письмо.

Я спросил его, кто он, Смоляков. «Это, — говорит, — здешний поэт, второй величины. Славный парень».

Когда шли обратно, Адаев сказал: «Ты пиши больше, здесь писателей не так много, как на Западе. Здесь плохо

разбираются…» Я от души расхохотался бесхитростным речам Афоньки.

Потом оказалось, что это не гонорар. Никакого гонорара в армейских газетах в пору войны не существовало, а уж тем паче — на фронте! Да и что там делать с деньгами? Дмитрий Быков в недавнем пудовом сочинении о Пастернаке пишет, что вот, мол, во время поездки на фронт в 1943 году надмирный поэт встречался с фронтовыми журналистами, которые только и думали о гонораре. Это наводит на мысль, что сам автор только об этом и думает.

А получил я тогда, оказывается, премию за участие в литературном конкурсе не помню какой-то армейской газеты. И куда было девать эти деньги? Где-то купил я ведро молока, и мы с наслаждением распили его в роте. Так я использовал свой первый литературный заработок

7 *августа*

3-го числа получили наконец письма. Сколько радости! Мне было 20 писем. Только от Нины три (за июнь). Три письма от С. Швецова, несколько писем от мамы и Ады, одно от дяди Гриши. Он после ранения в грудь навылет в Сталинграде был демобилизован. Одно письмо из «Комсомолки» от Смирновой (обещает показать мои стихи Владимиру Луговскому. Я послал ей еще несколько стихотворений), письмо из Гродно от милой Жени Трусевич (детское, полуграмотное).

От Швецова я не ожидал получить так скоро. Он прислал мне газеты с моими стихами, напечатанными уже после нашего убытия из Кенигсберга: от 12.VI — «Песня» и передовица, посвященная начинающим поэтам, где я упомянут; от 13.VI — литстраница — «Бочонок» и от 30.VI — «Тост».

Вероятно, мои знакомые в Кенигсберге думают: что такое, рота уехала, а стихи Бушина все печатаются, уж не остался ли он? Шевцову послал новые стихи: «Дней погожих очень мало впереди» и «Поезд с запада». Он просил.

Писатель Сергей Александрович Шевцов, капитан, служил в должности «армейского поэта» в газете 50 армии «Разгромим врага». Можно сказать, он мой литературный крестный, во всяком случае, впервые напечатал меня. После войны он много лет был главным редактором «Крокодила», т. к работал в сатирическом жанре. Мы с ним виделись. Потом я узнал, что он — отчим Юры Томашевского, специалиста по Зощенко.

Но с первым стихотворением, посланным в начале 1945 года

в газету («Все ближе заветная дата…». Оно есть в моей книге «В прекрасном и яростном мире»), как я упоминал, произошел конфуз. Шевцов прислал мне письмо: не содрал ли я где-то сей стишок Мне это, конечно, польстило: при первой же попытке напечататься заподозрен в плагиате из журнала! А это уже каким-то боком причастность к литературе. Но где там на фронте журналы! Это Солженицын много читал и писал на фронте, например, прочитал пьесу Александра Крона «Офицер флота» и отправил ему похвальное письмо. Такое же собирался написать Твардовскому. Уж не говорю, что свои фронтовые сочинения слал он в Москву то и дело — Константину Федину, Борису Лавреневу и даже малоизвестному литературоведу Л. И. Тимофееву. Безногий Леонид Иванович, милейший человек, между прочим, был в Литературном институте моим научным руководителем в аспирантуре, а позже дал рекомендацию в Союз писателей.

8 августа

Вчера получил ответ из «Тревоги».

Некто М. Карамушин, отметив теплоту моих стихов, искренность, лиризм и грамматические ошибки, подвел итог «Тов. Бушин, не унывайте, что ваши стихи не попали в печать. Они заслуживают внимания. На вас можно питать надежду как на будущего поэта». Этим он заканчивает, а начинает так «Вы человек, хорошо овладевший техникой стиха». Нашел мои стихи «В разлуке» «сугубо личными». Хотелось мне ему сказать что-нибудь солоноватое, но ограничился только тем, что сообщил ему, что эти «сугубо личные» стихи, которые он ввиду этого их качества не находит возможным напечатать в военной газете, были напечатаны не только в военной, но во фронтовой газете во время боев. Но сказал это я ему мягко. Послал еще пару стихотворений. Все-таки думаю овладеть «Тревогой».

9 августа

В 6 часов сержант Беркович сделал подъем и сказал: «В 5 часов утра Молотов объявил состояние войны с Японией». Приняли как должное, давно ожидавшееся известие.

На станции погасли огни. Мирный период продолжался три месяца. Ну что ж, если понадобится, значит, будем воевать.

Позже

Создано три фронта: Забайкальский, Амурский и Дальневосточный. Командующие: маршалы Малиновский, Василевский, Мерецков. Савчук говорит, что севернее Б., где расположены склады с горючим, японцы уже обстреливают. Там

стоит Денисов.

10 августа

Кончается второй день новой большой войны. Для нас он не принес особых изменений. Хоть и говорят о форсировании Амура на нашем участке. Рассказывают, что Сахалян добровольно сдался. Прислал парламентеров с белыми флагами. Войска японцев город оставили после наших ответных арт— и авианалетов. Опять-таки, говорят, что Забайкальским фронтом взяты два города, Дальневосточным — один (кроме Сахаляна). С соседнего аэродрома не вернулся один самолет, другой разбился о сопку. Первые жертвы. Война!

Газеты припоминают зверства японцев в 1918–1922 годах, их постоянную наглость.

Послал Смолякову стихи.

11 августа

Передано сообщение, что Япония приняла наши условия капитуляции. Вопрос передан на рассмотрение Англии и Америки.

Вот как! На ультиматум Англии и Америки — отказ, а как только свой голос присоединили мы… Это было бы разумно.

Позже

Итак, мы входим в состав 2-го Дальневосточного фронта. И справа, и слева от нас наступление идет стремительно.

Здешние дальневосточники, которые всю войну служили здесь, рвутся на передовую. Их досаду можно понять!

Американцы используют атомную энергию. 6 августа Трумэн сообщил, что на Хиросиму сброшена бомба, взрывная сила которой больше чем 20 тыс. тонн взрывчатого вещества. Ведь это 10 эшелонов по 100 вагонов в каждом! Во что бы то ни стало наши ученые должны овладеть этим открытием. Ведь страшно подумать, что может сделать это оружие в руках наших врагов. Осталось ли что от Хиросимы? Начнется новая эра техники.

Т. Драйзер вступил в компартию США.

Очень хотел бы видеть в завтрашней «З.р.» свои стихи.

14 августа

Вчера ввечеру приехали в село Константиновка, что на самом берегу Амура. Село, как и все села в здешней стороне, большое, грязное.

Около каждого дома танки, самоходки, броневики, рации, орудия. Стоит неумолчный шум и скрежет. Знакомая веселящая

музыка! Носятся мотоциклисты, машины. Все солдаты в касках. Фронтовики посмеиваются. В госпиталь уже поступают раненые.

Рыча, несется «студебеккер», на борту, обняв рукой за плечи бойца с перевязанной головой, сидит девушка. Через Амур переправляются на пароходах. Завтра, вероятно, двинем дальше. За рекой раскинулась Маньчжурия — лесистые зеленые холмы. Здравствуй, Китай!

20 августа, Маньчжурия, несколько километров южнее Сун-У

13-го покинули Константиновку. Через Амур переправлялись на двух старинных баржах, которые буксировал теплоход «Сталинград». Высадились и по только что проторенной дороге двинулись в глубь Маньчжурии. Отъехав километров 15, радисты (в том числе и я с З.М.) остались во взводе Гудкова, который мы встретили по дороге. Дальше путь продолжали с его взводом. Ночью шел сильный упорный дождь. Около двух часов стали на отдых. Не распрягая лошадей, стараясь не шуметь, без огня разместились вдоль какой-то боковой дороги. Наши предосторожности…

23 августа

Нет времени делать записи. Пытаюсь продолжить.

Итак, ночевали с Гудковым. Дождь беспрестанный, промокли до нитки. Я вдруг проснулся. Кругом мокро. Вдруг вижу вспышки — потом стрельба. Все схватились за оружие и начали беспорядочно отвечать. Удивляюсь, как не побили друг друга. Стрельбу прекратили. Дождь не перестает. Начинает светать. Мы выехали.

День прошел без особых событий. Ночь и не отдыхали, и не ехали.

Следующую ночь провели благополучно в Эрчжане. Наутро тронулись. Я уехал немного вперед. Вижу, обоз стоит. Подъезжаю. Оказывается, убили старшину Абдуллаева, нашего коновода, ветеринара. Он искал овес вместе с сержантом Юрескулом. Привезли убитого, схоронили, дали салют из винтовок и автоматов. Кажется, он был узбеком. Тронулись дальше. Все время были наготове. Последнюю ночь ночевали около колонны автомашин вблизи дороги.

Опять перестрелка. До места осталось не более 28 км.

Делал запись выпивши.

Герои-дальневосточники обрадовались, что им без счета дали патроны, и стреляют боевыми.

Идем по маньчжурским дорогам,

Впереди ни огня, ни села.
Далеко от родного порога
Нас солдатская жизнь занесла.
Под палящим безжалостно солнцем,
По колено в грязи, под дождем,
Под огнем камикадзе-японца
Мы идем, мы идем, мы идем…

25 августа

Вчера вечером, не доезжая км пять до Луньчженя, остановились на ночлег около каких-то складов. От Сун-У ведь это будет, пожалуй, километров 100, до Эрчжаня 70. Сейчас уже перевалило за полдень, а мы все еще никуда не трогаем. Говорят, впереди, километров за 10, образовалась громадная пробка в 500–800 машин. В городе, куда ездили старшина и Засимов, встретили Крылова. Он говорит, что рота застряла в этой пробке. Поэтому мы и не торопимся, хотя уже и хлеб кончился.

Надоело топать по этой грязище. Невероятно дикая страна — пустыня. На протяжении 150 км мы едва ли повстречали десяток деревень. Население оборванное, забитое. Все китайцы и маньчжуры ходят либо с красными повязками на рукавах, либо с флажками. Идут несколько человек, впереди обязательно с красным флажком — как пионеры. Почти на всех домах тоже флажки. Поэтому улицы деревушек выглядят празднично. Один раз довелось даже встретить настоящий наш государственный флаг с серпом и молотом, со звездой.

Горы сейчас, кажется, кончились, началась бескрайняя равнина. Дорога в основном подходящая, но встречаются места, очень сильно разбитые прошедшей техникой. Кроме того, бесчисленные спуски да подъемы, это утомляет.

После гибели Абдуллаева пока все обходится благополучно, хотя редкая ночь проходит без перестрелки. Говорят, в Харбине был парад наших войск

1 сентября

Третий день живем в Бейаньчжене. За эти дни, пока я не делал записей, наш путь протекал так В Луньчжене своих мы не застали: дня два назад они ушли оттуда. Нас встречал только один Крылов, пьяный, в китайской соломенной шляпе. Отдохнув в Луньчжене сутки, подкормив лошадей, мы тронулись дальше. Погода соответствовала дороге — и то и другое ужасное. Повозки то и дело тащили на себе, кони вязли, падали, их распрягали, вытаскивали из грязи. И все это под проливным дождем, когда

нет ни одной нитки сухой.

На первый же день пути, к вечеру, мы догнали свои машины. Они стояли в громадной пробке. Нашим «механизированным» войскам тоже было нелегко — машины приходилось то и дело толкать, стелить дорогу, копать. Но у них было то преимущество, что они меньше мокли — «студеры» крытые.

Пьяный Гудков, чтобы как-то оправдать себя, пожаловался ротному, что будто бы взвод жалуется на недостаток продуктов и отсутствие хлеба. А ведь об этом даже и разговоров не было! Савчук построил взвод, начал причитать, угрожать, запугивать. У него привычка все преувеличивать. Вызвал меня к себе в машину: «Ну, рассказывай все, как было». Я сказал ему, что Гудков руководить взводом не может. (Сейчас взводом командует Дунюшкин.)

Наутро мы от них уехали. Переночевали одну ночь в дороге, а на следующий день после обеда прибыли в Бейань-чжень. Но эти последние километры были, пожалуй, самыми трудными: дождь был ужасающим. Единственным сухим местом у меня остался правый карман, куда я положил пистолет и бумажник. И вдруг показался город. Он был для нас желаннее, чем земля обетованная. После дикой пустыни, грязи, полуразвалившихся фанз город нас поразил. Двух-, трех-, четырехэтажные европейского образца дома, мощеная главная улица, особнячки американского типа. Но все-таки в каждой точке города помнишь, что он стоит среди пустыни — отовсюду видны поля, равнины. Добротные красивые постройки, которые могли бы составить для города приличный фон, не создают его из-за своей разбросанности, беспорядочности.

Очень скоро нам удалось разыскать Павлова. Расположились в соседнем с ним доме. У Павлова больше десяти ящиков чистого спирта. Васин всех обносил с кружкой в руке. Выпили, согрелись. Первую ночь после Константиновки спали под крышей. На другой день я сходил в город.

Народу в городе много, нас встречают очень радушно. Улицы в красных, синих, красно-синих флагах. Праздничный, возбужденный вид. Улочки грязные, кривые, за исключением немногих. На домах надписи: «Китайскіе помісение» или «Китаец дом» и т. п. Все население также ходит с белыми повязками, где написаны их национальность, имя и профессия. Например, «Китаец (кореец) Сун-Фу-Чан зубной врач». Поражаюсь безделью населения. На каждой улочке торговля какой-нибудь мелочью: фруктовой водой, помидорами, луком, лепешками и т. п. Один торгует, другие ходят с какими-то бубенцами, третьи ничего не делают. Продавцов больше, чем покупателей. Удивительно мало

женщин.

6 сентября

Город продолжает жить своей жизнью. Работает все: от электричества до публичных домов включительно. Есть рестораны, гостиные дворы. Все грязно, ветхо. Постоялый двор — какой-то страшный сарай с нарами, на которых лежит тряпье, всюду щели, в которые легко пролезет поросенок

Вчера мы с Бочерниковым выбрали ресторан и зашли поесть пельменей. Пельмени замечательные, но очень велики — с яблоко. Есть все надо палочками. Привлеченные шумом и пением, мы зашли в какой-то базарный театр. Китайцы нас почтительно пропустили. Этот театр — громадный продолговатый сарай с плетеными, обмазанными глиной стенами, с соломенной крышей. Народу много, одни сидят на каких-то жердочках, заменяющих скамьи, другие расхаживают между сидящими. Все курят, лузгают семечки, разговаривают, и никто не обращает внимания на сцену, где две девушки и седобородый старик что-то старались изобразить на фоне экзотической декорации. Но время от времени весь зал дружно смеялся, все-таки, видимо, сцену слушали. Постараюсь еще походить по городу, поглядеть.

Скоро погрузимся и снова в Куйбышевку.

Я снова границу твою пересек,
Родная моя страна.
Сначала на запад, потом на восток
Кидала меня война.

21 сентября

Уже с неделю живем в Куйбышевке. Обратный путь из Бейаньчженя до Амура я проделал со взводами. В пути все было благополучно. Только у меня была неприятность с Павловым. Он дал мне своего коня, которого очень любит, я сел на него и уехал вперед. А конь пугливый, неспокойный. И вот когда мимо моста проходил «студер», он вдруг попятился. «Студер» стукнул его по задним ногам, и он упал. Я удачно выскочил из стремян и поднял коня. Он встал на три ноги, подняв правую заднюю. Я думаю, будь на моем месте кто другой, Павлов избил бы его. И с тех пор до Амура я чувствовал натянутость в своих отношениях с ним. Но сейчас это, кажется, рассеялось.

От Амура мы с Потемкиным поехали вперед одни. Доехали довольно хорошо, если не считать начала пути — наш «студер» задавил двух спящих шоферов. Вот смерть!

Как приятно было идти по темным знакомым улицам

Куйбышевки!

24 сентября

Сейчас демобилизационная лихорадка. Старики и девчонки уже сдают оружие, готовятся. И ей-богу, грустно расставаться. Меня почему-то сейчас особенно тянет к Сане Бароновой. Я ее почти ревную к Ручкину. Славная девушка. Таких очень мало. В роте она единственная.

Сегодня им, 35 демобилизующимся (всего демобилизуется 56 человек), выдали медали «За победу над Германией».

У меня, оказывается, будет минимум 4 медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», ну и «За победу», «За Кенигсберг».

26 сентября

Вчера проводили девчат и стариков. Я и не ожидал, что так грустно будет расставаться! На «студебеккере» в две очереди отвезли их на станцию. Ждать там пришлось недолго. Штурмом взяли вагон, предназначавшийся для нас, втиснули всех, усадили. Незадолго до отхода поезда приехал полковник Какой приятной противоположностью нашему Горбаренке оказался! Тот — говорливый и мелочный, а этот умный, мягкий, обходительный. Я забрался в вагон, несмотря на страшную тесноту, сквозь мешки, сидора пассажиров. Добрался до самого конца вагона, где за горой мешков стояла Саня Баронова. Попрощался с ней, крепко пожал ей руку, она как-то жалко улыбалась, а потом прошел обратно к выходу, пожимая руки, прощаясь, желая счастья, доброго пути. Мне отвечали тем же. Все были возбуждены, взволнованы — и уезжающие и остающиеся. Ведь три года прожили вместе!

Наконец свисток. Поезд пошел. Они поехали сперва в запасный (46-й) полк, а уже оттуда поедут домой. Запасный стоит в Завитой, так что когда они поедут обратно, мы еще можем встретиться.

Как сразу пусто, тихо, скучно стало в казарме. Раньше шум надоедал, а теперь мы были бы рады этому шуму, суматохе, толкотне.

27 сентября

У меня на душе было отвратительно. К понятной грусти примешивалось чувство тревоги за свою демобилизацию. А она назревает. Пришел приказ о том, чтобы подать сведения о наличии в/с с высшим образованием, студентов второго и выше курсов, с/х специалистов, нестроевых и т. д. А Нина пишет, что у них там уже демобилизуют студентов. Но меня Бочерников

зачислил в графу нестроевых. Может быть, это и не совсем выгодно по сравнению со студентом? Я попросил в телеграмме Нину выслать мне справку, что я студент 2-го курса. Но все дело в том, что, как видно, в скором времени армия уедет на Южный Сахалин. Успеют ли нас до этого демобилизовать? Дни проходят в томительном ожидании, в тоске.

А вчера было просто невыносимо. Захотелось снова напиться, чтобы потерять ощущение времени. Я замечаю за собой, что пристрастился к спирту. С тех пор как мы вошли в

Сун-У, почти ежедневно пил. Но вчера не удалось выпить ни капли, несмотря на все старания Адайчика.

А сегодня, будто нарочно, и погода испортилась. А до сих пор стояло чудесное бабье лето.

2 октября

Часа два назад приходил Смоляков. Ему нужен был материал о демобилизованных. Я написал статью об Ильине. Смоляков сказал, что в завтрашнем номере будут мои стихи. Он пообедал у нас. Потом, сидя на нарах в нашей казарме, читал стихи. Нас обступили ребята. Стихи были хорошие, но я сейчас уже и не помню, о чем там. Помню, упоминалось имя Галина.

Я проводил его за ворота нашего городка. По дороге он рассказывал о себе, о Петре Комарове, о своих стихах. Он недоволен своей судьбой, тем, что не был на войне. «Под старость лет будет совестно жить с медалью «За боевые заслуги», — так он сказал Савчуку.

Савчук предлагает мне ехать в Иркутск, где штаб 50-й армии, за выпиской из приказа о присвоении ему звания капитана. Интересно было бы встретиться там с кенигсбергцами, друзьями, с Швецовым, но ведь на это затратишь дней десять.

8 октября. Деревня Ключи, 20 км от Куйбышевки

Сегодня пятый день, как живем в деревне Ключи. Заготавливаем здесь для жизни на Сахалине картофель, морковь, капусту. 10 тонн картофеля уже отгрузили (надо 25 тонн — на год), 1 тонну моркови (надо 5). Работаем хорошо, после работы чувствуешь здоровую трудовую усталость, замечательный аппетит, но и кушаем тоже хорошо, спим до семи часов. Одним словом, жизнь здоровая, крестьянская. Живем у крестьян в избах. Мы с Райсом — вдвоем. Хозяйка — молодая женщина богатырского сложения и здоровья, кровь с молоком и очень веселая, общительная. Райс пытался к ней подвалиться — безуспешно. Мать ее скорбная старуха, оплакивающая сына, погибшего в 42-м году. Я радуюсь каждому дню, проведенному

здесь — авось дотянем до дня, когда будут демобилизовать по второму указу. А ход дела дает надежду на это. Дай Бог! Так что торопиться уезжать отсюда нет надобности. Тем более, что погода стоит чудесная, погожая поздняя осень.

11 октября, Куйбышевка

Дня через 2–3—4 едем в запасный полк, который стоит в Свободном. А оттуда — домой! Нас едет 15 человек, все по второму указу, только пока не по 15-й, а по 9-й год.

Последнее время только и думаю о встрече с родными, особенно с Ниной, о том, как буду устраивать свою жизнь, где буду учиться. Да, где же, в конце концов, я буду учиться: в медицинском, ИФЛИ, МГУ? Вероятно, в медицинском. Окончательно решу уже дома.

Как не терпится обнять, расцеловать Нинушку! Ждешь и ты, я знаю. А когда будет наша свадьба? А как же это я тебя поцелую при всех и все будут кричать «Горько, горько»…

Но получилось не совсем так, совсем не так Я виноват перед этой женщиной, так виноват. Но ничего не мог поделать… Прости, Господи…

В декабре 2005 года она умерла. И тогда же я написал еще несколько прощальных строк

Я не видал тебя в гробу,
Не бросил горсть земли в могилу,
Но и благодарить судьбу
За это тоже не под силу.

Смотрю на давний твой портрет,
И оживает все сначала:
Ты та же — двадцати двух лет,
Когда меня с войны встречала.

23 октября

С 12 октября по 20-е с Иваном Чеверевым ездили в Иркутск Привезли Савчуку выписку из приказа о присвоении ему капитана, но в отношении своей медали сделать ничего не удалось, получил только обещания.

Иркутск меня приятно удивил. Много красивых зданий, приличные кинотеатры. И поразило обилие симпатичных девушек Или это с отвычки? Ехали туда отвратительно — теснота, три ночи не спали. Обратно ехали просторно, но жрать было нечего.

Жаль, что не удалось побывать в Хабаровске.

Атомная бомба начинает мне даже сниться. Ведь только от двух погибло 480 тысяч!

5 *ноября*

Сегодня неделя, как мы томимся в 3-м з.с.п. Прибыли сюда вечером в прошлое воскресенье. С тех пор валяемся на нарах, изнываем от нетерпения и ждем отправки. Мы, конечно, зря поторопились — во-первых, будем дольше здесь отираться, а во-вторых, если б задержались на денек, Гончаров привез бы теплые брюки, меховые перчатки и т. д., и мы все это получили бы. А вот теперь приходится ехать в летних брючках и летних портянках. Брюки — да и не только брюки, все обмундирование, которое выдают здесь, безобразно. Так что если в части не обмундируют, здесь ничего хорошего не получишь.

Безобразия здесь более чем достаточно даже для запасного полка. Во-первых, живем очень скученно. Первые дни даже спали на полу. За все время, что здесь живем, видел только один раз армейскую газету. Но венец всего — столовая. Прийти туда и выйти назад небезопасно из-за давки в дверях. О пище лучше не говорить. Добиться тарелки — проблема, вымыть ее — того труднее. Так что иногда их моют либо супом (который вполне для этого пригоден), либо вообще не моют.

Но все это сглаживается радостью демобилизации. В казарме (человек 350–400), особенно вечером, шум, гвалт, пьяные песни, хохот, гармошка.

Сегодня нам выдадут прощальные посылки (10 кг муки, 5 кг риса, 2 кг сахара, сало, консервы, хлеб, сухари), и завтра грузимся в эшелон.

Отращиваю усы. Боюсь, как бы Нина меня за них не оттаскала.

8 ноября

«Много на этом свете взглядов, и добрая половина их принадлежит людям, не бывшим в беде». Чехов, «Несчастье».

13 ноября

Бледным светом мерцает свеча,
Тихо тени дрожат по углам,
А колеса на стыках стучат:
По домам… по домам… по домам…
От печурки струится тепло,
Слышен сонный размеренный шум.
За морозным оконным стеклом

Проплывает в ночи Урушум.
Спят солдаты на нарах вповал,
Словно братья под крышей одной.
Каждый честно из них воевал,
И теперь они едут домой.

(Ст. Амазар)

14 ноября, ст. Шилка

Из Свободного уехали вечером 11-го. Ночью формировались в Шимановской. Пока едем ничего — в среднем 500 км в сутки. Вчера ночью часа четыре стояли. Говорят, какой-то демобилизованной девице приспичило рожать, так вот из-за нее и стояли. Если дальше поедем так же и никому не приспичит рожать, то 27-го, в первый день сессии, будем в Москве.

21 ноября

После Байкала едем отвратительно. На некоторых станциях стоим по 5 часов. Сейчас стоим в Новосибирске. Сходили в баню, пообедали. Итак, до дома осталось не больше недели.

Говоря словами Паоло и Франчески, «и в этот день мы больше не читали». И много дней не писали. Не до этого было. Приехали на Казанский вокзал. Не помню, чтобы меня кто-то встречал. Но помню, что дома сразу завалился спать, а сестра Ада, придя откуда-то домой, радостно кинулась обнимать и целовать меня, сонного. И я, не понимая, где нахожусь и что происходит, заорал и стал дубасить ее кулаками.

После войны

Вернувшись в декабре 1945 года с Дальнего Востока в Москву, я не знал, что мне делать, куда пойти учиться, а была середина учебного года. С одной стороны, я уже был отравлен публикациями моих стихов, и тянуло к литературе. Но это же дело темное, зыбкое. С другой — мать хотела, чтобы я пошел в медицинский. А за плечами у меня был один суммарный курс Бауманского и потом Автомеханического. И надо было думать, что было тогда не пустяк, о продовольственной карточке. Как тут быть? И я решил: уж если учиться в техническом вузе, то надо в Бауманском, МАИ или Энергетическом. По крайней мере до весны, а там видно будет. Эти три вуза считались лучшими, даже знаменитыми. А ближе всех — Энергетический, МЭИ, где директором тогда была Голубцова, жена Г. М. Маленкова. Туда после собеседования по математике с молодым профессором Левиным, приехавшим из Индии, но прекрасно говорившим по-русски, я и поступил. Кроме толстовского и этого, я знал в жизни еще трех Левиных по Литературному институту: известный критик Федор Маркович, в свое время допустивший большую бестактность по отношению к только что умершему Макаренко, вел у нас курс современной советской литературы. Виктор Давыдович преподавал нам старославянский язык. И был еще студент постарше меня курсом Костя Левин, хромой фронтовик, честный и талантливый парень. Его все донимали по поводу стихотворения «Нас хоронила артиллерия». И однажды мне пришлось идти с ним в райком комсомола, где я по мере сил старался защитить его.

В Энергетическом я проучился несколько месяцев — до лета. Чем они запомнились? Успел на почве художественной самодеятельности, где читал стихи, влюбиться в милую Нину Моисеенко с последнего курса; подружился с Витей Бабакиным, тоже пришедшем с войны, он очень интересовался нашей веселой однокурсницей Наташей Майзель, а она, кажется, — мной; бегали смотреть на знаменитого инженера Рамзина, главного обвиняемого по делу Промпартии в 1930 году, а в 1943-м — лауреата Сталинской премии за какой-то «прямоточный котел Рамзина» и теперь читавшего лекции в МЭИ; помню в апреле 46 года вечер памяти Маяковского, на котором Виктор Шкловский и Семен Кирсанов поносили как могли Константина Симонова… Так же, помню, и Антокольский в Литинституте.

Странное дело, иные наши патриоты терпеть не могут Симонова. Однажды я написал об этом Александру Проханову.

«Саша!

Не могу не вступиться за Симонова, которого ты сегодня по телефону определил одним словом: гедонист.

Я тоже гедонист: обожаю красивых женщин, люблю армянский коньяк, фуги Баха, шашлык, Коктебель… А ты не гедонист? Прожить с одной женой — не всем это удается. Я женился трижды. А Симонов — четырежды: Типот (Нат. Соколова) — Ласкина, от которой сын Алексей — Серова — Жадова. И что — гедонист? (Кстати замечу: две первые жены — еврейки, третья — полу, и только последняя — русская. Трудно выкарабкивался.)

Ты сказал, как я могу в такое время, когда гибнет Россия, ввязываться в драку из-за каких-то литфондовских дач. Саша, живущий в стеклянном доме не должен швыряться камнями. Я ввязался и в эту драку, и в драку между Михалковым и Бондаревым-Ларионовым, не имея никаких личных целей. Я выступил против грабежа писателей, против наглости и бесстыдства. Ты почитал бы, что они писали в ПАТРИОТЕ не только о 95-летнем Михалкове, но и о его жене, о секретарше. Да, мне доставляет удовлетворение, я рад, что могу так выступить, я даже наслаждаюсь, и это тоже можно назвать гедонизмом.

А твои пышные юбилеи в ресторанах и грандиозные презентации то в ЦДЛ («Господин Гексоген»), то в барском особняке у Никиты Михалкова («Симфония пятой империи»)? Тут было не только общественное, но и нечто сугубо личное, не так ли? После празднования твоего шестидесятилетия мне позвонила Таня Глушкова и сказала: «Пир во время чумы?» Что мог я ей ответить? Ведь и тогда родина гибла. Как и в твое семидесятилетие. Что делать! Таков человек. Вон в Китае только что погибли во время землетрясения 70 тысяч, а они готовятся к Олимпиаде. Винокуров сказал:

Трагическая подоснова жизни
Мне с каждым днем становится ясней…

Я понимаю враждебность Бакланова к Симонову: «Он служил Сталину!» Но удивляет враждебность к Симонову многих людей твоего круга, восклицающих «Мы — сталинисты!». Наперсный друг Бондаренко назвал его даже «писателем, далеким от патриотизма»! Да он просто не читал ни поэм «Ледовое побоище», «Суворов», ни строк

Опять мы отходим, товарищ.

Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной…

Симонов был прежде всего не гедонист, не эпикуреец, не жуир, а труженик, талантливейший трудяга. Ты читал его двухтомник «Разные дни войны»? Это дневниковые записи тех дней и позднейшие замечания к ним. Это — лучшее, что он оставил, и самое честное о войне. Бондарев, например, не читал.

Да, мы люди разного поколения. Это многое объясняет.

После нашего разговора по телефону и твоих слов о какой-то двухуровневой даче Симонова, я позвонил давнему товарищу по «Литгазете» Лазарю Шинделю, много писавшему о Симонове, хорошо знавшему его лично. Он сказала, что Симонов купил в Переделкино дачу Ф. В. Гладкова, но жил там не долго, а когда разошелся с Серовой, оставил дачу ей. Каким образом именно купил, Лазарь не знает. Много лет подряд он снимал дачу, кажется, в Сухуми. Но корить за это с его силикозом так же нелепо, как больного Толстого — за Гаспру, как Чехова — за дом в Ялте, как Горького с его чахоткой — за Капри.

Будь здоров, и дай Бог нам удачи.

Посылаю статью, о которой говорил. Если не лень, посмотри.

Обнимаю. *В.Б.*

21 мая 08, Красновидиво».

Летом 46-го года, чтобы успокоить мать, я сдал экзамены и в Первый медицинский на Пироговке. Но подал все-таки заявление и в Литературный. От избытка сил — еще и в Юридический на экстернат. И всюду был принят. Так я оказался студентом сразу четырех вузов.

И вот однажды, видимо, в середине сентября, у меня в Измайлово раздался звонок… нет, пожалуй, стук в дверь. Выхожу, открываю. На пороге незнакомый парень.

— Здесь живет Бушин?

— Это я.

— Почему вы не ходите на занятия? Я староста группы…

А у меня крутится в голове: откуда он? из какого института — Эн?.. Мед?.. Юр?.. Оказалось, из Медицинского. Я извинился, что кому-то перебежал дорогу, занял ненужное мне место, и сказал, что учусь в Литературном. Тогда я испытал неловкость и больше об этом не думал. Но как это смотрится ныне? Кто сейчас поехал бы в такую даль (станции метро «Первомайская» еще не было), чтобы узнать, почему не ходит на занятия неведомый

Бушин…

А с Литературным так дело было.

8 июля 1946 года

Был сегодня в Литературном институте на Тверском бульваре. Тихохонько вошел, пугливо озираясь, и первое, на что обратил внимание, — доска объявлений в узком коридоре против окна. И что там прочитал!.. «Виктору Пушкину объявить выговор…»… «Ирине Бальзак предоставить академический отпуск…»… Что-то еще про Якова Белинского. Куда я лезу! Но заявление и газеты с моими стихами, рукописи все-таки оставил. Секретарь приемной комиссии или директора Людмила Купер.

Вскоре я получил обратно все свои публикации и писания с резолюцией: «Вы не прошли творческий конкурс». А критик Бенедикт Сарнов уверяет ныне, что тогда всех фронтовиков принимали в институты безо всяких экзаменов и препон. И вот они-то, фронтовики, преградили ему, большому таланту, путь на филфак МГУ. К слову сказать, по возрасту Сарнов тоже мог бы быть фронтовиком, но почему-то не воспользовался благодатной возможностью. А Владимир Войнович уверяет, что дважды пытался поступить, но оба раза не приняли, потому что еврей. Неужели так и сказали: «Мы евреев не принимаем. Идите в Пищевой имени Микояна»? А я, говорит Войнович, вовсе и не еврей никакой, это мать у меня еврейка по недомыслию. Но вот вам я, сударь, — и русский, и фронтовик, и член партии, и уже печатался, а получил решительный отлуп.

На моих рукописях не было никаких помет, и я решил, что их никто и не читал, что и не удивительно. Мой однокурсник Семен Шуртаков потом писал, что было подано более двух тысяч заявлений, а допустили к экзаменам только 18 человек (Воспоминания о Литинституте. М.1983. С.310). Последняя цифра непонятна, ибо приняли около 30 человек Но если и так, то ясно, что попасть в институт можно было или при чьей-то очень сильной поддержки в виде, допустим, рекомендации известного писателя или чисто случайно. Много лет спустя я узнал, например, что с рекомендацией Ильи Сельвинского поступила Белла Ахмадулина. На каком-то юбилее института, видимо, на тридцатилетии в 1963 году, отмечавшемся почему-то в огромном банке на этой же стороне Тверского бульвара, что институт, я пригласил ее, молодую, красивую, танцевать и спросил, правда ли, что Сельвинский усмотрел в ее стихах проблески гениальности. Да, — ответила Белла, опустив глаза. Она тогда уже окончила институт и уже вышла первая книга «Струна». Ее

звезда восходила.

У меня же никакой поддержки не было, да и мысль о ней не пришла мне в голову. Просто с уверенностью, что мои стихи в приемной комиссии не читали, я пошел в справочное бюро, за 50 копеек узнал домашний адрес Федора Васильевича Гладкова, директора института, и послал ему пакет с моими писаниями и сомнениями. Через несколько дней получаю телеграмму: «Вы допущены к приемным экзаменам».

С экзаменами был полный ералаш. Приходили сдавать по литературе, а нам устраивали по истории; являлись на географию, а должны были писать диктант и т. д. Но ничего, все обошлось.

А Виктор Пушкин оказался очень способным человеком — стал чемпионом Москвы по боксу в легком весе. А Ирина Бальзак работала позже как переводчица под псевдонимом Снегова. А Яша Белинский был достаточно известным в московских кругах стихотворцем, хотя ныне и забыт.

Нас было много на челне…

В Литинституте, в отличие от больших вузов, и курс, и поток, и группа — это все было тогда одно. В феврале 2005 года я по памяти составил список нашего курса-группы и разослал его однокашникам Бондареву, Бакланову и другим. Никто не отозвался даже телефонным звонком. А список выглядит так, если по алфавиту: Эдуард Асадов и его жена Лида, Григорий Бакланов (Фридман), Юрий Бондарев, Владимир Бушин, Герман Валиков, Евгений Винокуров, Николай Войткевич (все пять лет — староста), Михаил Годенко, Всеволод Ильинский, Эдуард Иоффе, Дмитрий Кикин, Михаил Коршунов, Алексей Кофанов, Михаил Ларин, Василий Малов, Андрей Марголин, Лидия Обухова, Григорий Поженян, Юрий Разумовский, Рекемчук (Нидерле) Гарольд Регистан, Бенедикт Сарнов, Владимир Солоухин, Семен Сорин, Владимир Тендряков, Людмила Шлейман (Кремнева), Семен Шуртаков.

Позже на наш курс пришли Алла Белякова, Санги Дашцевгин (Монголия), Георгий Джагаров (Болгария), Дзята (Албания), Юлия Друнина, Владимир Кривенченко, Алексей Марков, Евгений Марков, Лазарь Силичи (Албания), Леонид Шкавро. Но довольно скоро ушли с курса: Ю. Друнина, Д. Кикин, М. Ларин, А. Марков, А. Рекемчук.

Большинство с нашего курса, 27 человек, действительно стали писателями, по крайней мере, членами Союза писателей, некоторые — даже очень известными писателями,

орденоносцами, лауреатами разных премий — Бондарев, Бакланов, Винокуров, Друнина, Рекемчук, Солоухин, Тендряков… Бондарев — Герой Социалистического Труда, Ленинский лауреат.

Сегодня нас осталось достоверно известных мне шесть человек: Бондарев, Бушин, Годенко, Рекемчук, Сарнов, Шуртаков — и тогда самый старший на курсе, ему сейчас 95 лет. Удивительное дело, большинство, кроме Сарнова и Рекемчука, — фронтовики, т. е. люди, имевшие еще в юности шанс никакого института не увидеть. Совершенно куда-то исчезли, не оставив никаких следов даже не в литературе, а в прессе Ильинский, Кикин, Ларин, Марголин. Когда я работал в «Молодой гвардии», Андрей Марголин приходил ко мне с рукописью вроде бы повести о комсорге на какой-то стройке. Это было так слабо и неинтересно, что сделать ничего было не возможно. Как недавно рассказал Годенко, он приходил с этой повестью и к нему в «Москву». Результат, увы, тот же. А года два тому назад я встретил в какой-то газете какого-то Андрея Андреевича Марголина. Кинулся разыскивать. Возможно, это был его сын, но я до него не добрался, увы…

В институте я вначале занимался в поэтическом семинаре профессора Тимофеева Леонида Ивановича, но на втором или третьем курсе почему-то перешел в семинар по критике, которым руководила Вера Васильевна Смирнова. Бодлер заметил: «Невозможно, чтобы поэт не содержал в себе критика». Вместе со мной в семинаре были Владимир Огнев, Андрей Турков, Бенедикт Сарнов.

В студенческие годы и после я больше всех дружил, встречался с Винокуровым, Кафановым, Валиковым, Марголиным, с Людой Шлейман. Вот чудом сохранившаяся записочка: «Бушину. Володя! Освещенный солнцем — ты невероятно красив. Л.(юдмила) Ш.(лейман). С подлинным верно. Л.(иля) О.(бухова)». Это, должно быть, они прислали мне во время лекции.

С Винокуровым мы даже в мою деревню в Тульской области ездили, где он едва ли не влюбился в мою двоюродную сестру Клаву, и по надобности давали ключи друг другу от квартир на время отъезда из Москвы: он мне — на улице Веснина, я ему — на Красноармейской. Мне с ним, человеком душевным, мягким и много знающим, всегда было интересно. Но однажды он на меня рассердился за какое-то упоминание в «Литгазете», которое посчитал недобрым, хотя там же была моя очень хвалебная рецензия о нем — «Поэзия отзывчивого сердца». В другой раз произошло какое-то недоразумение с моими стихами, предложенными «Новому миру», где Женя заведовал отделом поэзии. Видимо, я написал ему сердитое письмо и вдруг получаю

ответ: «Товарищ Бушин…» Я это едва пережил от смеха, хотя стихи в итоге и не были напечатаны. Женя был чувствителен и обидчив. Запомнилось еще, как он возмущался каким-то врачом, который при осмотре сказал ему, что он близок то ли к инфаркту, то ли к раку. «Какой болван!» — негодовал Женя. Я ему сочувствовал. А позже, как-то сказав мне, что я молодо выгляжу, и, помолчав, добавил: «Но ты рухнешь». Именно это слово слетело у него. Какой ужас! Но почему я непременно рухну? А главное, чем ты тут отличаешься от того врача, что сулил тебе инфаркт или рак.

Женился он на Тане, которая была какой-то технической сотрудницей в ЦДЛ. В одном стихотворении он писал, что вот как все у нас с тобой привычно, знакомо, почти обыденно, — «Но ты уйдешь и я умру». Когда ей было уже за пятьдесят, она ушла к Анатолию Рыбакову, с которым, по слухам, у нее был роман до замужества, и они укатили в Америку. Чего их туда потянуло? Неужели думал Рыбаков, что его «Детей Арбата» и в Америке читают?

А Женя впрямь вскоре после ухода жены умер. А Рыбаков был на пятнадцать лет старше и в Нью-Йорке пережил его на пять лет. Похоронили его в Москве.

Гофс и Перикл

По праздникам, а иногда и просто так пять-шесть однокурсников мы собирались у Люды Шлейман, приходили еще сестры Сушкины — Светлана и… забыл. Бывал еще Юра Вронский, одноногий горлопан, не помню, где он учился. Павел Соломонович, отец Людмилы, известный под псевдонимом Карабан, был переводчиком. Они жили на первом этаже в доме 6 по Фурманному переулку, недалеко от Чистых прудов. Не помню, чтобы шибко пили, но много и охотно читали стихи — и свои и чужие, всем известные, знаменитые. Много было всяких шуток, розыгрышей. Помню, утром в день экзамена по старославянскому языку, который нам преподавал В. Д. Левин, я послал Люде телеграмму: «Зрю сквозь столетия: двойку обрящешь днесь. Феофан Прокопович». Она пришла на экзамен и показала телеграмму Левину. Виктор Давыдович рассмеялся и спросил, кто это мог послать. Людмила сказала, что скорей всего, Бушин. «Если встретите его, передайте, — сказал Левин, — что он может не приходить на экзамен. Я ставлю ему пятерку». Так в Литинституте ценили тогда юмор.

В материальном смысли жили мы уж, конечно, небогато, но

не замечали этого. Тот же Шуртаков пишет в воспоминаниях, что стипендия у нас была 220 рублей, а 93-летний Михаил Годенко (мы соседи по даче) недавно сказал мне, что 420. Не помню. Может быть, мне было легче тех, кто жил в общежитии, хотя мы с матерью в Измайлово занимали одну 16-метровую комнату в двухкомнатной коммунальной квартире с хорошими соседями Морозовыми., и она была всего лишь медицинской сестрой — какое богатство? Однако же нам хватало, мы оба получали рабочие карточки, и порой я даже ездил на Немецкий рынок недалеко от метро «Бауманская» и продавал хлебные талоны. Но, видимо, это только в первый год, когда я учился в Энергетическом, мне было на этот рынок по пути. А на четвертом курсе Литинститута меня после Игоря Кобзева — добрая ему память — избрали секретарем комитета комсомола, и, к моему изумлению, я стал получать в райкоме комсомола какую-то зарплату. На пятом курсе в должности секретаря меня заменил Иван Завалий, но тогда я стал получать стипендию Белинского. Да и вообще жизнь быстро улучшалась. Я часто ходил в театры, был завсегдатаем консерватории, покупал книги. А Иван-то, кажется, еще студентом попал под электричку…

Кобзев был славным парнем и хорошим поэтом, но с годами у него развилась мания преследования. Однажды я спросил его, что это за бочонок стоит у него на книжных полках под потолком. И он с совершенно серьезным видом поведал… Позвонил незнакомый человек, представился большим его почитателем и попросил встретиться. Пришел, говорит, вот с этим бочонком, в нем мед. Но в разговоре обнаружилось, что у нас совершенно разные взгляды. И когда гость ушел, Игорь заключил, что это был «черный человек», который замыслил отравить его сладким медом, и не притронулся к нему, так мед и стоит уже несколько лет, наверное, засахарился. «Примерно через год он мне позвонил, — рассказывал Игорь, — и представляешь, спрашивает: «Как вы себя чувствуете?» То есть хотел проверить действие меда… Я расхохотался. Сколько присылали мне и меда, например, фронтовик Седых из Яранска, и вина — вот совсем недавно к Новому 2012 году второй раз прислал две большие бутылки своего прекрасного виноградного вина да еще две бутылки подсолнечного масла читатель Гуньков из Ставрополья. Масло я не ожидал, подумал, что тоже вино из светлого винограда и хлопнул рюмашечку. Ничего, жив остался…

На похоронах Игоря я прочитал его, возможно, по сюжету и невыдуманные стихи о подводной лодке, которая в бою потеряла управления и шла на базу под парусами, которые моряки смастерили и подняли:

А их не ждали на востоке,
И кто-то разглядел с трудом
Тот самый парус одинокий
В тумане моря голубом…

От дней избрания меня на место Игоря секретарем сохранилась предновогодняя записка «Володьке от Гофса». Это от Инны Гофф. Видимо, я почему-то звал ее Гофсом. Она писала:

«31. X11.49
Володечка!
С Новым годом!
С Новой Пятилеткой в четыре года!

Ненавижу типов грустных,
Меланхоликов — долой!
Пусть же здравствует Капустник
И Перикл наш удалой!

Мы еще себя покажем,
Секретарь наш дорогой!
Чтоб нас вспоминали даже
Не одною «Я — тайгой».

P.S. Будь здоров и счастлив в любви, творчестве и плакатах (?).
Ни пуха тебе, ни пера!
Инка».

Да, она себя «еще показала» и в прозе и в стихах. Кто не помнит хотя бы песню на ее слова «Русское поле»! А «Я — тайга» это ее первая повесть, написанная тогда. Капустники же институтские сочинял я, Перикл. А о каких плакатах тут — не помню. Должно быть, юмористическое объявления о капустнике.

В 1948 году, после второго курса, мы с красавцем Андреем Марголиным впервые поехали по туристским путевкам на Черное море — от Туапсе до Батума. Веселая молодая компания. Эльза Бабкина из Иркутска, говорившая мне Володишна.

Море — впервые! Незабываемо!.. А вот мои внуки…

Ваня начал жизнь шикарно —
Ваня съездил в Монте-Карло.

Правда, по нужде, для проверки здоровья. А потом с сестричкой Машей они уже два раза побывали на Крите и в Египте. Да еще в Эстонии и Финляндии аж за Полярным кругом, о чем им выдали там официальное свидетельство. Да еще катались на оленях и даже собаках, что мне и не снилось. И когда я увидел море, было мне 24 года, а им и сейчас четырех нет. После Крита внука я зову Ваня Критский.

Две компании

Но вернусь в 1950 год. В июне — июле меня, как секретаря комитета комсомола института, обком комсомола направил в Уваровский район Московской области создавать комсомольские организации в деревнях. Это самая восточная часть области, за Можайском. Сейчас такого района, кажется, нет, он стал частью Можайского. Я приехал в деревню Поречье, что на реке Иночь, и поселился у Ульяны Васильевны Хрусталевой. 3 июля Рита Уралова писала мне туда:

«Вовочка, родной!

Своей открыткой ты доставил всем нам огромное и чрезвычайно продолжительное удовольствие. Я верю — ты великий человек!!! (Вероятно, имела в виду мой ужасный почерк. — *В.Б.*)

Вовка, милый, я очень рада, что ты доволен работой. Это действительно должно быть все интересно.

Когда собираешься приехать? Может быть, можно тебя навестить?

Пиши чаще. Пришли адрес Белошицкого. Экзамены сдала (Она кончала 10-й класс. — *В.Б.*).

Привет от Мартены, от мамы и папы.

Целую. *Рита».*

Сейчас это кажется невероятным, но тогда я создал комсомольские организации в нескольких деревнях Уваровского района, за что получил от обкома почетную грамоту. И напечатал в «Комсомольской правде» очерк об этом — мое единственное выступление в «КП».

Тут пора рассказать, кто эти Рита Уралова, Мартена Равдель, Володя Болошицкий.

А дело было так. Я уже говорил, что, кроме Литературного, учился в экстернате Юридического на улице Герцена. Там

познакомился с некой Линой Поташник. Видимо, я ее привлекал, интересовал. Она пригласила меня к себе в свою компанию на встречу Нового 1947 года. В смокинге, который был прислан в 45-м году из Восточной Пруссии, я и заявился. Началось пиршество. Но после двух-трех тостов вдруг погас свет. Будучи уже в ушкуйном состоянии духа, я вышел из квартиры, спустился этажом ниже и постучал в первую попавшуюся дверь. Ее открыли сразу несколько милых девушек. Это была хозяйка квартиры Мартена, ее подруга Рита и кто-то еще. Свет и у них не горел, но я спросил:

— У вас тоже не работает закон Ома?

В трофейном смокинге я был неотразим. Девицы засмеялись и вовлекли меня в квартиру. Я не сопротивлялся. Усадили за стол. Молодые люди встретили меня неприязненно или даже враждебно. Еще бы — советский молодой человек, не конферансье, а в смокинге! Началась какая-то пикировка. Потом Рита говорила мне, что трое из этих молодых людей стали Нобелевскими лауреатами. Не знаю… Тогда девушки были на моей стороне. Так завязалось знакомство.

Это произошло в доме № 21/29 по Можайскому шоссе. А я жил на противоположном конце Москвы. Когда и как я вернулся тогда домой, конечно, не помню, но знакомство завязалось на всю жизнь.

Этот дом на Можайке или подъезд, в который я попал, были примечательны тем, что там жили высокопоставленные металлурги. Отсюда, кстати, и металлургическое имя Мартена, которое поначалу, конечно, удивляло и даже смешило. Но к любому имени со временем привыкаешь. Взять даже Пушкина. Ведь смешно: Пушкин, Пистолеткин, Револьверкин… Внуков Василия Шукшина, живших в соседнем с нами подъезде, зовут Фока и Фома. Это в наше-то время! И что? Ничего. Привыкли. На фронте у нас в роте был Кадушкин. Посмеялись и забыли, привыкли. Но потом появился Бочкин и оживил комизм Кадушкина, и уж тогда оба они до конца войны заставляли улыбаться.

А особенностью этих металлургов было то, что все они почему-то оказались евреями. И Мартена потом вышла замуж за еврея по имени Зорик (Завершим Объединение Рабочих и Крестьян), впоследствии членкора Академии Наук. И Рита — за Льва Кокина, впоследствии довольно скучного члена Союза писателей, написавшего книгу о Петрашевском и стихи о маршале Жукове, который-де был так жесток. Именно так пишут о Жукове многие из них от Григория Поженяна до Иосифа Бродского.

Словом, я угодил в густую еврейскую среду. Правда, я ее несколько разбавил. В 1939 году в пионерском лагере подружился с ровесником Володей Белошицким. В том же году здесь, в Москве, я провожал его в какое-то военное училище на Красносельской улице. Но окончил он военно-морское училище в Ленинграде, знаменитую Дзержинку. Во время войны мы потеряли друг друга. Но, должно быть, как раз в том 1947 году случайно встретились на каком-то вечере или концерте в Центральном доме работников искусств, в знаменитом ЦДРИ на Пушечной. Радости не было конца. Он — морской лейтенант, я — студент Литинститута. Дружба возобновилась, так сказать, в полном объеме. Он жил на Люсиновке и уверял, что это дом генералиссимуса Суворова. Во всяком случае, на лестнице было большое и явно старинное зеркало, на потолке — лепнина.

У Володи было много друзей-морячков: Юра Багинский, Володя Струков, Спартак Корсунский. Все молодые, здоровые, веселые любители выпить. В этом доме можно было встретить и довольно неожиданных людей. Таким оказался знаменитый тогда гиревик Григорий Новак, многократный чемпион мира.

Дети лейтенанта Шмидта

Некоторые друзья уже имели семьи. И Володина мать, Софья Ильинична, страстно мечтала женить сыночка, да он и сам очень этого хотел, но все как-то неудачно. А у меня была не помню откуда взявшаяся приятельница Инна Роер, потом совсем забытая. Однажды она позвонила мне и сказала: «Приходи. Познакомлю с интересной девушкой». Повторять такое приглашение мне было не нужно. Пришел. Она жила напротив Курского вокзала. Девушка по имени Милица, Мила действительно была качественная. Мы с ней обменялись телефонами, перезванивались, несколько раз встретились. Однажды, помню, были в зале Чайковского, может, еще где-то, но, увы, почему-то она у меня ничего, кроме толерантности, не вызывала. Встречаться стало несколько тягостно. И тут я вспомнил о друге. Вот кому она может быть спасением!

Однажды мы условились с Милой об очередной встрече у шляпного магазина в начале Пушкинской улицы. Я срочно позвонил Володе, и мы условились, что он тоже придет, мы разыграем случайную встречу детей лейтенанта Шмидта, и если она ему понравится, он так, чтобы я видел, на мгновение зажмурит глаза. Все как по нотам и произошло. Мы встретились с Милой у шляпного магазина и стояли в притворном с моей

стороны раздумье, что предпринять, куда пойти, как провести вечер. Тут является Володя, мы издаем радостные лживые восклицания по случаю нечаянной встречи, я их знакомлю, мой друг так зажмуривает глаза, что я боюсь, он их не откроет, но — отверзлись вещие зеницы, и он приглашает нас пойти в ресторан «Москва», это совсем рядом, и отметить присвоение ему очередного звания старлейта. Как можно от этого отказаться! Пошли. Всю дорогу мой друг время от времени зажмуривал глаза, и я опасался: не попасть бы под машину.

В величественном, весь из мрамора, с высоченным потолком ресторане, на открытой веранде с прекрасным видом на Манежную площадь, еще не знавшую никаких демонстраций, мы отлично посидели, опорожнили хорошую бутылочку, а когда настало время, я, негодяй, сказал: «Мне ехать далеко, в Измайлово, метро скоро закрывается, мне пора, а вас, Милочка, Володя проводит».

И таких встреч втроем было несколько. Но Мила по умолчанию продолжала считаться как бы моей девушкой. Что делать? Как быть? А тут через не помню как залетевшую с Гоголевского бульвара в мою жизнь Машу Ованесову, впоследствии жену известного тогда театроведа Григория Бояджиева (1909–1974), в 49-м году объявленного космополитом, я познакомился с ее одноклассницей Кюной Игнатовой, они только что окончили школу. Кюна жила в каком-то убогом древнем доме с подвальными окнами в Староконюшенном переулке близ Арбата. Ее мать — русская, причем ну уж такая некрасавица, а отец — якут, я его никогда не видел. И вдруг в лице их дочери получился такой совершенно очаровательный нацкоктейль, что отец был совершенно прав, прозорливо дав ей имя Кюна, что по-якутски «солнышко». Да еще норовистый характер. Я был обворожен. Потом она окончила мхатовское театральное училище, а где играла, не знаю.

И вот однажды в тот же ресторан, на ту же открытую веранду с видом на Манежную площадь на встречу трех я заявился с четвертой — с Кюной. И милая девушка сыграла тогда свою первую и лучшую роль — роль Александра Македонского, разрубившего мечом гордиев узел трех.

А после училища Кюна красиво снялась в бездарном фильме по молдавским мотивам «Ляна», и, кажется, на этом ее актерская карьера закончилась. Но она стала женой замечательного мхатовского артиста Владимира Белокурова, сталинского лауреата, народного. Невозможно забыть, как он играл

на сцене хотя бы Чичикова, а в фильме «Хмурое утро» — Левку Задова, начальника махновской контрразведки. Он умер в

1973 году. Но это уже другая, печальная песня…

Злодей сЕледкин

А после удара мечом все пошло как по маслу. И через недолгое время — свадьба. Меня не пригласили. Как, лучшего друга? Я понимал, кто я? Поставщика. Они никак не могли меня пригласить, но все-таки было обидно, и я решил отомстить. В день свадьбы в самый прайм-тайм я позвонил по телефону и голосом уставшего, но доброго водопроводчика сказал взявшей трубку Софье Ильиничне: «Должен предупредить: идут ремонтные работы и через двадцать минут будет выключена вода…» — «Что?! Вода?!! У нас свадьба!!! Мы без воды не можем. Ради бога, отложите!» — «Ничего не могу сделать. Указание свыше. Ну, накинем еще минут десять». И положил трубку. В свадебном доме открыли все краны и заполнили все емкости. В точно рассчитанное время свадьбы приходит почтальон — тогда это можно было заказать — и приносит телеграмму: «Желаю дорогим новобрачным столько счастья, сколько сейчас в доме воды. Домуправ Селедкин». Все, конечно, догадались, кто этот злодей.

Так вот, полуеврейскую компанию Белошицкого (русскими были жена, ее родственники-ровесники, друзья-морячки, но хватало и евреев) я познакомил, можно сказать «слил» с чисто еврейской компанией Риты — Мартены. И ничего, жили, собирались на праздники, отмечали дни рождения, хорошо жили. Чаще всего встречались на квартире Белошицких в старом советском доме в Большом Тишинском переулке. Но, конечно, не обходилось без несогласий, жарких споров, воплей. И чем дальше, тем больше. И тут я был главным спорщиком. А главным объектом ристалищ был, конечно, Сталин. Многие из них аж бледнели при его упоминании. Но я твердо стоял на своем. А подкупал я их чтением наизусть стихов Пастернака, которого никто из них не знал не только наизусть. Они недоумевали: Сталин и Пастернак?!

Чуево

Бывают же совпадения в жизни! Из Уваровского района Московской области, где был в июне-июле 50-го года, в августе я попал в Уваровский же район Тамбовской. Мы двинули туда с Белошицким и Ритой, не помню, с какой стати, с чьего совета или

рекомендации — в село Верхнее Чуево. 6 августа я писал оттуда домой:

«Добрый день, мама. Итак, мы в тамбовской глуши. Деревня очень хорошая. Отдохнуть можно великолепно. Думаю, что возвращусь домой в конце месяца…

Отдыхай без меня как следует. Напиши, как решила с отпуском: останешься дома или поедешь в Ирбит к Аде…»

Дальше — о делах семейных.

Там нас, конечно, окружала местная молодежь. Как же, москвичи! И забрались в такие дебри. Сейчас уже никого не помню, но вот во многом примечательное для того времени письмо уже в Москву от одной тамошней девушки. Ее звали, кажется, Люба, а фамилия Казакова. У нее болели легкие. Она лечилась.

«20. XII — 50 г.

Здравствуйте, Володя!

Примите от меня комсомольский привет и лучшие пожелания в Вашей жизни.

Уже давно получила Ваше письмо. Не знаю, как у Вас (в Литинституте. — *В.Б?)* прошло отчетно-выборное собрание*, но думаю, что благополучно: я Вас ругала весь день.*

Уж очень страшно Вы представили посадку в поезд в Мучкапе. Вероятно, никогда не приходилось Вам так ездить. Тетя так смеялась над строками, где Вы описываете дорогу…

Чувствую себя замечательно. Температура нормальная. Поддуваюсь через две недели.

У нас в деревне закончилась избирательная кампания. День выборов прошел очень весело. Все жители деревни единодушно отдали свои голоса за родную Советскую власть. Тетю возили голосовать на лошади. Подшутите над ней в письме. Голосование закончилось к 12 часам дня. Теперь моя мама депутат сельского Совета.

В Нижнем Чуеве выборы прошли менее бурно. На день выборов Сашок приходил в нашу деревню с гармошкой. Я часто бываю у тети. Слушаем передачи Москвы и других городов — Тамбова, Мучкапа.

Володя, я не согласна с Вами, что Аксинья сумела пронести свою любовь через все невзгоды незапятнанной. Разве ее поведение у пана Листницкого во время пребывания Евгения дома не ложится пятном на нее?

Пишите.

Большой привет от тети и от меня Вашей маме, Володя».

Должно быть, ей было лет 16–17. И думаю: многих ли нынешних сверстниц этой деревенской девочки волнует судьба шолоховской Аксиньи?

Как ни прекрасно было нам в Чуево, но выросшая на асфальте Рита долго не выдержала и вскоре укатила в Москву. Я почему-то уезжал один. И посадка в Мучкапе действительно была ужасна. Такая давка у билетной кассы, что я крикнул толпе: «Есть тут коммунисты?!» Никто не ответил, но билет я все-таки взял.

«Националь». За цветы и звезды!

И вот я на четвертом курсе Литинститута, а живу в Измайлово. Это от Тверского бульвара далеко, пообедать не сбегаешь. Мне же по разным причинам, например, в ожидании спектакля, концерта в консерватории или какого-то комсомольского совещания порой приходилось оставаться в центре до вечера. В институте не было ни столовой, ни буфета. И я с Тверского бульвара ходил перекусить в какую-то уютную забегаловку недалеко от Елисеевского. Брал пару бутербродов с икрой или белой рыбой да стакан томатного сока. Как поперчишь — лучше не придумать! А если было время, спускался по улице Горького до углового кафе «Националь», что находился в здании одноименной гостиницы, и там заказывал почти всегда одно и то же: бульон с пирожком, судак по-польски и мороженое, а то и бокал цинандали. Тут сумму я почему-то запомнил — рублей 15. Помню, она приводила в негодование Петра Васильевича, отца Володи Белошицкого: какое мотовство!

Запомнилось, как однажды буквально в трех шагах от меня из гостиницы стремительно вышел и прошелестел мимо в стоявшую у подъезда машину Анастас Микоян, тогда, кажется, министр пищевой промышленности или торговли. А что писал о Сталине после его смерти!.. «От Ильича да Ильича — без инфаркта и паралича»

В дальнем конце этого кафе состоялся и наш выпускной вечер, о котором я ничего не помню, кроме тоста Германа Валикова: «За цветы и звезды!»

Позже любил я захаживать в «Националь» и вечером. Нередко встречал там непьющего критика Валерия Павловича Друзина, заместителя и какое-то время и.о. главного редактора «Литгазеты», хорошо пьющего критика Бориса Ивановича Соловьева и других известных тогда литераторов. А однажды встретил там любезную мне Лу, Лукерью, Лушку, а на самом деле — Луизу, и не одну, а в обществе Евгения Евтушенко. Ах,

прохиндей! Ах, Синяя Борода! Вот сюрприз! Каковы были последствия, не могу вспомнить, но свой заказ на 15 рублей я съел с обычным аппетитом. Но сюрприз я потом запечатлел:

О, сколько дней!.. Какая даль!..
Вот я, небрежно хлопнув дверью,
Вхожу в кафе «Националь»
И вижу — всем известный враль
Кадрит прекрасную Лукерью…

и т. д.

Позже, когда работал на зарубежном радио (это в огромном и ныне стоящем здании за площадью Пушкина в Путин-ках, там я заведовал литературной редакцией), мы с прелестной Мариной Л., работавшей по соседству в музыкальной редакции, иной раз в обеденный перерыв сговаривались по внутреннему телефону, выходили порознь на стоянку такси здесь, рядом, и катили обедать в старинный «Гранд-Отель». Он был как бы бережно принят в корпус щусевской гостиницы «Москва», обращенный торцом к Историческому музею. Марина была дочерью замечательного артиста театра Революции (потом имени Маяковского), партнера великой Марии Бабановой. Да разве в этом дело…О, этот «Гранд»! Вот было время! Но это уже другая прекрасная песня, об этом — дальше.

Впрочем, для завершения темы «Националя» приведу письмо, что помянутая Лу еще до сюрприза (даты нет) прислала мне, когда она отдыхала в Гудаутах, а я — в Коктебеле.

«Мне впервые попадаются такие опасные и зловредные Таракашкины, как ты.

Стоило мне только подумать о тебе (а это уже значит — согрешить), как у меня поднялась температура: 37,2. Вот.

Стоило тебе только приехать к Черному морю и внести свое стариковски-порочное тело в его воды, как сразу же испортилась погода: море взбунтовалось и вышло из берегов!

А что-то я не почувствовала, Лушин, в твоем письме обычного для тебя сексуально-озабоченного тона. Такое впечатление, что одной рукой ты «овевал» прекрасное тело женщины, а другой царапал свои гнусные каракули. Боже, сколько надо терпения, чтобы их разобрать! За что мне такие муки?

Да, разумеется, Таракашкин, мне хотелось бы приехать к тебе, и никакие трудности не остановили бы меня. Тем более, я наотдыхалась здесь, в Гудаутах, по горло. Только уж больно сложно, Лушин, — все равно, что левой рукой за правое ухо. Представляешь, Гудауты — Гагра — Адлер — самолет (билеты,

чемодан, Кира) — Симферополь — автобус — и наконец твои порочно-похотливые ямочки на щеках.

Я решила так. Поеду в роскошную Гагру, отдохну там две недельки и буду ждать тебя довольная и загорелая в Москве. Если мой план осуществится, я тебе сразу же напишу. Идет? Надо было бы нам с тобой сразу решить в Москве — ехать вместе, и никаких гвоздей. Если Голубые Штаны окончательно тебя не затмят, я обещаю тебе отдыхать вместе в будущем году.

Условие — голубые штаны, красная полосатая блуза, медный обкусанный крест на груди и пестрые трикотажные трусики.

Я уже здорово загорела. Чувствую себя значительно лучше, морально, разумеется. Сам догадываешься, куча поклонников, но я думаю только о тебе одном, конечно.

Лушин, правда, мне очень хочется занять пустующую кроватку в твоей комнате, но почему я должна предпринять такое сложное турнэ ради фразы: «Я к тебе еще не подобрал ключика…» Ты не находишь, что тебе тогда надо было вообще ничего не говорить? И почему вы иногда бываете так бестактны!

Ведь натура моя такова, как ты не раз убеждался, что я тебе это так скоро не прощу. Я придумаю какую-нибудь красивую благородную месть, чтобы ты опять, глядя на меня, глупо улыбался, ел горчицу и соль вместо мяса и забывал свою красную икру на столике в кафе…

Испугался? Ты попугайся, ты попугайся, а я посмеюсь.

Лушин, пишу не как ты, а без лицемерия: я все чаще думаю о тебе и не понимаю, зачем это. Ведь я знаю, кто ты и что ты. Зачем ты мне, а? Тем более без ключика. Напиши мне еще в Гудауты.

Твоя Лушка»

Вот такая озорница, и юмористка, и светлая строка моей жизни. Если бы шолоховская Лушка писала письма Давыдову, то, вероятно, в таком же примерно духе… А Евтушенко был наказан мной за встречу в «Национале» неоднократно, последний раз — в статье «Самый стеснительный, обаятельный и привлекательный» («Это они, Господи!», 2011)

Отшибло?

О Литературном институте есть несколько книг воспоминаний его воспитанников и преподавателей. Первая книга вышла в 1983 году — к пятидесятилетию. Книга содержательная, интересная. В ней более восьмидесяти статей, начиная с таких знаменитых писателей, как Паустовский, Симонов, Бондарев…. Замечательные фотографии. Но она могла

бы быть лучше, шире. Ее главные составители — Константин Ваншенкин и Андрей Турков, входившие и в состав редакционной коллегии.

16 марта 1984 года я написал Ваншенкину письмо:

«Дорогой Костя!

Посмотрел сейчас по телевидению передачу о Литинституте по твоему сценарию и вспомнил о еще прошлогоднем намерении сказать тебе несколько слов о сборнике воспоминаний о нем.

Прежде всего замечу, что ты и твои собратья могли бы несколько расширить круг авторов. Назову лишь Колю Войткевича. Он все годы был старостой нашего курса, одного из самых интересных и плодовитых за всю историю института. Он всех нас знал как облупленных и у него много разного рода документов, фотографий, которые можно было использовать.

Ты, вероятно, скажешь: «Места было мало!» Место, друг мой, можно было найти хотя бы за счет некоторого сокращения воспоминаний одного из составителей сб-ка, не слишком содержательных, а порой и непечатных. Он, пользуясь своим положением составителя, занял в сб. больше места, чем Симонов или Алигер, Трифонов или Евтушенко, Наровчатов или сам директор Пименов. А вместе с супругой они отхватили больше страниц, чем Паустовский, Бондарев, С. Васильев, А. Марков, Долматовский, Ошанин, С. В. Смирнов, Друнина, Старшинов, Коваленко и Раиса Ахматова, — больше, чем эти 11 писателей, живых и мертвых, вместе взятых. С другой стороны, сб. мог бы легко обойтись без воспоминаний таких литераторов, как В. Шорор, высшее творческое достижение которого — должность помощника Г. Маркова. Помнишь, как мы говаривали о способностях некоторых авторов и о книгах, которые нам не нравились: «Хоть шорором покати!»

В воспоминаниях не названных выше писателей-супругов очень много возвышенных слов о товариществе, дружбе, лицейском духе. Тем огорчительней видеть некоторое несоответствие этим возвышенным словам реальных дел.

По отношению к Шуртакову и Годенко ты допустил бестактность: «наши общественники». Да, были общественниками, как и мы с тобой — членами комитета комсомола, но в не меньшей степени, чем мы, и студентами, начинающими литераторами.

С удивлением я прочитал у тебя: «Володя Семенов — даровитый поэт, но, к сожалению, полученные ранения и развившиеся следом болезни не дали ему возможности работать в полную силу». Как можно писать подобные вещи! Какие болезни?

И с чего ты взял, что сам работаешь в полную силу, а он — не в полную? У него вышло немало прекрасных книг, он отличный переводчик. А если у него книг меньше, чем у тебя, совсем по другой причине.

Печально все это, дорогой однокашник».

Я уж не упомянул в письме о том, как он в своей статье «ALMA-MATER» обошелся со мной. Он там писал: «В 1973 году институт отмечал сорокалетие. В ЦДЛ был вечер, посвященный этому. Среди прочих(!) выступал и я. Тогда в институте обучалось чуть больше ста человек. Я задался целью восстановить по памяти пятьдесят из них, что и удалось без труда. Затем я только расположил их по алфавиту и зачитал этот список» — от Маргариты Агашиной до Отара Челидзе. Среди них — одиннадцать человек и с моего курса. Потом назвал еще семь человек, учившихся позже. И вот среди этих 57-ми меня не оказалось. Ах, Костя! Да как же так, друг любезный? Какая ранняя амнезия! Ведь в 73-м тебе еще и пятьдесят не стукнуло. А я в институте был все-таки человеком довольно приметным, хотя бы как секретарь комитета комсомола, членом которого состоял и ты, хотя бы как автор капустников и других затей. Сколько раз мы с тобой вместе на заседаниях комитета и на собраниях шумели, сколько всяких дел переделали. И выступать со стихами ездили вместе, а однажды в редакции «Молодой гвардии», где тогда работал, я нахваливал тебе песню Эдуарда Колмановского на твои стихи «Я люблю тебя жизнь», правда, это уже в 1956 году. Сейчас-то ты изображаешь эту песню как нечто жутко оппозиционное тому времени, той жизни, что, дескать, отчетливо стояло за словами «я хочу, чтобы лучше ты стала». Лучше!.. Ах, какой страшный выпад!.. А тогда, в институтскую пору, и тебе нравилось кое-что из моих писаний, например, стихотворение об одной картине или кинохронике, кончавшееся словами

И в этом с гордостью законной
Я был подметить сходство рад
С картиной «Сталин в Первой Конной
Среди буденновских солдат».

Упомянутой здесь супругой Ваншенкина оказалась, к моему удивлению, милая Инна Гофф. Они поженились еще студентами. Их свадьба где-то за городом надолго запомнилась многим (меня не было): на ней состоялась грандиозная драка. И как ей не быть! Не шибко сытые молодые ребята под кли-

ки «Горько!» на вольном воздухе хлопнули по стакану водки

— тогда ведь рюмки были в редкость — и что от них ждать? Это дело разбирали на партбюро, и были попытки придать ему национальный характер на том основании, например, что Володька Солоухин свернул нос Грише Бакланову (еще Фридману). Но Солоухин это решительно отверг. «Ничего подобного! — сказал он. — Вижу я, что с горки на меня бегут Тендряков и Фридман. И я врезал Грише просто потому, что удобнее было, с руки именно ему. Какой это национализм?» Никаких административных последствий у этой драки не было, а нос у Гришки скоро выправился.

…В 2008 году к 75-летию вышли еще два больших, роскошных, объемистых тома воспоминаний. Ваншенкин с Турковым, конечно, и здесь фигурируют. А в 2010-м, к 65-летию Победы, — сборник стихов бывших студентов Литинститута. Ваншенкин и тут. Много уже и почивших, и не бывших на фронте, и подавшихся за бугор, а я даже и не знал, что готовятся все эти книги, никто и не известил, хотя Семен Шуртаков, однокурсник, входил во все редколлегии.

Браки совершаются на небесах. Иногда с браком

У Семена вскоре после окончания института вышла книга со скучным заглавием «Трудное лето». Почти как у Слепцова. Но как бы то ни было — большой успех! Надо же отметить — первая книга! Не знаю, было ли праздничное застолье. Я написал похвальную рецензию и напечатал ее в «Смене», где работала наша однокашница Оля Кожухова. Вот рецензию почему-то было решено непременно обмыть, и Семен, как моряк, увлек меня не куда-нибудь, а в ресторан «Якорь», довольно скромный, но — на улице Горького, где-то в середине, на левой стороне, в угловом здании. Мой друг, видимо, решил, что дал мне возможность изрядно обогатиться через его роман с помощью рецензии. Но это мелочь. Гораздо важнее, что какую-то свою премию Шуртаков отдал на сооружение памятника своим не вернувшимся с войны односельчанам.

В институте он симпатизировал как раз Инне Гофф, веселой, живой, ко всем дружелюбной. Но она, странное дело, как я упомянул, вышла замуж за сдержанно-осторожного Ваншенкина, а Семен женился позже на Майе Ганиной, что было тоже очень странно и кончилось разводом. Она потом вышла за Юрия Сбитнева, а Семен так и остался бобылем.

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться…

Но вот интересно! В 2008 году Ваншенкин и Турков перепечатали свои статьи из сборника 1983 года, ничего в них не изменив. То есть прошло после института еще 25 лет, но Ваншенкин так меня и не вспомнил! А ведь я за это время не раз напоминал ему о своем существовании. Например, когда в 1985 году в списке кандидатур на Государственную премию по поэзии остались только он и Михаил Львов, русский татарин, фронтовик, я предложил ему снять свою кандидатуру: ты, дескать, гораздо моложе, все впереди, и вспомни, как в институте мы, перебивая друг друга, чуть не все поголовно бормотали стихи Львова:

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Как стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться
И как руда, пожертвовать собой!

А его стихи о Маяковском за границей?

Он так глядел на все крамольно,
Как будто прибыл к ним затем,
Чтоб выбрать здания под Смольный,
Назначить крепости под Кремль.

Я убеждал: ну что премия! Закатишь ты банкет, и скоро все о ней забудут. А твой отказ запомнился бы почти так же, как выход из Академии Наук Чехова и Короленко в знак возмущения отказом царя утвердить избрание в Академию Максима Горького. Но все было тщетно. Ваншенкина мое предложение изумило и даже возмутило. «С какой стати! — писал он мне. — В этом году впервые присудили премии за художественные достоинства». Вот как! Оказывается, Шолохову, Фадееву, Симонову, Каверину, Светлову — всем до Ваншенкина давали премии, не принимая в расчет художественные достоинства их произведений. А Миша Львов вскоре умер…

Был еще и такой случай напоминания о себе. Когда появилась песня Давида Тухманова «День Победы» на слова Владимира Харитонова, Костя на съезде писателей возмущенно осудил ее и даже предложил ввести уголовную ответственность за такого рода, по его понятию, пошлых произведений о войне. Ну, совершенно как в свое время Вера Инбер заклеймила в «Комсомольской правде» песню Блантера «Враги сожгли родную хату» на слова Исаковского или Станислав Куняев — фильм «Кубанские казаки». Я, конечно, выступил против расправы над

лучшими песнями о войне. Но разве все это дает основание для сознательного затмения памяти?

Правда, в студенческую пору вспоминается еще и вот какой скорбный эпизод. Мы с Костей и почему-то Виктор Бершадский из Одессы, оказавшийся в Москве, должны были ехать куда-то читать стихи. Стоим мы с Костей у ворот Союза писателей на Поварской и ждем, а того все нет и нет. Чуть не час прождали, а дело было зимой. Я не вытерпел и говорю: «Слушай, неужели мы с тобой, два русских добрых молодца, не обойдемся без одного хилого одессита? Поехали!» Костя ничего не ответил. Только позже я понял смысл его молчания… Вот так и живу и коротаю дни вне памяти и сознания поэта-лауреата.

В день сталинской конституции

Когда осенью 50-го года мы после каникул явились на пятый курс, то вскоре обнаружили, что в институте появилось нечто новое, интересное. Это была молодая преподавательница немецкого языка Наталья Владимировна Смирнова, чрезвычайно увлекательное создание. Увлеклись многие, но больше всех — я. Мы были ровесники. Не помню уже, под каким предлогом я стал ее провожать. Он жила у Патриарших прудов. Это недалеко от института, от Дома Герцена, которому более двухсот лет и о котором писали многие — от самого Александра Ивановича, родившегося в этом доме, до Маяковского («Хер цена дому Герцена») и Михаила Булгакова, не говоря уж о помянутых воспитанников института.

Это знаменитое здание фасадом выходит на Тверской бульвар, а сзади — Большая Бронная. Мы шли с Натальей Владимировной по Большой, сворачивали направо на Малую, пересекали Спиридоньевский, Малый Козихинский, а дальше вот они — Патриаршьи. Провожания стали постоянными. Иногда перед тем как расстаться, мы садились еще поговорить о чем-то на одну из скамеек, что стоят вокруг пруда. Ее старинный многоэтажный дом — на углу Ермолаевкого переулка и Пионерского (ныне — Малого Патриаршего), буквально в ста метрах от пруда. Она показывала мне свое окно на четвертом этаже.

Так было и 5 декабря 1950 года. Было уже темно и безлюдно. Над прудом — там был каток — горели разноцветные огни, слышалась музыка, иногда — невнятный говор и смех катающихся на коньках. Сердце у меня стучало так, что мне казалось, она слышит. Я взял ее за плечи и привлек, и поцеловал.

Он сказала: «Сегодня день конституции. Вы не нарушили ни одну из ее статей?» Я ответил: «А разве там есть запрет на право целовать красивых женщин?» — «Своих — нет запрета».

В феврале мы поженились, она стала «своей». А жили они с прихотливой больной матерью в довольно большой комнате большой коммунальной квартиры. Мы стали жить у нее. Конечно, это не просто. Я писал диплом, иногда напевая на мотив популярной тогда «Сормовской лирической»:

Но девушки краше Смирновой Наташи
Ему никогда и нигде не найти…

Она работала над кандидатской диссертацией. Вскоре я заметил, что по телефону (он висел на стене в коридоре для общего пользования) стали раздаваться какие-то странные, очень смущавшие ее звонки. Она что-то невнятно лепетала и вешала трубку. После нескольких таких звонков я настоял, чтобы она рассказала, что это такое. И под клятвой молчать она рассказала…

Берия — не Воланд, он знал меру

Ермолаевский переулок после пересечения его Спиридоновкой переходит во Вспольный, а в конце Вспольного на углу с Малой Никитской, тогда улицы Качалова, на правой стороне стоит огороженный высоким забором особняк, в котором обитал Берия. В своих прогулках по этим переулкам он заприметил всегда спешившую по своим делам Наташу, и, как говорится, положил на нее глаз. И дал своему охраннику полковнику Саркисову разведать, что это за особа. И начались звонки домой или ее догоняла машина и ей, вероятно, этот полковник говорил, что ее хочет видеть человек, «которого вы знаете по портретам»… Это было до нашей женитьбы, когда еще был жив ее отец Владимир Иванович, человек горячий. Она ему все рассказала. И однажды, когда раздался очередной звонок, он взял у нее трубку и наорал, пригрозил, что пожалуется товарищу Сталину. И звонки прекратились. Но вот вдруг опять. Однако и на этот раз после ее решительных отказов звонки вскоре прекратились. Да, как видно, Берия был большой женолюб, но разговоры о том, что по его приказанию девиц хватали и тащили к нему в постель, явная чушь. Я думаю, хватало доброволок. И смешно было видеть в фильме «Московская сага», как Берия разъезжает в машине по Москве и из-под занавески высматривает

в подзорную трубу красоток. Фильм этот сварганили люди, не имеющие никакого отношения к искусству вообще и к кино в частности, по невежественному и похабному роману Василия Аксенова, написанному в Гваделупе. Но звонки не сыграли никакой роли в скором крушении моей семейной жизни.

Гораздо важнее другое. Как выяснилось после публикации в 1966 году в журнале «Москва» булгаковского «Мастера», событие 5 декабря 1950 года произошло на той самой скамейке — да, да, скамейки там массивные, с чугунным корпусом, с чугунными ножками, и с той поры вполне могла сохраниться именно та скамейка — на той самой, на которой в двадцатые годы «однажды весною в час небывало жаркого заката на Патриарших прудах появились два гражданина и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной». Помните этих двух граждан? Михаил Александрович Берлиоз, председатель литературной ассоциации МАССОЛИТ, и поэт Иван Бездомный. Позднее вечером они собирались быть на заседании этой ассоциации как раз в Доме Герцена. Но тогда в час заката вдруг появился загадочный хромой человек с золотыми зубами, у которого правый глаз был черный, а левый — зеленый. Берлиоз и Бездомный приняли его за иностранца. Но они ошиблись. Это был чародей Воланд. Он «окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что он видит это место впервые и что оно его заинтересовало. Он остановил взор на верхних этажах…». Его заинтересовало место нашего первого поцелуя, он остановил свой взор на этаже, на окне моей возлюбленной. Ясно, что его любопытство ничего хорошего нам не сулило. И действительно, когда роман, в котором фигурирует Воланд, появился и всем стали известны проделки Воланда, мы читали роман уже порознь. И почему так произошло, убей меня Бог, не понимаю, не помню, не могу объяснить. Ну да, жили мы в одной комнате с ее матерью, это не просто, мать меня не любила, но никаких конфликтов с ней, помнится, не было. Бог весть! Право, остается лишь валить всю вину на происки Воланда. Видно, Аннушка пролила масло и на нашем брачном пути.

В водовороте контрреволюции

Жизнь развела многих моих однокурсников. Да как! Пожалуй, особенно резко уже после того, как они стали известными писателями, разошлись по разные стороны баррикады Бондарев и Бакланов, в институте бывшие друзьями. Нельзя забыть, как столкнулись они на X1X партконференции. Бондарев, тогда один

из самых известных и авторитетных писателей, в своем выступлении уподобил начавшуюся горбачевщину опасному самолету, который поднялся, а где сядет — неизвестно. Бакланов и знаменитый офтальмолог Святослав Федоров яростно возражали: «Мы знаем, куда летим, и знаем, где приземлимся!» Бакланову договорить не дали, согнали с трибуны. Федоров вскоре разбился как раз на самолете, который летел по известному ему маршруту. Как символично! А Бакланов умер года три тому назад и имел возможность вволю вкусить сладость своего уверенно-слепого пророчества.

Задолго да конференции и вскоре после их разрыва Бакланов написал повесть «Друзья», в которой, рассказав о разрыве вымышленных персонажей, с удовольствием довел своего друга до смерти, а Бондарев, спустя много лет, не так давно напечатал в «Правде» рассказ «Друг», в котором тоже с не меньшим удовольствием похоронил бывшего друга, тогда еще здравствовавшего.

Судьба Юрия Бондарева драматична. Его так громко и долго хвалили, так щедро осыпали наградами и сажали на такие высокие должности вплоть до Первого секретаря Союза писателей России и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, что контрреволюция, когда вдруг все исчезло, ударила по нему особенно больно. На него обрушилась Ниагара злобы. Некто Вигилянский (сын писательницы Варламовой-Ландау, когда-то мой сосед по дому, а ныне духовное лицо в Московской патриархии) выступил в «Огоньке» со статьей о действительно уж очень многочисленных изданиях Бондарева. Александр Яковлев заявил, что как только из Канады вернулся в ЦК, сразу обнаружил, что на ближайшие годы в разных издательствах запланировано 11 собраний его сочинений. Это было вранье, но 11 книг вполне могли стоять в издательских планах.

Юра все это тяжело переживал, но когда в 1994 году по случаю 70-летия Ельцин решил наградить его орденом Дружбы народов, у него хватило мужества публично отказаться от милости алкаша. Это было достойно.

Но был и такой случай. Ведь когда заваруха началась, то все наши прославленные писатели — Герои и Ленинские лауреаты, акыны и ашуги, как один, замолкли: М. Алексеев, Е. Исаев, М. Каримов, К. Кулиев, А. Чаковский… — все! Долго молчал и Бондарев. Помню только одну хорошую статью Расула Гамзатова в «Советской России». А многие просто переметнулись на сторону контрреволюции, пошли в услужение ей, наплевав и на совесть, и на свою партийность: А. Ананьев, Г. Бакланов, Б. Васильев,

Д. Гранин, Ан. Дементьев, С. Куняев, Б. Окуджава, А. Приставкин, В. Солоухин… С ними заодно оказались и беспартийные — Герои В. Астафьев, В. Быков, ак. Д. Лихачев, а также Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко А. Кушнер, Э. Радзинский, Ю. Нагибин… Эти оборотни, партийные и беспартийные, конечно, не молчали. Совсем наоборот. Голосили во всю Ивановскую.

О набравших в рот воды Ю. Бондарев в 1991 году напечатал в «Правде» статью «Почему молчат писатели», в которой пытался оправдать свою немоту, подвести под нее некий морально-этический фундамент. Я принес в «Советскую Россию» статью, в которой возражал: да, Герои молчат, а мы не молчим, и нас немало. Редакционная дама, которую я попросил перепечатать статью, тотчас сообщила о ней Бондареву, и он позвонил мне. Стал уговаривать: зачем ссориться старым товарищам и т. п. Я сказал: «Юра, никакой ссоры. Просто ты думаешь так по важному вопросу, а я иначе и хочу высказаться». И вдруг слышу: «А я выдвинул тебя на Шолоховскую премию…» Увы, номер не прошел, статья появилась, и небеса не рухнули.

А на даче, встретив Сергея Викулова, я опрометчиво похвастался, что вот, мол, Бондарев выдвинул меня на премию. «Бондарев? — возмущенно переспросил Сергей. — Это я тебя выдвинул!» Что ж, ответил я, прекрасно: два таких могучих авторитета за меня. Значит, наверняка получу. Однако, когда дошло до дела, оба забыли обо мне, а премию поделили пополам, вернее, получил тот и другой. Но я хоть и через десять лет, но все-таки тоже получил в 2001 году. Правда, в 2005 году комитет по премиям хотел отобрать ее у меня за непочтение к начальству, но не удалось. Бог им судья…

Было и такое. Бондарев однажды спросил меня, как я отношусь к его роману «Берег». Я ответил, что мыслей на сей счет немало. «А ты напиши мне!» Я не поленился, написал огромное письмо, которое послал в двух конвертах. И что? Он даже не позвонил. Думаю, только потому, что там были не только похвалы, но и какие-то критические суждения. Например, желая показать жестокость, беспощадность войны, Бондарев дал тщательно выписанную живописную сцену смерти… Знойный летний полдень. Где-то близко к передовой лежит на земле в малиннике совсем молодой солдат и ловит губами спелые ягоды, с наслаждением ест их, но вдруг летит пуля… Да, война жестока и беспощадна. Но чей это солдат? Немецкий. Чья пуля убила его? Наша. А кто его звал на советскую землю? А разве судьба наших молодых солдат была иной? И не только солдат — женщин, стариков, детей… В частности и об этом я написал Бондареву.

Даже если был не согласен — ведь это было не в газете, а в частном письме — мог бы однокашнику-то звякнуть и, выразив несогласие, сказать хотя бы спасибо. Нет. Тогда были разговоры, что Юра метил на Нобелевскую. Не знаю…

Береги честь смолоду и не забывай в старости

А когда нам было уже за восемьдесят, а Сергею Михалкову за девяносто, началась эта отвратительная свара в Международном союзе писательских союзов (МСПС): Бондарев, много лет работавший заместителем Михалкова, объявил его уволенным. И на страницах «Патриота», куда мне по его настоянию путь закрыли, началась небывало грязная травля Михалкова с привлечением личности даже его жены и с предсказаниями его скорой кончины. Бондарев напечатал в пяти газетах письма, чернящие своего вчерашнего собрата и начальника, а также главного редактора «Литгазеты» Юрия Полякова. А возглавил травлю Арсений Ларионов, впоследствии осужденный за махинации с домами Союза писателей.

А тут еще позорное дело с Шолоховской премией, которую Бондарев стал выдавать уж таким литературным титанам, окружившим его… Выдал и Валентину Сорокину, не только писавшему пронизанные антисоветчиной прозу и стихи (которые, впрочем, охотно печатала «Правда»), но еще и клеветавшего на самого Шолохова. Он работал в одном издательстве с дочерью Михаила Александровича и начал подбивать колышки, а та ни в какую, но он упрям, бесцеремонен. Когда у нее кончилось терпение, она пожаловалась отцу, ну и тот, естественно, как всякий отец, вступился за родную дочь. И вот выходит книга и там — поток вздорной, невежественной, злобной клеветы на Шолохова. И именно за эту книгу из рук Бондарева клеветник получает Шолоховскую премию. Другого примера такого цинизма или полного незнания, безразличия к делу я в литературе не знаю.

Во всей этой заварухе я принял сторону Михалкова, что вызвало, с одной стороны, мою статью о Ларионове «Последний любимец Лили Брик» и о Сорокине — «Позы, грозы и метаморфозы литературной сороконожки», обе — в газете «Дуэль»; с другой — открытый обмен письмам между мной ии Бондаревым. Я писал в той же «Дуэли», он — в «Патриоте». Все эти мои письма, в том числе и «бондаревские» — «Что сказал бы Шолохов, Юра?» и «Виноват, ваше превосходительство» — вошли в книгу «Живые и мертвые классики» (Алгоритм, 2007). Бондарев

свои письма Михалкову, Юрию Полякову и мне едва ли включит в книгу.

Но как бы то ни было, а 2 мая 2011 года на юбилейном вечере Егора Исаева в Музее Пушкина на Пречистинке я по рядам передал Бондареву, сидевшему в зале с женой, книгу своих стихов с надписью: «Валентине и Юрию Бондаревым с признательностью за любовь к поэзии». Как и на давнее письмо о «Береге», он ни словом не отозвался.

Правда, я еще посмеялся в «Завтра» по поводу его рассказа на страницах «Правды», от которой, дескать, мы ежедневно ждем призыва «Граждане, на баррикады!» — рассказа о пылком акте любви с чужой женой. Вроде бы как бунинский «Солнечный удар», да не совсем. Но это уже в октябре и тут я не назвал ни автора, ни газету.

Щедрость гения

А с «Солнечным ударом» был такой эпизод. Читая в его «Береге» сцену пылкой встречи посаженного на гауптвахту лейтенанта Никитина с немецкой девушкой Эммой, которую привел к нему караульный Тужиков, я почувствовал что-то знакомое: «…они кинулись жадно друг к другу, задохнулись в поцелуе…» Вчитался, вдумался — да это «Солнечный удар»! Достал, раскрыл, сверил — точно! И позвонил Бондареву. Он не поверил и даже обиделся. Хорошо, сказал я, пошлю тебе оба текста, сравни. Послал. Он и тогда не отозвался. А ведь я вовсе не думал и не обвинял, что это он сознательно списал. Просто пронзительный бунинский текст так запал в душу, что прижился, натурализовался там, стал своим и однажды вот неожиданно выплеснулся как свое собственное. Не любит Юра никакие критические замечания о себе, они на него плохо действуют. А ведь мог бы просто шутя позвонить: надо же, мол, чего в жизни ни бывает. Спасибо, что разглядел. Я потом не смотрел и не знаю, переписал ли эту сцену. Мог бы и не переписывать.

Ведь что такое заимствования? Гёте говорил: «Что я написал — то мое. А откуда я это взял, из жизни или из книги, никого не касается, важно — что я хорошо управился с материалом… Вальтер Скотт заимствовал одну сцену из моего «Эгмонта», на что имел полное право, а так как обошелся с ней очень умно, то заслуживает только похвалы… Мой Мефистофель поет песню, взятую мной из Шекспира, ну и что за беда? Песня оказалась как нельзя более подходящей, и говорилось в ней именно то, что мне было нужно».

А многие ли знают, что «гений чистой красоты» это не Пушкин, а Жуковский, но там он «не прозвучал», а под пером Пушкина сделался несравненной жемчужиной поэзии. В начальную пору ельцинской контрреволюции пытались охаять даже песню «Вставай, страна огромная!» Ведь ее текст был опубликован уже 24 июня в «Красной звезде» и в «Известиях», а 26-го А. В. Александров написал музыку. И вот люди, которым просто недоступно понять, что такое вдохновение да еще помноженное на патриотизм, вопили: «Не могла песня появиться так быстро! Такая песня была еще в Германскую войну, еще в 1914 году. Только там говорилось не о фашистской, а о тевтонской орде!» Это чушь. Достоверно известно хотя бы из книги Евгения Долматовского «50 твоих песен» (1967), которую он подарил мне в Коктебеле, что песня родилась именно в первые дни войны. Но если даже допустить, что подобная песня была в 1914 году, то ясно, что тогда она не прозвучала и в памяти народа не осталась.

Кстати… В прошлом году в каком-то сочинении военного министра ФРГ дотошные блюстители авторского обнаружили несколько чужих фраз или абзацев. И что? Министр вынужден быть подать в отставку. И это в стране Гете!

У меня больше всего литературно-политических перебранок было с Баклановым и Сарновым. Это есть и в моих, и в их книгах. Нет нужды пересказывать. В 2009 году Бакланов умер. Незадолго до этого мы неожиданно встретились под одной обложкой незнакомого мне журнала «Русская жизнь». Прознав о нашем давнем конфликте, нас намеренно, в расчете на сенсацию свел журналист Олег Кашин, известный больше тем, что его однажды жестоко избили, видимо, за журналистские проделки. Сочувствие ему выражал сам президент. Как не выразить! Он работал тогда заместителем главного редактора в этом журнале, позже — в газете «Коммерсантъ».

Весной 2008 года побывав у обоих дома, он побеседовал с каждым и дал две статьи с фотографиями. Гриша, должно быть, уже больной, выглядит на фотографии печально. Статья обо мне оказалась довольно развязной, и он хотел узнать, что я о ней думаю. Пришлось написать ему письмо. Поскольку в нем оказались некоторые биографические моменты и упомянуты те знакомые мне писатели, что названы выше, пожалуй, есть смысл это письмецо воспроизвести.

Письмо кашевару

«Олег!

Вы спросили по телефону, доволен ли я вашей публикацией. Ну, какое это имеет значение? Допустим, да. А кое-какие несогласия есть. Но прежде — о журнале.

Зачем вы злоупотребляете бессмысленной дурашливостью. Вот на обложке здоровенная, уродливая и вовсе не смешная баба. И ничего не добавляет сидящая рядом замухрышка. Такая же чушь на обложке № 1, который вы мне подарили. Ваши вроде бы близкие родственники «Русский журнал» и «Трибуна русской мысли» без таких вывертов выглядят гораздо привлекательней. На нашем ТВ выпуски новостей начинают под такой музыкальный грохот, что ничего не возможно расслышать, т. е. люди работают против самих себя. И вы — против себя. Многие важные тексты, даже имена сотрудников, авторов, адреса и телефоны у вас набраны таким микроскопическим шрифтом, что невозможно прочитать. Впрочем, это ваше дело, лучше скажу кое-что о статье.

Заголовочек: «Гений последнего плевка»… Бушин — гений? Вы тут не одиноки. Именно так меня величают многие читатели, например, Роза Ивановна Белова из Гродно. И даже некоторые писатели. Первым был Владимир Солоухин. Когда в «Литературной газете» появилась моя статья «Кому мешал Теплый переулок?», в которой я протестовал против бесконечных и часто нелепых, антиисторических, даже антинациональных переименованиях городов, улиц, площадей и о необходимости вернуть многим прежние названия, Володя влетел в мой кабинетик в «Дружбе народов» с воплем: «Ты — гений!» Это было в октябре 1965 года. А в 2009-м молодой писатель Захар Прилепин на мою статью «Маршал Рокоссовский и килька пряного посола» откликнулся в интернете: «Гениально! Низкий поклон». Так что, вот 45 лет хожу в гениях. Да еще критик Лев Данилкин нарек меня в «Завтра» критиком № 1, а Вл. Крупин там же — «лучшим критиком современности». Правда, я его спросил в той же газете, знает ли он, какие критики водятся ныне на Мадагаскаре или в джунглях Нигерии. Не ответил.

Впрочем, я и сам не скромничаю. Есть у меня на сей счет стихотворение «Поэты и клеветники», посвященное Александру Байгушеву:

Об этом думаю все чаще,
И вывод сам собой возник:
У всех поэтов настоящих
Есть персональный клеветник.

Все началось еще с Зоила.

Ему несносен был Гомер.
А уж потом их столько было!
Взять хоть Россию, например.

При Пушкине Фаддей Булгарин
Работал лейб-клеветником.
Поэт прозвал его Фиглярин.
Так нам он ныне и знаком.

А век двадцатый?.. Что за хари!
Какая злоба! Что за пыл!
Лгал о Есенине Бухарин,
При Маяковском Коган был.

А вот пришли и наши сроки.
И у меня есть клеветник —
Орденоносный стол Морокин,
Давненько чокнутый старик.

Ему лишь дай малейший повод —
И тотчас — визг, проклятья, крик…
А это самый веский довод —
Я гениален и велик.

Но порой я просто не выдерживаю, и тогда слетают с уст и такие строки:

Порой в глаза мне лепят: «Гений!»
— Опомнитесь! — кричу. — За что?
А кто ж известный всем Евгений?
А рядом с ним Куняев — кто?

А вы, Олег, называете мои статьи «плевками»? Но, как сказал поэт, «А ведь кто-то называет эти плевочки жемчужиной». Но почему «плевок последний»? Нет, мы еще поплюемся… Когда я писал о Солженицыне «гений первого плевка», то, во-первых, принимал в расчет, что некоторые известные критики и впрямь так его именуют, ставят между Толстым и Достоевским. Во-вторых, я опирался на его собственные слова: «Главное — плюнут первым». А на что вы опирались, присобачивая к статье такой заголовок? Надо же уметь что-то свое придумать, а не переиначивать чужое. А намекать на мой почтенный возраст просто неприлично.

Вы увлеклись словесной игрой, каламбуром. Я и сам не пренебрегаю этим, но, допустим, если «Бушин против времени», а почему «время против Бакланова»? Ему на его журнал «Знамя» давал миллионы долларов Сорос, он принимал в ресторане ЦДЛ Рейгана, напечатал в «Знамени» ворох вещей в поддержку нынешнего времени, его Ельцин или Путин наградили орденам «За заслуги», он получает президентскую пенсию, — словом, человек много сделал для прихода этого времени и не забыт им. Так ли уж оно против него? Во всяком случае, если в чем-то против, то пусть ест то самое, что своими руками варганил.

А теперь несколько замечаний просто по вашему тексту.

У вас плохое зрение, слабый слух, неважная память.

«Здесь жил даже Гр. Горин…» Почему «даже»? Здесь живет даже и антисоветчик-враль Радзинский. Здесь обитает даже похабник Ерофеев, такой же лютый враль. Здесь можно встретить даже матушку их брата по разуму Млечина и матушку покойного Гайдара, в характеристике не нуждающегося…

«Горин очень трепетно(!) относился к бродячим собакам». Так-таки и трепетал? У него был свой спаниель Патрик, а как он относился к бродячим, я не знаю, хотя однажды мы ездили с ним в Истру на рынок и продали там два щенка от прижившейся у нас собаки. А вот мы с женой действительно повозились с ними. Всех помним и не забудем: Жучка, Мишка, Катька, Булька, Филька, Малыш, Бушка, Нюшка, Аноська, а сейчас — Ширли и Дик. И у каждой свой характер, свой норов, своя любовь в нам. Мы прооперировали за эти годы шесть сучек, причем первых трех — прямо в своей квартире. А ведь надо было еще найти ветеринара, уговорить его приехать, потом несколько дней ухаживать за несчастной собачкой, наконец, снять швы… А незабвенная Нюшка после операции возьми да ощенись. Вот где трепет-то был! Да еще пять собак я похоронил в лесу. Их отравили негодяи… Вот где опять трепет-то. Горин этого не знал, и лучше не вспоминать… Вот и 30 апреля оперировали лохматую милашку Герду, но это уже при нашем минимальном участии.

«На чьей стороне воевал отец в Гражданской войне, Бушин не знает». Ну, это уж написано просто в состоянии помутнения ума временного или хронического. Совершенно непонятно, как это могло вам взбрести в голову. С чего вы взяли? У вас кто-нибудь из родственников был на войне? И вы не знаете, на чьей стороне он воевал?

«Его отец вскоре даже вступил в партию». Почему опять «даже»? В партию вступали миллионы лучших людей страны. Что, у вас из родственников никто в партии не был? Или папа и мама

вступали, но их вскоре выставили? Помню, однажды покойный писатель Иосиф Прут беседовал на ТВ с Евг. Киселевым и упомянул, что во время Гражданской служил в Красной Армии. Так этот теледуб ляпнул: «Как это вас угораздило!»

Он живет в уверенности, что в Красной Армии никого, кроме Сталина и Буденного, не было.

«Журналистское сообщество» относилось к авторам «Дня» и «Завтра» как к унтерменшам?» Не замечал. И что это за «сообщество» — ваши друзья? Ведь ненавидеть, оболгать, оскорбить это не значит считать унтерменшем. Надо показать, что противник таков. Но за все время в свой адрес я не получал никаких существенных опровержений, никаких попыток доказать мое «унтерменшство», а только вопли и брань. О конкретных ошибках, конечно, были порой замечания (например, о счете между футболистами киевского «Динамо» и командой Люфтваффе в игре 22 июня 1942 года). Такие ошибки могут быть у всех, и о них дружески писали мне мои единомышленники. А для вас «сообщество» это радзинский-радзиховский?

И нет конца вашему пристрастию к халтурке и верхоглядству. «Бушину позвонил завотделом металлургии ЦК». Да никогда не было такого отдела. А в дотошном перечислении портретов в моей комнате вы пропустили Святослава Рихтера. Однажды, будучи уже не у дел и слегка не в своей тарелке, с предложением за комиссионные проценты продвинуть в печать любое мое сочинение («Мои ученики во всех газетах и журналах!») ко мне явился живший через дорогу Виталий Сырокомский, бывший заместитель главного редактора «Литературной газеты» и отчим Ленида Млечина по совместительству. Ну, ничего он, конечно, не напечатал, но запомнился своим изумлением при виде у меня портрета принцессы Дианы. «Как! У Бушина — Диана?!» Ожидал увидеть Пугачева, Дзержинского — и вдруг! Должно быть, и вы так же изумились при виде Рихтера и, подобно Сарнову, сочли это за маскировку.

Изготовление евреев и антисемитов

«Не знаю почему, но советский патриот, как правило, всегда отчасти антисемит — вот и Бушин, говоря о Бакланове, всегда оговаривается, что его фамилия Фридман». Что вы врете-то? Во-первых, если кто назвал человека по его настоящей фамилии, к которой привык со студенческой поры, уж такой ли это антисемитизм, чтобы о нем в рельсу бить? Во-вторых, что значит «всегда» — в разговоре с вами, что ли? Этого не было. И зачем я

буду, как идиот, долдонить это всегда? Кому интересно, знают и без меня. А я касался этого вопроса, только когда Бакланов уверял, что его заставили взять псевдоним да вычеркнули его посвящение повести погибшим братьям. Наши шахматные гроссмейстеры, поди, процентов на 80 евреи, но только один из них, Вайнштейн, взял псевдоним Каспаров. Мама ему сказала, что иначе он ничего не добьется. А Ботвинник, Таль, Бронштейн, Корчной, Болеславский, Бондаревский, Авербах, Геллер, Штейн и множество других? Все — известнейшие гроссмейстеры. И одни даже доходили до финальных матчей на звание чемпиона мира, а другие и были им.

Так что осторожней на скользких местах, сударь. Могу посоветовать мою статью «Изготовление евреев» в газете «Дуэль» № 17 за 2010 год. Она есть и в моей книге «Живые и мертвые классики». Мне кажется, там для вас много интересного.

И как поворачивается язык у иных сограждан говорить об антисемитизме в стране, где в контрреволюции и ограблении народа евреи сыграли такую выдающуюся роль, где едва ли не подряд четыре премьера и шесть вице-премьеров — евреи или, как выражается критик Сарнов, «с большой прожидью», где телевидение — почти сплошь такое же, что проявилось хотя бы в недавних трехчасовых и дважды показанных (второй раз — 3 мая) по первой программе передачах, посвященных 70-летию… кого?.. Ильи Резника. Есть поэты, которые просто пишут стихи, и некоторые из них кладут на музыку: Исаковский, Фатьянов, Матусовский… А есть текстовики, они делают тексты специально для песен. Таков Резник, тороватый текстовик. Вы, русский человек, всего этого не видите?

Бакланов у вас говорит: «В редакции мне сказали: «Что такое Фридман? Может, нам его из Америки заслали? Так я стал Баклановым». В какой редакции сказали? Это вранье, расчет на идиотов: словно он был в стране единственным среди писателей с такой фамилией. А почему остались при своих именах Эренбург, Пастернак, Шкловский, Фраерман, оба Гроссмана, даже Радзинский и т. д. Вот еще Михаил Шатров. Его фамилия Маршак. И он уверял, что знаменитый однофамилец Самуил Яковлевич сказал ему: «Для нашей литературы хватит одного Маршака, придумайте псевдоним». Поверить в это трудно. Образованный С. Я. Маршак знал, что в русской литературе три Толстых, из которых два Алексея и два Николаевича, но никто их никогда не путал. Мало того, у нас три «Кавказских пленника», и тоже — никакой драмы.

Еще Бакланов уверял, не называя ее, что в редакции «Знамени», где позже он был главным редактором, у него

потребовали снять посвящение повести своим братьям, имевшим еврейские фамилии. Опять вранье. Во-первых, как пофамильно показал в своих воспоминаниях С. Куняев, в редакции этого журнала, как и во многих других, преобладали как раз евреи. И кто же из них обидел Гришу? Во-вторых, у меня, например, есть стихотворение, посвященное памяти одноклассников, погибших на войне, и среди них — евреи. Я печатал это стихотворение неоднократно, и никто никогда нигде не требовал у меня убрать еврейские фамилии.

А что касается псевдонима, который Бакланов взял из фадеевского «Разгрома», то при его появлении в «Литгазете» еще в институтскую пору мы, однокурсники, сказали ему: «Гриша, уж если из «Разгрома», то лучше бы взять имя не второстепенного героя Бакланова, а главного — Левинсона». Осерчал…

Да, Олег, порой я слышу в свой адрес вопли таких, как Беня Сарнов: «Антисемит!» Но не реже раздаются в мой адрес и визги таких, как Байгушев; «Еврей!» Я об этом и статью написал — «Еврей и антисемит в одном фургоне» («Завтра» и «Своими именами» № 14’11). Ведь стоит задеть еврея — и тотчас вопль: антисемит! А что делать, если они на самых высоких колокольнях и громче всех поносят мое время. Мих. Шатров и Гр. Явлинский собирались подавать на меня в суд (правда, без обвинений в антисемитизме), но собирался и русский Степашин, а Владимир Карпов и подал. Представьте: Герой, член ЦК, депутат, лауреат, первый секретарь СП… Только и спасся я встречным иском.

Бакланов у вас говорит: «Когда началась война, я пошел на фронт добровольцем». Когда началась война, т. е. в июне 41-го, Гриша, как сам писал, подался из Воронежа, который немцы захватили только спустя год, в предгорья Урала, а в армию и на фронт попал, когда шел ему 19-й. Какой же доброволец, если брали восемнадцатилетних? Не вы ли сделали его добровольцем?

«До «Знамени» Бакланов никаких должностей не занимал. Просто писатель». Вы просто сотрясатель атмосферы. Он был и членом Правления СП СССР, и секретарем правления, даже сопредседателем…

«Бакланов получал анонимки с угрозами (не факт, что настоящими) от общества «Память». На самом деле «факт» состоит в том, и вы должны бы знать, что это была провокация не «Памяти», а некоего Аркадия Норинского из Ленинграда, и Бакланову было известно, что это провокация. Но все-таки он напечатал его письмо, приняв неизмеримо более существенное участие в провокации. У него была склонность к таким вещам. Многие не забыли, что в «Знамени» он напечатал статью генерал Д. Волкогонова и писателя В. Карпова, которые уверяли, что

маршал Жуков в 30-е годы написал донос на маршала Егорова, в результате чего тот был репрессирован. И ведь некую бумажку предъявляли! Оказалась фальшивка. Пришлось извиняться.

Я потом спросил Карпова: «Как же ты мог?» И что он ответил? «Да ведь Волкогонов-то был генерал-полковником и дважды доктором наук!» И такой человек возглавлял Союз писателей… А за Норинского не помню, извинялся ли Бакланов.

Его финансировал Сорос

«Бакланов назвал Бушина фашистом. Собрали партгруппу. Бакланов извинился. Дело замяли». Где вы научились такой легкости в мыслях — у Сванидзе? Во-первых, на партгруппе он вовсе не извинился, а продолжал катить бочку: «Бушин не советский человек!» Он, вымаливавший подачки Сороса, советский человек, а я — не советский. А извинился по требованию партгруппы только через несколько дней, прикатив ко мне в Измайлово. Во-вторых, ничего не замяли: разговором на партгруппе, его извинением все за полной ясностью и кончилось. А лет через сорок он стал врать, что его за это из партии исключили и вообще чуть не погубили всю карьеру.

Бакланов и это у вас сказал: «Выпивши я тогда был. Бушин мне никогда не нравился». За долгие годы неоднократно вспоминая тот эпизод, он впервые вдруг признался, что был пьяным. Но дело не в этом. Главное, «не нравится» — этого ему достаточно, чтобы многих называть фашистами. Например, об известном критике Ю. Барабаше, тогда заместителе главного в «Литгазете», писал: «Я мысленно надел на него эсэсовскую фуражку и ахнул!..» А здесь у него фашисты уже «Хасбулатов и компания». И не соображал, что ведь и его мысленно может кто угодно обрядить в любую форму, в какую угодно одежду, например, в одежду палача и сунуть в руки топор.

Бакланов — вам: «Бушин вообще очень фальшивый тип».

Фальшивый — это лжец, лицемер, приспособленец, переметчик. Так? И если бы я, например, попал на фронт в 18–19 лет, а потом изображал из себя добровольца; если бы врал, что нашу армию и еще одну во время тяжелых боев совершенно не кормили; если бы я извинился перед человеком, которого оскорбил, и дело было исчерпано, а через сорок лет стал изображать свое хамство как смелый благородный поступок, который грозил мне гражданской смертью; если бы я встречался и беседовал с Эренбургом, а потом с целью опорочить Симонова вложил в уста Эренбурга вздорный вымысел о нем; если бы я

поносил Симонова («Он служил Сталину!»), а потом принял премию его имени; если бы я лет пятьдесят состоял в партии, а потом плюнул на нее и стал высмеивать; если бы я съездил в США и написал о ней неприязненную книгу, а потом якшался бы с американским президентом; если бы я на страницах «Русской жизни» объявил генералов Крейзера и Драгунского русскими[1], — если бы все это было на моей совести, то, конечно, меня следовало бы назвать очень фальшивым человеком. Но ничего этого за мной не числится. А Гриша как раз все это или подобное и проделал. Так кто же фальшивый?

Хоть бы слово правды, хоть бы крупица ума!

«До перестройки делом всей жизни Бушин мог считать Энгельса (так в тексте), которому он посвятил добрый десяток биографических книг». Нет, вы действительно того… Какое дело всей жизни? Какой десяток? Это была одна книга, которая переиздавалась с некоторыми дополнениями. Кажется, было 4–5 изданий. А контрреволюция моего отношения к Энгельсу, как и ко многому другому, в целом не изменила. Я готов и сейчас переиздать книгу о нем с некоторыми уточнениями.

«Самая известна из книг Бушина о Энгельсе — «Эоловы арфы» — выдержала множество изданий (см. выше) и считалась эталонной биографией». Что такое эталонная биография? Кем моя книга таковой считалась? «Проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!»

«Энгельс всегда был в тени Маркса, и Бушину казалось это неправильным». Ни в какой тени он не был, и мне ничего не казалось. Разъяснять долго и скучно. А если вам кажется, перекреститесь.

«Энгельсом Бушин занялся не от хорошей жизни. Просто возникла необходимость заработка». Ведь ничего другого, кроме заработка, вы и помыслить не в состоянии. Фигура Энгельса увлекла меня после прочтения известной книги Меринга о Марксе. Ну, а гонорарные соображения в той или иной степени в литературной работе, как и во всякой другой, конечно, есть всегда.

ВСе знает и ничего не понимает

«Главредом «Нашего современника» стал Куняев. Разумеется(!), отношения с ним у Бушина испортились

сразу(!)>>, поскольку-де он сам хотел стать главредом. Все-то вы знаете, милейший, но ничего не понимаете. В людях, которые вам не нравятся, вы непременно видите негодяев. Да, с Куняевым отношения испортились, но вовсе не сразу, а только после того, как он вслед за Бурлацким в «Литгазете» смахнул с обложки НС портрет Горького, целый год печатал Солженицына, объявил горбачевско-ельцинскую контрреволюцию Божьей благодатью, ввел в редколлегию махрового антисоветчика Шафаревича, его устами со страниц журнала призвал вместо Антифашистского комитета в помощь Ельцину создать Антикоммунистический и судить 250 тысяч коммунистов, оклеветал Беломоро-Балтийский канал и т. п. То есть «отношения испортились» только после того, как ворох антисоветчины в журнале стал уже невыносим. А пока «процесс шел» и набирал силу, он меня печатал. Да и ныне, в глубине души, видимо, все-таки сознавая тяжкий грех своих деяний в те решавшие судьбу родины годы, Куняев ищет оправдания, примирения, забвения. У Твардовского хорошо сказано:

Немалые старанья о забвенье
Немалого и требуют труда.

И вот на открытие номера, посвященного 65-летию Победы, Куняев даже дал хорошую подборку моих стихов. Правда, потом в приступе величия прислал письмо, в котором эти стихи, без моей просьбы по доброй воле им напечатанные, назвал «публицистикой в рифму». Даже если так, а что такое хотя бы «Клеветникам России» Пушкина, «Смерть поэта» Лермонтова или «Не Богу ты служил и не России» Тютчева? Чистая «публицистика в рифму».

Видимо, в вас, Олег, неистребима жажда писать понаслышке, и вы шпарите: «Баруздина, Ананьева, Залыгина трудно считать прорабами перестройки. А вот редактор гораздо более скромного «Знамени»…» Баруздин умер в 91-м году, в журнале его заменил безвестный А. Руденко. А тираж «Знамени» доходил до миллиона. Какая же тут «скромность»?. Залыгин же, главный публикатор Солженицына в «Новом мире», вдруг стал американским академиком. За скромность? Ведь писатель-то весьма средний. Хотя я и похвалил в свое время его повесть «На Иртыше».

«Цензуру не устраивало в записках Ржевской о маршале Жукове то, что она писала, будто однажды Жуков назначил ей встречу, а у нее была путевка в санаторий». Недавно какой-то Цукерман заявил по ТВ, что в советское время была запрещена йога. Ему завидуете?

Чушь и второе замечание о цензуре в связи с Ржевской. Ее лживые записки были напечатаны со всем этим вздором. (См. мою ст. об этих записках — «Кто дублировал Бабетту?» в кн. «За родину! За Сталина!»)

В полном восторге от вашей статьи моя Аноська, упомянутая в ней. Она задирает теперь и нос и хвост: «Обо мне, наконец, заговорила столичная пресса…» Оценить литературные и нравственные достоинства вашей публикации моя собачка, к сожалению, не может. Впрочем, вскоре она, увы, околела. Не от вашего ли упоминания ее честного имени в вашем бездарном журнале? Говорят, что и он околел? Если так, то уж это точно — от таких публикаций, как эта ваша.

Хороши фотографии. Я могу их купить.

Всего!

4 мая 2008, Красновидово».

Коля Глазков да Тряпкин Коля

По коридорам института бродили стихи Николая Глазкова такого рода:

Пусть говорят, что окна ТАСС
Моих стихов полезнее —
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

Или вот еще:

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный —
Чем эпохи интересней для историка,
Тем для современника печальней.

С Колей, уже не помню как, сложились очень добрые отношения. Никто не дарил мне столько своих книг, как Винокуров и он. Женя издавался много, у него выходило и по две-три книги в год, и мне он подарил десятка полтора. Колю печатали меньше, но с десяток своих книг подарил и он. А его бесчисленные письма, красочные открытки, а то и стихи на фантиках, что присылал он из поездок по всей стране. Где он только не был! И письма всегда были забавные, с выдумкой, с шутками, со стихами и о себе, и в честь адресата. 31 августа 1976

года писал:

«Дорогой Володя Бушин!

На поезде «Россия»
По лучшей из дорог
(Не видывал красивей!)
Я еду на Восток!

Совершаю 14-е путешествие в сторону Уральского хребта! Из Владивостока предполагаю махнуть на Сахалин и, возможно, на Курилы.

С дружеским приветом!

Твой верный поэт и великий путешественник».

И кажется, везде побывал, кроме Курил. Во всяком случае, поздравляя с Днем Победы, прислал в подарок акростих:

Бушуют яростные волны
У магаданских берегов,
Шумят и пляшут своевольно
И достают до облаков!..
Не волны эти так проворны —
Упали облака на волны!

А раньше, еще в октябре 1973 года, когда он жил на Арбате, Коля пристал на цветной бумажке акростих еще более полного характера: «ВОЛОДЕБУШИНУ»

Волга серая и синяя
Ощутила стужу льдов.
Лучезарность снега, инея
Оживляет дни уныния,
Дни, бегущие по линии
Ежегодных холодов

и т. д.

В 1975 году Глазков жил уже на Аминьевском шоссе и оттуда однажды прислал мне вот что:

Враги и стихи

Писал я много на веку,
Но все, народ, сожги,
Коль хоть одну мою строку
Вдруг запоют враги!

Игорь Кобзев. «Закон»

Хотя врага, который сер
И бел, почетно бить,
Но самый белый офицер
Мог Пушкина любить.
И меньшевик или эсер
Не мог его забыть.
Пока под солнцем и луной
Вращается Земля,
Враг волен выбирать любой
Себе репертуар.

Не все то брак,
Что любит враг,
Не все то суррогат.
Когда поэта враг поет,
Попавший в сложный переплет,
Поэт не виноват!

Я, кажется, на это не ответил. Но вскоре он прислал на эту же тему еще одно стихотворение. И тогда я ответил.

Гитлер и цветы

Николаю Глазкову, приславшему мне переведенное им с якутского языка стихотворение М. Дорофеева «Флоксы».

Неужто Мишка Дорофеев
Попал в когорту корифеев,
Поскольку ныне сам Глазков
Его вознес до облаков?

Но вот что пишет сей эстет:
«Я вроде как бы маков цвет.
За то, что чтут меня враги,
Корить поэта не моги.

Мы разве вправе хаить флоксы
За то, что Гитлер их любил?»
— Нет! — я сказал. — Но это ж фокусы
С цветком, что сорван средь могил.

Известен фокус нам таковский.
Но я поэтов чту иных:
Рылеев, Лорка, Маяковский —
Враги уничтожали их.

Врагов у нас немало в мире.
Коль приглянусь им хоть на миг,
Готов, как лермонтовский мцыри,
Я вырвать грешный мой язык.

По мне, Глазков, твой Дорофеев —
Гляжу без розовых очков —
Иль из породы фарисеев,
Иль из блаженных дурачков.

Его ты не переводи,
А лучше выпить заходи.

Коля отозвался очень живо:

Мыслю я: во время ужина
Можно выпить не зазря —
И спешу поздравить Бушина
С наступленьем пьянваря.

Потом прислал два стихотворения, одно из них — «Бюрократическое творчество»:

Бывал я в древних городах,
Смотрел на памятники зодчества.
И удручал меня размах
Бюрократического творчества.
В названьях улиц, площадей

По непонятному велению
Присутствовал абстрактный день
Вне времени и протяжения:
Вне памятников старины,
Вне живописной этой местности,
Вне города и вне страны,
Вне исторической конкретности.
Лассали, Либкнехты и Бебели
Ни разу в жизни здесь и не были,
С врагами не боролись тут,
Заводов, фабрик, школ не строили.
Хотя их справедливо чтут,
Они стоят здесь вне истории.
Как гражданин и как поэт
По званию и по призванию
В горисполком и в райсовет
Хочу пойти и дать совет:
Верните старые названия!

8 декабря 1975 года я писал ему:

«Дорогой Коля!

Спасибо за два прекрасных стихотворения. «Бюрократическое творчество» ты прислал, надо думать, не просто так, а помня мою статью «Кому мешал Теплый переулок?», что была напечатана в «Литгазете» еще в 1965 году, и желая поддержать и продолжить ее идею борьбы против безобразия у нас со всякими переименованиями.

Я тогда ставил вопрос о возвращении исконных названий Нижнему Новгороду, Вятке, Самаре, Твери… Потом, в январе 1966-го, об этом же и о других подобных вопросах была передача Ленинградского телевидения, которая транслировалась на всю страну, а участие в ней, кроме меня, принимали Д. С. Лихачев (тогда он был членкором и вел передачу), Владимир Солоухин, Олег Волков, Николай Успенский, В. Иванов, будущий академик, кто-то еще. Передача вызвало бурю вплоть докладной записку А. Яковлева в Политбюро и объявления ее идеологической диверсией и снятие с работы нескольких работников Ленинградского телевидения во главе с директором Фирсовым.

Удачно, Коля, и второе стихотворение о том, что мы страдаем не только от бюрократизма, но и от его недостаточно умного развития. Об этом в свое время говорил Ленин.

К Николину дню шлю тебе в подарок стихотворение на

близкую твоим стихам тему, о том, что надо действовать разумно и в соответствии с обстановкой.

ЖУРАВЛИ

Когда ты видишь в небе журавлей,
Наш север покидающих печальный,
Об участи их, право, не жалей,
Хотя и трудно им в дороге дальней.

Их ожидают холод, и гроза,
И голод, и тревожные ночлеги,
И молнии сверкание в глаза,
И хищников внезапные набеги…

Но несмотря на множество преград,
Сумеют они все-таки не сбиться
И в нужный день до цели долетят,
А ведь они не более чем птицы.

Все дело в том, что тягостных оков
Слепого почитания не зная,
Всегда в свой срок меняет вожаков
Летящая к заветной цели стая.

А прежнюю нашу тему считаю исчерпанной моими строками:

— Мы разве вправе хаить флоксы
За то, что Гитлер их любил?
— Нет! — я сказал. — А можно ль фокусы
Показывать среди могил?

Да, подчеркивание какой-то общности между нами и убийцей миллионов Гитлером есть фокус, и только. Зачем это? Мало ли можно найти точек сходства. У меня два уха и у него, у меня пять пальцев на руке и у него. Что дальше? А ты пристал к этому, как слепой к тесту.

Конечно, тому или иному фашисту могло нравиться то или иное произведение искусства даже русского, в частности. Но как историческое явление фашизм презирал и отвергал русское искусство и русский народ, уничтожал их. Так зачем же мне, русскому литератору совать под нос некие точки общности с Гитлером?

Будь здоров и не наводи тень на ясный день.

Обнимаю и приветствую по случаю Николина дня и спешащего за ним Нового года!»

Позднее Глазков прислал открытку с фотоснимком на ней перламутрового украшения XVIII века из Алмазного фонда:

Ты, Володя Бушин, мудр.
Мысль твоя — как перламутр…

и т. д.

Вскоре после того, как я въехал в кооперативную квартиру на Красноармейской улице, Глазков нагрянул ко мне. На шестой этаж шел почему-то пешком и голосил на весь подъезд: «Какие вы тут все счастливцы — вы живете в одном доме с Бушиным! В одном доме! Под одной крышей!..» Радостно орущим на лестнице он и остался в моей памяти.

И Николай Тряпкин… Малеевка. Кажется, февраль. Мы стоим на тропке, что вела от основного корпуса к конторе, и он читает мне. Вернее, напевает: «Летела гагара…» Их было два Коли-Николая — Глазков и Тряпкин. Как бы деревенские дурачки не от мира сего, блаженные. И какие стихи написал Тряпкин незадолго до смерти!

Не жалею, друзья, что пора умирать,
А жалею, друзья, что не в силах карать,
Что в дому у меня столько разных свиней,
А в руках у меня ни дубья, ни камней…
Дорогая отчизна! Бесценная мать!
Не боюсь умирать. Мне пора умирать.
Только пусть не убьет стариковская ржа,
А дозволь умереть от свинца иль ножа.

Ему было восемьдесят, когда он умер, но все-таки — не от стариковской ржи, а от ножа демократии. А перед смертью успел вознести страстную молитву:

За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси наше счастье земное.
О Господь! Наклонись надо мной.
Задичали мы в прорве кромешной.

Окропи Ты нас вербной водой,
Осени голосистой скворешней.
Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны, —
Что срывал я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!
Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за смрад от бесовских блудилищ!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси мое счастье земное,
Подними ты мой Красный Союз
До Креста своего аналоя.

Предательство

9 апреля

Получил великолепную рецензию Александра Николаевича Макарова на дипломную работу, в которую вошли большая статья о Маяковском и рецензии на «Студентов» Юрия Трифонова, «Жатву» Галины Николаевой и на спектакль «Студент третьего курса» в театре Моссовета. О первой статье пишет, что ей «могут заинтересоваться молодежные журналы, она этого заслуживает». А если, мол, кое-что добавить, то «это будет статья, которая заинтересует любой толстый журнал». Ура!

12 апреля

На кафедре творчества получил рецензию Андрея Турко-ва. Он окончил институт в прошлом году, сейчас заведует отделом критики в «Огоньке». Но как он смел брать на себя роль судьи моей дипломной работы! Мы же ровесники и занимались в одном семинаре у Веры Вас. Смирновой. И он выносит мне приговор! Откуда такая самоуверенность и злобность? В подобной ситуации можно было бы согласиться рецензировать диплом только для того, чтобы поддержать товарища, а он взялся, чтобы утопить. Ну и хлюст!

27 июня

Вчера впервые в жизни я видел в лицо предательство. Оно выглядит буднично, ничего особенно примечательного в нем нет. Турков на мою защиту не явился. А Макаров вышел на кафедру и стал говорить прямо противоположное тем похвалам, что были в

его рецензии. Я не верил своим ушам. Можно было бы встать и огласить то, что он писал, но это был бы скандал, и я не решился.

А когда в перерыв, будучи от созерцания измены не в себе, шел между рядами к выходу и поравнялся с Баклановым, сидевшим с краю, он вдруг так на меня окрысился… Ну и денек..

Как потом я узнал, Макарова вызвал завкафедрой творчества Василий Александрович Смирнов и высказал ему недовольство его похвальной рецензией, может быть, и потребовал сказать на защите то, что тот и сказал. Макаров был тогда фигурой видной, он много писал, был членом редколлегии «Литературной газеты» и т. д. Человек, бесспорно, талантливый, но столько и робкий, нерешительный, податливый. Смирнов нажал — и все, пошел на прямую подлость. А Смирнов, не знаю почему, видимо, шибко меня не любил. Хотя гораздо позже, году в 1964-м, будучи без работы, я пришел к нему в «Дружбу народов», где он был главным редактором, и он охотно взял меня заведовать отделом культуры. И помню, как однажды мой очерк «На легких играх Терпсихоры» о танцевальном фестивале в Кишиневе так его обрадовал, что, будучи на даче, он пошел куда-то далеко по сугробам к телефону, чтобы позвонить мне и похвалить. Неожиданный он был человек.

Однажды он сказал Смелякову, заведовавшему в журнале поэзией:

— Ярослав, давай дадим подборку еврейских поэтов.

— Давай. Только все равно нас не перестанут считать антисемитами.

Да как же Ярослав не антисемит, если, с одной стороны, он написал «Оду русскому человеку», а с другой — в стихотворении о «Машке из рабочей слободы» сказал о ней:

Завтра утречком стирает
для еврейки бельецо
и печально напевает,
что потеряно кольцо.
И того не знает дура,
полоскаючи белье,
что в России диктатура,
и не чья-нибудь — ее.

А в журнале, как почти во всех, уж столько евреев работало: Вайс, Герш, Дурново, Лена Дымщиц, Шиловцева, Оскоцкий, не говоря уж о еврейских мужьях и женах — Богданов, Перуанская, Дмитриева (жена Лидиса-Лиходеева), тут и жена физкультурника Бори, которого она в 1969 году оставила и стала женой О.В.,

ровесника XX века.

Однажды во время какого-то редакционного праздничного застолья мне пришлось встать из-за стола и пойти в свой кабинет позвонить кому-то по телефону. Едва я кончил говорить, как вдруг дверь открылась и произошло вот что, о чем я, спустя долгое время, написал стихотворение «Сейчас и здесь»:

Вы в кабинет средь бела дня
Вошли и весело сказали:
— Хочу я, чтобы вы меня
Сейчас и здесь поцеловали!

Что я в ответ вам мог сказать?
Не столь уж тягостная просьба.
Не в силах был я отказать.
Да много ль стоиков нашлось бы?

С тех пор минувших дней — не счесть!
О, молодость! Но я не скрою:
Прекрасный зов «Сейчас и здесь!»
Доныне мнится мне порою…

Лицо вражды

А рецензия Туркова тогда, конечно, ужасно огорчила меня. Она была вовсе не случайна. Если в 51-м году он мог запросто оставить меня без диплома, а только с бумажкой, что, мол, товарищ «прослушал курс», то позже энергично боролся против и моего приема в Союз писателей. Тогда, между прочим, он писал в рецензии и такое: «В работе В. Бушина о Маяковском отдельные формулировки просто ошибочны». Это какие же? И он указывал: «До революции у поэта слышались мотивы тоски, одиночества, безысходности». И что? «Заявление довольно безответственное». Какая, мол, тоска и одиночество могли тут быть, если товарищ Сталин назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Он просто обязан был всю жизнь быть круглосуточным оптимистом! Но ведь чего стоят хотя бы такие строки из стихотворения «Несколько слов обо мне самом», написанного в 1913 году:

Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека.

Это о самом себе, а не о критике Туркове, беспробудном оптимисте.

Мы с ним представляли как бы два полюса литературной жизни. Об этом он сам прямо заявил 10 апреля 1961 года на заседании бюро секции критики, когда рассматривался вопрос о рекомендации меня в Союз писателей: «Сознавая все неудобство того, что я и некоторые товарищи из бюро стоим на противоположных Бушину позициях, я буду голосовать против его приема в Союз». В 1951 году взявшись вынести приговор ровеснику и однокашнику, Турков не мог не понимать всю постыдность этого дела, но все-таки приговор вынес — убийственный. Прошло десять лет, он не раскаялся, не пожалел об этом и вот опять выносит такой же убийственный приговор. Да, противоположность позиций! В роковые годы контрреволюции и ограбления страны Турков на страницах «Известий» пел дифирамбы А. Н. Яковлеву, а я об этом теоретике грабежа и академике в особо крупных размерах опубликовал с полдюжины уж очень неласковых статей, в которых обличал его, как оборотня, лжеца и предателя.

В январе 2012 года Путин удостоил Туркова правительственной премии. Да как же ее не дать певцу Яковлева и клеветнику Сталина…

Сволочи

А. Турков твердил самые грязные зады клеветников Советской России. Так, в биографическом словаре русских писателей XX века (М.2000) ему принадлежит большая статья о Твардовском, где читаем: «В поэме «Дом у дороги» впервые с состраданием сказано о пленных, которых Сталин объявил изменниками». Где, когда объявил? В каком приказе, директиве или выступлении? Ведь надо быть полным идиотом, чтобы объявить три миллиона солдат своей армии изменниками. Но даже самые тупые клеветники при всей их ненависти к Сталину давно согласились, что он был совсем не дурак, далеко не дурак, отнюдь не дурак. На фронте старший лейтенант Кулиманов предупреждал меня насчет приема в комсомол одного солдата, побывавшего в окружении. Но что взять с молодого особиста да еще на фронте. А тут образованный, начитанный критик, уже старый автор многих книг…

В окружении… в оккупации… в плену… И что? Множество сочинителей и помимо Туркова, от покойных Волкогонова и Бродского до вечно живых Радзинского и Млечина, без устали

твердят нам, что все, побывавшие в окружении и в плену, после войны немедленно оказывались в наших лагерях и тюрьмах, но при этом никто не называет имен. Наиболее обобщенно и безответственно сказал это о наших солдатах Бродский в стихотворении «Смерть Жукова». Покойный генерал Варенников подарил мне по случаю какой-то моей даты роскошный фотоальбом о Жукове. Странно было видеть там странные стихи Григория Поженяна, Галины Шерговой и вот такие хотя бы строки Бродского:

> У истории русской страницы
> Хватит для тех, кто в пехотном строю
> Смело входил в чужие столицы,
> Но возвращался в страхе в свою.

Почему в страхе? Да известно: боялись, мол, сразу попасть в лагерь. Но прежде надо заметить, что «в строю» и вовсе не только в пехотном это немцы входили в европейские столицы, например, в Париж, спешно объявленный французами открытым городом, как входили и мы в тот же самый Париж в 1815 году. А Красная Армия не входила, а то врывалась, то вгрызалась, а то вползала в Варшаву, Будапешт, Берлин и другие столицы с боем, — то танковым броском, то перебежкой, а то и на пузе. Нобелевский лауреат должен бы это понимать. Ведь не Андрей же Дементьев, лауреат Ленинского комсомола.

Последние две строки приведенного четверостишья и цитируются то и дело, как непререкаемый нобелевский аргумент. Это для шакалов демократии сахарная косточка. А со мной в Литературном институте сразу после войны училось много студентов, побывавших в плену: Николай Войткевич, Борис Бедный, Юрий Пиляр, даже был один преподаватель — Александр Власенко. Думаю, были и еще, я просто не интересовался, называю только знакомцев. И это в маленьком, как тогда говорили, идеологическом институте, где не больше сотни студентов. А сколько было тогда бывших пленных в Бауманском, Энергетическом, Автомеханическом, в которых я когда-то учился, наконец, в Медицинском? Там же сотни, тысячи студентов! К однокурснику Войткевичу мы все относились с каким-то особым вниманием, сочувствием: он пережил плен! И сразу избрали его старостой курса. Потом я узнал Степана Злобина, Ярослава Смелякова, Евгения Долматовского, Виктора Кочеткова. Всех их лично знал и Турков. О Смелякове он даже написал книгу. Были в плену и такие известные писатели, как Константин Воробьев, Виталий Семин ростовский да еще Леонид Семин

ленинградский… В справочнике «Отчизны верные сыны. Писатели России — участники Великой Отечественной войны» (М. Воениздат. 2000) два десятка писателей, бывших в плену или ставших писателями после войны.

Плен не помешал им жить, где хотели, включая столицу, поступить в столичные «престижные» вузы, издавать книги, по которым в иных случаях, как, например, по книге Б. Бедного «Девчата», ставили фильмы, некоторые занимали в Союзе писателей высокие посты, получали ордена, премии — Сталинские (С. Злобин) и Государственные (Я. Смеляков, Е. Долматовский). К тому же Злобин был председателем секции прозы столичного отделения СП, Смеляков — секции поэзии, Кочетков — секретарем парткома, Долматовский — профессор Литературного института, а Коля Войткевич все пять лет учебы в Литинституте был старостой нашего курса, хотя писателем он, увы, не стал. Такова судьба известных мне людей.

Но можно обратиться и к статистике. На 20 октября 1944 года, т. е. за полгода до окончания войны проверочные спецлагеря прошли 354 592 бывших военнопленных. Из них 249 592 человека, то есть подавляющее большинство, были возвращены в армию, 36 630 направлены на работу в промышленность и только 11 556 человек, или 3,81 %,были арестованы (*И. Пыхалов.* Время Сталина. Л., 2001. С.67). Вот лишь у этих четырех неполных процентов и были основания для страха. Выдавать настроение этой доли за настроение всех, значит врать с превышением лжи над правдой в 30 раз. Словом, приведенные строки Бродского — это поэтически оформленная клевета.

С ними надо уметь разговаривать

Но было у меня с упомянутым Н. Войткевичем и такое дело. После окончания Литинститута я вскоре пошел работать на радио, которое вело передачи на зарубежные страны (ГУРВ, это за нынешним кинотеатром «Россия», в Путинках). Был я там главным редактором Литературной редакции. Однажды встречаю Колю. Он женился, родился ребенок, а устроиться на работу не может. В чем дело? А вот, говорит, как только узнают про плен… Я не стал спрашивать, много ли он ходил по редакциям и по каким, но сказал: «Приходи ко мне, у меня есть свободная единица». Он пришел, мы направились в отдел кадров и заполнили там все необходимые бумаги.

Он пошагал домой к своему ревущему младенцу, а я — к себе в кабинет. Вдруг звонок из отдела кадров: «Зайдите». Иду. «Кого

же вы задумали подбросить нам? — говорит кадровая баба. — Он же в 42-м году под Севастополем попал в плен и был там до конца войны. Он закопал свой партбилет». Я спросил с ледяным бешенством: «А как вы поступили бы в плену со своим партбилетом? Вам неизвестно, что коммунистов расстреливали в первую очередь?» — «ГУРВ — это форпост борьбы с мировым империализмом, а вы, член партии…» — «Есть такой закон или служебная инструкция, что нельзя брать на работу тех, кто был в плену?» Кадровчиха замялась: «Нет такой инструкции…» — «Так кто же вам дал право устанавливать свои законы? Тем более, есть постановление правительства о недопустимости ущемления бывших пленных». — «Вы как член партии за него ручаетесь?» — «Ручаюсь. Я просидел с ним в одной аудитории пять лет, видел в разных ситуациях, знаю его как облупленного» — «Ну, если так…»

Я тут краткости ради свел в одно несколько разговоров, ибо отдел кадров поддался не сразу, вызывал меня неоднократно, однако суть была именно такова. Так что никакого государственно-юридического запрета не было, но перестраховщики и трусы, как всегда были и есть, и только надо решиться встать им поперек дороги, надо уметь говорить с ними. Такого перестраховщика я впервые и встретил 20 декабря 1944 года на фронте в образе старшего лейтенанта Кулиманова, но не мог ему противостоять просто потому, что не знал вопрос и не мог знать. И не помню, приняли мы в комсомол Н. или нет, и забыл, кто был означен в дневнике этой буквой.

А Коля до самой пенсии проработал в этом ГУВРе в той же Литературной редакции, был восстановлен в партии и пользовался всеобщим уважением. Последний разговор с ним был уже спустя не мало лет, как он не работал. Однажды позвонил мне. Я страшно обрадовался: «Коля! Сколько лет, сколько зим. Надо встретиться» — «Обязательно. У тебя карандаш под рукой? Запиши мой телефон». — «Пишу». — «151-33-90» — «Коля, что такое? Это же мой телефон. Неужели техника дошла до того, что один номер на двоих?» — «О господи! Я перепутал. Положи трубку. Я сейчас разберусь и позвоню». Через пять минут звонит. «Ну, наконец-то все выяснил, уточнил. Годы, знаешь… Карандаш под рукой? Пиши: 151-33-90». Светлая ему память…

А что касается бывших в оккупации, то тут можно заткнуть рот брехунам демократии двумя примерами. Первый: человек, полтора года пробывший в оккупированном Гжатске, стал первым посланцем Советской страны и всего мира в космос. Второй: человек, пробывший в Ставрополье почти два года в оккупации, был беспрепятственно принят в столичный университет, еще

студентом вступил в партию, потом стал первым секретарем обкома комсомола, обкома партии, секретарем ЦК, Генеральным секретарем, наконец, президентом страны. И ни на одной ступеньке восхождения его оккупационное прошлое, к сожалению, ему не помешало. Не помешало сыграть даже очень важную, одну из главных предательских ролей в развале страны. Этот страшный пример доказывает, что, с одной стороны, годы оккупации никому в жизни не мешали, а с другой — контроль, проверка, бдительность должны были быть гораздо прозорливей. Уж в этом-то случае — всенепременно.

Сейчас Горбачев уверяет, что всю жизнь, т. е. выходит, с оккупационного отрочества, сперва один, а потом со своей Раечкой мечтал сокрушить коммунизм. Это вздорная тупоумная выдумка. Он был заурядным партийным функционером, прихоть судьбы вознесла его на самую вершину. Президент великой державы — о чем еще может мечтать карьерист.? Он и не мечтал. Но, человек неумный и болезненно тщеславный, пустой, он заигрался в поддавки с Западом. И в конце концов предстал перед миром полным банкротом и был отброшен. Перед мерзавцем встал вопрос: остаться в истории банкротом-идиотом или натянуть маску хитроумного и ловкого предателя? Он в полном соответствии с духом бесстыдного времени и своей натуры предпочел второе. Его разжиревшую рожу мы видели последний раз, когда Медведев объявил ему о награждении высшим орденом, какой только смогли они с Путиным измыслить.

Для полноты портрета Андрея Туркова приведу свою статью 2008 года.

«НЕ ЗНАЯ БРОДУ…

А судьи кто?..
Ведь с юности до ныне дряхлых лет
К Советской власти их вражда непримирима.
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Бурбулиса и отделенья Крыма.

А. Грибоедов. «Горе от ума». Черновик. Публикуется впервые

Разумеется, в этом году, как и раньше, было много публикаций о Великой Отечественной войне, приуроченных к дате ее начала. Разумеется, как и раньше, при этом было явлено много нелепостей, невежества и прямой злобной клеветы. До сих пор этим в разной мере отличались покойный ДВолкогонов, благополучно здравствующие А. Чубайс, В. Правдюк,

Э. Радзинский, Н. Сванидзе, Л. Млечин, Л. Жуховицкий, С. Медведев, С. Сорокина и некоторые другие известные, даже популярные лица… Об этих толоконных лбах демократии, из коих никто не только не был ни на какой войне, но и в армии-то едва ли кто служил, я здесь говорить не буду. Ну, во-первых, сколько можно? Обрыдли. Во-вторых, объявились новые имена в этой теме — одни довольно известные, другие — только что с иголочки.

В недавних публикациях «Литературной газеты» в связи с годовщиной начала войны примечательны две статьи. Как и следовало ожидать, они противоположны по своей сути и направленности.

Первая статья Виктора Гастелло, сына Героя Советского Союза капитана Николая Гастелло, совершившего 26 июня 1941 года на своем горящем самолете наземный таран танковой колонны. Автор статьи взывает «Оставьте героев в покое!» И адресует это в первую очередь тележурналисту Сергею Медведеву, бывшему пресс-секретарю покойного пропойцы Ельцина, который ныне на Первом канале ведет цикл «Тайны века». Один из выпусков цикла был частично посвящен Герою-капитану. Сын возмущен грязной возней вокруг имени отца, затеянной еще в 1951 году Э. Поляновским в «Известиях» и продолженной теперь на ТВ прихвостнем пропойцы. Сын героя пишет:: «Сколько же гнусной лжи и клеветы вложено в передачу!». А что можно ожидать, Виктор Николаевич, от ельцинского выкормыша! Пишут же такие о разгроме Красной Армии под Москвой. Завтра напишут о взятии Берлина американцами. За что заплатят, то и напишут

В редакционном примечании к статье В. Н. Гастелло говорится: «Если бы Николай Гастелло попал в плен или его тело нашли бы немцы, то можно представить, с каким удовольствием фашистская пропаганда развенчала бы подвиг советского летчика-героя. Удивительно, что этим сейчас занимается российское телевидение. Зачем?». Действительно, зачем телевидение занимается тем, чем могла бы заниматься и занималась фашистская пропаганда?

Вторая статья принадлежит перу известного критика Андрея Туркова — «Дни смятения и отваги». Она о романе Артема Анфиногенова «Фронтовая трагедия. 1942 год» (М., 2008). А. Турков нахваливает роман. И можно задать тот же вопрос: зачем? Трудно согласиться, что он так хорош: «Надрывающий сердце реквием…» и т. п. Бесспорно, А. Анфиногенов писатель выдающийся, но не очень да еще любит порой приврать в антисоветском духе. Знаю его с давних дней работы в

«Литгазете». Например, не так давно он писал в «Литературной России», что был замечательный летчик Кутахов, он много сбил вражеских самолетов, а ему все не давали и не давали Золотую Звезду. Это почему же? А потому, говорит, что слишком, дескать, яркая и самобытная личность. А Сталин таких, разумеется, не любил. Выходит, что давали только бесцветным да безликим или, как уверяет Солженицын: «пай-мальчикам, отличникам боевой и политической подготовки». Такие, мол, были порядки в Красной Армии.

Я позвонил Артему:

— Что ты лопочешь? Ведь тебе скоро девяносто. Павел Степанович Кутахов, член партии с 1942 года, при всей своей яркости и самобытности получил две Золотых Звезды да еще стал Главным маршалом авиации. Главным!.. И одних только орденов Красного Знамени — пять. А еще…

— Да я… да мы… да вы…

Словом, трудно поверить в искренность похвал роману. Скорее, он дает основание повторить нечто подобное тому, что Сталин в 1933 году написал почти однофамильцу Артема драматургу А. Н. Афиногенову об одной его пьесе, которую прочитал в рукописи:

«Тов. Афиногенов!

Идея пьесы богатая, но оформление вышло небогатое. Почему-то все партийцы у Вас уродами вышли — физическими, нравственными, политическими уродами… Выпускать пьесу в таком виде нельзя.

Давайте поговорим, если хотите» (СС.М.,2006. Т.18. с.41).

Однако я не выношу оценку роману. Да и не о нем, собственно, пойдет у нас речь, а о статье А. Туркова, о его суждениях, касающихся войны.

В прошлом году я имел возможность поздравить Андрея со статьей в «Литгазете», где он напомнил некоторым суперпатриотам об истинной сути таких фигур, как Бенкендорф, Победоносцев и т. п. Вот и недавно в той же «ЛГ» была его язвительная статья о книге английского автора Дональда Рейфильда о Чехове. Критик возмущенно писал, что сочинителя интересует не рабочий кабинет писателя, а его спальня, рассмотренная сквозь замочную скважину. Что ж, и за эту статью спасибо. Но об Анфиногенове…

Критик плохо знает то, о чем пишет, как видно, давно не интересуется книгами о войне и событиях, с ней связанных. Поистине, сужденья черпает из забытых газет ельцинских времен… Так, Тухачевского до сих пор числит невинной жертвой репрессий. Но ведь еще в 1991 году в «Военно-историческом

журнале» (№№ 8 и 9), затем в первом выпуске «Военных архивов России» за 1993 год, в книге А. Залесского «И. В. Сталин и его противники» (Минск, 2002), в книге Валентина Лескова «Сталин и заговор Тухачевского» (М.,2003), наконец, в приложениях к книге А. Мартиросяна «22 июня» (М., 2005) и в других изданиях были напечатаны убийственные архивные документы о Тухачевском. В частности, его признательное заявление, сделанное на четвертый день после ареста в Куйбышеве, на второй день после прибытия в Москву и после двух очных ставок. А также — собственноручно написанный после этого «план поражения» Красной Армии в будущей войне на 143 страницах. Никакой следователь сочинить это не мог. Тут — рука высокопоставленного военного специалиста, прекрасно осведомленного о положении дел в этой области. А вы с Анфиногеновым, Турков, будете рассказывать нам о розовой книжечке Льва Никулина столетней давности да ссылаться на реабилитацию от 31 января 1957 года. Лучше почитайте хотя бы ВИЖ.

Для обстановочки, в которой совершалась эта реабилитация, для тогдашней атмосферы в обществе весьма характерен, например, такой эпизодик. На XXII съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1961 года, председатель КГБ А. Н. Шелепин огласил вот это письмо командующего Киевским военным округом командарма первого ранга И. Э. Якира, привлеченного к суду вместе с Тухачевским:

«Родной близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал, и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства… Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом. Я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Якир обратился с письмами также к Ворошилову и Ежову.

Обратили внимание на текст, выделенный жирным шрифтом? Эти слова признания Якиром своей вины Шелепин выкинул, т. е. совершил самое настоящее преступное жульничество. И это председатель КГБ! И это на трибуне съезда! Хрущевский сатрап старался внушить делегатам, что Якир просто хотел перед смертью выразить свою безграничную любовь к Сталину, партии и к родине. И вот, мол, такого верного бойца за коммунизм не

пощадили… Это ли не чудовищно!

А что можно было бы ждать от такого военачальника, окажись он в плену у немцев? Держался бы он перед лицом опасности, перед угрозой смерти так, как держались генералы Карбышев и Лукин?

Кроме всего прочего, с самого начала автор старается убедить нас в «безумии владык». Каких владык? Турков со студенческих лет осторожен, осмотрителен, чутконос, очень бдителен в отношении разного рода писем: нет его имени ни среди 82 подписей писателей, выступивших в мае 1967 года с предложением дать Солженицыну слово на съезде, ни под письмом совершенно другого характера — среди 42 подписей тех, кто 5 октября 1991 года требовал от власти «Раздавить гадину!».

Но тут-то хоть никто и не назван, но — ясно: конечно, автор имеет в виду тех политических и военных «владык», которые, будучи «безумными», привели страну и ее армию к победе над умными немецкими генералами, над фашистской Германией. Объяснил бы хоть кратко, как же это произошло.

Читаем дальше: «Начальник гитлеровского генштаба (сухопутных войск, между прочим. — *В.Б*) Гальдер писал о вроде бы триумфальном для фашистов начале войны». Почему «вроде бы»? В короткий срок они захватили всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, почти всю Украину, Киев, за пять с небольшим месяцев доперли, доползли до Москвы — это ли не триумф? И им рукоплескали все антисоветчики мира, включая русских, подобных Ивану Ильину, любимому автору Путина. Другое дело, что немцы рассчитывали на гораздо большее: по их планам через два-три месяца Красная Армия должна быть разбита и Советский Союз рухнуть. В октябре Гитлер уверенно заявил: враг разбит и никогда уже не поднимется. Но — увы им…

Турков возмущается теми, кто «сверху» будто бы поторапливает забыть «не только о погибших, но и обо всей пережитой страной и народом трагедии». Кто поторапливает? Назови. Никто иной, а нынешний режим поторапливает забыть Верховного главнокомандующего, великих маршалов и генералов, гениальных советских ученых и конструкторов оружия, доходя в этом до такой низости, что в дни разного рода торжеств и парадов на Красной площади закрывает кремлевский мемориал фанерой. Но Турков сказать об этом никогда не посмеет. Как можно-с… политкорректность… консенсус… благорастворение воздухов… Да он и сам закрывал бы.

А вот таких безымянных обличений у него сколько угодно: «Само слово «трагедия» применительно к пережитому оказалось как бы под негласным запретом». Как бы… Это напоминает

Солженицына, который уверял, что после появления его как бы бессмертного «Архипелага» само это слово тоже оказалось как бы под запретом. Тут вспоминается и Надежда Мандельштам, писавшая, что в Советское время слова «честь», «совесть», «совершенно выпали у нас из обихода. Они не употреблялись ни в газетах, ни в книгах, ни в школе». И это она о том времени, когда на всех перекрестках красовалось: «Партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи».

И, представьте себе, бесстрашный Анфиногенов как бы первый произнес запретное слово «катастрофа». Но вот что писал сам Сталин 26 июня 1942 года в директивном письме Военному совету Юго-Западного фронта по поводу майского провала там: «Это катастрофа…» И далее несколько раз употребил именно это слово (ВИЖ № 2'90, с.46). А литератор должен бы знать, что есть и другие слова, не менее выразительные, чем «катастрофа». И они тоже были произнесены самим Сталиным уже после войны: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала…» Но критику этого мало. Ему, как Сванидзе и Млечину, Правдюку и Жуховицкому, хочется подыскивать новые и новые клеймящие слова для наших катастроф и отчаянных положений.

И Турков нашел еще одно хлесткое словцо: «Незадолго до войны Сталин подарил маршалу Кулику книгу Золя «Разгром» — о сокрушительном поражении французской армии в 1870 году под Седаном. В сорок первом свой «Седан» получил не только Кулик, быстро разжалованный, но и сам вождь». Оцените, ведь это сказано не немцем, а русским человеком: Сталин получил свой(!) «Седан»… Дескать, так ему и надо, заслужил, а нас это не касается. Такой взгляд очень характерен для тех, кто изображает войну как личную схватку двух тиранов. Но нет, уж если «Седан», то это было горем всей страны, бедой всей армии, а для немцев, конечно, именно триумфом безо всяких «вроде бы».

Но чем для Франции был не роман Золя, а настоящий Седан? В плен попала вся армия маршала Мак-Магона (120 тыс. штыков) вместе с Верховным главнокомандующим — императором Наполеоном Третьим, и через два дня Вторая империя рухнула, а император вскоре низложен. Что же тут общего с нашими поражениями в сорок первом? Да, они были тяжелы, трагичны, однако Советская власть, как рассчитывали немцы, не рухнула и даже ни один маршал, к удивлению Туркова, не попал в плен.

Сталинский «Седан» сорок первого года, говорит автор, это «плод проделанной ранее кровавой «чистки» армии от талантливейших командиров». Тут имеются в виду те же

Тухачевский, Якир и т. д. Господи, уж сколько об этом говорено! И никто из этих ораторов не задумается: почему же в Польше, допустим, не было никаких чисток, а немцы разнесли ее армию в две недели? Во Франции — тоже никаких и все талантливейшие командиры, герои Первой мировой, оставались в строю, а немцам потребовалось четыре-пять недель для полного ее разгрома вместе с англичанами, бельгийцами, голландцами.

Развивая тему, Турков пишет о сорок первом годе: «кадровый пустырь» пришлось срочно заполнять недавними зэками — Рокоссовским, Мерецковым, Лизюковым, Горбатовым». На самом деле эти генералы были освобождены не в сорок первом, а еще за год с лишним до войны — в марте 1940 года — восстановлены во всех гражданских правах, званиях, наградах и сразу получили командные должности. А Мерецков, наоборот, был как раз арестован 24 июля, т. е. в начале второго месяца войны. Как же он мог «заполнять кадровый пустырь»? Он заполнил совсем другое. Впрочем, через месяц, в сентябре, тоже был освобожден, во всем восстановлен и как представитель Ставки направлен в войска.

Но вот уже весна 1942 года. Турков живописует: «Верховный жаждал скоропалительного реванша, опьяненный зимними победами под Москвой и Ростовом». Во-первых, вначале дело было под Ростовом, и не зимой, а осенью. Во-вторых, надо ничего не знать о Сталине, чтобы говорить о его опьянении в прямом или переносном смысле. У него не было времени для пьянок, как, впрочем, и для паники. Куда справедливее другие известные слова о нем: «В самые трагические моменты, как и в дни торжества, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям». Именно об этом свидетельствует его поведение и в октябре-ноябре 1941 года, когда немцы были в двадцати семи верстах от Москвы, и в мае — июне 1945-го, когда Берлин лежал у ног Красной Армии.

Здесь мы опять видим изображение войны как личную схватку двух персон: Сталин жаждал реванша!.. Вот проиграл он Адольфу первую партию (матч, сет, тайм) и возжаждал реванша. Трудно вам с Анфиногеновым понять, но все-таки постарайтесь: не реванша жаждал Сталин, а скорейшего разгрома оккупантов и освобождения родины, и вместе с ним этого жаждал весь советский народ. И в сей благородной жажде, да, бывали поспешные шаги, торопливые жесты, опрометчивые решения. А вот Гитлер, будучи по натуре игроком, действительно жаждал реванша с Францией. Только этим можно объяснить устроенную им унизительную процедуру подписания капитуляции французов именно в Кампьенском лесу, именно в том вагоне, к котором в 1918 году была подписана капитуляция Германии. Когда маршал

Жуков сообщил по телефону из Берлина о самоубийстве Гитлера, Сталин очень точно сказал: «Доигрался подлец!» Именно доигрался — миллионами жизней. И, к слову сказать, в церемонии подписания немцами капитуляции 8 мая в Карлсхорсте не было ничего унизительного, от начала до конца — все сухо-официально.

По поводу катастрофы в мае 1942 года при наступлении на Харьков критик пишет: «отмахнувшись от предупреждений «пессимиста» Шапошникова, вождь явно потакает авантюре Тимошенко, а тот уже и вовсе краю не знает в бешеном взнуздывании (? Взнуздать — надеть узду для сдерживания лошади. — *В.Б.*) наступающих…». Странно, а почему не упомянут член Военного совета Хрущев? Он не имел отношения к «бешеному взнуздыванию» и «взвинчиванию до бесконечности»? Оказывается, самое прямое, но автору уж очень не хочется упоминать этого участника «авантюры»: у него же такая заслуга перед прогрессом и демократией — он учинил «разоблачение культа личности» владыки!

Тимошенко, Хрущев и Баграмян предлагали Ставке на всем фронте своего Юго-Западного стратегического направления в 1073 километра весной — летом предпринять решительное наступление с прорывом на глубину до 600 километров. Но для этого требовалось еще свыше тридцати стрелковых дивизий и изрядное количество боевой техники. По воспоминаниям Баграмяна, Сталин сказал то же, что до него — Шапошников: «У нас не так уж густо с резервами. Мы не в состоянии удовлетворить вашу просьбу. Поэтому ваше предложение не может быть принято» (Великого народа сыновья. М.,1984. С. 187). И предложил на следующий день представить план по освобождению только Харькова силами только направления. Это потакание авантюре?

Был составлен новый план, но он тоже требовал выделения Ставкой крупных резервов и тоже был отвергнут. Это потакание? «После напряженного труда, — пишет Баграмян, — родился третий вариант плана Харьковской операции. 30 марта в нашем присутствии он был рассмотрен И. В. Сталиным с участием Б. М. Шапошникова (того самого, «пессимиста». — *В.Б.*) и А. М. Василевского и получил одобрение» (Там же, с.188). Теперь план предусматривал прорыв на глубину лишь 40–45 километров. От 600 до 45 — вот такое потакание авантюре.

Обожая безымянный жанр, Турков кивает на какие-то таинственные «верха», на неизвестные труды неизвестных историков, на неведомые художественные произведения

неведомых авторов, которые-де дружно «микшируют память о трагедии». И это в то время, когда на его глазах вот уже лет двадцать всем известные брехуны, некоторые из которых названы по именам в начале статьи, с помощью мощнейших современных средств оплевывают нашу Победу. Ты, фронтовик, хоть одному из них дал отпор?»

«Железки строк случайно обнаруживая…»

В студенческую пору я регулярно дневник не вел, лишь иногда делал какие-то отдельные записи. То ли по недостатку времени из-за весьма динамичной жизни, то ли из сознания, что война была самым важным в моей жизни, и я худо-бедно зафиксировал ее, а теперь… Что теперь?

В моем архиве я порой натыкаюсь на такие бумаги, значение и смысл коих иногда понять можно, а порой — лишь гадаю. Вот, допустим, записка на небольшой полоске бумаги:

«Доброе утро!
На всякий случай раб. тел. И-4-00-24 (3-50)».

И ничего больше — ни подписи хотя бы одной буквой, ни даты. Но я помню все… Строки из ее писем приведу ниже.

А вот письмо, от руки написанное мелким почерком без адреса и даты:

«Уважаемый Сергей Павлович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой от которой многое зависит в моей жизни и которую я изложил бы Вам в течении пяти минут, если бы Вы смогли уделить мне это время.

Поверьте, я не стал бы Вас беспокоить, если бы не дело, от которого многое зависит в моей жизни именно сейчас в связи с ЦК ВЛКСМ.

Илья Глазунов».

Тут ясно только, что это писал художник Глазунов первому секретарю ЦК комсомола С. П. Павлову. Но когда? По какому поводу? Можно предположить, что по поводу предоставления квартиры или мастерской.

Но почему письмо не было отправлено и как оказалось у меня? Непонятно.

При знакомстве с Ильей Глазуновым в пору его первоначального бума я отнесся с нему и его работам с

симпатией, но никогда не был в близких отношениях, хотя встречался с ним в редакции «Молодой гвардии» и раза два-три по его приглашению наведывался к нему домой и в мастерскую. Первый раз — когда он жил еще где-то далеко в новом районе на окраине Москвы.

Помню, тогда приехал к нему и Евтушенко с женой Галей. Мы были знакомы, и он даже хвалил мои статьи о двух киевлянах — Николае Ушакове и Владимире Карпеко в газете «Литература и жизнь». В памяти не остались разговоры при этой встрече, но хорошо помню, что Евтушенко потом довез меня на своем «Москвиче» до Смоленской пощади, где я тогда жил, а по дороге интересовался моими гонорарами: я тогда много печатался. Но какие там гонорары, за которыми порой мы стояли в одной очереди.

Однажды случайно встретив меня у Никитских ворот, Илья позвал к себе. Он жил рядом — в Калашном переулке в старом доме, на котором со времен Маяковского красовалась полустертая реклама: «Нигде кроме, как в МОССЕЛьПРОМЕ». Квартира и мастерская были обширны и прекрасны. Кажется, это устроил ему всемогущий Сергей Михалков. У Глазунова было много привезенных из-за границы книг. С собой он их не давал, говорил: «Приходи и читай здесь». Я не приходил. А время и вовсе развело нас. И в конце концов родилась статья, которую в 2009 году я напечатал в «Правде».

Борьба за свою гениальность

Из тех достославных соотечественников, что в воскресенье 22 ноября 2008 года в телепередаче «Имя Россия» сокрушали, топтали, четвертовали, колесовали, пилили, сверлили и оплевывали имя и образ Владимира Ильича Ленина, меня больше всего восхитил, даже умилил известный художник-миллионер Глазунов, по имени Илья, гений 1930 года рождения. Вы, возможно, переспросите: гений? Судите сами.

Только в годы контрреволюции он написал портреты великого демократа Анатолия Собчака и его сирой вдовицы Людмилы Нарусовой — любимицы тувинского народа, лучшего мэра всего земшара Юрия Лужкова и его лучшей супруги Батуриной, миллиардерши (что может быть лучше?), знаменитого поэта современности, как пишет о нем Станислав Куняев, Ильи Резника и папы римского, градоправительницы Валентины Матвиенко, благоуханной розы, выращенной в оранжерее Ленинским комсомолом пятьдесят лет тому назад, и

митрополита, прекрасно играющего роль замполита… Ну как же не гений! Что вам еще надо?

Мало того. Тот же С. Куняев, главный редактор «Нашего современника», в замечательной книге «Мои печальные победы» (М., 2007) рассказывает, что в 1996 году Глазунов предложил журналу свои весьма пространные воспоминания под названием «Россия распятая». Ну, а как назвать иначе? «Россия на Голгофе» уже было сто раз. А «распятая» только пятьдесят, это посвежее.

Как водится, к первой публикации была сделана как бы редакционная «врезка», содержащая краткие данные об авторе. Он сам ее и писал, сам и назвал себя там гением. Куняев поправил: «знаменитый». Когда пришла верстка номера, художник явился в редакцию, стал читать и — сразу:

«— Так не пойдет!

— Что не пойдет? — удивился я.

— «Знаменитый» не пойдет.

— Хорошо. Давайте напишем «выдающийся».

— Не пойдет!!

— Ну «великий»?

— Нет, — отрезал Глазунов, — только «гениальный»!!! Вы не понимаете, что, печатая мою книгу в десяти номерах, вы в два-три раза поднимете тираж своего умирающего журнала».

С трудом удалось уговорить на «великий». А тираж после его 51-го «Распятия» не поднялся в 2–3 раза, наоборот — упал с 21 064 экземпляров до 16 289, но деликатнейший Куняев милосердно утаил это от мемуариста.

Но вот в 2006 году в том же «Алгоритме» вышла книга Валентина Новикова о Глазунове, и названа не как-нибудь, а «Русский гений». В предисловии, которое, судя по журнальному прецеденту, мог написать сам гений, в первых же строках объявляется: «Илья Глазунов снискал славу самого «скандального» и самого выдающегося художника XX века. Безоговорочное официальное подтверждение титула «самый выдающийся художник XX века» он получил по результатам опроса соотечественников, а ЮНЕСКО удостоило его Золотой медали Пикассо за особо выдающийся вклад в мировую культуру».

— Интересно, а кто, когда, где проводил опрос? Меня, например, никто не спрашивал, и не слышал я об опросе. Но — не спорю. Раз медаль выдали, печать поставили, значит, гений. А вот имелись ли медальки ЮНЕСКО у Репина, Врубеля, Серова, Левитана, Васнецова, Сурикова, Коровина, Малявина, Корина и других хотя бы только русских художников XX века, которых наш гений заткнул за пояс как самый-самый? К тому же, всезнающий

Куняев утверждает, что Глазунов терпеть не может Пикассо, художника совершенно иного склада, и считает его просто авантюристом. И это подтверждается тем, что на вопрос о любимых художниках Илья назвал в книге о нем девять имен, и Пикассо среди нет. А В. Новиков с восторгом говоря о Золотой медали ЮНЕСКО, умолчал, чье имя она носит. Но как же так? Если бы мне предложили медаль имени, допустим, Леонида Млечина, разве я ее принял бы? Да ни в жисть! А тут гений, а хватает…

А скандальность Глазунова никак не доказывается. Видимо, молча имеется в виду тот странный факт, что его лет тридцать не принимали в Академию, и принял, как гений гения, только Зураб Церетели. Конечно, скандал!

Сифилис не щадит и гениев

А почему именно Илья Сергеевич больше всех гробокопателей программы «Имя Россия» обворожил меня? Да потому, что никто другой на показал с такой ясностью, живописной красочностью, зримой очевидностью и физиономию, и нутро антисоветчиков путинской эпохи. Он это сделал поистине гениально!

Тут надо вспомнить еще один эпизод из книги С. Куняева «Мои печальные победы». В 1959 году Станислав работал в комсомольском журнале «Смена». Приближалось 90-летие Ленина. И вот к этой дате молодой гений принес в журнал портрет Ленина. По словам Куняева, это был не плакатный, не банальный, а «человеческий образ вождя русской революции». Илюша уже тогда знал, как надо отмечать знаменательные советские даты, не пропускал их.

А после контрреволюции друг Куняев был просто ошарашен, травмирован, раздавлен, увидев, что в своих картинах Глазунов рисует гнусную карикатуру на Ленина, а в своих писаниях называет его не иначе, как «тиран», «палач», «русофоб» и даже «сифилитик».

Примерно тот же набор эпитетов услышали мы теперь и в телепередаче. Разве что не было «сифилитика». Возможно, к исходу восьмого десятка гений все-таки понял, что сифилис ведь это не что иное, как болезнь, несчастье, беда, которая может постичь любого, в том числе — даже гения с медалью. Тем более что ведь существует бытовой сифилис, который передается внеполовым путем, и наследственный, вдруг из глубины времен настигающий прапраправнука.

В конце XIX и начале XX веков сифилис был весьма распространен в России, которую потеряли С. Говорухин и Н. Михалков. Так, по данным врача-венеролога Л. И. Картамышева, в 1861–1869 годы, т. е. в пору, близкую к рождению Ленина, ежегодно сифилисом заболевало более 60 тысяч человек. Заболевало! То есть прибавлялось к уже болеющим. А в 1913 году, когда в Москве родился отец Никиты Михалкова, на каждые 10 тысяч москвичей приходилось 206 больных сифилисом. К счастью, в Советское время эти цифры мы потеряли вместе с михалковско-говорухинской Россией.

Так что не было бы ничего удивительного, тем более — позорного, порочащего, стыдного, если бы российского гражданина Ульянова постигла эта беда: болезнь есть болезнь, она не считается ни с положением человека, ни с его талантами, должностями, ни с чем иным. Говорят, было четыре таких больных даже среди римских пап. Поэтому издеваться над несчастьем человека может только болван или подонок.

Тем более что у Ленина вовсе не было сифилиса. Мало того, знаменитый невропатолог Россолимо Григорий Иванович, один из врачей, лечивших Ленина, 30 мая 1922 года сказал Анне Ильиничне, сестре Ленина: «Положение крайне серьезно. Надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов» (*Ю. М. Лопухин*. Болезнь и смерть В. И. Ленина. М., 1997. С.19). Лишь бы в том случае… Иначе говоря, слава Богу, если бы сифилис! Можно бы вылечить, но — увы…

Протокол вскрытия, подписанный медицинскими светилами того времени, констатировал: «Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания» (Там же, с. 47).

Это совпадает с диагнозом поэта:

Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич…

«Непосредственной причиной смерти явилось: 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу, 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия» (Там же). Автор книги академик Ю. М. Лопухин резюмирует: «У Ленина было тяжелое поражение мозговых сосудов, особенно — системы левой сонной артерии» (Там же, с.55).

Илья Глазунов старше Ленина уже на 25 лет, но я, слава Богу, уверился, видя его резвость в той телепередаче, что такая тяжелая

болезнь ему не грозит: ничего похожего на преждевременное изнашивание сосудов или каких-то других членов! Наоборот: все на своих местах, все функционирует, все крутится. Но возраст, конечно, иногда, однако же, дает о себе знать.

В русском народе есть и такие

Например… Глазунов взывал к участникам телепередачи и к нам, гражданам России:

— Дорогие друзья! Как представитель русского народа, я утверждаю: Ленин повторял за Марксом, что история есть борьба классов. Какая чушь! Они ничего не видели дальше своего носа. История есть борьба рас и религий. Это я вам говорю как профессиональный историк.

Я заметил, как на экране по лицу генерала Варенникова метнулась тень недоумения. Действительно, он четыре года воевал против напавших на нас немцев. А разве они, в отличие от нас, черной или желтой расы? За четыре года он едва ли видел хоть одного чернокожего фрица. И разве они буддисты или иудеи, а не христиане, как мы, русские? Или они напали на нас как верующие (у них же на пузе красовались пряжки со словами «Gott mit uns!») на неверующих? Но тогда почему Господь оказался на нашей стороне? Непонятно…

— Милые друзья, — продолжал гений своими гениальными устами, — как представитель русского народа, я заявляю: ужасные жертвы Буденновска, Норд-Оста, Беслана — все это порождение марксизма-ленинизма!..

Тут я вспомнил слова Куняева из его книги «Мои вербальные победы»: «Феноменальное невежество знаменитого художника играет с ним злую шутку. Каждую бульварную антисоветскую книгу, каждую кухонную сплетню о Ленине и Сталине он встречал как внезапно открывшуюся ему великую истину с экзальтированным восторгом». Я поверил: это правда. Но не вся, дело не только в невежестве.

— Родные друзья! Как представитель русского народа, довожу до вашего сведения: большевики под руководством Ленина и Сталина провели террор против народа России, настоящий геноцид. Правда, за время их кровавого владычества население страны выросло от 150 миллионов почти до 300, но могло вырасти больше. Солженицын ошибался, говоря о 106 миллионах, на самом деле большевики уничтожили 200 миллионов. У нас в Жуковке, где я отгрохал дачу, об этом знают все.

— Любимые друзья, как представитель русского народа… Но тут я должен прервать речь гения и опять заглянуть в его прошлое.

От Радзишевского к Радзиховскому

Слушайте:

— Любимые друзья! Я, как представитель русского народа, обожаю нашего ведущего Сашу Любимова. Как представитель представителя. Его улыбка мне дороже улыбки Джиоконды… Саша, дайте мне еще три минуты. (Тот охотно дает). Спасибо… Сердечные друзья! Как представитель, я цитирую Ленина: «На Россию, господа хорошие, мне наплевать. Пусть погибнет 9/10 населения, но остальные доживут до коммунизма».

Это откуда же взял? Молчит представитель. Но я знаю откуда. Из книги Владимира Солоухина «При свете дня». Они были какое-то время друзьями, но позже Владимир Алексеевич в книге «Последняя ступень» почему-то вывел под именем Кирюши (Илюши?) персонаж, очень похожий на Илью Сергеевича, в виде агента КГБ и провокатора. Разразился скандал, разрыв, угроза судом, впрочем, так и оставшаяся угрозой. Совершенно как у другого участника передачи — Черномырдина, грозившего подать в суд на президента Буша, назвавшего его на весь мир взяточником и кровососом, но ни на что, кроме сотрясения воздуха, не посмевшего.

Так вот, в книжечке, изданной в 1992 году неизвестным тиражом в неизвестном издательстве на деньги известной ему американской фирмы Belka Trading Corporaition, великий русский патриот Солоухин метался между цитатами из «добросовестного и устремленного публициста» Радзишевского и цитатами столь же добродетельного мыслителя Радзиховского, бегал от суждений «замечательной публицистки» Доры Штурман (Израиль) к сентенциям не менее замечательной Надежды Мандельштам, увы, почившей в Бозе, хватал у них ароматные цитатки, афоризмы, вопли и совал нам, дорогим соотечественникам, под нос. И одну, видимо, именно такого происхождения цитатку в своем пересказе поместил на странице 145: «Владимир Ильич бросил крылатую фразу: пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции».

Представьте себе, нечто похожее действительно было, но, как еще при жизни Солоухина установил Вадим Кожинов, во-первых, автором изречения был не Ленин, а Зиновьев. Согласитесь, Илья Сергеевич, есть некоторая разница. В отличие от вас сообщаем,

когда и где это было напечатано: 17 сентября 1918 года в газете «Северная коммуна», выходившей в Петрограде, где Зиновьев и возглавлял власть. Во-вторых, цифры там стояли в обратном порядке: не 90 и 10, а 10 и 90. И на самом дела фраза выглядела так: «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать». Согласитесь, Илья Сергеевич, есть некоторая разница: все-таки и Зиновьев был в девять раз менее свирепый живодер, чем изображаете вы.

Что ж получается? Не к лицу это гению и представителю русского народа.

Впрочем, что ж копаться в делах столетней давности. Вы, представитель, лучше бы вспомнили похожие слова, сказанные уже в наши дни: «Да, в ходе реформ могут погибнуть миллионов тридцать. Но они сами виноваты: не вписались в наши реформы. А чего переживать! Русские бабы еще нарожают». Не слышали? Не знаете, кто сказал? Ну, разевайте вслед за мной свой миниатюрный ротик: Чу… Как видите, в абсолютных цифрах этот Чу превзошел Зиновьева в три раза. И первые десять миллионов — уже, т. е. на 33,3 % программа Чубайса выполнена.

Их утопили в Неве, а они вынырнули в Сене

А что касается книги Солоухина, то там много интересного. Например, за хорошие американские деньги сказано еще, что в ночь с 25 на 26 октября 1917 года всех 15 членов Временного правительства большевики схватили в Зимнем дворце и — «не мешкая ни часа, ни дня, посадили их в баржу и баржу потопили в Неве» (с.161). Сказано с такой уверенностью, будто сам был на этой барже, но Господь за великий патриотизм спас его… А на самом деле схватить-то схватили всех 15, даже в Петропавловку упрятали, но тут же и отпустили, даже честное слово не потребовали. И семь из них остались на родине, иные занимали немалые посты и должности в Советское время, министр путей сообщения А. В. Ливеровский во время блокады Ленинграда участвовал в сооружении «Дороги жизни», умер в 1951 году, дожив до 84 лет. А восемь человек, утопленных в Неве, вынырнули в Сене. Министр исповеданий А. В. Карташов стал выдающимся историком православия, умер в Париже 85-ти лет. А министр-председатель Экономического совета С. Н. Третьяков и вовсе стал сотрудником нашей разведки. Но в 1943 году в оккупированной Франции немцы его раскрыли и расстреляли. Так что, иным членам Временного правительства памятники

следовало бы…

В другом месте Солоухин писал: «В первом составе Совета народных комиссаров соотношение евреев и нееврев было 20:2» (с.212). Он никогда не видел списка народных комиссаров, а список давно известен: из 15 человек там только один еврей — Троцкий. Значит, соотношение не 20:2, а 1:14. Таков масштаб вранья или невежества.

Самоубийство гения

Все это раскопал человек, о котором вы, гений с медалью, писали в «Литературной газете»: «Мне безразлично и абсолютно неинтересно мнение о моих работах покойного литературного критика В. Кожинова, широко известного в узком кругу…» Ну, это дело личное. Думаю, что Ленину вы тоже были бы абсолютно безразличны во всеми вашими художественными потрохами. Он только сказал бы вам: «Учиться, учиться и учиться…».

Между прочим, ваше помянутое письмо в «Литературку» несколько озадачивает тем, что подписано так: «Илья Глазунов, народный художник СССР, профессор, действительный член Российской Академии художеств, академик, лауреат Государственной премии РФ, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер Золотой медали ЮНЕСКО им. Пикассо, лауреат премии им. Дж. Неру». Дюжина званий и наград!

Ну разве гении так подписываются? Разве можно представить, чтобы Пушкин подписался: «академик и камер-юнкер».

А Лев Толстой — «кавалер ордена Анны Четвертой степени, медали «За оборону Севастополя», лауреат премии им. Островского». Им достаточно одного имени: Александр Пушкин, Лев Толстой, Михаил Шолохов… Право, Илья Сергеевич, таким набором, похожим на юбилейный торт, вы просто перечеркнули себя как гения.

Еще и храм спас…

И кто ж после всего этого поверит еще и тому, что Глазунов рассказал в той же программе «Имя Россия» 30 ноября при обсуждении кандидатуры Александра Второго. Уверял, что во времена, когда первым секретарем горкома в Ленинграде был Григорий Васильевич Романов, т. е. в 70-80-е годы, было решено снести известный «храм на крови» — месте убийства царя. Но

гений явился к Романову, и после короткого разговора тот кому-то немедленно позвонил и приказал: «Отменить!» На каких дураков это рассчитано? А на тех самых, что сидели с ним рядом: они увлеченно слушали, потом аплодировали и восклицали: «Какой молодец! Спаситель храма! Герой!»

Хоть бы задумались, кто решил снести храм? Какая-то наверняка же высокая инстанция? А Романов был такой дремучий человек, что не понимал суть дела, но Глазунов моментально открыл ему глаза? И кому он позвонил, кому приказал? Все это очередная несусветная чушь. В те годы не могло быть ничего подобного, никто не решился бы сносить храм. И вот теперь он вставит в новое издание своих воспоминаний, если оно будет, еще и этот героический эпизод своей великой жизни. А ведь и без того, как пишет проницательный Куняев, «вся восьмисотстраничная книга воспоминаний Глазунова наполнена слухами, сплетнями, анекдотами, фантастическими сюжетами». Одним сюжетом такого пошиба теперь может быть больше…»

Ирбит. В. А. Иванов

В каникулы я всегда куда-нибудь отправлялся. Летом 1947-го и зимой 1948-го — в Ирбит. Это довольно не простая поездка с пересадкой в Свердловске, а потом еще километров 200. Здесь жила моя сестра Ада (Клавдия). Ее муж Василий Александрович Иванов был директором сначала автоприцепного, а потом мотоциклетного завода. Это человек во многих отношениях замечательный. В молодости, еще до войны, он работал инженером на Московском заводе малолитражных автомобилей КИМ. Оттуда его послали года на два в Америку на стажировку. Когда я вернулся с фронта, он работал на том же КИМе. Помню, я впервые увидел его и познакомился вскоре после возвращения с фронта: он привез нам откуда-то в Измайлово машину дров. На КИМе встретился он с моей сестрой, которая после окончания химфака педагогического института работала там же в химической лаборатории. Оба были молодыми, но уже семейными, да еще у нее — сынишка, у него — дочка. Но что поделаешь — любовь! И вот чтобы обрубить все возможные в Москве хвосты и начать жизнь с чистого листа, они и удрали в медвежий угол Урала. Сына Сергея сестра взяла с собой, а маленькая Ира, дочь Василия Александровича, осталась с матерью в Москве. В Ирбите к 30-летию Октябрьской революции у них родился сын Миша.

Этот город, стоящий на реках Ирбитка и Ница, известен с

начала XVII века, был тогда небольшим районным центром и хранил еще некоторые патриархальные черты того времени, когда здесь ежегодно аж до 1930 года проходила знаменитая ярмарка, вторая после Нижегородской. Гордостью города был театр, основанный в 1631 году. От старых времен в центре остался пассаж и сквер, где я назначал свидания Ц.С.

Четыре человека моей родни и домработница Лена, по своей колоритности достойная отдельного рассказа, жили в большом одноэтажном деревянном доме с садом, двором и конюшней, где стоял конь-красавец Воин и хозяйничал конюх дядя Федя. В конце сороковых — собственный выезд! Вот так у нас было и в Монино, только там была вороная красавица Леда, и то было на рубеже 30-х. Ну, правда, в Ирбите выезд со временем заменила «Победа».

Через недолгое время Василия Александровича назначили там директором мотоциклетного завода, выпускавшего знаменитые машины. А потом перевели в Ростов-на-Дону, где сперва он возглавил завод сельскохозяйственного машиностроения «Красный Аксай», а потом — знаменитый гигант «Россельмаш». Когда Хрущев придумал Совнархозы, Иванов возглавил Северо-Кавказский совнархоз. Так и шел он со ступеньки на ступеньку все выше, ничего не перепрыгивая. Был и депутатом Верховных Советов и РСФСР, и СССР, и орденоносцем, и лауреатом Ленинской премии… Он умер 27 августа 1989 года на восьмидесятом году жизни…

Уже после его смерти, в не так давние времена, сестра вдруг стала нахваливать Путина: вот, говорит, никто его не проталкивает, все сам, все сам… Я рассмеялся: «Ада, и это говоришь ты, на глазах которой прошла вся жизнь твоего мужа! Вот его действительно никто не подталкивал, не протаскивал, а просто за умелую работу поручали все более высокий пост и более ответственную работу. А этого выбрали по его готовности служить начальству и все время ведут на поводке».

ИВАН АКУЛОВ

Однажды в ирбитской газете я прочитал, что в редакции состоится обсуждение рукописи начинающего писателя Ивана Акулова, которую он будет читать сам. Как я потом узнал, на фронте, на Брянском и на 2-м Белорусском, мы были с ним где-то рядом, но он — капитан, начштаба батальона, а я сержант, радист. Сейчас он учился в Свердловском педагогическом институте, видимо, как и я, на втором курсе. Что он читал и каково это было, не помню. Но я принял участие в обсуждении и, кажется, говорил довольно глупо, как эдакая столичная штучка аж из самого Литературного института.

А между тем, скромный и тихий Иван Иванович из Уральской деревни Урусово лет через десять-пятнадцать издал в Свердловске несколько книг, переехал в Москву, здесь вышли его интересные, а то и замечательные книги «В вечном долгу»(1966), «Крещение»(1971), «Земная твердь»(1974), «Касьян Остудный (1978), «Нечаянное счастье» (1982), а в 1982–1984 годы вышел его трехтомник избранного. Членом же Союза писателей он стал на два года раньше меня. За «Касьяна» же он получил Государственную премию. Все это предвидеть в 1947 году в редакции ирбитской газеты мне, столичной штучке, было, конечно, невозможно.

Сохранилась копия моего письма Акулову от 26 декабря 1980 года. В журнале «Москва» № 7 за 1979 год была напечатана моя статья «Кушайте, друзья мои» о романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов». Она наделала много шума, и Акулов попросил ее у меня. Я писал ему:

«Дорогой Иван Иванович!

Как обещал, посылаю статью.

В тот день, когда было партсобрание и мы сидели рядом, я утром еще не смотрел газеты и не знал, что рядом — лауреат! Поэтому и не поздравил. Теперь от души поздравляю.

С наступающим Новым годом!

Обнимаю. *В.Б.».*

Он умер 25 декабря 1988 года…

Демократия в зените

Я поинтересовался: а что об Акулове в известном фундаментальном биографическом словаре «Русские писатели XX века» (2000). Крупный же художник, лауреат, фронтовик! И что? Ни слова! Как и не было его. Об этом словаре давно бы пора написать. Вскоре после его выхода в ЦДЛ было обсуждение. Я торопливо полистал его раньше, убедился, что и обо мне — ни единого словца. Спросил у главного редактора П. Н. Николаева: почему? А мы, говорит, критиков не включили. Да у меня ни одной критической книги, сказал я, а публицистики, прозы, поэзии — тома. Ответа не последовало.

О ком тут самая большая статья — о Горьком, Маяковском, Шолохове, Блоке? Да ничего подобного! О Солженицыне. Десять с половиной столбцов накатали Сергей Залыгин, редактор «Нового мира», главный пропагандист Солженицына и потому (за что же

еще?) член американской Академии искусств в содружестве с неведомым мне П. Е. Спиваковским. Статья. Разумеется, насквозь антисоветская и такими глупостями изобилует, что и говорить о них не хочется. Впрочем, Николаев очень гордился тем, что по отчеству Солженицын назван в статье не Исаевичем, а Исааковичем, ибо отец его действительно был Исаакий Семенович. А самая лживая статья в словаре — о Шолохове, написанная Василием Литвиновым, ранее не умолкавшим в похвалах великому писателю.

Я много писал о Солженицыне, в конце концов получилась целая книга, несколько раз переизданная и, придя домой, поинтересовался, что из моих многочисленных публикаций указано в списке критической литературы о нем. Оказалось, фиг с маслом! Я продолжил исследование и подсчитал, что в словаре более тридцати писателей, о которых я писал, при этом, не говоря уж о Пушкине и Лермонтове или Горьком, Маяковском и Макаренко, писал я и о таких известных писателях, своих современниках, как Михаил Алексеев, Григорий Бакланов, Владимир Богомолов, Евгений Винокуров, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, тот же Залыгин, Даниил Гранин, Булат Окуджава, Михаил Светлов, Константин Симонов, Владимир Солоухин и т. д. Всего, говорю, более тридцати. И где писал! В «Литературной газете» и «Литературной России», в «Правде» и «Советской России», в журналах «Москва» и «Молодая гвардия», «Октябрь» и «Волга», «Звезда» и «Нева»… То есть голосил с самых высоких трибун и — ни единого упоминания. И ведь когда это мы видим-то — в 2000 году, в пору самого отъявленного благоухания демократии.

У Бальзака в «Обедне безбожника» один персонаж говорит другому: «В Париже, когда некоторые люди видят, что вы вот-вот готовы сесть в седло, иной начинает тащить вас за полу, а тот отстегивает подпругу, чтобы вы упали и разбили себе голову; третий сбивает подковы с ног вашей лошади, четвертый крадет у вас хлыст; самый честный — тот, кто приближается к вам с пистолетом в руке, чтобы выстрелить в вас в упор. У вас есть талант, мое дитя, и вы скоро узнаете, какую страшную непрестанную борьбу ведет посредственность с теми. кто ее превосходит». Увы, это не только в Париже…

Один из «самых честных», не назвавшийся москвич, 10 августа 1991 года написал мне: «Вас убивать надо. Время грядет. Жди! Каждый день жди! Скоро!» Подобные письма от анонимов получил я в июле 1991 года из Твери и Самары. Я их опубликовал. И читатель Воронин из Калуги отозвался: «Это ж какой дар Божий надо иметь, чтобы вызвать такую ненависть!»

Ну, не мне судить насчет дара. Но интересно, прошло двадцать лет, где сейчас эти анонимы, по-прежнему ли исходят злобой и ненавистью к слову правды или что-то поняли? Иногда я получаю покаянные письма от былых ненавистников.

А с редактором словаря Николаевым был у меня в Малеевке такой случай. Шел фильм. Мы сидели в самом заднем ряду: я, справа от меня Николаев, рядом с ним Тоня, молодая игривая сотрудница дома творчества. А фильм был о войне. И Николаев, выпендриваясь перед, возможным объектом, давал гнусные комментарии к тому, что происходило на экране. Я с трудом терпел. Время шло, и он не умолкал. Наконец, я не выдержал и, повернувшись к остроумцу, внятно сказал: «Если вы не замолчите, я вам!..» Он тотчас замолчал, и я решил, что на этом дело кончено. Утром в столовой он подошел к нашему столику и начал многословные извинения: «Я же вас прекрасно знаю, с удовольствием читаю ваши статьи…» Я еще раз попросил его замолчать, и вот уж на этом дело действительно кончилось.

Годы странствий и страстей

Я вернулся к дневнику, как упоминал, лишь в 1970 году в связи с рождением дочери. Несколько лет делал лишь время от времени отдельные записи и заметки. А возобновляя дневник, предполагал, что это будут записи только о дочке — как она растет, что лопочет. В таком, например, духе, как рассказала недавно Валентина Александровна о Манечке. Она спрашивает: «Где мама?» — «В Москве». — «Опять в Москве! Я сломаю эту Москву!» А Ванечка что-то сделал не так, и В.А. сказала ему:

«Что же ты натворил! Ведь это курам на смех!» — «Куры будут смеяться?» — «Конечно!» Ваня помолчал, подумал и спросил: «А петух?»

Но вскоре дневник стал гораздо шире. Поэтому о большом куске жизни придется кратко поведать в разрозненных повременных записях и опять в воспоминаниях.

Любопытно, что в студенческие годы при весьма скромном достатке в летние каникулы я обязательно куда-нибудь уезжал прогуляться и отдохнуть. Как уже упоминал, летом 1947 года гостил с Винокуровым в моей деревне Рыльское на Непрядве; тогда же — летом и зимой две поездки в Ирбит; в июле 48-го с Андреем Марголиным по туристской путевке — по Черноморскому побережью Кавказа (Сочи — Сухуми); в июле 49-го — Сухуми, санаторий «Гантиади»; в августе 50-го, как

упоминал, с друзьями нас занесло в деревню Чуево в Тамбовской области недалеко от Мучкапа, однажды упомянутого Пастернаком… И я не был редким исключением, уж так страдающим «охотой к перемене мест», просто это было принято, таков был образ жизни.

После того, как за дипломную работу мне влепили трояк, директор института Петр Степанович Фатеев вдруг предложил мне пойти в аспирантуру. Странно. У меня никаких намерений на сей счет не было. Ну, раз предлагают… Ведь это довольно свободная жизнь. Поступил, выбрал тему — «Макаренко как художник». Этого писателя я всегда любил. В его великолепной «Педагогической поэме» главный герой — сам автор, человек увлеченный, деятельный, честный, целиком отдавший себя несчастным детям. Горький писал ему: «Именно в таких, как вы, нуждается Россия». Диссертацию я написал, многое из нее опубликовал даже в таких журналах, как «Вопросы философии», да еще и автореферат издал, но защищаться не захотел. Дело это хлопотное, нудное, а главное, звание кандидата наук меня совершенно не привлекало. Зачем оно мне? Что в нем?

А летние и осенние вояжи продолжались. В августе — сентябре 1951 года — теплоходом по Волге до Сталинграда, оттуда самолетом — на Кавказ, Красная Поляна; в сентябре 52–го — дом отдыха «Небуг» под Туапсе; в июле 53-го — Дом творчества на Рижском взморье в Дубулты О днях на взморье в памяти остались только три очень разных факта: там тогда жил Николай Заболоцкий. Запомнился его шутливый пляжный экспромт:

По пляжу девушки бродили.
Смотрю и вывод здесь простой:
Они красивы были или
Не отличались красотой.

А на непривычно холодном море я подхватил гайморит, слава богу, потом прошедший. Да был еще забавный эпизод с никому неведомой тогда, а потом знаменитой артисткой Ириной С.

В Дубултах было тогда два ресторана: «Корсо» и «Лидо». Первый — для широкой публики, днем он работал как общественная столовая, а вечером общий свет там то ли мерк, то ли гас совсем, под потолком загорался огромный зеркальный шар, вертящийся в направленных на него лучах света, и мерцающие бегущие блики создавали обстановку таинственности, и все настраивало романтично, особенно нас, русских, для

которых такие затеи и ширпотребовские фокусы были в новинку.

А «Лидо» было так названо в подражание, кажется, какому-то знаменитому острову или ресторану то ли в Венеции, то ли в Париже. Ну, вроде как московский «Савой», ставший потом, кажется, «Берлином». «Лидо» ресторан небольшой, по замыслу аристократический, попасть туда было не просто. Но вот однажды не помню, откуда взявшиеся в нашем Доме творчества Наташа Кобзарева, кажется, еще студентка, дочь директора знаменитого ЦАГИ, ее муж-ровесник, их подруга, которую они усиленно навязывали мне, и я как-то ухитрились вечером попасть в это «Лидо». В зале все столики были заняты, но нас метрдотель устроил за небольшим столиком где-то под самым потолком. Там было очень удобно, весь зал — как на ладони. Ну, и после пары рюмок коньяка я обнаружил в зале эффектную блондинку и, не долго думая, твердой походкой спустился в зал и пригласил ее танцевать. Все очень мило. Хотя, откровенно сказать, танцор я всю жизнь был неважный и мог решиться на приглашение незнакомки только в особом состоянии духа. А потом, вернувшись к себе на голубятню, я не надумал ничего лучше (может, еще после одной рюмки), как написать ей записку с просьбой о свидании завтра у почты, и попросил официанта передать эту записку той эффектной особе. И он, дурак, передал. А она же, естественно, была не одна. И вот по лестнице к нам на голубятню поднимается разгневанный мужчина, с которым она пришла в ресторан, и, потрясая моей запиской, рычит: «Так вот чему вас учат в Литературном институте!» Оказывается, я, тоже дурак, спьяну написал свое послание на какой-то бумажке со штампом института. И тут началось такое!.. Ну, слава богу, моим друзьям удалось как-то уломать ревнивца и нежно спустить его в зал. По-моему, это был еще не муж ее, впоследствии еще более знаменитый.

Эта комическая история, у которой были шансы стать драмой, имела некоторое продолжение. Однажды в букинистическом магазине на Сретенке я случайно еще раз встретил незнакомку. Помнится, разговора не получилась. «Ах, это вы!» — кажется, только это и сказала она. Но каково же было мое изумление, когда в 1967 году я увидел эту блондинку, как сказал поэт, «не спетую песню мою», в одном уж совсем знаменитом фильме… Для «Красной звезды» я тогда написал статью об этом фильме, он мне понравился, наверное, хвалил и С…

Второй раз я был в Дубултах уже в феврале 1985 года с дочерью-восьмиклассницей в ее каникулы. От тех дней осталось стихотворение «Чудотворец» о посещении Домского собора в

Риге.

Гремел орган в соборе древнем.
Опять, как с неба, льется Бах…
Сердца распахнуты, мы внемлем
С улыбкой смутной на губах…

И возникает перспектива
В пространство душ, страстей, эпох…
Артист, вершащий это диво,
Для нас невидим, словно Бог.

В конце на вызов наш упорный
Он показался лишь на миг —
Мелькнул вверху, как в выси горней,
Нездешний отрешенный лик.

А мы все хлопали, покуда
Поднять уж не могли руки,
Но он не вышел — сделал чудо,
И что теперь ему хлопки.

А после первого гостевания в Дубултах — в 1954 году поездка с женой Ириной в Ялту; в 55-м как исключение — лето на даче в Опалихе; 56-й — Симферополь, Алупка, Ялта; в октябре 57-го — Геленджик, дача Россельмаша; в октябре 58-го — туристическая поезда к Венгрию с сослуживцами по «Литгазете», а прямо оттуда — в Сочи, санаторий «Новые Сочи»; в ноябре 59-го — опять Сочи, санаторий «Металлург»; в 60-м — Ялта, Дом творчества Союза писателей; в октябре 61-го — поездка

морем из Одессы в Египет с заходом в Румынию (Констанца) и Грецию (Пирей и Афины), а по возвращении из Одессы — в Гагры, в Дом творчества; в сентябре 1962-го — Сочи, санаторий «Металлург»…

В ту пору в поездках и в этих домах, в санаториях, как и в Москве, конечно, случались встречи, не редко заставлявшие сердце биться чаще, и радоваться, и печалиться, и негодовать… Прав Пастернак: «И чем случайней, тем вернее стихи слагаются навзрыд».

В.С.

Начинался июнь. Все сверкало, цвело.
Под акации кроной тенистой

Вы стояли как будто всем бедам назло
Изваянием радости чистой.

От лица золотистую прядь отстраня,
Среди толп суеты неизменной
На бульваре у моря в сиянии дня
Вы стояли, как в центре Вселенной.

Время многое в прорву забвенья сметет,
Но пребуду я в вечной надежде,
Что акация та все цветет и цветет
И под ней изваянье, как прежде.

Коктебель

Звезды

Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем…

Старинный романс

Себя ты утром не щадила:
— Проклясть! Забыть! Из сердца прочь!..
— А мне в глаза
звезда светила,
Та, что светила нам всю ночь.

Но эту ночь ты увидала
Достойной строгого суда…
А надо мной
звезда витала —
Та, что витала и тогда.

— И позабудь о всем, что было.
Закрой снаружи эту дверь!.. —
А надо мной
звезда кружила,
А силу звезд поди измерь.

Досаду, что тебя объяла,
Ты изливала напрямик…

А надо мной
звезда сияла —
Та, что сияла нам в тот миг.

Кляла обоих нас, корила
С какой-то страстью неземной…
Моя душа
меж звезда парила,
И видел я твой лик ночной.

Безумье! Вздор! — ты восклицала,
Оплошность видя без прикрас.
А надо мной
звезда мерцала —
Та, что мерцала нам в тот час.

— Как ты посмел! Как мог решиться!
И впредь — запомни — никогда! —
Но как от звезд мне отрешиться,
Когда и ты — моя звезда!..

Шли дни. Досада не старела,
Не слабла горечи струя.
А надо мной
звезда горела,
И с ней горела жизнь моя.

Малеевка

* * *

— Прощай. И образумься, и не сетуй —
Мы выпили до дна свое вино…
Но я-то знал, что после ночи этой
Мне будет пусто, серо и темно.

— Все к лучшему, — сказала ты и смолкла
И встав ушла в редеющую тьму.
А я молился истово и долго:
— Да будет нам по слову твоему!

Гагра

Но когда именно и что конкретно рождает стихи? Казалось бы, ясно — в дни и часы сильных чувств. Но вот уж как я любил Наталью, как терзался нашим разрывом и — ни строчки. Странно…

Продолжу реестр вояжей: в 1963 году — Геленджик; в 64-м — «Новые Сочи»; в 65-м — Батуми, Зеленый мыс; в 66-м — Коктебель, Дом творчества; в 67-м — Гагра, Дом творчества; в 68-м — Коктебель; в 69-м — Коктебель; в 70-м — Москва, Опалиха; в 71-м — Малеевка и Коктебель, Дома творчества; в 72-м — Малеевка и Коктебель; в 73-м — Малеевка и Коктебель; в 74-м — Малеевка, Комарово и Коктебель… Люба…

Все женщины, оставлявшие след в душе моей, были прекрасны. Ни одной стервозы или склочницы, ни одной сквалыги или зануды, ни единой сплетницы, скандалистки или шантажистки. Я уж не говорю о женах, которых небеса систематически дарили мне. Красавицы, умницы, загадочны, как пушкинские русалки, что «на ветвях сидят» в «Руслане и Людмиле». Ведь они все, как полагается русалкам, — из вод. Одна явилась из Патриарших прудов (Ермолаевский переулок), другая — из Чистых прудов (Телеграфный переулок), третья — с Камчатки, то ли из Берингова моря, то ли из Охотского.

А.Г.

Я видел, как из моря вышли вы
(Оно вот отпускало неохотно),
Как шапочку стянули с головы
И разметали волосы вольготно.

Сияли ваши мокрые глаза,
Лучилось тело от воды и света.
Небес и моря вечная краса
На дальнем плане затерялась где-то.

Придумать лучше греки не могли.
Вдруг понял я с восторгом неофита, —
Не с гор, не с неба и не из земли —
Из моря к ним явилась Афродита.

Коктебель

* * *

В.С.

Вы улетаете. Вас ждет аэропорт.
Вам предстоит далекая дорога.
Сопровождать вас будут, как эскорт,
Мои печаль, сомненье и тревога.

Никто и не заметит в синеве,
Что вы под их охраною тройною.
Потом они воротятся ко мне
И навсегда останутся со мною.

Гагра

* * *

О.К.

Воспоминанье о тебе,
Как смерч в степи, меня застало
И в кровь мне душу исхлестало,
И обессилел я в борьбе.

И я упал среди степи,
И я молил их о пощаде,
И я взывал: «О, Бога ради!..»
И был мне голос твой: «Терпи!»

Малеевка

После войны, повторю, я несколько лет регулярно дневник не вел, лишь иногда делал какие-то записи. Вот, например, когда работал в «Молодой гвардии»:

17 июля 1960 г.

Чуть не лбами столкнулись две большие толстовские даты: в 1958 году было 130-летие со дня рождения, а в этом — 50-летие со дня смерти.

Надеясь раздобыть или написать для журнала что-то интересное о Толстом к ноябрьскому юбилейному номеру, я съездил на днях в Ясную Поляну. Стояла страшная жара. И, приехав из Тулы в усадьбу, я первым делом пошел на Воронку, в

которой все Толстые купались чуть не до заморозков. А дорогу туда мне показал Валентин Федорович Булгаков.

Это человек с богатой и очень интересной биографией. В январе 1910 года, будучи студентом Московского университета, он стал секретарем Толстого, от его имени отвечал на письма, которые шли к нему со всего мира. Разумеется, на особенно интересные и важные писатель отвечал сам и не жалел на это времени. Так, одному студенту из Франции, приславшему пьесу, ответил на 32 страницах И этот студент оказался потом Роменом Ролланом. До 9 ноября 1910 года, т. е. до второго дня после смерти писателя, Булгаков вел подробный дневник, в котором достоверно рассказано о самом драматическом времени жизни Толстого. В 1911 году дневник впервые был издан. Тогда Булгакову шел 25-й год, теперь ему 75. В дневнике Толстого иногда встречается: «милый Булгаков».

А 15 июля после купания он водил меня по дому, по всей усадьбе и рассказывал, что к чему. Черный кожаный диван, на котором родился Толстой, гостиная с портретами предков и других родственников, кабинет, библиотека, «комната под сводами», где были написаны «Анна Каренина», «Воскресение», «Хаджи-Мурат»… Показал и пруд, в который утром 28 октября, узнав об уходе ночью мужа, бросилась в отчаянии Софья Андреевна, а они с работником Иваном, скрытно шедшие за ней следом, вытащили ее из воды.

19 июля 1960 г.

Когда мы зашли к Валентину Федоровичу домой (он квартировал в «доме Болконского»), я удивился большому портрету Сталина на стене. Это в нынешнее-то время! А хозяин ответил: «Этот человек вернул мне родину». Оказывается, после революции он несколько лет работал директором Музея Толстого в Москве, добился его перевода в новое здание на Кропоткинской, организовал музей в Хамовниках. Но в 1923 году эмигрировал, жил главным образом в Праге, где в 1943 году его, как русского, немцы арестовали, и два года он просидел сначала в тюрьме, потом — в концлагере. После Великой Отечественной войны написал Сталину письмо с просьбой о возвращении. И в 1948 году ему разрешили вернуться, как еще до войны вернулись Горький и Алексей Толстой, Прокофьев и Куприн, как во время войны, в 1943-м — Вертинский, как уже после войны — Коненков, Эрзя…

20 июля 1960 г.

К слову сказать, все эти знаменитые «возвращенцы» были хорошо устроены, и тех из них, кто продолжал творческую

деятельность, власть не обошла вниманием: Прокофьев стал народным артистом, шестикратным — как никто! — лауреатом Сталинской премии и Ленинской, Вертинский давал концерты, снимался в кино и тоже получил Сталинскую, а Коненков — и Сталинскую, и Ленинскую, и Звезду Героя, не говоря уж о прекрасной квартире и мастерской в самом центре столицы — на углу улицы Горького и Тверского бульвара. Не знаю, как обстояли дела у Эрзи, но, во всяком случае, у него была большая выставка на Кузнецком мосту, на которой мне довелось побывать и даже поговорить с ваятелем, невысоким седеньким старичком.

Не был обижен и Булгаков. Он вернулся не просто в Россию, а именно в Ясную Поляну, с которой у него столько связано. В этом году и, может быть, не первый раз в издательстве «Художественная литература» тиражом 75 тысяч экземпляров переиздана его книга о Толстом. Он подарил мне ее с дружеской надписью.

Так что портрет Сталина в его квартире был так же понятен, как стихи Вертинского о Сталине:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград!..
Эти черные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?..
Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для отчизны своей…
Тот же взгляд, те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова…
Над военною картой России
Поседела его голова.

А Куприн? По его «Поединку» поставили фильм, экранизировали «Штабс-капитана Рыбникова». И так же закономерны были слова радости и благодарности престарелого писателя, который был изумлен, что его узнают на улице, заговаривают с ним. «Что больше всего понравилось мне в СССР? — писал он. — За годы, что я пробыл вдали от родины, здесь возникло много дворцов, заводов и городов. Всего этого не было, когда я уезжал из России. Но самое удивительное, что

возникло за это время, и самое лучшее, что я увидел на родине, это — люди, теперешняя молодежь и дети… Родная Москва встретила нас на редкость приветливо и тепло». Толстой считал Куприна очень талантливым, но дочитать его «Яму» не смог.

23 июля 1960 г.

В разговоре с Булгаковым я упомянул о статье Сталина, написанной еще в 1934 году, в которой он решительно возразил на известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», опубликованную за границей еще в 1890 году. И вот в 1934-м академик В. В. Адоратский, директор Института марксизма-ленинизма, предложил напечатать ее в журнале «Большевик», — в номере, посвященном двадцатилетию Первой мировой войны. Сталин был не против ее публикации в собрании сочинений, но в массовом журнале ЦК?.. И он написал статью, которая была как письмо разослана только членам Политбюро, и предложение академика не прошло Но в мае 1941-го, буквально за месяц до войны, Сталин счел нужным напечатать свою статью-письмо в «Большевике».

Валентин Федорович, конечно, ничего об этом не знал и заинтересовался. Я рассказал ему, что Сталин категорически отвергал уверения Энгельса, будто во главе внешней политики России долгие века стояла некая всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде, во всем, и ей удивительным образом удавалось, ловко надувая всех европейских правителей, преодолевать все и всякие препятствия на пути к своим авантюристическим целям. Это тайное общество, приводил Сталин слова Энгельса, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества, «эта шайка, насколько бессовестная, настолько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России…<…> Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыла ей путь к мировому господству». Только-де один чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон Гирс опять уже носит иностранную фамилию.

Валентин Федорович слушал очень внимательно и даже, как мне показалось, напряженно. А я продолжал рассказывать, что Сталин подчеркнул: завоевательская политика вовсе не монополия русских царей. Такой политике в еще большей степени были привержены короли и дипломаты всех стран Европы, в том числе такой император буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое не-царское происхождение

без колебаний использовал в своей внешней политике интриги, обман, вероломство, лесть, зверство, подкуп, убийства… И вывод был очевиден: великую Российскую империю создали не Горчаков и Гирс, а русский народ.

— Это поразительно! — воскликнул Валентин Федорович, встал, подошел к книжному шкафу, взял том Толстого, быстро нашел нужное место и сказал:

— Ну, это наши поэты иногда почему-то млели при имени Наполеона:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

Может быть, именно поэтому Толстой отводил Пушкину в нашей поэзии только третье место — за Тютчевым и Лермонтовым.

Я возразил:

— Это стихотворение написано при известии о смерти Наполеона. А у Лермонтова тоже — «Воздушный корабль»:

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук…

— Вы послушайте, — сказал Булгаков, раскрыв книгу. — Вот что записал Лев Николаевич в дневнике 4 апреля 1870 года: «Читаю историю Соловьева. Все по истории этой было безобразно в допетровский России: жестокость, грабеж, правеж, грубость, глупость, неуменье ничего делать…»

— Дикари! Только иностранцы и могли помочь, — вставил я.

— «Читаешь эту историю, — продолжал Валентин Федорович, — и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уже одно это доказывает, что не правительство производило историю».

— Оказывается, граф Толстой выступил против статьи Энгельса раньше Сталина — за двадцать лет до ее появления! — засмеялся я.

— «Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно

приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ?»

— В корень зрил Лев Николаевич.

— «Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов? Кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов? Кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто рожал и воспитывал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную? Кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции или Польше?»

— По-моему, — сказал я, — это с другого конца, но о том же: творцом истории является народ.

Валентин Федорович согласился. А еще дал мне свою переписку с Николаем Рерихом. Мы ее, конечно, напечатаем.

24 шюля 1960 г.

Ленин писал о «кричащих противоречиях» Толстого. К ленинским примерам можно добавить немало. Так, в молодости Толстой добровольно вступил в армию и участвовал в боевых действиях на Кавказе, потом на знаменитом 4-м бастионе — в героической обороне Севастополя, плакал при виде французского флага над городом, получил медаль за оборону и орден Анны, а в старости призывал отказываться от службы в армии, не раз повторял: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев», хотя обличается-то здесь не патриотизм, а негодяи. В зрелые годы с увлечением и радостью создал шедевр мировой литературы — четырехтомный роман «Война и мир», а в старости говорил, что это самая глупая его книга. (Впрочем, это — по словам Булгакова, а по воспоминаниям Горького, о «Войне и мире» Толстой говорил: «Это — как «Илиада»!»). В 1866 году он был защитником солдата Василия Шибунина, которого судили за пощечину оскорбившему его офицеру, и даже послал царю просьбу о помиловании, но солдата расстреляли, а в 1908 году писатель уверял: «Нет в мире виноватых». Настойчиво, страстно призывал ко всеобщей любви и равенству, а когда его племянница, поехавшая с ним в Башкирию на кумыс, завела там роман с башкиром и забеременела, граф, видимо, уверенный, что графиня не может понести от простого башкира, был в отчаянии. За первые двадцать два года брака у Толстых родились тринадцать детей, а потом писатель принялся проповедовать безбрачие. Софья Андреевна однажды записала в дневнике, что Левочка в порыве страсти завалился к ней в постель, даже не скинув сапоги, и Горькому он говорил об этом

деле: «Я был неутомим…», а в старости написал книгу «Грех чувственности»…

Да, кричащие противоречия. Но при всем этом было нечто, в чем Толстой всегда оставался неизменен, тверд, неколебим. Это — от «Детства», написанного в двадцать три года, до статьи «Не могу молчать», написанной в восемьдесят, до не опубликованного при жизни «Хаджи-Мурата» — страстное, неуемное обличение лицемерия, лжи, несправедливости, срывание «всех и всяческих масок». И в этом, как и в художественной силе, не было ему равных.

14 декабря 1960 г.

Получил письмецо из Ясной:

«Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич, я с дружеским чувством вспоминаю нашу встречу и беседу минувшим летом в Ясной. С признательностью вспоминаю я и о том, что через публикацию в «Молодой гвардии» моей переписки с Н. К. Рерихом Вы дали мне возможность заработать хорошие деньги.

Всего доброго! Ваш *Вал. Булгаков».*

В октябре 1961 года, когда еще работал в «Молодой гвардии», я из Одессы на теплоходе «Феликс Дзержинский» прокатился в Египет. Не один, конечно, а с группой туристов, в которой, впрочем, не было ни одного знакомого. Перед отъездом была наставительная беседа в здании бывшего американского посольства. Что ж, почему кое-что не объяснить людям, которые едут за границу впервые? Потом мне позвонил в редакцию и пригласил побеседовать некий майор из КГБ. Мы встретились у Большого театра под навесом вдоль левой стены. Он говорил, что я, мол, надеюсь на ваше содействие и помощь в случае чего. О чем говорить! Если какой-то чрезвычайный случай, я и без него принял бы посильные меры.

А как только вечером теплоход отошел от одесского причала, я сразу направился в бар и познакомился там с молодой русской парой из Франции: Олег и Марина. Он настроен очень прорусски: много рассказывал о знаменитых людях русского происхождения по всему миру. А она, не помню, что говорила, но была очень мила. Прекрасно провели вечер. Обменялись адресами. На другой день, кажется в Стамбуле, они сходили. Я помог им нести вещи к трапу.

Когда шли по Эгейскому морю, я послал своей сотруднице по отделу критики Искре Денисовой телеграмму: «Слева по борту остров Лесбос вспоминаю стихи Сапфо и Володи Котова салют».

Когда вернулись в Москву, майор КГБ опять позвонил мне, и мы опять встретились под навесом Большого театра. Он

спрашивал о впечатлении. Я отвечал, что все было прекрасно. «А вот эта пара, с которой вы беседовали в первый вечер… Вы не завязали знакомство, не обменялись адресами?» Я твердо соврал: «Нет!» А под Новый 1962 год Марина прислала мне поздравительное письмо, очень трогательное и забавное, не шибко грамотное. Очень хотелось ответить, но я не решился: ведь сказал же я ему, что не обменялись адресами. Жаль, жаль… Она жила где-то у Эйфелевой башни.

9 июня 1962 года

Был в Переделкино у К. Чуковского. Старик болен, лежал в постели, но поговорили. Дал статью о Толстом и свои письма к Рубакину Статья написана еще при жизни Толстого — как о неком стихийном явлении. Печатать это сейчас невозможно. А письма напечатаем.

22 июня 1962 года

Получил письмо о К.И.Ч.:

«Дорогой тов. Бушин!

Я впервые после большого перерыва прочитал свои письма к Рубакину, и они мне не понравились. Умоляю Вас (если Вы намерены печатать их) сделать кое-какие купюры.

В первом письме мне показались отвратительными мои жалобы на болезнь, на бессонницу. Вообще, чем больше Вы сократите их, тем лучше. Ведь они написаны без мысли о том, что они когда-нибудь могут стать достоянием читателей.

Вы спрашиваете, какое издание собрания стихотворений Некрасова было похвалено В. И. Лениным. Отвечаю: издание 1920 года.

Мой очерк «Мы и они» напечатан первоначально в «Речи», а потом появился в книге «Лица и маски» (1914, изд. «Шиповник»). Насколько я помню, он был направлен против невежественного редактора «Вестник знания» В. В. Битнера.

Всего доброго. *Корней Чуковский.*

17 июня 1962».

25 июня он прислал в жалком виде еще и записочку Искре, где конкретно указывает, что надо поправить в тексте статьи самого Рубакина о Н. ККрупской.

В том году за книгу «Мастерство Некрасова» Чуковский получил Ленинскую премию. Это похоже на премию Шолохова,

которую Ю. Бондарев дал Валентину Сорокину, только как бы с другой стороны: Сорокин поносил Шолохова, а Ленин —

Чуковского, точнее, он резко критиковал его, писал, что «нам с Чуковскими не по пути». Ну, конечно, и тут различие немалое: Ленин писал правду, а Сорокин лгал.

1 июня 1963

Из Рязани прислал письмо Солженицын. Это в ответ на ленинградскую «Неву» с моей статьей об «Одном дне Ивана Денисовича», которую я ему послал.

Он пишет

«27.5.63

Уважаемый В С.…!

О Вашей статье я слышал от Сергея Алексеевича Воронина (главного редактора «Невы». — *В.Б.)* еще в феврале. Он говорил мне и о том, какую концовку устранил оттуда (какую — не помню). Саму статью я прочел в прошлом месяце. Нахожу ее весьма интересной и очень разнообразно, убедительно аргументированной.

Поэтому Л. Иванова (ее статья была в «Литературной России») не могла бы ввести меня в заблуждение, что, впрочем, ей, вероятно, удастся по отношению к тем, кто Вашей статьи не читал.

Спасибо за присылку журнала.

С добрыми пожеланиями *Солженицын».*

7 января 1964

Гослит (В. Косолапов) предложил мне для критического ежегодника написать о Солженицыне в целом, т. е. о всем, что он к этому времени напечатал. Я написал. Но шлагбаум уже опустился: Косолапов ссылается на ЦК.

Алик Коган, редактор ежегодника, говорит мне: позвони Поликарпову в ЦК. Позвонил. Тот негодует: напишите нам заявление! Я не стал писать, заводить склоку; ясно, что лицедей Косолапов просто струсил. Я послал статью в «Подъем» (Федор Волохов), где иногда печатаюсь. Там трусоватый завотделом критики Зиновий Анчиполовский был в отпуске, его замещал Анатолий Жигулин. Он и пропихнул статью. Ее я и послал АС. И вот он пишет:

«2.1.64, Рязань

Многоуважаемый Владимир Сергеевич!

Я очень признателен Вам за присылку «Подъема» № 5, хотя

должен Вас «огорчить», что как раз перед этим достал его в Рязани и прочел.

Хвалить того критика, который хвалит тебя — звучит как-то по-крыловски. Тем не менее должен сказать, что эта Ваша статья кажется мне очень глубокой и серьезной — именно на том уровне она написана, на котором только и имеет смысл критическая литература. Особенно интересен и содержит много меткого раздел о «Кречетовке» (или, может быть, потому, что об Иване Денисовиче уже было в «Неве»?). Жаль, что из-за тиража журнала его мало кто прочтет.

Я не только уважаю чужие, розные от моего, мнения, но и вижу в них украшение жизни…»

Тут уже начиналось вранье и «жизнь по лжи». Прошло недолгое время, и мы по его «Теленку» и «Архипелагу» воочию убедились, как он уважает чужие мнения, как ценит это украшение жизни. «Жирный»… «лысый»… «вислоухий» — вот для начала как выражал он свое восхищение обладателями розного от его собственного мнения. А дальше — по нарастающей: «бездари»… «плюгавцы»… «плесняки»… «обормоты»… «шпана»… «наглецы»… Затем — из арсенала животного мира: ««баран»… «осел»… «собака»… «волк»… «шакал»… «скорпион»… «змея» и т. д. Когда ехал из Владивостока в Москву, в Омске на встрече со своими почитателями змеей поименовал и меня.

А тогда, как порядочный человек, он писал мне: «Много верного и для нашей литературы полезного в том, что Вы пишете, противопоставляя «эстетику песчинок» и «эстетику самородков». Нам надо учиться видеть красоту обыденного и т. д. на полстраницы трепа о красоте. Он учился видеть красоту и в «Архипелаге» уж такую выдал…

Но довольно долгое время переписка была вполне благопристойной. Он мне даже присылал свои любительские фотографии, а я писал, например, так:

«7 апреля 1964

Уважаемый Александр Исаевич!

Письмо Ваше, писанное в знаменательный день 8 марта, я, разумеется, давно получил. Но тут были всяческие хлопоты, дела и события. Например, расстался с «Молодой гвардией» и хотел посидеть дома, подумать, почитать, пописать не торопясь. Однако не прошло и месяца, как А. Л. Дымшиц (Между прочим, вопреки мнению некоторых, очень милый и порядочный человек. Он, кстати, как Вы, очевидно, знаете, одним из первых выступил со статьей об «Иване Денисовиче» и говорил мне, как эта вещь его

взволновала) упек меня в Госкомитет кино. По мягкости характера я поддался его напору, но тут же и ужаснулся. Это такой тебе департамент со всеми его прелестями! Две недели я ходил на службу, неделю проболел и — сбег. Самым позорным образом. Уж больно я, как Ваша Матрена, не люблю столам-то канцелярским кланяться.

А потом поехал на свадьбу в Краснодор — племяш Сергей женился. А потом мамаша тяжело заболела. А потом сам прихворнул… Так время и шло. Но вот, кажется, и сам поправился и все вошло в свою колею. Наслаждаюсь свободой. Господи, как хорошо в департамент-то не бегать! Что хочу пишу, что хочу читаю. «Анну Каренину», например, а то — Плутарха… Есть время ввязаться в какую-нибудь литературную драку (я их страсть как люблю!), или выступить в защиту несправедливо обиженного, или пригвоздить неправедно благоденствующего.

Словом, свобода имеет великие преимущества, но есть у нее и свои недостатки. Главный — меньше с людьми общаешься. Но уж тут, пожалуй, все от тебя зависит.

Снимку Куликова столпа, что Вы прислали, я очень обрадовался. Большое за него спасибо, как и за «Один день» с дарственной надписью. Я думал, что не помню, как столп выглядит, но оказалось, что пассивно помнил. Вообще-то у меня зрительная память отличная, но ведь на Куликовом поле я был, должно, лет в 13.

Я не предполагал удивить вас сообщением о том, что был на фронте. Ведь в «Подъеме», где напечатана моя статья о Вас, помещена на последней странице и биографическая справка даже с фотографией. Думал, что это попалось Вам на глаза.

Я рад, что Вы лишь посмеялись, как пишете, прочитав в «ЛитРоссии» мой «отклик» на Ваше предыдущее письмо. Теперь, поразмыслив, я вижу, что отклик был бестактностью. В самом деле, человек написал письмо сугубо личного характера, а я его — бух! — сразу в газетку, хотя и безымянно. Вы имели полное право осерчать. Но вот получил Ваше письмо и вижу, что Вы не обделены чувством юмора. Спасибо. Спасибо и за добрые пожелания, что написали на книге.

Всего наилучшего».

Наша довольно активная переписка тянулась четыре года — до мая 1967-го. Его последнее письмо было кратким, это было как бы небольшое персональное добавление к его большому (четыре убористых страницы) письму в адрес предстоявшего IV съезда писателей — «вместо выступления». Он разослал его по адресам многих газет, журналов, писателей и разных инстанций. Мне писал:

«17.5.67.

Уважаемый Владимир Сергеевич!

Наша прошлая переписка побуждает меня послать это письмо и Вам. Определю свое намерение искренне: пусть это письмо напомнит Вам, что и перед Вами в литературе (в жизни) стоит выбор и не бесконечно можно будет Вам его откладывать (как, мне кажется, вы пытаетесь). Желаю Вам — лучшего.

Солженицын».

Я так много возился с этой фигурой, так много о нем писал, что, в конце концов, он мне осточертел до ужаса и еще что-то о нем писать или даже думать я просто уже не в силах, хотя в дальнейшем будут встречаться упоминания, относящиеся в разным годам.

6 декабря 1967

Сегодня в конце рабочего дня зашел ко мне в «Дружбу народов» Винокуров. В моем кабинетике мы проговорили с ним часа полтора, до начала седьмого. Потом пошли в ЦДЛ, пропустили по две рюмочки коньяка и по чашечке кофе.

Он принес мне «1920 год» Шульгина, о чем я его недавно просил после возвращения из Дома творчества в Гаграх, где Дм. Жуков познакомил меня с Василием Витальевичем.

Ему в этот год 50-летия Октябрьской революции исполнилось девяносто. Таких древних людей я никогда в жизни не видел. Но, конечно, не только возрастом был интересен мне человек, принимавший отречение Николая Второго. Его арестовали в 44-м году, кажется в Югославии, и он лет десять отсидел во Владимирском централе. Они с женой сидели в столовой за столиком рядом с нами. Иной раз после завтрака он шел с нами прогуляться по набережной. Мы спрашивали его, как он смотрит на нынешнюю Россию. Он отвечал мудро: «Мы, русские националисты, хотели видеть Россию сильной и процветающей. Большевики сделали ее такой. Это меня мирит с ними». Был фильм «Перед судом истории», построенный на его беседе с каким-то безымянным историком. Все симпатии зрителя, конечно, на стороне Шульгина: за его спиной большая бурная жизнь, драматическое крушение всех надежд, а что за этим «историком»? Пустота. Я уж не говорю, о его манерах Шульгина, языке, логике. Фильм вскоре сняли.

С Винокуровым, как всегда, мне было интересно. Мы никогда не надоедаем друг другу. Причем, не собеседники-спорщики, а собеседники-единомышленники, мы дополняем мысли друг

друга, подтверждаем их своими доводами, примерами. И, тем не менее, нам всегда интересно вместе еще со студенческих лет, еще с поездки в Рыльское, когда мы были вместе, не замолкая ни на минуту, целые дни.

Сегодня встреча началась с того, что он, протиснувшись в дверь, сел на стул, достал из портфеля книгу и сказал, что у меня приятная комнатенка. «Мой уголок мне никогда не тесен», — напомнил я. «Куда девались эти пошлые довоенные песни, на которых мы выросли?» — сказал он и тут же вынул молодогвардейскую брошюрку со стихами Эдуарда Асадова. Поразился их 600-тысячному тиражу. «Моя в этой же серии вышла тиражом в 125 тысяч». Прочитал первые четыре строки и стал возмущаться их языком, отсутствием мысли, пошлостью.

Рассказал об одной культурной знакомой даме, которая в восторге от стихов Асадова и заговорил о неразвитости, грубости вкуса толпы, среднего слоя. «Толпа — это страшное дело! Для нее даже Евтушенко, Рождественский слишком сложны. Если бы Асадов был еще пошлее и бездарней, он был бы еще популярней. Пошлость вкуса толпы особенно видна в кино».

* * *

К покойному Асадову я еще вернусь, но уже здесь скажу, что Винокуров шибко не любил Евтушенко. Причины не знаю. 30 января и 9 февраля 1991 года о его книгах «Точка опоры» и «Политика — привилегия всех», а также в ответ на его наглую, с ложью о Шолохове статью «Фехтование с навозной кучей» в «Литературке» я напечатал в «Советской России», выходившей тогда почти двухмиллионным тиражом, статьи «Дайте точку опоры!» и «Грянул гром не из тучи» (они вошли в мою книгу «Окаянные годы», 1997). Не помню, как Винокуров об этом узнал, позвонил мне и попросил прислать газеты. Я обещал, но промешкал. Он опять позвонил. Я послал. Думал, что статьи убийственные, но Женя прочитал и сказал: «Слишком мягко, о нем надо писать беспощадно».

* * *

Разговор перешел на цензуру. Я сказал, что Солженицын в письме накануне съезда писателей в 200 адресов, которое прислал и мне, выступил против всякой цензуры вообще. Я процитировал на память: «этот пережиток средневековья

доволакивает свои мафусаиловы сроки до наших дней». И посмеялся над вычурной напыщенностью этих слов.

— Это значит, — сказал Женя. — Солженицын не мыслит государственно. Вот Шульгин, — он кивнул на книгу, — был государственник. Наша беда не в цензуре, а в том, что у нас нет ее. Цензура это — Гончаров, Тютчев, Аксаков, Константин Леонтьев. Цензор должен в огромном кабинете сидеть в мундире, всюду гербы. А у нас цензорами работают выпускники литфаков. Требовать отмены цензуры это все равно, что требовать ликвидации милиции. В Западной Германии очень строгая цензура, очень строга католическая цензура, и она права. Будьте добры, творите искусство без того, чтобы показывать половые органы. На Западе реклама показывает фотографии обнаженных женщин, но на нужных местах — плашки. Ведь если отменить цензуру, тебя кто угодно оклевещет, будут проповедовать гомосексуализм и т. д. Дай волю таким, как Евтушенко и Вознеснский, они ведь ради успеха штаны будут на эстраде снимать. Ведь людей бездарных, клеветников больше, чем настоящих писателей. Ныне век сенсаций. И в погоне за ней будут стремиться переплюнуть друг друга.

— Ведь Солженицын, — продолжал Женя, — в лагерях видел, каковы люди. Я слышал, что в каком-то романе он говорит: «Попробуй выпусти таких». Солженицын изумительное явление, большой писатель по силе искренности, таланту, судьбе, он решил ничего не бояться. Но он не созрел до понимания государственности. У нас интеллигенция считает, что все дело в «начальстве», что если ликвидировать его, то люди воспарят на крылышках. А на самом деле они перережут друг друга. Как только общество осознает себя, как единство, оно устанавливает цензуру и полицию.

— Я люблю «Один день Ивана Денисовича», а «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» мне не нравятся. Народ не богоносец, он состоит из живых людей. Прочитай «Живые мощи» Тургенева. Это в сто раз сильнее, чем «Матренин двор». А то, что описано в «Случае», могло произойти на любой войне, например, на франко-прусской.

Я возражаю:

— Нет, тут показан тип именно нашего молодого человека 30-х годов с его абстрактным представлением о жизни, оторванностью от многих житейских вещей. «Капитал» Маркса знает, но не может понять, что квартирная хозяйка хочет с ним спать.

— Нет, такие молодые люди были всегда, еще и до «Капитала». Мысли обоих рассказов мелки, неинтересны… Народ

не богоносец. Почему Шолохов, великий, гениальный писатель, в начале «Тихого Дона» рассказывает, как Аксинью, героиню, которую он любит, насилует отец, а ее братья закалывают отца вилами. Он любит казаков, любуется ими, но почему начинает рассказ о них с такой страшной трагической ноты? Только гениальный писатель может начать с такой высокой, резкой ноты. Но зачем? Для того чтобы рассказ о революции предварить упором на то, сколько в человеке зверского. Это мое толкование.

А отрицать цензуру — это отрицать законность. Бентам сто пятьдесят лет назад говорил, что законность люди должны защищать, как стены своего собственного дома.

— Пусть разрушится мир, но восторжествует законность, — напоминаю я римлян и говорю, что несколько раз звонил в «Правду» по поводу того, что на ее страницах пропагандируется нарушение законности: с восторгом рассказывают о присвоении колхозам, поселкам, улицам имена здравствующих лиц, что запрещено законом в 1957 году. Мне всегда отвечают: закон законом, но есть живая жизнь, мы прославляем наших героев, достойных людей. Я отвечал: надо соблюдать закон или отменить его. Даже написал об этом в адрес XXIII съезда на имена Гагарина и Терешковой, предлагая им выступить за соблюдение законности, которую ради них особенно часто нарушают. Даже не ответили.

— Россия не доросла до понимания законности. Вместо законности у нас предпочитают «правду-матку». А ведь, казалось бы, еще Пушкин в юности взывал:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье…
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа.
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

— Уже в юности Пушкин был государственником. А у нас исходят из того, что вопросы надо решать «по душам». Я несколько раз слушал Фурцеву. Она даже не понимает, что существует проблема законности. Ей говорят: «Такие-то люди построили дачи, ибо есть закон, разрешающий это». Она возмущается: «При чем здесь закон, если мы коммунисты!» То есть зачем коммунисту дача.

Я рассказал, что сегодня заходил Эмка Мандель (Коржавин) и

поведал мне, что 11 декабря Солоухина вызывают на Секретариат за ношение перстня, сделанного из золотого червонца с изображением Николая Второго. А в прошлое воскресенье мы были с Солоухиным в Успенском соборе Новодевичьего монастыря на отпевании П. Д. Корина, выстояли три часа митрополичьей литургии. Мы с Солоухиным бывали и дома у Корина, и в мастерской, которую устроил ему еще Горький. Павел Дмитриевич был сердит на Солоухина за «Изъятие даров» в его «Русских письмах». Хотел выступить с опровержением, но, когда на Солоухина стали клеветать в «Вечерней Москве» Индурского и еще где-то, передумал, отказался. Разговор перешел на религию. Женя напомнил:

— Вольтер, на смертном одре, сказал: «Умирая, я проклинаю церковь, восхищаюсь Богом, ненавижу своих врагов и благодарю друзей». Вольтер, Пушкин потому и выступали против церкви, что знали: она неколебима. Они хотели лишь поправить кое-что.

— Но вот уж Толстой не о поправках думал.

В.Б.».

Книга вторая

1960-е

Абрам и Аржак

3 августа 1960 г.

В первой книжке «Нового мира» напечатана большая ст. АМеньшутина и АСинявского «За поэтическую активность». (Я напечатал в «Молодой гвардии» статью «Фиалки пахнут не тем» (заглавие взято из популярного тогда спектакля театра кукол Сергея Образцова «Необыкновенный концерт»). Написал, что авторы, декларируя творческую активность, изменяют своей декларации, подменяют активность жизненной позиции, содержательность поэзии изысками формы, которые нахваливают сверх меры. И это измена особенно отчетливо видна при обращении соавторов к стихам Вознесенского, объявленного ими «одним из самых интересных поэтов младшего поколения». Они пишут, что его позиция — «наступление, натиск, вмешательство в жизнь и литературу, позиция активного самоопределения и самоутверждения». Ну, самоутверждения действительно много, но как, где, когда поэт вмешался в литературу и тем паче — в жизнь? Этого в статье нет. А на что наступает он, против чего направлен его «натиск»? Тоже неизвестно. Впрочем, об одном вмешательстве Вознесенского в литературу я писал в первой книге воспоминаний: в номере газеты «Литература и жизнь», посвященном юбилею Толстого, он напечатал стихи, посвященные юбиляру, а в пору демократии объявил, что они посвящены Пастернаку. Или это не вмешательство, а что-то другое?

* * *

Через всю мою статью проходила мысль о том, что авторы то и дело изменяют себе, т. е. самими же провозглашенным принципам, идеям. Однако потом обнаружилась измена гораздо более важная. Андрей Синявский выступал в советской печати хотя и со спорными, но вполне литературно приемлемыми лояльными статьями, а еще с 1956 года, после хрущевского XX съезда партии посылал на Запад свои статьи, теоретические трактаты и рассказы, которые с 1959 года печатал там под псевдонимом Абрам Терц. Тут, как пишет его доброжелательный биограф антисоветчик В. Воздвиженский, он представал «в образе не знающего ничего святого мистификатора и сквернослова… Это позволяло Синявскому остро и пряно показывать с изнанки

пресловутый «советский образ жизни». Ничего святого не было для него прежде всего в советской жизни, которая, несмотря на репрессированного отца, дала ему возможность окончить Московский университет, аспирантуру, защитить диссертацию о Горьком, стать преподавателем МГУ и членом Союза писателей, в который он вступил уже после пяти лет тайной клеветы на свою родину и Советскую власть. Между прочим, его отец, оказывается, был дворянином. Так дворянское ли это дело — прятаться за еврейский псевдоним да еще за бугром.

В 1965 году Абраша был схвачен и разоблачен. В 1966 году его судили вместе с Юлием Даниелем, который промышлял тем же самым. Интересно, Синявский, будучи русским, орудовал под еврейским псевдонимом, а еврей Даниель — под русским именем Николай Аржак. Но оба псевдонима взяты из блатного мира. Дали Синявскому семь лет лагерей с зачетом предварительного заключения, на два года больше, чем в 1951 году дали его отцу, правда, не лагерей, а поселения в Сызрани.

Помянутый биограф пишет: «Срок Синявский отбывал в Мордовских лагерях на тяжелых работах». Сидел он не семь лет, а пять, два года бессердечная власть скостила Абра-ше. И тяжелые работы не помешали ему написать и переслать жене 1500 страниц своих записей, которые после освобождения в 1971 году и отъезда в 1973 году во Францию, где он, конечно, тотчас превратился в профессора русской литературы Парижского университета, стали основой двух книг — «Голос из хора»(1973) и «Прогулки с Пушкиным» (1975). Суть последней точно выразил, кажется, Роман Гуль в рецензии «Прогулки хама с Пушкиным».

Ельцинскую контрреволюцию Синявский, разумеется, приветствовал, как зарю новой прекрасной эпохи, но потом, воочию увидев (он приезжал в Россию) мурло демократии, все-таки, как Солженицын, немного очухался. Умер где-то под Парижем в 1997 году.

КГБ, Сапфо и Вова Котов

В пору работы в «Молодой гвардии», в октябре 1961-го, на теплоходе «Феликс Дзержинский» я прокатился из Одессы в Египет с заходом в Пирей-Афины и Стамбул. Не один, конечно, а с группой туристов, в которой, впрочем, не было ни одного знакомого. Перед отъездом была наставительная беседа в здании бывшего американского посольства на Манежной площади. Что ж, почему кое-что не объяснить людям, которые едут за границу впервые? Потом мне позвонил в редакцию и пригласил побеседовать некий майор из КГБ, он тоже ехал с нами. Мы

встретились у Большого театра под навесом вдоль левой стены. Он говорил, что я, мол, надеюсь на ваше содействие и помощь в случае чего. О чем говорить! Если какой-то чрезвычайный случай, я и без него принял бы посильные меры.

А как только вечером теплоход отошел от одесского причала, я сразу направился в бар и познакомился там с молодой русской парой из Франции: Олег и Марина. Ее фамилия Горбова, его — Галяев. Олег настроен очень прорусски: много рассказывал о знаменитых людях русского происхождения по всему миру. А она, не помню, что говорила, но была очень мила. Прекрасно провели вечер. Обменялись адресами. На другой день, кажется, в Стамбуле они сходили. Я помог им нести вещи к трапу.

Когда шли по Эгейскому морю, я послал своей сотруднице по отделу критики Искре Денисовой телеграмму: «Слева по борту остров Лесбос вспоминаю стихи Сапфо и Володи Котова салют».

Когда вернулись в Москву, майор КГБ опять позвонил мне, и мы опять встретились под навесом Большого театра. Он спрашивал о впечатлении. Я отвечал, что все было прекрасно. «А вот эта пара, с которой вы беседовали в первый вечер… Вы не завязали знакомство, не обменялись адресами?» Я твердо соврал: «Нет!» А под Новый 1962 год Марина прислала мне поздравительное письмо, очень трогательное и забавное, не шибко грамотное. Очень хотелось ответить, но я не решился: ведь сказал же я ему, что не обменялись адресами. Жаль, жаль… Она жила где-то у Эйфелевой башни: Marina Gorboff 22 rue de Passy Paris16, а Олег — в Булонина-Сене.

Кутеж в «Метрополе» как взятка

5 мая 1964 г.

Сегодня в «Литературке» напечатан мой фельетон «Неаполитанские рулады на венецианских набережных» о повести Ивана Лазутина «Лебединая песня» в журнале «Байкал» (Удан-Удэ). Я начал его так «Герой повести Сергей Стратонович Кораблинов — «известный в стране актер, ведущий кинорежиссер, знатный профессор, педагог, отец семейства и дважды дед… Мы встречаем его в час великого умственного и душевного напряжения. Он терзается вопросами: «Какова она? Красивая? А что, если старая кочерыжка?» Она — женщина, назначившая ему по телефону свидание. Кочерыжек Кораблинов терпеть не мог».

* * *

О, это стоит вспомнить… В Российском союзе писателей мне поручили сделать обзор журнала «Байкал». Я начал работать. Время шло… Вдруг мне звонит главный редактор журнала Африкан Бальбуров и просит встретиться. Он как-то пронюхал, что обзор делаю я. Назначает мне встречу у входа в «Метрополь». Как отказаться? Человек приехал с того бока земного шара. Я соглашаюсь. В назначенный день и час явился. Он тут же, с ним знакомый мне Норпол Очиров, тоже бурятский писатель, учится в аспирантуре Литинститута. Ведут меня в зал с фонтаном, к уже занятому столику. Оказывается, Африкан тут свой человек, официанты его знают. «Что будем пить?» Делает роскошный заказ. Прекрасно! Выпили по рюмочке, по другой… Вдруг… появляется Иван Лазутин. Они разыгрывают радостную случайную встречу. Иван садится за стол, и кутеж продолжается. Он — автор ужасно популярной тогда повести «Сержант милиции», переизданной раз двадцать.

И вот все трое начинают меня убеждать, какой прекрасный журнал «Байкал» и как замечательна недавно напечатанная там повесть Лазутина «Лебединая песня» Что делать? В «Литературке» лежит мой фельетон об этой повести, кажется, даже набран уже. Что делать?.. Пиршество-обработка продолжается часа два-три. Наконец, выходим на улицу. Оказывается, тут у подъезда меня уже ожидает такси, и кто-то преподносит мне огромный букет прекрасных цветов. В такси до Измайлова меня провожает Норпол. Он всю дорогу продолжает меня агитировать.

Утром я опять в терзаниях: что же делать?.. Я взял фельетон — может, что-то смягчить? — и стал его перечитывать: «Герою пятьдесят семь лет, но — «это еще не закат, это еще зенит», уверяет он себя. Правда, уже не та прыть, когда «молодой, красивый, он не знал, что такое гипертония» и ощущал в себе всю унаследованную от тамбовских дедов и прадедов лихость и удаль, но все-таки кое-что еще осталось…

В назначенный час, обманув бдительность супруги (она оплошно ушла на кухню) тщательно одетый Кораблинов явился на условленное место. Сложные чувства владели им. Дважды дед смущался. Но в то же время его захлестывали «приливы давно забытого юношеского трепета».

В руках у знаменитого гипертоника розы. Один лепесток упал на ботинок. Надо бы снять, но он не решается, ибо «при его высоком росте никто не замечает лысину на макушке. А если нагнуться…»

Но вот, наконец, и она! О, это совсем, это весьма не кочерыжка, это — «молодая озерная камышинка» под названием Светлана.

Дальше было «как-то стихийно, само собой. Разница лет была стерта». Последнее обстоятельство весьма существенно, ибо разница составляла ровно четыре десятилетия. Но, видно, уж так сильна была в знатном профессоре закваска тамбовских предков!

После первого свидания Светлана не спала всю ночь, а рано утром побежала к памятнику Пушкина, к которому Кораблинов во время их прогулки положил букет роз, сорвала один лепесток и от избытка чувств съела. Потом поехала к тете (она-то надоумила ее позвонить режиссеру) и бросилась ей на шею со словами: «Это не человек, а вулкан! Я забыла все на свете! Мне казалось, что я иду с ним не по Москве, а по венецианской набережной и слушаю неаполитанские рулады».

Но тетушка вовсе не желала, чтобы племянница забыла все на свете. У нее была ясная цель: устроить красотку-племянницу через Кораблинова с Институт кинематографии. «До тех пор, пока не станешь студенткой, ты должна обещать ему все», — поучала она племянницу.

И вот второе свидание. Уже не прогулка по улице Горького, а ресторан. А потом на улице он спросил:

— Вы хотите стать актрисой? И не постоите ни перед чем ради этого?

— Ни перед чем! Никогда! — воскликнула Светлана, выполняя инструкцию тетушки.

— Вы готовы жертвовать? — вновь спросил человек-вулкан.

— Да!

Вулкан остановил такси: «В Сокольники!»

Под скрежет коробки скоростей и монотонно-грустное пощелкивание счетчика он стал целовать Светлану и заклинать: «Я люблю вас!.. Я сделаю из вас знаменитую актрису!.. Княжну Мери будете играть вы!..» Но тут произошло то, чего дважды дед никак не ожидал. Вероятно, не ожидала и сама девица. Она вопреки теткиным инструкциям вдруг воскликнула:

— Вы гадкий и грязный старик! — и закатила вулкану пощечину, и тут же ее руки, «словно крылья белой голубки еще несколько раз мелькнули перед его лицом». — Я без вашей помощи буду актрисой! — С этими словами Светлана выскочила из такси.

Очухавшись, старикан тоскливо подумал: «Да, вот она, моя лебединая песня». В сопровождении пощечин».

Дальше не буду пересказывать фельетон, а замечу Светлана действительно поступила во ВГИК без помощи Кораблинова. Что ж получается? Семнадцатилетняя девушка не дала и не приняла взятку в виде студенческого билета и добилась своего. Да это же вдохновляющий образ! Молодец Иван Лазутин! А меня хотят

купить за двести грамм коньяка да тройку бутербродов с черной икрой и осетриной? Нет же! Нет, братцы! И пусть это будет им уроком, как Кораблинову Будут знать, что взятки не только в виде студбилета, но даже и в виде угощения в «Метрополе» не всегда и не на всех действуют. И фельетон появился в «Литературке» безо всякой правки.

Между прочим, за всю мою литературную жизнь было лишь две попытки подкупить меня. Вот эта да еще однажды какой-то сочинитель, огромный роман которого я рецензировал для «Профиздата», нагрянул откуда-то из с Урала или Сибири ко мне домой с парой-тройкой каких-то роскошных рыбин.

Как было отказаться, когда это подносилось как дар Сибири или Урала. Впрочем, и рыба, как застолье в «Метрополе», не сломили мою железную волю.

Так велика моя вина

1965 год, февраль

На Новый год мама ездила в Ногинск, точнее, в Глухово к своей младшей сестре тете Тоне, моей крестной. И вот крестная прислала мне письмо.

«28/1.65

Володя, здравствуй, дорогой!

Володя я вот что хочу сказать тебе.

Под Новый год я пошла встречать твою маму, и что же ты думаешь, глазам своим не верю, она вышла из вагона вся в слезах, я даже испугалась. Спрашиваю, что случилось, а она плачет, и только сквозь слезы я еле поняла. Она выговорила: меня так обидел Володя. Это с ней я вижу впервые. Она никогда такая не приезжала, и из-за ее плохого настроения мы расстроились и очень скучно встретили Новый год и провели все три дня. Она никогда мне не жаловалась на тебя, а в этот раз, наверное, нервы не выдержали.

Володя, я не хочу тебе читать наставления или учить чему-то, т. е. как надо вести себя с мамой, ты сам очень умный, и она всегда этим горда. Она же очень любит тебя, она всегда сочувствует во всех твоих невзгодах, поэтому ей очень обидно. Может, даже ты и не грубо сказал, а ее все равно обижает даже твой повышенный тон. Это только потому, что она тебя любит. Я это поняла с ее разговора.

Так вот, Володя, все это надо понять и подумать об этом серьезно. Представь себе, что с ней случится, ведь как тебе будет тяжело переживать все твои бранные слова, но поздно будет.

Володя, ведь ей так мало осталось жить, все дни сочтены, а ведь мать одна, и ее надо беречь. Она вспыльчива, но сколько и пережито. Страшно вспомнить. Надо мать уважать хотя бы за то, что она дала тебе жизнь, и уважать за то, чтоб после ее смерти не было раскаяния за свою грубость к ней.

Володя, все это нетрудно уважить матери. Ведь ты всегда трезвый, умный и потому должен быть тактичный, выдержанный. Правда?

Володя, мне очень жалко Маню. Ты не можешь себе представить, как она была обрадована твоей поздравительной телеграммой! И плачет, и улыбается, и смотрит на время, когда ты ей послал. Вот видишь, за что это говорит. Я так боюсь, что с ней может случиться, мне тоже будет очень тяжело, она у меня так же единственная сестра, как у тебя единственная мать. Володя, береги ее, я очень прошу, не давай ей расстраиваться, в такие годы может сразу случиться с человеком. Вот так уйдешь на работу, она дома, а придешь — ее не будет. Это так страшно.

Володя, теперь прошу тебя, не давай ей читать это письмо, а то еще обидится, скажет, кто тебя просит лезть в наши дела. Но я не могла стерпеть, она очень была расстроена. Володя, ты меня извини за письмо, не обижайся. Может, тебе даже покажется глупым, пусть даже так, но у меня очень тяжелое настроение. Володя, вот поэтому на конверте я не пишу своего адреса, я боюсь, она догадается и будет меня ругать. Считай, что мы с тобой поговорили вдвоем. Володя, ты знаешь, как матери дороги дети, она ведь очень переживает за все. Так береги ее, чтобы после не было за что ругать себя.

До свидания. Целую крепко.

Твоя кресенька Антонина мученица.

Вы сегодня, наверное, пойдете на день рождения Гали».

* * *

Не помню, когда, но, может быть, именно после этого письма крестной я написал вот это стихотворение:

Я обижал порой друзей.
Прости меня за это, Боже.
Хотя никто из них, ей-ей,
В долгу не оставался тоже.

И женщин обижал порой.
Прости и это… Хоть едва ли

За них бы кто-то встал горой —
Они мне тем же отвечали.

И мать я обижал не раз.
Она обиды все сносила,
Не поднимая скорбных глаз,
И лишь понять ее просила.

И как никто была верна,
Любви живое воплощенье…
Так велика моя вина,
Что было б грех просить прощенье.

.

Стон всей страны

26 октября 1965 г.

В «Литературке» напечатана моя ст. «Кому мешал Теплый переулок?» О нескончаемых дурацких переименованиях городов, улиц, площадей… Не думал, не надеялся, что напечатают. Ведь я выразил решительное несогласие с переименованием Н. Новгорода, Твери, Самары, Вятки, московских улиц — Тверской, Покровки, Остоженки, Охотного ряда, Мясницкой, Маросейки… И предлагаю вернуть эти названия. Ах, жаль, что не решился о Сталинграде!

31 октября

Сразу хлынули отклики на статью в «ЛГ». Сперва, конечно, московские, но сегодня пошли из других городов от людей разных национальностей. Ислом Абдушукуров из Душанбе пишет: «У нас в Таджикистане один поселок лет 20 назывался Молотовабад, потом — Пяндж, а теперь Кумсангир. Другой поселок был Кайрак-Кум, потом Ходжент, сейчас — Кумсангир».

Интересно еще, что письмо написано 27 октября, т. е. на другой день после выхода газеты со статьей, а сегодня уже в редакции.

Б. Медведев из Тбилиси: «Статья — золотой слиток в Фонде защиты русской культуры.

Но есть еще нечто более ужасное, чем бесчисленные Кировски и Куйбышевки, о которых пишет автор. Появились города Торез, Тольятти. Уважаемые люди, нам дорога память о них. Но это же дикость — русские города с иностранными

названиями… Вятку, как и Самару, до слез жалко… После такой статьи можно умереть со спокойным сознанием, что еще не все потеряно».

* * *

Знал бы товарищ Медведев, что настанет время, и его однофамилец будет называть поселки, улицы, библиотеки именами прямых предателей — Ельцина, Солженицына, будут ставить памятники кровавым душителям народа — царю Николаю, Столыпину. Судя по почерку, вроде бы старческому, тбилисский Медведев не дожил до улицы Солженицына в Москве, до библиотеки им. Алкаша в Ленинграде, до памятника Бродскому против американского посольства.

В третий раз став президентом, Путин сделал новым министром культуры Владимира Мединского… Беда с этими министрами новейшего времени! Горбачев в начальную пору своего правления заигрывал с русской патриотической интеллигенцией: ввел в Президентский совет Валентина Распутина, назначил министром культуры Николая Губенко… Но скоро ему объяснили его роль и поставили на свое место. И Губенко был убран. При Ельцине его заменил Евгений Сидоров. На министерском посту он ничем не запомнился, видимо, в этом и состояла его цель. Путин назначил никому неведомого, ничего не сделавшего киргизского уроженца Михаила Швыдкого. За одно это Путина следует судить. Это было издевательство. Дело, конечно, не в киргизском происхождении назначенца (хотя, несомненно, министром культуры в России должен быть русский), а в том, что на важнейшем государственном посту оказался невежда и провокатор, русофоб и наглец. Только такой человек и мог учинить на телевидении, т. е. на всю страну, такие передачи, как «Пушкин устарел», «Русский фашизм страшнее немецкого» и т. п. После этого Путин обязан был, по меньшей мере, тотчас убрать с поста горлопана и запретить ему на пушечный выстрел приближаться к телевидению, а он, будучи сам человеком плохо образованным, провинциальным да еще и трусливым, молчал и не шевелился. В конце концов, кто-то куда-то Швыдкого отодвинул, но это была не кара всероссийскому хаму, а операция втихаря, под сурдинку, в полшелеста.

И вот выискал Путин этого Мединского, профессора МГИМО, инкубатора русофобов и антисоветчиков. И тот сразу, в спешке, словно боясь не успеть, подтвердил марку своей альма-матер и свою верноподданность режиму. Во-первых, заголосил о

перезахоронении Ленина. Опять! Хоть задумался бы о том, сколько гробокопателей и клеветников Ленина Господь в бесконечном милосердии своем уже прибрал вскоре после их воплей: Волкогонова, Егора Яковлева, патриарха Алексия, Старовойтову, пианиста Петрова, Собчака, Ямщикова, совсем недавно — Юрия Карякина… Хоть кол на голове теши!.. Во-вторых, надо, говорит, переименовать улицы, названные в честь революционеров, — назвать их именами тех, кто стал жертвами терактов. Должно быть, рассчитывает досадить коммунистам. Но ведь исполнителями самых громких терактов были не большевики, а левые эсеры: Иван Каляев, застреливший московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, известного душегуба, Давид Богров, смертельно ранивший Столыпина, Яков Блюмкин, убивший германского посла графа Мирбаха… С другой стороны, немало и большевиков стали жертвами террористов: Урицкий, Войков, Воровский, Загорский, Нетто, Киров… Как тут быть? Путин подбирает министров по своему образу и подобию: они могут оглашать идеи и предложения самого разного характера и значения, но не подозревают, что за этим стоит и как их новации осуществить, и какие они могут иметь последствия. Объявил же Путин еще при первом своем пришествии: удвоим ВВП! Прошло лет десять. И что? Не удвоили, а утроили, но не то ВВП, а совсем другое ВВП. В десять раз увеличил число миллиардеров, в пять раз — число аварий и катастроф, в двадцать — число пожаров…

И ведь ясно же, что предложение о переименовании улиц ничего, кроме нового скандала и очередного раскола, в обществе вызвать не может. В этом новый ставленник Путина видит задачу министра культуры? Есть поговорка: когда коту делать нечего, он… А если ставленнику уж так печет что-то переименовать, то пусть начнет с себя и сделает из Мединского — Медицинского…

* * *

2 ноября

Е. Козловский из Минска сообщает, что у них есть Первая Шестая улица, Вторая Шестая улица и т. д.

5 *ноября*

П. Успенский из Рязанской области пишет, что у них есть табачная фабрика им. В. И. Ленина. «Да он же не курил! И даже был решительный противник табака. Уж если для них невозможно без имени, назвали бы им. Сталина, он с трубкой не

расставался».

9 ноября

Скульптор О. Мануйлова из Фрунзе взывает: «Громче и шире требуйте прекращения переименований во всем СССР!»

12 ноября

Военнослужащий Н. Бакай из г. Чаусы, знакомого мне по 43-му году, мы там стояли, пишет «Какое отношение к воронежскому городу Лиски имел румынский партийный деятель Георгиу-Деж, именем которого этот славный городок назван в 1965 году после его смерти?» Резонно!

15 ноября

Джафар Багиров из Баку: «В статье В. Бушина упоминается Кировобад, бывший Гянджа.

Я сейчас здесь в командировке. В этом городе родился, жил, творил и умер наш великий поэт Низами. У него и псевдоним был Низами Гянджви. Вот, если уж переименовывать, чьим именем надо было назвать город!

Киров для нас дорогой человек, он много сделал для нашего народа, но, посудите, его именем назвали парк, самую многолюдную Большую Морскую улицу, университет, институт физиотерапии, множество улиц, деревень, колхозов…»

Как все это близоруко с точки зрения национальной политики!

16 ноября

Сталевар Р. Пономарев из г. Чирчик «Мысль у всех одна: надо восстанавливать названия улиц (у Бушина — даже городов)… Но я никогда не соглашусь, чтобы г. Горький снова стал Нижним Новгородом, Ленинград — Петроградом…»

* * *

Ах, товарищ Пономарев, где вы были, когда два малограмотных дружка Собчак и Путин топтали Ленинград и жульнически протаскивали Петербург да еще с Санктом? А Нижний Новгород? Ведь Алексей Максимович сам посмеивался в одном письме: «Максим Горький на теплоходе «Максим Горький» едет в город Горький».

17 ноября

Р. Кричевская опять из Баку: «Какая взволнованная статья! Но ведь не первый год идет борьба с косностью, тупостью, равнодушием, казенщиной, с эстетической глухотой, а результата не видно. Ведь это страшно, что невежество берет верх».

18 ноября

И. Лисичкин из Кутаиси: «В этой замечательной и своевременной статье не затронут вопрос о том, сколько неудобств эти бесконечные переименования создают для населения, для почты и т. д.»

Во-первых, статья вовсе не своевременная, а сильно запоздавшая. Она была бы очень уместна и ко времени еще в первые годы после революции, когда появлялись первые ласточки в облике ворон — Троцк, Зиновьевск и т. п. Во-вторых, о неудобствах для населения как раз писали много, а я впервые поднял вопрос на культурно-историческую высоту.

20 ноября

Получил письмо от Сергея Бондарчука с благодарностью за статью о его «Войне и мире», которую я напечатал в «Красной звезде».

Вот ведь интеллигентный талантливый человек, а не понимает, что под всяким письмом должна стоять дата.

23 ноября

Кандидат исторических наук С. Алияров: «Мыслимое ли дело в одном государстве, пусть даже столь обширном, как СССР, иметь 16 городов, названных в честь одного человека, если это даже такой выдающийся человек, каким был СМ. Киров».

Художик И. Крастелев из Москвы: «Почин положил Николай Второй, переименовав Петербург в Петроград. Но потом поехало… Недавно в Сарны, как писали «Известия», одним махом переименовали почти все сорок улиц. Это просто преступление… Тверь основана раньше Москвы. И вот к 55-летию М. И. Калинина… Не нашлось у него ни скромности, ни мужества воспротивиться.

Ленинград, конечно, останется Ленинградом навсегда, но в Москве имя В. И. Ленина получили и метро, и главная библиотека, и стадион, даже убогие Воробьевы горы, а еще и Горки Ленинские, Ленино-Дачное. Неужели аллилуйщики не соображают, что фамильярничание с именем великого человека может оказать плохую услугу его памяти? Вот вам недавно на Сретенке красовалась вывеска «Артель полотеров «Путь Ильича». А канал имени Москвы? Еще Маяковский высмеивал: «собака

имени Полкан». Но ведь живут же Большой театр и Малый без всяких имен. А какие артисты блистали на их сценах!

А какое отношение к Самаре имел В. В. Куйбышев? С какой стати, Екатеринбург стал Свердловском? Никаких геройств Яков Михайлович не совершал и прожил в советское время меньше двух лет. Старинный церковный город Троице-Сер-гиев Посад — там лавра! — переименовали в честь секретаря МГК партии В. Загорского, настоящая фамилия которого Лубоцкий. А Московская консерватория одно время носила имя Феликса Кона, стадион «Динамо» — имя Ягоды. Это же плевки в душу народа русского».

«Диверсия» против яковлевщены

Ни одна моя статья или книга не вызвали столько самых горячих откликов, как эта. Писем редакции и мне лично были сотни со всех концов страны, от людей разных возрастов, национальностей, профессий.

Я тогда работал в журнале «Дружба народов». Ко мне в кабинет, как я упоминал, влетел Владимир Солоухин с воплем: «Ты гений!» А вскоре нас с ним и старика О. В. Волкова да В. В. Иванова, ныне академика и автора скабрезных стихов, пригласили в Ленинград принять участие в телевизионной передаче в защиту русской культуры. Там к нам присоединились несколько ленинградских писателей, а вел передачу Д. Лихачев, тогда еще членкор, но давно уже Сталинский лауреат.

Все участники передачи говорили совершено недопустимые вещи. Но мое выступление было, очевидно, особенно возмутительным. Я прочитал весьма острые выдержки из полученных мною в «Литературке» писем. Да еще позволил себе пройтись по адресу Пегова, председателя Моссовета, который незадолго до этого с гордостью объявил в «Вечерней Москве», что в столице завершается переименование улиц, названия которых имеют религиозное происхождение. Я предложил ему с экрана (а передача шла на всю страну) издать постановление еще и о переименовании сограждан, фамилии которых имеют такое же происхождение: Никиты Богословского, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского… А как дальше терпеть артистов Михаила Царева и Андрея Попова?..

Словом, все это для начальства было невыносимо. И в разгар передачи из Москвы позвонил сам председатель Комитета по радиовещанию и телевидению Н. Месяцев и потребовал прекратить передачу, объявить технический сбой. И тут произошло чудо: работники редакции отказались выполнить

приказ начальника и довели передачу до конца. А когда экран выключили, они бросились обнимать и поздравлять нас.

Через несколько дней, вернувшись в Москву, мы узнали, что в Ленинграде последовали санкции: организаторов передачи уволили с работы. Не встать на их защиту было бы подлостью. Я написал письмо в ЦК, где говорилось, что сотрудники редакции не могли знать, что мы будем вещать, никакой предварительной договоренности об этом не было, поэтому, если в передаче было что-то неверное, мы готовы нести за это ответственность, а сотрудников просим восстановить на работе. Тем более, все мы мужчины, а там в основном женщины. Письмо подписали все, кроме Л. Успенского. Я его отправил, и мы стали ждать.

А в ЦК, как стало известно в пору всеохватного бардака из публикации недолго просуществовавшей газеты «Столица», уже циркулировали два документа. Первый 12 января 1966 года был подписан Н. Месяцевым и направлен в Отдел культуры под грифом «секретно». Чего там секретного, когда передачу видела вся страна?

Тов. Месяцев писал: «4 января с.г. По Центральному телевидению из Ленинграда прошла передача «Литературный вторник». В ней приняли участие писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературные критики и литературоведы В. Бушин, В. Бахтин, В. Иванов, Д. Лихачев, Л. Емельянов.

Передача была задумана в плане изложения марксистско-ленинских взглядов на историческое развитие русского языка и русской культуры, их влияния на культуру других народов… Однако в ходе передачи ее участники отступили от ранее обусловленного содержания и сценарного плана»… Это была туфта: никакой «обусловленности», никакого «плана» не существовало… «Участники передачи высказали свои антинаучные взгляды по ряду вопросов культурного наследия и революционных традиций нашего народа». Словом, идеологическая диверсия!

Далее приводились конкретные примеры нашей диверсионной «антинаучности»: «В. Бушин с издевкой говорил о переименовании Ольгина моста во Пскове в мост Советской Армии. В. Солоухин говорил о «чудовищном засорении языка уродливыми нелепыми сокращениями. О. Волков призывал к организации концертов духовной музыки. В поддержку своих взглядов они (тут имелся в виду прежде всего я. — *В.Б.*) зачитывали письма, полученные ими как отклики на их прежние выступления в печати: «Только тем, что у мудрости есть пределы, а противоположность ее безгранична, можно объяснить переименование таких городов, как Тверь, Вятка, Нижний

Новгород, Самара — городов, стоявших у истоков русской истории. Переименование городов, по их мнению, напоминает раздачу татарскими ханами владений. «Но и ханы, отдавая города на прокорм, не калечили их имена».

Можно не сомневаться, что такие наши заявления приводили в негодование не только Месяцева и Пегова, но впоследствии и члена райкома Собчака, молодого коммуниста Гаврюшу Попова, лейтенанта КГБ Путина и всех, кто спустя 25 лет лихо и резво, ничем не рискуя, занялись огульным обратным переименованием городов и улиц да крушением советских памятников.

Н. Месяцев сообщал, что освобождены от работы директор Ленинградской студии Б. М. Фирсов, главный редактор литературно-драматических программ Е. Н. Никитина, а также редакторы И. А. Муравьева и Р. Д. Муравьева, отвечавшие за передачу.

Второй документ от 18 февраля 1966 года адресовался аж в Политбюро, он был круче. В нем содержались такие формулировочки: «Участники передачи заняли тенденциозную позицию… Авторы передачи пытались создать ложное впечатление… Они игнорировали элементарную журналистскую этику… Пропаганда субъективистских ошибочных взглядов привела к нежелательным последствиям… Авторы многих писем протестуют против грубых ошибок и неверных положений»… Тут же сообщалось, что три Отдела ЦК (пропаганды, культуры и науки) «информировали по этому вопросу руководителей и партийные комитеты тех организаций, в которых работают участники передачи». Значит, и в мою «Дружбу народов» пришла «телега» и, конечно, сыграла важную роль в моем скором выдворении.

Под этой содержательной бумагой в Политбюро с ее опасными ярлыками стояла подпись заместителя заведующего Отделом пропаганды А. Яковлева, того самого, что позже заодно с Горбачевым предал и партию, и родину, будущего любимца американского президента Рейгана и критика Туркова… А тогда ему очень хотелось стать завотделом, и он выслуживался и навешивал ярлыки, обличал тех, кто призывал «объявить сбор средств для восстановления церквей», кто «считает варварством переименование Охотного Ряда в проспект Маркса», слал «информацию» по месту работы.

Среди участников передачи было два члена партии — Солоухин и я. Володя куда-то исчез, поэтому в скором времени в ЦК позвали для объяснений меня.

Оказывается, там имелся специальный подотдел Отдела культуры, занимавшийся телевидением. Его возглавлял тогда

какой-то Московский, кажется, отставной генерал. К нему я и припожаловал. Ну, это был разговор двух глухих.

— Здорово, кума!

— На рынке была.

— Да ты никак глуха?

— Купила петуха.

Он допытывался, почему я так не люблю Горького, ибо именно только нелюбовью к писателю мог он объяснить мое желание видеть Нижний Новгород. Я говорил, что дело же не в этом, но он меня не слышал. Так что разговор был пустой. Но сотрудников студии возвратили на работу.

Я написал довольно обстоятельный обзор писем, полученных «Литгазетой» на мою статью, но после нашей передачи из Ленинграда, по поводу которой было столько шума и разговоров, печатать обзор Чаковский не пожелал. Помог ему отказаться от этой затеи недоделанный марксист Юрий Суровцев. Чаковский спросил его при мне в кабинете: «Надо печатать?» Тот решительно ответил: «Ни в коем случае!» Возможно, им известна была позиция ЦК. Так же поступил и Михаил Алексеев в «Москве», когда на мою статью об Окуджаве там писем пришло, пожалуй, и не меньше и тоже — со всей страны. Оба испугались неизвестно чего. Это у нас очень часто — боязнь неизвестно чего.

А Яковлев стал членом ПБ, академиком в особо крупных размерах, накатал 22 книги, за одну из которых на ее презентации в Самаре (впрочем, скорее, за всю его жизнь в целом) одна безвестная русская патриотка прямо на сцене театра залепила ему оплеуху. То же самое огреб и Горбачев, но не по физии, а по шее. Ах, да разве только это они заслужили от народа!..

* * *

Солженицын в феврале 1966 года отозвался в письме на нашу передачу: «Слышал о Вашем выступлении по ленинградскому телевидению. Вас хвалят…»

Наша довольно активная переписка с ним тянулась четыре года — до мая 1967-го. Его последнее письмо было кратким, это было как бы небольшое персональное добавление к его большому (четыре убористых страницы) письму в адрес предстоявшего IV съезда писателей — «вместо выступления».

17 сентября 1966 г. Коктебель

Жил здесь с 25 августа. Впервые. И кто только здесь из

писательской братии не бывал! Алексей Толстой, Леонид Леонов, Эренбург, Марина Цветаева… Сегодня уезжаю. Что останется в памяти, кроме чудных картин моря, Кара-Дага, Золотых ворот, мыса Хамелеон, дома Волошина, Лягушачьей бухты? Может быть, вот это?

В ресторане «Эллада»
Мы кайфуем вдвоем.
Ах, какая отрада! —
Вот сидим мы и пьем.

Здесь на стенах — кентавры,
Гладиаторский бой.
Амазонки да лавры,
Да эгейский прибой.

Глядь, уж донце графина.
Но мигает Эрот:
— Вам поможет Афина.
Мажьте свой бутерброд!

И с питьем на подносе
Мчит Зевесова дочь,
Чтоб в насущном вопросе
Нам любезно помочь.

Но все было б забыто —
И кураж и ландшафт,
Если б не с Афродитой
Пил здесь на брудершафт.

* * *

8 января 1967 г.

Как точно сказал Лермонтов о Пастернаке, например, о его «Гамлете»:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

* * *

17 мая 1967 г., утро. Москва

Получил из Рязани от Солженицына на четырех убористых страницах «Письмо IV съезду советских писателей (вместо выступления)» и записочку мне.

Письмо было отправлено 18-го в 9 вечера и получено — 17 мая утром. Дело в том, как позже поведал сам АС, таких писем он отправил по адресам писателей и газет, журналов около 200, и не из Рязани, а с Центрального почтамта в Москве. Этим и объясняется быстрота доставки.

* * *

Обо всем, что связано с Солженицыным, обстоятельно рассказано в моей книге о нем «Гений первого плевка», вышедшей несколькими изданиями. Кому интересно, могут заглянуть и в Интернет.

* * *

22 мая.

Заходил ко мне в «Дружбу народов» Эмка Мандель (Коржавин), предложил подписать письмо к съезду с предложением дать слово для выступления Солженицыну. Там уже было немало подписей. Вероятно, его направил ко мне сам АС. Я подписал.

* * *

«Милый Володя! Владимир Сергеевич! Вы от скуки иногда вспоминаете обо мне. А я Вас помню часто, всегда.

Не Вашу резкость, а нежного мужчину и доброго друга…

Мне жизнь отпустила всего вдоволь — и любви, и одиночества, и горя.

А Вы совсем из другой жизни, где другие измерения. Я совсем случайно залетела на Вашу орбиту и по всем законам логики не могу на ней удержаться. Я у себя и в себе, и всегда одна.

Незнакомец из другой жизни, прощайте.

Ирина».

26 мая 1967 г.

Борис Куняев-Рижский, с которым познакомился в Коктебеле, в ответ на мое поздравление с Днем Победы прислал открытку:

«Приветствую, граф!

Если бы Вы знали, насколько приятна была для меня Ваша весточка! Это же память о нашей фронтовой юности!!!

Дорогой Володя, а я три месяца пролежал в больнице с инфарктом. 10 дней был в реанимации, думал — все, однако белые тапочки временно отложил…»

Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
Трофейный рыжий ром…

Это покойный Семен Гудзенко, сам умерший в тридцать лет от ран, сказал о таких, как Борис. Я видел на пляже — у него страшная рана, нет половины плеча. Но кружками мы там, в Коктебеле, не раз чокались.

Евгений винокуров

6 декабря 1967 г.

Сегодня в конце рабочего дня зашел ко мне в «Дружбу народов» Винокуров. В моем кабинетике мы проговорили с ним часа полтора, до начала седьмого. Потом пошли в ЦДЛ, пропустили по две рюмочки коньяка и по чашечке кофе.

Он принес мне «1920 год» Шульгина, о чем я его недавно просил после возвращения из Дома творчества в Гаграх, где Дм. Жуков познакомил меня с Василием Витальевичем.

Ему в этот год 50-летия Октябрьской революции исполнилось девяносто. Таких древних людей я никогда в жизни не видел. Но, конечно, не только возрастом был интересен мне человек, принимавший отречение Николая Второго. Его арестовали в 44-м году, кажется, в Югославии, и он лет десять отсидел во Владимирском централе. Они с женой сидел в столовой за столиком рядом с нами. Иной раз после завтрака он шел с нами прогуляться по набережной. Мы спрашивали его, как он смотрит на нынешнюю Россию. Он отвечал мудро: «Мы, русские националисты, хотели видеть Россию сильной и процветающей. Большевики сделали ее такой. Это меня мирит с ними». Был фильм «Перед судом истории», построенный на его беседе с каким-то безымянным историком, манекеном. Все симпатии

зрителя, конечно, на стороне Шульгина: за его спиной большая бурная жизнь, драматическое крушение всех надежд, а что за этим «историком»? Пустота. Я уж не говорю о манерах Шульгина, языке, логике. Фильм вскоре сняли.

С Винокуровым, как всегда, мне было интересно. Мы никогда не надоедаем друг другу. Причем, мы не собеседники-спорщики, а собеседники-единомышленники, мы дополняем мысли друг друга, подтверждаем их своими доводами, примерами. И, тем не менее, нам всегда интересно вместе еще со студенческих лет, еще с поездки в Рыльское, когда мы были вместе, не замолкая ни на минуту, целые дни.

Сегодня встреча началась с того, что он, протиснувшись в дверь, сел на стул, достал из портфеля книгу и сказал, что у меня приятная комнатенка. «Мой уголок мне никогда не тесен», — напомнил я. «Куда девались эти пошлые довоенные песни, на которых мы выросли?» — сказал он и тут же вынул молодогвардейскую брошюрку со стихами Эдуарда Асадова. Поразился их 600-тысячному тиражу. «Моя в этой же серии вышла тиражом в 125 тысяч». Прочитал первые четыре строки и стал возмущаться их языком, отсутствием мысли, пошлостью.

Рассказал об одной культурной знакомой даме, которая в восторге от стихов Асадова, и заговорил о неразвитости, грубости вкуса толпы, среднего слоя. «Толпа — это страшное дело! Для нее даже Евтушенко, Рождественский слишком сложны. Если бы Асадов был еще пошлее и бездарней, он был бы еще популярней. Пошлость вкуса толпы особенно видна в кино».

* * *

К покойному Асадову я еще вернусь, но уже здесь скажу, что Винокуров шибко не любил Евтушенко. Причины, видимо, те же, что у меня: при большом таланте — назойливость, демагогия, лживость. 30 января и 9 февраля 1991 года о его книгах «Точка опоры» и «Политика — привилегия всех», а также в ответ на его наглую, с ложью о Шолохове статью «Фехтование с навозной кучей» в «Литературке» я напечатал в «Советской России», выходившей тогда почти двухмиллионным тиражом, статьи «Дайте точку опоры!» и «Грянул гром не из тучи» (они вошли в мою книгу «Окаянные годы», 1997). Не помню, как Винокуров об этом узнал, позвонил мне и попросил прислать газеты. Я обещал, но промешкал. Он опять позвонил. Я послал. Думал, что статьи убийственные, но Женя прочитал и сказал: «Слишком мягко, о нем надо писать беспощадно».

* * *

Разговор перешел на цензуру. Я сказал, что Солженицын в письме накануне съезда писателей в 200 адресов, которое прислал и мне, выступил против всякой цензуры вообще. Я процитировал на память: «Этот пережиток средневековья доволакивает свои мафусаиловы сроки до наших дней». И посмеялся над вычурной напыщенностью этих слов.

— Это значит, — сказал Женя, — Солженицын не мыслит государственно. Вот Шульгин, — он кивнул на книгу, — был государственник. Наша беда не в цензуре, а в том, что у нас нет ее. Цензура это — Гончаров, Тютчев, Аксаков, Константин Леонтьев. Цензор должен в огромном кабинете сидеть в мундире, всюду гербы. А у нас цензорами работают выпускники литфаков. Требовать отмены цензуры — это все равно, что требовать ликвидации милиции. В Западной Германии очень строгая цензура, очень строга католическая цензура, и она права. Будьте добры, творите искусство без того, чтобы показывать половые органы. На Западе реклама показывает фотографии обнаженных женщин, но на нужных местах — плашки. Ведь если отменить цензуру, тебя кто угодно оклевещет, будут проповедовать гомосексуализм и т. д. Дай волю таким, как Евтушенко и Вознесенский, они ведь ради успеха штаны будут на эстраде снимать. Ведь людей бездарных, клеветников больше, чем настоящих писателей. Ныне век сенсаций. И в погоне за ней будут стремиться переплюнуть друг друга.

— Ведь Солженицын, — продолжал Женя, — в лагерях видел, каковы люди. Я слышал, что в каком-то романе он говорит: «Попробуй, выпусти таких…» Солженицын — большой писатель по силе искренности, таланту, судьбе. Он решил ничего не бояться. Но он не созрел до понимания государственности. У нас интеллигенция считает, что все дело в «начальстве», что если ликвидировать его, то люди воспарят на крылышках. А на самом деле, они перережут друг друга. Как только общество осознает себя как единство, оно устанавливает цензуру и полицию.

Я люблю «Один день Ивана Денисовича», а «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» мне не нравятся. Народ не богоносец, он состоит из живых людей. Прочитай «Живые мощи» Тургенева. Это в сто раз сильнее, чем «Матренин двор». А то, что описано в «Случае», могло произойти на любой войне, например, на франко-прусской.

Я возражаю:

— Нет, тут показан тип именно нашего молодого человека 30-х годов с его абстрактным представлением о жизни,

оторванностью от многих житейских вещей. «Капитал» Маркса знает, но не может понять, что квартирная хозяйка хочет с ним спать.

— Нет, такие молодые люди были всегда еще и до «Капитала». Мысли обоих рассказов мелки, неинтересны… Народ не богоносец. Почему Шолохов, великий, гениальный писатель, в начале «Тихого Дона» рассказывает, как Аксинью, героиню, которую он любит, насилует отец, а ее братья закалывают отца вилами? Он любит казаков, любуется ими, но почему начинает рассказ о них с такой страшной трагической ноты? Только гениальный писатель может начать с такой высокой, резкой ноты. Но зачем? Для того чтобы рассказ о революции предварить упором на то, сколько в человеке зверского. Это мое толкование.

А отрицать цензуру — это отрицать законность. Бентам сто пятьдесят лет назад говорил, что законность люди должны защищать, как стены своего собственного дома.

— Пусть разрушится мир, но восторжествует законность, — напоминаю я римлян и говорю, что несколько раз звонил в «Правду» по поводу того, что на ее страницах пропагандируется нарушение законности: с восторгом рассказывают о присвоении колхозам, поселкам, улицам имена здравствующих лиц, что запрещено законом в 1957 году. Мне всегда отвечают: закон законом, но есть живая жизнь, мы прославляем наших героев, достойных людей. Я отвечал: надо соблюдать закон или отменить его. Даже написал об этом в адрес XXIII съезда на имена Гагарина и Терешковой, предлагая им выступить за соблюдение законности, которую ради них особенно часто нарушают. Даже не ответили.

— Россия не доросла до понимания законности. Вместо законности у нас предпочитают «правду-матку». А ведь, казалось бы, еще Пушкин в юности взывал:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье…

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа.
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

— Уже в юности Пушкин был государственником. А у нас исходят из того, что вопросы надо решать «по душам». Я

несколько раз слушал Фурцеву Она даже не понимает, что существует проблема законности. Ей говорят: «Такие-то люди построили дачи, ибо есть закон, разрешающий это». Она возмущается: «При чем здесь закон, если мы коммунисты!» То есть зачем коммунисту дача?

Я рассказал, что сегодня заходил Эмка Коржавин и поведал мне, что 11 декабря Солоухина вызывают на Секретариат за ношение перстня, сделанного из золотого червонца с изображением Николая Второго. А в прошлое воскресенье мы были с Солоухиным в Успенском соборе Новодевичьего монастыря на отпевании П. Д. Корина, выстояли три часа митрополичьей литургии. Мы с Солоухиным бывали и дома у Корина, и в мастерской, которую устроил ему еще Горький. Павел Дмитриевич был сердит на Солоухина за «Изъятие даров» в его «Русских письмах». Хотел выступить с опровержением, но, когда на Солоухина стали клеветать в «Вечерней Москве» Индурского и еще где-то, передумал, отказался.

Разговор перешел на религию. Женя напомнил:

— Вольтер, на смертном одре, сказал: «Умирая, я проклинаю церковь, восхищаюсь Богом, ненавижу своих врагов и благодарю друзей». Вольтер, Пушкин потому и выступали против церкви, что знали: она неколебима. Они хотели лишь поправить кое-что.

— Но вот уж Толстой не о поправках думал…

* * *

1968 г., январь

Ездили с мамой на золотую свадьбу дяди Феди Чукина с тетей Лидой. Он — племянник нашего деда. До Тулы — поездом, а в Туле Вася устроил нам «Победу», которая доставила нас прямо в Кромское. Из всех гостей мама — единственная, кто был на их свадьбе в 1918 году. Подумать только! Война полыхала, а они свадьбы играли… Федяка еще здоров. Кто-то свозил меня на розвальнях и в родное Рыльское. Это же рядом, через овраг…

Какой дивной музыкой детства звучат для меня названия окрестных деревень и сел — Куркино, Михайловское, Ростово, Грачевка, Крючок, Запхаевка, Малевка, лес Гнилуша, Францев колодец, не говоря уж о Непрядве и Куликовом Поле… Происхождение двух деревень я знаю по рассказу краеведа Казанского Александра Васильевича, который составил мне родословную по линии отца. Оказывается, у царя Алексея Михайловича (1629–1676) были земли там, где ныне Курская и Орловская области, в частности, селения Рыльск на Сейме и

Кромы на Оке, может быть, уже и города. Так вот, на этих землях проживало слишком много народа, и царь решил какую-то часть своих людей переселить на другие свои земли, видимо, пустоватые — в нынешнюю Тульскую область. Люди, явившиеся сюда из Рыльска, назвали свою (мою) деревню Рыльское, жители Кром — Крамское.

* * *

В дни, когда я пишу эти строки, изо всех углов и закоулков демократии несутся вопли о Сталине: «Диктатор!.. Тиран!.. Антропофаг!..» Это в связи с тем, что поступили в продажу школьные тетради с его портретом. А вот помянутый царь Алексей Михайлович. При нем были народные восстания в Москве, Новгороде, Пскове да еще крестьянская война под руководством Разина. Когда из-за дороговизны и взяточничества вспыхнуло первое восстание в Москве, царю было всего 19 лет. И что — растерялся? Размышлял? Не знал, что делать? Знал беспощадно подавил восстание, после чего 7 тысяч человек были казнены, а у 15 отсечены руки. Так же царь утопил в крови и все последующие восстания и разинщину. А в историю ушел с титулом Тишайший, однако. Как же-с, ведь он добился воссоединения с Малороссией да еще и окончательно освободил от поляков Смоленск, а продолжая освоение Сибири, заложил Якутск Вот и считайте…

Залитературенность

26 декабря 1968 г.

Во вчерашнем номере «Литературки» мы с Димой Стариковым заняли почти целую полосу. Приняли участие в обсуждении статьи Вадима Ковского с длинным и скучным заглавием «Об интеллектуализме, мещанстве и чувстве времени». Вот ведь какая фамилия. Есть Шкловский, есть Юзовский, Высоковский, а этот просто Ковский, так сказать, сама суть голая, корень.

Димка считает, что его статья «делает благое дело». Я озаглавил свою статью «Впереди прогресса» и ничего благого у Ковского не обнаружил. В самом деле, ему всюду видится лишь благодать, его радует, например, «мода на писание диссертаций». А я считаю, что это для многих мода не на писание, а на ученые звания да степени. А чего стоит это. Привел строки из стихотв. Яр. Смелякова «Сосед»:

Не ваятель, не стяжатель,
не какой-то сукин сын…

Интеллектуальный критик шокирован соседством слов «ваятель» и «сукин сын». Не может быть такого в советской поэзии! И меня он хочет оборонить: «Мы, конечно, не решимся утверждать, что В. Бушин посчитал здесь «ваятеля» скульптором. И он ищет объяснение у Даля. И находит: «ваять — выть, реветь, орать». И делает вывод: поэт образовал слово «воятель» от того давно забытого глагола». Неужели? Но у него же не «воятель»! Какую слепоту порождает чрезмерная ученость. У Даля рядом стоит «ваять» — всем и ныне понятное слово, а он это не видит. И не понимает, не чувствует иронии. Поэт лишь хотел сказать, что его герой не какой-то «небожитель», но и не мерзавец, а рядовой человек. Слово «ваятель» произнесено здесь в его прямом обычном смысле, но с таким же ироническим оттенком, с каким в наше время говорят, например, «пиит».

* * *

Недавно мне попался на глаза еще более разительный образец залитературенности.

Кажется, уже далеко не молодой поэт Олег Хлебников пишет в статье об умершем Ю. Карякине, который-де так здорово знал и понимал Достоевского: «В его книге «Бес смертный» много о Сахарове и Солженицыне, которые жизнь положили на изгнание беса (на борьбу против социализма и советского строя. — *В.Б.*). Понятно(!), что слово «бес» у всякого (!!) умеющего читать ассоциируется прежде всего (!!!) с «Бесами» Достоевского».

О!.. Как характерна эта демагогия: «у всякого умеющего читать». А ведь человек окончил какой-то вуз, издал десятка два книг возвышенной поэзии, оказывается, его издавали даже на родине Гамлета… Во-первых, далеко не всякий умеющий чи-

тать раскрывал Достоевского, особенно его несъедобных «Бесов». Во-вторых, самому писателю в этом положении прежде всего пришел на ум Пушкин, строки которого из стихотворения, так и названного «Бесы», он взял эпиграфом к своему роману. У Пушкина, кстати, слово «бес» встречается 59 раз, «бесенок» — 17, «бесноваться» — 4, «бесовский» — 4.

Впрочем, залитературенность порой находит и на более светлые головы.

Вот что рассказал однажды Вадим Кожинов. На Всемирном

фестивале молодежи в Хельсинки автобус с нашей делегацией забросали камнями. Евгений Евтушенко, входивший в состав делегации, в ответ на это написал стихотворение «Сопливый фашизм». Сейчас он об этом или не желает вспоминать, или стыдится того стихотворения. Но тогда поступил, как и следовало советскому поэту. И вот, встретив его в ЦДЛ, Кожинов принялся его отчитывать: да как ты смел! Да знаешь ли, что Твардовский назвал нашу войну с Финляндией «незнаменитой»!

Поразительное дело. При чем здесь Твардовский с его очень неудачным эпитетом? И какое мне дело до того, кто и что когда-то давно сказал, тем более — поэт в стихах, если сейчас, в сей момент бьют наших? Надо немедленно дать отпор — и только. Так Евтушенко и поступил. И тут я на его стороне, а не критика, благоговеющего перед каждым словом большого литературного авторитета. Вот такие закидоны случались с Вадимом.

* * *

«Милый, милый Бушин! Владимир Сергеевич!

Уже осень, и я вспоминаю о Вас по-осеннему. Это замечательно…

Коктебель — удивительная страна. Не уверена, что Вы знаете ее такой, какой знаю я. Я там очень много ходила еще до того, как увидела Вас. Пишу и чувствую коктебельские запахи и грецкие орехи около душа. Сегодня мне это все гораздо ближе, чем совсем недавно.

Я действительно очень люблю осень. Все самое хорошее случалось со мной именно осенью.

Я очень замотана, но иногда хочется сорваться и убежать к Вам на свидание, но…

Милый Владимир Сергеевич, когда слышу Ваш голос по телефону, и нет ничего плохого, я мысленно целую Вас.

И.».

«Мы не от старости умрем…»

1968 г., декабрь

Райс пишет из Ташкента: «Володя! Наш дом сносят, мы забегали, как мыши. Дают нам пять комнат на пятерых. Но дом еще строится, говорят, будет готов в январе. Искандер приболел животиком — это тоже была эпопея.

От всех нас новогодние пожелания тебе, жене, Сергею, маме. Кто у тебя родился?

Райе.

23 декабря 1968 г.».

* * *

Тогда у нас еще никто не родился. Дочь родится 15 апреля будущего года, но я, надо думать, заранее похвастался Райсу. Но откуда у него взялся Искандер со своим животиком, ума не приложу: осенью, когда я был, никакого Искандера и его мамы не наблюдалось, и вдруг — животик!

1969 г., февраль

Боже мой! Получил письмо:

«Володя!

С трудом взялась сообщить Вам о постигшем нас тяжелом горе — о смерти моего единственного сына Райса, последовавшей 22 января 69 г. от инфаркта сердца. Похоронили 23 января 69 г.

Мать С. Х. Капина.

Ташкент, 15.2.69 г.»

Ему было 45 лет…

А жизнь не остановилась…

Продолжу реестр своих вояжей, начатый в первой книге: в 1963 году — Геленджик; в 64-м — «Новые Сочи»; в 65-м — Батуми, Зеленый мыс; в 66-м — Коктебель, Дом творчества; в 67-м — Гагра, Дом творчества; в 68-м — Коктебель; в 69-м — Коктебель; в 70-м — Москва, Опалиха; в 71-м — Малеевка и Коктебель, Дома творчества; в 72-м — Малеевка и Коктебель; в 73-м — Малеева и Коктебель; в 74-м — Малеевка, Комарово и Коктебель…. Да еще Греция, Египет, ГДР, ФРГ.

* * *

— Прощай. И образумься, и не сетуй —
Мы выпили до дна свое вино…
Но я-то знал, как после ночи этой
Мне будет одиноко и темно.

— Все к лучшему, — сказала ты и смолкла.
И, встав, ушла в редеющую тьму.
А я молился истово и долго:
— Да будет нам по слову твоему!

Гагра

А потом, потом, потом в тех же Гаграх в Доме творчества, что был на улице Руставели, 141, я получу телеграмму: «Сбылось ли все по слову моему? С.».

* * *

Письмо получил:

«Дорогой Владимир Сергеевич!

Иерей Михаил из г. Иваново и вся наша семья сердечно поздравляет Вас и Ваших близких с Великим Светлым праздником Святой Пасхи, Праздником Великой Победы и Праздником Первомая.

От всей души желаем много здравия телесного и еще более душевного, а во всех добрых делах благого поспешения.

В церкви сейчас идет приуготовление к Светлому Торжеству Святой Пасхи. Да наполнит оно и Ваши души. А в миру, видимо, все так же кипят страсти…»

Спасибо, спасибо. Тем более что все эти душевные слова от бывшего преподавателя марксизма-ленинизма. Исполать! Потом Михаил Иванович произнесет прекрасную речь на моем юбилейном вечере в ЦДЛ, начав его — человек начитанный — строками известного стихотворения Исаковского:

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само — и не сдержать его…
Позвольте ж мне сказать вам это слово,
Простое слово сердца моего…

* * *

Прочитал в «Нашем современнике» сказочку Шукшина «До третьих петухов». Отменно! Но как удалось пропихнуть?

Как пропустили? Диво дивное! Викулов говорил, что первоначально заглавие было «Иван, не спи!»

* * *

«Дом на набережной» Ю. Трифонова удивил неряшливостью текста. Чего стоят бесконечные рифмы: сказали — указали, машину — магазину, батон — Антон… В прозе не может быть ничего хуже. Человек не слышит собственный текст.

* * *

Лейбниц: «Если бы геометрия противоречила нашим страстям и нашим интересам, как нравственность, то мы так же спорили против нее и нарушали ее вопреки всем Эвклидам и Архимедам». Эту мысль в более сжатом виде повторял Ленин: «Если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они опровергались бы».

* * *

Читаю я довольно много: «Дом на набережной» Трифонова, «Затмение» Тендрякова, «Осень патриарха» Маркеса, Бондарева… Но вот первые два уже и не помню.

2 шюля 1969 г.

Женя Винокуров подарил сегодня очередную книгу. Большая. «Избранное из девяти книг». Надписал: «Володе Бушину — как всегда — сердечно, как всегда — дружески. В память о Малеевке».

Двоякодышащие за работой

В октябре 1969 года я напечатал в «Литературке» сердитую статью о повести Б. Окуджавы «Бедный Авросимов». Сам автор ничуть не был обижен или огорчен. Пожалуй, наоборот, увидев меня в ресторане ЦДЛ, он подошел и сказал, что со многим в статье согласен, и пригласил за свой столик, за которым сидел с Борисом Балтером, а перед ними — бутылка с Араратом на этикетке. В самом деле, кто о нем раньше так лихо писал да еще в «Литературке».

Но редакционное начальство думало иначе. Ведь я был членом редколлегии журнала. Двоякодышащий Сергей Баруздин куда-то исчез и поручил парторгу Валентину Оскоцкому, явившемуся в редакцию после ВПШ, и ответственному секретарю Александру Николаеву разделаться со мной.

Они позвали меня в кабинет главного.

Сашка молчит.

А этот архимарксист допрашивает: «Как же это вы, будучи членом редколлегии?.. Признаете свою вину?» Но у меня позиция твердая: повесть напечатали в журнале без обсуждения, даже без прочтения членами редколлегии. А в ней ворох разного рода чепухи, которую, выходит дело, я одобряю, поскольку мое имя стоит на обложке журнала. Они свое, а я свое. Словом, пишите, говорят, заявление об уходе по собственному желанию, а то хуже будет. Не стал я торговаться, не стал упираться, видя рожу супермарксиста. На другой же день подал «Прошу освободить с 9 ноября 1969 года», т. е. сразу после Октябрьских праздников. Так нет же! Гипермарксист настоял на освобождении с 6 ноября. Двух дней праздничных не пожелал уступить.

* * *

Зимой того года, обретя статус вольного художника, я поехал в Щелыково, к Островскому, в дом отдыха артистов (ВТО). Благословенный уголок русской земли! Там меня ждал с детства знакомый почитатель моей старшей сестры, так и оставшийся холостяком, Леонид Иванович Антропов, замечательный человек, и не только тем, что коллекционировал кирпичи разных исторических эпох. Он с гордостью показывал мне свою редкостную коллекцию, утешение холостяка. Много ли на свете таких антиков?

Мама и Владимир Даль

18 марта 1969 г. Вот как говорит мама:

— Они думают, что они на дрожжах, а они на гуще.

— В каждом дому — по кому, а в моем — все два. Когда лежала больная, а я ее умыл и привел в порядок — Ну вот, ты меня образил.

О Тане: «Востроносый муравей».

Об одной знакомой, на которой я чуть не женился: «Оплетистая баба».

Не Евтушенко, а Латышенко. Не Вьетнам, в Вьетман.

26 марта.

Вечером, придя из парикмахерской, я сказал:

— Сегодня я буду спасть на твоей кровати, мне надо хорошо выспаться, а ты поспи на раскладушке.

Обиделась, буркнула:

— Ты хочешь, чтобы я работала, как лошадь, а спала, как петух.

29 апреля

Вернувшись из Измайлово, мама стала расхваливать тамошнего щенка:

— Такой веселый, курбастенький…

Я это слово никогда от нее не слышал и не понимаю. Раскрыл Даля. Да, есть, оказывается, такое слово. В Пензенской, Владимирской и Казанской областях говорят: курбатый, курбатик, курбыш — малорослый, коротыш, коропузик, толстячок, куцый, бесхвостый. Значит, слово употреблено совершенно точно в смысле «толстячок».

* * *

«Милый Бушин!

Примите самые теплые и искренние поздравления с Новым годом.

Володенька, я не могла написать Вам раньше. Моя замотанность и деревенская отдаленность тому оправдание.

Но в моей ежедневной суете есть минуты, когда принадлежу только себе и Вам, мой добрый друг. Скажите откровенно, Ваши впечатления обо мне еще не утихли, не погасли? А новых я не могу дать, устала. Вы — моя повторившаяся молодость…

Ирина».

«Когда строку диктует чувство…»

30 мая 1969 г.

Как насыщенна, какую яркую картину может нарисовать всего одна строка, причем — первая, начальная. Ну, это все знают

Мороз и солнце. День чудесный!

А это?

В полдневный жар в долине Дагестана…

От строки так и веет жаром. Тут — музыка и картина, и сила. Или:

Как хороши, как свежи были розы…

А ведь это всего лишь забытый Ишка Мятлев, только для одной этой строки и родившийся. И как прекрасно распорядился ею Игорь Северянин перед смертью в эмиграции:

Как хороши, как свежи будут розы,
Что родина положит мне на гроб.

А Дмитрий Кедрин?

Эти гордые лбы винчианских мадонн…

Ах, как сказано! Но там и дальше все прекрасно:

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок..

* * *

17 ноября

Когда я был в Ташкенте на кинофестивале (21 окт. — 3 нояб.), мама упала и что-то повредила в ноге. Ходить стало трудно. Вот она и жалуется:

— Все люди как люди, а я как мыслете.

Я припомнил, что вроде бы слышал когда-то такое выражение, но спрашиваю:

— Какие мыслете?

— А это есть такие мыслете, — туманно отвечает она. Видимо, точного смысла слова не знает, но поговорка с давних времен жива в ее памяти и употребила она ее весьма к месту, правильно, как я убедился, обратясь к Далю.

У него именно эта поговорка: «Все люди как люди, а я как мыслете».

Мыслете — название 14-й буква в церковной азбуке, 13-й — в русской.

«Писать мыслете — быть пьяну», т. е. идти, шатаясь из стороны в сторону, вот так — М — вперед-назад, вперед-назад.

На другой день в разговоре с кем-то по телефону сказала о ком-то:

— У нее деньжищ — черт на печку не затащить.

Еще она говорит «Пошел черт по бочкам». У нее это означает: кто-то куда-то полез и при этом что-то с шумом, с грохотом уронил, опрокинул. А Даль утверждает: запили. Нет, мама знает язык лучше Даля.

19 июня 1969 г.

Мама приехала на днях из Измайлово и рассказывает, что там один 75-летний совершенно одинокий знакомый старичок решил жениться. Встретил ее, советуется. Мама ему говорит

— Женитесь, женитесь. Вам за это ни сверху, ни снизу греха не будет.

То есть ни от Бога, ни от людей.

Купили на днях мне костюм — летний, легкий, светлый, очень красивый, нарядный.

Зашла соседка. Ей Таня показывает костюм и говорит:

— Ты купила бы такой мужу.

— Что ты! Ему такой костюм нельзя. Он его враз пропершит, пробздит, провоняет.

Тоже колоритно сказано.

1970-е

Нашел!

1970 г., март

В журнале «Советская женщина», где я несколько раз напечатался и даже получил премию, мне дали письмо:

«23.3.70

Уважаемая редакция!

Прошу Вас написать мне. Может, я ошибаюсь, но в вашем журнале к новому году 1970 было 12 фотографий, под ними была статья «Лучшие материалы года», в которых был рассказ В. Бушина «Ничего, кроме всей жизни».

Глядя на эту фотографию, мне кажется, что это наш Володя Бушин, который был комсоргом роты. По окончании войны он, как студент, был демобилизован, он москвич.

Вот об этом я вас прошу. Если это он, то пишет радист той же роты Торгашов Николай. Если это он, то мы могли бы вспомнить однополчан.

С приветом

Н. Торгашов.

Мой адрес: Саратовская область, Петровский район, совхоз «Красный партизан». Торгашову Николаю Васильевичу.

Он наверно пишет статьи в ваш журнал, я его не выписываю и увидел случайно в парикмахерской. Если это он, то прошу помочь с ним связаться.

НК».

Я, конечно, сразу ему написал, и вот он прислал ответ:

«Здравствуй, Володя!

Посылаю привет и желаю самого наилучшего в твоей жизни и работе.

Ты спрашиваешь, как сложилась у меня жизнь. Помнишь Корпенко Анну? Вот после демобилизации мы поженились и живем в мире и дружбе. Имеем троих детей. Дочь 22 года, имею внучку, сын 18 лет, сын 12 лет.

Работаю радиотехником все время.

Ты спрашиваешь, кого я встречал или с кем имею связь. Ни с кем. Потерял связь с Огородовым Павлом. Он жил на ст. Кропачево Челябинской области.

Володя! Ты спрашиваешь, где Михайлин? Он москвич и должен быть в Москве. Последнее письмо он мне прислал еще в Куйбышевку-Восточную, в котором писал, что думает демобилизоваться. Они поженились с Тамарой Гусевой, нашим военфельдшером.

Володя! За твой почерк, как ты пишешь, многое разбираю с трудом и предлагаю изменить стиль писанины.

Вот пока коротенько и все.

Привет жинке и детям.

С приветом. *Николай.*

Да, Володя, ты мотаешься по Союзу. Может, попадешь в наши края. Очень просим заехать».

* * *

Повстречаться нам удалось летом 1978 года. Тогда в связи со 110-летием со дня рождения Горького Союз писателей организовал прекрасную поездку по Волге на теплоходе по горьковским местам. С остановками, литературными вечерами, экскурсиями. Я взял и жену, и дочку, которой было девять лет. Она вела дневник поездки. Известил телеграммой Николая, когда мы будем в Саратове и как нас найти. И встретились на теплоходе. Николай пришел со старшим сыном. Два сослуживца-фронтовика не виделись 23 года. Описать радость и душевность нашей встречи невозможно…

Это была наша последняя встреча.

Не помню уже, когда мне сообщили, что Николай умер.

Через какое-то время его вдова Аня приезжала в Москву, но по моей вине мы не увиделись. До сих пор гложет меня совесть…

Владимир Богомолов

Из моих публикаций в «Литературке» за время работы там, пожалуй, самой примечательной была рецензия «Ваня Буслов, судья» — о пронзительном рассказе тогда безвестного Владимира Богомолова «Иван» про мальчишку-разведчика. Моя рецензия оказалась первой. Она кончалась стихами Смелякова:

И если правда будет время,
Когда людей на Страшный Суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут, —

Предстанет за столом судейским
Не бог с туманной бородой,
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой…
Он все увидит, этот мальчик,
И ни йоты не простит,
Но лесть от правды, боль от фальши,
И гнев от злобы отличит…

Рассказ был издан отдельной книгой. С него началась большая известность Богомолова. Я же работал в «Молодой гвардии», когда Богомолов разыскал меня и подарил эту книжку с доброй дарственной надписью. Андрей Тарковский поставил по рассказу фильм «Иваново детство», тоже очень сильный.

Ищейки национализма

Из статей в «Молодой гвардии», когда там работал, стоит упомянуть статью «Веник и голик». Такое заглавие родилось из одного тогдашнего выступления Н. Хрущева, где он сказал: «Хороший литературный критик даже для самого видного писателя может сделать очень многое: умная критическая статья — это как бы своего рода березовый веник. Париться с веничком дело не плохое, потому что открываются поры и тело начинает лучше дышать, жить становится легче». Что ж, золотые слова. А голик — это уже обтрепанный веник без листьев, скорее уже дубинка. Вот я и написал в этой статье о двух видах критики.

Критика-голик процветала тогда в «Литгазете». Сергей Смирнов возглавлял ее недолго, но за это время и он сам, и его заместитель Михаил Кузнецов, и завотделом критики Кузнецов Феликс дали отменные образцы поисков разного рода супостатов — от писателей, будто бы защищавших и оправдывавших власовцев, в чем обвинялись Всеволод Кочетов, Анатолий Калинин и Сергей Воронин, до русских националистов в образе ленинградского критика Вадима Назаренко.

Вот с каким пылом Смирнов обличал Воронина за рассказ «В родных местах»: «Не только от своего имени, но именем миллионов солдат, именем матерей, вдов и сирот, чьи близкие не вернулись с войны: писатель выпустил этим рассказом пулю, направленную против одного из самых святых и непреложных принципов нашей партии, нашего народа, против стойкости в борьбе с врагом, против непримиримости ко всей подлости и прежде всего к высшему проявлению подлости — к измене

Родине».

Рассказ действительно заслуживал критики, но чтобы уж так! А в нем и было-то всего семь страничек.

А в связи с обвинением в русском национализме журнала «Звезда» я писал в своей статье: «Литературная газета» высосала из пальца и с грохотом представила миру попытку о «чуть ли не проповеди русской национальной исключительности» белорусом В. Назаренко на страницах журнала, где главный редактор армянин Г. Холопов (Холопян), его заместитель украинец П. Жур, а член редколлегии по критике, несущий прямую ответственность за статью, еврей А. Дымшиц. Под пером умного журналиста редколлегия этого журнала могла бы быть представлена на страницах всесоюзной газеты как живой пример в литературном деле дружбы наших народов и национальностей». А ведь русским был Смирнов-то, только жена не русская, но какая бдительность и рвение против русского духа! Да не духа даже, а малейшего русского дуновения.

А его заместитель Михаил Кузнецов (куда он потом девался?) выступил со статьей, зловеще и грозно озаглавленной «Невежество? Нет, хуже!..» Он усмотрел в статье молодого критика К. Токарева групповщину, злостное намерение столкнуть лбами писателей, посеять раздор и вражду. Да как же, говорит, критику нравятся «Последние залпы» Юрия Бондарева и не нравится «Пядь земли» Григория Бакланова, он хвалит повесть Ивана Стаднюка «Человек не сдается», но у него какие-то претензии в роману Симонова «Живые и мертвые» — разве это не лоб в лоб, разве не посев распри! Я по этому поводу писал: «Что ж, в таком случае надо зачислить в групповщики, ну, хотя бы и Льва Толстого, который вообще отрицал Шекспира, предлагал исключить его из Союза писателей, и восхищался Чеховым. Так что, раскалывал мировую литературу? Сталкивал лбами двух классиков?»

А уж что писал ныне здравствующий Феликс Кузнецов в статье «По канонам мещанской литературы» о повести «Жители нового дома» молодого писателя Анатолия Туницкого, ныне покойного, это ни в сказке рассказать, ни пером описать…

* * *

«Дорогой, спасибо за поздравление.

Если сказать откровенно, я сомневаюсь, что Вы хотите меня видеть чаще, чем это удавалось до сих пор. Если ошибаюсь, значит, я счастливая.

Желаю Вам в Новом году творческих удач, радости во всем, а себе — покоя и нежной тишины рядом… Всего самого доброго. До встречи…

И.».

Маркс и Аполлон

О Винокурове можно добавить, что он был влюбчив. И признавался в этом:

Сложные и тонкие романы
Заводил я с многими из них…

Помню одну его пассию — Ларису К., живую, компанейскую, добрую душу. Отец ее, украинец, был директором крупного совхоза на Украине. С матерью-армянкой, видимо, разошедшейся с мужем, они жили на Ленинградском проспекте. Гостеприимный армянский дом. Мы с Женей частенько там бывали.

У Ларисы была двоюродная сестра Женя, по фамилии Чивиджиева. Вулканическая Лариса, озорничая с ее армянской фамилией, звала сестру Чутьживая. Она жила с матерью в старом доме в начале Настасьинского переулка, что идет от улицы Горького. И действительно была то ли анемичной, то ли слишком деликатной.

Напротив переулка в доме 19 по улице Горького, где когда-то жил Симонов, а сейчас живет Александр Проханов, тогда обитала подруга Чутьживой — Гера, дочь большого генерала Шишкина, начальника ЦАГИ. Это была статная красавица с родинкой на подбородке, которая ничуть не портила ее, а совсем наоборот. Гера заставляла учащенно биться и замирать мое студенческо-фронтовое сердце.

Я был титулярный советник,
Она — генеральская дочь.
Я скромно в любви ей признался —
Она прогнала меня прочь.

Нет, ничего подобного не было. Просто в некий час Гера вышла замуж за молодого сценариста Ч. Поселившись в прекрасной генеральской квартире, нельзя было не ощутить себя великим драматургом, и он принялся писать сценарии. Не знаю, что из этого вышло, но вскоре они разошлись. Гера осталась с девочкой. Однажды в День Победы я встретил их в парке

Горького. Через несколько лет эта девочка, ставшая весьма беспроблемной девицей, вышла замуж за известного скульптора Льва Кербеля, автора памятника Марксу на Театральной площади и многих других величественных памятников.

В 2008 году, в День Победы, как раз на Театральной, у памятника Кербеля, одна милая женщина от переизбытка чувств в такой день, увидев на моей груди ордена, расцеловала меня прямо на глазах своего мужа. А через год подала по Интернету весть: «Владимир Сергеевич, имею желание в очередной раз поцеловать вас в День Победы на Театральной». Я ответил ей:

Все помню, милая Наташа, —
Весь облик ваш, всю вашу стать.
А тот поступок, смелость ваша
Мне до сих пор мешают спать.
Знавал я женщин, был в полоне
Не раз у них, но чтоб в толпе
При Марксе и при Аполлоне,
Как на лесной глухой тропе…
Я был бы лицемер, Наташа,
Восторг свой в День Победы скрыв.
Нет ничего на свете краше,
Чем женский искренний порыв.

Да, Маркс был рядом, и Аполлон взирал с Большого театра. Не хватало только Кербеля.

Он тогда, женившись на лихой девчонке, кажется, еще не был Героем Социалистического Труда, но уже был раза в три старше нее. Это не всегда хорошо. Довольно скоро он понял, что ему гораздо лучше было бы жениться не на дочери, а на матери. И маэстро без проблем сделал это. А нас с Винокуровым терзали проблемы, которые он определил так: «Неужели я такой, как все? Неужели я не такой, как все?» Люди как люди, а я — как мыслете? Он относил такие вопросы самому себе к особенностям отроческого возраста, но, по-моему, они в немалой степени свойственны писателю всегда.

* * *

«Милый, стихотворение прелестно. Была счастлива, весенняя и влюбленная, сияла сама для себя. Несколько дней — праздник…

Благодарю Вас за радость. Я не ценитель, но у меня хороший

слух, а в Вашем стихотворении музыка, я ее чувствую. Музыка и простота.

Целую.

Ирина».

Поэты и собаки. Бунин и Островой

С детских лет я много жил на природе и привык к этому, и любил.

Жили мы в Минино — это, в сущности, деревня, за домом был пруд, по которому я плавал на плоту из деревянной двери и однажды чуть не утонул; в Раменском наш дом стоял в большом саду с высоченными соснами и кустами сирени, а совсем близко — парк с прудом, через этот парк я ходил в школу; в Кунцеве наша застекленная терраса выходила в большой фруктовый сад; и в Измайлове наш дом стоял в сиреневом саду, а прямо от крыльца открывалось поле, на котором весной мы ловили майских жуков, летом играли в футбол и в лапту, а зимой уходили по нему далеко на лыжах. И школы, в которых учился, стояли в прекрасных зеленых местах. Уж не говорю о подлинной тульской деревне, куда мы с сестрами уезжали к бабушке и дедушке на все лето. И всегда были у нас домашние зверушки и разные живые существа: сверчок Вася, черепаха Пашка, рыбы в аквариуме, хомячок, неизвестно куда исчезнувший, и, конечно, собаки. Собак помню всех и зрительно и поименно: в деревне у дедушки — мохнатый черный Буян, в Кунцеве — белый фокстерьер Джек, согласно семейной легенде, погибший на шоссе под колесами машины, спасая прохожего, в Измайлове — черная немецкая овчарка Найда, имевшая даже родословную, а уж на даче — несть им числа! Я даже написал о них стихи.

Поэты и собаки

Я на даче один.
Что ж, камин затоплю,
буду пить.
Хорошо бы собаку купить.

И. Бунин. Одиночество

А у нас на даче пять собак,
Пять друзей и верных нам, и милых.
Я не покупал, не приводил их,

Просто вижу: дело, брат, табак..

И теперь мы кормим их. Они
Брошены хозяевами были.
Господи, спаси и сохрани!
Вновь до «окаянных дней» дожили.

Прокорми попробуй эту рать —
Спячки ж нет у них, как у медведей.
Стали мы объедки собирать
У друзей, знакомых, у соседей…

И светлеет будто на душе.
Милосердье завещали предки.
Жаль, что нету Бунина уже:
Вместе собирали бы объедки.

Однако жизнь на природе и дружба со зверьем не уберегли меня от хвори, в детстве я не раз слышал разговоры о том, что в легких у меня «зарубцевавшиеся каверны». Откуда они? Вероятно, от отца, он ведь умер в сорок лет от туберкулеза. И в сердце врачи находили какие-то нелады. Был недолгий период в отрочестве, когда я чувствовал себя совершенно отвратительно, и помню, как однажды подумал: «Неужели так всю жизнь?» Но потом все вроде наладилось.

А тяга на природу, любовь к ней остались на всю жизнь. И потому, став членом Союза писателей, я больше всего ценил наш Союз за его Дома творчества, расположенные в прекрасных местах: в Коктебеле — у моря близ гор, в Малеевке — среди лесов и полей, в Гаграх, в Дубултах — тоже у моря, в Комарове — тоже лес… И я много ездил в эти дома, первый раз — летом в 1953 года в Дубулты, даже еще не состоя в Союзе, последний раз — в 1989 году в Коктебель. В иные года в Коктебеле бывал и весной — летом и осенью, в Малеевке — летом и зимой да еще по два срока, так что иногда вырывалось:

Живу два срока в Коктебеле. Поди, полпуда соли съел. И мне тут все осто…ли, И я тут всем осто. ел.

Но вообще-то и жилось прекрасно, и работалось хорошо. А сколько встреч, знакомств, бесед, веселых дружеских застолий! А походы в горы, в Старый Крым! А почти ежедневные лыжные прогулки в Малеевке!

Однажды встретил на лыжне Сергея Острового.

— Слушай, — говорит. — Я вчера стихи написал.

Я слушаю

— Ну, что скажешь?

— Как что? Хорошо.

— Что такое хорошо! Мустай Карим сказал: «Гениально!» Перед обедом в столовой я положил на стол, за которым сидел Островой, записочку:

С каждым днем сильней на сердце горечь,
Потому что вижу без труда:
Друг мой Островой Сергей Григорич
Гениально пишет не всегда.

* * *

30 апреля 1970-го

Дневник (новая тетрадь) начинается, к сожалению, с большим опозданием, но все-таки в весьма знаменательный день. Сегодня ровно год, как я привез из родильного дома Таню с Катей. Катюшка была маленькой-премаленькой, страшненькой-престрашненькой, жалкенькой-прежалкенькой. Роддомовская сестра сказала: «Берите. Хуже бывают».

Но характер был ясен уже тогда: нетерпеха, настойчивая, энергичная. Всего яснее и полнее характерец выражали ножки — тоненькие, красненькие, но очень крепкие, мускулистые… И вот сегодня вечером эти ножонки впервые сделали несколько самостоятельных шагов! Вообще-то она ходит давно, опираясь ручонками о стены, о мебель. А вот сегодня — безо всякой опоры!

Таня сидела на своей тахте, а я на диванчике, и вот мы стали подбадривать ее, чтобы пошла. И она, боясь, но больше радуясь, улыбаясь, смеясь, дрожа в коленочках, растопыря ручки, зашагала от меня к Тане, потом от Тани ко мне. И ей это ужасно нравилось.

Итак, человек сделал первый шаг. Куда теперь направим мы свои стопы? Прошлым летом в Опалихе, проснувшись однажды, Катя вдруг отчетливо сказала: «Где я?» Это было случайное сочетание звуков. Но вот теперь действительно, где ты, девочка, в какой мир пришла, какой в этом мире предстоит тебе путь, на котором сегодня ты сделала первый шаг?

* * *

Три года тому назад я наблюдал точно такую же картину:

внучка Манечка делала первые самостоятельные шаги, перебегая от меня к Тане, от Тани — к бабушке Вале, от бабушки — опять ко мне. И так же, как ее мама когда-то, боялась, и так же ликовала… Какая прелесть! А мы снова гадали: в какой мир она пришла? Страшно, как задумаешься…

* * *

1 мая 70 г.

Праздника ради Катя проснулась сегодня в прекраснейшем расположении духа и все утро играла пояском Таниной ночной рубашки. Она любит такие несуразные игрушки — веревочки, бумажки, пустые катушки. К игрушкам же настоящим, магазинным совершенно равнодушна. Не есть ли это признак большой оригинальности натуры?

Мама боится, что она не будет знать свое имя, т. к мы зовем ее по-разному: Катик, Катена, Кузема, из чего возник Кузя. Столяр Николай Иванович, что делает у нас в шкафу полку, так и подумал, что это мальчик Кузя.

* * *

17 июня

Какая страшная судьба! Какой рок!.. Два самых великих наших поэта в прошлом веке погибли на поединках. А два самых замечательных советских поэта покончили самоубийством. Да еще Цветаева… Да еще Дмитрий Кедрин…

* * *

26 июля 1970-го

(По соображениям несущественным для читателя, но удобным для автора хронологический порядок записей далее соблюдается не всегда.)

Время идет. Катюшка стала совсем большая, и на ее счету уже много всяких преступных деяний. В мае, когда я ездил в Минск на Всесоюзный кинофестиваль, она заперла на задвижку родную маму в уборной. Потом сломала головку у моих часов. Обыкновенные детские игрушки, всякие там куколки и собачки она не любит. Ей больше по душе какие-то палочки, тряпочки, бумажки. Кроме того, очень любит всякие эксперименты.

Например, с интересом смотрит, что будет, если мне в щи бросить ножницы.

Таня просит зафиксировать дату, когда она пошла — 13 мая. Но я считаю, что это произошло гораздо раньше, когда она уже умела ходить, но еще держалась за стены и стулья.

Сейчас мы живем в Опалихе. Сняли часть дачи: две комнаты, терраса, огромный чердак, где живу и работаю я — 240 руб. Катюша здесь выросла, загорела. Ее любимое занятие — рвать клубнику или вишню. Кое-что лепечет. Меня зовет «дядя». Сегодня впервые видел, как на просьбу Тани поцеловать, она ее поцеловала, а меня не захотела.

Недавно, возвращаясь с ней от Вячеслава Алексеевича и Зои, которые живут на этой же Московской улице в Опалихе, я опросил десять повстречавшихся нам людей: «Кто это — девочка или мальчик?» Только одна старушка усомнилась: «Неужели девочка?» Остальные без колебаний говорили: «Конечно, мальчик!»

4 сентября

Давно хочу разобраться с известным стишком «Прощай, немытая Россия», который втемяшивают нам с детства. Я уверен, что это не Лермонтов. В самом деле, ведь какое диво: еврей Гейне прощается с Германией нежно: «Ade, mein schones Vaterland!». А русский Лермонтов с Россией — хамски: «немытая»? Но какой стон поднимут все лермонтоведы от Ираклия Андроникова до нашей соседки Эммы Герштейн! Ведь все их «ведение» на этом стишке стоит.

10 сентября 70. Опалиха

У Кати появилось новое слово — «ап!». Оно означает совершение действия, окончание его. Схватила что-то — ап! Бросила что-то — ап! Преодолела препятствие — ап!..

На задворках, на ничейной земле мы с ней собирали малину. Я срывал по две-три ягоды какие получше, и клал на ладонь, и она брала их с ладони своими теплыми губенками, как какая-то прирученная зверушка.

Еще у нее есть слово «а!». Им она выражает восхищение, одобрение. Ужасно любит мыло — не мыться им, а играть, тискать. Из пищи особенно выделяет черную (зернистую) икру и помидоры.

13 октября 70. Опалиха

У Кати появилось много новых слов. «Ка-ка-ка» — это куколка, «ава» — собака и др. Но главное слово у нее сейчас, которое

она произносит чаще всех остальных, — «кава». Кажется, оно возникло из слова «козявка». Она часто слышала его, когда мама чистила ей ватным жгутиком носишко. Конечно, она говорила о козявках как о чем-то неприятном. И вот теперь у Кати «кава» — это все неприятное, страшное, пугающее. Что-то мешает в ботинке — кава! Нашла рваные носки — кава!

Что-то страшно гудит за стеной — кава! Она по-прежнему большая трусишка. Таня говорит, что ни за что не останется одна в комнате, но я не замечаю.

Вот пылесос она действительно боится по-прежнему. Недавно он стоял в моей комнате у стола, и я решил проверить — может, уже не боится? Катя стояла рядом, тут же у пылесоса валялась ее кукла. Я включил на секунду — вроде ничего, еще на секунду — опять ничего. Тогда я включил совсем. И она закричала, заплакала по-прежнему и бросилась от пылесоса бежать. Но при этом все-таки не забыла и не побоялась наклониться к пылесосу и схватить свою куклу и уже с куклой бросилась наутек Это преодоление страха во имя дружбы, эта верность товарищу в маленьком сердечке очень тронули меня.

Она сейчас уже все понимает. Стоит нам в разговоре употребить слово «щетка», как она бежит к зеркалу и тащит платяную или обувную щетку. Вот Таня рассказывает мне, что она сегодня вдруг опять принялась ползать — и Катя тотчас ложится на пол. Все понимает и очень сердится, когда не понимают ее.

25 октября 1970. Опалиха

Позавчера у Кати вдруг началась рвота, а потом температура подскочила до 38,4. Стала тихой, вялой, закапризничала. Смотреть было жалко. Ночь спала плохо, часто просила пить. Она это желание выражает тем, что дует: фу-фу-фу… А утром стало гораздо лучше. Днем уже бегала, смеялась, лепетала свое «ай-яй-яй!». Теперь это ее главное слово. Было «а-а-а» — оно выражало всякое желание и восторг, радость. Потом стало «ап!». И вот «ай-яй-яй». Вначале оно было связано лишь с внезапной мокротой штанишек и означало сожаление по поводу этого печального обстоятельства. Потом стало знаком всякого сожаления вообще. А теперь, пожалуй, и не только сожаления, оно стало многозначным, зависит от ситуации, события и от Катиной интонации. Произносит она это очень забавно: качая из стороны в сторону головой, а то и всем туловищем, переступая с ноги на ногу: «Ай-яй-яй!..»

Как выразить отсутствие желания, отрицание, она освоила давно: отрицательно трясет головой, говорит «Не, не!». И даже, не умея ответить утвердительно, но желая все-таки как-то ответить,

она и там, где следовало сказать «да», говорила «нет». А на днях научилась говорить «да». Мы с ней гуляли часа два в сквере возле дома. Она ужасно ластилась ко мне, прижималась мордашкой, тыкалась в колени. Я спросил: «Любишь гулять с тятей?» И она вдруг ответила: «Да!» И теперь уже на многие вопросы отвечает так «Любишь тятю?» — «Да!». «Пойдешь гулять?» — «Да!»

Октябрь 1970 г.

У Кати наступил рисовальный период. Она уже разрисовала всю дверцу холодильника. Какой умный ребенок — понимает, что с холодильника очень легко стереть. Вот бы кому за такую сообразительность — Нобелевскую премию!

2 ноября

Наткнулся в столе на письмо, присланное через «Литературку» еще в 52-м году. От Пирожкова! Он жил, если жив, и сейчас живет в Мосальске, где формировалась наша рота. Пишет как давнему «дорогому другу», фронтовому товарищу, рассказывает о дочерях: одна в Ленинграде кончает иняз, другая живет замужем в Черняховске (Инстербурге), памятном для нас по 45-му году в Восточной Пруссии. Ах, гад!.. Молится ли он на нашего ротного Требуха за то, что там в В.П. он его под трибунал не отдал? Это лучше не вспоминать. Под такими воспоминаниями о войне — «хаос шевелится». Но сын его, матрос, погиб на войне. Наверняка он не все знал о своем отце. И слава богу…

* * *

«Милый Бушин!

Уже несколько дней я живу среди сосен и сирени. Идут дожди, живу, дышу, почти радуюсь. И думаю о Вас, и улыбаюсь при этом, может быть, глупо. Иногда удираю от всех своих и брожу одна по дачному поселку.

Вам не завидую, а разделяю Вашу радость от Крыма, от моего любимого Кара-Дага. Недавно прочитала интересное у Моруа. Увидимся — расскажу.

Всего хорошего, Бушин, милый.

Если захотите, увидите меня скоро.

Ирина».

P.S. Когда виделись последний раз, потеряла серьгу с бриллиантом. Вот что значит грешить даже в помыслах…

И.».

Две потери в один день

Женщина сережку обронила,
На свиданье тайное спеша.
Целый день она себя бранила,
Ангельская грешная душа.

— Так тебе, беспутная, и надо, —
Все твердила бедная со зла.
И снедала душу ей досада,
И несчастней всех она была.

Но при этом — всех счастливей женщин,
Потому что милый уверял,
Что в тот день он потерял не меньше —
Разум свой и сердце потерял.

* * *

Все женщины, оставлявшие след в душе моей, были прекрасны. Ни одной стервозы или склочницы, ни одной сквалыги или зануды, ни единой тупицы или сплетницы, скандалистки или шантажистки. Я уж не говорю о женах, которых небеса дарили мне. Красавицы, умницы, загадочны, как пушкинские русалки, что почему-то «на ветвях сидят», хотя им полагается быть в реке. Вот и жены мои — из вод. Одна явилась из Патриарших прудов (Ермолаевский переулок), другая — из Чистых прудов (Телеграфный переулок), третья — с Камчатки, то ли из Берингова моря, то ли из Охотского. Словом, ни одной Ксантиппы, а сплошь — Февронии. Повезло. И еще как!

Встреча с нобелиатом

4 ноября 70. Опалиха

Позавчера встретил Солженицына. Спускаюсь по эскалатору на пл Маяковского, гляжу, а он поднимается. Надо вернуться, думаю. Ведь ни разу в жизни лауреата Нобелевской премии не видел в натуре. Поднялся наверх. Вижу, он стоит у турникета. Вроде замок у портфеля поправляет. Портфель здоровенный, как у меня, только новенький и, видать, туго набитый. Уж не нобелевскими ли долларами? Сразу подойти не решился, думаю, на улице лучше будет.

Ладно. Иду за ним. Одет он хорошо, современно: добротные зимние ботинки, узенькие штанишки, коротенькое светлое пальтецо переливает разными оттенками, прекрасная меховая шапка. Идет он ходко, шагает через две ступеньки вверх, должно, торопится.

Вышли на улицу Горького. Пошли к Пушкинской. Тут где-то возле магазина «Малыш»,т. е. в самом начале пути, я поравнялся с ним и окликнул:

— Александр Исаевич?

Он встрепенулся, посмотрел на меня несколько мгновений и сказал:

— Извините, что-то не припомню.

Мне это показалось странным и даже обидным. Когда на обсуждении его «Ракового корпуса» в Союзе писателей я первый раз подошел к нему, то не успел представиться, как он сам воскликнул:

— Бушин!

Я удивился и спросил, как он узнал.

— Да ведь в журнале, где ваша статья, есть фотография. Это не уменьшило моего удивления, ибо фотография в

«Подъеме» была с почтовую марку и давняя, я там без бороды, а сейчас-то подошел к нему с бородой, и, однако, узнал.

«Ну и хваткий глаз!» — подумал тогда.

Узнал он меня и позже возле «Пекина».

А тут — не узнает!

Видимо, дело в том, что сейчас все знакомые и все человечество делятся у него на две противоположные половины: одна поздравляет с премией, другая не поздравляет. И те несколько мгновений, что всматривался в меня, он еще и ожидал: вот брошусь я жать ему руку и поздравлять. Увы, не бросился.

И это с самого начала определило его отношение ко мне. Я назвался и напомнил, что вот здесь, неподалеку мы однажды уже встречались.

— Да, да, — вспомнил он, но руку, как тогда, все-таки не протянул.

— Где печатаетесь? — спросил.

— В «Советской женщине».

— В «С. ж»? — переспросил недоуменно.

— Да, — сокрушенно подтвердил я.

— Какая у вас линия? — с прямотой прокурора спросил он.

Хотел я ответить: «Антисоветская. А у вас?» Но не сказал, а начал что-то городить о том, что время сложное и в одном слове свою линию не выразишь.

— Выразите в десяти словах, — снизошел лауреат.

Меня такой прокурорский тон уже начал злить, а он продолжает:

— Что делаете для будущего?

* * *

Знал бы он, какое будущее нас ждет и какую книгу я о нем напишу. «Гений первого плевка».

* * *

Ноябрь 1970 г.

Мишка Фоменко пишет из Равалпинди: «Этому «фую» — как он придумал в «Иване Денисовиче» — здешние газеты отводят передовицы и сравнивают его с Толстым, с Данте. И гадают, как ему вручат 78 тыс. долларов Нобел. премии, как он отпразднует это в кругу друзей на даче Ростроповича».

Господи, даже в Пакистане! Ну, какое им-то до этого дело?

* * *

3. XII.70, четверг

Катя растет большой ябедой. Стоит бабке на нее прикрикнуть, как она бежит ко мне: «Папа! Папа!» Стоит мне ее шлепнуть, бежит к Тане: «Мама! Мама!» Таня ее приструнит, бежит к бабке: «Баба! Баба!»

Появилось много новых слов. Наконец-то стала говорить «Мама». «И-и-и» означает все маленькое (ложку, гранат, куклу), «О-о-о» — все большое.

С 24-го по 29-е мы были с В. П. Друзиным по делам Союза писателей в Самаре. Я привез оттуда отличные легкие санки, в Москве таких нет. А в мое отсутствие Таня за 35 р. купила Кате славную цигейковую шубку. Шубка голубоватого цвета и очень идет ей, сероглазой блондиночке. Она ужасная модница, все новые вещи доставляют ей прямо-таки дикий восторг. Глядя на новую шубку, она и ручками потирает, и ножками топает, и ни за что не хочет с ней расстаться. Первые дни даже клала ее рядом с собой в постель, ручку положит на нее и только так засыпает.

Сарнов, Астафьев и Буцефал

Так вот, еще о Домах творчества.

21 сентября 1971 года я писал в Москву жене и дочери:

«Курочки мои!

Вот я и в Коктебеле. Доехал хорошо. Почти весь вагон ехал туда же, все знакомые. Комнату мне дали, как и в позапрошлом году, прекрасную — в каменном четырехкомнатном коттедже. Все удобства, полная изоляция. Только уборную и умывальник делю с Крупником и его женой. Большую часть дня на моей террасе будет солнце, но сегодня его почти не было.

Все время стояла 30-градусная жара, а сегодня вдруг пасмурно и ветер. Надеемся, это ненадолго. Обед сегодня был отличный. На рынке еще не был, но на почту заходил, купил 17 открыток для вас.

Пишите. Да! Я заказал «книга — почтой» словарь языка XVIII века. Принесут — заплатите.

Целую. Папа».

От письма веет полным довольством и Домом творчества, и от пребывания в нем. А вот с каким отвращением писал о наших Домах критик Сарнов, которому омерзительна не только Советская власть, но и все, что ею порождено или просто одновременно существует. В книженции «Перестаньте удивляться!»(1998) он пишет сперва о Доме в Малеевке: «Дом, как и все такие дома, был привилегированным. Попасть туда даже члену СП было не так-то просто. Борьба за путевки шла отчаянная». И с кем же ты отчаянно боролся, Беня? У кого так часто вырывал путевки для себя и супруги? Ответить ему нечего, ибо соврал.

«Существовала табель, по которой секретарям, членам парткома путевки выдавались в лучшие месяцы года, другим же — когда дом пустовал». Во-первых, дом никогда не пустовал. Во-вторых, подобные табели существуют в обоих полушариях и всегда были, это не советское изобретение. Но я, например, никогда не был не только членом парткома, секретарем или лауреатом, но хотя бы членом бюро секции критики, а путевки получал всегда, надо было только не прозевать срок подачи заявления. И тут я — типичная фигура. А секретарей-то, допустим, Маркова или Гранина, я в Домах творчества и не встречал, они ездили в цэковские санатории.

Вот так же врал Беня, что после войны фронтовиков принимали в вузы без экзаменов, и потому они преградили его великому таланту путь в МГУ. Я, фронтовик, метался после войны и поступал тогда, в 46-м году, сразу в Энергетический,

Медицинский, Литературный и Юридический — и всюду держал экзамен, кроме Юридического, поскольку там были те же экзамены, что я уже сдал в Литературном, и мне их перезачли, к тому же речь шла об экстернате.

«Урвав наконец с бою свою путевку, вы приезжали в этот привилегированный Дом, где вас ожидало множество чисто советских гадостей: принять душ было невозможно, ванну тоже, поскольку вода была только холодная, а если и появлялась горячая, то была цвета конской мочи». Из этого видно, что Сарнов урывал с бою какие-то люксовские номера с ваннами. Я в таких никогда не жил и не подозревал об их существовании в наших Домах. Я благополучно пользовался душем, в работе которого, конечно, иногда случались перебои. А где их нет? И надо бы знать Сарнову, что моча любого сивого мерина и даже знаменитого благородного Буцефала примерно такого же цвета, как моча и критика, члена Союза писателей, собственная.

«В комнатах тоже все (!) было далеко от идеала». Всю жизнь он тоскует об идеале, но не видел, что, допустим, пол, потолок, стены, окна в Домах творчества были очень близки к идеалу. А все никогда не может быть в совершенно идеальном состоянии, это к 80 годам любой человек даже при большом тупоумии может знать.

«В пятирожковой люстре в лучшем случае горели две лампочки». Люстры да еще пятирожковые? Нет, он действительно урывал какие-то люксовские номера. Я ни разу не жил в таких.

«Люди опытные привозили с собой несколько лампочек». Назвал бы хоть одного. Сам-то сколько лампочек привозил? И вот представьте: едет, допустим, помянутый Мустай Карим из Уфы, а в кармане у него лампочки…

«Пить воду из графина было все равно, что пить из унитаза». Видимо, Сарнов никогда не спускал за собой воду, а ведь если спускал, то мог бы и пить.

«Белье меняли только по большим праздникам». То есть на Новый год, 1 мая и 7 ноября, да? Но вот рассказывает, что прожил в Коктебеле два летних месяца, там никаких больших праздников. Можно себе представить, в какое состояние он привел свою простынку! А наволочку? Вся в соплях! Ах, антисемиты проклятые! А вот мне во всех Домах всегда меняли белье еженедельно.

«Но самой большой гадостью была еда». И что, люди опытные привозили еду с собой? Украинцы — поросят, дагестанцы — баранов, москвичи — кур… Тут их и резали, и жарили. Так?

Для выразительности Сарнов приводит цитату из известной фантасмагории Д. Оруэлла, уверяя, что в наших Домах именно

так и было. И первая же фраза — вранье: «Очередь за обедом продвигалась толчками…». Никаких очередей в наших Домах не было. Когда мы приходили в столовую, закуска и третье блюдо уже стояли на столах, а первое и второе разносили любезные официантки.

«Особенно отвратительны были изо дня в день повторявшиеся «кнели паровые». Нет, должно быть, Сарнова почему-то не кормили в Домах творчества и он ходил в какую-то забегаловку, где и пожирал ежедневно эти кнели. А для всех остальных существовала достаточно разнообразная система заказов на первое и второе.

И вот убийственный итог: «Академики и членкоры любили писательские Дома творчества». Помилуй Бог, да за что же любить эти жуткие Дома, в которые надо ехать со своей едой, с лампочками, простынями, где из крана течет вода цвета мочи Сарнова, но не горячая, как у него, а холодная, где что ни день извольте есть такие кнели, что после них не тянет к Нелли — за что? За что и сам-то любил их? А ведь любил, коли ежегодно жил там месяцами. Там, умываясь лошадиной мочой, и сочинял свои паскудные книги.

И ведь так этот литературный прохвост, страдающий недержанием, пишет не только о Домах творчества, — о всем нашем Советском Доме, который для этого засранца не что иное, как «срань» (с.119).

И вот любопытно! Виктор Астафьев — человек совсем иного жизненного опыта, другого облика. Общего с Сарновым у него только одно — ненависть к Советскому времени. И этого тут достаточно: Астафьев так же поносил наши Дома творчества, так же врал о них.

* * *

4 января 72

Михалков в своем «Фитиле» высмеял тех, кто кожно-венерологический диспансер назвал именем Короленко. Я ему написал, что да, вроде несуразно, но этот диспансер писатель, хорошо знавший сию жуткую проблему по Якутии, основал на собственные средства. А богачом он не был. И уж тут ничего смешного. Сегодня он прислал ответ «Ну, а может быть морг имени кого-то, или баня, или кладбище, или вытрезвитель?»

* * *

Тогда я этот вопрос пропустил, а сейчас назвал бы морг им. Горбачева, вытрезвитель им. Ельцина, кладбище им. Чубайса…

* * *

«Господин Короткая Память!

Поздравляю тебя. Желаю радостей и удач во всем. И солнышка — в любое время года… Прощайте…»

Какая радость — пускать кораблики

7. I.1971 г.

Сегодня Катя освоила один падеж Раньше на вопрос «Чей это носик?» она отвечала: «Катька». А сегодня говорит «Кати», да еще налегала на окончание: «Кати-и». И видно было, что она старается это запомнить и освоить.

Новый год мы встречали у Ивановых, там и ночевали, брали с собой Катю. Она поразила всех своей воспитанностью. Поела и легла спать на огромную кровать, в которой совсем затерялась. Никому не мешала ни Новый год встречать, ни спать. Проспала, как всегда, часов до 9. А утром сказала новое слово: «мой», но произнесла как «май». Правда, потом забыла.

Сегодня Таня и бабушка купают ее. Ужасно стала бояться купания. Но сама зовет в ванную, видно, что хочет преодолеть страх, но как только пускают воду — крик и слезы.

Она уже все-все понимает. «Поди принеси мне маленькую ложечку». Пойдет на кухню, откроет шкаф и принесет именно маленькую ложечку.

Очень любит помогать бабушке и маме по хозяйству: убирать постель, подметать и т. д.

15. I.197 1

Сегодня во многих отношениях знаменательный день. Во-первых, с утра до прихода Тани мы были с Катей одни. Благодаря моему неусыпному вниманию она ни разу не сделала пипишки в штанишки. Потом во время гуляния в сквере ее поцеловал в правую щечку мальчик Паша, который моложе ее на четыре месяца. Это произвело на Катю огромное впечатление. Вечером мы все втроем ходили на «Динамо», где я после ужасно долгого перерыва впервые встал на коньки и сделал 10 кругов. Так она несколько раз вспоминала об этом первом поцелуе мальчика, показывая рукой на щечку, и издавала крики.

А позавчера Катя порезала указательный пальчик, сунув его

под нож, когда Таня резала хлеб. Вечером же я прищемил ей этот же пальчик дверцей кухонного шкафа. Больно ей, должно быть, не было, но выступила кровь.

29. I.71

У Кати то и дело прорываются совершенно неожиданные и довольно сложные слова. Таня принесла какую-то покупку, завернутую в бумагу и перевязанную бечевкой. Катя встретила ее в дверях, выхватила сверток и вдруг сказала совершенно внятно: «Веревочка». Таня принесла резиновые сапожки для нее, и она опять изрекла: «Ботики». Откуда это слово? Ведь, кажется, оно и не произносилось в нашем доме. А сегодня, взяв Танину кофточку, она сказала: «Блузка». И это столь же загадочно!

Погода стоит такая, что 24-го, в день моего рождения, и 25-го мы пускали с ней бумажные кораблики в ручье перед домом.

* * *

А недавно ее трехлетняя дочка Маша, полежав какое-то время в постели с бабушкой, вдруг встала и сказала: «Спасибо этому дому, пойду к другому». И тоже неразрешимая загадка — откуда она взяла это?

* * *

30. I

Катя попила из своей обливной кружечки, поставила ее на подоконник и слегка задернула штору. Микроскопический жест, но как видно в ней стремление к порядку, основательности!

5. III.71 г.

А вот еще жест. В последний день Масленицы ехали мы в метро от мамы к Аде. Катя сидела рядом с Адой, а с другой стороны сидела незнакомая женщина. Вот она стала подниматься с места, чтобы выйти на своей остановке. И Катя легонько подтолкнула ее левой ручкой — уходи, мол, дай место моим родственникам. Никто, кроме нас, этого озорного ее жеста не заметил.

* * *

Вернулся из Терскола, где две недели роскошно катались мы на горных лыжах с Зориком Вертманом, которому по вечерам я растирал «поморином» поясницу от приступов радикулита. Приехал, сразу увидел, что Катя стала очень похожа на шустрого и озорного воробышка. Вот куры копаются в пыли, ищут что-то, о чем-то между собой ко-ко-ко да ко-ко-ко. А воробышек в сторонке, он вроде бы и не обращает внимания на кур. Но вдруг срывается с места, подлетает к курам и из-под самого носа у них выхватывает зернышко. Так и она. Слушает-слушает разговор взрослых незаметно для них. Вдруг хватает какое-нибудь словечко из их разговора и начинает щебетать, вертит его так и эдак У меня недавно утащила словечко-зернышко «Туся» — Туфя, Туша, Суся…

Очень хорошо освоила она слово «все», произнося его «те». Проснулась — те! Поела — те! Я ей сыплю с блюдечка бруснику, намереваясь кое-что оставить себе, а она требует — «те!»

В речи ее начинает проявляться понимание падежей. Раньше было только «Катя», «мама», «папа», теперь, когда надо — «Кати», «папе», «маме»…

3. V.71. Малеевка

1-го было холодно, шел снег, 2-го погода стала лучше, проглядывало солнце. А сегодня — солнце и теплынь. Хотя на берегу пруда еще лежит кусочек снега, а под купальней огромные пласты льда, но птицы просто сходят с ума, а за будкой сторожа запел соловей. Впрочем, один прохожий сказал мне, что, может быть, это скворец передражнивает. Господи! Еще есть люди, которые говорят «передражнивает». Хорошо-то как!

* * *

Когда Катя хочет, чтобы ее взяли на руки, она говорит: «На Катю, на!» Она потрогала ямку на моем подбородке и уверенно сказала: «Пупок». Новые словечки она подхватывает моментально. Я взял эластичный флакон из-под бодусана, стал запихивать в горлышко кусочки поролоновой губки и стрелять ими в Катю. «Мимо!» — восклицаю я. «Мимо», — повторяет и она.

На 1-е и 2-е Таня приезжала сюда. К Кате телеграммой вызвали Анну Фоминичну. Позвонить отсюда не удалось — автомат не работает. Как они там?

* * *

Дача — дачник жилец назван по жилью. Скворец — скворечник жилье названо по жильцу. Дело тут, конечно, в последовательности происхождения слов. А вот интересно. Скрипач — тот, кто играет на скрипке; толкач — то, что или кто толкает; трепач — тот, кто трепется… Что же такое врач?

11. VI.197 1, пятница

В конце мая ходили все втроем гулять в Тимирязевский парк На обратном пути Катя ужасно расшалилась. Придумала такую игру. Берет меня за руки и ведет по дорожке обратно. «Я тебя заблудю», — говорит. Потом бросает меня и несется к Тане вперед и кричит: «Иду, иду, иду! Бегу, бегу, бегу!»

24. VI, четверг

С 3-го июня Катя с бабушкой живут в Кратове на даче. Две недели, до 28-го, проживет там и Таня. Я был только два раза — когда отвозил и на прошлой неделе.

Сегодня поеду опять.

Желание говорить распирает ее, и она говорит: копатка (лопатка), байотка (трогая меня за бороду), нама (сама), нанишки (штанишки).

2. VIII, понедельник. Ильин день

8 июля проводил Таню в Германию и Чехословакию. 9-го поехал в Кратово с альбуцидом для Кати. И с тех пор не был в Кратове до 31 июля, т. е. три недели: вначале хорошо одному работалось над статьей о языке (для «Москвы»), а потом начался этот ужасный кинофестиваль, на котором я посмотрел 29 фильмов. Катя все время обо мне и не вспоминала, но 30-го, в пятницу, вдруг ее прорвало. Начала ко всем приставать: «Где мой папа?» Тянет бабушку: «Пошли встречать папу». Лифтерша Анна Хрисанфовна объясняет это так Все три недели я не собирался в Кратово, знал, что не смогу съездить, а как только засобирался, заскучал сильнее, так ребенок это тотчас почувствовал. Как она была рада, когда я приехал! «Папочка! Мой папочка!» — твердила все два дня, терлась об колени, обнимала. Все-таки очень это странно, неужели такая кроха уже так любит отца? Понимаю — бабушку, маму. Но ведь я с ней почти не бываю.

Залезла пальцами мне в рот, стала перебирать зубы. «Этот беий, этот беий, а этот (на золотой) бьистясий». Таня дает ей малину. Она берет одну ягодку и говорит «По-моему, она зеленая». Уже употребляет слово «кажется».

14 сентября 71 г.

В «Молодой гвардии» вышла моя небольшая, но вполне приличная книжечка «Ничего, кроме всей жизни» — рассказы о примечательных событиях в богатой ими жизни Маркса и Энгельса.

Тираж 100 тысяч! Иосиф Дик сказал, что бессмертие мне обеспечено.

17. X, Москва

Вернувшись из Коктебеля, я обнаружил великую перемену в Кате: она не только перестала бояться купания, особенно мытья головы, но и полюбила это дело. Теперь сама требует, чтобы ее мыли-купали каждый вечер. Чем объяснить эту перемену? Таня не знает. А мама (у нее Катя прожила три недели, когда Галя уезжала в Ялту), уверяет, что это она ее устыдила и внушила нормальное отношение к воде.

Я иногда говорю, обращаясь к Тане и Кате — «Курочки мои». Вчера сказал «Вы мои курочки, а я ваш петушок». Катя, видно, поняла, что значит петушок это курочка мужского пола. И вот сегодня во время купания, когда Таня ее уже вытирала, она в приливе хорошего настроения стала лопотать: «Мама — кошечка, Катя — кошечка…» На мгновение задержалась и добавила: «А папа петушок-кошечка», ибо слово «кот» ей еще неизвестно.

* * *

Недавно бабушка Валя за что-то корила Ваню: «Что ты натворил! Это же курам на смех!»

Он задумался: «Куры будут смеяться?» — «Конечно!» — «А петух?»

Как видно, реакция петуха для него гораздо важнее.

7. XI.197 1, воскресенье

— Катя, посмотри, вот бежит собачка.
— Какая собачка?
— Маленькая.
— Какая маленькая собачка?
— Черненькая.
— Какая маленькая черненькая собачка?
— Лохматая.
— Какая маленькая черненькая лохматая собачка? И т. д.

Я стою в ванной комнате у зеркала, подстригаю бороду. Катя сбоку наблюдает за этим.

— Папа, ты чего делаешь?
— Подстригаю бороду.
— Зачем?
— Чтобы она красивей была.
— Мы с мамой тебя и так любим.

7. I.197 2 г.

Сижу в своей комнате, работаю и слушаю, как Катя в кухне без конца зовет «Гуси-лебеди, домой! Гуси-лебеди, домой!..» Какая милая музыка!

* * *

В конце ноября, когда было уже холодно и грязно, мы с ней пошли в зоопарк Первым увидели гуся на дороге. Кате было очень интересно. Но она все-таки нашла в себе силы оторваться от гуся и пойти дальше. Многие звери были уже в зимних вольерах. Посмотрели и львов, и тигров, и медведей — всех. Морж — огромный, красный — энергично плавал под водой и выныривал у самой решетки, обдавая нас своим жарким утробным паром. Его Катя, пожалуй, испугалась и потащила меня к другим клеткам. Два раза по три круга каталась она на пони. Я не думал, что она решится одна, но — хоть бы что! Села и поехала. Правда, сидела очень тихо, смирно и держалась за спинку крепко.

* * *

Я рассуждаю о том, какие мы все «разноцветные»: Таня — красная, Катя — белая, я — черный и т. д. Катя слушала-слушала и вдруг говорит Тане:

— А какая у тебя морда?

13. III.72 г.

Подходит ко мне со щипцами и говорит

— А я орехи щипцаю.

Без Россий и Латвий?

15. III.72 г.

Три поэта. У каждого есть строки о национальном устройстве в будущем.

Пушкин одобрительно о Мицкевиче:

Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

(«Он между нами жил»)

Пушкин видел в будущем мирную и дружную семью народов. Есенин:

Но и тогда, когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

(«Русь советская»)

Как и у Пушкина, вражда племен исчезнет, но Русь, как член великой семьи народов, остается. А у Маяковского?

Мы живем,
зажатые
железной клятвой.
За нее —
на крест,
и пулею чешите (!):
Это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий
Жить единым
человечьим общежитьем.

(«Тов. Нетте»)

Смесительная простота на месте сложного цветения, говоря словами К. Леонтьева. Но время показало, что народы, как и люди, не хотят жить не только в общежитии, но даже и в коммунальной квартире. Все хотят получить благоустроенную отдельную квартиру.

16. III.72 г.

Сегодня мама сказала:

— Цени жену-то. Вон она у тебя какая тягущая: и работает, и дом держит, и с ребенком возится.

Кажется, первый раз слышу от нее это слово. Поразительно! В каких закоулках памяти оно у нее хранилось! И ведь сказано легко, естественно, словно живое, сегодняшнее, обиходное слово.

Смысл я понял, вернее, почувствовал. Но все-таки решил заглянуть в словари. Ни в однотомнике Ожегова, ни в двухтомном словаре синонимов, ни в четырехтомном Ушакове, ни в четырехтомном «Языке Пушкина», ни даже у Даля, ни в словаре говоров Подмосковья этого слова нет. Нашел только в Деулинском словаре: 1. Выносливый. 2. Жадный к работе.

Языки большого пожара

Заходил Гришечка Соловьев с недавним номером «Юности». Он все читает. В его квартире даже кухня и ванна завалены книгами и газетами. Оставил мне посмотреть. А перед этим вслух прочитал стихотворение Бориса Слуцкого «Розовые лошади», помещенное здесь.

До сих пор не знаю,
отчего были розовы лошади эти.
От породы?
От крови, горящей под тонкою кожей?
Или просто от солнца?
Весь табун был гнедым,
вороным
и буланым.
Две кобылы и жеребенок
розовели,
как зори в разнооблачном небе…

Тут я прервал Гришу:

— Ясно, что не от солнца. Иначе весь табун был бы розовым. От крови под тонкой кожей!

Он продолжал:

Эти лошади держались отдельно.
Может быть,
ими брезговали вороные?
Может быть,
им самим не хотелось к буланым?
Может быть,

это просто закон мирозданья? —
масть шла к масти.
Но среди двухсот тридцати
коннозаводских,
пересчитанных мною на долгом досуге…

— Да это же невозможно — пересчитать такой большой табун, ведь кони бродят.

— Не в этом дело, — сказал Гриша и закончил:

две кобылы и жеребенок
розовели,
как зори,
развевались,
как флаги,
и метались
языками большого пожара.

— Странное стихотворение, правда? Как думаешь, о чем оно?

Я рассмеялся:

— Ах, до чего красиво, какое полыхание! А думать тут и нечего, Гриша! Двести тридцать — это 230 миллионов «буланых», «коннозаводских» — это мы с тобой, а две кобылы и жеребенок — это 2,5 миллиона «тонкокожих» соплеменников Слуцкого. Это ж надо, каким Эзопом оказался Борис Абрамович. Неужели Борис Полевой не разглядел, не понял? Ведь, вроде, русский мужик. Зачем ему нужна такая эзоповщина?

— Да он не занимается делами редакции, там всем заправляет Дементьев. А что, сейчас население у нас именно 230 миллионов?

— Точно! Статистика.

* * *

Этот давний разговор и стихотворение пришли на ум, когда читал воспоминания С. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» (2001). Там автор приводит совсем иного рода стихи на эту тему своего многолетнего друга.

Он писал: «Мужественный пессимизм, прямота и бесстрашие были одними из главных черт натуры Слуцкого.

Евреи хлеба не сеют,

евреи в лавках торгуют,
евреи раньше лысеют,
евреи больше воруют.

Не торговавший ни разу,
не воровавший ни разу,
ношу в себе, словно заразу,
эту особую расу».

Да, надо иметь немалый запас «мужественного пессимизма», чтобы назвать свою нацию «заразой».

И дальше: «Помню, как в начале шестидесятых годов в одном из провинциальных городков в доме, где собиралась еврейская либеральная интеллигенция, меня, приехавшего из столицы, попросили прочитать что-нибудь столичное, запрещенное, сенсационное. Я прочитал это стихотворение Слуцкого. Помню, как слушатели втянули головы в плечи, как наступила в комнате недоуменная тишина, словно я совершил какой-то неприличный поступок…

— Это же Слуцкий! — недоумевая, сказал я. Ответом было молчание. Такой Слуцкий, нарушивший запреты на рискованную тему, был для этой местечково-советской интеллигенции неприятен, даже опасен».

Сперва я все это принял за чистую монету. Ну как же! Ведь Слуцкий ввел Куняева в литературу, долгие годы до самой смерти Слуцкого они были друзьями. Но однажды, по случаю еще раз прочитав этот пассаж, я сильно засомневался.

Действительно, во-первых, хотя в истории известны случаи резких заявлений иных писателей, философов, политиков о своей нации, но все же такие факты весьма не часты, редки, даже исключительны. И Слуцкий был таким исключением? Сомнительно. Во-вторых, почему вся история маскировочно-безымянна: автор не назвал ни «провинциальный городок», в котором неизвестно зачем оказался, и ни одного участника той интеллигентской компании, не помянул даже хозяина дома, как не указал и то, откуда взял этот стишок? В-третьих, поэтов обычно просят почитать их собственные стихи, а тут — «что-нибудь столичное». Странно. В-четвертых, а что занесло русского поэта в какую-то еврейскую компанию, которая ему так несимпатична, что он ее эпатирует? В-пятых, крайне сомнительно, чтобы человек, да еще гость в чужом доме, решился бросить в лицо этой компании стишок, «облитый горечью и злостью». Наконец, трудно поверить, что все слушатели «втянули

головы в плечи» и онемели. И уж совсем невероятно, чтобы чтец-декламатор ожидал радостной реакции слушателей и удивился: «Это же Слуцкий!..»

Да, все сомнительно… И вдруг в статье Олега Хлебникова о Слуцком («Новая газета», 6 мая 2009) читаю это же стихотворение, в котором после первых четырех известных мне строк идут такие:

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.
Я все это слышал с детства.
Скоро совсем постарею,
Но никуда не деться
От крика «Евреи! Евреи!»
Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.
Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось не лживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

Это как же понимать? Куняев сжульничал, вырвав из стихотворения восемь нужных ему строк, чтобы изобразить «прямоту и бесстрашие» Слуцкого, или кто-то (сам Хлебников?) присочинил к этим строкам еще нужных ему двенадцать? Статья Хлебникова во многом неубедительна и даже недобросовестна. Так, он счел возможным привести напечатанное в свое время В. Коротичем в «Огоньке» стихотворение Слуцкого «Тост» — об известном тосте Сталина на приеме в Георгиевском зале Кремля 24 мая 1945 года «за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа». Как известно, тост был «за ясный ум, стойкий характер и терпение» русского народа — «руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны». А Слуцкого, как и Хлебникова, не интересовал ни ум, ни характер нашего народа, он об этом и не упомянул, а вырвал только терпение. Ясно, что Сталин имел в виду наше терпение, терпеливость к тяготам и неудачам войны, а стихотворец жульнически изобразил это как терпение к руководству Сталина, которое по умолчанию считается им бездарным. Да нет, не по умолчанию! Инструктор политотдела 57-й армии, он прямо

называет Верховного Главнокомандующего трусом. Под водительством труса мы и разнесли в прах фашистскую армию, которая в две-три недели громила все армии Европы. Так вот, цитируя этот стишок, Хлебников выбросил особенно подлые слова об участниках приема Победы — маршалах и генералах, ученых и писателях, политических деятелях и трудящихся — «пьяных зал».

Да, статья Хлебникова в целом недобросовестна, лжива, но все-таки думаю, что вивисекцию стихотворения Слуцкого о евреях проделал не Хлебников, а Куняев. Не был его друг «прямым мужественным пессимистом», каким он хочет его изобразить. И стихотворение «Розовые лошади» подтверждает это.

* * *

9 апреля. Пасха

Когда утром Катя вошла в мою комнату, я сказал:

— Христос воскрес, Катенька.

— Где? — спросила она, ни мгновения не раздумывая. Словно все остальное ей хорошо известно.

Днем были у Мухачевых. Вчера по какому-то поводу Катя сказала Тане:

— Ты не права, мама.

Она, видите ли, уже выносит свое суждение о правоте или неправоте родителей.

28 V, воскресенье

Она очень не любит, когда Таня уходит на работу, и страшно радуется, если она остается дома. Перед Днем Победы Таня пришла домой пораньше, часа в четыре. Катя удивилась:

— Ты совсем пришла?

— Совсем.

— Больше не пойдешь на работу?

— Не пойду.

Восторг охватил ее. В дверях кухни она встала в позу римского сенатора и, каждый раз энергично выкидывая вперед и вверх правую ручонку с вытянутым пальцем, стала выкрикивать:

— Мама — не пойдет — на работу! Мама — не пойдет — на работу!

С каждым днем растут ее филологические интересы. Она знает многие буквы и называет их по-своему: Т — Таня, П — папа, М — мама, метро, К — Катя, Л — лягушка и т. д.

Вчера спрашивает у Тани:

— Мама, «яндыш» (ландыш) на «я»?

«Л» и «Р» до сих пор не выговаривает, отчаянно картавит, говорит «кайтошка» и «йук» (лук).

Спасский — Фишер

13. VII.72. Опалиха

В Рейкьявике начался матч Спасский — Фишер. Наум Дымарский заявил 12-го в 22, что, мол, первая партия отложена «в сложном окончании». А что там сложного? Всякий разумный человек на месте Фишера утром, не возобновляя, игры, сдался бы.

«Последние известия» по радио в 19 часов утверждали, что «по мнению специалистов, Фишеру предстоит трудная борьба на ничью». По поводу проигрыша слона (взятия пешки) Н.Д. с горечью сказал: «Это была явная ошибка». Прав Котов: «Ф. рассчитал вариант, но… не заметил в нем тонкости, которую учел его противник» («Правда», 13.VII).

14. VII, пятница

Вчера Фишер не явился на вторую партию, хотя должен был играть белыми. Ему засчитали поражение, 2:0 ведет Спасский. Я предполагал, что он может не явиться на первую партию, чтобы презрительно бросить Спасскому формальное очко, а самому действительно начать матч белыми в надежде выиграть и с выигрыша начать матч. Но Фишер на это все-таки не решился. В первой партии, как видно по игре, он надеялся на ничью и стремился к ней, и, может быть, получил бы, если бы не маниакальная жажда победы, заставившая схватить пешку *h2*. Это была не «поразительная ошибка», как пишет в «Гудке» Л. Полугаевский, а просчет — не заметил тонкости, которую заметил Спасский (Котов). Но почему же он не пришел играть вчера? Видимо, он находится в состоянии нокдауна. Но взять тайм-аут — значит признаться в этом, а большое самолюбие не позволяет ему так поступить. Но ведь страшно такому противнику, как Спасский, отдавать без боя очко. Однако страх второго поражения подряд (ночь перед доигрыванием Фишер не спал) гораздо сильнее. Оно делало бы картину уже предельно ясной: из 7 встреч 5 проиграно. После этого уже никакие фокусы не помогли бы.

Сейчас те давние три проигрыша ожили, обрели силу рока, давят на психику: ведь ни одной победы и 4 поражения. Будет ли он играть в воскресенье? Вероятно, все-таки будет, ибо в противном случае он не получит не только 47 тыс. призовых, но и 130 тыс. английского мецената.

Н. Дымарский вчера в 23 часа сказал: «Трудно подобрать слова для объяснения поведения Фишера». Ему все неясно! Как Зорину и другим. А вот Ларсен, Белица и все остальные ясно понимают: боится проигрыша и своего краха.

Вспоминаются слова М. Ботвинника: «Что будет с Фишером, когда он встретит достойный отпор?»

* * *

Спасский матч проиграл. Чемпионом мира стал Фишер. От матча с Карповым он уклонился, выдвигая совершенно неприемлемые условия. Мое недоброе отношение к нему, сложившееся по нашей прессе, потом решительно изменилось. Он был несчастный человек и ненавидел Америку, где его под конец жизни бесстыдно преследовали.

А на первом безразмерном матче Карпова с Каспаровым в Зале Чайковского я был в октябре — ноябре 74-го года пять раз. Единственный раз в жизни взял автограф у Карпова. Потом написал большую статью «Gens una sumas» об это матче и о других матчах Карпова с Корчным и Каспаровым. Статью напечатал в «Нашем современнике» № 8 за 1988 год. И был большой шорох не только в шахматном мире.

4. XI.72 г.

В этом году Катя прожила в Кратове с 13 июня по 3 сентября. Как и в том году, я увез ее оттуда на такси. С дачи привезла песенку:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.

* * *

21 сентября я вернулся из 10-дневной поездки в Берлин — Лейпциг — Дрезден. 22-го, в пятницу, Катю впервые отвели в детский сад. Вернулась она оттуда (ходили за ней мы с моей мамой) и вдруг стала лепить матери: «Бабка-паразитка». Мы замерли, ожидая худшего. Сумели сделать вид, что это ничего не значит — и она забыла. Молчание — великая сила.

А в Коктебеле было прекрасно. Закончил работу о «Прощай, немытая…». Всплывали стихи. Каждый день с 26 сентября до 15 октября купался по два-три раза. Всего — подсчитал! — 36 раз.

8. XI.72 г.

Вчера на праздник приехала мама. Сегодня, рассказывая о какой-то нагатинской девушке, сказала:

— Мать у нее родами умерла.

«Родами умерла»… Вспомнил, что у Толстого в «Анне Карениной» тоже так. Анне приснилось, что страшный мужик сказал ей: «Родами умрете, матушка, родами…»

В сущности, какое странное согласование слов. Но это-то и есть по-русски, это-то и есть дух языка, которого сейчас так многим не хватает. Ведь нынешний писатель как скажет? «Умерла от родов» или «во время родов», «вследствие родов» и

т. п. И все правильно, только не по-русски. Сильнее всего утрата духа языка сказывается сейчас не в забвении тех или иных слов (подобных «пряслу» и «шкворню», о которых печалится В. Липатов), а в забвении давних форм согласования слов — сильных, смелых, «бессмысленных»: умерла родами, теща про зятя блины пекла («про запас» осталось), кунь-у-конь и т. п.

22. III.72 г.

Сегодня Катя с Маняней разобрали, распутали и смотали в клубки шерстяные нитки, которые в полном беспорядке валялись в коробке. Когда Таня пришла, Катя сказала ей:

— Мама, а мы сегодня все нитки сколобочили.

Оказывается, М. М. говорила Кате: смотри, мол, какие у нас колобочки получаются. А уж слово она придумала сама: сколобочить. Обращаюсь к Далю, читаю у него: сколобить, колобанить — смять, свалять колобом, в колоб. Сколобанил глыбу снегу, да мах, и кинул в него; — ся: сваляться, скататься колобом. Ежик сколобанился. Нет, «сколобочить» лучше.

30. X1.72 г.

Светлана М., поэтесса лет тридцати из Липецка, с которой познакомился в Коктебеле, пишет из Саратова:

«Володя, твое непонятное мне заявление о болезни — это хохма или всерьез??? Что с тобой? Надолго ли?

Помни: я тебя больным, болящим, лежачим — не представляю.

С твоим запасом юмора, критическим отношением к потреблению алкоголя и самоотверженностью к женщинам можно напрочь забыть, что такое болезни…

Ах, Бушин… Когда-нибудь мы все же увидимся с тобой, и ты поймешь, что ни Москва, ни Саратов, ни Липецк не могут заменить ничтожного человечка земного — Светланы М. Я вся как есть — я. «Истина недоказуема!» и больше ничего.

Целую. Твой Парамошка»

6 декабря 72 г.

Опять СМ., теперь из Липецка:

«Миленький Бушин!

Конечно, на севере южные настроения притупляются — это я поняла вчера после разговора по телефону. И винить некого. Совсем некого!

А я все та же. Глупость это, несомненная глупость. И видать, при всей нашей яростной похожести друг на друга, мы — разные, такие разные, что и ближе нам быть не надо.

Приезжай в гости. Хотя бы к дню моего рождения 1 декабря, хотя бы ко 2 декабря, хотя бы к 3 декабря…

Кланяйся друзьям своим — и главному — Михаилу Фоменко.

Обнимаю и целую тебя, славного представителя русского народа.

СМ.

P. S. Здесь есть один товарищ — худший вариант Бушина по имени Владимир Сергеевич. 48-летний полковник милиции. В отличие от тебя грозится застрелить меня, ежели не оделю его тем вниманием, какого он жаждет. Хорошо бы часть его качеств добавить тебе, а твоих — ввести в него. Вышло бы то, что нужно.

Я даже показала ему тебя на фото Баренца. Он назвал твое благородное лицо бабским. Хорошо бы тебе за это отрецензировать его мужскую повесть из милицейской жизни.

Такие, брат, дела.

«.

18. I.197 3 г.

Катя ведет борьбу за 4-дневную рабочую неделю. И небезуспешно. Уже два понедельника подряд она не ходила в детский сад: устраивала такие сцены, что мы ее вынуждены были оставлять.

На днях смотрели по телевизору фильм о Париже.

Я сказал:

— Поеду летом в Париж! Катя сказала:

— А я тебя не пущу.

— Как не пустишь?

— Очень просто. Привяжу веревкой, как собаку. Таня

воскликнула:

— Катя! Разве можно так говорить!

— Ты что, шуток не понимаешь? — ответила Катя.

Будильник Катя называет гудильником. Но яблоки уже называет яблоками, а не говорит, как раньше, «амочки». И продолжает отчаянно картавить.

— Бабушка, а как бейки игяют в гаейки? (белки играют в горелки)

— Папа, дай ючку (ручку) и т. п.

11. II, Малеевка

18 января, в четверг, я зашел в детский сад проведать Катю. Оказалось, что крайне кстати: она заболела. Взяли ее домой. В ночь на субботу поднялась температура: 39,8! Я

поразился — и Таня молчит, не будит меня! Сразу позвонил в детскую поликлинику. Велели раздеть догола. Скоро явился врач. Назначила пенициллин. Сестра пришла колоть. Бедный зайчик был совершенно беспомощен и ко всему равнодушен. На укол не обратила никакого внимания. Но все-таки когда я говорил «Наш зайчик, наш мальчик попал на диванчик», она слабо смеялась. Четыре укола она приняла совершенно безразлично. Видеть это было невыносимо. Такая жалкая, такая беспомощная роднушка! И только с пятого (всего 8) укола она стала относиться к ним нормально — бояться, плакать, кричать. Как побледнела, как похудела!

Не приведи Господи, еще видеть такое.

23 мая. Малеевка

Письмо С. Викулову

«Дорогой Сергей!

Наконец-то прочитал обе твои книги. Получил истинное наслаждение. Над иными страницами, право же, хотелось плакать, а в иных местах, как, например, «Кирюхино похмелье», не мог удержаться от смеха. Ведь я полагал, что ты чувства юмора начисто лишен. А вот поди ж ты! Да еще какой юмор-то! Самый неподдельный…

Даже в частностях я нахожу много столь знакомого и дорогого. Ты пишешь с умилением о том, как мать сшила тебе пальто из своего платья — и я вспоминаю, как бабушка в деревне сшила мне первые в жизни длинные штаны. Брюки! Тебе запомнилось, как отец впервые поручил пригнать домой кобылу — и я помню, как дед посадил меня лет четырех-пяти на нашу белую кобылу, помню, где это было у избы, как стояла кобыла и

что говорил дед. Ты мысленно видишь себя на стогу, на возу со снопами, на току с маленьким по росту цепом, в лесу с корзиной грибов — во всех этих положениях вижу себя и я. Словом, читал я твои книги и испытывал живую радость узнавания, может быть, одну из самых высоких радостей, что дарит искусство.

Надо что-то предпринять, чтобы твое «Избранное» выдвинули на премию. Это весомое слово русской поэзии. Но кое-какие стихи из цикла «Природа-мать» я исключил бы. Вот эти, например:

Плевать мне на прелести юга,
Соседушка! Мне не нужны
Ни лежбища праздного люда,
Ни плеск черноморской волны…

Это совсем не то, что у Исаковского:

Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна —

это чужие края. А тут ты говоришь о нашей советской земле и обижаешь многих. Во-первых, тех, кто во время своего отпуска приехал погреться на солнышке да покупаться в дни своего трудового отпуска. Это вовсе не праздный люд, а такие же трудяги, как мы с тобой. Во-вторых, разве так можно — плевать мне? Представь, что Исаковский в свое время написал бы:

Начхать мне на берег турецкий,
На Африку мне наплевать…

Даже о чужбине так нельзя. А ведь ты нечто подобное о наших советских краях говоришь.

Да и подумай: Пушкин воспевал черноморскую волну, восхищался ею:

Прощай же, море, не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго помнить буду
Твой шум в вечерние часы…

А советский поэт Викулов хочет в эту волну плюнуть. Это дико противоречит всему циклу с его заботой о природе и

любовью к родной земле.

Не стал бы включать в книгу и «Разговор с попутчиком», где ты опять-таки жителю юга лепишь в глаза:

Ваших, коль молва не врет,
На работе дрожь берет.
А у наших пышут лица
От жары — не похвальба —
Наши в стужу рукавицей
Утирают пот со лба…

Нет, ты уж не хитри, это настоящая похвальба. И не к чему, Сережа, деление на «наших» и «ваших». И потом, разве это довод — «коль молва не врет». А вдруг да врет, а ты уже обидел людей?

Я не видел, как работают грузины или армяне, но нет сомнений, что труд виноградаря или чаевода не легче наших северных работ.

И кончается стихотв. неудачно:

А короче — хватит хаить
Край наш — не было б беды.

Если какой-то С. Макаровский хаит, то, конечно, ты обязан свой край защитить, но унижать при этом людей, среди которых он живет, может быть, лишь случайно, не следует.

В стихотв. «Вам, Роберт, Гера, Феликс» я заменил бы имя Ибрагим, ибо оно весьма популярно на нашем советском востоке. Помню, как на одном пленуме Союза кинематографистов представитель какой-то среднеазиатской республики возмущался названием фильма «Ко мне, Мухтар!». Так названа собака, а на востоке это имя святого. Да и вообще давать животным человеческие имена негоже, но это укоренилось давно: «А Васька слушает да есть», медведь — Мишка, лиса Патрикеевна и т. п. А остальные имена действительно весьма экзотичны и чужды русскому уху. Но в то же время можно назвать немало весьма достойных людей с такими именами, хотя бы Феликс Дзержинский. Впрочем, он же поляк И отличается от Феликса Кузнецова не только этим. И Роберт Рождественский хороший поэт. «Мы долгое эхо друг друга» — это замечательно! Словом, с именами не следует быть столь решительным и прямолинейным, но, конечно, естественней видеть у русских людей русские имена.

«Я не то еще сказал бы — про себя поберегу», ибо ты главный редактор, и у тебя лежит моя рукопись».

8 апреля Викулов написал: «Дорогой Володя! Мне понравилась твоя дотошность. Критик в тебе все-таки сидит. Вернее, не сидит, а рвется наружу. И я сдаюсь! Хотя «обсохнуть» (?) в таком значении мне не нравится».

Первые загадки бытия

17. VII.73

Катя сейчас снова в Кратове, и, кажется, стала лучше — лучше ест, вид здоровее, резвая, бегает.

Она освоила «р», но при этом приносится в жертву буква «л»: говорит «рандыши», «арочка», «пожаруста», «рапы»… Помню, что и Сережка говорил «рапы». Видимо, она сейчас проходит ту же стадию.

Как она скучает о Тане и обо мне! Я приехал в пятницу, 13-го, она кинулась, обнимает, целует, шепчет на ухо: «Я тебя люблю больше всех!» Потом стала пытать меня: «Кого больше любишь — меня или Машу?» И даже — «меня или маму?» Я говорю: вы обе мои любимые курочки, обеих люблю, но это, видно, не удовлетворило ее.

22. VII, воскресенье

Вчера был в Кратове. Подошел к даче, слышу — плачет Катя. Бросилась ко мне вся в слезах Маша не читает ей книжку! Потом мы с ней гуляли. Я спрашиваю:

— Ну, как вы тут живете?

— Вчера, — говорит, — мы весь день спорили о боге.

— О чем? — опешил я.

— О боге, — отвечает очень спокойно. — Маша говорит, что бога нет, а Маняня говорит, что есть. И я говорю, что есть. А ты как думаешь — есть? Ты веришь богу?

Я ответил, что, мол, станешь побольше, тогда поговорим, но она все настаивала: «А он строгий? А как он на небе живет?»

Для нее, конечно, это нечто сказочное, очень интересное, и ей интереснее в это верить, чем не верить.

* * *

18 марта 2012 года А. А. Сидоров, геолог, членкор, давний собрат этих лет по ненависти к контрреволюции, прислал свою книгу воспоминаний. И там есть его реплика покойному ак В. Гинзбургу по вопросу о религии, в которой приведены слова Паскаля: «Атеизм свидетельство ума сильного, но

ограниченного». Но ведь неограниченных умов, способных постичь все, не существует.

Что такое Бог? Каков он?

У Него четыре главных ипостаси: Он, во-первых, вездесущ, во-вторых — всеведущ, в-третьих — всемогущ, в-четвертых — всемилостив. То есть все знает, все видит, все может и всем сострадает.

И вот кто бы объяснил, как при таком-то «наборе» благодатей и возможностей столько творится ужасов, так страдают и гибнут ни в чем не повинные люди, безгрешные дети — и ни защиты, ни возмездия. Это-то и смущает человека с отзывчивой душой, с чутким, соболезнующим сердцем.

Сентябрь 1973 г.

Прислал письмо Нурдин Музаев, роман которого «В долине Аргуна» я перевел с чеченского. Очень я оживил это сочинение…

* * *

«22.7.73

Бушин!!!

Ты жив, оказывается.

Вот и Евтушенко, о котором ты пишешь, — живой поэт. Живой! Пусть даже со всеми своими «случайными половыми связями», лишь бы не с неслучайной импотенцией, что сильно распространилось ныне среди писателей. Все хорохорятся, делают вид, что все в порядке, все нормально, а на самом деле — прости меня — на месте этого самого порядка — мошонка. А Евтушенко тут всем нам даст сто очков вперед. Малый делает дело. И все тут. Хоть лопни. Работает.

Это вовсе не значит, что я взяла Евтушенко в учителя, но у него есть то непрерывное заземление, которого не хватает многим.

Вова! Видел мою подборку в «ЛитРоссии»? Что скажешь? Хоть немного, но откликнись.

А старец мой помер. Вдовствую. И пью из черепа. Аминь!

СМ.».

О, как это было давно!

1. I.197 4 г.

Ну и Новый год! На улице ручьи, в скверах зеленеет трава. +20! Но сегодня обещали, что ночью похолодает до -10.

Новый год встречали дома. Кажется, впервые за много лет. Была только Мария Михайловна. В минувшем году самым крупным событием в Катиной жизни было, вероятно, путешествие в Крым.

11 сентября мы выехали туда поездом. Ехали в мягком вагоне втроем, и все было очень хорошо. В Симферополе сели на троллейбус — и до Алушты. Там на остановке нас встретил со своим «запорожцем» Алексей. Прожили у него 8 дней в большой комнате с видом на море и на горы. Каждое утро отправлялись на пляж или побродить по городу. Вода была уже холодная, но я Кузю купал до пяти раз подряд, держа ее на руках. Она, конечно, визжала, но потом очень гордилась, что «купается». В парке катались на самолетиках. Мне было ужасно страшно, а ей — не пойму. Я готов был кричать, чтобы остановили колесо.

20-го утром, когда, кстати, улегся шторм, мы сели на катер «Александр Грин» и распрощались с Алуштой, с Павловым. Шли мы до Судака, но там оказалось, что катер идет до самого Планерского. Море все-таки штормило, и волны были большие, сильно мотали катерок Потом мне было не слишком уютно, а Кузя вообще в Судаке больше не хотела садиться на катер, но пришлось. Всего прошли по довольно бурному морю четыре часа. И Кузя хоть бы что, а Таню едва не укачало. Потом Катя поддразнивала Таню:

— Прокатимся на катерочке! — И звала на «Витю Коробкова».

Так что добрались мы до самого Коктебеля. Сначала нас поместили в 9-й корпус. Но ночевали только одну ночь. Я добился перевода в корпус 16, комнату 3 — там я жил в прошлом году. И в этой комнате мы прекрасно прожили до 8 октября, когда Таня и Катя уехали. Купались (Катя только окуналась иногда), ходили на могилу Волошина, в Мертвую бухту, в Лягушачью. Жаль, что не сходили на биостанцию или к Чертову пальцу хотя бы. Ведь там открываются такие виды!

8-го я проводил своих курочек в Феодосию, посадил в поезд, а сам прожил еще в Коктебеле до 14-го.

9-го с Натальей Николаевной Канатчиковой ездили в Старый Крым. Были в домике Грина, ходили в армянский монастырь. Я там бывал в прошлом году, но в этот раз побродили по Старому Крыму как следует. Какое отрадное впечатление тишины, уюта, покоя. Там хорошо бы пожить, поработать.

А вечером были в ресторане на берегу моря.

Послушай! О, как это было давно…

Такое же море и то же вино…

11-го на даче у Наташи Шульц были проводы Нат. Ник, а 12-го утром она уезжала — я пришел проводить ее к автобусной

остановке. Мы расцеловались, и она уехала.

21. II.74. Москва

Звонок Открываю дверь. Стоит старушка (лет 65–68) с двумя сумками минеральной воды.

— Купите!

— Какая это?

— «Ессентуки-17».

— Сколько стоит?

— 30 копеек

— А в магазине 22?

— Да.

Мне сейчас прописаны 17 и 4. Взял две бутылки.

— Возьмите еще.

Взял еще одну. Итак, старушка нажилась на мне на 24 коп.

Потом весь день сердце сжималось от жалости и от сожаления, что не взял хотя бы 7–8 бутылок

А сколько она может их унести? Я хожу в магазин минеральных вод у 50-й б-цы, и больше 10 бутылок нести тяжело. Сколько же она может заработать в день? 80 коп.? Рубль?

21.30

Слушаю передачу «Немецкой волны». В интервалах поет Окуджава. Только что спел про Леньку Королева. Эту же песню сыграли они и после сообщения о высылке Солженицына: «Извините, я Москвы не представляю без такого, как он, короля». Начали чтение «Архипелага ГУЛАГ», слушал 5-ю и 6-ю передачи.

22. II.74

За обедом я завел ни с того ни с сего разговор о Тамаре: люблю иногда «завести» мамашу, а это — верный способ. Она вспомнила и Тамару, и других, а в конце сказала: «Тебе твоего греха не проспать!»

Зачем Лютер вступал в союз писателей?

23. II. 22.30

Сегодня «Немецкая волна» закончила чтение «Архипелага ГУЛАГ». Завтра будут передавать отзывы о нем. Я прослушал 7 или 8 передач. Видимо, это дает достаточное представление о книге. Вот на какие мысли она наводит. Прежде всего о роли самого АС. Он предстал перед нами в свое время как «жертва культа личности» и его беззаконий. Теперь же очевидно, что к его аресту, лагерю, ссылке вполне применимы слова Наполеона,

которые он сказал, узнав об аресте и расстреле принца (герцога) Энгиенского: «Возможно, это было преступлением, но это не было ошибкой».

Начав с обличения культа личности, он теперь вопреки своей воле его обеляет, ибо на его собственном примере видно, что сажали отнюдь не только и не всегда невиновных. Этот — враг «отъявленный и давний».

В письме IV съезду писателей он писал, что был посажен «за критику Сталина». Но Сталин был Верховным Главнокомандующим Красной Армии, а Солженицын — ее офицером. Офицер, «критикующий» (да тут не критика, а поношение, клевета, подрыв авторитета) своего Главковерха во время войны, не только может, но и должен быть наказан по всей суровости военного времени. (Солженицын арестован в 45-м.)

Сразу после войны он и его единомышленники по лагерю называли близорукими глупцами Рузвельта и Черчилля за то, что те позволили нам укрепиться в Восточной Европе, имея атомную бомбу, не воспользовались этим преимуществом. Таким образом, Солженицын подрубил, срезал даже тот сук, на котором сидел.

Второе. В лагерях, тюрьмах, как он описывает, столь ужасно, это такой ад, что совершенно непонятно вот что. Он пробыл там в общей сложности (лагерь, тюрьма, ссылка) одиннадцать лет. Как после 11 лет этого ада можно сохранить столько энергии, чтобы писать огромнейшие сочинения («Раковый корпус» — 25 л., «В круге первом» — 35 л, пьесы, киносценарии, рассказы), вести активнейшую публицистику, разойтись с женой, жениться еще раз, родить — на шестом десятке! — троих детей и т. д. Напрашивается вывод: или условия там были не таковы, как он их описывает, или он не вкусил от них того, что можно было бы ожидать.

Другие соображения. Комментатор «Немецкой волны» (Кирш?) сравнивает Солженицына по стойкости и непримиримости с Лютером. Но зачем непримиримому Лютеру было вступать в Союз писателей, который ведь имеет определенную идейную основу, не разделяемую и даже отвергаемую Лютером. Если он Лютер, то Мишка Демин — прямой Томас Мюнцер. А с кем тогда сравнить Гладилина или Кузнецова-Герчика?

Этот же комментатор сравнил выдворение Солж. из страны с пересадкой «березы в тропические болота». Пусть болота, коли уж и Лютера своего не постеснялся бросить в метафору. Но береза! Не больше ли подошла бы тут горькая осина?

7. III. Комарово

Приехал сюда в Дом творчества 4-го. Сам дом носит печать запущенности и провинциальности — мрачно, немыто, неприглядно. Да, есть у нас и такие дома. Но три дня стояла прекрасная солнечная погода, и это, конечно, все скрашивало.

Вчера был в городе. Ходили с Н.Н. в ресторан «Нева». Как она, словно швейцара и нет в дверях, пошла вперед, сразу видна вся натура. Смешно, уверяет, что русская, а ведь во всем — и внешне, и по натуре — видна типичная представительница своей нации. Все-то она знает, всем-то интересуется. Ах, Мандельштам! И все видит, и все запоминает: и в певице разглядела знакомую, пошла поговорила с ней, и, видимо, поняла, сколько я хаму-официанту дал на чай — все.

О Солженицыне. (Странно, что еще никто не догадался объяснить его фамилию: он же не ЛЖЕЦ, а СОЛЖЕЦ.). Вслед и вместе с другими антисоветчиками он всех и все охаивает: Октябрьскую революцию и Советскую власть, Ленина и Сталина, Красную Армию и партию, Рузвельта и Черчилля, академика Виноградова и патриарха Пимена, нашу прессу и буржуазную, теперь и меня, как только я решился сказать, что его «Раковый корпус» плох и я не напечатал бы его.

Его маниакальность, вера в свое мессианство оборачивается глупостью: ну как можно рассчитывать на отклик и сочувствие, если говоришь: «ваши припадочные пятилетки в четыре года»? Ведь все мы либо участвовали в этих пятилетках, либо дети участников. Как можно так говорить о нечеловеческих усилиях народа вырваться из вековой отсталости?

И кому я верить буду — Жукову и Василевскому, Яковлеву и Звереву, Кузнецову, работавшим со Сталиным годами и десятилетиями бок о бок, или тебе, выблядок скудоумный, с твоей болячкой расковыренной!

Оказывается, замысел, первой книгой которого явился «Август 14-го», родился у него еще в 36-м году, когда кончал школу. Зачем же вступал в комсомол, в партию, в Союз писателей, готов был принять премию Ленина? Как провел всех! Ведь мы-то считали его борцом против беззаконий, невинно пострадавшим от них.

29. III.74 г. Комарово

Сегодня уезжаю домой. Поработал не слишком плодотворно, но выбрался из чащобы на открытое место — а это стоит дороже всего.

Погода стояла прекрасная, и сегодня вовсю сияет солнце.

Очень соскучился по дому — по Тане, по Катене.

Таня была здесь четыре дня.

12 июня 1974 г.

Шестого числа в Кремлевском дворце съездов состоялся торжественный вечер, посвященный 175-летию Пушкина. А в «Литературке» — прекрасная статья Василия Федорова о Пушкине. Я просто не ожидал такого от Васи. И тут же — набор барабанных общих слов Георгия Маркова…

6. XI.Москва

Из кухни раздался ужасный плач Кати. Спешу бросить дело и выхожу на кухню. Катя льет слезы в три ручья. В чем дело? Таня читала ей английскую сказку, и сказка кончилась тем, что придавило мышку. Вот из-за мышки она и разревелась.

О, святое сердце пятилетнего ребенка!..

9. XI

Вчера мы с Катей были у мамы. На обратном пути вышли из метро на пл. Свердлова и пошли на Красную площадь. Там все сияло и сверкало. Я посадил ее на плечи, и так мы дошли до Мавзолея. Сказал ей:

— Прочитай, что там написано.

— Лэ.

— Дальше.

— Шэ.

— Да нет же!

— Ах, Е!

— Дальше!

— Нэ… И… Нэ…

А что получилось?

— Не знаю.

Потом послушали, как куранты на Спасской башне пробили семь часов, посмотрели смену караула у Мавзолея. Я снял ее с плеч, и мы пошли вниз. Прошли пешком до пл. Маяковского, рассматривая иллюминацию. Там сели в метро и в 8 часов были уже дома.

15. X11.74 г.

Что делать, ну что делать? Катя зовет меня обезьяной. Первый раз это случилось в Коктебеле. Я посадил ее на закорки и утащил в море. Там было мелко, но она истошно кричала. Я смеялся. А когда все-таки повернул к берегу, она яростно воскликнула: «Вперед, обезьяна!» Мы с Таней стараемся делать вид, что ничего не замечаем. Думаем, что это самое лучшее.

Однажды Таня на кухне разводила в кружке горчицу, чтобы поставить Кате горчишник

— Ну-ка, ну-ка, покажи, как ты делаешь это. Что вначале, что потом? — стала расспрашивать Катя.

— Зачем тебе?

— Как зачем? У меня будут детишки, я им тоже буду ставить горчичники.

Неужели действительно это чувство преемственности и ответственности, заботы о потомстве у женщин уже на шестом году?

— А сколько у тебя будет детей? — спрашивает Таня.

— Один.

— А почему так мало?

— А больше очень хлопотно, — но это, кажется, было сказано уже «в игре».

* * *

17. I.1975 г.

6 января умер АЛ. Дымшиц. Панихида была в ИМЛИ. И все было так же основательно, серьезно, как в его жизни — от двух больших портретов (где взяли? Кто успел?) у входа до речей членов ЦК СЕП Германии (Абуш и другие).

Дима Молдавский сказал, что незадолго до смерти он то ли написал, то ли проговорил: «Биология кончилась. Держусь на одной идеологии». Миша Синельников говорил, что держался он очень мужественно. Но сколько у него врагов! И даже смерть их не примирила.

Сегодня ходили с Катей на рынок У входа какая-то куча скарба. Слышу, она говорит: «Первый раз вижу настоящую бочку». Я остановился, мы подошли поближе, и я дал ей как следует рассмотреть. Еще бы! Человек впервые видит бочку!

18.1.

— Таня, — спросила сегодня за завтраком Катя, — откуда все произошло? Откуда произошел первый человек?

— А разве ты знаешь, откуда произошел второй? — вмешался я.

— Знаю, — уверенно ответила Катя. — От первого.

Я тут же за столом прочитал ей короткую лекцию о том, как человек выделился среди зверей. Слушала очень внимательно. А вечером так же внимательно смотрела какую-то телепередачу о космосе. Одна — мы с Таней были в моей комнате. И все это в неполных шесть лет.

6 мая 75 г.

С. М. пишет из Дома творчества в Ялте:

«Здорово, Бушин! Здесь все цветет и благоухает. Воздух прозрачен и свеж Опять-таки тут Островой, твой любимый поэт. А также твой бывший сосед, ныне модный до оскомины, если верить разговорам, Вл Солоухин, демонстрирующий свое новое приобретение. Я ее не видела и не испытываю интереса. А с ним столкнулась в первый же час приезда нос к носу: он толст. Еще более самодоволен и с трудом, но все же изображает роль страдальца. Удивительно!

А еще тут прелестнейший веселый Михаил Дудин. Остальных не знаю… Хоть тут и клеятся уже… делать-то нечего на отдыхе. А

Солоухин со своей возлюбленной нынче отваливают.

Вчера она демонстрировала свои голосовые данные, да и вообще они оба все время тут что-то демонстрируют.

Его книги я не читала, ибо когда-то он мне все подробно рассказал. Да и посуди сам: ну, что такое Солоухин со своим рыхлым куском мяса на пляже по сравнению со смертными муками моей 38-летней сестры, рядом с которой я провела столько дней и ночей! Придуманные им несуществующие болячки и вопли по собственному погибанию (она имеет в виду его повесть «Приговор» — *В.Б.),* когда он на глазах у всех жиреет от радости жизни. Это подлость. И мне противно! Он ведь наверняка за всю жизнь ни одной боли, ни одной утраты не перенес. А все, что он выдумывает, — не больше, чем акт обжорства. Вот и все.

Напиши мне о себе. А я порадуюсь твоим успехам.

С Днем Победы тебя, Володя!

Твой *СМ.*

30.4.75».

И еще:

«Ялта.20.5.75 г.

Дорогой Бушин!

Ты ведешь себя предательски. Я считаю дни до 15 мая, держу место за столом, а он взял да приземлился в Коктебеле. Обидеться бы, да нет смысла.

А вот за Антонова… Мне, Бушин, абсолютно не нравится твое хамство по отношению к Сергею Петровичу. Он этого не заслуживает никак ни при каких обстоятельствах, даже если и написал когда-то на твой труд отрицательную рецензию. Помнится, в Коктебеле ты говорил об Антонове более мудро и доброжелательно. Куда же все делось? Наверное, Бушин, тебе надо больше солнечных ванн и морских полосканий.

А вообще-то спасибо тебе за хорошие письма. Читала их с удовольствием.

Привет твоим соседям по столу, если они хорошие люди. Всем вам — солнца, светлых мыслей и хорошего пищеварения!

Обнимаю и целую тебя.

Твой друг и брат *СМ.».*

3 шюля 75 г.

На днях мы с Колей Вороновым ходили к Л.Г. И вот сегодня получаю от нее по почте презент:

Я пять часов была сегодня с Вами,
Внимала Вам, ловила каждый взгляд.

Неужели пять? Неужели ловила? И что поймала?

Когда ж билеты мы в кино достали,
Почувствовала плохо я себя…

Какие билеты? В какое кино? Неужели не понимает, как я себя чувствую, читая ее признание?

Нет, не устала и не надоело,
А просто потому, что Вы ушли…

Я ушел очень вовремя.

Когда ж еще судьба сведет нас снова?
Быть может… в очереди на такси.

И сядем в одну машину? Ну, нет! Тем более что «ушли — такси» — это не рифма. И приписка:

В тот день, когда покинешь ты меня,
Я не поверю в справедливость жизни.

Л.Г.

Как это «покинешь», если я рядом не только не лежал, но и не стоял? Ну, вот тогда только один раз вместе с Вороновым.

Впрочем, а чего зубоскалить-то? Женское сердце бушует, стонет, взывает. Ну, немножко неуклюже, да, ушли-такси — это не рифма. Пожалеть надо и порадоваться тому, что такое живое сердце.

14. IX.

Сегодня Катя впервые ходила в настоящий театр — в Вахтанговский! На «Кота в сапогах». С Маняней. Сидели в 5-м ряду партера. «Больше всех мне понравился котик», — только и сказала всего, когда пришла. До этого она была лишь один раз, когда было года два, в Доме офицеров, смотрела «Три медведя».

Как-то разговариваю по телефону с Димкой Комиссаровым, а Катя крутится возле. Вдруг вижу, она ступает по телефонному

шнуру, который вьется по полу. Кричу ей: «Не ходи по проводу!» Димка переждал наш шум, говорит: «Твоя дочка еще по проводу ходит. Завидую я тебе. А моя давно уже не ходит». И в самом деле, это же прекрасная пора, когда ребенок ходит по проводу!

27 ноября 75 г.

В «Учительской газете» напечатана моя статья к 60-летию Симонова.

* * *

Видимо, в связи с этой статьей Л.Ж — кий, вербуя меня в свои единомышленники и почему-то считая Симонова своим единомышленником, говорил мне: «Ну, вот. Ты обозначился. Надо идти дальше…» Что общего у Симонова и у этого антисоветчика-пустозвона!

Еще он почему-то затронул национальность и сказал: «Все знают, что ты немец. Ну и что? А я поляк». Пришлось ответить, что я такой же немец, как он поляк

Когда я рассказал Курганову, что Л.Ж. выдает себя за поляка, он долго и безутешно смеялся.

* * *

21. I.1976

Объяснил Кате, что такое существительное, прилагательное, глагол. О глаголе сказал так «Это слово, которое выражает действие, движение. Все поняла?» — спрашиваю. — «Все». — «Назови мне глагол». — «Оса». — «Почему оса?» — «Она же летает, движется».

Поднимаю блюдечко с мукой и говорю: «Укажи здесь существительные и прилагательное». Отвечает «Блюдечко — существительное, мука — прилагательное». — «Почему мука — прилагательное?» — «А как же! Она же к блюдечку прилагается!»

Выходит, что Фонвизин ничего не выдумывал за своего Митрофанушку.

Сегодня Кате долго не спалось. Таня говорит:

— А ты считай про себя.

— Кого?

— Ну хотя бы слонопотамов (это из «Винни-Пуха»).

— Нет, не буду. Страшно!

14. II.76 г.

Вчера приехал в Дубулты. Жил здесь летом 53-го года, потом заезжал как-то переночевать в Дом творчества, находясь проездом в Риге (в пору работы в «Дружбе»). Словом, можно считать, что не был здесь почти 23 года! Хожу, смотрю — многого не узнаю, многое изменилось. Вроде бы несомненно нашел дом, в котором жил тогда, но где же вход? Там, где надо, его нет…

Прошелся вчера по пр-ту Ленина до Дзинтари, заходя в маленькие магазинчики. Зашел в «Корсо», где тогда мы провели не один веселый вечер (Толя, Адиль Табаев, Кобзаревские, их подруга, Наташа Фиштлер). Каким этот ресторан казался тогда роскошным! Как восхищал вертящийся под потолком зеркальный шар, особенно при потушенном свете. И сейчас там, кажется, неплохо, даже, может быть, лучше, только потолок показался ниже, да лет мне чуть побольше.

В одном магазине (в самом большом в Дзинтари) подошла ко мне какая-то не русская, но, пожалуй, и не латышская девчонка и предложила «финскую рубашку со шнурком». Значит, жив дух прежней Латвии! Повела за какой-то сарай показывать, заломила 25, потом 20 руб. Но мне не понравилась рубашка.

Это вчера. А сегодня пошел я на почту отправить домой рукопись. Отправил и пошел гулять. Через час спохватился — нет кошелька, а в нем, вспоминаю, около 50 р. Возвращаюсь на почту… «Извините, девушка, я тут час назад…» Смеется и протягивает мне кошелек И это тоже дух прежней Латвии, хотя девушка была русской.

Я уже начал скучать о Кате. Позвонил домой. Тане приснился сон, что я вернулся, так как у меня украли оба чемодана. Сон едва не сбылся.

Катя возмущалась по телефону, что Таня взяла ей в поликлинике справку идти в детсад с понедельника: я ей дал разрешение по понедельникам не ходить. В этом году она ходит очень редко. Я спасаю ее от ужасов детского сада, за что она иногда отдает мне «первое место по любимости». Вообще же она этими местами беззастенчиво торгует в зависимости от отношения к ней. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что редко мне или Тане удается потеснить с первого места Маняню.

Еще она лепетала по телефону, что заплела косички…

У них ужасно трепетная любовь с Антошкой Аникстом, которому сейчас только три года. Любовь возникла осенью в Коктебеле. Недавно Алена рассказала мне, что Антошка был застигнут на том, что пытался какой-то железкой выбить себе два передних зуба, чтобы было «как у Кати».

25. II.76. Дубулты.

Дня два назад видел один из самых страшных снов за всю свою жизнь. Будто дело к ночи, пора ложиться спать. Я хочу запереть дверь. Поворачиваю ключ в двери, а он проворачивается, не запирая замка. И словно бы дело происходит в деревне, в Рыльском. Я тяну на себя дверь, мне кажется, что за ней кто-то есть, мне страшно, я суетливо верчу ключом. Вдруг снаружи кто-то тянет дверь на себя, преодолевая мое сопротивление, приоткрывает ее, и просовывается большая бледно-серая рука и машет перед моим лицом, чтобы я молчал, и я вижу в приоткрытую дверь такое же бледно-серое лицо тети Лены с закрытыми глазами. Я в ужасе просыпаюсь… Думаю, что сон этот возник из-за того, что в моем номере и входная дверь, и дверь на балкон очень трудно запираются, и я подолгу мучаюсь с ними. А кроме того, по ночам мне тут тревожно и плохо спится, часто будят какие-то шорохи, потрескивания, постукивания.

А вчера приезжал Борис Куняев, мы с ним при микроскопическом участии Д. И. Еремина опорожнили бутылку «Плиски», потом я проводил его на станцию и, вернувшись в 11, в 12 крепко уснул. Дм. Ив. рассказывал, как в 23-м году стоял в очереди за гонораром вместе с Есениным. Заметил, что он был не так красив, как на портретах. Ну, может, он после очередной попойки. И вот снится мне Есенин: ведет себя шумно, почти буйно… Какая ужасная у меня впечатляемость! Ведь так было уже и раньше много раз: поговорю, прочитаю, услышу о чем-то — и ночью это снится.

2 марта 76 г.

«Липецк 26.2.76

Вовочка, голубчик, ты все радуешь нас с мамой своими эмоциями. Мы бы тут все с тоски передохли, если бы не такие хлопцы, как ты. Матушка моя, как ребенок, чиста, доверчива, наивна — без оглядки. Она прочитала твою книгу «Ничего, кроме всей жизни» и хочет тебе написать.

Что у меня? В «Огоньке» у Антошкина давным-давно лежат мои стихи — ни звука. Винокуров в «Новом мире» тоже молчит. И его жена ничего не шлет из «Кругозора». А Егора Исаева вообще надо казнить за варварское отношение к рукописям авторов, живущих не в Москве…

Не скажешь, к чему бы это: нынче под вой ветра мы снился Гриша Поженян. Когда-то в Переделкине мы собирались. Стихи читали, песни пели. Водку пили.

Пиши мне, Вова.

Твой *М*».

* * *

О, Егор… Да разве он такой только к тем, что живет не в Москве! В мае 2011-го я подарил ему свою недавно вышедшую книгу стихов «В прекрасном и яростном мире». Прочитал, позвонил. Порадовался, говорит. Да ведь мог порадоваться еще в ту пору, когда было написано это письмо Мекшен: еще тогда у него в Совписе лежала рукопись моей книги стихов. Все сулил: «Ставим в план редподготовки»… «Ставим в план издания на этот год…» И все — болтовня. Егорушка палец о палец не ударит, если это не сулит ему каких-то отрадных перспектив.

За Кривицкого против Кардина

7. III.76. Дубулты

Вчера хватанул перед обедом водки и, так как испытывал жажду общения, а сотрапезников за столом не было, то, сделав вид, что вспоминаю и не могу вспомнить строки Твардовского «Ел он много, но не жадно, отдавал закуске честь…», подсел за соседний столик к Марии Илларионовне, вдове Твардовского. Она тоже вспомнить не могла, но разговор завязался. Я сказал, что очень люблю Твардовского как поэта, но как с редактором «Нового мира» у меня с ним много несогласий. Старушка сразу оживилась: «Какие же?» Я ответил, что вопрос это сложный и большой, говорить о нем трудно, но если кратко сказать, то дело в антирусской линии журнала, потом уточнил — критического отдела в основном. Ах, как старушка взыграла! Да как? Да где? Да что я имею в виду? Я сказал — статьи Марьямова, Кардина.

— Кардин отстаивал исторические факты, правду. Вы что же, тут на стороне Кривицкого?

— Конечно, на стороне Кривицкого. Кому нужна эта «правда» Кардина — был залп «Авторы» или один выстрел. Да, один выстрел. И все, кому интересно, знали это, никто никогда не делал из этого секрета. Сказал комиссар Клочков «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» или не сказал? Кардин доказывает, что не сказал. Допустим. Ну и что? Москву отстояли не болтовней Кардина, а мужеством и кровью русских солдат.

Хоть и выпивши был, но сразу понял, что старушка целиком новомирской формации и говорить с ней бесполезно. Сославшись на то, что моя котлетка стынет — а это важнее всех дискуссий, — я пересел обратно к себе.

Сегодня уезжаю, слава Богу. Соскучился о своих, о доме.

24. III.76..Москва

Вчера навестил маму. Отвез ей шапочку, связанную Таней, «образил» ногти на ногах, поговорили наедине. Я стал было

жаловаться на Таню: мол, все она забывает, о чем я прошу ее. Мать слушала-слушала, да вдруг и говорит:

— Ступай ты к черту!

Да с такой убежденностью, энергией, силой, что я засмеялся и позавидовал: дал бы Бог мне такое в 80 лет!

Потом она стала, как всегда, учить меня, как жить:

— Ведь ты очень трудный человек, очень. Я согласился. Она продолжала:

— Чтобы ссор у тебя с Таней не было, ты все время думай о себе, что ты самый плохой человек

Я опять засмеялся:

— Мама, Таня ненормальная.

— Чем?

— По забывчивости своей ненормальная.

— А ты нормальный?

— Нет. Я это всегда признавал.

— Хорошо еще, что признаешь.

Потом принялась снова стыдить нас за то, что мы не покупаем Кате пианино, деньги для которого они с М.М. по 300 р. дали.

— Это ты с Таней говори. Ты ей деньги отдавала, с нее и спрашивай.

— Нет, я тебе их отдала. Из теплых ручек в холодные передала.

Как сказано!

Потом она вспоминала, как осталась одна с двумя младшими сестрами да братом, как бегала по вечерам на могилу матери («Обхвачу, бывало, ее да плачу что же мне делать-то без тебя?»), как помогали ей и люди, и хозяин фабрики Арсений Иванович Морозов… И было это горе 65 лет тому назад!

26. III.76

Вчера схоронили С. С. Смирнова. Последний раз я видел его, кажется, осенью на каком-то нашем пленуме. Он сказал горячую речь. Запомнилось, что призывал быть доброжелательней и внимательней друг к другу, не помнить старых обид, ошибок люди меняются.

В перерыве я подошел к нему спросить, получил ли он мою книгу. Он с кем-то разговаривал (это было в фойе, у лестницы

слева, у буфета). Я взял его за локоть и оторопел: в рукаве пиджака была худенькая косточка ребенка. Было так странно и страшно, что я тотчас отошел, ничего не сказав.

Все сейчас говорят о его доброте, благородстве, широте. Да, так оно и есть. За то, что он сделал для живых и мертвых участников войны, он заслужил настоящих народных похорон. Но у нас и похорон-то боятся. Это старая, еще со времен Пушкина, традиция: лишь бы побыстрей! Ну, понятно, можно было бояться похорон Твардовского. А здесь-то чего?

Зрительный зал ЦДЛ был полон, стояли люди и в дверях, и в фойе. Но разве так надо было бы хоронить? Это могло бы стать прекрасной патриотической манифестацией — тысячи, десятки тысяч проводили бы его на кладбище. Так нет же! Несколько автобусов с сотрудниками ЦДЛ, с писателями — и дело кончено.

25. IV, Пасха

В среду. 21-го Таня была в Ленинграде. Я взял Катю из детсада, и мы были одни. Когда я ее купал, она сказала, что Дима Гильфман собирается подарить ей духи. Это у них сейчас такое поветрие: Кирилл Квитко уже подарил духи Ане Аграновской.

— Откуда знаешь, что собирается подарить?

— Мне Маша Перепелицкая (кажется, его двоюродная сестра) сказала.

Еще рассказывает:

— Даша Жданова говорит «Смотрите, у меня ребра торчат!» Кирилл Квитко подошел, пощупал и говорит: «Это у тебя не ребра, а сиськи торчат».

А вчера ходили на «приемные экзамены» в школу. Какая ужасная первая встреча со школой! Назначили на час, начали почти в два, самое время обеда и сна. Дети устали, проголодались, изнервничались. Некоторые выходили в слезах. Я принес скамейки, хоть они, бедненькие, сели на них. Катя пошла уже почти в 4 часа, после трех часов томления. Спрашивали, что больше — 10 или 12 и на сколько; 8 + 2 и т. д.; какое сейчас время года? Покажи на картинке, какого цвета на тебе платье? Прочитала (не до конца — остановили) «Зимнее утро» до слов «Но знаешь: не велеть ли в санки Кобылку бурую запречь?» И даже пела какую-то песенку про Чебурашку. Я удивляюсь! Все ответила, не растерялась. Молодец! Но еще не ясно, примут ли.

Сегодня в метро по дороге в Нагатино пришло на ум:

Склоняя голову все ниже,
Старушка-мать и день, и ночь
Бредет к обрыву… Я все вижу,

Но не могу ничем помочь…

11. VII.76

Живу в Малеевке с 3 июля. Это уже третий мой выезд в этом году в феврале (до 7.III) был в Дубултах, с 27 апреля до 8 июня — в Коктебеле, и вот здесь. Дали маленькую и темную комнату, в которой когда-то жила Таня Сидорова. Тогда я жил рядом в огромной, как ангар, 2-й гостиной. Я говорил ей тогда, что это комната для нобелевских лауреатов.

3-го и 4-го была хорошая погода (суббота, воскресенье), а потом зарядили дожди. Вчера, на Самсона, опять был дождь, а сегодня вроде устанавливается с утра наконец-то хорошая погода. 9-го вечером приехали с Таней в Москву, а 10-го отмечали мамино 80-летие. К сожалению, собрались не все: Вася опять угодил с кардиограммой в больницу, Сергей в командировке, не было, конечно, Миши, Веры, Виталий с Женей в Кратово, но зато от минчан была Тоня. Все вроде бы хорошо, если бы не болезнь Васи. Мама и Ада прослезились. И грустно, и радостно. Но все-таки получилось несколько суматошно. Я хотел большей торжественности, но и меня, и маму перебивали, когда мы говорили, и мама выглядела несколько забитой, пришибленной, что ли.

14. VIII

8-го Катю забрали из Малеевки после школьного праздника, на котором она вместе со всеми танцевала, пела и читала стихи. Выдали ей аттестат об окончании детсада.

8-го, 9-го, 10-го она пробыла в городе. Я сходил с ней в церковь Симеона Столпника на выставку «Прекрасное в природе». А 11-го, в среду, она уехала с Маняней в Кратово.

— Катя, ты меня любишь?

— Люблю. Только я о тебе не скучаю, а о маме скучаю. Какая прямота! Вот бы нашей критике это.

В школу!

7. IX.76

Уже несколько дней Катя ходит в школу. Нравится. Хвалит учительницу Валентину Дмитриевну. Вчера первый раз была на продленном дне — до 6 часов. Тоже нравится. Начали учить английский с учительницей. А мы с ней начали еще 1-го. На разных предметах в ее комнате я русскими буквами написал английские названия. Для нее это занятная игра. И вот за 6 дней

уже запомнила 30 слов. Можно было бы и больше, но она дурачится.

Посадили ее, как одну из самых высоких, на предпоследней парте с мальчиком — Кириллом. Видимо, все-таки она сильно устает: в 9.30 без разговоров ложится спать и спит до 7–7.15 без просыпу.

2. X.76. Гагры

26-го приехал в Гагры, в Дом творчества. Последний раз был здесь в 67-м году, когда отмечалось 50-летие революции. Помню, был еще Вас. Вит. Шульгин, 90 лет.

Живу в общем корпусе, комната на 3-м этаже (28), выходит на море, но и на шоссе, по которому в минуту проходят десятки машин. Думал, что не смогу спать и жить. Удивительно — и сплю, и живу.

За ужином (пил только чай с хлебом) вдруг подумал, как далеко я от дома, от своих — и почувствовал, что вот-вот сойду с ума. Было полное ощущение того, что еще какой-то толчок — и готово. Стало страшно.

Уже скучаю о Тане, о Кате.

Забыл записать, что числа 15-го, когда я ходил в школу за Катей, мы где-то потеряли с ней фартучек Уж то-то бабушка нагатинская убивалась! Но зато Катя на уроках труда смастерила такую репку (из пластилина) и таких ежиков (из шишек), что их взяли на выставку.

* * *

«Липецк 28.10.76

Дорогой Вова!..

Сожалею, что наши пути не пересеклись, хотя наблюдения показали, что порой ты бываешь свиреп и при этом тяжело дышишь. А я даже загорела. Жаль, показать некому. За столом сижу с Сергеем Орловым, его большой женой и маленьким внуком.

А еще тут некий Равиль из Татарии и Салават из Башкирии. И оба, как мне показалось, с большим презрением к русскому народу. У меня однажды просто глаза на лоб полезли от этого. Я прочитала стихи Цветаевой:

Я тебя отвоюю у всех земель,
у всех небес,
потому что лес — моя колыбель,

и могила — лес.
Потому что я на земле стою
лишь одной ногой,
потому что я о тебе спою,
как никто другой… и т.д

И вдруг сей неведомый мне Равиль говорит: «Вы опять что-то отнимать у нас собираетесь? Вам мало того, что уже вырвали у нас?» Так он понял стихи Цветаевой.

А сам «вырвал» какую-то вашу аэропортовскую вдовушку и утащил к себе, о чем она сама поведала всему нашему столу, где были и моя мама, смущенная ее доверительностью, и два безусых шахтера, сгоравшие от стыда. Дикость вашей вдовушки нашла эквивалент. Да, брат мой, нынче провинциал и москвич сравнялись…

Прочитала роман Окуджавы «Путешествие дилетантов» в «Дружбе народов». Роман великолепен! Язык порой витиеват. Но весь в духе вещи… Читается интересно…

А что ты? Где? Когда? Пиши.

Твой *Св. М».*

* * *

Когда летом 1979 года появилась моя жестокая статья об этом романе Окуджавы, Светлана прислала письмо:

«Дорогой Володя!

Собиралась тебе давно написать — сразу, как только прочитала твое произведение в № 7 «Москвы». Мне все твое задиристое, очень убедительное, хотя порой и несколько нажимистое перо очень понравилось. Я подумала даже, что твоя вещь тоже вроде повести, а не критического очерка, причем повести нужной и важной, которая могла бы быть наглядным примером для братьев-литераторов, будь она напечатана под одной обложкой с окуджавскими «дилетантами». Ей-богу! Я прочитала твою вещь залпом, останавливаясь на некоторых местах и возвращаясь.

Мне любопытно: сей труд был задуман тобой самим или тебе его подсказали? Не хочешь, можешь не отвечать.

Умен ты, брат, умен! С чем тебя и поздравляю.

Ездил ли в ФРГ, как собирался?

Поклон Тане и дочке!

Светлана М.

г. Липецк. 24.X.79.

Володя!

А какие же мысли у тебя, всезнающего, должен вызывать Пикуль, вокруг которого столько страстей: одни восхищаются, другие плюются. Вокруг Окуджавы-романиста *такого* не было никогда! Его «Дилетантов» многие и не заметили даже или, заметив, быстро забыли. А ведь тут — у Пикуля — запахло фарцовским потом. Его книжки (журнальный вариант «У последней черты») подскочил в цене за пазухой. Странные вещи происходят.

С. М».

Как видно, моя статья изменила первоначальное мнение Мекшен о «великолепии» романа. Я ответил:

«Дорогая Света!

Спасибо на добром слове. Ты все поняла правильно вплоть до того, что мое перо было «несколько нажимистое». А как писать иначе, если тебе принародно говорят, что каждый третий русский — доносчик?

Ты спрашиваешь, сам ли я решил написать статью или мне «подсказали». Подозревая, что именно «подсказали», ты разрешаешь мне на твой вопрос не отвечать. В моей литературной работе, друг мой, нет ничего такого, о чем я не мог бы сказать открыто. Чего мне подсказывать, коли роман печатался в журнале, где я работаю, и мне доводилось на редколлегии не раз выступать с его критикой.

История статьи довольно трудная. Когда появилась первая часть романа (3 и 9 номера за 1976 год), я ни с кем не договариваясь, накатал статью и принес ее в «Москву», где раньше никогда не печатался, так как Алексеев каждый раз восхищался моими писаниями, но печатать их боялся. Поэтому надежда у меня была слабая.

Я уехал в Малеевку. Там дал почитать Викулову. Он пришел в состояние экстаза, близкого к обмороку, и решительно заявил: «Я хочу видеть эту статью на страницах «Нашего современника». Что ж, говорю, печатай. Он срочно уехал в город, а вернувшись дня через два, вдруг промямлил с кислой миной: «У журнала сейчас трудные времена, нас и так терзают» и т. п. Видно, с кем-то посоветовался.

А ведь опасаться там абсолютно нечего. Я защищал русскую

историю, русский язык, разоблачал клевету на наш народ — что тут опасного? С другой стороны, Окуджава никаких постов в Союзе писателей не занимает, никаких званий, премий и наград не имеет. И все-таки им страшно!

Тут вдруг проснулся Алексеев. Ищет меня по всей Москве. А я в Малеевке. Шлет телеграмму, чтобы я позвонил. Звоню и слышу: «Напечатаем в ближайшем номере!» Прекрасно.

Тем временем настала весна, и я укатил в Коктебель. Приходит туда верстка статьи. Все хорошо, только завотделом критики Вика Софронова (Старикова) для усиления статьи вписала мне 3–4 совершенно несъедобных фразы. Я посылаю телеграмму: прошу или убрать эти усилительные фразы, или статью снять. Ни ответа, ни привета. Статью сняли.

Вернувшись в Москву, встретил как-то в ЦДЛ Андреева, заместителя Алексеева. Он говорит: «Мы решили, что ты испугался». Конечно. Испугался. Но не публикации статьи, а сермяжной глупости в редакции.

А время идет, и выходит вторая часть романа. Я пишу Алексееву: можно, мол, вернуться к делу. Он звонит мне: «Давай!» Не струсишь, спрашиваю. Нет, говорит. А причина неожиданной смелости, пожалуй, в том, что ему уже исполнилось 60, он Звезду Героя получил, дважды еще никому не давали, ждать больше нечего. Вот и осмелел.

Я пишу статью уже обо всем романе. Написал, отдал в редакцию, поставил жесткие условия: никаких поправок и вставок! Никакого вмешательства в текст без моего согласия! Они дали слово и сдержали его. Я сказал все, что хотел и не сказал ничего, чего не хотел. Статья появилась в том виде, в каком я ее сделал.

Ну, шорох был великий: телефонные звонки, письма, телеграммы…

Единомышленники доходили до такого экстаза, что объявляли статью гениальной, а противники — до угрозы физической расправы.

Ты спрашиваешь еще о Пикуле. Я написал о нем так: если Окуджаву вывернуть наизнанку — будет Пикуль, а если Пикуля вывернуть — будет Окуджава. В сущности говоря, и «Дилетанты», и «У последней черты» — это бульварщина. Сытая, преуспевающая, наглая.

А в ФРГ я ездил. Удалось побывать во Франкфурте, в Аугсбурге, Мюнхене, Майнце, Вуппертале. Это было здорово. И даже Вася Субботин не смог испортить поездку, несмотря на все его занудство и добродетельность. А твой С. П. Антонов, который был руководителем нашей группы, благодаря своей

сообразительности и расторопности оказался весьма уместен и полезен. Только уже в обратном самолете хватил лишнего, но это никому не повредило.

Сейчас пишу статью по полученным письмам, обзор.

Будь здорова!

С приближающимся праздником.

29.10.79».

Кажется, это был последний акт нашей переписки. Больше я и не видел Светлану. А когда началась разбойная катавасия, я с изумлением узнал, что она оказалась заядлой демократкой.

Господи, да она же выросла в детдоме! Но, видно, не случайно нахваливала Евтушенко, по первости восхитилась романом Окуджавы, и даже снился ей Поженян — все лютые «прорабы перестройки».

В декабре 2011 года М. отметила в городской библиотеке Липецка семидесятилетие. Я на нем не был…

30. X,76, суббота. Москва

21-го вернулся из Гагр. На этой неделе, в четверг, Катя пришла из школы с радостной вестью: за контрольную по арифметике получила пятерку. Первая пятерка! Я как услышал, распахнул шкаф и стал вытаскивать на стол бутылки: коньяк, вино, рижский бальзам. Катя хохочет. Видно, что довольна пятеркой. Но при этом сообщила, что и другие девочки, ее подружки, получили пятерки, и только у Кати Володкиной четверка.

— А еще у нее есть настоящая двойка.

— Что значит настоящая?

— С точкой.

4 декабря

Из ЦДЛ прислали пригласительный билет на вечер «Строка, оборванная пулей…». Прекрасно! Вступительное слово — конечно, Симонов, председатель — разумеется, Сурков. А выступают Баруздин, Винокуров, Галлай, Друнина, какой-то Александр Дунаевский, Железнов, Алик Коган, Марк Колосов, Марк Соболь, Григорий Маркович Корабельников, Зоя Корзинкина, Крон, Илья Френкель и Шток Замечательно! И кто тут, кроме Симонова и Суркова, русский? Баруздин и Корзинкина.

5. IV.197. Москва

2-го, в субботу, вернулся из Малеевки, где находился с 24.II. Готовил рукопись для Воениздата, написал с десяток

стихотворений.

Катя за обедом сказала:

— А мама ходила в ресторан и пила там черное вино.

— Откуда ты знаешь?

— У нее зубы были черные.

Таня смеется, но покраснела. Первый раз дочка маму в краску вогнала!

А перед этим Катя и сама первый раз на моих глазах покраснела. Я стал разыскивать карточки-календарики за прошлые годы, а она говорит, что у нее есть несколько карточек Сказала и покраснела. Она их взяла у меня и не знала, можно это было или нет. Очевидно, раньше не краснела — ведь это определенная ступень душевного развития.

14 октября

В «Огоньке» несколько месяцев пролежала моя статья о «Путешествии дилетантов» Окуджавы. Забрал и отнес в «Москву». А стихи, которые отобрал завотделом поэзии Е. Антошкин,

лежат там три года! ТРИ ГОДА! А ведь в них нет таких строк, как у самого главреда Софронова —

Жить без тебя — что ноги протянуть…

Это из его книги «В глубь памяти», которую я недавно рецензировал для издательства.

9 ноября 77 г.

Куняев-Рижский сердится и поздравляет:

«Приветствую, Володя!

Хотя ты хамски ведешь себя по отношению ко мне, но я все же поздравляю тебя с Октябрем и желаю доброго здоровья и новых творческих взлетов. Хочется верить, что ты не такой, каким хочешь казаться…

Сердечный поклон жене.

Борис».

* * *

Вот как! Октябрь превыше всех обид. И я, видимо, исправился, перестал корчить из себя негодяя. Во всяком случае, следующее письмо Борис начал словами «Милый Володя!», а закончил — «Братски обнимаю».

* * *

19 апреля 78 г.

Послал письмо на семи страницах в Кремль на имя Л. И. Брежнева по поводу его «Малой земли». Отметил там 25 фактических неточностей и прямых ошибок да еще десятка полтора стилистических огрех.

Заодно напомнил, что в новогоднем приветствии Брежнева накануне 1974 года мы слышали: «Я мысленно вижу перед собой всех вас. Дорогие соотечественники… Вижу лица миллионов сынов и дочерей нашего рабочего класса… Вижу миллионы героев великой битвы за урожай… Вижу мужественных воинов нашей армии…»

Не исключено, что тут сознательно подсуропили Генсеку кто-то из его начитанных советников и помощников — Бурлацкий, Бовин, Арбатов…

Ведь именно этот стилистический прием использовал Черчилль в знаменитом выступлении по радио 22 июня 1941 года: «Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли… Я вижу тысячи русских деревень… Я вижу, как на все это надвигается нацистская машина…» и т. д. Вот так же, используя честолюбие Брежнева, ему сознательно с целью компрометации навесили четыре Звезды Героя, присвоили звание маршала, всучили орден Победа. Они работали…

Звонок в вытрезвитель

23. IV.1978, воскресенье

Вчера с недельным опозданием отметили Катин день рождения. 15-го она хворала.

Бывают в жизни огорченья,
Когда болеешь в день рожденья.

В гости к ней пришли Аня Каминская, Саша Грамп, Таня Шаврова, потом — Марина Ситникова — все одноклассники. Таня накрыла им в кухне стол. А перед тем как сесть за него, уложили Катю на диванное покрывало и качали, чтобы росла. Хотя она уже больше всех своих гостей и выглядела среди них немного дылдочкой.

Выдули три бутылки «Саян» и бутылочку кваса. Саша пил больше всех и словно опьянел. Расшумелся, разболтался. Катя встала из-за стола и пошла к телефону:

— Надо позвонить в вытрезвитель.

Саша кинулся за ней. Она захлопнула на английский замок дверь в мою комнату и что-то там болтала в телефонную трубку. А он стучал в дверь и умолял не звонить. Когда она вышла и вернулась на кухню, он, едва не плача, стал допытываться,

звонила она или нет. И успокоился только тогда, когда я сказал, что Катя пошутила.

Потом они все возились-веселились в Катиной комнате, доходя до осатанелости и экстаза, и, когда уже невозможно стало терпеть, Таня отправила их на улицу. Веселье продолжалось там — прыгали через резинку (это у теперешних детей игра вместо наших скакалочек). Потом за Таней пришла мама, затем проводили Марину (Аня живет рядом). Я оставался дома. Катя пришла домой веселая, разгоряченная. Сняла платье, подошла ко мне с поднятой вверх левой рукой и говорит

— Понюхай в подмышках. Потом пахнет.

Я понюхал, ничего не почувствовал, но спросил:

— А это хорошо или плохо?

— Да, конечно, хорошо! Как будто я совсем взрослая. Видимо, тема зрелости их занимает. Когда сели за стол, а

Марины еще не было, Саша, чокаясь бокалами с водой, после тостов за именинницу предложил и такой:

— За Марину! Чтобы она стала хорошей взрослой женщиной.

Катя и все остальные зовут Марину Сашиной невестой. А еще в прошлом году Катя под великим секретом сообщила Тане, что Марина влюблена в Австрийского. Видимо, Марина уже сейчас не может обходиться без такой атмосферы. Хорошая штучка чувствуется в ней уже теперь.

И в то же время!..

Кате надо было написать сочинение на тему «My room». Стали мы с ней писать, перечислять, что в комнате, дошли до стульев. Я говорю:

— Пиши: шесть стульев.

— А мы «шесть» еще не проходили.

— Ну, пиши пять.

— Но ведь их же шесть!

— Какая разница!

— Да! А вдруг учительница придет проверить!

2. V.78

Катя заставила Таню поехать с ней на Птичий рынок и купить хомячка. Как же — Марине купили попугая! Вот теперь эта зверушка, чуть побольше мышки, живет у нас в клетке, глазастенький чистюля. Кажется, самочка, но назвали Вениамин Львович. Вчера Катя и я ходили с ним в парк, выпустили его на траву. Очень ему все было интересно.

Все праздничные дни занимаемся с Катей английским и музыкой. Вчера она дала по телефону праздничный концерт из трех пьес для нагатинской бабушки. Старушка, конечно,

довольна: «Не пропали наши денежки!»

А вечером вчера Таня вымыла Катю в ванной, была она такой чистенькой, беленькой, хорошенькой и пошла послушно спать. Через несколько минут Таня входит в комнату — кровать пуста.

— Катя, где ты?

— Я здесь! — раздается из-под кровати, а там пыль-пылища. Вот тебе и чистенький ангелочек Хохочет, словно выпала какая-то огромная удача. Да, у детей бывают приступы такого внезапного озорства и веселья — по себе помню.

Бонди, Пастернак, Ахматова

13. VIII.78, воскресенье. Малеевка

Живу с 5 августа в Малеевке, коттедж 1, комн. 1. Рядом во второй комнате — Серг. Мих Бонди и его жена Над. Вас. Только что Бонди вот что мне рассказал (я дал ему прочитать книгу «Спираль измены Солженицына»), когда мы втроем остановились около коттеджа.

Однажды его (или их с женой вместе — я не понял) пригласили к себе Цявловские (или одна Татьяна Григорьевна — не понял), сказала: «Будет Анна Андреевна» (Ахматова). — «Но как же? Ведь возникнет разговор о «Докторе Живаго» и придется с ней ссориться», — ответил СМ., который был знаком с Ахматовой еще с двадцатых годов, даже, кажется, с первых лет революции, когда жил в Петрограде (как и с Блоком, и с другими интересными людьми). — «Ничего, приезжайте».

Мы приехали. Разговор зашел о стихах Ахматовой, о том, о сем. Когда хозяйка пригласила к столу, Анна Андреевна сама начала о книге Пастернака и рассказала вот что. Приехав из Ленинграда, сразу решила наведаться к Пастернаку. Поехала на такси. Подъехав к дому, такси не отпустила, так как была уверена, что долго не задержится. Так и произошло. Она сразу же высказала Пастернаку свое мнение о «Докторе Живаго», и оно было таким, что они тут же рассорились с романистом, и она ушла от него. Такси еще ждало.

И вторая история. Видимо, дело было в Переделкине. Сергей Бобров («Центрифуга», в которой принимал участие Б.П.) сказал Бонди, что прочитал «Живаго» и решил написать автору письмо. Письмо было очень добрым по тону, но писал он, что, мол, политика это не твоя сфера, лучше тебе писать стихи. Потом переписал письмо, оно стало короче и еще деликатнее. Через два-три дня приходит и показывает ответ Пастернака. Смысл такой: я не мальчик, чтобы меня учить, как надо писать. А что касается наших отношений (ведь очень давних!), то на этом они

прекращаются.

22. VIII.78. Малеевка, коттедж 2, комн. 7

Нет, такие вещи надо все-таки записывать! Вскоре по приезде сюда встретили мы Михаила Кудинова. Разговорились о Коктебеле, где в прошлом году мы были вместе, вспомнили к слову Викт. Тростянского. Он говорил о нем с явной, хоть и сдержанной неприязнью: все его успехи были связаны с прежней семьей, благодаря тестю ездил в командировки от ЦК и т. д.

Я, говоря совсем о другом, старался возражать:

— Он отметил в Коктебеле свою женитьбу. Щедро тратил деньги…

— Есть люди, которые сорят деньгами, а у самих в кармане один рубль остался. Это комплекс неполноценности.

Во как! Все можно вывернуть наизнанку. И щедрость, столь редкую в наши дни, можно объявить выражением комплекса неполноценности. Так можно разделаться, например, и со смелостью.

«Когда уходит женщина…»

5. IX.78. Малеевка. Утро

Недели две здесь живет Винокуров. После той новомирской ссоры, когда он обещал дать 5–6 моих переводов стихов Мусаева, а потом оказалось, что лишь три, да еще два из них совсем маленькие, и я забрал все стихи и написал ему из Коктебеля злое и едкое письмо, а он ответил разъяснением (мол, виноват Сикорский), но тоже едким, — после той ссоры отношения наши сильно охладели. Но, встречаясь в Малеевке, мы все-таки «общаемся», но немного, постепенно, начиная со сдержанных кивков, словно прощупывая друг друга — потом все-таки сходимся.

Так было и на этот раз. Вначале то ли здоровались даже, то ли нет, потом стали кивать, потом моргать друг другу, и со дня на день наконец разговорились.

А сегодня утром еще до завтрака я прохаживался перед главным корпусом около клумбы, ожидая Олега Зобнина. Вдруг вижу — вдали показался у крыльца Винокуров, он меня тоже увидал, но можно было не кивать друг другу — далеко.

Он исчез в дверях, но тотчас появился снова, видимо, не терпелось что-то. И я уже, прогуливаясь, подошел к подъезду. Он, как всегда, по привычке тронул меня за руку и стал читать стихотворение «Пивная. Случайный собутыльник». Философствует об изменчивости всего и о том, что пожил на

белом свете.

Герой слушает молча. Вдруг тот спрашивает: «Ушла?» И я сказал:

— Ушла.

— Как?

— Хорошо. Здесь написал?

— Да, недавно. И вдруг говорит:

— Я разошелся с женой.

Мне пришлось изобразить преувеличенное изумление. Дело в том, что еще в июне в Коктебеле мне сказала об этом жена Наровчатова. Но потом врачиха Лазутина, болтливая дама, когда я брал курортную карту в Малеевку, рассказала, будто сама Татьяна уверила ее, что это сплетня, что если бы ее озолотили, она не сошлась бы с Рыбаковым, которого называли.

Женя говорит о Татьяне недобро: истеричка, климакс, капризная, инфантильная… Но о Рыбакове — ни слова. Видно, самолюбие задето тем, что ушла к 65-летнему.

— Я ей дал все… Жена Винокурова! Она истерзала меня. Я словно скинул тяжелый груз. Сейчас я хочу пожить лет 5–6 в свое удовольствие.

Я напомнил ему его стихи:

Но ты уйдешь — и я умру.

— Да, я ни одного стихотворения не посвятил другой женщине. У меня много стихов об уходе: «Когда уходит женщина», «Мы встретимся когда-то в гастрономе». Весь этот сексуально-психологический комплекс я уже давно прокрутил… Через год-два она будет жалеть… Но у меня совесть чиста: я ее не гнал. Я написал письмо, в котором все изложил, и передал его друзьям.

Вечер

Винокуров, когда гуляли после ужина, прочитал две эпиграммы на Долматовского. Одна такая:

С какой ни глянешь стороны.
Он для поэзии обуза, —
Зато по линии жены
Герой Советского Союза.

Заодно запишу и давно известную эпиграмму на Острового (Моня Фукс), а то забудешь:

Жена Толстая, сын Толстой,
Его отечество Россия.
Еще чуть-чуть, и Островой
Пролезет фуксом сам в Толстые.

Лев Ошанин и Марина Цветаева

Летом 1978 года Союз писателей в связи со 110-й годовщиной Горького организовал поездку на теплоходе большой группы писателей по Волге — по «горьковским местам». Я взял с собой и жену и дочку, которой было девять лет. Она, между прочим, вела дневник нашей поездки.

Возглавлял поездку Виталий Озеров, критик, секретарь Союза, многочисленный орденоносец и лауреат. Когда проходили Елабугу, я сказал ему: здесь умерла Марина Цветаева, давайте я скажу по судовому радио несколько памятных слов о ней. «Нет. Это не входит в план нашей поездки». Какой трус!

Даже почившую, даже теперь они ее опасаются! Но венок цветов мы против Елабуги все-таки бросили.

А вот Лев Иванович Ошанин был совсем не так робок. Он столь решительно ринулся на мою Татьяну, что мне пришлось вмешаться. Ну, не столь кардинально, как Коле Старшинову, когда-то спасавшему свою жену Юлю Друнину от посягательства Павла Антокольского, пытавшегося во время дружеского застолья по поводу выхода первой книги Вероники Тушновой затащить Юлю в ванну, но все же… А потом я как бы от имени Тани написал ему вот это письмо:

«Дорогой Лев Иванович!

Я раньше не читали ни одной Вашей книги. Но теперь, после знакомства с Вами, решила прочитать. Некоторые знатоки не советовали, говорили, что это хотя на голову выше Бориса Дубровина, но на две головы ниже Сергея Острового. Я не послушалась, прочитала все, что есть в библиотеке Дома творчества в Коктебеле. Знатоки оказались просто завистниками и злопыхателями. Мне открылся новый прекрасный мир!

Товарищи-погодки,
Мы все одной походки!..

Не продолжить ли, не развить ли Вам эту благодатную тему в таком духе:

Товарищи-погодки,

Мы все одной походки,
Мы все одной улыбки — я не лгу! —
И все в одной мы лодке,
И все с одной извилиной в мозгу.

Только вот почему «погодки»? Вы, очевидно, думаете, что это ровесники, одногодки. Нет, как знаменитый поэт и русский дворянин, Вы должны бы знать, что ровесники это годки, одногодки, а не погодки. То есть Вы употребили слово, не зная его смысла. Ваш собрат Лев Толстой, тоже дворянин, говорил: «Если бы я был царь, я бы приказал писателей, употребляющих слова, смысла которых они не понимают, пороть розгами на площадях». И вот представьте, выводит Вас Георгий Мокеевич на Кудринскую площадь, что возле Союза писателей, приказывает растелешаться, лечь на построенный Шорором помост, является тень Льва Толстого, скидывает зипунишко и — пошла работа! Какой кошмар…

И потом, разве Вы одной походки со всеми. Нет же! И потому Вам следовало бы написать примерно так:

Друзяки-одногодки,
Вы все одной походки,
А я с душой орлиной,
С походочкой козлиной…

Лев Иванович, как приятно было узнать о Вашем дворянском происхождении. Нет, Вы даже заявили: «Я дворянин!» То есть сейчас и здесь. Правда, ныне каждый третий уверяет, что дворянин, но раньше молчали, суслики. А вот Маяковский прямо заявлял, да еще в какое время:

Столбовой отец мой дворянин,
кожа на руках моих тонка…

Но Вы-то сразу видно — настоящий дворянин! Не удивлюсь, если следующий раз Вы скажете, что из Рюриковичей. Это видно по всем Вашим повадкам и замашкам. Как, например, разгневались Вы на Акакия Акакиевича из Союза, который не смог достать для Вас билет в мягком вагоне! Вы топали ногами, рычали и закатывали глаза… Все сразу увидели Вашу породу.

Вы должны, Лев Иванович, написать поэму о своем дворянском роде. В самом деле, чего молчать! Давно пора

гаркнуть что-нибудь в таком духе:

Я — дворянин, и дух мой молод!..

Или Вам некогда? Говорят, Вы записали поэму об Александре Македонском и взялись за Навуходоносора. Очень актуально! Желаю успеха.

Т.Б.».

Отправить письмо Таня мне не разрешила. Ну, в самом деле, кто без греха! А Лев Иванович был, конечно, очень талантлив. Сколько замечательных песен на его слова! Чего стоят одни «Дороги», не говоря уж о «Волге», коронной песне Людмилы Зыкиной:

Среди снегов белых,
Среди хлебов спелых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет…

Но — что было, то было, как озаглавил свои воспоминания Коля Старшинов.

11. IX.78. Малеевка

Только что прочитал послесловие Толстого к рассказу Чехова «Душечка». Рассказ этот я читал когда-то еще в школьные годы, видимо, и понимал его так, как все — как осмеяние Душечки за отсутствие характера, взглядов, собственной личности. Но вот как-то читал по телевидению этот рассказ Игорь Ильинский — превосходно читал, и мы с Таней поразились, как неверно этот рассказ у нас трактуют и мы его сами понимаем. Душечка — не отсутствие личности, а наоборот — именно личность, вся до последней капли, суть которой — любовь, жалость, доброта. Любви она и отдается, доброте она и служит всю жизнь. Об этом и пишет Толстой: «Он [Чехов], как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина, и для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем сводит ее судьба. Рассказ этот от того такой прекрасный, что он вышел бессознательно».

Точно так же перевернулось у меня под влиянием чтения по радио Игоря Ильинского представление о «Старосветских помещиках» Гоголя, которых нам всегда представляли как

«прорехи на человечестве».

24. IX.78, воскресенье

Вчера возвращались с Катей от мамы из Нагатина. Перед этим были в Оружейной палате, потом походили по Кремлю, устали. А Галя накормила нас обедом. Мы посидели с часок и поехали. В метро Катя привалилась ко мне головкой, а я держал в руках ее левую руку и перебирал пальчики. После од-ной-двух остановок спохватился — глажу, пальчики-то спят, посмотрел — и она спит. Замер, не шевелясь. Так и доехали до «Аэропорта».

1. X.78, воскресенье

Спрашиваем Катю:

— Ты хотела бы родиться раньше?

— Нет! Тогда бы я не знала мою Ситу.

Неужели действительно такая привязанность? Привязывается она легко.

Она стала командиром «звездочки». Сегодня что-то тайно готовила для «звездочки», какие-то бумажки, картинки. Я вошел — накинулась на меня с кулаками и вытолкала. Тане сказала:

— Пусть Володя не заходит, получит полный вылет.

11 ноября

Попал вчера в ЦДЛ на концерт Пугачевой. Все чрезмерно, преувеличено, начиная с ее «вступительного слова»: «Великий поэт Мандельштам…» Ну, конечно, иначе она не может.

5. XII.78

Сегодня 175 лет со дня рождения Тютчева. Вчера по телевизору была передача, в которой принимали участие Юрий Нагибин и артисты Маргарита Терехова и Михаил Козаков. Сейчас — по радио: тот же Козаков и Ахмадулина. Передача называлась «О, время, погоди!» по известному стихотворению Тютчева. И невольно подумалось: Фауст у Гёте умоляет: «Остановись, мгновенье!», Тютчев просит: «Время, погоди!», а вот мы устами Маяковского, Катаева понукали: «Время, вперед! Вперед, время!»

Но это чепуха, гораздо важнее, что Кузя сегодня второй раз пошла в школу одна, самостоятельно. А с музыкой у нее все нелады. Вот уже третий раз уроки заканчиваются слезами.

Послал письма Ю. Бондареву и Ф. Кузнецову с просьбой выдвинуть на премию недавно вышедшую книгу С. М. Бонди «О Пушкине» — плод его 65-летней любви и труда. Он мне ее подарил. А ему уже 88-й год. Когда еще ждать! Я им писал

«Давайте на этот раз обойдем Михалкова и порадуем старца!» Не вняли…

* * *

Вышел в «Современнике» роман А Шортанова. Послал письмо в Нальчик

«Милая Аллочка!

Я хочу, чтобы эту радостную весть Ваш достопочтенный родитель услышал из Ваших ангельских уст: сообщите ему, что его великий роман «Горцы» вышел в свет.

Теперь он должен закатить грандиозное пиршество в Нальчике, на которое я прибуду не столько ради романа, сколько затем, чтобы лицезреть Вас.

Дорогой Аскерби, поздравляю! Несмотря на твое яростное сопротивление роман все-таки вышел.

Работаешь ли ты, тунеядец, над третьей частью? Разве тебе зря назначили персональную премию? Она обязывает тебя трудиться и трудиться.

Газету с отрывком из романа получил. Читал и плакал — как это ты здорово все завернул! И как гениально я все это перевел.

Будь здоров!

Сердечный поклон Мае. Она всегда останется в моей памяти в образе прекрасной хранительницы домашнего очага.

Привет Алиму Тепееву. Я с ним недавно был в Пицунде. Славный горский парень!

Обнимаю.

5.12.78 г.»

13. I.1979, Малеевка

30 декабря приехали все трое в Малеевку. Стояли жуткие морозы -35—40 и даже 44 градуса. Из-за этого добирались не без приключений: все расписание электричек сбилось, нас гоняли с платформы на платформу на Белорусском вокзале, суета, толчея, я иду с чемоданом впереди, Таня с Катей со своими сумочками где-то сзади, потеряли друг друга. И сразу на ум приходит: война! (Тьфу, тьфу, тьфу!)

Так как многие приехали раньше, то сесть в столовой пришлось, где было три места. Соседями оказались Вл. Маканин с женой, корейкой-еврейкой, и дочкой на год старше Кати. Девочки подружились. Жена говорлива и приятна, сам М. мне непонятен, сдержан. А в последний день он вдруг вздумал рассказать, что

жил у них дома недавно петух, как он славно пел и т. д., а потом они его зарезали и съели. Это для Кати-то моей такие рассказы! У нее в глазах стояли слезы. Какая тупость! Не читал его книг, хотя он мне в Коктебеле презентовал свою, и теперь никогда читать не стану.

Первые дни морозы мешали гулять, а как только ослабли, как в прошлом году, явился дядя Коля со своими лошадьми, и началось катание в санях (50 коп.) и верхом (1 рубль). Катюшка ужасно полюбила верховую езду еще в прошлом году, и сейчас сделала круга 3–4. Удивляюсь я ее смелости.

7-го уехала Таня. Мы с Катей должны были уехать 10-го, но прозевали заплатить вовремя за автобус и остались до 11-го.

14.1.79

Было на каникулах несколько смешных эпизодов. Вечером пропал Карпеко. Его Оля прибилась к Тане с Катей, и они бегают по всей Малеевке, ищут папулечку Им говорит кто-то, что он у Кикнадзе играет в преферанс. Катя то и дело слышит: Кикнадзе, преферанс, преферанс, Кикнадзе… Слова для нее новые и непонятные, и она почему-то решила, что Преферанс — это фамилия, а Кикнадзе — игра. «Сколько можно играть в кикнадзе?» — спрашивает она у Тани. Оля ночевала у нас. А утром я передал Карпеке в столовой меморандум:

От твоих забот и ласк
Жена уехала в Дамаск,
А дочурка после ужина
Приютилась в доме Бушина.
Не встречал я человека
Беззаботней, чем Карпеко.
С пылом истого марксиста
Я кляну преферансиста!

15. I.79

Сегодня под утро увидел странный сон. То ли по принуждению, то ли по честолюбию мне надо прыгнуть с большой высоты в море. Я выхожу на помост, вроде вышки-трамплина. Внизу бурно плещется синее (цвет вижу) море. На меня смотрит множество людей. Я кричу им что-то пафосно-прощаль-ное, называя с чем-то связанную цифру 15 (15 января?), и подхожу к краю. И тут так отчетливо представляю себе смерть в глубине моря, испытываю такой страх смерти, что не выдерживаю и отступаю назад. И, видимо, сразу просыпаюсь.

16. I.79

Шах смотался, наконец, из Ирана. По данным газет, потребовалось 65 тыс. человеческих жизней, чтобы сковырнуть одного мерзавца! А в Камбодже было убито 3 миллиона, прежде чем вышибли Пол Пота и Сари. Румыны, этот недоучившийся Чаушеску, осуждают военное вмешательство вьетнамцев в камбоджийские дела. А разве они сами получили свободу от фашизма, от Антонеску не благодаря нашему военному вмешательству?

19 янв.

Как всегда, на своем месте за столом у самого входа появился Мустай Карим. Я встал из-за стола, подошел и, пожимая ему руку, сказал:

Непревзойден, неповторим,
Опять явился к нам Карим.

20.1.79 г.

Хотя Викулов вчера на лыжне вогнал меня в хороший пот, но спал я плохо. Видно, виновата стопка водки, что выпил перед ужином: возбудила, а исхода нет. Поэтому встал поздно. Завтракать пришел уже в 11-м часу. Семен Шуртаков спрашивает, что так опоздал. Работал, говорю. Он прочитал такой стишок

Пишу я день, пишу я ночь,
Хочу родне своей помочь.
Сидит вокруг моя родня
И ждет искусства от меня.

21.1.79 г.

Вчера вечером гуляли вчетвером: Шуртаков, Викулов, Проскурин и я. Все критиканствуют, шумят, возмущаются, но ведь рта не разинут, чтобы публично хоть какого секретариш-ку покритиковать. Ну, Викулов-то хоть отличные вещи в своем журнале печатает, и это совсем не пустяк Но вот предложил я ему два года назад скосительную статью об оскорбительном для нас романе Окуджавы — в кусты, обвинила его Римма Казакова на партсобрании в антисемитизме (слово «пархатый» обнаружила!) — проглотил. А уж Шуртаков-то с Проскуриным правоверны до тошноты, в жизни своей ни одного резкого слова против порядка не сказали, а тут ерепенятся, витийствуют. Нет, мы заслужили все то, что имеем. Заслужили. Это я им и сказал —

что заслужили.

Шуртаков прочитал эпиграммы будто бы Н. Глазкова:

Как золото сияет дрянь,
Как серебро сверкает сор —
Долматусовская ошань
Повылезла из нор.

Грубо и несправедливо.

17/30

После обеда с Викуловым и Проскуриным дали традиционный кружок на лыжах. Проскурин такой здоровый, а плелся в хвосте, правда, он сегодня первый раз. Рассказал он анекдот, который ему здесь рассказал «один еврей»:

— Что будет, если Брежнев умрет? Ему — «Малая Земля», а всем остальным — «Возрождение».

Это названия его книг.

23 января 79. Москва

В декабре был такой эпизод. Катя дня три болела. Но вот уже выздоровела, и ей звонят из школы, чтобы она пришла на музыку. А я, уходя, запер ее, ключа у нее нет. И что же делает наш сообразительный ребенок? Она звонит по телефону Саше Грампу, просит его прийти. «Зачем?» — «Потом скажу». Тот бросает все дома, идет. Подошел к двери, и она через дверь говорит, чтобы он достал из почтового ящика ключ и отомкнул ее. С большими трудностями Саша достает ключ, освобождает пленницу, и та бежит на занятия. И не опаздывает.

И сама Катя, и все мы были восхищены ее сообразительностью.

А на другой день или через день она мне звонит из школы: забыла мисочку, склеенную из бумаги! Володя, принеси! Я, конечно, бросаю все дела, хватаю мисочку, бегу. И опять радуемся сообразительности ребенка…

28.1.79

На мой день рождения, 24-го, Мария Мих испекла торт «Наполеон». Катя почему-то назвала его Ипполит, говорила: «Дайте кусочек Ипполита». Я удивлялся: откуда у нее это имя? Таня мне разъяснила: из фильма «С легким паром», который Катя смотрела два раза.

Вчера были на дне рождения Гали. 60 лет! По старым понятиям, не просто старуха, а глубокая. Собрались почти все, не

было только нашей Кати — не любит она в гости ходить (с нами) и гостей принимать (наших), а своих гостей, конечно, любит.

Сегодня с Таней Успенской и ее мамой Катя ездила на ВДНХ. Катались на лошадях и пони. Они обе страстные лошадницы. Ведь в каникулы, как и в прошлом году, Катя ездила верхом. Вчера я купил ей какую-то яркую красочную книгу «Прощайте и здравствуйте, кони» Бориса Алмазова.

30.1.79

Сегодня Коле Глазкову 60 лет. Сейчас пойду послать ему телеграмму:

Кто цветет во всей красе
На Аминьевском шоссе?
Мой ответ всегда таков:
Там цветет поэт Глазков.
Как газеты все гласят,
Нынче Коле шестьдесят.
Шестьдесят не девяносто!
Значит, есть резервы роста.
Но пусть будет не пуста
Чаша жизни и до ста.
Ибо русской музе нужен
Ты всегда. Целую. Бушин.

1. II, 11.50 вечера

Нынешний день был так насыщен всякой всячиной, что опиши его подробно — вышла бы интересная книга. Так хоть зафиксировать факты.

Встал без четверти восемь. Проводил Катю и Таню. После завтрака (творог, два бутерброда) до 11 работал над статьей о сочинении Окуджавы. Позвонила Люба — мать Ани Каминской. Побрился, и мы пошли в РОНО. Прождали там полчаса некую Соколову, толстуху лет пятидесяти. Произношу пылкую речь против принудительного продленного дня. Оказывается, никакого принуждения РОНО не одобряло. Все упирается в финансы: надо, чтобы в группе было не меньше 35 человек, иначе фининспектор снимет штатную единицу. Уходим обнадеженные. Иду в сберкассу, плачу за Катину музыку 15 р., за телефон (год) — 30 р., за квартиру (январь) — 24 р.

Иду домой, захожу в магазин, покупаю две бутылки «Жигулевского» пива.

Дома обедаю (одно первое + апельсин) и продолжаю работу

над статьей. Около половины пятого иду в поликлинику — к протезисту Абраму Борисовичу Дашевскому. До этого, а может быть, еще утром принесли две бандероли из «Современника» — 5 экз. книги Аскерби Шортанова «Горцы», которую я перевел.

В поликлинике минут 45 жду очереди. Дашевскому показываю снимки зубов, сделанные в пятницу и понедельник Спрашиваю, прав ли врач платной поликлиники, говоря, что мне лучше делать зубы не из золота, а из металла. Он смеется, мол, морочит он мне голову. Благодарю. Ухожу. У гардероба застаю очаровательную девушку, которую заметил еще раньше, у кабинета зубного врача Ермаковой.

Видение

2. II.79 (продолжение)

Она сидела на стуле против кабинета и что-то читала, похоже, что сценарий. Она высока, крупна, у нее пышные светлые волосы. На ней была кофта в крупную косую клетку и широкая юбка. Все это я разглядел потом, а первое, что мне бросилось в глаза — красный сапожок, который она изящно поставила на самое острие каблука. Против кабинета к Дашевскому сидела какая-то знакомая в лицо литературная дама с черным ртом. Она тоже держала ногу в сапоге на пятке, задрав носок кверху. О! Земля и небо! Сонет Петрарки и стихи Острового.

Когда она вошла в кабинет и села в кресло, дверь осталась открытой, и я видел, как она сидела, откинув голову.

Она одевается и смотрится в зеркало. Я — тоже. И говорю:

— Ну, истерзали вас в кресле?

Она что-то ответила. Вместе вышли. Она едет на Новый Арбат, ей нужен район кинотеатра «Октябрь». Мы входим в метро, говорим о каких-то пустяках. У нее проездной билет. В вагоне продолжаем разговаривать. Она скидывает то ли платок, то ли капюшон и встряхивает своими роскошными волосами. Она знает, что так ей идет, ей, очевидно, хочется понравиться. Но это ей так легко. Я любуюсь ее лицом. Сколько в нем жизни, свежести, игры. Еще на улице я спросил, не к экзаменам ли она готовилась, ожидая очереди. Нет. Она уже кончила учебу.

— Сколько же вам лет? 24? Такая молодая…

— Мне 21.

После института направили во Владимир. Через два месяца вернулась в Москву. Работа была неинтересная, но дело, очевидно, не в этом. Есть муж, ему 30 лет. Учится где-то на 3-м курсе.

— Вас звать Наташа?

— Так зовут мою сестру.

Я перебираю несколько имен. Не угадываю. Она говорит сама:

— Любовь.

Меня удивило, что не «Люба» сказала. Но как бы то ни было, а это третья Люба за сегодняшний день. Те были как бы предвестниками этой.

Доехали до пл. Свердлова, вышли.

— Я буду в понедельник, 6-го, опять у зубного врача.

Мы расстались. Поднимаясь по эскалатору, я оглянулся и увидел вдали ее высокую фигуру с рассыпанными волосами.

Стал подсчитывать. Оказалось, что понедельник — не 6-е, а 5-е. Доехал до «Динамо», вышел, чтобы пройтись, опомниться.

Знакомый Марков

18. II.79.

В тот день, 1 февраля, описание которого я так и не закончил, позвонил Г. Марков. Я был у него на приеме 29.XII и изложил идею насчет книги о Солженицыне. Он встретил мое предложение почти восторженно, если был бы способен на восторг. Мы беседовали минут 45. Он подробно рассказывал о встречах и беседах с С. «Вот здесь», — указал рукой на длинный стол. Оказывается, в архиве Федина сохранились рассказы, которые С. посылал ему еще до войны или во время войны. М. сказал, что они были своеобразны по языку. Едва ли это так, он понял, что такое язык, лишь после встречи со словарем Даля в заключении, лет в 30. Рассказы, говорит, о природе. Тоже сомнительно. Природы в его книгах вообще нет, она его едва ли когда интересовала. Говорит, что Федин относился к нему как к писателю отрицательно, что сильно недоумевал Яр. Ивашкевич. Намекнул на то, что и сам сидел. Ну, уж за что бы такого аккуратиста сажать? В конце сказал, чтобы я написал ему письмо, изложив суть дела и попросив «проконсультироваться с компетентными товарищами». Я послал ему такое письмо из Малеевки. Вернувшись оттуда 24-го, послал маленькое письмецо: мол, время идет.

И вот он позвонил. Все, говорит, в порядке, согласовал с Михаилом Васильевичем.

— А кто это? — ляпнул я.

— Кто у нас, — говорит, — М.В.?

— Не знаю. Мялся-мялся, сказал:

— Зимянин.

Я удивился: разве он занимается идеологией? В общем, получено одобрение на самом верху. Договорились, что я напишу заявку в Сов. пис.

Вчера я послал Маркову новое письмецо, а сегодня он уже звонит. Договорились, что встретимся завтра в 11-м часу.

Фахчисарайский бонтан

Февраль 1979 г.

Недавно получил в Книжной лавке на Кузнецком последний десятый том собр. соч. Пушкина. Издание юбилейное — тираж 500 тыс., бумага отличная, переплет роскошный, и при всем этом — какой постыдный научный уровень! Сколько опечаток, искажений авторского текста, сколько путаницы и нелепостей в комментариях, какое примитивное толкование некоторых произведений! А каков язычок всего «научного аппарата»!

Я уже писал об этом в Госкомиздат, когда еще только вышли 1-й и 2-й тома. Как сообщил мне его важный сотрудник Володя Туркин, тогда по моему письму там было проведено какое-то грандиозное совещание с участием директора и гл. редактора Гослитиздата, были приняты экстренные меры, выработаны всеохватные решения и т. д. и т. п. А на деле все свелось к лишению квартальной премии редактора 2-го тома А. Саакянц. Она позвонила мне: разве, мол, это критика — премии лишают! Пришлось оправдываться: я не хотел этого и не мог предвидеть. Позвонил Туркину: не одна Саакянц виновата, и я думал об улучшении издания, а не об административных мерах. Не убедил. Она осталась без премии. Воистину, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

А тома продолжали выходить все на том же безобразном уровне. Тогда я написал злую статью и пошел по редакциям. Был в «Сов. России», «Учительской газете», «Труде», «Лит. России», «Литгазете», «Комсомолке». Везде со мной соглашались, негодовали: «Какой позор! Это же Пушкин! Наша святыня. Вот мы их!» И готовы были немедленно действовать. Но потом начинали кумекать: это ведь Гослитиздат, лучшее издательство страны, тираж грандиозный, да еще юбилейное издание, дело прямо-таки государственного размаха, всенародного значения… И выступать с критикой столь важного дела уже боязно.

Но я был неутомим, и настойчивость была не напрасна. Нашлась-таки газета, которая решилась выступить в защиту Пушкина — «Московский комсомолец». Там 24.9.76 напечатали мой забористый фельетон «Фахчисарайский бонтан», в котором я высмеял лишь малую часть той путаницы, нелепостей и ошибок,

которыми насыщены первые тома.

Но надо же сказать и о других. Я продолжал поиски героев. В Москве такого больше не нашлось. Я перекинулся на областные журналы. Но, увы, и оттуда статью возвращали в упаковке из несминаемых комплиментов. Так, 2 февраля 1976 года С. Боровиков, завотделом критики журнала «Волга» (Саратов), писал мне: «Важность статьи бесспорна, написана остро, интересно, со знанием дела. Но нам кажется, что по духу и цели она не для толстого журнала. По нашему мнению, статья уместнее в «Литгазете» или «ЛитРоссии». Поэтому у нас предложение к вам (или совет) отдать статью туда».

Он мне советовал! Он мне предлагал! Будто я без него не знаю, где ЛГ, где ЛР. В первой статью читать и не стали, в ЛР она пролежала полгода, и я получил ответ:

«Замглавного М. М. Колосов считает, что это материал для толстого журнала.

С уважением *И. Богатко.*
11.6.75».

Итак, Боровков мне сказал «Иди-ка лучше к Колосову, а Колосов — «Шел бы ты к Боровкову». И это деятели русской литературы, ее борцы и, конечно же, обожатели Пушкина!

Но все-таки я и тут нашел журнал, который напечатал статью — ростовский «Дон» (№ 1’77). Правда, статью сократили, дали ей беззубое заглавие «Досадные промахи серьезного издания», подвели едва ли не под развлекательный жанр «Заметки на полях»… Ну да и за это в мире трусов и перестраховщиков спасибо.

А Гослит ни на фельетон, ни на статью и ухом не повел.

И ведь сколько труда, сколько времени потрачено! И это за Пушкина…. Прав был Ходасевич: его именем мы скоро станем аукаться в пустыне…

Дима

9. III.79 г.

7-го были на вечере в ЦДЛ с Таней. Столик наш (на двоих) стоял в баре, в углу. Рядом с нами оказались Миша Синельников с женой и какими-то приятелями. Он рассказал, что Димка Стариков в больнице, у него была операция по поводу опухоли в мозгу. Операция прошла удачно, и чувствует он себя хорошо. Но вот я сегодня позвонил Светлане — ее не оказалось дома,

подошла его мать, плачет, говорит сквозь слезы: «Куда ползти, чтобы помогли моему мальчику? Чем вы можете помочь?» Она в отчаянии. Оказывается, после короткого улучшения стало хуже.

И сразу мне вспомнилось, что Роберт Бакмухаметов когда-то сказал спьяну Старикову… Нет, не буду это писать, не могу.

11. III.Воскресенье, рабочее

Только что от Старикова. Вчера позвонила Светлана и попросила помочь забрать его сегодня из клиники. Приехал без двадцати два. Это на улице Россолимо, параллельно Пироговке. Потом пришел Миша Синельников, был еще Лев Шилов, который восстанавливает голоса писателей (записи). Светлана послала нас к выходу. Прождали минут 20. Потом открылась дверь и появилась каталка со Стариковым. Его вид страшен. Лицо черное, словно запекшееся, и сквозь черноту проступает бледность. Мы взяли его под руки и довели до машины. Он хотел было сесть на сиденье, но мы положили его все-таки на носилки, и на носилках поехал. Время от времени он корчился от судорог — приступы боли в паху. Я сидел от него справа и всю дорогу придерживал его на поворотах. Так на носилках и внесли его в квартиру на втором этаже. Он немного посидел в кресле, потом мы положили его на кровать. Память ясная, все помнит, иногда даже улыбается, но лицо как бы обнажено — безо всякой посторонней игры и чувств: человек один на один с великой опасностью. Светлана принесла коньяку. Выпили по паре рюмок — за то, чтобы следующий раз и ты с нами выпил. Там, у клиники, когда я только его увидел, не сдержался и заплакал, но, кажется, никто не видел, может быть, Синельников только.

Несколько минут мы оставались с ним одни — все ушли в кухню. Он говорил, предполагая будущее:

— Вот месяц-другой побуду дома, а потом поедем куда—нибудь… В этом году я ничего писать не буду, у меня слабость. Ну, если только что-то само собой родится.

Мать и отец его держатся, но мать все хотела чем-то услужить, и это его раздражало.

Господи, пошли ему выздоровление. Ведь бывает же!

15. III.79, четверг.

4-го в воскресенье были выборы в Верховный Совет. Катя ходила с нами голосовать. Спрашивает:

— А вписать в бюллетень кого-то другого можно?

— Можно, — говорю. — А ты бы кого вписала?

— Ситу!

Удивительна эта ее необыкновенная любовь к ней.

17. III.

Надо записать, что при разговоре 19 февраля Марков сам по своему почину снова повторил, что Зимянин ему сказал, что книга о Солженицыне не только нужна, но просто необходима, имея в виду будущее.

Но до сих пор — прошел уже месяц — никакого шевеления нет ни у Маркова, ни у Верченко, к которому он меня переадресовал.

Я попросил у него телефон, чтобы при случае посоветоваться, не дал — отмолчался.

Я предложил ему почитать написанное — тоже ухом не пошевелил. У, «отъевшаяся лиса»!

* * *

Сегодня оставил Кузнецову записку:

«Феликс!

Очень плох Стариков. Два часа тому назад мы с его женой привезли его из клиники нервных болезней, где его оперировали по поводу опухоли в мозгу. Опухоль оказалась злокачественной. Говорят, что помочь может только химиотерапия у Блохина. Но как туда попасть?

Умоляю, сделай все, что можно, что доступно Союзу писателей.

Позвони его жене, ее звать Светлана: 198-81-23.

Она говорила мне, что у вас с ним были какие-то там недобрые отношения. Но перед лицом надвигающегося все это такая мышиная возня… Светлана знает какую-то помощницу Блохина, к которой надо обратиться».

22. III.79

Катя говорит Тане:

— У Оли Калачкиной папа работает… Ну, что-то среднее между этажеркой и протеже. (Это слово она знает — был разговор о нем.)

Таня, зная, что они собираются в Америку, угадывает

— Атташе?

— Да, да!

* * *

Катя говорит Тане:

— Я очень хочу полюбить финики. Научи меня!

30. III.79

Я говорю Кате:

— Самое дорогое на свете — здоровье. Оно дороже всего-всего.

— Дороже щенка?

* * *

Купил довольно большой орфографический словарь, положил на Катин стол, там он и лежит. На днях говорю ей:

— Ты заглядывала в него?

— Нет, он мне не пригаживается.

С какой легкостью и естественностью она сказала это слово, перед которым любой взрослый оторопел бы.

1. IV, воскресенье

Какой рев устроила сейчас Катена из-за того, что ее опять не разбудили в 6 часов идти на ипподром! В прошлую субботу Таня и Римма водили ее туда, но напрасно. Оказывается, за билетами надо приходить рано.

Малеевская страсть к лошадям бушует в ней с прежней силой. Наревелась, кажется, опять уснула…

Вечером

Ах, как роскошно обманул сегодня Катьку!

С утра она помнила, что сегодня 1-е апреля, верить никому нельзя. Слушала радио, где передавались первоапрельские хохмочки, смотрела в газете карикатуру, собиралась кому-то позвонить и сказать: «Это баня?» — такой рассказец только что

услышала по радио. Словом, вся была в атмосфере 1-го апреля. Вдруг я вхожу в кухню, под мышкой у меня газета, в руках — конверт и ножницы.

— Ого! Что это за письмо? — беззаботно говорю я и становлюсь у стола так, чтобы она обратила на меня внимание. Взрезаю конверт. Несколько секунд молчу.

— Ба! Катя, погляди-ка! Тебе повезло!

Она берет в руки бумажку, на которой напечатано: «Уважаемый товарищ Бушин! Доводим до Вашего сведения, что по причине хозяйственно-технических неполадок в школе № 69 каникулы учащихся 1–4 классов продлеваются до четверга 5-го

апреля. Директор школы № 69 Т. Абакумова. 31 марта 1979 г.»

Катька визжит, хлопает в ладоши, прыгает, бежит звонить Ане.

— Ты получила письмо от директора? Нет? Ну так знай, каникулы продлили до пятого.

Та не верит, сейчас, говорит, приду. Приходит, они вертят бумажку. Закрадывается первое сомнение а может быть, это кто-то из класса прислал. Но так хочется верить, что они тут же отбрасывают сомнения и, счастливые, идут в ЦДЛ на утренник

В четвертом часу приходят домой, и Катька с порога кидается на меня с кулаками:

— Какой же ты все-таки, Володечка!

6. IV.79

Мама болеет. Я давно не был. Она говорит Гале:

— Где же это мой орел, вороньи перья? Не устаю восхищаться языком мамы.

11. IV

Я заметил, что пока не вспомню внешнего вида книги и названия, не могу найти ее в своей библиотеке. Вот сейчас искал Монтескье и не нашел, а оказывается, мне нужен Бэкон, и я его ищу и сейчас найду.

Прошло минуты три-четыре. Нашел! Он лежал в стопке книг на полу, а я искал его на полках.

26. IV.79

Сегодня было партсобрание. Доклад «Писатель-публицист и современность» делала Е. С. Каплинская (первый раз вижу). Я, говорит, рак на безрыбье. Думалось, что у раков нрав иной, чем у рыб. Куда там! Та же рыбья песенка: «Как прекрасен этот мир!..»

Дошла до того, что Анатолия Медникова назвала «корифеем публицистики». А тот, выступая сразу за ней, назвал Поваляева нашим Джеком Лондоном. Ну, дают! Хотел выступить, да подумал: сидят десятка три стариков — перед кем бисер метать?

* * *

Недавно в магазине продавщица винного отдела обругала какого-то парня, видно, ее постоянного клиента, Мазепой. Он в ответ буркнул: «Сама ты Мазепа!» Очень интересно! Выходит, жива анафема Ивашке Мазепе!

* * *

14-го, в субботу, отмечали Катино 10-летие, и за столом было 10 человек: Марина Ситникова, Таня Успенская, Оля Неврова, Соня Ковалева, Таня Шаврова, Лиля Кагановская, Тая Кузнецова, Аня Каминская и Саша Грамн, один среди девяти. Они дрались подушками, носились по квартире, играя в прятки. Это был самум. Аравийский ураган, нашествие орды!

* * *

Сегодня всю ночь снилась Нина Головина — молодая, красивая, как в 20 лет. Будто я встретил ее где-то на пл. Революции, у метро, с двумя ее подругами, взрослыми тетями. Потом мы оказались одни в какой-то большой комнате, она сидит у стола, я лежу на диване, что ли, и я чувствую, что если не приласкаю ее, то она обидится. Я должен, но не хочу.

С чего бы это? Может быть, результат недавнего чтения военного дневника, где много записей о ней?

* * *

А еще недавно видел такие сны.

1. Будто я стою на вышке для прыжков в воду и должен прыгнуть, и погибну. И я ощутил страх смерти и отошел от края.

2. Будто мчусь с кем-то в открытой машине по горной дороге, и на резком повороте вправо машина едва не летит в пропасть, останавливается на самом краю.

* * *

Вчера звонил Старикову и говорил с ним. Он очень плох, жуткая слабость, не может ходить. Говорит: «У меня типичный блуждающий радикулит». Настроение тяжелое, мрачное. Бедные родители! Бедная Светка! Бедный Димка!

2. V. 79. 6.55

Только что позвонила Светлана. Сказала, что полчаса назад умер Дима.

5. V.79, суббота

В прошлое воскресенье в передаче по ТВ «Международная панорама» выступал Генрих Боровик.

Говорил о том, о сем.

Вдруг появляется на экране портрет молодой женщины. И он рассказывает о ней такое… Это известный адвокат. По заданию подпольной патриотической организации она «влюбила в себя» (его слова) какого-то военного начальника полиции Никарагуа, пригласила к себе в гости и — убила.

Это произошло 8 марта 1978 г.

«Я спросил у нее:

— Это случайное совпадение?

Она засмеялась и ответила, что конечно».

Допустим, он мерзавец и заслужил смерть, но превращение любви в средство убийства — подлость.

Вера Засулич не завлекала Трепова, а налила, и все тут.

Тактика Юдифи, убившей Олоферна, не подошла и для Лены Мазаник, она была прислугой гауляйтера Кубе в Минске и подложила ему под кровать мину, видимо, с часовым механизмом (сент. 1943 г.).

Ну а если убила, так нечего тут рассусоливать, а ему, видишь ли, желательно «обыграть» день 8 Марта, когда во всем мире празднуют женственность, а вот она — убила. Да еще смеется при этом.

Похоронили, помянули

11. V.79

7-го похоронили Диму. 7-го Катю приняли в пионеры. 7-го у нас было партсобрание, на котором с речью выступил Викт. Вас. Гришин. В похоронах было больше жизни, чем в его речи. Панихида была в ИМЛИ. Все было достойно и основательно. Очень много речей: Бялик, Ковский и др. Удивительно, как некоторые охочи произносить речи. Этот Ковский говорил и в ИМЛИ, и в крематории, и на поминках (да не два ли раза?). В крематории у Донского монастыря (это первый, а теперь, говорят, их три) я был на похоронах Павла Петровича Лаврова в 33-м году и, видимо, на похоронах тети Клаши, в том же 33-м, и отца в 36-м. Но помню только первое посещение, в 33-м году. 46 лет тому назад! Тогда гроб опускался без крышки и медленно, теперь — быстро и с крышкой.

Молодая вдова не совсем соответствовала драматичности ситуации. В ней столько жизни, что она то и дело прорывалась в

ней, то улыбкой, то озорной фразой. Когда рассаживались за стол (ЦДЛ, боковушка), она спросила меня, где ей надо садиться. Я посадил ее не во главе стола, но недалеко. Рядом с ней сидела Лена — внучка пушкиниста Гессена, а напротив меня — антисоветчик Яблоков, эколог. Смотрю на него и вспоминаю Горького: «Иногда не тех, кого бы надо…»

* * *

Однажды в детстве я чуть не оказался убийцей. Дело было в Раменском, мне было лет восемь. У отца, видимо, еще с офицерских времен был браунинг. Он лежал в ящике его письменного стола. Я каким-то образом знал об этом. И порой залезал под стол, просовывал руку сзади в ящик и доставал браунинг. Однажды, естественно, мне захотелось похвастаться перед друзьями. И я позвал их, братьев Ромаковых — Диму, Юру и Женю, моего ровесника и друга. Достал браунинг и вертел его в руках. И вдруг нажал на спуск Раздался выстрел. И только совершенно случайно пуля никого не задела, а врезалась в стену. Комната была оклеена обоями, изображавшими шишкинских медведей («Утро в сосновом лесу»). Так вот в одного из медведей я и попал. А если бы в кого-то из друзей? Страшно представить!.. Его величество случай, в тот раз помиловавший меня.

* * *

20. V. 79, воскресенье. 3 часа

Только что по округе прошла гроза, и в воздухе посвежело. А до этого несколько дней стояла дикая жара — до 30 градусов. В такое время мая, говорили по радио, подобной жары не было, как всегда, 100 лет. В эти жаркие дни как преобразилась Москва. Улицы заполнили женщины в летних платьях, с голыми руками, с голыми ногами, с длинными волосами. Какое-то нашествие, какой-то потоп женственности.

17-го были со Светланой в ресторане в Архангельском. Как прекрасен был этот праздничный майский день. Пили холодное «Цинандали», ели какое-то жаркое, а потом прошлись по асфальтовым дорожкам, где-то сидели на поваленном дереве, потом на скамье…

29 мая.

Отправил письмо в ЦК по поводу недавнего постановления «О

дальнейшем улучшении идеологической работы». Утверждаю, что никакого улучшения нет. Показал это на примере статей в «Правде» работника ЦК В. Загладина, писателя АШтейна и самого Ф. Константинова, академика, президента Философского общества страны, в «Известиях» — статьи Сергея Наровчатова, главного редактора «Нового мира» да еще и на выступлении В. Гришина, первого секретаря МК, на собрании писателей-коммунистов. Самые высокие трибуны, самые ответственные лица. И что? Одна болтовня, общие тупые фразы, угодничество! Чего стоит статья Наровчатова по поводу присуждения пятикратному Герою Советского Союза Брежневу еще и Ленинской премии по литературе за «Малую землю». Пишет, например: «Для настоящего руководителя нет мелких дел. Все они, когда он обратит на них внимание, становятся большими». Вот как! Бросил взгляд — и мелкое дело стало большим! Глянул на копейку — и она стала червонцем. Волшебный взор настоящего руководителя.

А Гришин нам заявил: «Сколь бы ни был талантлив советский писатель, его никогда не станут рекламировать за рубежом, если он стоит на прочных идейных позициях». Да ведь за рубежом издают Горького, Маяковского, Шолохова, Симонова, Бондарева, Айтматова и других…

Кончаю так «В постановлении надо было говорить не о «дальнейшем улучшении», а о коренной перестройке идеологической работы.

Никакого ответа, как и на письмо о «Малой земле», конечно не жду.

17. VI.79, воскресенье. Коктебель

С 23-го мая живем с Катей в Коктебеле. 10 июня, снова на Троицу, как в позапрошлом году, приехала Таня. Живем в той же комнате, 4-й, 15-го коттеджа. Рядом, в 3-й комнате, живет Игорь Виноградов с женой, дочкой Настей и черепахой. В панцире черепахи он просверлил дырочку, и теперь она у них на нейлоновой леске.

Вчера я встретил его и жену Над. Вас. и сказал, поздравив с приездом:

— Вот ведь, смотрите, двух критиков при всей разности их направлений второй год селят в одном коттедже, и у каждого из них — жена, дочь и черепаха. Но, оказывается, я больший либерал, чем вы: моя черепаха живет свободно, а ваша на привязи.

Шутка, конечно, не без смысла. Жена его засмеялась довольно добродушно, а он промямлил что-то невнятное. Думаю,

он рассказал о ней появившимся здесь позавчера Сарнову (с женой Славой, очень приятной женщиной) и Вл Войновичу. Говорят, вчера приехал и Окуджава. Ах, как пикантно: а я-то собираюсь отправить в «ЛГ» свое открытое письмо ему по поводу его интервью, в котором он, назвав меня «молодым критиком», хает мою статью о нем 10-летней давности. А ведь дважды благодарил за обе статьи — и в «ЛГ», и в Русской речи», и многое исправил в своем «Бедном Авросимове» по моим замечаниям.

18. VI, понедельник

Нет, Окуджава не приехал, приехала его жена с сыном.

У нас и у Виноградовых общий тамбур перед входом в умывальню и уборную. Это самое прохладное место в доме, и мы, и они храним там продуктишки прямо на полу. У них, либералов, — сетка огурцов, кочешок капусты для черепахи и три бутылки минеральной воды «Айвазовская». У нас, реакционеров, — бутылка «Пшеничной» водки, чекушка коньяка, недопитая бутылка «Славянской», две бутылки сухого «Столового». Спрашивается, чья жизнь содержательнее — либералов или мракобесов?

Такой же контраст и в умывальне. У них, аристократов, — изысканный флакончик Kqlnisch Wasser, в красивой белой коробочке бритвенный прибор, пышный помазок, несколько видов мыла, какая-то хреновинка в виде ложки-ситечка загадочного назначения. Ну, и, конечно, изящные зубные щетки. У нас, плебеев: зубные щетки, кусок мыла и темная от времени пластмассовая кружка для уборной. Для полноты контраста сегодня выставил туда свою обшарпанную коробочку «Rotbart» с бритвой, найденную еще на фронте в немецком блиндаже, тощий помазок с выщербленной рукояткой.

Даже черепаха у них, прогрессистов, больше, чем у нас, ретроградов.

Так что перевес у нас только по алкогольной линии. Но это же перевес важнейший!

20. VI, среда. Коктебель

16-го, в субботу, некая пляжная знакомая Наталья Ивановна, несколько сомнительная дама, соблазнила нас походом в Старый Крым. Я, говорит, ходила туда в прошлом году дважды, дорогу знаю. А я давно хотел сходить, ну и пошли: Таня, Катя, я, Нат. Ив., ее дочь-третьеклассница и их знакомый мальчик Сережа, лет десяти. Оказалось, что дороги она не знает, и завела нас черт-те куда. Мы вышли из дома в начале восьмого, вернулись около восьми, т. е. были в дороге около 12 часов. Если считать, что

отдыхали в пути часа три с половиной, то выйдет, что непрерывно шли часов 9. И шли ходко, прошли километров 35. Поражаюсь выносливости детей. Никаких жалоб. Просто молодцы! Особенно девочки. А самым трудным был последний этап. Спустившись с гор, выйдя на открытое место, мы устроили привал, сварили картошки, найдя туристский котелок и зачерпнув воды в озерце, доели все продуктишки, и ощущение было такое, что мы уже дома, а оказалось — самое трудное впереди. Это путь по холмам, которые возникали на нашем пути, как головы Змея Горыныча: одолели один, а вот он новый — и так до изнеможения. Больше всех пострадал я: на каждой ступне по три мозоли. Но и с каким же наслаждением мы бросились потом в море! У нас с Таней после ужина сил не осталось, и мы легли в постель. А Катя немного полежала и вскочила — пошла играть с Настей Виноградовой. Пришла домой только в 11-м часу. И где в таком теле помещается столько энергии?

От Бабеля до Володарского

Читаю «Конармию» Бабеля, которого никогда не читал. Полное неприятие. Сплошные ужасы, выверты, дикость героев, грязь. Вот рассказ «Сашка Христос». Отец с сыном ушли куда-то на промысел. Однажды сидят в избе, а мимо идет побирушка-старуха. Заходит к ним в избу. Они ее накормили, потом отец переспал с ней. Она видит молодого парня, отец говорит, что это сын. Она зовет его: «Иди ко мне». И сын переспал. И оба заразились сифилисом.

Ну, пусть бы один, так нет — двое.

Ну, пусть бы двое, так нет, не просто двое, а отец и сын.

Ну, пусть бы молодую, так нет — старуху седую.

Ну, пусть бы старуха, да здоровая, — нет, еще и сифилитичка!

А зачем старухе еще и молодой-то понадобился? Или мало было отца?

И вы хотите, чтобы я этому нагромождению ужасов верил?

А дальше? Приходят они, возвращаются больные домой. Отец лезет к жене. Сын зовет его выйти на улицу. Выходят. Сын говорит: ты порченый, не трогай мать, она чистая. Отец берет топор и хочет убить сына. Тот говорит: отпусти меня в пастухи. Отец отпускает. И за это сын отступается от матери: твори, мол, отец, свое черное дело.

* * *

Та же самая грязная схема нагнетания ужасов в недавнем фильме «Штрафбат» по книге Э. Володарского.

Немец в занятой ими деревне посещает молодую колхозницу. Бывало такое? Бывало.

Ну, пусть бы посещал, но у нее муж убит немцами, у нее на глазах они еще убили и ее сына-подростка, а маленькая дочка еще и радуется приходу этого фрица: он приносит шоколадки.

Вот теперь художник доволен…

Я и смотрю: Бабель, Солженицын, Лев Копелев, Гранин, Володарский….

Все они книжные городские интеллигенты, жизни не знавшие и не видевшие. Попав на войну или зная о ней понаслышке, как Володарский, они увидели только ужасы, только грязь, только дикость.

Это полная капитуляция зыбкого нестойкого духа перед многообразием и сложностью жизни. Отсюда необоримая тяга к мерзости.

Я удивляюсь, как Горький мог защищать «Конармию» от критики Буденного. Надо прочитать их полемику, но думаю, что Горький боялся создания прецедента: высокопоставленное должностное лицо судит о литературе.

* * *

Как в старинном романе. Сидели в темном парке на скамье у бассейна, после того как побродили по темным аллеям. Она сказала:

— Я в вас влюблена. Это заметно?

— Да.

— И это все видят?

— Думаю, что все, кому интересно.

Она была в узких шортах, тоненькой розовой кофточке, распахнутой на груди, и без бюстгальтера. Где-то пробило полночь…

Так прошел день 22 июня. О, непроницаемая тьма жизни! Мог ли я думать в этот день 38 лет назад о чем-нибудь подобном спустя целую жизнь! А она родилась, очевидно, лет через 7–8 после окончания войны.

А ночью была гроза, сверкали какие-то очень быстрые молнии, грохотал гром. Воробьиная ночь…

Отмолчаться не удалось

24. VI.79. Коктебель

Сидим за одним столом с Майей Г. Первый срок с ней была дочь — высокая, статная, красивая молодая женщина. Видимо, мягкая, покладистая. И этим на мать совсем не похожая. Я ничего не читал ее, кроме какой-то повести, которую она лет 20 тому назад принесла в «Молодую гвардию». Мне как члену редколлегии дали ее прочитать, и я должен был поговорить с автором. Повесть вызвала у меня недоумение и резкую неприязнь. Для меня она была прежде всего женой Ш-ва, и я думал, что она пишет в строгой реалист. манере. А тут оказалась какая-то модерняга с сильным сексуальным креном. Я не против эротики, ее не минует ни один настоящий писатель. Стоп! Сразу же вспомнил кучу Гоголь, Щедрин, Федин, Паустовский и др. Дело не в этом. Но это была манерная болезненная эротика: «поцелуй как отверзтая аорта» и т. п. Я тогда подумал, что это какой-то заскок Ан нет! В один из первых же дней она предложила мне почитать ее рассказы. И невдомек человеку, что у меня своя работа, свои планы, свое чтение. И приносит аж две книги. Ну, деваться некуда, беру да еще говорю спасибо. Она предупреждает, что, мол, мой отрицательный отзыв ее не огорчит: «Я очень самоуверенная». Потом еще раз повторила эту фразу. Я обалдел. Встречал я, конечно, людей самоуверенных, но никто об этом не оповещал мир. Разумеется, это сразу настроило меня против нее. Пушкин сомневался, Толстой так сомневался, что бросал писать. Маяковский сомневался («А не буду понят — что ж…»), а Майя Г., видите ли, ни в чем не сомневается!

Прочитал рассказ «Настины дети» — о том, как смерть безответной жены раскрыла молодому мужику глаза на сложность мира. Понравилось. Сказал ей. «Очень рада, что тебе понравилось. Спасибо» и т. д. Я и язык похвалил, действительно, хороший. Но остальные рассказы — сказал, что не понял, а, пожалуй, там и понимать нечего. Манерность, надуманность, безжизненность.

Положил книгу на стол в ее отсутствие. Думал отмолчаться. Нет, спрашивает. Тщательно подбирая слова, сказал, что у нас, мол, эстетическая несовместимость. Что мир, который она рисует, — одноцветный, однотонный, забыл сказать, что и само повествование монотонное, и неинтересно мне все это. Вот рассказ «Счастье». Приезжает 45-летний мужик с женой и дочкой на какой-то эстонский остров отдыхать. Здоровенный красавец, жена тоже красавица, хорошая дочь. Наслаждаются отдыхом, плотью, чувствуют радость бытия. Вдруг — утром дочь находит отца повесившимся. Почему? Зачем? Какая неизбежность? Почему счастье? Не понял, говорю. «Мог бы и поднапрячься», — говорит.

Мог, мог… да охоты нет

Я жил во времена Шекспира

27. VI, среда

Идешь по Коктебелю и слышишь, как чуть ли не в каждом коттедже родители истязают детей английским языком. Некоторые, как наш сосед Виноградов, даже с помощью магнитофона.

Кстати, та лопаточка с мелкими дырочками, как разъяснила мне Оля, совсем не для того, чтобы чистить зубные щетки, а — язык До чего прогресс дошел — уже и языки стали чистить. О серость наша непроглядная!

* * *

В тот день, когда Катя рассекла подбородок, были все предзнаменования: сперва на нее налетел и едва не сшиб какой-то мальчик, пришла домой она бледная; потом ей залепили мячом в нос, и пошел красный паровоз; и наконец — это! Что бы вовремя прислушаться к голосу Божьему!..

28. VI, четверг

Я мог бы написать интереснейшую книгу «История моих ссор». Как полно и ярко был бы раскрыт в ней мой несносный характер! Только за последние полтора года (с 30.XII.77) я поссорился с Тендряковым (в Малеевке якобы из-за шахмат), Олегом Зобниным (там же, но летом, в августе 78-го из-за тупого жидоедства), Игорем Грудевым (во время поездки в деревню), В. Чивилихиным (числа 28.XII.78 из-за Толи Зайца, которого он допытывал с пристрастием: «Кем ты себя чувствуешь — русским или украинцем?»), чуть не поссорился с Мих Алексеевым (которому написал в мае дерзкое письмо по поводу волынки с моей статьей), теперь с Эд. Успенским, назвавшим Солженицына пророком и поровшим чушь о войне, с Аленой Грачевой, поддакнувшей ему. Видимо, это не все, кого-то забыл. Да, увлекательнейшая получилась бы книженция.

29. VI.79, суббота. Коктебель

Ко вчерашнему списку надо еще добавить Сергея В., с которым я расплевался прошлым октябрем в Пицунде. Попросил прочитать его рассказ «Цветок лотоса». Прочитал, не понравилось. Хотел уклониться от разговора — зачем портить

атмосферу ежедневных троекратных застолий? Но он настоял. Пришлось высказаться. С этого и началось. Потом я пожалел, что так быстро с ним расплевался. Уж очень это редкий по своей интенсивности тип хвастуна, самодовольного гения Все похвалялся своей добротой, бескорыстием, а сам не может забыть, что покойный Дымшиц, в квартиру которого он въехал, будто бы остался ему должен 30–40 руб. за ремонт. Было это, если было, лет 20 с лишним тому назад. И даже смерть его не примирила. И Шундику не может забыть, что тот несколько лет назад не напечатал его рассказ в «Волге». Я спрашивал у Ш., тот сказал, что да, один не напечатал, а до этого 4 или 5 напечатал. +АГ. Коган — в прошлом году в Малеевке из-за Солженицына, когда я сказал, что он на войне был лишь с мая 43-го, а говорит всю войну.

* * *

30 июня

Вышел после завтрака на улицу. Дивное утро! На большой скамье, что стоит боком к морю, сидит несколько человек, среди них на самом краю слева — Катя Старикова. Я с ней никогда в сколько-нибудь близких отношениях не был, больше того, она — в числе тех, кто не хотел видеть меня в Союзе писателей. Вдруг подошел к ней и говорю.

— Вот послушайте…

И читаю:

Я жил во времена Шекспира.
И видел я его в лицо.
И говорил я про Шекспира,
Что пьесы у него — дрянцо;

И что заимствует сюжеты
Он где попало без стыда,
Что грязны у него манжеты
И неопрятна борода…

Но ненавистником Шекспира
Я был лишь только потому,
Что был завистником Шекспира
И был соперником ему.

— Хорошие стихи?

— Хорошие. А чьи это?

— Не знаю. Кажется, Вадима Шефнера.

Позже

Вчера уже в одиннадцатом часу, возвращаясь домой, заглянул к Капэ (к 14, к 4), нет ли Тани. Глажу, они пьют Юрий Семенович, Оля и Юля.

Выпили уже три бутылки «Старого замка». Я принес четвертую — «Столовое». Потом Ю. С. еще достал из холодильника шампанское. Дамы набрались изрядно. Я пил мало. Когда были еще не очень пьяны, говорили о Кате: какая своеобразная, необычная девочка, чувствуется-де тонкая организация и т. п., такую надо не воспитывать, а только наблюдать…

Спать лег почти в половине второго. Но они — Таня, Катя, Оля, Ю.С, Федя — встали в 6 и пошли в Тихую бухту, а после завтрака сходили в Сердоликовую.

Вспомнил! Стихи-то, что читал утром Стариковой, — Леонида Мартынова.

1. VII.1979, воскресенье

Не успел Л.И. Б. уехать из Москвы на отдых, как его отсутствием тотчас воспользовался этот прохиндей Глушков и повысил цены на золото и пиво, которое идет распивочно. Слава Богу, цена на вынос осталась прежней.

* * *

Вчера проводили с Гришей Соловьевым в Москву Веру и двух Наташ, с одной из которых я слукавил: подарил ей давно написанные стихи под видом ею вдохновленных. Мне ничто, а ей приятно.

Давайте жить, во всем друг другу потакая,
Тем более что жизнь короткая такая…

Потакая? Не совсем точно.

4. VII, среда, 7.15

Таня встала в 6 и ушла в Лягушачью бухту. В последние дни ей овладела неуемная страсть к хождению и спорту (пинг-понг).

Катя каждый раз с вечера умоляет разбудить ее, но Таня не будит.

Моя статья об Окуджаве в «Москве» уже объявлена в «Лит. России», но я все еще опасаюсь.

9/VII, понедельник. Коктебель

Вчера Юр. Сем. Капэ с дочерью Олей, Натальей Ивановной, с дочкой Ирой и мы трое ездили на машине Ю.С. в горы и жарили там кур на вертеле. И выпили бутыль «Гымзы». Прекрасно! Но я не об этом.

Позавчера после ужина к нам пришел Зот Тоболкин с женой Нелей и дочкой Полей, В. Лукша с женой Таней и дочкой Таней и Оля (из «Современника») тоже с маленькой дочкой. Особенно хороша была жена Тоболкина: крепкая, сбитая, в розовом платье с огромными кружевными оборками и в туфлях серебряного цвета. Не уступала ей крепостью тела и Оля. Но и крепость духа у нас была соответствующей.

Оказалось, что как раз в этот вечер Виноградовы затеяли детское представление. Все было очень тонко, изысканно и интеллигентно. Написали огромное объявление-программу на английском языке. Иг. Ив. В. произнес вступительную речь, хотя и многословно-нудную, но весьма интеллигентную. Он шутил по поводу каких-то мнимых изысканий Игоря Золотусского и Юр. Томашевского о сходстве сказки о Красной Шапочке с трагедиями Шекспира. Потом дочь Виноградовых Настя и сын какого-то художника Барского разыграли Lady Red Cap на английском языке. Иг. Ив. давал комментарии. После этого начались выступления детей. Марина из 1-й комнаты прочитала на испанском языке стихи и спела две песни тоже на испанском. А какая была публика! Глава московских диссидентов Вас. Аксенов, уведенная им у Кармена Майя, ее дочь и т. п. Наша Катя, Таня и девочки наших гостей тоже были там, я прохаживался вдоль террасы да изредка заглядывал с тылу, со стороны кулис. И вот вдруг, когда В-в стал приглашать детей к выступлению, вышла Таня Лукша и прочитала такие стихи:

С календарного листка
Молча смотрит Ленин.
Посадил отец сынка
Тихо на колени.
Говорит отец тогда
Ласково и строго:
— В жизнь, сынок, шагай всегда
Ленинской дорогой!
И еще отец сказал:
— Первым будь в ученье,

Потому что завещал
Так товарищ Ленин.
Хоть еще Андрюша мал,
Но ответил смело:
— Как родной Ильич сказал,
Буду, папа, делать!

(Сегодня она мне их у столовой продиктовала.)

Ах, какой шокинг! Сперва изысканная публика онемела, потом — засмеялась. А милая белобрысая семилетняя девочка, ничего не понимая, дочитала до конца.

А потом дети стали играть где-то в темноте. И наши пузатые дамы в серебряных туфлях то и дело проносились мимо веранды интеллектуалов, ища своих детей. Ну, дали им нашего квасного духа!

12. VII.79. Москва

Вчера вернулись из Коктебеля. Черные как черти, хотя многие опасаются загорать — год активного солнца! Люблю я возвращение домой. М.М. встретила нас праздничным обедом: стерляжий суп, жареная курица, а уж коньяк-то мы сами привезли. Вещей оказалось ужасно много — 11 мест! Да еще черепаха в ящичке. Прокатился наш Пашка в Крым. Поди, очень всему удивляется. Куда возили? Зачем? Виноградов уверяет, что наши черепахи очень подружились. Что ж, могу поверить. Думаю, наш Пашка более интеллигентное существо, чем член Союза писателей критик Иг. Ив. Виноградов: прожили целый месяц рядом, общались и беседовали, но он, видя, сколько у нас вещей и ребенок, даже и не подумал предложить поднести до машины хотя бы один чемоданчик А когда я тащился по аллее, сгибаясь под тяжестью нош, они все трое шли впереди, и дочка увидела меня и показала на меня отцу. И что же папочка? А ничего. Пошел дальше, как ни в чем не бывало. Прогрессисты, мать их так!

25. VII, среда

Вот ведь какие деньки порой выпадают!

В ночь на понедельник приснилось мне, будто покупаю корову. Корову! Откуда такое? С чего? Неведомо, но — покупаю! Саму корову не вижу, нет ее, но я за нее торгуюсь. Выглядит это странно. Я сижу на одном конце длинного стола, напротив, на другом конце — молодой незнакомый парень, и мы перебрасываемся какими-то то ли колечками, то ли шайбочками,

мечем их с пружинистых стерженьков — и это торг. Точно помню, что должен я заплатить 190 рублей.

Проснулся ночью. Усмехнулся. Надо, думаю, запомнить. Опять заснул. Утром встал, думаю: к чему бы это?

И что же? Весь день был днем сплошных удач, больших и маленьких.

Началось с того, что позвонил в Воениздат узнать, как дела с доплатой мне за «Генерала». Заявление главному редактору Рябову я подал еще давно, весной, и были вести от моей редакторши Аиды Ивановны Роговой, что дело движется. Но уверенности окончательной у меня не было. Два раза после Коктебеля уже звонил в бухгалтерию, и все какая-то невнятица. А тут говорят:

— В пятницу все рассчитали, сегодня перечисляем. Не удержался, спросил:

— Сколько же там наскребли?

— Три тысячи триста.

Ничего себе! Это значит, всего они меня могли на столько обштопать, если бы не моя коммунистическая бдительность. Конечно, рад. Это же почти целый год спокойной жизни и работы.

Радуясь, иду вынуть газеты из ящика. Гляжу — конверт из «Волги» с набором моей статьи о последнем собрании сочинений Пушкина, изданном Гослитом безобразно. Статья большая — лист или даже больше. Звоню в Литфонд, просил перенести срок путевки в Малеевку на 1 августа. И опять удача: Елена Михайловна говорит:

— Все в порядке, с 1 августа.

Весь день сидел над верстской пушкинской статьи. Сел, встал — день прошел. Но весь день не покидало ощущение удачи во всем.

Даже письмо из «Волги» пришло с маркой, не тронутой штемпелем. Я ее аккуратненько отодрал, смазал клеем и присобачил к своему ответному конверту. Лети, миленькая, тем же путем обратно!

Вот, оказывается, к чему во сне покупать корову.

А сегодня видел во сне Васю Аксенова. Ну, тут объяснение простое: в Коктебеле он все время мелькал, и здесь уже сталкивались едва ли не нос к носу: он выскочил из своего подъезда, а я шел мимо, кажется, за пивом.

Ну, посмотрим, к чему же это — увидеть во сне лидера московских диссидентов. Не лучше ли было бы корову?

* * *

Вчера был у мамы. Иногда вроде бы выглядит неплохо, а иногда — стара и плоха. Мы были у нее с Катей сразу как приехали из Коктебеля, 12-го. Она сказала мне, жалуясь на немочь: «Как же я дальше-то жить буду?»

Вот тебе и все удачи мои, все радости…

3. VIII.19 79. Малеевка

Сегодня приехал в Малеевку. 31-го вышел, наконец, 7-й номер «Москвы» с моей статьей об Окуджаве. Заехал в редакцию, купил 7 номеров. Один дал Грише Соловьеву, другой — Геннадию Гончаренко. Сразу же было несколько звонков. Ю.

Разумовский, Н. Королева и др. говорят, что несколько раз хохотали при чтении. Вера Соловьеева тоже, говорит, не могла удержаться от смеха даже в троллейбусе. Здесь В.А и Н. Дм. Стариковы. Дал почитать им. Пока читает В.А Восхищается и тоже хохочет. Посмотрим, что будет дальше.

Когда ехали в автобусе из Дорохова, Галя Чистякова прочитала мне стихи:

Легкой жизни я просил у Бога.
— Посмотри, как тягостно кругом…
И Господь ответил, глядя строго:
— Скоро ты попросишь о другом.
Я иду, все тяжелей дорога,
С каждым днем все тягостнее жить.
Легкой жизни я просил у Бога.
Легкой смерти надо бы просить.

Тут же я встретил Вадима Сафонова и в разговоре прочитал первую строчку этих стихов. Он рассказал, что напечатал их в «ЛГ» с вопросом, кто это написал (года три назад). Так и не удалось выяснить.

6. VIII, Малеевка

Сегодня ночью проснулся от страшного удара грома. Вскочил, смотрю в окно. Одна за другой так и блещут молнии, гром — как артподготовка. Воробьиная ночь!

То ли потом, то ли до этого приснился сон. Винокуров привел меня в какое-то заведение, связанное с Олимпиадой. Берем по маленькой, грамм на 150, бутылочки водки и по какой-то пустяковой закусочке. И платить почему-то должен я один, и я плачу 10 р. К чему бы это? Не к подорожанию ли?

* * *

Она говорила ему:

— Мне неинтересно общаться с людьми, которые не знают тебя.

Она говорила ему:

— Я раскрою тебе тайну. Хочешь? Ты приснился мне десять лет назад.

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Ты. Знаю.

Она говорила ему:

— Цыганка мне нагадала, что тридцатый год моей жизни будет самым счастливым.

И много еще чего она говорила ему.

* * *

Сегодня Михаил Ульянов закончил чтение «Тихого Дона». 64 передачи!

Снова и снова — это поразительно. Григорий кричит смертельно раненной Аксинье: «Ради Господа Бога, хоть слово!» Хочу написать стихи, чтобы эти слова так и были строкой:

Ради Господа Бога, хоть слово! —
Как Григорий Аксинью молил…

7. VIII.79 г.

Вчера за завтраком зашла речь о выражении «воробьиная ночь». Мое объяснение, что это ночь с грозой — с грохотом грома и сверканием молний, — вызвала у Дмитрия Урнова сомнение. Я сказал ему, что могу справиться у Даля. У Даля два толкования: 1) самая короткая ночь в году на 10 (22) июня; 2) то, что говорил я. В обед я это передал Урнову Сегодня за завтраком он все-таки опять:

— А говорят все же, что это дождливая, но тихая ночь.

— Кто говорит?

— Кирпотин. Я не выдержал:

— Нашел знатока русского языка! Еще у Бен-Гуриона спросил бы.

Он засмеялся. Но тут же зашла речь о Дале, что вот, мол, не было в нем ни капли русской крови, а как знал русский язык

— Значит, и Кирпотин мог бы знать, — опять вставил Урнов.

— Не только мог бы, но и обязан — ведь лет 60 русской литературой занимается, доктор наук, профессор. Но вот — не знает же!

9. VIII.79, четверг. Малеевка

Малеевка читает мою статью об Окуджаве. 4 августа в «Известиях» появилась статья Вадима С. «Очеловеченная земля». Редкостная по своей рептильности: секретарь Сартаков — мастер! Первый секретарь Марков — его книги — всенародное чтение. Ну, и, конечно, превознесение знаменитой трилогии Брежнева. Я не хотел после этого давать ему свою статью, но просит, пристал, обижается! На, ешь! Прочитал, приходит ко мне: «Да вы прямо-таки Свифт! Независимо от того, согласен ты или не согласен, нельзя не восхищаться тем, как статья написана!» и т. п.

И тут же начинает расспрашивать, кому я давал статью читать. Оказывается, не тем давал. Надо было дать Петру Николаеву — он председатель секции критики — и другим влиятельным людям, чтобы они воздействовали на формирование мнения о статье. О Господи!..Прочитал статью и не понял в ней главного — кто человек, написавший ее. Что этот человек не способен бегать по Малеевке, всучать свою статью «влиятельным» персонам и формировать мнение. Он судит о людях в меру своей рептильности. А ведь написал книгу «Достоинство искусства».

Еще 6-го я сказал ему в столовой:

— Что же вы не похвастаетесь большой статьей в «Известиях»?

— Так это же было давно! (Позавчера!)

— Но однако же статья редкостная по своим нравственным достоинствам.

Опустил глаза, отвернулся, вроде бы смутился. Но все равно стал выпрашивать журнал.

12. VIII.79, воскресенье. Малеевка

Сейчас слушал утреннюю передачу «Голоса Америки». В 7.45 началась передача «Религиозная жизнь евреев в США». Приводят слова какого-то их религиозного деятеля «Уничтожение 6 миллионов евреев во Второй мировой войне открыло всем глаза. Цивилизация не означает прогресса. Можно быть образованным человеком и одновременно убийцей» и т. д. Весь итог войны он выводит из гибели только евреев, словно других жертв и не было! Только свое, только о своих, только о своем!

* * *

Она говорит ему:

— На майские праздники я ездила в Киев. 30 апреля были во Владимирском соборе. Все ставили свечки к иконам. Мои подруги поставили к иконе Николая Чудотворца, а я — к иконе Нечаянная Радость. И вот в июне встретила тебя. Ты — моя нечаянная радость.

13. VIII.79, понедельник. 17.40

Только что искупался. Красота! Вода градусов 16. Попервости сделал гребков десять и обратно. Если погода не испортится, буду теперь купаться.

Сегодня вообще хороший день: и погода прекрасная, и переселился из мрачной, темной, холодной 7-й комнаты в 8-ю

(Коган уехал, у него умер отец), и вот искупался. Это с приезда второй раз.

Давно хотел записать вот что. Картер оказался такой же свистун, как наш Никишка. Как тот резво схватился за культ личности, надеясь этим разрешить все проблемы, так и этот, придя к власти, зазвонил на весь мир о «правах человека». И оба со временем поняли, что государство вести — не бородой трясти.

* * *

Вчера или позавчера «Голос Америки» передал краткое сообщение, которое рисуется вот как В районе о. Гуам проходили американские морские учения. Один из кораблей пустил торпеду, и ее каким-то образом поймал наш тральщик, оказавшийся поблизости. Американцы орут: «Эй, вы! Отдайте нашу торпеду!» С тральщика отвечают «Хер вам. Никакой торпеды мы не брали». Те посылают вдогонку два боевых корабля, звено самолетов наблюдает за тральщиком. А те не отдают. Начинается дипломатическая беготня. Их посол в Москве делает представление нашему МИДу. Наконец, с тральщика говорят «Хер с вами. Забирайте вашу торпеду. Не видали мы такого добра». Американцы взяли, стали ее осматривать, а там где-то наши еще засунули бутылку русской водки. Знайте, мол, нашу доброту!

14. VIII

До чего дошло вольнодумство среди писательской братии! Вчера по телевидению передавали 4-ю серию фильма по роману Г. Маркова «Соль земли», а по другой программе — футбол. И что же? Писатели смотрели футбол! Я подошел к ним и сказал, что всех перепишу во главе со Смоляницким Соломошей, автором

книги о нем, и сообщу Маркову. И ухом не повели! Ну, дела! Это куда же мы так придем?!

15. VIII.79, среда. Малеевка

Немножко пьян, но голова работает ясно, и хочется записать несколько слов. Только что ушли Бондики [т. е. Серг. Мих и Над. Вас], Галя Башкирова и Тамара — жена Ф. Непостижимо! Эта женщина лет 37-ми, видимо, действительно любит старого павиана Ф-а, который старше на 42 года, как сказала Н. В. Но не в этом дело. Бондики завтра уезжают, и я организовал сегодняшнее прощальное застолье. Собрались у меня в 7-й комнате. Пили мою водку, настоянную на смородиновом листе, болгарское шампанское «Искра», что принесла Н.В., был еще херес, но его не тронули.

Посидели мило и славно. Но вот что мне запомнилось — рассказ СМ. Ему рассказывала жена Томашевского. В 41-м году, когда начались налеты на Ленинград, она была у Слонимских. Жена Слонимского была из потомков Пушкина. А он — еврей, принявший православие. И вот как раз был налет. Жена С-го подошла к окну и, глядя на фашистские самолеты, посылала им воздушные поцелуи. А сам Сл-й говорил, что он слушал по радио речи Гитлера, и там нет никакого антисемитизма, и вообще все не так, как говорят у нас. Их вывезли из Ленинграда чуть ли не силой. Там у них погиб сын. Это все рассказал сегодня СМ. Бонди. А ведь я слушал в Литинституте лекции этого Слонимского, кажется, по теории драмы. У него бельмо, у гада, на одном глазу.

17. VIII.79. Малеевка

Вчера уехал в Москву, сегодня вернулся уже после обеда. Ездил на 50-летие Ларисы Кожухарь. В сущности, для работы потеряно два дня. Но оказалось, что надо было приехать, и не только из-за Л. Звонил из Иностранной комиссии некто Вл. Григ. Максимов, просил зайти. Зашел. Хотят послать в октябре — ноябре в ФРГ на какую-то книжную выставку. Какая быстрая реакция на мое, как Таня сказала, хулиганское заявление в Секретариат. Я писал там: «Что же нужно, чтобы тебя послали в загранкомандировку? Принять участие в затее вроде «Метрополя»? Дать тухлое интервью Би-би-си? Я, мол, ради успеха сов. лит-ры все это могу проделать на более высоком профессиональном уровне, чем наши заласканные полугении», и т. д.

Выходя из ЦДЛ, издали увидел Людмилу Щипахину Улыбается: «Ну, силен! Ты давай под эту статью еще пиши. А то за столько лет одна статья».

А вот Галя Башкирова сейчас говорила так «Впечатляет, но надо было академический текст выдержать до конца, тогда вы его бы совершенно убили. А сейчас всегда могут сказать: раздраженный тон. Надо было спокойнее».

Я ответил:

— Да ведь и без того вокруг столько спокойствия! Надо хоть раз в 10 лет взбаламутить море! Если бы автор был 20-летний начинающий, я, конечно, не позволил бы себе писать так А тут — прославленный на всех континентах 55-летний мэтр. И по его произведениям в мире судят о сов. литературе.

— После «Метрополя» все это приобретает иной характер.

— А какое мне до этого дело? Статья написана до «Метрополя».

19. VIII, воскресенье

Вчера утром сел за машинку, вечером встал — и дня жизни как не бывало. Правда, успел-таки до конца дня испортить отношения со Стариковыми. Он-то очень деликатный, сдержанный и достойный человек, но вот она… Исчеркала всю мою статью! Об этом как-нибудь потом. А сейчас солнце уже высоко и меня ждет работа. Позор — садиться за машинку в половине одиннадцатого! Но как здесь можно иначе?

* * *

На днях, когда работал за столиком, что слева от аллеи к пруду, а потом встал размяться и подставить лицо солнышку, на самую ширинку села большая стрекоза. Посидела и улетела. И в другой раз, как встал размяться — опять села и опять на то же самое место. К чему бы это?

21. VIII.79, вторник

Вчера перед обедом перебрался в восьмую комнату 3-го коттеджа. Бывший здесь со своей куколкой Мамлин перебрался в новый корпус. Понять не могу, как можно предпочесть городскую квартиру этой комнате — светлой, уютной, выходишь на балкон и, как среди друзей, гуляешь среди берез, дубов и елей. Между прочим, новогодние морозы, когда доходило до 44 градусов, убили здесь много деревьев — все яблони, с которых я в прошлом году воровал яблоки, тополя — среди тех 40–45, которые образуют треугольник на развилке дорог, выжило только одно. Но от корней погибших красавцев тянутся вверх молодые побеги.

22. VIII, Малеевка. Вечером

Двоякодышащие! Вот оно, словцо для Вознесенского, Окуджавы и т. п.

Когда 17-го возвращался из Москвы и ехал в автобусе из Тучкова до Малеевки, народу битком набито — пятница! Я стою с сумочкой в конце автобуса. Рядом стоит простого вида, с тяжелым и грубым лицом мужик лет под 60. Перед нами сидит черноватый с усами мужик помоложе, но, судя по некоторым репликам дальше, вроде оба были на войне. Стоящий начинает разговор: какая, мол, толчея, могли бы пустить дополнительные машины, ведь конец недели, люди за город едут. Сидящий подхватывает:

— А кого это беспокоит?

Слово за слово, разговор становится все живей, все острей, и как итог его звучат слова усатого:

— Советская власть — хорошая власть, но дуракам досталась.

И это — среди случайных попутчиков, никто никого не знает, при полном автобусе, даже не понижая голоса.

26. VIII, Малеевка. 10 час. вечера

Как важно хорошо начать день! Со мной за столом сидит Николай Алексеевич Раевский, автор книг «Если портреты заговорят», «Портреты заговорили», «Нащокин — друг Пушкина». Сейчас очень популярные. «Портреты» вышли миллионным тиражом!

Ему 85 лет. Маленький, уютный старичок, довольно подвижный, постоянно совершает прогулки. Вчера, говорит, прошел 8 км — спускался к Москве-реке, потом поднялся к Ст. Рузе и обратно вдоль шоссе шел тропинками.

Он родился в Каменец-Подольске, там учился, потом в Петербургском университете, кажется, два курса. В 16-м году кончил Михайловское артучилище, был на войне. А кончил войну врангелевским офицером. 1 ноября 1920 г. покинул Россию. Жил в Праге. Там его застали наши. Судили, дали 5 лет, минимальный срок Сидел на Украине, потом — кажется, в Красноярском крае, от звонка до звонка. И вот поселился в Алма-Ате, работал там в каком-то институте. И написал книги.

Сейчас мы с ним гуляли. Я сказал

— Как переменчива жизнь!

— Да, — ответил он. — Никак я не мог предположить, что я, врангелевский офицер, буду когда-то выступать по советскому телевидению, по радио, что моя книга будет издана миллионным тиражом.

Отсидел он хотя и весь срок, но, говорит, было вполне сносно. Я был, говорит, секретарем врача. А в Праге была русская колония в 500 чел, и немцы как пришли, сразу посадили в тюрьму 60 чел., в том числе и его. Просидел полтора месяца. Это, говорит, было тяжело, никакого сравнения с советским лагерем.

Так вот этот милый старичок плохо видит, не может читать и писать. И однажды я уже писал под его диктовку письмо Софье в Караганду, она совсем слепая. То было письмецо в две странички. Сегодня он попросил меня написать еще одно письмо. Я пришел, думал, что те же две странички. А он разошелся на целых четыре. Вздумал описывать свои впечатления о посещении Бородинского поля, на котором ранее он был в 1912 году, в 100-летний юбилей, 67 лет тому назад. Пустился в рассуждения о том, что Толстой был не прав в своей концепции неуправляемости битвы и т. д. Я едва терпел. Ведь все это он мог рассказать при встрече. Ну, и погубил на это минут 40. И сел работать уже в половине одиннадцатого, и все шло туго, и сейчас тяжелая голова.

Раевского сопровождает какая-то молодая особа. Она как-то подошла ко мне и пустилась в рассуждения о том, почему Россия считается великой державой. «Что в ней великого?» — так и сказала. За кого она меня приняла? Я посоветовал ей пойти с такими рассуждениями куда подальше. На другой день она пришла с извинениями, я, мол, не то хотела сказать. Как старик терпит ее?

29. VIII.79, среда. Малеевка

В половине седьмого по «Голосу Америки» услышал о смерти Константина Симонова. Для моего поколения это имя — не пустой звук Отчетливо помню, как, прочитав летом 42-го, видимо, в «Правде» его очерк о лейтенанте-артиллеристе, я захотел воевать именно артиллеристом. И стихи его военных лет едва ли не все знал наизусть. Да и потом, после войны — тоже. А огромные романы его я не читал. Оказывается, недавно где-то прочитал, чуть ли не первой поэмой Симонова была поэма об Энгельсе, которую он, кажется, никогда не перепечатывал, а может быть, и не печатал. В дни его 60-летия я напечатал в «Уч. газ.» о нем статью, но так как редакция исключила какие-то соображения критического свойства, я подписался псевдонимом «В. Григорьев». Да, везде и всегда он старался быть первым. Первым был и в превознесении А Солженицына в «Известиях». Но тот ему за это отплатил по-своему обыкновению злобой.

31. VIII.79, пятница. Нагатино

Только что пришел с похорон К. Симонова. Зал ЦДЛ был

полон, а мимо гроба, поставленного на сцене, мимо сцены шел народ. Очередь была, видимо, с Кудринской площади, а может быть, и дальше, не знаю, потому что сам влился в эту очередь метров за 200 от ЦДЛ. А потом уже прошел в комнату президиума, где было полным-полно. В 12.45 началась панихида. Выступали А Сурков, Б. Полевой, акад. Евг. Федоров, какой-то замминистра культуры Иванов, Кант (ГДР), Юрий Бондарев, Ермаш (Госкино) и кто-то еще — не вспомню, хотя прошло всего часа два. Самую длинную речь произнес Ермаш, самую неряшливую — Полевой, самую пафосную — Сурков, самую умную — Кант (он один из всех был в черном костюме), самую человечную — Бондарев. Мог бы задницу поднять, допустим, и Гришин, хотя нам от этого не было бы радостней, но все же. Однако ж сегодня пятница, уикенд, поди, укатил уже на дачу.

Общее впечатление от речей — серое. Ведь существует же культура надгробного слова тоже.

Но народу было много, и много было цветов. Гроб утопал в розах, у изголовья стояли в банках с водой гладиолусы. Я оказался в почетном карауле с левой стороны (если смотреть в зал) гроба, у изголовья, рядом, в паре, с Даниным. А во время панихиды стоял опять у изголовья рядом с О. Кургановым и С. Баруздиным. Когда гроб выносили, то впереди А Загорный и еще кто-то несли большой поясной портрет покойного. А следом — венки. Такие, что их несли по двое солдаты, я насчитал 26 огромных венков. И все-таки, и все-таки, и все-таки, что бы ни говорили о нем славянофильствующие идиоты, объявляющие его чуть ли не главой какой-то еврейской партии, как бы ни кривились в его сторону жидовствующие евреи (Мамлин, когда ехали из Малеевки: «Ведь его очень любил Сталин»), помнящие его речь закоперщика в «борьбе против космополитизма» в 49-м г. — все-таки, все-таки была война, и он был ее честным солдатом.

9/30 вечера

Сейчас передали во «Времени»: был венок от ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета. Один от троих. Сложились! (В кинохронике — очередь на улице — мелькнул я.)

8. IX.1979/ 6.45 утра

В 6 часов в первом выпуске последних известий, и в 6.30, во втором, «Голос Америки» передал, что вчера американские издатели, участвующие в Московской международной книжной выставке (надо сходить!), устроили в одном из лучших московских ресторанов прием для 50 советских писателей, среди

которых были А Сахаров, Рой Медведев, Вл. Войнович, Георгий Владимов, Анатолий (?) Марченко. Из «пятидесяти» названы только эти. Медведев произнес тост, в котором сказал, что выставка помогла ослабить советскую цензуру.

10. IX.79, понедельник. Нагатино

Белошицкий вчера по телефону сказал, что после моей статьи о нем у Окуджавы только два выхода: или вызвать меня на дуэль, или застрелиться.

Св. Червонная в восторге. Можно, говорит, написать одну такую статью и умереть. Какой блеск убежденности, говорит. Но она, конечно, не знает, «что лучше» — Россия или Запад.

12. IX, Красноармейская

У Кати насморк. Таня пустила ей что-то в нос, и она сейчас чихнула подряд 23 раза! Никогда в жизни не видел ничего подобного!

18 сент.

Звонил Вл. Ив. Стеженскому в Инокомиссию. Узнал состав нашей делегации в ФРГ: Сергей Антонов(глава), Василий Субботин, Вадим Собко (Украина.), Людмила Уварова, Межелайтис и я. Срок с 10 по 23 октября.

25. IX, вторник

В четверг был в Иностранной комиссии в связи с поездкой в ФРГ. Зашел к Светлане Стариковой, которая работает где-то там в подвале ЦДЛ. Она рассказала, что сидит в обеденный перерыв за чайным столом в ЦДЛ, а против нее — Окуджава. Подходит Лазарь Карелин и говорит ему, что вторую неделю читает его роман. «Это что, после «Москвы»?» (Т. е. после моей статьи) «Нет», — говорит. «Надеюсь, Московское отделение оградит меня от инсинуаций». А Карелин — секретарь МО. Он промычал что-то невнятное.

А Дм. Ив. Еремин вчера рассказал мне, что ему позвонил Ляшкевич, предложил куда-то поехать. Тот отказался. Посылайте, мол, знаменитых, да помоложе, например, Окуджаву. Ляшкевич ответил, что звонил, он отказывается от всяких поездок, пока его не реабилитируют.

7. X-79

В пятницу позвонила Антонина Дм. из «Москвы», секретарь Алексеева. На ваше имя, говорит, пришла телеграмма. Голос тревожный. Прочитайте, говорю, я запишу текст. Она читает…

Ха! Эту телеграмму послал я сам. Она мне нужна для занимательного сюжетного хода в моей второй статье об Окуджаве. Неужели не догадаются?

Эту статью тогда напечатать не удалось. Вот она.

На уровне мировых стандартов 1880 года

Моя статья в журнале «Москва» о романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» вызвала множество читательских откликов. Я тогда же написал их обзор, но главный редактор журнала Михаил Алексеев не решился его напечатать: статья вызвала слишком большой шум. Но теперь по прошествии долгого времени, уже поглотившего, увы, и Михаила Николаевича, я все же хочу рассказать о некоторых откликах.

Была, например, такая телеграмма: «Москва Арбат 20 журнал Москва Бушину Потрясен Смотрите последнее издание моих сочинений том первый страница семнадцать Антоша».

Было ясно: автор шутник, разыгрывает. Но что за Антоша? Какое собрание сочинений? Значит, писатель? Кого из нынешних писателей зовут Антоном? Я не вспомнил ни одного. Вот в прошлом были: Антон Дельвиг, Антон Чехов… И тут осенило: конечно, Чехов! Антоша Чехонте! Последнего собрания его сочинений у меня не было. Позвонил в библиотеку ЦДЛ и спросил, — что там на 17-й странице первого тома. Милая библиотекарша Нина ответила: пародия «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.» Это я когда-то читал и сейчас быстро нашел в своей библиотеке.

Торопливо пробежав чеховский текст, я понял, что хотел сказать неизвестный автор телеграммы: пародия, написанная в 1880 году, вполне приложима к роману Окуджавы, вышедшему как бы к ее столетнему юбилею. Я начал вчитываться и сопоставлять.

В пародии: «Граф, графиня со следами былой красоты…». У Окуджавы графы и графини чуть не на каждой странице. Вот хотя бы граф Бенкендорф, граф Н. с супругой, графиня Румянцева, графиня Баранова… Правда, последняя «немолода, некрасива и неумна», но зато Анна Михайловна (что ж из того, что баронесса!), которой уже перевалило за тридцать — по тем временам возраст почти критический — «продолжала оставаться все той же пленительной Аннетой».

Что Чехов называет дальше? «Сосед-барон». Имеется у Окуджавы и барон — Фредерико, не говоря уж о бароне Р. и

других. Фредерико обменивается визитами с главным героем, князем, а тот затевает интрижку с его баронессой, уже помянутой Аннетой: «Неожиданно он понял, что она неописуемо хороша, пленительна и что случится непоправимое, ежели он не сможет отныне видеть ее часто. Это было в нем так сильно, как никогда до того». До-то-го у него была, например, поповна, пахнущая луком. Но какое может быть сравнение! Там было все так просто, а здесь — «Он старался не глядеть на нее, чтобы не быть убитым наповал, смеялся в душе, пытаясь залить бушующее пламя, но попытки были напрасны… Дышалось трудно, с ужасом».

Итак, барон зафиксирован. Что за бароном? «Литератор-либерал». Тоже есть? Как же-с, наличествует! Князь Андрей Приимков. Уж до того махровый либерал, что на родине пишет и публикует сочинение, которое «было замечено обществом с удивлением и одобрением», а за границей — во Франции, в Париже, под псевдонимом — издает совсем иное, даже нечто противоположное, разоблачительно-обличительное. На чем и был схвачен, несмотря на псевдоним. Здесь нельзя, конечно, не вспомнить Андрея Синявского, который в наших советских журналах печатал хоть и несъедобные, но вполне лояльные статьи, а во Франции под псевдонимом Абрам Терц — махровую антисоветчину. Не прообраз ли это Приимкова?

Дальше? «Тупоумные лакеи, няни, гувернантки». Разумеется, есть они у Окуджавы, и в большом количестве. При каждом князе, графе, бароне, при всех статских советниках, камергерах и генералах. Фигурируют также повара, кухарки, кучера, форейторы, садовники и мажордомы. И все — именно тупоумные.

«Белокурые друзья и рыжие враги»? С белокурыми друзьями дело обстоит сложновато, ибо тут друзья все больше кавказцы, а они, как известно, белокурыми бывают не так часто. Что же касается рыжих врагов, то от них романист никуда не делся. Вот, скажем, муж Аннеты, вблизи которой главному герою дышится с ужасом. Естественно, муж — преграда на пути свободной любви, следовательно, это враг. И каким же он рисуется? «Уже немолодым рыжим человеком». А еще есть некто Аглая, дерзкая, непочтительная особа, ловко женившая на себе слугу князя. Конечно, и она рыжая.

«Доктор с озабоченным лицом»? Докторов в романе даже два. И оба озабочены одним и тем же. Об одном из них, Шванебахе, сказано: «В добром и высокомерном лице доктора (обращенном к молодой и красивой пациентке. — *В.Б.*) заключалось нечто большее, чем простая профессиональная озабоченность». Нечто большее! Что же именно? Вероятно, мысль, которую он выскажет чуть позже: «Половое влечение это еще не любовь».

Озабоченность второго доктора по отношению к той же особе, которую он приютил в своем доме в качестве гувернантки дочери, выразилась в такой форме: «Вскоре в одну из ночей он появился у нее в комнате в халате и со свечой. Она испугалась, пыталась сопротивляться, просила, но он молча скинул халат и грузно привалился рядом». Ну, конечно, после этого доктор стал уже не таким озабоченным…

Уж вроде бы и хватит для полноты картины, но Чехов продолжает: «Музыкант-иностранец». Ну, уж этого-то, конечно, нет! — вероятно, хотите вы сказать, читатель. О, если бы!

Да вот же, полюбуйтесь: «Однажды Петербург посетил знаменитый европейский гений. Он играл в нескольких домах, покуда не дошла очередь до дворца. Гений был невысок» и: т. д.

Еще не все? Нет. Еще — «герой, спасающий героиню от взбешенной лошади». Господи милостивый, неужели есть и это? — должно быть горестно вздыхают сейчас почитатели Окуджавы. Да, есть и еще в каком варианте! Не одна взбешенная лошадь, а целая квадрига…

«Чей-то пронзительный крик раздался неизвестно где: то ли в кафе, то ли на проспекте. Все стихло. Прогрохотал гром… Тяжелая карета, разваливаясь на ходу, вынырнула из-за угла. Четверка лошадей колотила копытами по воде.

Какая сила толкнула Мятлева из кафе, непонятно… Карета, стремительно накатывала. Мятлев успел увидеть дикие глаза первой лошади, разинутую пасть форейтора, протянул руки и схватил тонкое тело молодой дамы и потащил ее прочь, хотя она сопротивлялась, билась, а ливень бушевал, молнии сверкали, удары грома слились в непрерывный грохот, пена клокотала вокруг них, и каждый их шаг казался, шагом в бездну».

Право, это почище, чем последний день Помпеи: и ливень, и гром, и молнии, и пасть форейтора, и четверка взбешенных лошадей, и дама, и герой-спаситель, и бездна…

Ну, а как обстоит дело, так сказать, с неодушевленным антуражем, с деталями быта? О! И тут полный порядок. Например, Чехов указывает: «Револьвер, не дающий осечки». У Окуджавы — шестизарядный благородный лефоше. Правда, находясь под периной возлюбленных, он, слава Богу, дает осечку.

Что еще из бытовых подробностей у Чехова? Китайский фарфор. Есть и фарфор, хотя и не китайский, а «посеревший от пыли саксонский фарфор». А чем он хуже? Но есть и «китайские веера умопомрачительной работы и фарфоровые табакерки» — уж табакерки-то наверняка китайские.

Ананасы. Есть нечто, пожалуй, равноценное. Барон Фредерике, рыжий обладатель очаровательной Анеты, говорит,

что у него обед «всегда начинается с ботвиньи, а оканчивается апельсинами». Всегда! И где он зимой берет зелень для ботвиньи? И как она не надоест круглый год?

Дальше: «Шампанское, трюфели и устрицы». Это все было еще в предыдущем романе Окуджавы. Там во время одной попойки то ли купали, то ли топили одну милашку в лохани с шампанским.

«— Мирсинда, неужто вас в платье окунали в лохань?

— Горе мое, — засмеялась Мирсинда. — Да как же в платье, когда я голая была!»

Наконец: мигрень. Куда же без нее! Некий персонаж сетует: «От водки мигрени по утрам…» У других — от шампанского. И сам царь говорит: «Эти головные боли у женщин могут свести с ума». Не совсем ясно кого.

При всей его прозорливости Антон Павлович едва ли мог предвидеть, что и через сто лет после написания его пародии она останется так же актуальна для великой русской литературы».

* * *

24. XI

Ну и гуманист наша Катя! Когда-то она жалела в фильме «Маугли» шакала. Как же! Его все время бьют, гонят, презирают. А сегодня вдруг говорит Тане перед уходом в школу, что ей жалко Наполеона. Зачем его стали преследовать, когда он сам оставил Москву? Зачем разбили его армию?

Что делать с таким гуманизмом?

28. XI.79 г.

Уф! Вчера наконец отнес Алексееву вторую статью об Окуджаве — по письмам читателей. 130 страниц!

— Это целый роман, — говорит.

— Да, роман. Если ты его напечатаешь, тебе при жизни поставят памятник

— Или где-нибудь в Переделкино, в темном переулке, убьют. Да, это самое серьезное, важное и сильное из всего, что я написал за свою жизнь. Давать надо на открытие номера.

Сегодня позвонили из литотдела «Комсомолки» (кажется, Петр Тауров), выражают восхищение статьей и просят встретиться. Предварительно договорились на пятницу…

1. XII.79 г.

Завтра отправлю Палькину в «Волгу» стихи «Воспоминание об

отце», «Рая Коган», «Когда с ватагой босоногой», «Я не звонил». «Самое важное дело», «Мадонна в электричке», «Умерла моя крестная мать», «Видение в Махачкале», «Он говорил мне о невесте», «Брак по любви», «Мы провожаем дочку», «Доченька во сне захохотала», «В зимнем поле», «Рдел закат», «Сын», «Разница в устройстве глаз», «Любовь?».

6. XII.79 г.

Вчера вечером, с 7 до 9, встретился с ребятами из литотдела «Комсомолки»: Алексей Владимирский, Петр Татауров и Саша Кротов (он был 4 года комсоргом Литинститута. Разговор о встрече велся уже дней десять. Они поджидали меня у моего дома возле парикмахерской, и мы пошли к Петру, он живет здесь близко, на Черняховского. Славные ребята, чистые и искренние. Расспрашивали, как я писал статью о Б. О. Выпили две бутылки «Саперави» и по 100 г коньяка. Просят о сотрудничестве. Вот бы дать им очерк о Л.К.!

А утром я звонил Н. Шундику, и он предложил должность главного редактора в «Современнике». Привлекательно тут лишь одно — что начальником будет Шундик Ну, конечно, большая зарплата, служебная машина — но так много сейчас замыслов и так важно осуществить их побыстрей, что, вероятней всего, откажусь. Десять лет сам себе хозяин, а тут вновь натягивать хомут! Трудно представить.

9. XII

12 декабря к годовщине разгрома немцев под Москвой в ЦДЛ будет вечер «Улица имени…». Кого? На пригласительном билете их фотографии — генералы и Герои Советского Союза Панфилов, Доватор, Талалихин, полковник Полосухин, Зоя… Имена знаменитые. А из писателей выступят Виталий Озеров, Алигер, Брагин, непременный Галлай, обязательный Павел Железнов, Цезарь Солодарь и Володя Туркин — он и есть один русский среди всех выступающих.

11. XII.79

У Катюшки наметились бугорки. Раньше она частенько говорила: «Ну когда же они у меня вырастут!» В прошлом году в Коктебеле у меня с ней была ссора: она напяливала купальник с бюстгальтером, а я не давал. Дело дошло до слез. А теперь молчит. Появилась стеснительность, чего раньше совершенно не было. Теперь ванну, когда моется, стала запирать. У Марины, Ани Каминской — тоже появились. И смешно, и как-то тревожно. До сих пор это было просто существо, дитя человеческое, а теперь

определяется его неизбежное предназначение.

Хочу сегодня отнести в «Октябрь» Над. Вас. Кондаковой, очень ко мне расположенной после моей статьи, стихи «Вот этот камень», «О если б умереть зимой» и др.

15. XII.79

24 ноября, в субботу, были в гостях у Бондиков. Сергей Михайлович вполне хорош. Выкушал с нами рюмочку водки и много рассказывал. Например, о том, как его однажды Михаил Астангов и А Глоба напоили. В Вахтанговском театре готовились «Маленькие трагедии», и у них зашел разговор об этом. СМ. загорелся. Стал говорить, что надо бы сделать так и так.

— Правильно. Но вы пейте.

— Никто не знает, кроме меня, как надо поставить.

— Конечно. Но вы пейте.

И так в азарте рассказа он набрался до того, что его отправили в больницу, и он пролежал там три дня.

Много говорил о Мейерхольде, с которым был знаком. Говорил возбужденно, восхищенно, как о гении, который учитывал всякую мелочь на сцене, всякая деталька у него играла. А потом как-то вдруг сник и печально проговорил:

— Ну а на содержание пьесы он обращал мало внимания. Жена перебила:

— Перестань, Чуча. От твоего Мейерхольда и пошли все эти фокусы, что теперь в театре.

Не скажешь, что пустые слова.

Прошлый раз мы были у них ровно год назад. Только тогда угощение было весьма скромное, а в этот раз — куда там! Видно, дело в том, что Над. Вас. ушла на пенсию. Любопытно, что о покойном Фохте она говорила как бы с осуждением:

— Он был на 42 года старше своей жены. А ее собственный муж старше ее на 38!

30. XII, Малеевка

Приехали с Катей в Малеевку. К концу года образовалось редкостное сосредоточение бед. Сам я только что встал — болел гриппом, температура доходила до 38,7, хотя перенес и легко. Мария Мих. лежит плоха. Юра вот уже месяц почти в больнице с инфарктом. Позавчера увезли в больницу Васю. Галю скрутил радикулит. И в завершение всего — Таня беременна! Мало того, приехал в Малеевку, а тут еще и Окуджава. Сколько лет езжу по домам творчества, ни разу не встречал его, вдруг именно теперь — явился! Еще не хватало бы жить в соседних номерах.

Единственный просвет в тучах — позвонили из

«Современника», предлагают подписать договор.

Алексеев с моей статьей осторожничает. Но я вчера отнес ее в «Современник».

Из дневников начала 80-х

11.1980, Малеевка

1980-й! В каком-нибудь, 39-м, 48-м или 57-м немыслимо себе представить, что этот год когда-то настанет, но вот настал. Встречали в общем зале. За столом — Павел Ильич Федоров, Юр. Ант. Колесников, его жена Вера Ив., сын Алексей и нас трое.

Федоров ярый поклонник моей статьи и, как рассказывает Соловьев, буквально отобрал меня у него.

Вчера после обеда у входа в столовую столкнулись с Александром Кривицким, и он выпалил мне:

— Ты, старик, твердо стой на своем. Твое дело правое. Еще давно, в пору песенок, я сказал Окуджаве, что он — раздувшийся мочевой пузырь. Действительно, это раздувшийся мочевой пузырь, а он изображает из себя сердце. Задача пузыря — гонять ссаки, а он делает вид, что гоняет кровь. Я не против его романа, вот еще был у него о слежке за Толстым, пусть существует и это, но когда из таких сочинений делают событие, знамя, это терпеть нельзя. Ты глубоко прав, но кое-где допустил стилистический перехлест, и вся эта шушера теперь схватилась за это: тон! тон! А вообще-то можно было написать еще жестче. Роман графоманский. Держись, ты прав.

Я поблагодарил его, сказал, что Окуджава в уста своему князю Андрею вложил цитату из «Архипелага».

— Надо было об этом написать! — сказал он. Его поддержка меня порадовала.

В новогоднюю ночь Лена Дымшиц сказала:

— Что бы они ни говорили, это самое яркое событие года. Много хорошего говорил и ее муж Павел Мовчан.

5. I.80. Малеевка

Сидим за одним столом с Павлом Ильичом Федоровым («Доватор») и Юрием Антоновичем Колесниковым (роман «Земля обетованная»). Оба читали мою статью, они в восторге. Ю. АК сегодня после завтрака сказал

— Прекрасная статья. Получил огромное удовольствие. Можно было бы еще резче. А вы как бы раздеваете Обдулата (так он называет Окуджаву) и говорите ему «Полюбуйся на себя, какой ты». После такой статьи ему надо бы поехать куда-нибудь в Томск

12.30. 15 минут назад Таня привела Катю домой — она упала с лошади. Больно спину. Ну, я думаю, если сама дошла, поднялась по лестнице, не потеряла сознание, то все обошлось. Но больно поясницу. О Господи!

6. I

Вчера все шло хорошо, боль утихала, но вечером, когда пошли в туалет, ей вдруг сделалось плохо. Сегодня утром вроде лучше. Были врачи Ракита, Лиля Аграновская, Качурин. Вчера Катя лежала как незнакомый продолговатый предмет, а сегодня пришла к ней Таня Успенская, и они мастерят мышеловку.

Вчера Карпека прочитал мою статью, и сегодня за завтраком сказал:

— Как бог черепаху!

Его возмущают слова О-вы о том, что он занимается любимым делом и ему за это еще деньги платят. Действительно, а другие что — каторгу отбывают?

7. I. Рождество

У Кати вчера вечером был приступ какой-то пупочной болезни. Мы перепугались, думали, аппендицит. Хотели бежать к Эдику, чтобы ехать на его машине в Рузу. Но пришла Лиля Аграновская, посмотрела, пощупала смугленький Катин животик и сказала, что пупочная болезнь пройдет. Дали ей ношпу, и действительно, скоро все прошло.

На ночь они с Таней ставили мышеловки в виде стеклянных банок. Увы, мышки не захотели лишаться свободы в рождественскую ночь.

9. I, Малеевка

Подошел вчера к Вл. Жукову из Иванова и познакомился с ним. Дал ему читать мою статью. Сегодня сказал «Большое удовлетворение получил! Вы его догола раздели. Какой сарказм! Я хохотал».

13. I.80

10-го отвез домой Катю. 11-го мы пошли с ней в нашу поликлинику к хирургу. Попали к зав. отделением Людмиле Давыдовне Розенбаум. Крайне нелюбезная особа. Сказала, что ей будет легче с ребенком, если я выйду А потом сама же и расспрашивала меня об обстоятельствах падения.

Велела Кате раздеться до трусов. Она разделась, стараясь не выдать своего стеснения передо мной. И вот стоит в одних трусишках, стройненькая как тростинка, смугловатенькая, подняв согнутые руки к набухающим грудкам, видеть которые мне странно и трогательно. Должно быть, надолго запомню ее такой — как пленительный образ девочки, становящейся подростком.

14. I

Семена Шуртакова особенно восхищает в моей статье ее, как он говорит, полная защищенность, т. е. неуязвимость, и сама форма.

Загадочная личность, этот К Начал с того, что заявил, когда речь зашла о романе Окуджавы и о моей статье: «Для меня главное — мнение партийных работников». А через несколько дней о самом главном «партийном работнике» уже сказал «Лет через 10–15 никто о нем и не вспомнит». Сомнительный человек Очень круглый, очень скользкий. Все может обратить в шуточку. Написал книгу «Земля обетованная» против сионизма, а хвалят ее почему-то одни евреи: ген. Драгунский в «Правде», Бровман в «Известиях», в «Правде Украины» — какой-то Плоткин.

Ходили с ним позавчера в Старую Рузу. Я купил 2 бутылки «Сибирской», а он — одну «Пшеничной». Вчера ходили туда же с Семановым. Он купил 3 бутылки бормотухи, а я — 400 гр. сала.

15. I.80. 10.40

Сейчас у входа в главный корпус я сказал «Доброе утро!» какой-то маленькой, немолодой уже даме. Воспользовавшись этим, она со мной заговорила и стала выражать восторги по поводу статьи: «Роскошно! В писаревском духе! Сцену с пистолетом под периной я выписала и читаю знакомым». Когда ей давали статью, говорили, что она антисемитская. «Я наполовину, вернее, на четверть даже еврейка, и поэтому считают, что я должна иметь соответствующие взгляды. А мне противны некоторые чисто еврейские черты» и т. д. Я спросил ее имя. Оказалось, Лариса Теодоровна Исарова. Сошлись и во взгляде на Пикуля. А с Федоровым только что, за 15 минут до этого, поспорили из-за него.

— Я не понимаю твоего отношения к нему! — горячился старик

— В новом сочинении «У последней черты», описывая 35 лет русской жизни, он не нашел ни одного приличного человека — ни в окружении царя, ни в Гос. Совете, ни в министерствах, ни среди военных, ни среди духовенства, ни даже среди крестьян села Покровского, откуда Распутин.

Кажется, старик заколебался.

17. I, Малеевка

О ленивая, сонная Русь! Вот Викулов, казалось бы, одним из первых должен бы прочитать мою статью — ведь в центре литературных страстей, но он прочитал ее только сейчас, когда я предложил ему. И дорогой единомышленник Сеня Шуртаков тоже

только здесь прочитал, и П. И. Федоров. А теперь Викулов трясет мне руку, поздравляет и говорит, что со времен Писарева не было ничего подобного. Если, говорит, ты напишешь еще такую статью о Вознесенском, то останешься в истории литературы. Какая перспективка!

Одно из тяжелых впечатлений этих дней — жидоедская тупость С-ва и дочери О-о, студентки. Евреи им мерещатся всюду. Бонди? Еврей! Бор. Ив. Соловьев? Еврей! Жена Бонди? Еврейка! Таких людей я считаю агентами. Они выполняют самую грязную и опасную работу, которой брезгуют и которой боятся сами сионисты: сеют недоверие в нашей среде. Послушать их, так русских и нет, везде одни евреи. Не только с легкостью, но даже с какой-то радостью они отдают многих талантливых людей туда. Симонов? Еврей! Спасский и Карпов? Евреи… Идиоты! Они не могут ни о чем другом говорить, у них мозги высушены этой страстью.

19. I.80

Сегодня подошел на кругу перед обедом Лев Озеров и заговорил о моей статье. «Она блестяща по всем параметрам», но находит, что я раздел О-ву догола и злоупотребляю демонстрацией его голых телес.

20. I, 9.55

«Айн унд цванциг, фир унд зибциг!» — как говорили древние зулусы, что в переводе означает: ученье — свет, а неученых тьма», — Арк Райкин сейчас по радио. У Окуджавы перепутаны зулусы и зуавы.

23. I, Малеевка

Вчера подошла жена АИ. Рутько: «Мы теперь ваши поклонники». А тут подошел и он сам, жмет руку, поздравляет. Его больше всего восхищает спокойствие и обстоятельность, с коими я раздеваю О-ву.

2330

Завтра уезжаю из Малеевки. А сегодня вечером купил бутылку «Кюрдамира», легкой закуси и позвал к себе Шуртакова, Семанова, Федорова и Соловьева. Кое с какими пропусками прочитал им статью, написанную здесь, в которой ставлю под великое сомнение, что «Прощай, немытая Россия» написал Лермонтов. Хвалили мудрецы.

Второй день Би-би-си и «Голос Америки» заполнены воплями об А Сахарове. Вот сейчас выступал Володька Максимов —

оракул! Передавали пленки самого Сахарова. Он сказал, что ему больше, чем «инакомыслящие», нравится старорусское слово «вольномыслящие».

24. I.198 0, Малеевка. 8.30

56 лет! А все чувства, желания, надежды еще со мною. И замыслов — пропасть.

Думаю, что статейка, которую вчера закончил и где доказал недоказанность лермонтовского авторства, произведет известное шевеление в мозгах не одних только лермонтоведов. Надо только вставить еще вот что: почему первое упоминание встречаем лишь в 1873 году? Почему нет более ранних упоминаний в дневниках и мемуарах, как о «Смерти поэта»? Ведь прошло 32–36 лет!

230, Москва

Около десяти пришло из Рузы такси, и мы поехали: П. И. Федоров, Соловьев и я. Часа два тому назад приехали, поблуждав из-за Ф. в поисках его Беговой. Я соскучился о жене, о дочке, о доме. А Гриша говорит

— Вот сейчас приеду, открою холодильник — что там?..

Он соскучился о холодильнике!

25180

В 10.15 позвонила Мелита Мартыновна Романовская из Франкфурта-на-Майне. Передала привет от Т. Мевес, Володи Пруссе, Аркадия Артемьева и Юрека. «Я имею свое дело». Живет в доме, где Аэрофлот. Помню этот дом — огромный, роскошный. Жила в Америке. В Риге, в Юрмале у нее старые родители. Едет к ним недели на две, потом вернется и позвонит.

28. I, понедельник

Вчера ходили на день рождения к Гале. Народу собралось много: Ада, Вася, Сергей, Валя, Гена, Неля, Галка с Юрой, мы с Таней, да еще дети: Кирюшка и Женя. Как всегда в нашем клане, было шумно и суетливо. Я пришел самым первым, в 2 часа. Потом все удивлялись, ибо привыкли, что я всегда опаздываю. По дороге на ст. метро «Пушкинская» у меня было в час назначено свидание с патриоткой Ольгой Ивановной. Она пришла не одна, был еще историк Ан. Мих Иванов и какая-то молодая особа. Она подарила мне «Вопли» со статьей Суровцева обо мне, я отдал статью Иванова о Пикуле. Ну, постояли минут десять, поговорили. Так и получилось, что я поневоле приехал в Нагатино раньше. Сел около мамы и слушал ее. Вспоминала как с Анной Константиновной Хлыбовой в 1940 году были в доме отдыха, как купили там бутылку вина и выпивали перед обедом и угощали

няню, а та говорила, что никогда так не жила замечательно. Вспоминала, как вдруг плохо себя почувствовала после встречи с Клавдией Барабановой, которая порадовалась, как хорошо, мол, выглядишь — у нее дурной глаз был. И вдруг в разговоре упомянула пословицу: «Бойкий сам найдет, а на смирного бог нашлет». Я пришел домой, решил проверить у Даля, открыл слово «бой» и читаю: «На тихого Бог нанесет, а бойкий (резвый) сам набежит (наскочит). Тихий наедет, а бойкий сам наткнется (наскочит)». Словом, то же самое, только у мамы-то по форме лучше, чем у Даля. И в каких же, спрашивается, уголках ее 83-летней памяти хранятся эти сокровища!

29. I.80

В десятом часу вечера позвонил Федя Чапчахов:

— Старик, кончай переписку с Чаковским! Я сказал ему, что не годится, когда Бушин в какой-то оппозиции к «Литгазете», надо его привлечь к сотрудничеству. Ты углубился в историю. Напиши нам про Исая Калашникова.

— Нет, Федя, у меня свои планы. Я вот отвлекся от них на статью о стихотворении «Прощай, немытая Россия». Я доказываю, что Лермонтов это не писал.

— Очень интересно!

— Вот могу предложить вам.

— Давай!

Он энергично уговаривал меня, «как приятель», отказаться от пикирования с начальством. Конечно же, звонил он по поручению Кривицкого, который писал письмо, подписанное Чаком, и испугался вчерашнего разговора со мной — моего обещания ответить на заключительную часть письма.

31. I.80

Катя так вытянулась за счет роста ног, что словно ходит на ходулях.

А жалкий черный котеночек, которого я не мог оставить в Кратове в самом конце августа, когда приехал за ней, вырос в огромного черного кота-разбойника. Только в последние дни, вернее, когда я был в Малеевке, он оборвал в моей комнате на окне занавеску (выдрал штырь), смахнул с полки на пол магнитофон, что я привез из ФРГ, и, конечно, испортил его, пришлось Тане чинить (хорошо, помогла Нина), вчера разорвал Катину миллиметровку и т. д. То ли дело умник Паша! Залез в мой старый ботинок, что стоит у входной двери, и зимует там. А с рыбками мы расстались — отдали их вместе с аквариумом.

3. II.80, воскресенье

Перед Новым годом показывали по телевидению наш новый фильм «Три мушкетера». А Катя сейчас как раз читает всю эту эпопею. Как она волновалась, глядя на экран! Как только появлялась коварная Миледи, которую играла божественная Терехова, она сжимала кулаки и кричала: «Ах ты, дрянь! Ах ты, дрянь!»

7. II, четверг

Сегодня в половине шестого вечера, возвращаясь домой с продуктами в двух руках, полученных по талону в магазине на ул. Алабяна, 3, встретил Бенедикта Сарнова, прогуливавшегося с маленькой собачкой. Заговорили, пошли вместе и разговорились. Обошли вокруг нашего дома, потом ходили туда-сюда от подъезда к подъезду. Семанов говорил мне в Малеевке, что Сарнов написал статью-ответ на статью Лакшина о Солженицыне, и говорил, что Сарнов и Роднянская крестились. Я спросил. Нет, говорит, это Светов и статью написал, и крестился (Роднянская тоже). На Лакшина он зол. Можно, говорит, по-разному относиться к Солж, но он не понимает масштаба его личности. (Я молчу.) Лакшин преувеличивает свою роль в первой публикации С-на и других событиях. Он-де тогда не был членом редколлегии, я, мол, помню, мы вместе работали в «Литгазете». (Я-то этого не заметил, ибо у меня другое понимание масштаба личности Александра Исаевича — исключающее соблазн примазаться к ней.) Возмущался тем, что Л., будучи членом партии, печатается в каком-то западном издании. О статье Светова говорит, что написана плохо, но резко против Лакшина.

— Я читал твою статью. Если хочешь, выскажу свое мнение.

— Конечно.

— Надо было сказать о замысле, т. е. судить по законам, им над собой признанными.

Я ответил (как хотел ответить и Кладо), что моя статья — необычная, к ней нельзя подходить с принятыми литературоведческими мерками. Ее необычность определяется необычностью объекта: у нас нет другого писателя, который был бы так популярен при такой малограмотности. И задача статьи была в том, чтобы сдернуть с него мишурные наряды. Она эту задачу, кажется, выполнила.

— Да, но его популярность — это песни.

Я не стал доказывать, что и некоторые песни такие же малограмотные.

— Языковые примеры, которые ты приводишь, говорят о желании что-то освежить, обновить в языке.

— Но это может сделать лишь писатель, отлично знающий язык Стилистическая игра доступна только стилисту, а стилист уж обязательно должен быть грамотным человеком.

Он удивился и не хотел верить, когда я сказал, что Окуджава цитирует в речи персонажа «Архипелаг». Поговорили минут 15–20.

15. II.80, пятница

Мне нередко видится во сне война, и не только прошлая, но и будто бы случившаяся сейчас. Но до сих пор всегда снились немцы, а вот сегодня приснились американцы. Будто мы идем, 2–3 человека, мужчины, по полю или лугу. Вдруг из отдаленных кустов — вспышки. Это стреляют в нас. Мы бежим обратно, а по нам все палят и бросают нам наперерез гранаты, маленькие, круглые, а они не рвутся.

19. II. 198 0, вторник

Вчера к 16 часам ездил во Внуково встречать Мелиту Романовскую. На аэродроме мы сразу узнали друг друга, хотя Анна Вас. Луконина сказала мне, позвонив утром, что это крупная женщина лет под 60. Оказалось, ей всего 45, и меньше среднего роста. На вокзале она сразу сообразила, нашлась, позвала носильщика, и он получил ее вещи и посадил в такси. Она дала ему за эти десять минут хлопот 3 рубля.

Поехали к Лукониным — пр. Калинина, 31, к 13. Это на углу с Садовым кольцом.

На счетчике 6 рублей с чем-то, она дает червонец и просит донести до квартиры вещи. Но оба раза обращает мое внимание на то, что дает хорошо. Но без нажима, как о деле. Деловая европейская дама. Оказывается, как я понял, она занимается виноторговлей.

Пришли к Лукониным, дома только мать Лидия Ивановна. Гостья тут же извлекает бутылку армянского коньяка Ереванского завода, привезенную из Риги, и предлагает выпить.

Сидим, пьем. Часа через полтора приходит Луконина. Видно, широкой, прямой души женщина лет 40. Но не без актерского пижонства: «Когда мы с Мишей были в Париже» и т. п. Ах, это так простительно! Она играет в Театре на Таганке.

Просидел я у них почти до девяти. Как все в этом мире перепутано и тесно: нас, двух русских, москвичей, знакомит латышка, живущая во Франкфурте-на-Майне.

21.11.80, четверг

Когда много и сосредоточенно думаешь о чем-то, сколько

открывается неожиданных сторон! Сегодня в 2.45 на пл. Революции в метро, ожидая поезда до «Бауманской», вдруг сообразил:

И вы, мундиры голубые,

И ты, им преданный народ…

Виноградов, Ашукина и др. говорят: преданный — отданный во власть. Но почему во власть жандармов? Народ, т. е. на 90 % крестьяне, были отданы во власть прежде всего помещиков, потом чиновников, старост и т. д. А жандармов он во многих краях и знать не знал!

М. Романовская вчера улетела.

24. II, воскресенье

Пил всю неделю: в понедельник — у Луконинных по случаю приезда Мелиты коньяк (бутылка — Мелита, Анна Вас, я); во вторник — в ресторане «Интурист» с Мелитой джин со льдом (в «болотном баре») и шампанское (1 бутылка); в среду — на проводах Мелиты у Луконинных — шампанское, в машине коньяк; в четверг — на Бауманской коньяк; в пятницу дома — «Сибирская» водка; в субботу дома по случаю Дня Красной Армии — она же, проклятая! Не пора ли остановиться? Ведь тебе 57-й!

29. II, пятница

В книге критических статей Ст. Куняева «Свободная стихия» прочитал, что Николай I писал жене 12 июня 1840 г. по прочтении «Героя нашего времени» о Макс. Максимыче: «Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В Кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться…» (с. 30).

Очень интересно! Как «хозяин земли русской», он, конечно, хотел, чтобы настоящим героем нашего времени писатель представил добропорядочного служаку Максима Максимыча, он жалеет, что о таких героях «мало знают». Точно так же наши руководители хотят сейчас видеть героем времени коммуниста. Но Николай по крайней мере не призывал писателей создавать образы героев, подобных М.М.!

И вчера пил — с Семановым в ЦДЛ виски со льдом.

5. III.80. Малеевка

Приехал опять в Малеевку. И все как-то с ходу было ловко да хорошо. Решил изменить своей привязанности к первым трем

коттеджам и поселился в корпусе «Б» в 16-й комнате, вернее, квартире. Прекрасно! Это однокомнатная квартира со всеми удобствами. Два больших окна на уровне березовых крон. Словно паришь над землей. А какая тишина! И в этот же первый день поставил пломбу, вылетевшую накануне. И встретил своего ученика — Алексея Корнищенко (?), с которым сошелся в октябре — ноябре 78-го в Пицунде. Перед ужином выпили с ним «Сибирской». Ночью спал прекрасно. Крайне неожиданно приснилась из почти 30-летней дали Марочка. Еще приснилось, будто кто-то из «Молодой гвардии» сказал мне, что моя статья о Лермонтове не поместилась в ближайший номер, даем в следующем. Сколько я работал над этой статьей? Кажется, 3–3,5 месяца. Начал сразу, как только сдал Алексееву вторую статью об Окуджаве — «обзор».

5. III.80. Малеевка

Как хорошо началось мое пребывание в Малеевке, и какую гримасу вдруг увидел я вчера. Приехал Л. Л-ский. Я его всегда не любил, со времен «Молодой гвардии», когда он был инструктором ЦК комсомола. Медлительный, методичный, с тихой, тягучей и очень самоуверенной речью, он был мне и тогда несимпатичен, особенно когда совал свои статьи в журнал. Потом он окончил еще одну высшую школу фарисейства. И вот приезжает и начинает изливать восторги по поводу моей статьи. У него только одна претензия: у меня говорится, что шпионаж и доносительство в других странах были не меньше, чем в России, а ему поблазнилось, что я защищаю царскую жандармерию. А в остальном — блеск! великолепно! и т. д.

Но восторг его крайне удивителен. Ведь малограмотный русофобский роман напечатал как зам. главного в «Дружбе народов» — он, хвалебную статью о романе в «Литобозе» напечатал он, в этой статье какая-то дамочка бойко пнула меня — и вот он теперь восхищается моей статьей. Ну, действительно, до чего же может дойти комбинация чувств человеческих, как сказано у Достоевского!

Вчера перед ужином у Алексея выпили водки. После ужина пришли к нему опять, и пришел какой-то здоровенный мордатый и лысый мужик. Потом узнал — Карякин Юрий Федорович, автор «Литобоза», инсценировщик Театра на Таганке. Я уговаривал Алексея не делать этого, но он ставит бутылку грузинского коньяка, потом еще бутылку шампанского. Варвар ростовский! Я принес бутылку сухого и предлагал этим ограничиться. Нет! Они начали пить, я лишь чуть-чуть сухого и шампанского.

И вот этот К.Ю.Ф. сперва минут 15–20 молчал, а как раскрыл

рот для первого глотка коньяка, так больше его и не закрывал. Мы узнали, что детство он провел в Перми, жена его Ирина какой-то большой специалист, дочери 25 лет, внучке 2 или 3, что он работал в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма», что там он встречался с Юрием Гагариным и учил его уму-разуму, что инсценировал для Театра на Таганке «Преступление и наказание», что с Любимовым он на «ты», что давно знает Окуджаву, что был у него два года тому. Это поразительно, как с такими подробностями, с таким вниманием к себе человек может рассказывать совершенно незнакомым людям. Я же ничего подобного о себе не сообщал ему.

Потом он «вычислил» (так сказал), что я автор статьи об Окуджаве. Заявил, что целиком со мной согласен, но потом прилип ко мне с расспросами, почему я так беспощадно с ним обошелся, и тут пошло! Стал требовать от меня примера моей культурности! То ли от чужого коньяка спятил, то ли от рождения дурак. Под конец заявил, что статья написана языком доносчика. Ну, тут я его назвал мудаком и ушел. И Леонард тоже все оправдывал Окуджаву, какой он советский, а не кадетский. Но тут же приводил примеры его русофобства — презрение к Репину, что-то еще.

Ну, ночью я, конечно, долго не мог уснуть… Уснул, проснулся без четверти четыре, потом — в шестом (перешел на другую кровать).

9. III.80. Малеевка

7-го вечером уехал в Москву, сейчас вернулся. В Москве время провел плохо: маму не посетил, опять выпивал, даже на Щелковской. 7-го вечером ходил в Театр кукол. Сейчас иду по черной дороге — навстречу этот гусь лапчатый Карякин, опять пробормотал-промямлил что-то вроде «Добрый день», и я опять посмотрел на него как на пустое место.

10. III. Малеевка

Позвонил в «Москву» Алексееву. Он рассерчал на мое письмо, посланное в редакцию. Там я, видите ли, матерком пустил, рассказывая анекдот, а он говорит, что письма читают в редакции. Ну, если ты такой демократ, что разрешаешь читать письма, лично тебе адресованные, то я-то при чем? Не буду, говорит, твою статью печатать. Что ж, это месяца два напряженной работы, сколько нервов, усилий, ума, — а он из-за грубого слова не желает печатать. Я перед ним как со связанными руками.

Занесло меня что-то, занесло. Эта статья — 130 стр., о

Копелеве — 110, — и все это едва ли будет напечатано. А разве тут мое личное дело?

Вдруг почувствовал великое одиночество.

11. III. Малеевка

Сижу за одним столом с Вас. Федоровым, очеркистом Леонидом Ив. Ивановым (Омск) и его женой. Ивановы очень симпатичные люди. Федоров прихворнул, раздражен. Сегодня я принес в столовую его «Дон Жуана», чтобы подписал, так вспылил: «Что за детство! Убери!» Убрал.

Был разговор о целине. И Федоров, и Иванов отлично понимают, что это была грандиозная Никишкина авантюра. Иванов-то видел все своими глазами.

Спросил Федорова о Николае Тряпкине, который сейчас тут. «Отрок с крестиком на шее». Нет, ошибаешься. Я сейчас впервые почитал его стихи — книгу «Жнива» и «Вечерний звон». Много отличных стихов, самобытных, особенно в «Звоне». Конечно, в его облике и в стихах есть что-то схожее с Ник Глазковым: один — городской «дурачок» поэзии, другой — деревенский «дурачок».

Тряпкин в восторге от моей статьи об Окуджаве. А о статье по поводу «Прощай…» говорит «Странное открытие! Зачем это? Считали сто лет, что Лермонтов, пусть и дальше так будет. Мы же знали, что «Илиада» и «Одиссея» — плоды коллективного творчества, но считали, что Гомера». Удивительно, что не понимает.

Федоров со мной согласен, он читал почти всю статью, давал Шуртаков. Да, говорит, в стихотворении нет лермонтовской конкретной определенности.

16. III.80.Малеевка

Л.И Иванов рассказывает множество интереснейших вещей. Например, в Прибалтике центнер зерна государство покупает у колхоза за 13 р., а в РСФСР — за 7. Вот она, мудрая национальная политика в действии.

19. III

«Я люблю тебя так, что, если скажу как, тебе станет страшно».

Проскурин уехал. Приехал дня два назад Вл. Александрович Ильин, которого я тут уже не раз встречал. Математик, доктор, профессор, лет 50, чуть за. Славный, кажется, мужик, только уж очень вежливый. Как только ему такая вежливость не тягостна. Очень внимателен к себе, к своему здоровью. Ездил в Рузу, купил там морской соли и теперь делает морские ванны. «Носоглотка стала совершенно чистой». Похвастался полученными в прошлом

году наградами — медалью им. Ломоносова, медалью ВДНХ, кажется, еще каким-то орденом и тем, что выдвинут на Гос. премию, и бицепсами похвастался, — но все это у него как-то просто, наивно, без противности. На лыжах ходит по 3 часа — в шортах. После еды 40 минут не садится и не ложится. В Рузе он купил 20 или 30 тюбиков «Поморина», 18 метров каната и 6 пачек морской соли. 12 тюбиков «Поморина» и 6 пачек соли купил, впрочем, и я под воздействием примера.

25. III, вторник

В пятницу вечером с В.С. мы уехали в Москву, а в воскресенье мы вернулись сюда с Катей, у нее каникулы. Вчера ходили с ней на лыжах, сделали кружок на полтора часа.

Сегодня уехал Л. Ив. Иванов с женой. На прощание, когда я зашел к нему в номер, чтобы пожелать счастливого пути, подарил мне маленькую бутылочку коньяка. Видимо, я пришелся ему по душе, как и он мне. Хвалил меня за смелость. Смелых людей, говорит, совсем не осталось. Я рассказал ему, как Марков предлагал мне сперва 200, а потом 400 р. для работы над книгой с Солженицыне, и как я посмеялся.

Он много видел, много знает о нашей экономике. Некоторые факты и цифры, что он привел, поразительны. Например, перед революцией сибирское масло давало стране золота больше, чем все золотые прииски Сибири. Или: в 1916 г. у нас было 34 млн. голов коров, к 28-му году мы достигли этой цифры вновь, а сейчас — 31 млн. Выше 28-го года никогда не поднимались. На войне он не был. Работал зам. директора треста совхозов. Он решительный сторонник совхозов и противник колхозов.

27. III.80. Малеевка

Какая простояла зима! Без диких морозов и без оттепелей, многоснежная. И весь март был такой же. Вчера еще насыпало снегу, и лежит он чистый, мягкий, сухой. Только что вернулись с Катей с лыжной прогулки. Ходили в лес, чуть побольше полутора часов. Ее, дурочку, приходится силой тащить. Ну что за глупое упрямство! Не оторвешь от Дюма. Прочитала «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», три тома «Десять лет спустя» («Виконт де Бражелон»), «Королеву Марго», и вот теперь дочитывает «Графиню де Монсоро» — 850 страниц! Это у них в классе сейчас такое поветрие. Кажется, с Мариной они несколько разошлись, дружат сейчас с Леной Соколовой.

30. III, Москва. Вербное воскресенье

Ну куда деваться от этих идиотов! За наш стол на место

Иванова сел Олег Зобнин и доверительно говорит:

— А ты знаешь, наш Марков-то (Георгий Мокеевич. — *В.Б.)* носит фамилию жены. А его собственная фамилия что-то вроде Фридмана.

Ведь 60 лет дураку, и было у меня с ним по этому вопросу объяснение — письмо я ему посылал и очень резкое. И вот опять!

А в электричке, когда ехали из Дорохова в Москву, В.А Ильин говорит:

— А ведь Блок-то еврей. Я опешил:

— Да какие у вас основания?

— А фамилия? А физиономия? Типичный!

И ведь шестой десяток идет! Профессор! Доктор наук!

Меня более удивляет даже не то, что эта порода людей так легко верит россказням, а то, что верит с какой-то даже радостью. Если бы я убедил его (я не убедил), что Блок не еврей, он был бы, видимо, очень огорчен. А ведь человек живет в математике — т. е. в мире точности, достоверности, доказательств. А тут никакие доказательства ему не требуются. Достаточно слухов, брехни.

2. IV.80. Москва

Вчера попал на спектакль Московского театра драмы и комедии «Валентин и Валентина» Рощина. Встретился там с Тамарой Пономаревой. Она подошла ко мне как-то поздравить после какого-то моего выступления на секции поэтов, кажется, о статьях Св. Соложенкиной в «Правде». На вид очень молода и женственна, пышные буйные волосы усиливают это впечатление. Но она слишком много говорила о себе и слишком похвально, и это впечатление блекло. Мы перекусили в ресторане ЦДЛ (я выпил бокал цинандали, она не стала), и т. к я раздевался в Поварском гардеробе, а она в Никитском, то мы встали из-за стола и разбежались к своим гардеробам за одеждой. Должно быть, это выглядело смешно: что такое? Сидели, ели, вдруг встают и не прощаясь разбегаются. А мы через пять минут встретились у стоянки такси. По дороге я разговорился с Чудаковым из ИМЛИ о Лермонтове, он что-то спросил меня, а я в ответ изложил ему свое «открытие». Он предложил сделать сообщение в ИМЛИ. Я отказался.

Пономарева читала много стихов, и одно мне очень понравилось — про «тот берег». А потом она благодарила за вечер. И кроме того, выяснилось, что она не знает, что такое Малый театр. «Какой Малый? — говорила она. — Малый Художественный?»

3. IV.80 Чистый четверг

Газеты и радио продолжают выражать великий восторг по поводу вручения Ленинской премии новому лауреату по литературе. Позавчера в программе «Время» слащаво и умильно выступил Алексеев. «Матушка-целина»! Уж вроде все получил, что можно — зачем еще-то выслуживаться?

4. IV

Минут 20 назад Пуся вывалился из окна Таниной и Катиной комнаты. Катя выбежала в прихожую с криком: «Упал!» Мы с ней наскоро оделись и помчались на улицу. Катя подобрала Пусю, когда он уже завернул за угол, словно направлялся к подъезду. Принесли домой. В лифте он орал, мы думали — какой-нибудь перелом. Дома орать перестал. Через несколько минут залез в толчок, стал писать. Моча с кровью. Видимо, что-то повредил. Но тут же стал играть, бегать за Катей. Ничто ему шесть этажей. Видно, упал на козырек парикмахерской.

7. IV..80

В святую ночь наша пропаганда бросила против Пасхи Татьяну Доронину. До полуночи передавали по телевидению посвященный ей фильм «Бенефис». Ну, как устоять Христу! И, должно быть, радовались: «Как это мы ловко, тонко придумали!»

В воскресенье Таня, Катя и я навестили маму с Галей. Посидели, распили бутылку «Совиньона». Вернулись домой в пятом часу.

А вечером я заказал Франкфурт. Дали в первом часу ночи. Говорил с Таней и Володей. Они были ужасно рады моему звонку. Таня через две недели собирается быть в Москве. Мелита у них была. Надо думать, передала и водку сибирскую, и коробочку икры.

А Пуся-то наш, оказывается, упал не на крышу парикмахерской, а прямо на землю, но — в мокрый, рыхлый сугроб. Только это его и спасло. Я нашел след от падения и сфотографировал. Катя — рядом.

Только что заходил В. Я дал ему листов сто бумаги. До чего же у него на все циничный взгляд! Совершенно убежден, что все соперники «пропустят» Корчного на матч с Карповым, что Петросян сейчас проиграл нарочно. Я ему говорю: «Кому приятно ходить с битой физиономией? Почему он и так не может выиграть, если он действительно один из сильнейших?» Не слышит, не верит. Дудит свое.

13. IV, воскресенье

В пятницу, 11-го, в 9.30 утра ходил в Дом офицеров

(Красноармейская, 1). Там сняли с учета, гады. В военном билете поставили штампик «Исключен с воинского учета по достижению предельного возраста 31.12.1979».

Вот те на! А давно ли тебя, голубчика, забрили? Ужас — 38 лет тому назад!

И вот считай: в Светлое Христово воскресенье были у мамы, пили «Совиньон», в понедельник — на дне рождения у Васи пили коньяк (Тани не было); во вторник — пригласил Виктор Ревунов по случаю 60-летия, распили вдвоем бутылку коньяка («Плиски»); в среду, кажется, все было тихо; в четверг нарезался в ЦДЛ: началось культурно — джин со льдом и вермутом в баре с Семановым, а потом встретил литинститутцев — Чиркова, Валикова с женой Тамарой и Войткевича, которого не видел сто лет. Ну, и вначале по сто, еще по сто, потом я купил бутылку, и ее распили. На другой день не работал почти, болела голова, частило сердце. Ходил по делам.

16 апр.

Отправил письмо В. Оскоцкому.

17 апр.

Написал письмо Л. П. Жак Бросил в ее почтовый ящик

20. IV.1980.9 вечера.

У меня был сын, его звали Сергей. Сегодня он умер.

21. IV.

Когда он был совсем маленький, я однажды спросил его: «Зачем ты родился?» И он без запинки ответил: «Чтобы жить».

Ничем не обходит меня жизнь, всем наделяет полной мерой.

23 IV, 8.45 утра

Вчера схоронили Сергея. Было много его друзей. Поминки устроили в две очереди — сначала для друзей, потом для родственников, особенно близких. Я попросил его девушку Таню позвонить мне, хочу поговорить с ней, как, видимо, с самым близким ему человеком. В нелепой смерти его теперь обнаруживается много странного. Ребята говорят, что во второй половине вечера в нем произошел какой-то перелом, и он был в угнетенном состоянии. Жена Алексея Карцева (сына Анатолия) сказала мне, что он вообще в последнее время был странноват. Они склоняются к тому, что это лишь отчасти несчастный случай, но в то же время — он хотел испытать судьбу. Патрон, оказывается, был не того калибра. Он разорвался, но силы

хватило и на *пулю*.

Оказывается, он значил в моей жизни гораздо больше, чем я думал

8.45 вечера. На все, на все теперь я смотрю с одной мыслью: он этого уже не увидит. Сейчас я стоял на балконе. Теплый весенний вечер. Тихо, пустынно, тревожно, и вовсю светит луна — а он этого уже не увидит. И сейчас вдруг подумал: поеду в Коктебель, сияющий полдень, море — а он этого уже не увидит.

Когда он был жив, возможно, по нескольку дней не вспоминал о нем. А теперь он во мне постоянно. Через свою смерть он словно вошел в мое сердце.

24 IV, 955 вечера

После крематория приехали к Васильевым. Вошли в квартиру Иры и Сергея. Разделись. Ирина сидела в кресле в первой комнате, в углу у окна. В безотчетном порыве я бросился перед ней на колени, обнял ее и, плача, стал выкрикивать: «Прости меня за все!.. Жизнь одна!» Ей бы смиренно ответить, как подобает в таких случаях: «Прости и ты меня. Оба мы виноваты». А она изрекла: «Я тебя прощаю».

26. IV.80

На поминках я прочитал из «Сына» Антокольского заключительные строфы:

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек.
Пусть этим прощаньем окончится повесть
О самой глухой из глухих одиночек.
Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.
Мне снится, что ты еще малый ребенок,
Смеешься и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных…

29. IV, вторник

Вчера отмечали девять дней, народу было немного: Ал. Дмитр., Ира, Лиля, Борина жена Галя (сам Борис уехал в Ялту, ему, конечно, надо отдохнуть), мы с Нелей, его друг Вахтанг из Сухуми, Ира и ее мать — тоже из Сухуми (Сергей учился в университете с В. и И.), Светлана Васильева (дочь художника) с дочерью Машей, Светлана Бартенева из Бронниц,

Сенгур — то ли шофер, то ли адъютант Вал. Федоровича.

Когда встали из-за стола и перешли в другую комнату — Ира, Вахтанг и я, то поскольку мне говорили, что Ира видела все своими глазами, я спросил у нее, как же было дело. Она сказала так Увидела, что Сергей пошел на лестницу, и почему-то решила последовать за ним. У него был чем-то странный, тревожный вид. Открыв дверь, она увидела Сергея, стоявшего лицом к двери. Выражение лица и глаз — необычное (не помню точно, какое слово она употребила). И тут грохнул выстрел, и он упал. Кто-нибудь еще находился рядом? Она не помнит. Но многие говорят, что был тут какой-то Миша. Ирина вчера же сказала, что его реакция была очень сильной — его рвало. Вспоминаю: у гроба в крематории я стоял с левой стороны и видел пластырь, наложенный на левую часть головы. Что же, он стрелял левой рукой в левую сторону? Но если он стоял лицом к двери, то справа находилась соседская дверь, стена, а слева — пространство, лестница, и там мог находиться человек…

А днем мы с Нелей ездили в ин-т Склифосовского за его вещами. Он там прошел под номером 3757, а мешок с вещами — 1052. Рубашка и брюки были в крови. А потом пошли в реанимационное отделение к инкассатору за его часами. Ждали полчаса ушедшую инкассаторшу, а потом еще оказалось, что напутали при регистрации фамилии — записали то ли Булшин, то ли Болшин, то ли Болушин. Долго разбирались. Разобрались. Часы шли как ни в чем не бывало и точно показывали время. Часы электронные, японские, с цифрами вместо стрелок Цифры секунд и минут и двоеточие какое-то все время менялись, словно пульсировало сердце.

4. V.80, воскресенье

Я все более уверяюсь, что Сергей погиб не от своей руки. Теперь уже твердо известно, что Миша (как его звали приятели, Майкл) находился с ним на лестничной площадке. Что произошло там между ними — кто знает! Сегодня звонил Коле Прохорову, он же юрист. Говорит, что, конечно, следствие в таких случаях ведется обязательно. Тане Лавровой, оказывается, Сергей сделал предложение, но она будто бы сказала, что надо немного обождать. Но Саша (?) Гриневский, сказала Ирина, уверяет, что Сергей застрелился из-за нее. Он будто бы говорил ему, что сделает это, если она откажет. Я спросил Иру, были ли они в близких отношениях. «Да, конечно», — уверенно сказала она. Я просил ее позвонить мне, но она до сих пор так и не позвонила.

Еще порой мне будет трудно,

Но чтобы страшно — никогда.

5. V.80

Удивительную картину я наблюдаю. Множество людей, знакомых и даже родных, зная о моем горе, сохраняют полное молчание. Клава и Тоня из Минска додумались до того, что первая позвонила Гале, а вторая — Аде, чтобы выразить соболезнование, но — не мне! Когда я сказал, что, мол, странно, Ада ответила: «Как так? Наоборот, это деликатность, чуткость».

Оставить человека наедине с его горем — это теперь считается чуткостью. Чем же эта чуткость отличается от молчаливого безразличия прохожего, который не знает меня и моего горя? И вот молчат… деликатность выказывают.

13. V

Катя сегодня ходила второй раз играть в баскетбол в школе. Ее команда выиграла 6:0. Из шести мячей она забросила пять! А Таня все говорит, что она неловкая, неуклюжая.

15. V. 7.20 утра

Сейчас некоторые говорят, что коллективизация вообще была ошибкой. Мои мартовские беседы в Малеевке с Л. Ивановым привели меня вот к каким мыслям. Нет, это не было ошибкой. Но, как известно, коллективизация далеко не везде и не всегда проводилась полностью добровольно — уж если сам Сталин вынужден был выступить со статьей «Головокружение от успехов». Между тем, как раз полная, абсолютная добровольность была в интересах дела и будущего. Во-первых, тогда в колхозах оказались бы только те, кто действительно заинтересован в нем. И это имело бы самые отрадные последствия для производительности труда, дисциплины, рачительности. Во-вторых, тогда сохранился бы более или менее существенный единоличный сектор. И это давало бы возможность для соревнования, для сопоставления, для раздумий и выводов. Оба сектора, очевидно, имеют свои положительные качества и благотворно влияли бы друг на друга. Это, в частности, создавало бы более разнообразную картину жизни. Очевидно, сохранение частного сектора способствовало бы сохранению, в частности, ремесел. И время показало бы, каким путем идти дальше. А сплошная коллективизация уничтожила возможность социального эксперимента.

17. V, 750 утра

Религия хочешь не хочешь заставляет людей думать о смерти, напоминает о вечности. И это помогает чувствовать и понимать свое место в ряду меняющихся поколений. Атеизм, соединенный с невежеством, рождает убеждение, что эти события, в которых мы участвуем, — центр всего, главное звено бытия. Этим ощущением рождены и слова в «Малой Земле» о том, что в прошлом были только герои-одиночки, а вот теперь, под руководством партии, возник массовый героизм (какая национально-освободительная или революционная война возможна без массового героизма?), и поразительные по такой же глупости слова М. Алексеева, недавно в «Правде» сравнившего борьбу с прошлогодним паводком на Волге со Сталинградской битвой. Ведь человек сам был в Сталинграде и понимает, что это главная битва всей мировой войны, но — ему надо восславить сегодняшний день, и он не щадит саму Сталинградскую битву! Пишет: «От Сталинградской она, эта битва, отличалась разве что тем, что была бескровной». Разве что! Вот до какой степени могут свихнуться мозги от усилия прославить нынешний день. А ведь не глупый человек… («Правда, 30.IV.80) А еще он писал о хлебе — это его любимая тема. Желая во что бы то ни стало прославить труд хлебороба, разумеется, заслуживающего всяческих похвал, он писал: «Золото бывает в самородках, а хлеб не бывает, его добывают по зернышку». Да ведь самородки-то так редки, что о каждом из них в газетах пишут. А добывают-то золото по песчинкам, что мельче зерен хлеба во много раз. И труд этот адский, недаром же испокон века его делают главным образом осужденные. Ничего этого не понимает М.А У него сегодня одна цель — восславить хлебороба!

23. V. 80, пятница. Коктебель

Вчера с Катей приехали в Коктебель. Поселились опять в том же коттедже, в той же комнате: 15-4. Погода пасмурная, холодновато, но все равно хорошо. Как всегда, много уже знакомых лиц. В Феодосии при посадке в наш автобус встретилась и Алена. Сдержанно раскланялись.

Поезд, как заведено, был ужасный, но нам повезло на соседей. На нижней полке ехала 63-летняя Таисия Васильевна Стрельцова. Удивительная женщина! Какой энергичный, сильный характер, какая деятельная натура! Сибирячка, но родилась на Южном Урале. Из-за астмы мужа 20 лет назад переехала из-под Новосибирска в Крым и вот теперь живет в Крымском приморье (Пионерская, 7). Всю дорогу она рассказывала свою жизнь. Как училась в школе (хорошо), как работала учительницей (после семилетки), как в войну заведовала в колхозе складом, как они

раздали хлеб колхозникам и за это судили председателя ревизионной комиссии, как мужу отправляла контейнер с досками (20 досок по 2 м 20 см — из лиственницы, что росла перед домом), как перебралась к нему с детьми (четверо! А он, нанимаясь на работу, объявился одиноким), как отвоевала комнату, которую местком предназначил ей, а директор хотел отдать своей секретарше-возлюбленной.

Любопытно! Она не скрывала, что порой действовала незаконно, и все-таки во всех случаях истинная правда была на ее стороне. И когда раздавала хлеб колхозникам, и когда получала квартиру, и даже вот в каком эпизоде. Стоит она на рынке, торгует виноградом. Осталось 5 кг, а никто не покупает. Видит, идет какая-то знакомая — сама пьяная и с пьяным дружком. Она к ней: «Что ж ты так долго? Велела оставить винограда, а сама не идешь!» — «А я забыла, — отвечает та спьяну. — А сколько у тебя?» — «Как просила — 5 кило». — «А во что же я возьму?» — «А вот же плащ-болонья. Снимай его!» Так и избавилась от лишнего винограда.

Труженица и пьянчужка. Нет сомнений, на чьей стороне наши симпатии.

25. V, Коктебель

Сегодня приснился такой сон. Будто я в большом высоком доме, этаже на шестом. Может быть, в нашем доме. И вдруг вижу в окно, как прямо на дом идет огромная морская волна. Она так огромна, что брызги влетают в это окно, вроде бы торцевое. И волна голубая. Не помню, испытал ли я страх. Главное — удивление перед грандиозностью волны.

27. V, Коктебель

В шесть часов проснулся от непонятного звука. Рая метет террасу? Нет, оказалось, косят траву. Буйную, шелковистую траву срезали, и много убавилось от красоты нашего поместья.

Вчера ходили на могилу Волошина: Гриша Соловьев, Вера, ее подруга Нина с дочкой и мы с Катей. Распили там на горе бутылку сухого вина. Обратно шли — бил холодный ветер, и Катя пожаловалась на горло, но, кажется, слава богу, все прошло.

Здесь опять Кныш с женой Идой и 30-летним сыном Игорем. Он из числа провинциальных всезнаек, и подозреваю, что по этой причине не поладил со свояком Астаховым, тоже провинциальным всезнайкой.

10.40 вечера

Сегодня прочитал у Толстого: «пошлая известность, которая меня постигла».

Полчаса назад звонил в Алушту Алексею. Обещает 29-го приехать. Я попросил его привезти 3–4 бутылки водки, здесь ее нет.

30. V, Коктебель

Вчера приезжал Алексей с Лора. Побыл часа три. Немного выпили. Почтили память Сергея. А вечером пришли ко мне отметить сорок дней Кныши (три), Борис Куняев, Соловьев, его сноха Вера и ее подруга Нина. Выпили привезенные Алексеем две бутылки водки. Застолье организовали с помощью Нины Захаровны из столовой. Посидели часов до одиннадцати. На барьере стоял детский портрет Сергея, прислоненный к вазе с тремя огромными пионами. Их принесла Вера. Спасибо ей.

Сегодня утром, опасаясь, что это может напугать ее внезапностью, объяснил Кате, что начинается у девушек в этом возрасте. Выслушала очень спокойно, только, может быть, от смущения терла переносицу. «Ты слышала об этом?» — «Нет».

31. V. 80. Коктебель

У нашего коттеджа скосили траву. Я пошел искать Пашку (мы одели на него кусок красного резинового шарика, и теперь его легко находить) и увидел старика, который сгребал граблями траву. Я заговорил, разговорились. Оказалось, у него именно сегодня день рождения — *66* лет, звать Григорий Иванович Ющенко, живет — ул. Ленина, 84. Сено готовит для своей коровы. Ушел на пенсию и вот завел корову. Много лет пас здешнее стадо — 140 голов крупного скота, а всего после войны было в Планерском 300 голов, сейчас — 14! Вот она, наша мудрая с/х политика. Все понимает. Сообразителен и неглуп. Настоящий труженик На войне он не был, не брали по здоровью (что-то с легкими), и 23 декабря (точно помнит!) 1943 г. немцы угнали его вместе со всем взрослым мужским населением. Из Севастополя морем — в Румынию, потом — в Венгрию и Германию. Освободили из-под самой французской границы американцы, передали нашим. Проходил «фильтеровку» сначала там, потом в Джанкое. Жена на пенсии. Сын с 1940 года, ему он подарил бычка-производителя. Купил «Ладу».

Живут люди. Только не мешайте им своим безграмотным хозяйствованием. О корове говорит: это второй хозяин в доме. Сейчас я его сфотографировал.

12.40

Только что ушел Дм. Жуков, унеся с собой целый час моего рабочего времени.

7 час. вечера

Вчера вечером, разозлившись, что она мешкала с делишками перед сном, стукнул Катю. Не сильно, конечно, но все же. Она заплакала. Я сразу же пожалел и стал казнить себя, и, стараясь загладить вину, привлек ее к себе и заставил поцеловать — но что мне делать с моей мучительной несдержанностью?!

1. VI.80. Коктебель

Моя статья о Лермонтове пошла по рукам. Прочитал Б. Куняев: «Потрясающе! Это прекрасно — стереть хоть один плевок с лица родины!» Прочитал Кныш. Сейчас читает его жена Ида, прочитала 29 стр., их взял Дм. Жуков.

2. VI, 12.15.

Возвращаясь утром с купания, увидел на нашей аллее распустившуюся розу. Небольшая, еще тугая, с запахом, похожим на земляничный. Я сорвал ее и дома стал будить ею Катю, подставляя к носу. А потом в стакане с водой поставил у Сережиного детского портрета.

Сейчас ходил на почту. Звонил Тане и Гале. Галя сказала, что 28-го прах Сергея предали земле — рядом с дедом. Этот Михаил (его звали Майклом) не пришел опять, хотя все ребята — Сережины друзья — собирались после похорон.

19–00

Только что ушел Анатолий Жигулин с женой Ириной. Просидели 45 минут. Я давал им читать письмо Куприна Ф. Батюшкову. Славно поговорили…

23–00

Тогда явился всезнающий Кныш и прервал запись. Так вот, мы с Ирой выпили по полстакана павловского домашнего вина, а Анатолий не стал.

Зашла речь о том, что его книга в «Молодой гвардии» издается тиражом в 75 тыс. Я сказал

— Почти половина Вознесенского!

Вспомнили его книгу «Соблазн». Я привел оттуда такое стихотворение:

Как хорошо после парилки
Окунуться в реликтовом озере Рильке.

И на это стихотворение потрачено 200 тыс. страниц!

Жигулин сказал:

— Это позор, что мы, взрослые, образованные люди, говорим о Вознесенском, Евтушенко. Нас заставили о них говорить. А это графомания, бескультурье, это безнравственно.

Ну, правда, к графоманам он отнес и Сергея Васильева (покойного), и Сергея Смирнова, и Сергея Викулова.

Я сказал, что у Викулова есть хорошие стихи, но вот восторженные стихи о ледоходе, который крушит мосты, «Тетива и стрела» — о том, что враг доходил до Москвы, а потом мы его вышибали, так, мол, всегда и будет… Мы должны этому радоваться? В ответ он прочитал стихотворение, которое я знаю и даже говорил ему о нем в ЦДЛ. Там слова:

И как сказал поэт Твардовский,
Сдавали чохом города.

Хлестко сказал, но никакого «чоха» не было. Потом он исправил там («В знак давнего уважения к Бушину») одно стихотворение о лампаде, которая сто лет горит в Болгарии у иконы в часовне, где похоронен поручик Родионов.

7. VI.80. Коктебель

Дня три назад А Жигулин на набережной у столовой прочитал частушку:

Недоволен шах Ирана:
— Нету песен Шаферана!
Отвечает Хомейни:
— Не поем такой х-ни.

Я сейчас за завтраком прочитал это Юле Друниной, она в ответ такое:

Дядя Ваня из Рязани
Оказался в Мичигане.
Вот такой рассеянный
Муж Сары Моисеевны!

Я по дороге из столовой прочитал это Стаднюку. Так распространяется современный фольклор.

9. VI, Коктебель

Сегодня видел во сне обоих своих детей. Сергея — впервые после его смерти.

Он будто бы что-то совершил предосудительное и,

обрядившись в косоворотку, сапоги, почему-то пробирался на Дон и успешно пробрался, и вот уже вернулся.

Видимо, потому Дон, что вчера на ночь читал «Фальшивый купон» Толстого и прочитал про девицу Турчанинову, которая явилась в Петербург из земли Войска Донского.

И Сергей был рад удаче, и Ира была тут. А Катя приснилась почти совсем большой.

10. VI. 10.15

Вчера приехала Таня. Мы с Катей ездили в Феодосию ее встречать. Она, оказывается, без нас жила в Москве неплохо. Распили, например, с Ниной Ситниковой бутылочку винца.

Сегодня перед завтраком все трое купались. А пришли после завтрака — пропал наш драгоценный Пашка. Я написал три воззвания, которые надо развесить:

«SOS!

Пропала (О Господи!) черепашка по кличке Пашка, знающая английский язык Она страдает тяжелой формой distrofia musculosi и проходит специальный курс психотерапевтического лечения. Без этого лечения, тщательного ухода и особого меню Павел через 8—10 дней околеет (сыграет в ящик, даст дуба, откинет лапти).

Нашедшего просьба вернуть в 15-й коттедж, ком. 4 Литфонда. Возможно умеренное (по соглашению с Павлом) вознаграждение.

10 мая 1980 г. Комитет по спасению Павла — КПС».

15. VI, Коктебель

Еще позавчера Пашка нашелся. Мы с Катей ходили в поселок и говорили мальчишкам, что он у них погибнет. И вот кто-то из них подбросил его опять на веранду. А сейчас он сидит в моем шлепанце. Как все обрадовались, когда он нашелся!

Вчера с Аникстом зашел разговор (через взгляд на Жигулина) о Солженицыне. Я рассказал историю своего знакомства с ним, ну а потом о разрыве и назвал «Архипелаг ГУЛАГ» чтением для старых баб.

— Ну нет, — сказал ААА. — мы должны знать все, что было.

Т.е. и у него, как у Алены Грачевой и у многих других, такое мнение, что С. собрал документы, свидетельства, факты и т. п.

Я сказал, что была национальная трагедия, что да, надо знать о ней правду, но это — спекуляция на трагедии, самодельная брехня.

18 VI, Коктебель

Прочитали мою статью о «Прощай…» Б. Куняев,

Ан. Курчаткин (его жена Вера), зав. отделом критики «Октября», Л. Жуховицкий, Вас. Белов и его жена. Все, кроме Л.Ж, — за.

— Это надо немедленно печатать! — сказал Белов.

Л.Ж: «Очень интересно, но ты меня не убедил». Ну, конечно, вспомнил Чернышевского: «Нация рабов. Сверху до низу все рабы». Я решил наконец посмотреть, как это у самого Н.Г.Ч. И что же оказалось? Дивное дело!

Во-первых. Это в романе (ну, это я знал).

Во-вторых, роман не окончен.

В-третьих, это слова героя, а не автора.

В-четвертых, автор относится к герою иронически.

В-пятых, главное-то: под словом «нация» разумеется вовсе не русский народ, а дворянство, которое Волгин Алексей Иванович очень не любит.

И ведь сколько лет все твердят: Чернышевский сказал! А знают это лишь по ленинской цитате. Он назвал это «словами любви к родине». Если назвать рабом — выказать любовь, то… Свихнуться можно от такой любви.

19. VI.80. Коктебель

После обеда стоял на перекрестке против 19-го корпуса, останавливал всех встречных-поперечных, раскрывал на 197-й странице XIII том ПСС Чернышевского и читал то место из «Пролога», где эти самые слова о жалкой нации рабов. Прочитал М. Колесникову, О. Михайлову, Вас. Белову. Б. Куняеву, В. Петелину.

20. VI

Прочитал мою статью об Окуджаве М. Колесников, подошел за завтраком и сказал:

— Как ныне выражаются, потрясно. Вы непревзойденный мастер сарказма. Если обо мне бы такое написали, я бы бросил писать…

22. VI. 11 ч.

Нет ничего на свете хуже чувствительности и податливости. Встал сегодня в 6 часов и пошел с магнитофоном записать утро 22 июня 1980 года. Иду мимо веранды Шевченки, он окликнул. Давай, говорит, поговорим о твоей статье про «Немытую Россию». У тебя есть выпить?

И я при полном нежелании пить в 6 утра все-таки иду и приношу свою водку. Выпиваем, и он начинает свои излияния. Как варварски началось с водки, так варварски и продолжалось. Одни хохлацкие эмоции! Первые 23 стр., говорит, великолепно, с

твоими сомнениями я полностью согласен.

— Ну и все, в этом суть.

— Но с твоими доказательствами я не согласен.

Ни мыслей, ни возражений у него, по сути, не оказалось. Ты, говорит, не прав, что стихотворение написано в 40-м, оно написано в 41-м. Не понимает, что мне это безразлично, если я вообще отрицаю, что оно написано им.

Словом, и время на него потратил, и утро он мне испортил этой насильственной выпивкой.

24. VI.80.

Вот как одна слабость влечет за собой другие! Василий Ардаматский, прочитав мою статью об Окуджаве, спросил меня, не хочу ли я прочитать его роман «Последний год». Я, конечно, не хотел, но малодушно ответил, что, разумеется, хочу. Он притащил этот романчик страниц на 350, вышедший в «Молодой гвардии» тиражом в 200 тыс. Время, лица, события — что и у Пикуля. Но у того — разнузданность, клубничка и обличение евреев, а у этого все благопристойно, чинно, всюду «марксистско-ленинский» взгляд, да еще «Вифлеемский сад» вместо Гефсиманского. Ну, а итог тот, что за Пикуля дают 70 р., а этот романец прошел никем не замеченным по причине своей скучности. Но как об этом сказать 70-летнему человеку, да на курорте, да с женой, которая лет на 25 его моложе, да сам предложил. Ну, и я бодро сказал:

— Поработали вы! Интересно! Добротно! — И т. д.

Грех ли это для меня, так часто лезущего на рожон? Вернее, неужто мне такая мелочь в день Срашного Суда не простится?

25. VI, Коктебель

Часами наблюдаю за Пашкой. Какое трогательное и умное существо. Обычно мы за ним в течение дня следим. А сегодня предоставили полную свободу. Я решил весь день наблюдать, но не вмешиваться в его жизнь. Он вылез из своей норки под кустом утром часов в 8, погрелся на солнышке и пустился в путешествие. Я обнаружил его по ту сторону рва уже после завтрака. Он шагал в западном направлении по нашей лужайке. Она покрыта густой травой, на ней бугры, рытвины. И когда он был уже почти у правого края лужайки, еще по эту сторону тропинки, я потерял его из виду. Раза три-четыре искал до обеда и после. Нигде нет! Я подумал, что все, пропал, ушел куда-то далеко, там с приближением сумерек заночует в укромном месте, а завтра опять в бессмысленное путешествие. И вдруг около половины шестого увидел его во рву, уже на левом, восточном склоне,

карабкающимся вверх. Ах ты, милашка! Давай, давай! Как он старался! А ведь склон-то градусов 80. Срывался, возвращался и снова карабкался. Направление было ясное — в нору. И вот около половины седьмого он до нее наконец добрался. Я положил у входа десятка два горошин и одну клубничку. Горошины почти все съел, клубничку затащил в нору. Сейчас спит, сердешный. Вчера-то уже в половине пятого был дома, а сегодня как поздно загулялся. Видно, завтра поднимется тоже поздно. (Максимальное удаление от норы было 25 моих альпенштоков.)

27. VI. Коктебель

Ну, дела! Вчера устроили литературный вечер. Гриша Соловьев предложил мне участвовать. Я раздумывал. Но уже вывесили объявление и меня там назвали. А председательствовать должен был Борщаговский. Он заявил Соловьеву: «Я не знаю поэта Бушина!» И отказался председательствовать, конечно, в знак протеста против того, что я «обосрал жемчужину», как сказал Гриша — повесть Окуджавы. Туда же с клешней сунулся и Леонид Латынин, эдакий ражий малый с нелепо многозначительным лицом деревенского дурачка. Я, говорит, тоже не желаю выступать вместе с Бушиным. Но тут произошло драматическое борение гражданской доблести с мелким тщеславием. Выступить-то, покрасоваться-то на эстраде охота! И вот он говорит Грише: раз Борщаговский отказался, то пусть и Бушин откажется. Уссаться можно! Узнав все это, я сказал Грише: «Уж теперь-то я обязательно буду выступать!» А тщеславие одолело гражданскую принципиальность: Латынин, конечно же, взлез на эстраду.

Читал он первым. Сам здоровый, голос трубный, читает с великой страстью, и все дохлая литературщина! А я прочитал «Случай под Одессой». Приняли хорошо.

Сегодня об этих куриных демаршах все знают и говорят.

* * *

В 1985 году Леонид Латынин получил премию Союза писателей Каракалпакии.

А позже его дщерь оказалась неуемной фурией демократии на страницах «Новой газеты», органа старой антисоветчины.

* * *

А Пашка-то, Пашка-то наш! Сегодня не ночевал дома. Ну, это уж последнее дело. Ох, гулена! Уж это стыдное дело — дома не ночевать.

3. VII.80. Коктебель. 9.50

Вчера перед ужином сходил к Григорию Ивановичу (см. 31.V), отнес ему две фотографии, посидел, побалакали. На обратном пути зашел к Зинаиде Леонидовне Новицкой, тоже оставил фотографию. Она дала мне машинописные воспоминания Марины Цветаевой «Нездешний вечер». Вчера на ночь читал их. У нее там много о Мих Кузмине. Как у него сказано!

Зарыта шпагой — не лопатой — Манон Леско…

Конечно, здорово, конечно, красиво. Но сегодня утром подумал: а сколько эффектности, красивости! Важно, как человек умер, а не как его зарыли. Какая разница — лопатой, шпагой… Но потом вспомнилось: а ведь Аксинью-то Григорий тоже не лопатой зарыл, а шашкой!! Представим на минутку, что ее зарыли лопатой — и это уже не Аксинья с ее беспутной жизнью, горькой любовью, высокой душой.

4. VII, Коктебель. 10.10

Пашка опять не ночевал дома. Обнаружил его только сейчас на территории, где он раньше не появлялся — к западу от веранды. Покормил его цветками вьюнка и дал вишенку. Съел с большим удовольствием.

Я, видно, так живо рассказывал Ардаматскому о том, как Пашка перебирается через ров, торопясь до заката домой, что это приснилось ему — он сказал мне вчера, когда смотрели «Время».

8. VII

Завтра уезжаем. А вчера я весь день потратил на игру для девочек под названием «Операция Монморанси». Уж так заведено — каждый год трачу на них один день: пишу записочки и прячу их в укромных местах, и по одной они находят другую — связная цепь. Затея приводит их в восторг, они ждут этого каждый раз как замечательного праздника.

Финал сегодня был такой. В последней записке, которую они нашли у Пашки под резинкой, значилось: «Philips. Start!» Это означало, что надо взять мой магнитофон «Филипс» и включить.

Сегодня после завтрака они включили и услышали: «Здравствуйте, девочки! Это я, герцог Монморанси. Вы слышите мой голос. И вот что я хочу вам сказать. Вы, конечно, совершенно правы. Я и не собираюсь с вами спорить. Мне совершенно нечего вам возразить. Но если кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь

зачем-нибудь почему-нибудь захочет заставить бегать, высунув язык, трех глупых таракашек, то он не сможет найти лучших таракашек, чем Катя Бушина, Таня Мальцева и Акулька Тетерина». Такая была у нас игра с этими «кто-нибудь», «где-нибудь»…

Вчера явился Окуджава. Вот ведь! — раньше я никогда не встречал его в домах творчества, а теперь и в январе он был в Малеевке, и здесь. Смотрит на меня сквозь какие-то мертвые очки.

9. VII Коктебель. 3 часа

Сегодня вечером, в 8, уезжаем. Только что ушел Шевченко. Как видно, он занят главным образом регулированием своих визитов и отношений с правыми да левыми. После меня, очевидно, пошел к Кокину

Рассказывал Алексей Леонов из Ленинграда. Вчера поздно вечером читал мою статью об Окуджаве. Хохотал и читал вслух некоторые места жене. А внизу, на первом этаже, пошумливала какая-то компания. Утром оказалось, что это Окуджава — у него были гости.

В невероятном восторге от моей статьи Артур Корнеев. Предлагает помощь в ее издании книгой. Он — зам. гл. ред. Госкомиздата РСФСР.

11. VII, Москва

Вчера в половине одиннадцатого приехали домой. На вокзале нас встречали Гришина жена Нина Петровна и Вера. Они взяли такси и поехали в Ленино-Дачное, а мы — к себе.

Хочется записать вот что.

Ныне развелось много патриотов, весь патриотизм которых в жидоедстве. Этим и объясняется успех Пикуля. Им не важно, они даже не замечают, что он гадит на всю Россию, им важно, им вполне достаточно, они рады, что он притом и евреев не забывает.

Этим «патриотам» вроде Фирсова в осмеянии одного еврея не жалко загубить 10 русских.

23.55

Таня и Катя уже легли спать. Вдруг слышу Танин вскрик Я иду, открываю их дверь, навстречу выходит Таня:

— Как мы сюда попали?

— Куда?

Оказывается, ей приснилось, что она в Коктебеле на пляже, и вдруг — какие-то стены… Но как я испугался этого маленького

безумия!..

12. VII.80. Петров день

Наблюдая патологическую боязнь заразы у Гришечки, вспомнил Маяковского, который, говорят, тоже был брезглив до ужаса.

14. VII

Вчера был у Васильевых. Следователь (Ирина Алексеевна Морозова) вызывала и Лилю, и Иру, и Майкла. Он всех избегает, при допросе у него дрожали руки. Но ничего он не прояснил. Смерть Сергея так и остается тайной.

22. VII

Третий день идет Олимпиада. Кажется, наши мудрецы-организаторы сильно перемудрили. Насколько можно судить по телерепортажам, многие соревнования идут при полупустых залах. Очевидно, туристов приехало гораздо меньше, чем рассчитывали. А с другой стороны, в Москву никого не пускают, превратили ее в закрытый город. Таня ездила в командировку в Свердловск (13–18.VII). Рассказывает, что обратно ехала в почти пустом вагоне, во всем поезде несколько человек Это какой же убыток понесет железная дорога и весь транспорт! А какой урон от того, что в Москву не приехали ее обычные летние посетители, которые могли бы сейчас и спортзалы заполнить, и столовые опустошить, и магазины облегчить.

Наши мыслители, видимо, полагали, что москвичи из-за Олимпиады отпуска свои отменят, чтобы остаться в Москве. А с другой стороны, нагрянут толпы туристов и шпионов из-за границы. О, стратеги!

24. VII.80

Идет Олимпиада. Вчера наши футболисты играли против команды Замбии. Игра была упорная, хотя наши и победили с хорошим счетом 3:0. Пуся сидит на диване и тоже смотрит телевизор. Ты за кого, говорю, болеешь? «Мяу». Видно, за своих, за черненьких…

* * *

27. VII, воскресенье. Малеевка

Позавчера, 25-го, приехали с Катей в Малеевку. Была жара, хотя и дождь. В 5 часов вечера я взял зонтик и пошел на пруд.

Под дождем искупался. И вчера купался. А потом пошел к Володе Семенову на день рождения его Анетты. Выпили полторы бутылки армянского коньяка. Сейчас немного болит голова, чего раньше со мной почти не бывало.

… Вчера за обедом подошла ко мне Таня Глушкова и сказала, что со мной хочет познакомиться Арсений Вл Гулыга, профессор философии, автор книг о Канте, о Гегеле (кажется, сейчас написал еще о Шеллинге).

Оказалось, что он живет против нас в 8-й комнате. Горячий сторонник моей статьи об Окуджаве. Но во взглядах на Пикуля разошлись. Правда, он его много читал, а я только «У последней черты». Он читал и новую его вещь «Фаворит» — о Потемкине. Конечно, сказать о Потемкине, о Екатерине хотя бы без обычной у нас ругани и насмешек — большое дело.

* * *

Позже на страницах «Нашего современника» ученый профессор стал петь хвалебные псалмы горбачевской перестройке как великому промыслу Божьему.

* * *

2. VIII. 1980, Ильин день. Малеевка

Евреи исходят негодованием против Вал. Катаева. В 6-м номере «Нового мира» напечатана его вещь «Уже написан Вертер». Дело происходит в Одессе году в 18-19-20-м. На всех уровнях мрачной силы, творившей расправу над русским народом, изображены евреи: Троцкий — его особо уполномоченный Наум Бесстрашный — нач. Губчека Макс Маркин. Непосредственный исполнитель расстрелов назван Ангелом Смерти. Пожалуй, тоже еврей. Еврейство всех этих лиц подчеркивается настойчиво и подробно, вплоть до вульгарного местечкового произношения.

Как это могло быть напечатано — загадка!

Вадим Сафонов, который много лет изображает передо мной русского патриота и без конца заводит разговоры о евреях в таком духе: «Ну, как вам нравятся наши жиды?..» и т. п., нарисовал мне такую гипотетическую сцену.

Катаев не еврей, но его всю жизнь они принимали за своего, а он всю жизнь клокотал ненавистью к ним и вот, наконец, на девятом десятке решил рассчитаться. Говорят, цензура вещь

сняла. Тогда (это его фантазия) Катаев позвонил Суслову.

— Михаил Андреевич! Я написал антисолженицынскую вещь. Он доказывал, что причина всех беззаконий сама система, а я доказываю, что Троцкий и его люди (евреи). Но в цензуре этого не понимают, задерживают, не хотят печатать.

— Вещь антисолженицынская? Прекрасно! Ну, это мы уладим.

И публикуется.

Сам Сафонов негодует. Передает слова Л. П. Жак, что с Катаевым уже не здоровается половина Переделкина. Теперь не будет подавать руки никто.

Но меня удивляют наши патриоты. Сказана мужественная правда о роли Троцкого в репрессиях революции, а они чего-то лепечут невнятное и куксятся. Патриот Семанов сказал мне, что это вещь белогвардейская или что-то в этом духе. В.А Стариков: «неприятное впечатление». В. Семенов из «Мол. гв.» на вопрос, читал ли: «Ах, это о расстрелах в ЧК?» Только всего и понял!

Только что приехала Таня, привезла Лену Соловьеву. Уж Катька так была рада, прыгала и корчилась, как чертенок

3. VIII, Малеевка

Ну, вчера был настоящий Ильин день! В шестом часу мы пошли за Верхний пруд в березовую чащу на полянку отметить праздник Володя Семенов, Баренц, я — все с женами. Взяли три бутылки водки и снеди. Когда начали вторую бутылку, Илья-пророк дал о себе знать громом, а когда докончили ее — разразился настоящий ливень. Хорошо, с нами было три пледа. Вначале пытались пересидеть под березой, но оказалось — дело безнадежное. И вот укрылись кое-как пледами, а кто и так, пошли домой. А у Баренца болят ноги, он не может быстро. Промокнув до нитки, пришли к нам. Я успел принять душ. Переоделись и принялись за третью бутылку — за «Старку». Усидели и ее. Я, как всегда, шумел. С великим пафосом читал почему-то «А вы, надменные потомки…», и все подсказывали мне. Потом в халате, с крестом на шее я оказался в главном корпусе, у телевизора, у автомата. Марианна Строева была шокирована, сказала, что я спутал Малеевку с Коктебелем.

* * *

Сафонов передает слова Жак: «Хороший парень Володя Амлинский, но зачем он выдает себя за русского!» Как Жуховицкий — за поляка.

4. VIII, Малеевка. 22 часа

Вчера, как только мы с Катей проводили Таню, Т. Глушкова пригласила в гости. Она живет в том номере, где мы жили с Катей в марте: Б-16.

Были еще Игорь Мазнин, детский писатель, с женой Эллой, а позже пришел Мих. Павл. Еремин, автор книги «Пушкин-публицист», преподаватель Литинститута. Была бутылка «Пшеничной», помидоры, сыр и т. д.

Боже мой, что плел этот Мазнин. Бланк… Бланк… Бланк… Война между Сталиным и Гитлером… Все охвачено сатанинским заговором. Пуришкевич — еврей, именно поэтому Мартов добился для него легкой кары: порицания от имени мировой революции и еще какого-то пустяка. Все преувеличено, раздуто, ничего нет, кроме единой проблемы. Все упирается в нее, все объясняется ею. Вышибло у них мозги этим. В «Уже написан Вертер» видит что-то коварное и зловещее, чего разгадать еще не может. Глушкова пока не читала, но тоже склонна к бдительности: «Надо видеть на много ходов вперед!» Она ехала из Москвы в субботу с Львом Гинзбургом, поражена его издевательскими рассказами о Симонове, Чаковском, Самойлове, которого он называет только Кауфманов. «Самойлов, говорит, из той же банды, что и Павел Коган с Кульчицким». Что это? Игра? Она уверена, что да, Алик Коган, говорит, будет с пеной у рта защищать какого-нибудь Алтаузена, а такие, как Эренбург, Самойлов, Гинзбург, могут пожертвовать кем-то из своих очень легко.

Мазнин вчера привел такие слова Жаботинского: «В тех, кого мы теряем, мы не теряем никого». Какая смута, какое брожение и ржа.

* * *

Катя два дня провела с Леной, а Лариса была забыта. Она, конечно, обиделась и сегодня весь день не подходила к ней. Катя весь день читала «Приключения Оливера Твиста», даже не ходила

купаться. Вижу, что она переживает. Но за ужином Лариса подошла, и они вместе направились кормить собак остатками ужина. Вроде помирились. Но что будет в субботу, когда опять приедет Лена?

8. VIII.80. Малеевка. 8.20 вечера

Саша Кикнадзе, милый грузин, попросил у меня статью об Окуджаве. Я дал ему ксерокопию. Это было вчера, а сегодня за завтраком он подошел и сказал, что хочет поговорить со мной дня через 2–3. Но сегодня же перед ужином не выдержал и увлек меня вдоль аллеи своей беседой. От статьи он в восторге, но хочет оправдать романиста «поэтической вольностью» и т. п.

После ужина опять подошел, и мы опять говорили. Он думает, что мы допустили большую ошибку с Солженицыным. Я разуверял его. Он только что из 8-дневного морского путешествия по 12 странам Средиземноморья и около. Когда уже расставались, он сказал, что только что женил сына. Мне бы надо промолчать, а я сказал о смерти Сергея. Пожалуй, это почти бестактно.

10. VIII, Малеевка. 4.25.

Проводили Таню. Она не стала дожидаться вечера, уехала сразу после обеда: М.М. дома одна и плохо себя чувствует.

Вчера Сафонов с невинным видом поведал мне, что опубликовал кое-что из того, что я ему когда-то рассказывал: об Александрийском маяке в Пушкинском «Памятнике»; о комментариях к стихотворению «Птичка», где говорится, что это, мол, не птичка выпускается на волю, а крепостной мужик… Я, говорит, тогда же это записал. Каков гусь! Я перед этим начал было рассказывать ему о «Прощай, немытая…», но своевременно спохватился. Но о «нации рабов» все аргументы изложил. Опять украдет, шакал! Нет уж, теперь ничего ему не расскажу.

Утром провожали Аллу (тащил ее чемодан из корпуса «А» к автобусу), а потом с Володей Семеновым переселяли Таню Глушкову из корпуса «Б» в главный. Переселили, переставили ей мебель, а потом я засиделся у нее на целый час. Думается, она мудрствует по пустякам. Я понял это, еще когда читал ее статью в «ЛГ», где она защищала строки Ю. Кузнецова «Я пью из черепа отца».

Человек просто сморозил, а она привлекает в свидетели какие-то древние обычаи древних времен: так, мол, было. Да какое это имеет отношение к современным стихам современного автора!

К публикации Катаева («Н.м.» № 6) относится по-прежнему настороженно, с опаской, ожидая подвоха, считая, что он из тех. А

суть проста как гвоздь. И те ее видят, и беснуются и негодуют. И получается, что она с ними заодно.

Много говорили о Солженицыне. Я пытался открыть ей глаза. Приводил примеры его лживости. На нее это, кажется, подействовало слабо.

* * *

Богданович дал мне 40 лет, а его жена Нина — 36. Их бы устами да мед пить.

* * *

13. VIII.80

Сегодня до обеда ездили в Н. Рузу. Купил там себе джинсы за 35 р. и батарейки для приемника.

Перед завтраком Саша Русов и его жена Ирина взахлеб выражали свои восторги по поводу статьи об Окуджаве. Признаться, мне похвалы уже претят.

14. VIII

Нас трое: Сергей — Владимир — Сергей. И вот остался только Владимир. Зачем? С какой целью? Неужели «просто так»?

15. VIII, Малеевка

В феврале или марте послал племяннику Сергею письмо Куприна. Послал в двух конвертах, в разные дни, — и он не получил ни одного.

Кривицкий из «ЛГ» говорил мне, что мое письмо на имя Чаковского получено с месячным опозданием. Об этом же сообщили и из «Лит. Грузии». Что бы это значило?

Как всегда в Малеевке, часто вижу сны. В последние дни снились Яков Белинский (мы с ним на какой-то стройке, он написал в «ЛГ» статью обо мне, очень дружескую), Окуджава (какая-то приятельская встреча, беседа с ним), Алена Грачева…

16. VIII

Вчера до первого часа ночи слушал по телевидению концерт Елены Образцовой. Ах, умница! Ах, молодец! Вот они, русская культура, русская интеллигенция, русский характер.

17. VIII

В Малеевке забыты все литературные распри, кто за Катаева, кто против, кто за Окуджаву, кто против — все забыто. Малеевка разделилась на два враждующих лагеря: чадофилы и чадофобы. Первые — за пребывание детей в Малеевке, вторые — решительно против. Чадофобы уже составили бумагу и отправили ее со своими подписями в правление. Чадофилы в лице Алика Когана все еще возятся со своей бумагой. Страсти накалились до предела. Позавчера у новых корпусов стычка между Самсонией (чадофоб) и Кладо (чадофил) дошла до такого апогея, что Самсония кричал:

— Я сейчас вас ударю! (Говорил мне вчера сам Кладо.) Ну, как Тургенев когда-то Толстому:

— Я вам дам в морду!

* * *

Сегодня приснился еще и Ваншенкин, которому я перед отъездом сюда послал письмо с поздравлением в связи со стихотворением «Футбол 1948 года», которое передали по радио.

19. VIII, Малеевка. 9 утра

С весны, с Коктебеля, что-то странное у меня с волосами — вьются, как в молодые годы. Не передалась ли мне молодость бедного сына?

20. VIII.80

Вчера катались на лодке, и я сказал:

— А где-то теперь Джамиля?

— Как где? — сказала Аня, дочь Саши Русова, с которой Катя вдруг сблизилась в эти дни. — В Москве, конечно.

— А может, не в Москве, — сказала Катя.

— Почему же? — возразила Аня. — Она же русская.

— Отец у нее татарин, — сказал я.

— А она говорила, что русская.

— Ну, в общем, конечно, русская, — сказал я.

— А кто я по национальности? — спросила Катя.

— Персиянка, — ответил я.

Девочке 12-й год, а она не знает своей национальности. Хорошо ли это? Я, признаться, был удивлен.

21. VIII

Сегодня с десяти до трех ездили на автобусе в Звенигород. Вернее, в город не попали, не доехали, а побывали в Саввино-

Сторожевском монастыре и в деревне Дютьково, где музей Танеева — Левитана — Чехова, который, кажется, там и не бывал.

Монастырь поражает хорошей сохранностью. Я сказал Тане Глушковой:

— Вот вам и марксисты-ленинцы!

22. VIII, Малеевка. 11 час.

Сейчас у Соломоши Смоляницкого выиграл бутылку коньяка. Я, говорит, лет на десять старше тебя. Поспорили. Оказалось, он с 21 — го, т. е. на два — два с половиной года всего старше. Я говорю, что потому так хорошо сохранился, что честно жил, много работал, никому не завидовал, никого не обижал, кроме Окуджавы. Все засмеялись. Это было на парадном крыльце главного корпуса, были еще Баренц и супруги Русовы.

24. VIII, воскресенье. Малеевка

Сегодня вечером уезжаем из Малеевки. Надоело страшно. И это несмотря на то, что каждую субботу приезжала Таня, и Катя здесь. Усталость от пребывания здесь словно физически накапливалась. Конечно, и погода во многом виновата. Все дожди и дожди. Все лето.

А сны продолжают меня одолевать до последней ночи. Вчера снилось, будто я в каком-то царском дворце. Может быть, в Зимнем. У меня большая комната с высоченным потолком. На столе лежит белый конверт, и из него слышится голос царя, Николая, конечно. В комнату входит милая тихая девушка, служанка вроде. Я иду от стола к дверям. Дверей две. Я запираю на ключ почему-то не наружную, а внутреннюю. Возвращаюсь в комнату, а эта девушка уже лежит в моей постели. Но дальше ничего не приснилось. Был бы помоложе, очевидно, приснилось бы. Это было в пятницу, а Таня приезжает по субботам.

Сегодня приснилось, что с какой-то молодой женщиной я еду по городу на рикше. И этот рикша — Евтушенко! Где-то останавливаемся, садимся отдохнуть на какой-то скос. Я говорю ей: «Евтушенко, должно быть, думает о нас — вот гады!» Оборачиваюсь, а он сидит справа — здоровый, крепкий, спокойный. Я спрашиваю его, что заставляет быть рикшей. Он что-то ответил, но что — заспал.

9. IX.80, Нагатино

С 31 августа живу у мамы в Нагатино: Галя уехала с Галкой в дом отдыха. Две ночи ночевал дома, а то все здесь. Мама чувствует себя гораздо лучше, чем зимой, когда она лежала несколько месяцев. Она ходит, готовит, выносит мусор,

спускается за газетами. Но как она стара! Самое печальное — у нее нет ни к чему интереса. Целыми днями лежит в постели или сидит в кресле. И это страшно. Неужели я буду таким через 25 лет?

10. IX, Нагатино

Сегодня во сне тушил пожар, вернее, какое-то большое пламя, и потушил. И видел какую-то тюрьму, барак, и будто там семья Русовых

А какие дела творятся в Польше! Нет, рабочий класс это действительно сила. Шевельнул плечом в 56-м году — и полетели — кто там тогда был у власти? Шевельнул в 70-м — и полетел Гомулка. Шевельнул сейчас — и полетела половина Политбюро во главе с Гереком. Но куда же это годится, если власть можно сбросить только посредством забастовок! Но наши-то делают из всего этого хоть какой-то вывод? Похоже, что нет.

13. IX, Нагатино

А Куликовскуюто победу отметили довольно широко. Правда, выше кандидата в члены Политбюро, председателя Совета Министров РСФСР, сидевшего в президиуме, не поднялись, но все же были торжества на самом Поле, которому придали должный вид (спасибо Леониду Леонову — своим присутствием там он спас честь русской литературы), были торжественные заседания в Туле и в Колонном зале, все это передавалось сжато по телевидению, было множество статей в газетах («Правда», «Комсомолка» — Песков В., «Сов. Россия»), а еще раньше были вечера в Политехническом, в ЦДЛ. Многочисленные газетные вырезки я положил в том энциклопедии, где статья «Куликовская битва». Словом, кое-что было, и неплохо.

А тут еще в прошлый вторник получил 17-й том Чехова, и там полностью, безо всяких выбросок, дневниковая запись о засилье в критике евреев, которые «чужды русскому духу, не понимают нашего юмора и смотрят на русских как на инородцев».

Вчера получил 4-й том Тургенева — там рассказ «Жид», который не печатался с 1880 года. Сто лет! И что особенно любопытно — Некрасову приходилось за этот рассказ вести борьбу с цензурой, которая не давала разрешения на его печатание (дело было в 1847 г.). Это царская-то цензура!

15. IX, Нагатино

И вот, я думаю, они встретились. Там — мой отец, Сергей Бушин, и мой сын, Сергей Бушин. Они не могли узнать друг друга, но их имена объяснили им, кто они. И о чем они говорят

теперь?

25. IX, Коктебель

23-го приехал с Гришей Соловьевым в Коктебель. Поселился в 4-й комнате 16-го коттеджа, в той, где в июне жил Кныш, а потом Виноградовы. Вчера и сегодня купался. Холодно, конечно. (Только что ушел Толя Мошковский, украл минут 20 пустой болтовней.)

28. IX

Сергей Крутилин сказал: «Старость начинается с ног». Смотрю на Гришечку и думаю: нет, старость начинается с языка. Боже, до чего он болтлив!

4. X.80

С наслаждением, с восторгом пишу еще в прошлом году начатую вещь — «Солженицын и мировая литература». Уж я на нем высплюсь!

5. X.80

Вчера заходил прощаться Толя Мошковский, и чуть не разругались. Завел он с чего-то речь о Сталине. Он, говорит, мне не нравится. Ну и что — разве он девка? А договорился до

того, что если бы не Сталин, то, может быть, и войны бы не было. Ну, тут уж я не выдержал. Да, говорю, именно это твердят недобитые фашисты: не они, не Гитлер виноваты в войне, а мы и Сталин. И ведь оказалось, что ничего не знает, ничего не читал, а повторяет эту фашистско-жидовскую болтовню. Василевский, говорю, пишет в своих воспоминаниях, что лучшего Главнокомандующего, чем Сталин, он не может себе представить (приблизительно так). «Это, — говорит, — могли ему вписать» — «Ты согласишься, чтобы тебе что-то вписали?» — «Нет» — «Так почему же ты так низко думаешь о другом человеке, что он на это согласится? Тем более что ведь это большой человек, известный всему миру».

Какое бездумное убожество!

Он еще и осуждал нашу финскую войну: непопулярная. А что было бы в 1941 г. с Ленинградом, если бы не эта «непопулярная» война?

7. X

Узнал новое слово: «мангал». Это очаг для того, чтобы жарить мясо или шашлык Но как трудно далось это слово!.. Тут Евг. Карпов, которого я знаю со времен Литинститута. У него умерла

жена, он женился снова, его новая жена на 29 лет моложе, Оля. Пишет стихи. Так вот, вчера у него был день рождения. Позвал меня и своих соседей по корпусу. Я позвал Светлану Федоровну. Он разглядел этот самый мангал, который навел его на идею о шашлычном дне рождения. Они поехали в Феодосию, купили там на базаре баранины. Мангал поставили у моего коттеджа, сами расположились на веранде. И пошел пир! На шестерых выпили больше литра водки да еще купленную мной бутылку коньяка, причем дамы, конечно, пили не много. Светлану я проводил до ворот на набережную.

Как бы перестать пить? Ведь накануне распили с Гришечкой и Селезневым бутылку, а до этого тоже пили раза три, и каждый раз — по бутылке на троих.

А перед ужином положил Ире Астаховой на стол прекрасный помидор и стихи:

Вблизи прекрасных Крымских гор,
Вблизи морской бескрайней сини
Дарю веселый помидор
Серьезной девушке Ирине.
Дарю в надежде, что она,
Впитав его витаминозность,
Как после доброго вина,
Пошлет ко всем чертям серьезность.

11. X.80 г.

Вчера Би-би-си вечером, а сегодня утром «Голос Америки» принесли радостную весть: Л. Копелев уезжает в ФРГ по приглашению Г. Белля. Виза дана на год, но западные спецы, основываясь на опыте прошлого, предсказывают, что он останется там совсем. Ну и, слава Богу! Дверью никто на площадке не будет хлопать. Ведь старик неумный, бесталанный, тщеславный. Его книга «Хранить вечно» написана глупо, читать ее скучно. Скатертью дорожка, хлопальщик!

12. X

Вчера прочитал в «Комс. правде» стихи А Вознесенского, и пожалте — ночью увидел его во сне! Вели весьма дружескую беседу.

А в стихах были такие слова о Высоцком: «всенародный Володя». Да, во всесоюзной газете о всенародном Володе написал межконтинентальный Андрюша.

15. X, Коктебель. 5-15 утра

Написал эпиграмму.

Я себя советским чувствую заводом,
вырабатывающим счастье.

В. Маяковский

Ты выделяешь счастье.

А. Вознесенский, «Коме, правда»

Ты себя называешь поэтическим единоверцем Певца великого времени, пахнувшего грозой. Но он вырабатывал счастье своей головой и сердцем, а ты выделяешь поэзию поджелудочной железой.

17. X

Вчера опять закатили шашлык — прощальный. Были те же и Друнина, а потом, уже хорошо поддав, я побежал за Гришей — на мое приглашение во время обеда он ответил неопределенно. Он стал собираться, а я побежал обратно. Вижу — идет девушка. Я за ручьем догнал ее и позвал к нам на шашлык Она как раз искала столовую, чтобы поесть. И девушка со мной без слова пошла. Спрашивает меня, кто я.

— Константин Симонов! — отвечаю.

— Правда? Я портрет не помню.

— Конечно, правда.

И вот привел я ее на свою веранду. Все в изумлении: пошел за стариком, а вернулся с девушкой. Как Земфира у Пушкина, пошла гулять в степь, а из степи привела к цыганскому костру Алеко. Только тут в роли Земфиры оказался я. Тихо сидела, тихо ела, немного выпила. Пошел ее проводить, с пьяных глаз обнял. Испугалась:

— Муж увидит.

Он, оказывается, здесь.

А звать ее Флора. Но дефлорация не состоялась. Сейчас 2.45. В два еду в Симферополь. Решил попробовать этот путь.

19. X.1980. Москва

Вчера вернулся домой. Ехал через Симферополь в спальном двухместном вагоне — красота! Раньше вагоны были разного класса, теперь — поезда. Первый класс — все эти фирменные, как этот «Крым». Встретила Таня. Привез килограмм 15 винограда.

Как хорошо дома!

Из «Лит. Грузии» получил письмо от Н. Карашвили: раздумали печатать мою статью. Ах, шельмецы!

20. X.80 г.

Ходил сейчас погулять в Петровский парк Как всегда, по своему постоянному маршруту: от трамвайного круга прямо, потом по тропке налево, до аллеи, по аллее до больницы, налево до березовой аллеи; по ней — до ворот, из ворот — налево по булыжной дороге до выхода из парка. Когда шел по этой булыжной дороге, впереди в нескольких шагах спешила девушка. А у меня в правом кармане плаща мой любимый охотничий складной нож. Я достал его, спрятал правую руку за спину, там левой рукой открыл лезвие. Нож готов к действию. И думаю: что, если бы эта девушка как-то вдруг узнала сейчас, что в трех шагах за ней идет человек, в кармане у него нож, он достает его, раскрывает, приближается… Я все это проделал, чтобы лучше вообразить себе, до чего же тонка нить жизни! Ведь мог же на моем месте оказаться какой-то маньяк, бандит. Может быть, за мной не раз кто-то шел вот так с ножом…

У ворот около выхода стояла лошадь, запряженная в телегу. Должно быть, из паркового хозяйства. Стройная, сытая — прекрасная лошадь темно-буланой масти. Я загляделся на нее. А потом стал мысленно называть все детали упряжи. Все знаю, кроме ремня, который схватывает концы дуги. Как же он называется?.. Ах, да! Супонь.

24. X.1980

Вчера было произведено решительное омоложение нашего руководства: на место 76-летнего Косыгина посадили 75-летнего Тихонова!

28. X.80

Косыгин был зампред Совета Министров уже в 1940 г., а с 64-го — председателем Совмина. То есть сорок лет человек был в самых верхах и вот ушел.

31. X

Три дня была простуда. Вызывал врача. Приходила молодая врачиха Ал-дра Юлиевна Аронсон. А сейчас ходил к ней в поликлинику на прием. Продлила больничный лист до 5 ноября.

Когда сидел в кресле, ожидая очереди, пришла тоже на прием молодая красивая статная женщина с очень влекущими губами. Темно-зеленое платье, красные сапоги, вязаная шапочка до

бровей, по моде. Мне хотелось заговорить, вижу, что и ей тоже, но ничего, кроме нескольких пустых слов, и не сказали.

— Вы часто тут бываете?

— Часто.

— Это с вашим-то цветущим видом?

(Надо бы добавить: «С такой ослепительной улыбкой». Улыбка действительно такая.)

Потом я встал, подошел к плакату «Достойно встретим XXVI съезд!», разглядел его и сказал:

— 250 тысяч экземпляров! Пустят они в трубу нашу родину. Она согласно улыбалась, и видно было, что хотела бы

продолжить разговор.

Выходя из кабинета, я сказал:

— Жить буду!

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила она. — Вы долго еще будете жить.

Это она отблагодарила меня за «цветущий вид».

13. XI, четверг

Вчера был на IV конференции (отчетно-выборной) Московского отделения. Есть некоторая польза в посещении таких мероприятий. Например, помирился с Алексеевым. Все-таки он мужик незлобивый. Ведь я ему каких дерзостей наговорил в письмах! А он вчера смеется. Протягивает руку. Мы, говорит, еще как-нибудь сядем с тобой и обо всем поговорим. Тебе видна седьмая часть айсберга, а я вижу его весь. (Это он об отказе печатать вторую мою статью — обзор писем.) Да, но я же не на это обиделся, он представил дело так, словно мы договаривались о какой-то «реплике», а я, дурак, накатал статьищу в 120 стр.!

Подошел я к Ю. Трифонову, сказал ему, что из всех статей о Куликовской годовщине его была самая интересная и что «Старик» лучшая его вещь. Ему, конечно, приятно. О смерти сына он знает.

Егор Исаев сказал мне: «Ставим тебя в план редподготовки и заключаем договор». Ха! Знаю я тебя. Он изобрел себе ловкий принип: «Чем ближе, тем больше». И за него прячется.

Геннадий Семенихин сказал, что поможет мне переиздать в Воениздате моего «Генерала».

С. Шуртаков познакомил с Владимиом Мирневым.

Встретил милого старосту нашего курса Колю Войткевича. Он уже пенсионер! Ушел с работы, получает свои 120 рэ.

А из выступлений интересным было Бакланова. Он долбанул Катаева, но зачем-то сказал, что Ю. Жуков и Г. Боровик

«украшают Союз писателей». Боровик — украшение?!

Он выступал и, конечно, долдонски.

16. XI.80

Дня три назад «Голос Америки» передал, что в Испании, торопясь на какой-то слет диссидентов в связи с Мадридским совещанием, в автомобильной катастрофе погиб Андрей Амальрик Таня его знала. Его мать работала вместе с ней в корректуре «Литгазеты», и он там подрабатывал. Года два-три как уехал за границу. Там он издал книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Надо думать, ответ его был таков, что не просуществует. Ну, вот. А сам и до 81-го года не просуществовал. Не рой колодец другому, не рой.

17. XI

Сегодня в «Московском литераторе» за 14.XI прочитал, что Василий Ардаматский удостоен литературной премии КГБ. Оказывается, есть такая! Ну философы! Ну мыслители! Николай Первый все-таки не догадался учредить литературную премию III отделения.

26. XI

Читаю книгу Б. И. Бурсова «Личность Достоевского». Начал читать по делу — пишу «Достоевский и Солженицын». Как много у них точек соприкосновения, и в то же время — антиподы! Об этом и напишу. Работаю с утра до вечера. Часов с 9.30 до трех, обед, прогулка в парк, опять за стол до 6.45 — смотрю телевизор («Сегодня в мире»), опять работаю до девяти: «Время». Только после этого, т. е. около десяти, оставляю работу и беру книгу.

Вчера поразил факт. Достоевскй пишет об умершей жене: «Маша лежит на столе». Маша лежит, а он взял дневник и пишет, не о горе своем, а теоретизирует о Христе и человечестве. Покоробило.

29. XI, 10 час

У Кати сегодня ночью был жар, и ночью, часа в два, она бредила. Таня рассказывает, что она кричала: «Маняня, почему ты такая большая?.. Где наши родственники?.. Таня, мне страшно!..» Это у нее часто при высокой температуре. Видимо, она здорово простудилась в бассейне. Ходила туда с конца сентября, больше месяца, и вот… Она посидела сперва дома дней пять и пошла в школу во вторник, но в субботу, 22-го, мы снова оставили ее дома. Был врач. Вчера я ходил с ней на рентген. Пришли домой — 37,6. А вечером 38,2. А вот ночью — бред. Бедная милая

девочка! Сейчас спит. Может, кризис миновал?

1. XII.1980 г.

Сейчас разговаривал по телефону с Игорем Мазниным. Какая картина! Два самых острых выступления на IV отчетно-выборной конференции МОСП (12.XI) были Г. Куницына и В. Лазарева. Им дали слово (незапланированное же!) в самом конце, после энергичных настояний и поддержки зала. Куницын с фактами и цитатами в руках доказал, что у нас нет авторского законодательства, а лишь одни инструкции. Привел высказывание Ленина, что, мол, сейчас мы принимаем временные установления, а потом примем законодательство. Перед войной его хотели принять, но вот до сих пор автор перед издательством беззащитен. Все правильно, насущно, смело. Молодец!

Лазарев говорил о засилье песенных шабашников, о их покровительстве и соавторстве с ними (с Дербеневым, который в год заработал 148 тыс.) Р. Казаковой. Он обратился к ней и сказал: «Делайте что хотите, только не председательствуйте на праздниках Пушкина и вечерах Блока!» Молодец! В президиуме было смятение. После них выступал зав. отделением культуры МГК И.А Глинский. Он им ни словом не возразил. Потом Феликс Кузнецов сказал лишь, что речь Куницына он уже слышал. Зал засмеялся. Лазарева пожурил за тональность, за то, что он не учел, что Казакова ведь женщина. [Он же ее не как женщину критиковал, а как секретаря. Тогда не избирайте баб секретарями.]. Это уж — от полного отсутствия аргументов. Перед голосованием И. Мазнин выступил с предложением исключить Казакову из списка для голосования.

Кузнецов сказал, что нельзя, т. к. это рекомендация партгруппы. [Надо было предложить перерыв, и чтобы партгруппа пересмотрела свою рекомендацию.] Поставили на голосование. За исключение всего человек 20. Но в бюллетенях оказалось 168, т. е. в 8–9 раз больше. Вот цифры, показывающие, какова нравственная обстановка в организации: на глазах 20, а тайно 168! Это нас и погубит.

И как же все это отобразили в «Л.Г»? Дословно: «В прениях участвовали также В. Лазарев и Г. Куницын» (19.XI).

И даже ведомственный, в сущности, закрытый «Московский литератор» так «В. Лазарев выступил по поводу низкопробной песенной продукции, которая широко звучит с эстрады, по главным каналам радио и телевидения и имеет антиэстетический характер. Далее выступил Г. Куницын, который в своем выступлении коснулся некоторых нерешенных вопросов авторского права» (21.XI.80).

4. XII

Вчера начал лыжный сезон. С 3-4-й попытки лег прекрасный обильный снег. Ах, как хорошо было пройтись в темпе.

Сегодня только что вернулся, ездил в «Современник». Третий раз подписал договор! Черт знает что! Но все это такие пустяки перед тем, что творится в Польше и во что это может вылиться. Не надо забывать, что Вторая мировая война началась с Польши. Но что делать полякам, если в 56-м году их завели в кризис, в 70-м году их завели в кризис, в 80-м году их завели в кризис. И каждый раз дело доходит до крайности — до забастовок, прошлый раз, кажется, и кровь пролилась на побережье. Они могут сказать: мы вам трижды верили, и вы трижды заводили нас в тупик Сколько же можно?

Катя все еще не ходит в школу.

Сегодня, когда сел в метро на «Молодежной», в пустом вагоне на подоконнике увидел ключ от английского замка с красной рыбкой на цепочке. Подумал: а вдруг он подойдет к нашему замку, и взял. Так он и в самом деле подошел. Мистика!

8. XII.80

Завтра во Дворце съездов открывается Пятый съезд Союза писателей РСФСР. Сейчас звонил Чалмаев. Рассказывал, что дают какие-то талоны на покупку разных вещей. Талоны разные, есть какой-то сувенирный отдел, есть попроще. Петелин получил в сувенирный. Синельников — в попроще. О Господи! Можно быть уверенным, что съезд пройдет на высоком идейном уровне.

Рассказал еще, что жена Маркова, детская писательница Агния Кузнецова, получила недавно Госпремию за повесть «Земной поклон». А таджикский писатель Юсуп Акабиров — профсоюзную премию за роман «Нурек», который опубликован в «Дружбе народов» в талантливом переводе Ольги Георгиевны Марковой. А роман уже получил республиканскую премию!

9. XII

Вчера было так Утром к 9.40 пошли с Катей в ее поликлинику. Потом поехал в Союз писателей РСФСР на Комсомольском проспекте, где я ни разу еще не был, а они там уже года три. Встретил недалеко от Союза Вл. Амлинского, зачем-то сказал ему, что написал о Солженицыне. «Ты можешь прогреметь». Советовал не впадать в публицистику. А что бы ты хотел — чисто эстетического анализа, чистого искусства?

Пришел в Союз. Полно народу. Билет пригласительный для меня, оказывается, переслан в секцию критики, и я его уже

получил. Хотел второй, для Тани. Выпросил пачку финской бумаги, и с Безъязычным ушли. По дороге он рассказал, что три года у него роман («Влюблен!») с девушкой, которая моложе его на 33 года. Достал какую-то газету и показал статью с ее портретом. Домой приехал не сразу, а по пути зашел за микстурами в аптеку, домой явился уже в половине третьего. В половине седьмого пошел вниз в парикмахерскую. Прождал больше часа, пропустил четыре человека, ожидая «свою Надю». Разозлился! Пришел домой часов в 8. Читал, смотрел «Время», написал «Открытое письмо с опущенным забралом».

Сегодня был в Большом Кремлевском дворце на съезде. Слушал только одно выступление Софронова по внутреннему телевидению. Говорят, хорошо выступил Бондарев. Пообщался, потолкался. Взял такси, поехал в Гослит за гонораром — Алексеев расщедрился, выписал 600 р. за статью, которую не захотел печатать. Еще там было за рецензию, всего получил 632 р. На той же машине (застряла в снегу, толкали с солдатом) вернулся обратно в Кремль. Зимним вечером в красивом освещении Кремль прекрасен. Кончилось в 6. Ехал домой вместе с Вал. Сидоровым и Вл. Безъязычным.

12. XII

Ну, съезд кончился. Не обошлось без трагикомических сцен. Когда на партгруппе обсуждали список в правление, Машковцев Владилен Ив., поэт, предложил отвести самого Михалкова за покровительство диссидентам. Рассказывают, что говорил он очень грубо, нервно, сбивчиво. Конечно, задавили. А Елизар Мальцев предложил вычеркнуть Вас. Рослякова за то, что он-де оскорбил в каком-то рассказе года три тому назад Борщаговского. Тоже отвергли. Все, конечно, прошли. Все на прежних местах.

А в 2 часа во Дворце съездов в банкетном зале был прием-банкет. Народу понаперло выпить и закусить за гос. счет — тьма. Закусь была хорошая, всякая там осетринка-севрюжка, а выпить — смех! — досталась всего одна рюмка водки и две таких же рюмки твиши. Хорошо, Дима Жуков позаботился, а то совсем худо. Я подошел к Борису Можаеву, а туда с большой рюмкой коньяка с президиумского стола подошел Алексеев. Он разлил нам коньяк, а потом расцеловал меня и сказал «Я готов извиниться» и т. п. Все-таки какой незлобивый мужик! Ведь я же ему черт знает что писал — ты, мол, витаешь высоко, но не забывайся и т. п. Договорились, что во вторник я приношу ему статью о Солженицыне.

Много было шума, гвалта, колготы. Помню, что подходил к Мустаю Кариму и от души поблагодарил его за речь на съезде —

он хорошо сказал о достоинстве писателя, о достоинстве литературы. Спасибо, говорит, мне это особенно приятно слышать от вас. Вежливый человек!

Подходил к змеевидному О-о. Предложил ему прочитать «Исследование о Солж», отказался. Я, говорит, против раздувания его фигуры. Я отвечаю, что раздувать его дальше все равно невозможно, он и так уже раздут на весь мир. Не знаю, зачем я к нему подошел, назвал Александром Ивановичем. Я же от него ничего не жду. Все-таки водка, твиши и коньяк дали эффект — это и есть «эффект О-о».

15. XII.80

На открытии съезда в Большом Кремлевском дворце, когда на сцену в президиум вышли Суслов и другие, и потом, когда объявляли почетный президиум — Политбюро, то все, как обычно, встали, а я остался сидеть. Справа от меня были Карпеко и Каныкин, слева — Глушкова. Она сказала: «Вы же член партии!» Я ответил ей, когда она села, что в Уставе партии нет пункта, чтобы я вставал при появлении члена Полбюро, даже Генсека. И в Конституции нет аналогичного требования. Я должен вставать, лишь когда входит женщина. В детстве вставал, когда в класс входил учитель. Меня это вставание оскорбляет, а все ничего тут не видят особого. Разве недостаточно аплодисментов? Впрочем, тоже неизвестно за что.

17. XII

Вчера к двенадцати поехал в «Москву». Открываю дверь в отдел прозы — сидит с Эльвирой Порфирьевной (редактором) за столом над своей, надо думать, рукописью Евтушенко. Я поздоровался, они ответили. Он уставился на меня и смотрит, смотрит. Я вспомнил, что когда-то у Ильи Глазунова, где мы встретились случайно, он говорил комплименты моей внешности. Я и сейчас, поди, выглядел красавцем: со свежего воздуха, после ходьбы, свежевыбритый, в белом свитерке с красным шарфиком, в шапке-ипполитовке (как мы зовем ее дома по фильму «С легким паром!», там такой интеллигент есть, Ипполит), — я, должно быть, был хорош! Разделся в прозе и пошел к Алексееву. Ждал его почти час, он с какой-то дамой беседовал. Пришел Солоухин.

Наконец дама ушла. Алексеев позвал меня. Пытался склонить его к статье против Оскоцкого. Не поддается. Это, мол, ему реклама. Какая реклама? Это была бы красивая картина. О Солженицыне он говорил с самим Андроповым. Тот сказал: «Это дохлая собака». И никакая, мол, публикация о нем не нужна.

На обратном пути зашел в прозу за пальто. Евтушенко все

сидит. Опять уставился на меня. В очках! Уходя, я сказал им: «Всего доброго!», он дернул головой, чтобы ответить, но спохватился и не ответил, будто бы очень увлеченный рукописью.

Из «Москвы» поехал к маме. Была годовщина смерти отца. За обедом выпил три рюмки водки и чувствовал хмель до самого вечера. От них заехал в «Книжную лавку», но там был прием груза. Поехал сегодня. Случился интересный спор с Л. Жуховицким об Олеге Рязанском. Позже я написал ему на машинке письмо на двух страничках и бросил в почтовый ящик в подъезде.

19. XII

Вчера Л. И. Брежневу по случаю дня рождения навесили еще одну бляху.

* * *

Все мы, живущие, оппозиционеры и фракционеры: мы в оппозиции к большинству — к умершим. Толстой любил выражение: «умер — присоединился к большинству». Т. е. перестал быть фракционером.

20. XII

Вчера вечером позвонил Саша Ливанов. Сказал, что фронтовики могут получить в Литфонде 150–200 р., т. к у них там, видно, к концу года большие излишки, надо, мол, завтра подать заявление. Я, конечно, позвонил В. Семенову, Соловьеву, Гончаренко. Сегодня к одиннадцати все мы явились в Литфонд.

Хотя суббота, но нас там ждал какой-то малый, взял наши заявления. Авось обломится.

Гончаренко сказал, что умер Косыгин. Я сейчас позвонил Гале, оказывается, такой слух прошел еще вчера с утра.

26. XII.80

Вчера смотрели по телевидению какой-то плохонький военно-детективный фильмик Молдавской студии. Дело происходит в 1944 году. Я сказал, что немцы уж очень спокойно держатся — ведь положение их было плохое. Катя заметила:

— А если бы они суетились, ты бы сказал: чего они так суетятся?

Соображает…

3. I.1981.Малеевка

Вчера приехали все трое в Малеевку, сегодня вечером в 7.20 Таня уехала. Новый год встречали дома: Таня, Катя, я и Пуся. А Пашка еще 29-го залег на зимовку. И было очень хорошо. На столе стояла маленькая елка, наискось кухню пересекала цепь фонариков. Часа в два легли спать. Надоело встречать этот праздник в Малеевке, целую ночь любоваться на эти физии, которые и так-то вынести трудно.

4. I, 10.00

На втором этаже поселился с толстой женой Люсей, с дочкой в очках и с роскошной собакой колли сам тов. Кузнецов, наш незаменимый первый секретарь. Как Кирила Петрович Троекуров.

10 вечера

Ходил сейчас смотреть телевизор, «Время». Сидит Гришечка. Жалко мне его стало. Все-таки жестоко я с ним обошелся. Конечно, он хищник, но — мелкий же! Вот он сидит — седенький, глупенький, в галстучке, как всегда, в клетчатом костюмчике. Нет, право, жалко. Надо помириться.

5. I, 10 час.

Я проделал интересный эксперимент. Еще вскоре после выхода моей статьи об Окуджаве Гришечка рассказал мне, что в разговоре с ним Борщаговский назвал статью то ли бандитской, то ли хулиганской, то ли еще какой. Встретив его в Коктебеле минувшим летом, я перестал с ним здороваться. Видимо, это его взбеленило, и в ответ он отказался председательствовать на литературном вечере, где должен был выступать и я Ах, какой жест! Короленко выходит из Академии наук При этом он говорил Грише, что я «человек нехороший», что он не может поступиться своими принципами и т. п. Но вот здесь, в Малеевке, я взял да и опять стал с ним здороваться: «Доброе утро!» И что же? Он отвечает как ни в чем не бывало. Где же принципы?

11.40

Вчера закончил чтение книги Бор. Ив. Бурсова «Личность Достоевского». Много узнал интересного. Вот, например, он пишет «Как сказано у Гегеля, мы проникаем в чужое «я», пользуясь подстановкой на его место своего собственного «я». По-иному, чужое сознание мы раскрываем для себя в виде пропущенного через наше собственное сознание. У нас нет иного пути, как удостоверить всякое другое «я» при помощи «я» собственного». Ну, положим, это-то я знал и без Гегеля, и без Бурсова. Но спасибо за напоминание. Вот и о Гришечке я же сужу

по себе.

6.1, Малеевка

Ну и нарезались мы вчера с Мишкой Шевченко! Началось с Карпеки. Он за обедом предложил мне немного водки. Я выпил перед едой. А когда уже кончал обед, стал настойчиво звать к своему столу Ш. Я отнекивался, не хотел, но он уломал-таки. Допили с ним половину бутылки водки. Он завелся. «Давай еще сухого!» Буфетчица Валя куда-то исчезла. Я открыл шкаф и взял бутылку шампанского. Прекрасное, полусухое, коллекционное! И вот после водки выдули бутылку шампанского. Потом он зазвал к себе, и опять пили водку. Ничего себе смесь! Потом пошли на улицу, шумели, говорили, что Твардовский — утка, а Есенин — лебедь, клялись в любви друг к другу, целовались дважды по три раза. Словом, полный набор пьяной дури. Уснул как убитый. В половине пятого проснулся. Душа горит, пить хочется. Съел из холодильника половину грейпфрута, попил из крана воды, принял полтаблетки радедорма и уснул в шестом часу до половины десятого. Старый дурак, тебе через три недели 57 лет. Какая растрата сил и времени! Преступно!

Вчера ходили с Катей на лыжах. Сделали большой круг за 1,5 часа. Сегодня походили с часок

7. I

Видимо, по случаю Рождества Христова сейчас высказал, наконец, свое мнение о моей статье об Окуджаве и сам Феликс Кузнецов: «Блестящая статья! Блестящая!» Но — это на лестнице между этажами, выказывая явное беспокойство — вдруг кто увидит, что он с Бушиным беседует! Но разговор начал сам.

17. I.81 Малеевка

Закончил утром читать «Выбор» Бондарева. Все время колебался между одобрением и несогласием, сочувствием и протестом. В конце концов, несогласие и протест одолели. Ну, нельзя же так — весь роман сплошное философствование! И он все время помнит, что он писатель. И чрезмерно заботится о художественности. Отсюда переизбыток изобразительности, излишество картинности. Он не может просто сказать, что герой проглотил таблетку димедрола, а непременно сообщит, какую он принял при этом позу («лег на спину»), как проглотил воду («трудный глоток»), что чувствовал «холодное онемение, пощипывание на языке». Такая назойливая микроскопическая художественность раздражает, мешает. А разве можно, разве надо в таком изобилии говорить о бренности, о тленности, о том, что

«все висит на волоске» и т. п.? Все это я и без тебя знал, умник Выдается, например, за нечто оригинальное рассуждение о том, что некто высший проделывает над людьми эксперимент. Но мы еще у Достоевского читали: «А что если все это наглая проба?»

Ну, а какова идея-то? Она в том, что не красота спасет мир, как у Достоевского, а спасение — осознать, что все смертны, все хрупко, зыбко. Словом, как в песенке Окуджавы:

> Давайте жить, во всем друг другу потакая,
> Тем более что жизнь короткая такая.

19. I, Малеевка

Вчера Викулов (встретились после обеда на лыжне) рассказал, что цензура хотела выкинуть у Бондарева сцену «Убиение непорочного отрока, вкушающего малину», но дело ограничилось несколькими фразами. Я, не колеблясь, выбросил бы ее. Конечно, она сильно будет способствовать прохождению романа на Западе.

20. I.81

Альфонс Карр: «Многие люди с помощью слов, которых они не понимают, производят большое впечатление на других людей, которые эти слова тоже не понимают» («Лит. Россия», 2 янв. 1981). Это очень точно об Окуджаве, в частности, о некоторых его песнях.

А что произошло с Евтушенко? Он просто всем надоел — своими выходками, экстравагантностями, костюмами да галстуками, женитьбами да разводами, двухсерийным Циолковским и стихами тоже. Так же надоели бесконечными стихами, речами, статьями во всех возможных изданиях Гамзатов, Кугультинов,

Кулиев, скоро надоест своим мельканием в газетах, на телевидении, на радио Егор Исаев — и о Твардовском, и Исаковском, и Пастернаке. Ведь никто из них не Лермонтов. Но если бы Лермонтова тыкали нам вот так в нос, и он опротивел бы.

21. I, Малеевка

Вот уже целый час за окном валит снег. Да какой! Зима стоит отличная. Только на Рождество были морозы, а то все не больше 5–7 градусов, и много снега. А в Доме творчества эпидемия гриппа. Лежит человек 12. Гришечка лежит четвертый день. Я к нему не захожу. Он слег на другой день после того, как с бутылкой коньяка пошел к девицам, сидевшим с ним за столом: они пригласили нас обоих, а он ухитрился-таки побывать у них

один, не сказал мне, в какой комнате они, и не зашел за мной. Так чего же идти к нему теперь? Коньяк пьет с девицами один, а гриппозную бациллу на двоих делить?

22.1

Утром звонила Таня. Ждет.

24. I.81. Малеевка. 8.30

Итак, мне сегодня 57 лет. Это мне-то, Володьке Бушину? Да, тебе, дорогой. Что ж, все мое при мне. Дай мне, Господи, прожить еще хотя бы десяток лет с теми же страстями в сердце и той же неугомонностью души, неленостью ума и проворством тела. Миша Шевченко говорил мне здесь, в Малеевке, в первых числах января, кажется, 6-го, когда мы с ним напились: о тебе, мол, много говорят — что за человек? То Солженицына превознес, то за Энгельса взялся, то какие-то крамольные стихи на вечере читает, что пора, мол, менять вожаков, то крайнего «левака» Окуджаву крушит. Одни говорят: за Маркса и Энгельса он взялся, чтобы солженицынский грех замолить. Им возражают: в наше время тут опасаться нечего! Он хотел в этих образах показать образцы, идеалы для нашего времени. А как быть со стихами (видимо, имеют в виду «Журавли»), как быть с погромом Окуджавы?

Я ответил тогда Мише, что время такое же сложное. А еще забыл сказать, что люди перестали понимать поступки и дела, продиктованные чистым порывом сердца, лишенные всякого расчета и страха. Я в литературных делах ни расчета, ни страха не знаю.

27. I. Москва

24-го, часа в два, благополучно прибыл поездом из Малеевки, а вечером отмечали мой день рождения. Были Галя, Ада,

Вася, Мишка и мы трое. Годы идут, а ничто не меняется. У моих сестриц все та же дурацкая привычка приходить точно к назначенному часу, а меня, как всегда, гости застали моющимся в ванне. Выпили почти две бутылки шампанского и бутылку армянского коньяка. Посидели, я по обыкновению повитийствовал А в эту субботу пойдем на день рождения к Гале, а на следующую звал в гости милый Володя Семенов — обмыть книгу. Перед Новым годом ездил я к Васильевым. Ира, оказывается, уехала на два месяца во Францию. Я оставил для нее 100 р.

28. I.81 г.

Перед Новым годом послал Ю. Бондареву свою статью, которую писал для «Лит. Грузии». Мы договаривались с ним об этом раньше при уплате в ЦДЛ партвзносов. Он позвонил незадолго до моего возвращения из Малеевки. И вот вчера, узнав его телефон у Егора Исаева (хворает), я ему позвонил. Он говорил чуть не полчаса, а я все слушал. От моей статьи в восторге. Как видно, особенно ему понравилось о Польше. Наговорил кучу комплиментов. признался, что его настраивали против меня. Я это чувствовал. Меня интуиция редко обманывает, хотя я и очень мнителен. Зная это, я делаю соответствующие поправки. Обещал поговорить о статье с Алексеевым, но я не верю, что этого хитреца можно уговорить. Спросил, читал ли я «Выбор». Я сказал, что это очень интересно, но у меня есть несогласия. Он, кажется, огорчился, голос как-то померк, но сказал

— Конечно, ты ортодокс.

Это ж надо, какое представление обо мне! Да он и не читал ничего.

Вдруг спросил, как дела, и смысл был тот, что не надо ли в чем помочь. Вот, говорю, в «Современнике» давно лежит рукопись, договор не заключают. О, там, говорит, дело трудное, но ты узнай, как сейчас дела. Твоя книга нужная, и т. п.

5. II.81, четверг

Так не раз уже бывало у меня: деньги на исходе, беда — и вдруг неожиданно приходит спасение в виде какого-то перевода. Вот и вчера из ВААП сообщили, что в Болгарии вышел мой «Генерал» и мне начислено 1955 р., ну, потом-то оказалось, что 489 — комиссионные отчисления, 444 — подоходный налог, и причитается мне лишь 1022, но все равно — спасение, несмотря на грабиловку!

На прошлой неделе, в пятницу, был у Игоря Кобзева. Уверяет совершенно серьезно, что после его статьи в защиту Ивана Шевцова в «Сов. России» было две попытки его отравить. Какой-то поклонник из Ставрополья или с Кубани привез две

банки меда, но в беседе с ним выяснилась полная противоположность взглядов, и они едва не разругались. Уходя, гость сказал: «Я проживу дольше, чем вы». Ну, конечно, решил Кобзев, мед отравлен! В другой раз какая-то поклонница передала коробку конфет. Cicuta! — решает поэт и выбрасывает подарок. Свихнулся, что ли? Ведь не может даже сообразить, что даритель меда, если б имел такую ужасную цель, не стал бы обнажать свои взгляды, а прикинулся бы единомышленником, подольстился.

12. II.

Отправил сейчас последнюю часть письма к Ю. Бондареву о его «Выборе». Оно состояло из трех частей по две плотные машинописные страницы, 5-го, 6-го и вот 12-го февраля. Высказал приблизительно треть своих несогласий, но очень важную. Еще, конечно, надо было сказать, зачем печатаешь сразу в двух журналах: в «Нашем современнике», тысяч 200–300 + 1,8 млн. «Огонька» + тут же пойдет 2–3 млн. «Роман-газеты», да еще книжные сотни тысяч. А ведь тоскует о времени, когда у всех были «равные достатки».

14. II.81

В «Береге» у Бондарева одна немка-издательница пишет письмо сов. писателю и ставит подпись «госпожа такая-то». Это типичная советская ошибка. Мелочь. Но в «Выборе» опять типичная сов. ошибка покрупней и похуже. Сделав своего главного героя Васильева художником, автор, как я вижу, изучал специфику его профессии и труда. Но сделав Илью человеком религиозного сознания, он не дал себе труда изучить и это, ибо у нас считается, что религия это блажь, дурман, это так просто, это всем понятно. До такой степени мы все просовечены. Ну, а в результате — в его Илье одна несуразность за другой: о Боге он говорит пренебрежительно: «Кто меня простит? Бог? Слишком далеко!» Для верующего Бог всегда близко.

А эти его пересказы из Достоевского, которые воспринимаются окружающими как откровения!

Он думает, написать философский концептуальный роман — это так легко.

15. II

Да уж не влюбилась ли наша Катя в своего классного руководителя Александра Серафимовича? Мальчишки его зовут дядя Саша, девочки — Серафимчик Каждый день она рассказывает что-нибудь о нем. В понедельник приходит из школы и радостно сообщает: «А Серафимчик вчера играл в футбол, и их команда выиграла — 2:1». Во вторник «Серафимчик, оказывается, немного знает по-английски». А вчера, очень взволнованно: «Серафимчика могут послать в Афганистан. Все об этом говорят, и он тоже». Но Таня уверяет, что не одна Катя, а все девочки класса влюблены в него. Видно, хороший парень. Неужели действительно учителя пошлют в Афганистан? Ведь учителей-мужчин так мало в школах.

16. II

Таня весь вечер читает Кате вслух «Грабеж» Лескова, и обе

помирают со смеху.

А я все дни пишу с великим напряжением по 1–2 стр. своего драгоценного Исаича. Только лыжами и спасаюсь. Ах, как я сегодня вмазал ему с помощью Энгельса!

17. II

Привез от Мар. Мих книжный шкаф, он не вошел в лифт, пришлось тащить его на горбу на шестой этаж Спрашиваю у шофера, который поддерживал сзади: «Сколько тебе лет?» — «42, — говорит. — А что?» — «А мне еще 15». На счетчике было 8 р., дал ему 15. Видно, доволен был, но промолчал.

Таня вчера сказала, что М.М. положила на ее имя в сберкассу 5 тыс. Богачи!

22. II, воскресенье. 9.30 утра

Катя рассказала сейчас, что ей приснилось, будто она ловила маленьких ежиков желтого цвета. А мне сегодня приснился Сартаков. Так различны наши сновидения и наша жизнь. Господи, весь Союз писателей мне переснился!

Вчера ходил на новоселье к Вере Соловьевой. Было 5–6 ее подружек-сверстниц, и все, кроме одной, не замужем. Бедные бабенки, а ведь славные, добрые и неглупые. Было много разговоров, особенно запомнился разговор о пленных Аня возмущалась: у нас воспитывали ненависть к пленным и т. д.

— Откуда вы это взяли?

— Из лозунгов Сталина!

— Из каких?

— «Коммунисты в плен не сдаются!»

— А что же вы хотите — чтобы накануне войны и во время войны солдатам внушалось, что если, мол, будет туго, вы штык в землю и шпарьте в плен, а коммунисты — в первых рядах! Да этот лозунг «Коммунисты в плен не сдаются!» — лишь вариант лозунга «Гвардия умирает, но не сдается!», брошенного еще в 1815 году в битве под Ватерлоо. И генералу Камбронну, которому приписывается этот «лозунг», поставлен памятник со словами этого лозунга на пьедестале. (Это я о Камбронне сейчас все посмотрел в «Крылатых словах», но говорил ей приблизительно так) Ни в одной армии мира никогда не внушалось солдатам, что сдача в плен — выход из трудного положения.

— А как Сталин поступил со своим сыном?

— Как?

— Он отказался обменять его на Паулюса.

— Верно. Он поступил как человек, для которого интересы государства неизмеримо выше личных. Во-первых, вернуть врагу в

обмен на лейтенанта опытнейшего талантливого фельдмаршала значило усилить врага, дать ему оружие. Во-вторых, что бы сказали, если б он обменял? Наши сыновья томятся в плену, их (миллионы!) истязают и мучают, а Главковерх своего сыночка вызволил!

Дура!

26. II.81 г.

Вчера проходил диспансеризацию, и вдруг кардиограмма оказалась такой странной, что уже потом врач позвонила мне и сказала, чтобы я завтра пришел снова сделать кардиограмму, а сегодня ничего бы не делал и вел себя осторожно. Я даже струхнул немного. Татьяне рассказал — в одно ухо впустила, в другое выпустила и сегодня утром даже не спрашивает, как я себя чувствую. Видно, никак не придет в себя от радости, причина которой — покупка кожаного финского пальто в «Березке». В Болгарии издали моего «Генерала», и я получил 1244 (начислено-то 1995) руб. Да было еще от Венгрии 260–270. Вот вчера и поехали и купили за 640 ей пальто.

Позавчера был у мамы, оставил 20 р.

3. III, 12.30

Только что передавали по ТВ закрытие 26-го съезда. Пели «Интернационал». Вернее, включили пластинку, и кое-кто шевелил губами, а кто нет. А ведь как пели когда-то без всяких пластинок, мороз пробирал, горло перехватывало!

Прав был Винокуров:
Рассудком не понять
Страну мою,
Как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез слова Интернационала

5. III.81

У евреев есть слово для всех неевреев — гой (гои) и слово для всего остального мира, кроме Израиля, — Галут. Вероятно, ни у какого другого народа нет таких понятий.

7. III

Катя входит ко мне и спрашивает:

— Как писать: «Константин» или «Канстантин»?

— Запомни — «Костя», — говорю ей.

Она два дня не ходила в школу — что-то расчихалась. Я так

люблю, когда она не ходит, когда мы остаемся на весь день одни дома. А сегодня пошла. Сегодня они ставят «Трех мушкетеров», и она играет д'Артаньяна. Сделала себе камзол, нарисовала и вырезала из бумаги огромные кресты, взяла у мамы сапоги, приладила на них банты…

9. III, Малеевка

В пятницу позвонил Елиз. Федоровне в Малеевку, и она сказала мне, что 9-го в 12 часов за мной может заехать машина, которая повезет в Москву Галю Балтер. В 12.15 позвонила Галя и сказала, что она еще на Комсомольском проспекте (там живет ее дочь), а ей ехать в Щелково. Словом, машина заехала только около двух. В Малеевку приехал около четырех.

Расположился в 8-й комнате 2-го коттеджа. Разложил вещи и пошел в столовую. Там сразу встретил Анчишкина. Пойдем, говорит, у меня есть грамм по сто. Он живет в корпусе «А», в шестой квартире. Пошли, дошли. В 6.30 ему захотелось еще выпить. Пошел к парню напротив — Валерий Шульц из Хабаровска. У него машина. Выходим на улицу, садимся в машину и мчимся в Ст. Рузу. Без 10 минут подкатываем к магазину. Владлен бежит и через 10 минут возвращается с бутылкой «Пшеничной». Едем домой, к Владлену. Продолжаем пить. Выпиваем втроем полбутылки. Идем ужинать. Владлен отстает.

После ужина я не упускаю возможности побеседовать с Александром Кривицким. Он на днях опубликовал в «Правде» статью, в которой утверждает, что если бы царская Россия обладала нашим теперешним могуществом и имела атомную бомбу, то атомная война в Европе уже давно разразилась бы. Я ему говорю: что за странная фантазия? Америка, Франция не развязали, Китай не развязал, Израиль не развязал, а Россия развязала бы? «Вы хотите оправдать царскую Россию?!» — «Я хочу отвести от нее нелепые гипотетические обвинения. У нее и так хватает грехов — подлинных. Я не могу быть равнодушным к царской России. В царской России родились мой отец и мать, дед и прадед, бабка и прабабка». Жена его была в смятении. Галя Башкирова тоже что-то вякала. А он говорил, что мы в неравных условиях: я принял грамм 200, а он — нет. Сказать-то ему было нечего.

14. III

Только что вернулся из Наро-Фоминска. Туда нанимала машину некая Лидия Андреевна из Донецка — у нее там служит сын, навестила, отвезла колбасы да консервов. И с ней была некая

молодая женщина Людмила. Ну и мне захотелось съездить посмотреть, что это за город. Типичный убогий городок Центральной России. Пока ЛА была с сыном, мы сходили в музей и прошлись по магазинам. В ювелирном отделе универмага «Наташа» наблюдал удивительно милую девушку. В итоге Людмила купила туфли за 40 р., а я мыльницу за 40 коп. А помазка, как и в Ст. Рузе, нет. Как видно, Подмосковье — это сплошная безпомазковая зона.

16. III, Малеевка

За столом сижу с Анаст. Витал. Перфильевой и ее мужем, художником, Бор. Конст. Милые люди. Нет конца разговорам. Полное понимание. Сегодня она сказала, что всегда опасается в домах творчества неприятных встреч. Это она-то, божья коровка, опасается! Как же мне тогда быть? Вот уже с двумя я тут схватился — с Кривицким и каким-то Валент. Филатовым на почте. Я его назвал засранцем, а он меня — гадом. Очень мило. Когда он исчез, я перед почтаркой извинился, конечно.

20. III

Вот что бы мы делали без евреев! Когда-то покойный Танин сослуживец Шафран (который подарил нам Пашку) дал ей на несколько дней 6-й том Солженицына, а тут некий Валерий Шульц, с которым меня познакомил Анчишкин, сам, безо всякой просьбы с моей стороны (я зашел к нему за помазком) вручил мне сборник «Из глубины» (ИМКА-ПРЕСС, 1967).

Перед завтраком у телефонной будки я подошел к сидевшему в кресле Лазарю Шинделю и безо всякого предисловия спросил, как он относится к «Выбору» Бондарева. Тот смутился моей прямотой, помялся, видимо, соображая, какие могут быть последствия, но все же сказал: «Слабый роман», — и начал говорить о какой-то композиционной неслаженности. Я прервал его: «Я бы выразился энергичней. По-моему, он весь написан в расчете на Запад». С этим он вроде бы не был согласен.

А почему я подошел к Шинделю — мы перед завтраком прогуливались с В. Андреевым и говорили о «Выборе» и о романе Айтматова. И полностью сошлись во мнении. И я был разгорячен этим разговором.

23. III, Малеевка

Тут был Петя Проскурин. Мы с ним прогуливались, я спросил, читал ли он «Выбор» Бондарева. Он ответил, что нет, не читал. Я стал ему рассказывать и возмущаться кое-чем в романе. Он внимательно меня слушал, молчал. Но вот приехала вместо

него Лиля, его жена, и в разговоре с ней я узнал, что Петруша роман читал. Читал и скрыл от меня это, боясь чего-то. Чего? Как бы его мнение не дошло до Бондарева? И это Проскурин! С его томами, с лауреатством, секретарством, с его гренадерским ростом…

25. III.81 г.

Сегодня утром во время прогулки перед завтраком по лесной тропочке меня осенило: напишу-ка я статью «Божественное начало в современной советской литературе». Романы «Выбор» и «Больше века длится день» дают для этого богатейший материал. В сущности, Едигей у Айтматова — это первый в советской литературе положительный герой, не отрицающий существование Бога. Вернее, он не уверен, есть Бог или нет его, но он хочет, чтобы Бог был.

27. III, 13.50

Сидел работал. Вдруг — стук в дверь. Вера. Я с ней познакомился здесь года три назад. Адамов, я и она с подругой однажды провели вечер за бутылкой. Врач-кардиолог Очень любезна. И вот явилась. Отняла больше часа времени разговорами о том да о сем. Все-таки бабы еще обращают на меня внимание.

28. III, Малеевка. 8 час.

Сейчас за ужином Надя Островая сообщила, что умер Юра Трифонов — после операции на почке. Я видел его последний раз в ЦДЛ. Должно быть, в конце января и потом еще раз. Я подошел к нему и сказал, что его… (Опять пришла Вера.)

11.20. (Вера ушла, проводил ее до главного корпуса.) … что его статья о Куликовской битве в «ЛГ» — лучшая из всех юбилейных статей. Он при всей его сдержанности был тронут, кажется. Потом я сказал ему, что его «Старик» мне кажется наибольшей его удачей. Он сказал, что тоже думает так Он сыграл какую-то странную роль при моем приеме в Союз, и помню, в ЦДЛ на лестнице в зрительный зал я говорил ему «Это унизительно!» — но о чем конкретно — не помню.

У него было крепкое рукопожатие, и оно запомнилось мне.

29. III, Малеевка

Слава богу, не опоганился.

Вся Малеевка только и говорит, что о Трифонове. Вот ведь как получается: от «молодого» Винокурова уходит жена к старому Рыбакову — и все хорошо; а от старого Березко уходит жена к

«молодому» Трифонову — и все плохо.

Сейчас «Голос Америки» передал, что на президента Рейгана совершено покушение, он ранен. Ну, вот, а шумел о советском терроризме, когда оно под самым носом. С чем боролся, на то и напоролся.

31. III

Эта пузатенькая лысенькая интеллягушка Гр-ский вякает: «гегемон!» (о рабочем классе). Так и хочется взять молоток, тот самый, что в нашем гербе, и трахнуть его по лысой башке.

1. IV.81. Малеевка. 8.45

Уезжаю домой. Как-то теперь останутся тут без меня мои кошечки? Ведь их шестеро. Кто-то их накормит, бедняжек?

10. IV. Москва

Сегодня приснилась Сима Ионова, моя первая мальчишеская любовь. Да, это было в 4-м и 5-м классах. Как это волновало! Каждая случайная встреча с ней — событие. Она жила в 15-м доме, который стоял как бы на острове. И, проходя мимо, я иногда видел ее. Однажды, помню, она играла с козленком. Тогда, должно быть, я еще не знал про Эсмеральду. И вот — вдруг приснилась, будто мы вместе в какой-то туристической поездке. Я сижу с какой-то женщиной за обеденным столом, а Сима что-то хлопочет на противоположном конце. Она молода, стройна, красива. Но я знаю, что ей 55 лет (почему не все 57?), и спрашиваю у соседки, как она думает, сколько ей. Соседка смотрит и говорит: «Должно быть, около тридцати». И я не опровергаю, молчу.

18. IV.81 г.

Сегодня мне приснились две вещи. Во-первых, наши войска вступили в Польшу. Во-вторых, я обзавелся второй женой: совершенно незнакомая молодая девушка небольшого роста, светловолосая, по имени Эдда. Что за Эдда — ума не приложу! Поразмыслив, решил пусть я и второй, и третьей, и четвертой женой обзаведусь, и не во сне, а наяву, только бы наши не вступали в Польшу! Как я во сне не тронул эту Эдду, так и нам лучше бы не трогать Польшу.

25. IV.81 г.

Сейчас ходил за «апрельским» фронтовым заказом (к дню рождения Ленина). На обратном пути встретил Ю. Мельникова. Стоим, разговариваем. Идет мимо Евг. Осетров, я кричу ему:

— Евгений Иванович! Поздравляю вас с блестящей статьей о Маркове!

— Ну… — замялся он.

— Как вам после таких статей спится?

— А что такое?

— Так ведь начальство же!

— У вас представления давно минувших дней.

— Да, тогда подобные вещи не делались. Вы же старый человек, зачем вам?

— А вы читали статью?

— Да зачем я буду читать юбилейную хвалебную статью о Маркове? Вот если бы вы всерьез написали!

Смутился. Была у него, помню, хвалебная статья о каком-то Воронцове. Кто такой? Оказалось потом — помощник Суслова. Афоризмы собирал от Аристотеля до Брежнева.

29. IV.81 г.

Есть такой странный мужик Леонид Коротеев. Я на его рукопись в Совписе сочинил разносную рецензию, а он звонит, говорит «Спасибо» и приглашает в ЦДЛ распить бутылку коньяка. Встретились вчера, коньяк он принес в чемоданчике, в нижнем буфете мы его распили. Бутылку на двоих — ничего. Но он-то и пил поменьше, и лет ему 46. Потом я оказался в ресторане наверху. Кто меня звал туда? Никто. Оказался за столиком Виктора Муратова, но больше не выпил ни рюмки. Потом подсел к Винокурову, который был с какой-то молодой врачихой по имени Алена, приятная, кажется, очень неглупая женщина. Хвалила мою статью об Окуджаве. Е.В. поддакивал, как всегда, когда ругают Окуджаву.

1. V.81 г.

Вчера Боря Кашин наконец сводил меня на могилу Сергея. Это на Пятницком кладбище за Крестовской заставой. Борис ушел, а я остался один. Все смотрел и не мог понять: вот здесь, в этом клочке земли — все, что осталось от молодого, красивого, сильного человека. Думал ли, разве мог думать дед, что его внук будет рядом с ним, да еще так скоро? И Сергей Кашин там. Все они трое в одной оградке. И невозможно это понять, и немыслимо это выразить.

3. V.198 1 г.

30 апреля я все-таки простудился. Было холодно, ветрено, а я бегал за цветами сперва в киоск у метро, а потом на рынок — без кепки, а потом на кладбище было так холодно и сыро. А 1-го

были у Ивановых, и я там ел мороженое. Словом, третий день болит горло, слезятся глаза, болит голова, вялость.

Сейчас звонила Свелана Г. (как много у меня знакомых Светлан) и вспоминала, как пять лет назад была влюблена в меня. «Понимаешь, при каждом воспоминании о тебе мне делалось дурно — кружилась голова и тошнило». Такое признание едва ли сыскать во всей мировой литературе. С мужем она развелась, сейчас ей 37.

4. V.

Чувствую себя все еще неважно. Была врач из поликлиники Литфонда по фамилии Шмелева. Послушала, говорит:

— У вас в легких хрипы, но я же не знаю, может быть, вы курите…

— Так я вам могу честно признаться: не курю.

7. V.81 г.

Встретил сейчас в поликлинике С. Баренца. Как быстро его скрутила болезнь! Ведь был такой богатырь. К 1 Мая прислал мне поздравление, в котором жаловался на свою хворь, а я ответил ему так

Дорогой Сергей Кузьмич!
Не могу никак постичь,
О какой ты пишешь хвори,
Недостойном, мелком вздоре.
Поезжай-ка, брат, туда,
Где у скал бурлит вода.
Мы тебя в нее купнем
И жене как штык вернем.

11 вечера

В 10.15 я вернулся домой. Катя два часа была одна, я оставил ее с t = 37,3, а в 10.15 у нее было 39,3. Дал полтаблетки анальгина и одну таблетку бисептола. Сейчас она уснула. До моего прихода читала «Спартака».

11.45

Прошло полтора часа, температура — 39,1. А Татьяны все нет. Кино смотрит. Она же звонила, я сказал ей, что у девочки 37,3. Почти два часа, как кино кончилось. Где ее черти носят? Небось, с Алимовой трепется.

12.15

Явилась, матушка родимая. t — 38,5. Видимо, подействовал седалгин.

8. V, 7.10 утра

Ночь прошла спокойно, все спали, но температура сейчас 38, даже чуть больше. Но, надо думать, это уже «чистая» температура, т. к действие лекарства, видимо, уже кончилось. Но с утра!

17. V. 10.45 вечера

Вот мы и осиротели. Сегодня без четверти час дня умерла мама. Я не успел минут на десять, чтобы проститься. Вчера я был у нее, и сперва, когда она лежала, мне показалось, что еще ничего страшного. Но когда она села, лицо у нее стало таким незнакомым, что я понял долго она не проживет.

Она взяла мою левую руку и гладила истончившимися легкими пальцами мою ладонь. Удивилась, нащупав на ней мозоли. Сказала: «Я ухожу от вас», а я, как всегда на такие ее разговоры, отвечал, что, мол, надо Катю выдать замуж, а уж там видно будет. «Нет, — сказала она, — я уже не поднимусь». Она чувствовала, что это конец. Галя передавала, что она говорила: «Никого вас не жалко, только Катю». Я пробыл часа два-три и уехал. А около десяти ей было плохо. Галя позвонила Аде: «Она умирает». Ада позвонила мне, но телефон был занят. Она схватила такси и примчалась. Побыла, мама и ее подержала за руку, и она уехала. А сегодня позвонила мне Ада, а потом, часов в 11, Галя сказала, что она плоха. Но я не думал о конце и поэтому не спешил. Дойдя уже до метро, вспомнил, что вчера она упрекнула меня, что не привез конфетки. «Когда ты поймешь, — сказала она, — что не конфетка мне нужна, а внимание». И от метро я вернулся домой. Таня собрала мне кулечек. На это возвращение ушло минут 15–20, вот их-то мне и не хватило, чтобы застать ее в живых. Я пришел, а она уже лежала недвижно. Она говорила как-то: «Как же это так — меня не будет?»

Я непроизвольно перекрестился и сказал «Царство ей небесное!»

18. V.81, утро

Сейчас вспомнил, что вчера видел сон: у меня стал шататься задний правый зуб, я стал его трогать руками, и он рассыпался, я держу в правой руке чистые белые кусочки.

Ночью я спал. Перед сном прослушал пленку нашего разговора с мамой, видимо, в феврале или сразу после моего дня рождения. Замечательный разговор.

2 часа дня

Вдруг сейчас пронзило: она же позавчера, когда я стал собираться, попросила меня: «Посиди еще», попросила тихо, не настойчиво. А я что-то буркнул, что меня, мол, ждут дома, и ушел. Никто меня не ждал. А это была ее последняя просьба, и я ее не выполнил.

20. V.81

Вот все вчера и кончилось.

Ночевал я там, хотел последнюю ночь побыть рядом с ней. Она умирала сознательно, она устала и не хотела жить. Галя рассказывает, что, когда утром стала вызывать «скорую помощь», она умоляла ее не делать этого: «Дай мне умереть спокойно. Ты не дала мне в прошлом году. Они опять меня оживят. Дай мне умереть». Хорошо, что все мы оказались на месте. Хорошо, что приехала Клава из Минска, Игорь с женой Валей из Электростали, Родион Иванович из Глухова. Был Володя Белошицкий, Рита Уралова.

Отвезли ее в новый крематорий. Прах будем хоронить в Глухове, где отец, мать, тетя Тоня, дядя Сережа. Когда я в сентябре прошлого года (Галя была в доме отдыха) жил у нее в Нагатино, я записал на пленку ее большой и очень хороший рассказ о своей жизни. Вчера мы слушали его.

24. V.81

Сегодня в церкви Всех Скорбящих Радости, что в Ордынском тупике, мы отпели маму. Были Галя, Неля и я. Пришли к половине десятого, но шла большая служба. Сегодня день Кирилла и Мефодия, и мы прождали до часу.

31. V. Коктебель

27-го приехали с Катей в Коктебель. Поселились, как всегда, в 4-й комнате 15-го коттеджа. Опять, как и в прошлом году, на шкаф я поставил стакан с розой и рядом — портрет, теперь это мама.

2. VI.81

Как глупо, мерзко, по-мальчишески расхвастался я вчера перед Борисом Куняевым, Соловьевым и Селезневым после глотка коньяка!!

3. VI.

Катя хотела достать из шкафа свой альбом, в котором у нее сохнет цветок, и уронила стакан с розой и мамин портрет. Стакан

— вдребезги. Я наорал на нее, выгнал из комнаты, когда она стала неуклюже собирать осколки. Ах ты, дубина! Когда же, наконец, ты научишься владеть собой?!

6. VI, Коктебель

Вчера я отметил 20 дней. Были Миша Селезнев, Вера, Наташа и Нюся Пархомовская, которую я встречаю в Коктебеле вот уже второй раз, она живет в «Голубом заливе».

Вынесли на веранду письменный стол. А рядом на круглом столике поставили мамин портрет и рядом — розы. Прослушали две записи магнитофонные с маминым голосом.

Удивительно, Нюсе запомнилось, что из всего нашего класса не вернулся с войны один Ленька Гиндин. Я ей сказал:

— А Лева Давыдов? А Валя и Гриша? А Фридрих Бук? А Петька Скотников?

Нет, она запомнила только своего соплеменника! А ведь славный, добрый человек.

Вспомнил, что Ленькин отец вскоре после войны хлопотал устроить в нашей школе музей его сына. А? Столько погибших, а музей одного только его сына.

У меня сохранились два его письма с фронта. Вот первое:

«21 июля 42 г.

Здравствуй, Володя!

Вчера получил твою открытку и вот пишу тебе, хотя не уверен, что застану тебя дома — быть может, поедешь на уборку урожая.

Ну, что у нас нового? Вольное житье наше кончилось 29 июня, а с 5 по 12 июля вели ожесточенные бои, правда, без особенного результата. Мне в это время пришлось повидать многое и на поле боя и в ближайшем тылу. Начну с того, что два раза был совсем близко от того, чтобы не писать это письмо да и вообще, пожалуй, не писать ничего и никогда. Первый раз в 3–4 метрах упала немецкая мина, но пустила белый дымок и не взорвалась. Я смотрел на нее как кролик на удава, и прошиб меня пот. В другой раз мы попали под бомбежку штук 20 «Ю-88»… Дальше можно прочитать только отдельные слова: «так в 10–15 м… потом минут 20… видишь, пока жив и… Видел пленного… говорит, что воюет… много еще чего было. Кое-что… кажу… Сейчас у нас… спим по музы… 18-го купили 20 кг… Привет Нине… нашим…

Л. Гиндин».

Вот второе:

«1 сентября 42 г.

Здорово, Володя!

Почти целый месяц не писал тебе. Я все ждал, что ты напишешь с нового места, но ты, по-видимому, пока дома и не можешь черкнуть чего-нибудь. Это не по-нашему.

У нас 20 дней шли жестокие бои. Вначале наступали немцы, потом мы вернули потерянное. Было посильней прежнего… Но я пока, видишь, цел и невредим. Что дальше будет, не знаю. Черт возьми, уже осень! 1 сентября. Когда-то встречались мы в этот день во дворе нашей школы. Что там сейчас?

Сегодня кроме всего прочего 3 года этой войны. Черт побрал бы ее вместе с Гитлером! Неужели будем отмечать ее четвертую годовщину?

Что слышно в Москве о втором фронте? Мы ждем его с нетерпением. Тут идут споры, удобен ли Ла-Манш для плавания в сентябре. Неужели Черчилль ездил в Москву только для Дьеппа? Не думаю.

Больше на этой открытке не напишешь, а хочешь большое письмо, шли конверт.

Привет всем, кого увидишь. Мало, наверное, народу. Пиши, жду. Что слышно о Шумейкине?

Л. Гиндин».

Сын за отца не отвечает, за одноклассницу — тем паче.

12 VI.

Вчера приехала Таня. С короткой стрижкой она теперь выглядит лет на 30. Ну и я не пенсионер.

13. VI

Вчера опубликовано Письмо нашего ЦК пленуму ПОРП. Запугивают поляков тем, что, мол, если к власти придут враги, то к Польше «потянутся руки империалистов». Но разве кто-то собирается отказаться от государственности, от армии? Нет же. И Польша будет не слабее, допустим, Португалии. Как развязать польский узел, неизвестно. Вполне ясно только одно: танки тут помочь не могут. А дело, кажется, идет к танкам. Не приведи-то Господи! Мало нам Афганистана?

17. VI.81 г.

Александр Абрамович Аникст, доктор филологии, профессор, знаток западной литературы и Шекспира в особенности, спросил меня:

— Володя, вы где проявляете пленку и печатаете — в

Коктебеле или в Москве?

— Здесь, в Коктебеле.

— А я в Москве. И знаете почему? Здесь один снимок стоит 10 копеек, а в Москве только 5.

Что же тут корить Шейлока?

19. VI. 7.40 вечера

Только что вернулись из Старого Крыма. Пропади он пропадом! Третий раз я туда хожу, и ничего, кроме мучений. Первый раз в позапрошлом году нас туда повела какая-то Наташа. В пути находились с 7 утра до 8 вечера, но так в Старый Крым и не попали.

Прошлой осенью туда ездили на машине, а обратно пешком. Это обошлось благополучно. Сегодня решили повторить осенний вариант. Доехали до старой автостанции, и от нее по Партизанской улице надо было идти. Но массы потребовали идти от армянского монастыря. Пошли в монастырь. Но как от него идти в Планерское — неизвестно. Вернулись на бывшую автостанцию, пройдя обратно весь город. Все это заняло часа три, и прошли километров 10. И вот только около половины первого двинулись в путь от Партизанской улицы. В пути были 6 часов, на час делали привал для обеда и отдыха. Конечно, в одном месте сбились и дали крюк Наконец, пришли. Как говорят в старых английских романах, каждый шаг причинял ему невыразимые страдания — так я шел последнюю треть пути, ноги намял ужасно. Но вот искупался, и стало легче. Пропустим сейчас по паре рюмок водочки или коньяка (есть и то и другое!) — будет совсем хорошо. Ходили: Таня, Катя, я, Вера, ее Катя, Чулпан Малышева, ее Таня, Валерий (муж Наташи Сухановой) и какой-то чрезмерно интеллигентный и весьма неглупый парень по имени Андрей.

22. VI, 12.30 ночи

Кончился день 22-го июня. Что я сегодня делал?

Проснулся в 7 часов. Пытался слушать радио. Купался. Завтракал. Работал над книгой о Солженицыне. Купался. Обедал. Снова работал. Купался. Пришли Сухановы. Пили коньяк, выпил три рюмки. Я предложил за тех, кто не вернулся. Ужинал. Прогуливался. Смотрел «Время». С опозданием пошли с Гришей смотреть кино — «Москва слезам не верит». Вернулись домой. Ели клубнику (третий раз за день). И вот пишу в постели.

Если бы мне описали этот нынешний день 22 июня 1941 г.!

25. VI.81. 4.10

Сегодня 40 дней маме. Придут вечером Сухановы, Григорий да мы трое.

А сейчас — умилительная картина! Таня читает Кате вслух «Юрия Милославского» Загоскина. Господи, его читали еще Анна Андреевна и Марья Антоновна у Гоголя.

Катя вчера захворала — температура подскочила до 39,3. Простуда, скорей всего, во время своих необузданных купаний до посинения. А Таня: «Закаляться надо!» У нее на глазах и простудилась.

26. VI

Катя и ее подружки (Таня Малышева, внучка Мусы Джалиля, Катя Соловьева и маленькая Наташа Грюнталь) строят из ящиков и ила монастырь для божьих коровок Написали лозунги: «Сдадим объект досрочно!», «Работать без отстающих!»

9. VII, Коктебель

Сегодня в 8 вечера уезжаем домой. Хватит. Надоело. Вчера я купался с отвращением. Плыл и не отплевывался, а просто плевался в море.

В последние дни почти не работал. 6-го к обеду неожиданно появились Алеша Павлов и Каминские. Я, как каждый год, устроил детям искалочку по спрятанным записочкам. В конце указывался адрес: Айвазовского,22, где их ждал агент, прибывший из Центра для установления личных контактов. Как всегда, девочки были в восторге от беготни и поисков (было 7–8 захоронок), тем более что такой неожиданный финал!

Павлов привез сотовый мед, бутылки коньяка, и вечером мы пригласили Наташу Суханову, Валерия и славно посидели у нас на веранде. Алексей переночевал у нас, утром читал мою статью, а в час дня мы с Таней его проводили.

А вчера был прощальный ужин опять у нас на веранде. Взяли наши порции и накрыли стол: 700 г коньяка и пр. Были Сухановы, Грюнтали, дед Гришка, Чулпан и мы с Таней, и вокруг носились наши бесчисленные дети плюс Света и Алеша соседа — слепого Глеба Сергеевича Еремина (?). Таня купила 15 пирожных-корзиночек, и всем хватило, набежали, как муравьи на сладкое, даже вот дети Еремина и Анечка, 4-5-летняя дочка стихотворца Шленского. И все было хорошо, если бы дед не стал вдруг превозносить строки Федора Сухова:

Небо синее-синее,
Вот руки протяну (?) и полечу, —

а Валерий с категоричностью чрезмерной стал уверять, что это плохие строки. Этот Валерий слишком старается быть остроумным, а остроумие у него чисто словесное, как у Левы Кокина.

Вчера Таня, Чулпан, ее Таня, Юрий Манн ходили вокруг Сюра-Кайи. Пришли, конечно, уставшие и довольные. А я сбегал в магазин, купил бутылку пива и повесил на веревочке на буйке в море. И вот говорю:

— Если ваш Манн настоящий мужчина, то пусть он достанет вам со дна морского бутылку остуженного пива.

Увы, Манн сразу признался, что плавать не умеет. Тогда Чулпан бросилась в море и достала бутылку. Да, настоящие мужчины — это женщины! Тем паче, дочь Мусы Джалиля.

13. VIII, Малеевка

Почти месяц не делал записей. 8-го июля мы уехали из Коктебеля. В купе нас было четверо. Все бы хорошо, но в купе не закрывалось окно почти на четверть, и хотя я опустил штору, все равно по купе ходил ветер, а ночь была довольно прохладной, и я (слава Богу, один из четырех) простудился. По дороге с вокзала домой Катю укачало (видимо, дело не столько в езде, сколько в запахе бензина) и вырвало. Я высадил их с Таней на пл. Маяковского, а сам с вещами поехал дальше. Это наши несчастья в ту ночь только начинались. Самое ужасное было то, что Галя Полторацкая уехала на дачу, а у нее ключи. Она не знала, что у нас нет других, и преспокойненько уехала. Что делать? Я негодую на Татьяну, которой несколько раз говорил в Коктебеле, чтобы она позвонила Гале. Так нет же!

Звоним Юре. Ему Мар. Мих перед отъездом в больницу оставила какие-то ключи. Таня назначает с ним встречу на Новокузнецкой станции метро и едет. Я звоню Белошицкому и Соловьеву — они приглашают ночевать. Оставляем у лифтера записку с телефоном Соловьева для Тани и идем к нему. Он встретил нас, постелил. Катя уже легла — в 12.15 звонок. У Тани ключи! Оказалось, что у Юры были ключи от квартиры Мар. Мих. Таня с этими ключами поехала туда, а уже там совершенно случайно обнаружила ключи наши. И вот, наконец, около часа ночи мы дома. Катя сразу легла спать, а мы возились с вишней. И тут меня вдруг пробрал внезапный и сильный озноб. Я лег в постель и укрылся потеплей. На другой день вызвали врача. Это была суббота, и пришел дежурный врач. Она заподозрила воспаление легких. В понедельник явилась Анна Стефановна Кузьмичева: то же самое подозрение!

Пролежал дня три-четыре с температурой 38,2 — 37,6. Потом

принялся за работу: надо было прочитать рукописи для Совписа.

Все это время стояла жуткая жара. У меня на балконе в тени шторы термометр нередко подбирался к 40 градусам.

18-го, в субботу, отправили Катю и Бисьвиську в лагерь, Вера устроила. Но девочкам там ужасно не понравилось. 22-го мы с Верой их там навестили. Это около Вереи. Обе девочки в слезах. Потом мы получили от Кати 5 писем, и все слезные, и во всех просит забрать ее. В следующую субботу, 19-го, шел туда «ГАЗ-69», организованный на работе Нади Горюновой. Я примостился десятым. Сидел в самом заду между двух дам на чужом чемоданчике, и к концу пути изрядно помял его.

Обратно Катя ехала уже одиннадцатой. Но на своем большом чемодане мы доехали лучше, чем я — туда на чужом. Тряслись два часа с четвертью. И вот, пробыв в лагере ровно две недели, Катя дома! И она рада, и у меня сердце на месте.

14. VIII.81

Жара в этом году была ужасной, но мне показалось, что перенес ее легче, чем в 1972 г.

Итак, почти целый месяц прожил в Москве. За это время: вставил (по Ричмонду!) два передних зуба, сломавшихся у меня еще по дороге в Коктебель (в поезде) и в самом Коктебеле; написал несколько рецензий для Совписа и одну для СП РСФСР; наболел рублей на 250. Что еще? Работать над Солженицыным не удавалось. Зато гоню вовсю сейчас. В Совпис подал заявку на 22 листа о нем.

16. VIII. Малеевка

Ну и осетра изловили мы вчера! Приехала Таня, и мы пошли прогуляться на Верхнее озеро. Там на берегу нашли леску с крючком, смастерили удочку, забросили в пруд. Ждем-пождем улова. Раз — ничего, два — ничего… Наконец выхватываю — рыбешка сантиметра в три-четыре! Восторг всеобщий. Но тут же Катя встала и отошла — не могла смотреть, как я снимаю ее с крючка. Отпусти, говорит, ее обратно. И Таня: я, говорит, не понимаю, как это можно ловить рыбу, охотиться. Я, конечно, бросил рыбешку обратно в пруд.

Вот и живи с такими людьми в конце двадцатого века…

17. VIII.81

Несколько лет встречаю тут Ал-ра Вас. Огнева, критика из Твери. Приятный человек, только говорит так быстро и неразборчиво, что я его порой не понимаю. Рассказал ему свою идею насчет того, что Лермонтов не писал «Прощай, немытая

Россия». Он, не называя моего имени, рассказал об этом соседу по столу С. С. Громану Тот, оказывается, лермонтовед. Ах, что тут началось! Он, говорит, стал неуправляем и кричал: «Таких людей надо расстреливать! Это кто-то из евреев или армян!! Блудословие!!!»

Отчасти его беснование я сам видел, когда у шведского стола накладывал себе овощей (а их стол недалеко). Вот и думаю: что же начнется, если я напечатаю свою статью? Вот так ученые литературоведы, вот так лермонтоведы — расстреливать, да и только!

19. VIII. Малеевка

Сегодня приснился Бондарев — молодой, почти юный, красивый и ухоженный. Был очень дружески и покровительственно настроен ко мне. Какую, говорит, тебе должность найти, на какой оклад?

Я не ответил.

Ты, говорю, четвертый раз мне это предлагаешь, а я занят книгой о Солженицыне. А кончилось тем, что он уехал в одном трамвае, а я сел в другой.

* * *

Катя лежала еще в постели, а я оделся идти на завтрак и сказал ей:

— Ну, я пойду через балкон.

Вышел на балкон, хлопнул там ладонью два раза по перилам и замер. Будто прыгнул со второго этажа. Катя тоже замерла в ожидании, потом недоуменно проговорила:

— Володя…

Я вскочил в комнату, и мы рассмеялись.

20. VIII

Сегодня утром я обнаружил, что из кошелька, который все время лежит у меня на столе, пропало рублей 15. Сказал об этом Кате — она тотчас кинулась к своей тумбочке проверять, целы ли ириски. Они оказались на месте.

11 вечера

Третий день учу Катю кататься на велосипеде. За пять уроков минут по 25 она выучилась. Конечно, держится в седле еще напряженно, однако же — едет! Завтра еще подучимся и в воскресенье преподнесем мамочке сюрпризик

21. VIII.81

Как жаль, что у меня нет хорошего задушевного друга, какими были когда-то Коля Чистяков в первом классе; Женька Ромаков, Гена Суетин там же в Раменском; Вовка Ермолов, Юрка Евграфов в Кунцеве; Васька Акулов, Женька Мазютин в Измайлове; там же в школе — Вадим Тарханов, Коля Прохоров, Толя Федотов; на фронте — Райс Капин… После войны чаще были временные приятели: Витя Бабакин в Энергетическом институте, Марголин, Кафанов, Валиков, Люда Шлейман — в Литинституте. Ближе всех был, конечно, Женя Винокуров. Жаль, Павлов живет в Алуште. Может быть, с ним мы сошлись бы ближе, чем теперь.

8.30 вечера

В Малеевке четыре телевизора. И вот сейчас у каждого из них — народ. Показывают 5-ю серию фильма-детектива «Место встречи изменить нельзя» по повести Вайнеров. Братья-писатели не могут оторваться!

Вот я и думаю: можно ли на местах у телевизора представить

Горького и Блока, Алексея Толстого и Булгакова, Твардовского и Заболоцкого?

22. VIII, 4.10

Термометр на нашем балконе сейчас показывает 29 градусов. Это в тени. Опять, что ли, начинается жара? Как хорошо мы с Катей тут живем!

Я часов до пяти работаю, она читает. Катаемся на велосипедах, купаемся. Катя собирает гербарий, смотрит телевизор, слушает радио: вот сейчас слушает последнюю передачу «Граф Монте-Кристо». Какая уютная жизнь! А какая погода стоит! И как подумаешь: а вдруг?..

24. VIII, понедельник

Сегодня Таня увезла Катю. Стало тихо и пусто. Они уехали на машине со Ст. Куняевым, его женой Галей и Глушковой. Сейчас я им звонил по междугородному (автомат все не работает). Там в разгаре пир — справляют день рождения Мар. Мих — 79 лет! Пришли Юра с Машей, Нина Зиновьева.

Весь вечер смотрел по телевидению пьесу «Дальше — тишина» какого-то американца Дельмара (?). В главной роли Раневская. Смотрел и весь вечер вспоминал маму — и потому, что Раневской тоже 85, а вот жива же, и потому, что в пьесе речь идет о стариках, и как жестоки к ним дети.

27. VIII, 10.17.

В 10.00 включил приемник, чтобы послушать последние известия, но первая программа почему-то молчит. Вот уже 18 минут молчит. Что это? 26 минут… 35… 45… 11.02… Кажется, дело просто в том, что в обычном месте на отметке 1800 первой программы почему-то нет. Я вроде нашел ее на отметке 1200 м. Тьфу ты, черт!

1 сентября, 10.10

Как жаль, что в такой день я не дома! Ведь это должно быть праздником. Проводил бы в школу Катю, полюбовался бы на нее.

Сейчас звонил Тане, она рассказала, что только она да отец Саши Грампа были из родителей в школе. На обратном пути ее зазвала к себе Вера, выпили кофейку. Так в прошлом году зазвала ее к себе Таня — распили тогда бутылочку. Что это за манера у баб?

Вчера добродушный толстяк Ал-р Ив-ч Кузьмин, спросив, сколько мне лет, и сообщив, что ему на 8 лет больше, ободряя меня и себя, сказал

— Не все так безнадежно.

«Не все так безнадежно». Мне это понравилось.

6. IX, Москва. Воскресенье

Вчера наконец-то предали земле прах отца и матери. Отец ждал этого 45 лет!

В пятницу вечером мы с Галей приехали к Аде на их новую квартиру во 2-м Самотечном переулке. И вот вся наша семья оказалась в сборе — трое детей и мать с отцом. Последнюю ночь переночевали мы вместе…

А утром в 7 часов поехали в Ногинск На Курском вокзале после несуразных приключений к нам присоединился Сергей. В Ногинске взяли такси и поехали к Родиону Ивановичу в Глухово, на Санаторную улицу. Там нас встретил Игорь, а Р.И., оказывается, лежит в больнице с воспалением легких. И вот я в квартире, в которой не был года с 37-го или 38-го, т. е. 42–43 года! Все как было, только обветшало и потемнело. И террасу узнал, и сад, и дом напротив сада, за забором. Он казался когда-то огромным, красивым и таинственным. Что там произошло, кто там жил за эти годы, десятилетия?..

Потом Игорь повел нас на кладбище. Урну матери я держал всю дорогу на коленях, а урна отца стояла рядом со мной. И мы пришли на кладбище. Я и здесь был, помнится, в детстве. Там лежат Василий Мымрин и Пелагея Мымрина, первый сын тети Тони — Игорь (†1931 г.), дядя Сережа Мымрин, тетя Тоня, и вот теперь нам надо было похоронить отца и мать. Игорь и Сергей сходили за могильщиками. Те быстро выкопали в могиле бабушки и тети Тони яму, и мы, положив на дно две мраморные плиточки, заботливо припасенные Игорем, опустили на них урны, покрыли их в несколько слоев полиэтиленовой пленкой и засыпали землей. Там песок Мать и отец наконец остались вместе.

Мама очень часто просила похоронить ее в Глухове, вместе с матерью. И отец, я думаю, был бы доволен. Ведь это его родина, там прошли детство и юность, там он любил и был счастлив, там родились все его дети.

13. IX.81 г.

Вчера напал такой насморк, и так я расчихался, что решил пойти в поликлинику. Там и чих, и насморк сразу пропали, но врач все же выписала мне больничный лист до вторника, 15-го. Вечером совсем заложило нос, и я не мог уснуть. В два часа встал и подвалился к Тане. Украл полчаса ее сна, хоть она и устала очень — ездила с сослуживцами на «рафике» по грибы. Привезла корзину и сумку. Вчера жарили, сегодня будем делать пироги и

солить. Хороши были подберезовики под рижский бальзам и водочку!

24. IX.

Снова Коктебель!

Приехал сегодня. Ехал очень удобно — в спальном вагоне и всю дорогу один. Через купе ехала Тоня, жена Искандера. А рядом с ней Бенедикт Сарнов и его жена Слава. Я к ним заходил, пили чай, болтали. Эта Тоня (я впервые разглядел ее), оказывается, очень мила, женственна и, видимо, жизнерадостна. Я много говорил, смешил, и все было очень славно. Впрочем, был один момент, когда Слава хотела было что-то рассказать, но Бен тотчас стукнул ее коленкой, видимо, думая, что сделал это незаметно. Говорили о Сталине. Меня удивляет не то, что они говорят о нем как о чудовище, а то, что совершенно убеждены в своей правоте и уверены, что так думают все интеллигентные люди. Я, не желая завязывать спор, отмалчивался. Ведь переубеждать бесполезно. Мне это ясно, как ясно было князю Андрею в разговоре с отцом в Лысых Горах о Наполеоне.

Живу в 19-м корпусе, в 15-й комнате, в которой всегда жил Каплер. Старик был не дурак! Тут, конечно, много преимуществ: виден Карадаг, кусочек моря, я уж не говорю об удобствах. Буду спать на балконе.

Сходил на рынок, купил:

2 кг изабеллы — 1 р. 40 коп.

2 кг слив — 3 р.

1 кг помидор огромных — 1 р.

1 кг белого виногр. — 1 р.

Итого все богатство — 6 р. 40 коп.

Сливы, как всегда, объеденье.

15. IX.81 г.

Ну вот, вчера, в первый же день, нарезался… Селезнев пригласил перед ужином выпить. Пошел я к нему часов в 6. Он живет с дочкой и внучкой в 4-й комнате, а на веранде 2-й комнаты сидела молодая чета и пила красное южнобугское вино. Я им бросил какое-то словцо, а они уже навеселе, говорят, идите к нам.

После недолгого отнекивания я пошел за Селезневым, и мы явились с бутылкой «Кубанской» водки. А парень, оказавшийся Валентином Ермаковым, хорошим поэтом из Калуги, выставил еще бутылку грузинского коньяка. И пошла писать губерния. Вскоре Валентин (ведь он еще вкушал южнобугское) свалился на постель и уснул. Михаила забрала семья. Мы остались вдвоем с

девицей по имени Люба. Она оказалась пошлой дурой. Стала вдруг рассказывать, как безумно она кого-то любит и т. п. Слава Богу, сегодня она уехала.

30. IX.81

Сегодня мне приснилось, что я купаюсь, и меня накрывает огромная голубая волна. Страха не испытал, и ни тяжести, ни удушья, но море сегодня действительно было бурным, и я искупался только утром, а в обед пошел, но не решился.

1. X.

На вторую неделю после отъезда из дома мне стали сниться эротические сны, но вполне благонравные — супружеские.

Тоня ходит в черном платье. Сегодня спросил у Бенедикта — оказывается, прошлым летом у Искандера сразу умерли мать, брат и сестра. И вот отсюда она полетит на годовщину.

16.00

На святой Руси есть такое обыкновение: подхватить на Западе какую-нибудь затею и так усердствовать в ее насаждении, что довести дело до полной бессмыслицы и смеха. Так, мы подхватили на Западе, скорее всего, у французов, литературные премии — и теперь их столько, что дело дошло даже до премии КГБ. «Московский литератор» сообщал, что В. Ардаматский — лауреат этой премии. Так было с «вечным огнем» — теперь каждый уважающий себя город считает нужным его иметь.

Я даже видел «вечный огонь» в одном РВК (должно быть, Фрунзенском): на стене список погибших, а под ним работает вентилятор и раздувает полоски кумача, которые должны означать пламя.

Не так ли ныне произошло у нас и с марксизмом?

3. X, Коктебель

Кажется, третий раз встречаю тут некоего Геннадия Пациенко, эдакий ражий малый лет под 50, поведения довольно загадочного.

В чем он вполне ясен, так это в том, что принадлежит к великому племени всезнаек Да, есть такое племя. Это люди, которые все знают, везде были, во всех событиях современности принимали участие, со всеми знаменитыми людьми знакомы.

Не у всех, конечно, полный набор этого, но все они к нему стремятся. Таким был покойный Иван Рахилло, таковы Вл. Беляев, Коля Воронов, Кныш из Львова, вот и Пациенко, отчасти Ник Вас. Рыжков. Иногда эта страсть к изображению себя

всезнайкой довольно безвредна и даже забавна, как у Рахилло, у Беляева и особенно у Кныша, но у Воронова и Пациенко она агрессивна и отталкивает.

Вчера в библиотеке вдруг погас свет. У меня в руках был XII том Брокгауза со статьей «Заговор декабристов», и первая мысль была — сунуть книгу под свитер! Не без усилия преодолел ее.

4. X.81, воскресенье.

Начался матч Карпов — Корчной. Первую партию черными Карпов выиграл на 43-м ходу. Вторая, которая игралась вчера, отложена с лишней пешкой. Хорошо!

Здесь над цветочным календарем-клумбой установили портрет Пушкина, а слева — щит с какими-то словесами Антокольского о Пушкине, справа — Маршака. А как иначе? Не может быть Пушкин ни в каком ином окружении.

* * *

Только когда у меня в холодильнике бутылка водки и бутылка шампанского, а в шкафу бутылка коньяка, я чувствую себя Homo sapiens вполне. Сейчас у меня бутылка «Сибирской», бутылка «Новосветского» шампанского и бутылка грузинского коньяка. Как же я не H.S.!

15.52. Только что от меня ушли Николай Павлович Плевако и его племянница Инна, очаровательная лисичка с длинным носиком, ямочками на щеках и ослепительной улыбкой. Они приехали дня 3–4 назад и заняли в столовой стол в углу недалеко от нас. Сегодня утром я хотел тайно положить ей на стол белую розу, но она в пакете осыпалась. А перед обедом я заговорил с ней на пляже.

Она очень отзывчиво откликнулась. Очень быстро дело дошло до Окуджавы, и я сказал, что могу дать почитать статью, пригласил зайти ко мне после обеда, они и зашли. Посидели около часа. Я их угощал грушами, сливами, виноградом, фотографировались, болтали.

Договорились: если ей моя статья понравится, я ставлю бутылку шампанского, если не нравится — она, чтобы скрасить мое огорчение.

Еще на пляже она сказала, дура, что родилась 13 февраля, в день выдворения Солженицына.

— Какой подарок к вашему дню рождения! Очень мила, очень…

* * *

Много лет спустя, уже в нынешнее гнусное время, я легкомысленно дал ей рекомендацию в Союз писателей. А вскоре после этого прочитал ее бредовую статью в бондаренковском «Дне», где повторялся махровый вздор о том, что Ленин держал в своем кабинете заспиртованную голову Николая Второго. А ведь такие ямочки на щеках у дуры…

* * *

Сосед по балкону Ник. Вас. Рыжков дал почитать бестселлер какого-то англичанина Форсайта о покушении на де Голля. Рассказывается там о всяких изощренных хитростях. А вчера вдруг узнаем: убит президент Садат. Жизнь неожиданней и изощренней любых детективов. И ведь как сработали! Именно в тот момент (дело произошло на военном параде), когда в небе появились самолеты и все подняли глаза вверх, под рев самолетов из одного грузовика полетела граната в правительственную трибуну, и тут же шесть солдат с автоматами Калашникова открыли стрельбу и бросились к трибуне.

Слава, жена Сарнова, когда мы шли перед завтраком купаться, твердила:

— Это ужасно! Это ужасно!

10. X.81 г.

Под голубым небом у голубого моря сижу в голубом кресле и на голубой машинке пишу свою книгу красного цвета возмездия.

12. X.81 г.

Каждый раз, когда я вечером возвращаюсь к себе, меня встречает на крылечке кошка. Я скажу ей несколько слов и поднимаюсь по лестнице. А она стоит на пороге и смотрит мне вслед. И весь ее облик как будто бы говорит: «Ведь я домашнее животное — возьми меня в комнату, я так ласково буду тебе мурлыкать. Ты боишься блох? Но что же делать, Володя? Я же их не нарочно разводила…»

14. X, Коктебель

Умер Герман Валиков. Из нашего литинститутского курса в 27 человек это четвертый: Вася Малов, Вл. Кривенченко, Женя Марков и вот теперь Герман, который был самым молодым на курсе.

О его смерти мне сказал Гриша Соловьев, как приехал сюда. Я пошел в библиотеку, взял адрес, чтобы послать телеграмму его Тамаре, но на другой день вдруг встречаю ее на набережной. Оказывается, отметив девять дней, она приехала сюда с обеими дочерьми. Я предложил отметить 20 дней. И вот позавчера собрались у меня Тамара, их дочь Гелла (Дарья уехала), Соловьев, Селезнев и я. Посидели, выпили, распили две бутылки водки да еще начали бутылку коньяка. Разговоров о Германе хватило на целый вечер. Это был, конечно, честный и интересный человек Жил он трудно, напряженно. Видимо, эта многолетняя натуга и свела его раньше срока в могилу.

А Тамара выглядит хорошо и была очень оживленной, много говорила.

15. X., Коктебель

В сегодняшнем утреннем трепе собратьев все же было несколько жемчужных зерен. Например: «Бежали храбрые грузины» (Г. Соловьев), «Незваный гость лучше татарина» (В. Ермаков), «Он знал женщин как свои пять пальцев» (о Манделе, вспомнил я).

15.40

Этот Гришечка не устает изумлять. Тут есть одна приятная предпоследней молодости латышка из Риги, музейный работник Гуляя, мы встретили ее сейчас и пошли вместе, говоря о разных разностях. И вот он вдруг произносит:

— Но скажите нам откровенно…

Я весь сжался, почувствовав по его тону, что сейчас он брякнет.

— … скажите откровенно, когда вы последуете примеру Польши?

Ну какой кретин! С незнакомой латышкой! Она вполне могла счесть его за провокатора, если не дурака.

Я тут же ему сказал, чтобы он перестал болтать, что шутка его дурацкая. Если бы это была не латышка, я бы, конечно, еще не того наговорил, насилу себя сдержал. Она попросила чуть проводить ее и сказала, что этого не может быть, ибо в Латвии латышей только 42 процента. Ответ двусмысленный — то ли хотела защититься, то ли еще что. А он опять, опять с недвусмысленной тупостью:

— Ну почему? Вот в Казахстане тоже…

Я сказал ей, что мне надо поработать, почитать, и ушел.

21. X, Москва

Из Коктебеля вернулся в воскресенье, 18-го, поздно вечером. Ехал в одном купе (как и туда, в спальном вагоне) с Ал. Ал. Филимоновым, старым коктебельцем. Даже 22 июня 1941 г. его застало в Коктебеле.

Сегодня ходил в Литфонд получить по больничному листу, который надо было закрыть еще до Коктебеля, а я сделал это только вчера.

Кассирша выдала мне 341 рубль, когда полагалось 100–105 за 11 дней. «Тут ошибка», — говорю. — «Меня это не касается, выясняйте в бухгалтерии». Если бы знал, что расплачиваться будет Литфонд, ни за что не пошел бы выяснять, а так поплелся, как дурак Ясно, как это произошло: бухгалтерша посчитала, что я был на больничном листе непрерывно с 12 сентября по настоящее время. Кто-то из старых бухгалтерш сказал: «Все равно выяснилось бы».

Но очаровательная Наташа подмигнула мне и сделала рукой жест, означавший только одно: «Растяпа! Ничего бы не обнаружилось!» «Ах, — сказал я ей, — как прекрасно сходили бы мы с вами на эти 240 рублей в ресторан. Да, пожалуй, даже два раза». — «Конечно!» — подхватила она.

Когда она оформляла мне возвратную бумагу, я сказал

— Но все равно деньги есть. Сходим?

— Нет, я не хочу усложнять вам жизнь.

— А может, все-таки немного усложним?

— Вот вы какой, оказывается! Улыбка у нее прелестная.

28. X, среда

Вчера вернулся домой минут без двадцати двенадцать. Таня встретила меня в дверях и залепила пощечину. И права. И молодец. Был в «Книжной лавке», а потом в Доме литераторов пил коньяк, и не один…

10.30 вечера. Я, кажется, уже писал о ней. Это старушка, которая в Тимирязевском парке собирает бутылки после выпивох. Сегодня я впервые после Коктебеля пошел прогуляться своим обычным маршрутом через весь парк к противоположному выходу. Там она всегда и стоит, поджидая выпивох. Я шел и собирал полиэтиленовые пробки для ножек мебели. Она тихо и выжидательно стояла.

— Вот, — говорю, — пробки собираю для стульев.

— А у меня нет стульев, — отвечает.

Разговорились. Она сказала, что с двух часов ждет, и все ни одной бутылки, а было уже пять. Они, говорит, теперь сами сдают. Я спросил ее, как звать.

— Мария.

— А по отчеству?
— Максимовна.
— Сколько же вам лет?
— За семьдесят.
— Пенсию получаете?
— Сорок пять рублей.
Это выходит по 1 р. 50 коп. на день… Я протянул ей рубль.
— Нет, не надо.
— Ну, вы же с двух часов тут, идите домой. Взяла рублевку.
— Нет, я еще постою.

Ах, что ей моя рублевка! И что же я так мало дал. Ведь у нее никого нет, одна. Ведь и обидеть кто хочешь может старушку, Господи!

10. XI.81 г.

Вчера в телефонном разговоре Мих Алексеев выдал мне лицензию на отстрел жирной дичи — Юрия Суровцева, великого марксиста.

11. XI

Сегодня было закрытое партсобрание, на котором нам читали закрытое письмо ЦК о взяточниках, хапугах и т. п. Почему это все закрыто, непонятно. Нет ни имен, ни фактов, одни рассуждения, что хорошо и что плохо. Мы все это и сами знаем. Убожество, свидетельствующее о том, что Бог лишил их не только смелости, но и разума.

* * *

Читатель может видеть, что достойным продолжателем этих пустозвонов оказался нынешний Медведев: те же бесконечные рассуждения о взяточниках, именуемых ныне коррупционерами и не называемых по именам, то же убожество и трусость как Божье наказание.

* * *

Все скрасил Сережа Семанов. Он позвал меня в ресторан, и мы там съели прекрасный обед: салат из помидоров, маслины, карп жареный с картошкой и две бутылки вина «Ахмета». Отлично!

15. XI.

Смотрю по телевидению: президент Франции Миттеран совершенно не умеет завязывать галстук, самая важная часть — узелок — получается у него кривенькой колбаской. А вот я великолепно повязываю галстук у меня узелок — равносторонний треугольничек Почему же Миттеран, а не я — президент Франции?

* * *

Присмотритесь к галстукам оравы наших бесчисленных президентов и премьеров. Ни один балбес не умеет завязывать! И как они при этом могут «завязывать узлы» экономики, политики, культуры?

* * *

10 вечера. 31-го мы с Колей Войткевичем ездили к Валиковым — было 40 дней Герману. Как раз совпало с Дмитриевской (Родительской) субботой, когда поминают павших на Куликовом поле. А Герман так ждал Куликовский юбилей! Они с Тамарой съездили на поле, и он написал поэму. И вот мы поминали его в один день с героями его поэмы. Мог ли он представить себе это, стоя на Куликовом поле! Я сказал об этом за столом и прочитал его стихи… Коля тоже говорил.

Обратно ехали поздно. Был там, видно, большой друг Германа стихотворец из Ельца Игорь Крохин, горбун, очень славный парень лет сорока. Он был в восторге, узнав, что я это тот самый, кто написал статью об Окуджаве. Ласкался ко мне в поезде, как ребенок

А вдова, между прочим, даже похорошела. Неудобно и нельзя было сказать об этом.

11-го был в ЦДЛ, и когда с Семановым обедали, я заговорил с Игорем Сеньковым, с которым не разговаривал несколько лет из-за того, что я после «Дружбы народов» пришел к нему в литконсультацию при Союзе подработать, а он, однокашничек, так и не дал мне этого. Ну, он обрадовался, подсел на соседний пустой стул, и мы поговорили о Германе. Он сказал, что Герман был сильно увлечен Олей Державиной. Я помню, когда это было, но не знал, что это так серьезно. И вот теперь вспоминаю, как однажды сидели в ЦДЛ за бутылкой вина, и я говорил о том, что вот, мол, «Выхожу один я на дорогу» — это гениально, но там есть

одна как бы неуместная строка. Все заинтересовались: какая? Я ответил: «О любви мне тихий голос пел». При чем здесь любовь? Тут надо о чем-то другом.

Герман не согласился, и я помню, как он, ему было уже под пятьдесят, говорил, что только теперь понял, что такое любовь и т. д. Это все, конечно, относилось к Оле. Я вчера позвонил ей и рассказал. Она не знала, что он умер. И сказала слова, смысл которых таков: личная жизнь ей не удалась, но почему-то нескольким мужчинам она внушала большое и чистое чувство. Она сказала это, неуклюже и осторожно подбирая слова.

20 ноября, пятница

В понедельник в ЦДЛ — вечер, посвященный 40-й годовщине разгрома немцев под Москвой. Выступят генералы Гетман, Агатов, Якушин, Герои Сов. Союза Жаворонков и Семиков, Герой Соц. Труда Федорова и председатель Моссовета в годы войны Пронин. То есть «со стороны Героев» — все русские. А со стороны писателей? Все те же — Марк Соболь, Марк Лисянский, Матусовский, Хелемский, Островой, Юрий Яковлев (Хайкин), Евг. Воробьев. У меня нет ничего против каждого из них в отдельности. Но почему такая концентрация! Сергей Островой даже очень мил временами, да и другие. Но почему? Из десяти — трое русских: Розов, С. В. Смирнов и Сытин. И примерно так — всегда.

27. XI.81 г.

Блаженный миг! — Федор Петрович сегодня утром принес с машинки первые 60 стр. моей Солженицыниады.

А сколько в последнее время огорчений у бедных евреев: убит Садат, умер Моше Даян, и вот — умница Карпов обставил их кумира Корчного (6:2!), истратив на это почти вдвое меньше времени, чем в прошлый раз.

28. XI

Кончается ноябрь. Что в этом месяце было? 31 октября — сороковина Германа Валикова. 7 ноября ходил с племянником Сергеем в Театр на Таганке, смотрели какие-то пустячки. Потом Червонная позвала в Театр эстрады на спектакль «Очевидное — невероятное» (Хазанов — исполнитель) — еврейский балаган, да еще с гнусными выпадами против грузин. 17-го отчетное годовое партсобрание, на котором Феликс Кузнецов превзошел самого себя.

Были довольно остроумные выступления о безобразиях в издательствах (Л. Беляева), в Литфонде и т. д. Так этот босс,

обретший ныне пошлую внешность сытого земца, стал развивать такую идею: я не совсем доволен собранием; конечно, мне тоже хочется, чтобы издательства и Литфонд работали лучше, но, товарищи, посмотрите, что творится в мире! Мир на краю атомной катастрофы, а вы — о Литфонде! Где статьи, где стихи о борьбе за мир? и т. д. Ах, праведник, он свои издательско-литфондовские дела все решил в самом блистательном виде — квартира, говорят, 115 м, без конца издается и переиздается, а сам призывает писать стихи о борьбе за мир, которые от него требует МК Так религиозные проходимцы объявляли о скором конце света и под этим предлогом обирали мирян.

* * *

Года два назад Ф. Кузнецова, более сорока лет за символическую цену живущего на даче в Переделкино, вышибли из Литфонда. Пустячок, а все-таки отрадно.

* * *

29. XI.81 г.

Вчера вечером зашел Сережа Семанов, принес роман Феликса Светова «Отверзи ми двери», изданный IMCA-PRESS, кажется, в прошлом году в Париже. А роман Льва Копелева, о котором не так давно передавал «Голос Америки», называется «Утоли моя печали». Смехота! Евреи вдарились в славянскую старину, да так дружно.

Выпили по рюмке коньяка и поехали в ЦДЛ. Там Кикнадзе рассказывал о матче в Мерано, куда его посылали. Ничего интересного не сказал, мы все знали по газетам, за пределы которых он не вышел.

Потом пошли в ресторан, где Сергей уже при самом нашем приходе заказал столик Он был уже накрыт. Выпили две бутылки грузинского сухого по 0,7. Пошли домой — на метро «Краснопресненская». По пути он затащил еще в кафе «Мороженое» под высотным домом. Выпили еще бутылку шампанского с мороженым. Словом, 20 рублям я голову сломал. В «Мороженом» он все доказывал, мол, Симонов еврей, ссылался на статью в «Файнэншл таймс». Говорил, что «Убей его!» взывало к низменным чувствам. Я ему сказал, что он дурак «Низменные чувства»!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был…

Сережа сменил тему, переключился: «Крупная женщина — это большой соблазн, правда?» По этому вопросу я не стал спорить.

Потом, уже около десяти, зашел к Гришечке, с ним вместе — к Вере. Засиделись. Домой пришел во втором часу. А Пуся вообще в 8 утра заявился. Гуляки мы с ним.

10. XII.81 г.

Нет, это надо записать.

Сегодня приснилось, что лежу я в постели и играю с каким-то маленьким зверьком вроде хомячка, только сереньким (сон цветной). Вдруг зверек из моих рук куда-то исчез. Я откинул одеяло, чтобы найти его, и вижу — у самого края постели лежит, свернувшись, змея, зеленая, сантиметров 30. Я хватаю почему-то угольник прозрачный (вроде Катя мне его дает) и бью змею, убиваю ее, и мы с Катей засовываем ее в целлофановый мешочек

А утром был в ЦДЛ на пленуме, посвященном 40-летию победы под Москвой, доклад делал И. Стаднюк Все хорошо, все прекрасно. И даже Иван Лазутин оказался у него в числе передовиков. Уж куда дальше! А в перерыве у буфета столкнулся нос к носу с Бондаревым. Он протянул руку: «Здравствуй». Я молча протянул тоже. «Что так холодно?» Очевидно, ожидал, что буду уверять, мол, нет, это тебе показалось, что ты, что ты! А я ответил:

— А что мне к тебе теплым-то быть?

Действительно, после того, что он мне даже не позвонил по поводу моего огромного письма ему о «Выборе», о чем он сам просил.

Юрочка не ожидал. А кругом народ. Боясь нарваться на еще большую дерзость, он махнул рукой, повернулся и пошел. Уж так привык ко всесторонней теплоте, что недоданный мной градус его очень озаботил.

13. XII, 16.40

Сейчас передали по телевидению обращение к польскому народу генерала Ярузельского. Я не выдержал и разрыдался, и сейчас плачу. Господи, спаси Польшу! И убереги наших от мысли о вторжении. Просвети и наставь, Господи!

19. XII.81 г.

Вчера позвонил днем Анат. Загорный из СП РСФСР на Комсомольском проспекте. Что ж ты, говорит, не приходишь за гонораром? Я к четырем часам зашел в поликлинику за курортной картой для Малеевки, а потом — туда. Получил в бухгалтерии около 40 р. за рецензию на рукопись детского поэта Сырова и стал искать Загорного. Он оказался в кабинете Палехова. Там шла выпивка — «обмывали» какого-то дагестанца, только что принятого в Союз. Наливают и мне. Выпил три хороших рюмки. Дагестанец достает еще и шампанское. Выпил и его. Хорошо пили Палехов, Загорный, Артур Корнеев из Госкомиздата… Все от души поздравляли дагестанца. Желали ему новых гениальных книг… Но сам он почему-то — ни капли. Когда он ушел, я спросил, как его звать. Никто не знал.

Потом поехали в ЦДЛ. Там был вечер Коми. Ну, наши, конечно, в буфет. Сложились, купили бутылку водки, но я был уже хорош, и хватило воли больше не пить. И там учинил маленький дебош. В фойе развернута выставка картин какого-то художника-любителя, кажется, Шишмарева. Меня возмутили две женские фигуры справа и слева от двери в буфет: банальная белиберда с винтообразными руками, с глазами во лбу, со ртом черт знает где. Наши мыслители с пеной у рта защищают с трибуны ЦДЛ и других лобных мест реалистическое искусство, говорят о коварных происках буржуазных идеологов, стремящихся опорочить его, а тут, в этой цитадели— вот она, живая диверсия против реализма. И все ходят мимо — хоть бы хны. Я подошел к бабе, что висит справа от двери, и перевернул ее лицом к стенке. Вдруг крик «Что вы делаете! Как вы смеете!» Оказывается, сам художник Я пошел прочь, а он позвал администраторшу — и за мной. Ну, от нашего столика в буфет они, немного пошумев, быстро отвалили.

21. XII.81 г.

Из Катиной комнаты доносится ее игра — «К Элизе» Бетховена. Господи, как прекрасно! Я отрываюсь от работы и слушаю. Вот это и есть счастье — оторваться от увлекающей работы и слушать, как дочь играет Бетховена.

А вчера и позавчера отмечали Танин день рождения. В субботу были Белошицкие, а вчера — Мухачевы и Надя Козлова.

29. XII

Что на свете ужаснее всего? Ужаснее всего вот что. Ты очень хочешь в уборную и спешишь поэтому домой, влетаешь в метро, поезд тебя мчит, ты с радостью сознаешь, что каждый миг приближает тебя к заветной цели — и вдруг обнаруживаешь, что

ты сел не так, едешь не в ту сторону и, следовательно, не приближаешься к заветной цели, а удаляешься от нее. О!.. Это самое случилось сегодня со мной, когда, сев на «Горьковской», я вдруг услышал, что следующая остановка — не «Маяковская», а «Площадь Свердлова».

6. I.198 2, Малеевка

Новый год встретили дома: Таня, Катя, Мар. Мих, я и Пуся. То-то славно! Около часа ночи я позвонил Алене. Узнала голос! Была очень удивлена и все допытывала, почему, почему я позвонил. Я ответил, что, мол, новогодняя ночь, у нее особые законы.

А днем 1-го и 2-го, и 3-го ходил на лыжах в Петровском парке.

2-го Таня, Катя и Аня Каминская поехали в Малеевку. Меня задержала с перепечаткой Евдокия Петровна. Я приехал только 4-го. Таня в этот же день уехала.

Тут оказался Даниил Долинский из журнала «Дон», он уезжал сегодня, и вчера решили у меня собраться выпить. Он привел еще калмыка Алексея и осетина одного. Я предложил тост

— Вот собрались мы тут, осетин, калмык, еврей и русский. Давайте выпьем за то, чтобы мы всегда были вместе и не только за бутылкой!

Все хорошо. Но вдруг Долинский начал было распространяться о великодержавном шовинизме. Только присутствие этих ребят удержало меня от того, чтобы сказать ему пару горячих.

Между прочим, вчера я подошел к Алигер (впервые вижу ее здесь) и сказал:

— Позвольте поблагодарить вас за стихотворение, которое кончается словами:

Между той и этой Барселоной,
В сущности, вся жизнь моя прошла.

Я говорил об этом стихотворении еще на сороковинах Валикова. Там речь идет о том, что вот сейчас, в наши дни, поэтесса оказалась в Барселоне, там какой-то праздник, фестиваль,

а она вспоминает ту, которую мы знали в 37—39-м годах — в дыму, в огне, в крови. И вот эти заключительные строки.

Она ответила, что ей самой нравится это стихотворение. А сегодня после завтрака она подошла ко мне и спросила мое имя. Я назвал. Она сказала: «Мы с вами когда-то близко знали друг

друга в Ялте». Я ответил: «Да, да, конечно, в 1958 году». Но мы никогда не были знакомы и никогда не сказали ни одной фразы друг другу.

11. I. Малеевка

В Малеевке настала тишина: детское нашествие вчера схлынуло, а позавчера я проводил Катю и Аню. С веранды я пересел в зал, здесь тепло. Сижу с Гришечкой. Ох, и тип! Сто лет проживет и еще полста на карачках проползает. Сегодня ему массаж делали, так он все беспокоился, можно ли после массажа («А вдруг произойдет расслабление мышц?») перенести свой чемодан из 2-го коттеджа в корпус «Б»?

За обедом подошел Миша Синельников. Он сидит за соседним столом и, видимо, желая потрафить моему духу, показал газету (кажется, «Сов. Россию»), где на одной странице помещены маленькая фотография Вас. Федорова, и над ней — большой портрет какой-то актрисы. Он горячо возмущался таким, в его глазах, оскорбительным несоответствием. Я стал его успокаивать: это же, мол, несопоставимые вещи: он поэт, она актриса, он — стар и страшен, она — молода и прекрасна, его портреты появлялись множество раз, ее — впервые и т. д. Нет, я его не убедил! Потом, столкнувшись с ним около буфета, когда уходил из столовой, я сказал ему:

— Вот если бы маленький портрет Федорова, а рядом большой — Л. О. (я показал пальцем через плечо на Л.О., приехавшего сегодня и сидевшего у стены), то это было бы в самом деле смешно.

Ему такой пример не понравился. Он-то хотел потрафить моему русскому патриотизму, а я, видно, обидел его лучшие чувства.

14 янв. 82 г.

Ходил на шахматный матч.

19. I.82. Малеевка

Вчера и сегодня ходил на лыжах

Вскоре после приезда сюда однажды, числа 10—11-го, поймал то ли «Свободу», то ли «Свободную Европу». Слышу: «Сейчас выступит известный советский писатель Виктор Некрасов». Берет он микрофон и пропитым голосом старого алкаша начинает обличать алкоголизм в России, где, по его словам, «теперь пьют все»! А затравочка для оживляжа была у него такая: «Это было несколько лет назад в Малеевке, под Москвой». И далее рассказывает, как с Соколовым-Микитовым

они захотели как-то выпить и пошли в местный сельский магазинчик (в Глухово, конечно) за бутылкой. У магазина увидели железную бочку, В.Н. сказал: «Ведь вы, Иван Сергеевич, поди, не одну такую за свою жизнь выпили?» Но потом стали прикидывать, и оказалось, что не выпил и трети. Я удивился. А потом понял, в чем дело: по дороге в Глухово, справа, лежит в кювете здоровая цистерна — для керосина, что ли. Видно, именно ее он и имел в виду. Вот оно: уже начинает на чужбине путать слова «бочка» и «цистерна».

А вчера на ночь слушал, видимо, по одной из тех же станций Анатолия Гладилина: «Что происходит в Переделкино?» Оказывается, Литфонд предложил родственникам Пастернака и Лидии Чуковской освободить дачи. Те не желают. Евтушенко и Ахмадулина где-то выступили в их защиту. Ах, сердяги, как трудно хлеб-то на чужбине приходится добывать!

20. I. Малеевка. 10.30 вечера

Западные радиостанции сообщили, что 17 января в доме для престарелых под Москвой восьмидесяти четырех лет умер Варлам Тихонович Шаламов. Царство ему небесное! Это действительный страдалец, а не такой, как профурсетка Солженицын.

А по телевидению сейчас передали, что умер на 6 5-м году Семен Цвигун, зам. Андропова. Ну, тут понять можно. Его последний роман (как и предыдущий, впрочем) напечатали одновременно и В. Кожевников, и Ан. Софронов. Конечно, он из этого заключил, что замечательный писатель, — вот сердце могло и не выдержать. Словом, в его смерти виноваты редакторы «Огонька» и «Знамени».

25. I. Малеевка

23-го после обеда уехал в Москву. Ехал с Викой Т. Она привозила сюда свою дочь, и сама, кажется, будет наезжать. Привозил ее новый поклонник — какой-то усатый черкес, по имени Касим, кажется. Были у нее русские, были евреи, был грузин, вот теперь — черкес. Только его не хватало. Как всегда, хвастается, как всегда, довольна: «У меня четыре договора; эту норковую шубу я купила за 8 тыс. в Болгарии; меня любит молодой мужчина. Вот этот самый, на его 38-летнее плечо я кладу свою 44-летнюю руку… Да, мне 44, а что у меня не так?

Посмотри, что у меня не так?» Я-то давно, со времен службы в «Молодой гвардии», куда ты пришла с первыми рассказами, знаю, что у тебя не так — совесть.

26. I.82 г.

В программе «Время» сообщили, что на 80-м году умер Суслов, главный наш идеолог, второе лицо в государстве, а может быть, и первое. Да, видимо, именно он дергал за все ниточки. Последний раз он появлялся по телевидению, когда вручал Брежневу очередную Звезду в день его 75-летия.

Сейчас гуляли с Гришей, и он сказал, что если политический деятель доживает до такого возраста, то, значит, он лет 20 сачковал, ибо по закону он должен бы сгореть годам к 55–60, как Петр Первый, как Ленин. Да, у него иногда прорывается сермяжная правда.

Ходил на лыжах.

27. I.

Вчера днем у меня как раз мелькнула мысль о Суслове, и что, если он умрет. Странно! А впрочем, что странного? Если вспомнился 80-летний человека, то вполне естественно подумать и о его конце. А ведь им там всем в среднем 72 года. О чем может думать человек в таком возрасте? Как бы побыстрей добраться до постели. А они все держатся и держатся, заедая век следующего поколения. И Косыгин, и даже министры обороны Малиновский и Гречко умерли в должности. Г.К Жуков вспоминает, что во время битвы под Москвой он не спал 11 суток (а потом, как наши перешли в наступление, спал трое суток). Так ведь он был молодой мужик в расцвете лет — 41 или 42 года! А что будет с любым из этой геронтократии, если случится не поспать сутки или двое? Ведь начнут тыкать руками не в те кнопки.

29. I. Малеевка

Завтра уезжаю. Устал, надоело. Написал за 25 дней около 2 листов. Что ж, это, пожалуй, неплохо. А главное — конец. Ну, предварительный, конечно.

Сегодня хоронили Суслова. Смотрел по телевизору. Грандиозное похоронное шоу. Очень четко похоронили, без единой задоринки. Западные радиостанции называют его «памятником сталинизму». Конечно, мог бы уйти на покой лет на 20 пораньше. Ни один русский царь не доживал до 55 лет.

31 янв. 82 г.

Ходил на лыжах.

5. II. Москва

Приехал из Малеевки 30-го. Вечером ходили с Таней на день рождения к Гале. Пошумели, как всегда. Мои сестрички-большевички умиляются Сусловым. Какой, мол, хороший человек умер! Ну, действительно, при трех властителях оставался вторым

человеком державы. Да, похороны его прошли на высоком идейно-политическом уровне. Как генеральная репетиция. Только вот ботинки почему-то торчали почти наполовину из гроба, да в почетном карауле почти все были с регалиями, да когда, прощаясь, целовали его родственники (почему только они?) в лоб, то лишь один догадался снять шапку. Да руки у него были не сложены на животе, а лежали вдоль тела, а в «Правде» в этот день поместили на последней странице снимок — лошадь целует конюха, да в «Известиях» напечатали статью «Как перевозят слонов?»… А в остальном, прекрасная маркиза…

4-го, 5-го ходил на лыжах.

6. II.82 г.

С 30-го по 6-е, т. е. шесть дней — трижды! Вот что значит малеевский благодатный воздух и лыжи.

10 февр.

Ходил на лыжах. t — 18 гр.

11. II

Странно! В Малеевке я подумал о смерти Суслова — и в этот день узнал, что он действительно умер; вспомнил «молодогвардейскую» Галочку Панину — и она явилась; на днях в ожидании очереди у зубного кабинета промелькнул в уме Володя Семенов — и он тут же появился из подвального этажа; позавчера вспомнил Веру Соловьеву, позвонил ей, не застал — и на другой день, после огромного перерыва, позвонила она…

Сегодня приснились Лукерья и Женя Елисеев — живая и покойный. Посмотрим, что из этого выйдет.

12 февр. 11.10 вечера

Сегодня случилось поразительное дело. Часов в 11 утра позвонил Гришаев. Я, говорит, твой должник, сейчас зайду, принесу свою книгу о Лихачеве — «Рожденный на рассвете». Пришел, принес. Сел в кресло, и его понесло — говорил о восстании в Ханты-Мансийском округе в 1934 году (его туда послали секретарем райкома комсомола), восхищался М. Шагинян, которую я терпеть не могу за ее шаманство вокруг Ленина, рассказывал об Оке Ив. Городовикове, о беседах с Л. Леоновым и т. д. — трудно было понять, где правда, где выдумка. Я изнывал. Мне надо было работать. Не знал, как его выпроводить. И тут, чтобы хоть что-то сказать, спрашиваю:

— Тебе ни разу не приходилось слышать о 436-м полке или читать об этом полке? Солж. пишет, что он целиком по призыву

своего командира майора Кононова в августе 41-го перешел к немцам. За версту видно, что обычная его брехня, но ведь назван же номер полка! И я нигде не мог найти о нем упоминания…

И Вас. Никитич отвечает:

— Я служил в 436-м полку.

Я чуть не упал. Как?! Это же вероятность одна из десяти миллионов!

Он рассказывает. Была 155-я стрелковая дивизия в составе 436-го, 659-го и 786-го стрелковых полков и 306-го артполка. Она вся полегла костьми на пути немцев к Москве — на Брянщине летом (в августе?) 41-го. Комдив, кажется, Смирнов. От нее остался только номер. В октябре 41-го в Москве была сформирована 2-я бригада московских рабочих, ставшая потом 4-й Московской коммунистической дивизией (всего таких дивизий было 5), которую по пути на Калининский фронт переименовали в 155-ю стрелковую дивизию со всеми ее полками. Комиссар — Петр Гаврилович Никонов, командир Гаврилевский.

Он потом даже дал мне брошюру о боевом пути этого полка. Фантастическая история! Как и с Ванькой Воробьевым.

14 февр.

Киоскерша Ел. Федоровна обещала оставить «Полководца» Карпова.

20. II

Моя комната — сущий бедлам. Не только завален стол рукописью и книгами, но и на стульях, креслах, подоконниках, на полу — книги, карты, книги. Заканчиваю своего Санечку Солженицына. Уж я на нем выспался. На днях говорю О. Курганову:

— Написал книгу о Солженицыне.

— За или против?

Ведь уже старый, многоопытный литератор, а, как и многие, считает, что о С-не может быть написана книга «за». Я сказал, что «против». Он ответил:

— Придет время, когда мы будем о нем писать книги «за». Никогда! Если даже вернется царизм — никогда! Пока

живы понятия чести, порядочности, доброты — никогда!

Ну, он признался, что ничего и не читал, кроме того, что было напечатано у нас. Ходил на лыжах.

* * *

Старый хитрец оказался прав. Но кто мог предвидеть эту орду предателей от Горбачева до Радзинского! От Ельцина до Сванидзе! От Путина до Млечина!

1. III.82 г. Чистый понедельник

Вчера было Прощеное воскресенье, и я просил прощения у Мар. Мих, у сестер (по телефону), у Тани, у Кати. У меня все они тоже просили, кроме Кати. И совсем же я забыл, что начинается Великий пост, и утром оскоромился донельзя. Только после ухода Тани на работу М.М. напомнила мне, что сегодня Чистый понедельник Но заглянул в Даля и нашел у него: «Пост не мост, можно и объехать». Можно, конечно, но все же худо.

А во сне снился мне маленький мальчик в колясочке. И вроде я у Васильевых, у них на даче, и в то же время — привозят колясочку с прогулки и ставят у них в московской старой квартире в коридоре против маленькой комнаты. Все склоняются над мальчиком. Он очень хорошенький, полненький, вроде это и Сергей, и Катя, но между ним и мной какая-то преграда, я должен буду уйти, а он останется. Он весел, оживлен и, глядя на всех нас, говорит «адные». Да, говорю я, это все родные.

Не знак ли это? А чего?

22 февр.

Ходил на лыжах.

25. 2.82 г.

Какая же дубина этот Г-о! Дал ему почитать стр. 100 своего ассенизационного романа и попросил текст не трогать, только пометить опечатки. Так он мне разрисовал всю рукопись своими стилистическими и другими украшениями на уровне «Советского воина».

Он с середины дня уже пьян. Толстый, говорливый, неряшливый. И мне с ним время губить. Вот и знай, дурак, что с кем можно.

Я, конечно, человек не без способностей, есть во мне крупица. Эту крупицу собирали, чтобы передать мне, может быть, десятки поколений моих предков. Как же я могу не беречь эту крупицу, не постараться использовать ее максимально? Надо

относиться к себе как к сложной и важной машине, которая должна ежедневно работать во всю мощь. Потому и зарядку делаю, и гуляю ежедневно. Я должен работать!

5. III

Летом в Коктебеле я сделал прелестную фотографию

Ларисочки Богдановой: в белом платье-сарафане с открытыми руками и плечами она стоит на набережной у столовой, подняв руки к волосам. Вчера вечером я написал:

МАРТОВСКОЕ ВИДЕНИЕ

Как странно: снег еще пока,
Еще зима бредет с клюкою,
Ползут уныло облака,
А мне припомнилось другое:
Шум моря. Зной. И каблуки
В асфальте вязнут, словно в воске,
И женских смуглых две руки,
Лениво поднятых к прическе.

Напечатал это на обороте фотографии, приписал: «Ларисочка, с самыми добрыми пожеланиями в этот праздничный день целую помянутые две руки, которые ленивы, конечно, только в Коктебеле», — и отправил ей.

А ее 75-летний супруг крутит роман с какой-то молодой кореянкой, Ларисой Второй, как она сама сказала мне при знакомстве в ЦДЛ, когда я подсел к ним в ресторане.

11.40

Таня купила два или три пакета чернослива. Катя один пакет съела моментально. Мне это не понравилось — что за обжорство! И я попросил один пакет не трогать, он нужен мне для желудка. И что же? Вхожу полчаса назад на кухню — они лежат на диване, смотрят телевизор и со смехом пожирают мой пакет.

6. III.82 г.

И чувства нет в твоих очах,
И смысла нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Страдай же, сердце, до конца —
И нет в творении творца,
И смысла нет в мольбе.

8 марта.

Сын Левы Экономова сводил нас в Олимпийский спортивный комплекс. Парились в сауне, плавали в бассейне. Потом поехали к Аде.

10. III

Придать значение тому, что дочь и жена съели несколько штук чернослива, вспылить из-за этого, два дня дуться — какая глупость! Нет, я ужасный, чудовищно мнительный человек! Приступы бешенства совершенно лишают меня рассудка.

14. III.82 г.

Третьего дня был у Нюси Пархомовской, она живет по ту сторону Тимирязевского парка, минут 40 шел пешком. Она отдала мне мои письма, которые я писал ей с фронта осенью 42-го года. Им сорок лет. Боже мой, сорок лет! Отдала мне и два письма Нины. Она жаловалась на мое невнимание и признавалась, что ей нравится Коля Рассохин. В общем-то, это для меня неожиданность, всплывшая через 40 лет.

17. III.

А теперь мы все трое смеемся над приступом моего бешенства. Таня говорит: «Черносливный бунт».

18. III.82 г.

Было партсобрание. Кикнадзе сделал доклад «Что значит быть современным». И привел такой пример писательской современности. В 1941 году, в самые страшные дни, вызывает секретарь МГК АС. Щербаков Шагинян и говорит: «Напишите брошюру о том, как бороться против немецких танков». Та отвечает, что она никогда их не видела. Но секретарь настаивает. И та пишет. Брошюру моментально издают и отправляют на фронт. Ну что, спрашивается, могла там написать старая баба, ни разу не видавшая танка? То есть картина получается такая. Глупец взывает к помощи глупца. Если был такой успешный опыт, то почему Шагинян не поручили написать еще и о том, как сбивать немецкие самолеты? Уж их-то она видела, они с 22 июля появлялись над Москвой. Почему не поручили ей составить план разгрома немцев под Москвой?

Ведь старый, в сущности, человек, и, кажется, на войне был, а с партийной трибуны порет оптимистический вздор. Я к нему подошел после собрания. Ты, говорит, не понял, я хотел сказать этим примером, что если человека как следует попросить, то он может сделать работу, которая ему до сих пор была совсем не знакома. Я давно подозревал, что он туповат. Такой степенный, исполненный чувства собственного величия…

После собрания пошли с Семановым в ресторан и выхлестали две бутылки шампанского (за его счет). Против второй я

сопротивлялся, но он теряет чувство меры. Потом коньячный посошок

А перед собранием был у Алексеева и передал ему первую часть (401 стр.) своего романа-эссе о Солженицыне. Он был очень заинтересован, сказал, что немедленно начнет читать.

19. III. 82 г.

Вчера день прошел так С утра работал. Мешали телефонные звонки: Гончаренко, Ольга Ивановна — патриотка, Поперечный… Этот произносил такие слова, вспоминая мою теперь уже 2,5-летнюю статью об Окуджаве: «Ты совесть нашей литературы» и т. п. А почему? Потому, что я написал о нем хорошую рецензию для издательства.

Все утро писал рецензию для Совписа о рукописи Отара Шаламберидзе. Потом поехал в Совпис. Сдал две рецензии, взял четыре новых рукописи. Оттуда — в ЦДЛ, там пленум правления РСФСР, посвященный 60-летию Советского Союза. Зашел в зал, сидит человек 30. Через пять минут ушел. В буфете в фойе народу много. Встретил Семанова, он потащил в ресторан. Заказали по 200 гр. водки, взял себе еще бутылку сухого. Ну, севрюжка с хреном, маслины, да еще официантка всучила по коробке финских конфет. Получилось 35 р. А у мерзавца Семанова денег оказалось — кот наплакал. Пришлось принять удар на себя. Получается, что потратил я за вечер рублей 28, а Таня ходила получать продуктовый заказ и потратила в два раза меньше.

В ресторане сидели Винокуров, Евтушенко, Шкляревский, Куняев, В. Сидоров. Потом я попал в объятия Загорного, у них за столом в буфете сидел Машбаш, которого я чуть ли не со времен Литинститута не встречал, Роберт Винонен из Совписа с женой Тамарой, потом подошли Шкаев, Мустафин… Набрался я изрядно. Ходил по столам миловался с Юрой Томашевским, Изабеллой Банниковой, буряткой Алзоевой, которую непонятно как вспомнил чуть не через 20 лет, с Георгием Семеновым, Надей Кондаковой… Словом, был хорош. Но домой добрался чин чинарем. А из ЦДЛ вышел с Машбашем и Шк… На углу Садового распрощались. Пришлось целоваться со Шкаевым да еще три раза, толстые, жирные, пьяные губы… Отошел и сразу сплюнул. Ну, если бы утром мне сказали, что вечером буду целоваться со Шк-м, разве поверил бы!

20. III. 8.40

Каждое утро, проводив Катю, Таня подходит к окну в моей комнате и смотрит, как Катя идет в школу. Сегодня и я встал к окну. Вот они с Аней Каминской показались, идут. Катя ест

яблоко, которое Таня дала ей на дорожку. Останавливаются. Катя протягивает яблоко Ане, та откусывает, идут дальше. Опять останавливаются, Аня опять откусывает, и так дальше. Таня говорит, что это у них так заведено в их дружной шестерке. Что же после этого удивляться, что недавно, в марте, они всей шестеркой и болели.

27. III.82 г.

Наконец-то собрался записать, что в прошлое воскресенье, 21-го, состоялась-таки моими стараниями встреча наших одноклассников. Собрались у Ани (Нюрочки) Ильиной у метро «Проспект Вернадского». Были: Аня, Нина Головина, Нюся Пархомовская, Тося Кузнецова, Шура Астахова, Шумейкин, Рассохин, Вадим Тарханов и я. Трое отказались: Тамара Казачкова, Зося Никонова и Прохоров. Но главное — была Анастасия Федоровна! Ее разыскал и привел Вадим. Уж то-то радость была и неожиданность для всех! Ей 84 года. У нее ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Она еще вполне бодрая старушка. Я вначале на «Динамо» в метро встретил Шумейкина, потом мы с ним встретили на «Вернадского» Рассохина, и там же нас поджидали Вадим с А. Ф. Так она все-таки нас никого не узнала. И когда пришли к Ане, девочек — тоже. Да и как узнать! Девочки наши пополнели (Нина), поседели (Шура, Нина), постарели (все).

И все-таки было очень здорово — весело, шумно, душевно. Я записал многое на ленту (две кассеты). А.Ф. говорила, что это самый счастливый день в ее жизни. Что ж, можно поверить. Ордена орденами, а тут через сорок лет ученики вспомнили, и позвали, и рады видеть.

Потом она звонила Ане и рассказала, что, когда внук ее узнал о встрече с выпускниками 41-го года, он очень удивился: «Неужели они еще живы?» Вот подлец! Бабка жива, а нас он уже похоронил. Сегодня я звонил А.Ф., чтобы уточнить ее адрес (она просила прислать книгу), и она сказала, что сегодня у внука свадьба.

Я пил, кажется, больше всех и шумел — тоже. А всех молчаливей, как всегда, был Шумейкин. Рассохин пил очень осторожно, у него давление, он пополнел. У него было тяжелое ранение в живот.

19. IV.82 г.

Сегодня вторая годовщина смерти Сергея. Сейчас сходил на рынок, купил гвоздик Пойдем с Галей и Адой на кладбище. Сегодня, в пасхальный понедельник, это хорошо.

17-го были на свадьбе Маши Мухачевой. Катя с бабушкой ездили во Дворец бракосочетания, где-то на Кировской. А свадьбу справляли в ресторане где-то в Беляеве на улице Генерала Антонова. Машка была хоть куда! Жених тоже мне понравился серьезностью, степенством. Но Катя наша! Стоило мне за столом что-то сказать ей, как тотчас залилась слезами. Как тот дурачок, который на похоронах плясал, а на свадьбе плакал. Так они с Таней и уехали вскоре, а я остался. Танцевал до упаду, больше всего с Машиной сестрой Адой, видно, очень озорной бабой.

А вчера, в саму Пасху, отмечали Катин день рождения. Были Марина, Соня, Таня Кузнецова, Арина Калачкина и, конечно же, непременный Грампик! На этот раз он пришел без своей бутылки вопреки обыкновению. Должны были быть еще две девочки, но они заболели, а с Аней и Леной все почему-то рассорились на дне рождения Сони, кажется, в прошлое воскресенье. Они сделали шаг к примирению, позвонили, поздравили Катю 15-го, но Катя говорит, что на другой день они «сделали еще хуже». В чем дело — не объясняет.

Нам-то, конечно, хорошо, что собрались только 6 человек Таня угостила их на славу были и пироги с мясом, и куриный холодец, и конфеты, и бутерброды с красной икрой, и 10 бутылок «Пепси». Повеселились отменно, но уже не так шумно, как раньше.

26.1V.82 г.

Я знаю, как я умру. От сердечного приступа, вызванного бешенством по поводу проделок таких объевшихся наглецов, как этот.

4 мая 82 г.

Зашел Геннадий Г. Принес кем-то сделанный список врачей нашей Литфондовской поликлиники. Любопытное чтение.

Аронсон АЮ., Бахрах Игорь Ильич, Берлинская Татьяна Григорьевна, Цилинская Лариса, Билич Раиса Михайловна, Брегман Римма Аркадьевна, Бляхман Берта Мих, Бурштейн Анатолий Исаевич, Давыдова Рита Григорьевна, Двуреченская Тамара Абрамовна, Дашевский Абрам Борис, Дашевская Айя Наумовна, Дашевский Игорь Яковлевич, Зельдович Б. М., Мулерман Р. Г., Плисецкая Г. Ф., Зарубина Полина Абрам., Лев Людм. Самойловна, Лифшиц Татьяна Наум., Голодец Анна Наум., Френкель Евг. Як, Фактурович Нина Дмитриевна, Персиц Борис Павлович, Марголин Бор. Мих.

Кугель Галина Моисеевна, Базилевич Майя Семеновна, Шиманович П. М.,Розенфельд Анна Эмануиловна, Пиковская

Аврора Ионовна…

Увлекательное чтение…

* * *

6. V.82

Все утро писал на машинке приглашения Катиным подружкам — Тане Кузнецовой, Соне Ковалевой, Марине Ситниковой, Лене Соловьевой, Арине Калачкиной, Ане Каминской: «Dear miss …!

I shall be very happy if you will accept my invitation to friendly lunch to celebrate Victory Day.

My wife, my daughter and I shall be wait for you 9th of May at 10 o'clock.

V. Bushin,
Captain of the Soviet Army,
member of the Great Patriotic War».

Дело в том, что в их дружной шестерке произошел раскол. Это случилось еще на дне рождения у Сони Ковалевой. И вот уже, наверное, больше месяца Лена и Аня — один лагерь, а остальные — другой. И раскол все углубляется. Катя с великой обидой рассказывала, что «они» на чей-то вопрос, кто сегодня дежурит в классе, ответили: «Бушина и Кузнецова», т. е. назвали их по фамилиям. Какой ужас! Вот я и отправил сегодня всем им по почте приглашения в расчете, что соберутся они у нас 9-го и помирятся.

8 мая.

В 15.30 встреча ветеранов 50-й армии в гост. «Минск»…

Книга третья

1980–1990-е

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые…

Ф. И. Тютчев

21 мая 1982 г. Коктебель

Начинаю новую тетрадь. Доведется ли исписать ее до конца?

Сегодня приехал в Коктебель, поселился по обыкновению в 15-м коттедже, но в 3-й, а не в 4-й комнате. В 4-ю перееду на второй срок, когда числа 11-го приедут Таня и Катя.

Ехали с Гришечкой Соловьевым и его внучкой Катей. В соседнем вагоне натолкнулся на Алену. Она по-прежнему сдержанна, загадочна и мила.

Оказывается, 11 января ей исполнилось 43. Я рассыпался мелким бесом, а она была настороженно суха. Видимо, все не может забыть нашего нелюбезного разговора по поводу «Аз и я» Олжаса Сулейменова, за что тот уже давно покаялся. А она была его восторженной сторонницей.

* * *

Помянутая здесь Катя (по-коктебельски почему-то Бисвиська) в свое время окончила МГУ, преподавала английский в МАИ. Там познакомилась с французом, приехавшим к нам на стажировку, вышла за него замуж. Уже давно живет во Франции, родила трех сыновей. И когда к ней приезжает из Москвы бабушка Вера, она не может порадовать родных внуков «Сказкой о золотом петушке» — они не знают русского. Хотя зовут их Артем, Вадим и Роман.

Между прочим, муж работал на авиационном заводе, и когда там стало известно, что он женился на русской, его уволили. Вот она, западная толерантность и демократия. А у нас — министры с двойным гражданством и с миллионами в офшорах

А мадам Алена — жена горбачевского пресс-секретаря Грачева. Она по цековской стезе много лет приезжала в Коктебель с сыном. После краха Горбачева муж был послан в Париж представителем при ЮНЕСКО, да, кажется, там они и остались.

22 мая.

Люблю таких людей, как Миша Селезнев, с которым встречаюсь здесь, в Коктебеле, вот уже, кажется, пятый раз.

Мужик надежный и верный и по-хорошему прост, т. е. открыт душой. Вчера мы у него (он живет в 8-м коттедже) так славно выхлестали бутылочку перцовки. И сегодня оба — хоть бы что.

Утром дал Б. Куняеву 200 стр. своего романа-эссе о Солженицыне.

23 мая.

Незадолго до отъезда сюда отправил вот такое письмо:

Б. М. РЖЕВСКОЙ

«10 мая 1982

Уважаемая Елена Моисеевна,

в свое время я не прочитал Ваши интереснейшие записки «Берлин. Май 1945», где Вы рассказываете о поисках и установлении достоверности останков Гитлера. Мне удалось прочитать их только теперь в связи со своей собственной работой, — увы, читать теперь приходится чаще всего именно «в связи».

Сразу хочу заметить, что с интересом читается не только изложение фактической стороны дела, но и Ваши размышления обо всем этом, — они дельны, современны и создают привлекательный образ самого автора.

Но читатель я довольно дотошный. Юрий Бондарев даже говорил мне, что я читаю, как шизофреник Ему виднее, он живой классик При всей симпатии к Вашей книге у меня возникло несколько замечаний, которыми в благодарность за нее хочу поделиться с Вами, — может, они когда-то пригодятся Вам.

На стр. 533 Вы пишете, что Гитлер после Сталинграда «перестал выезжать на фронт» и что вообще он «совершил единственную продолжительную поездку на Восточный фронт — в 1941 г. в Брест и Умань». Это не так Во-первых, летом 1942 г. Ставка Гитлера была перенесена из В. Пруссии («Вольфшанце») под Винницу («Вервольф»), где, естественно, он и бывал. Во-вторых, известно, что во время контрнаступления немцев на Харьков в феврале 1943 года Гитлер находился в штабе группы армий «Юг». В-третьих, Вы пишете о мнимом невыезде Гитлера на фронт для того, чтобы убедить читателя в его трусости. Но едва ли это справедливо, думается, что он был, конечно, авантюрист, но не робкого десятка. Кроме того, при войне такого размаха, при такой огромной протяженности фронта да

еще при уже тогда достаточно высоком уровне средств связи Верховному главнокомандующему вовсе и не обязательно мотаться по фронтам. Сталину тоже кое-кто ставил в вину, что он

ни разу не выезжал на фронт. Но Маршал Василевский писал о его поездке на фронт в первых числах августа 1943 г., когда готовилась Смоленская операция. Поездка продолжалась два дня. Сталин встретился с генералами Еременко и Соколовским. И дальше: «О других поездках Сталина на фронт мне ничего не известно. Думаю, что их не было. Да и характер деятельности Верховного главнокомандующего не требовал таких выездов. Ставка ежедневно получала обширную и разнообразную информацию о положении на фронтах, о боевой обстановке, о состоянии войск, а также данные о противнике. Все это позволяло точно знать ход борьбы на каждый день и принимать нужные решения». Надо учесть и то, что ведь Сталин был одновременно и главой правительства, должен был заниматься и делами огромного тыла. А вывод Василевского был такой: «Сталина, несомненно, можно отнести к разряду выдающихся полководцев» («Дело всей жизни», с.128). Об этом писал и Г. К. Жуков. С другой стороны, ну, допустим, что Гитлер выезжал на фронт часто. И чем это кончилось?

На стр. 542 читаем: «Грейм полетел к фельдмаршалу Йорнеру, командовавшему войсками в Силезии и Чехословакии, призвать его держаться, если даже последует приказ о капитуляции, чтобы население могло уйти на запад». Во-первых, не было у немцев фельдмаршала Йорнера. Тут, конечно, имеется в виду фельдмаршал Фердинанд Шернер. Тот самый, которого Гитлер в завещании назначил Главнокомандующим Сухопутными войсками. Не везет бедному Шернеру. Вот и Солженицын спутал его с Феликсом Штейнером. Ну да с этого свистуна что взять. Он даже реку Эльбу с городом Эльбинг спутал.

Во-вторых, в это время Шернер уже ничем не командовал. Утром 8 мая в 60 км северо-западнее Праги его штаб был разгромлен 5-м гв. мех. корпусом 4-й танковой армии ген. Лелюшенко. Шернеру с адъютантом удалось бежать, и через пять дней он оказался в плену у американцев. Наконец, помянутый приказ Шернеру имел целью дать уйти на запад, конечно, не населению (чехам?), а войскам.

Ну, и такой штришок. На стр. 589 в связи с опознанием найденного черепа (Гитлера ли?) Вы пишете: «Кете Хойзерман «была единственным человеком, который знал и помнил все особенности зубов Гитлера». Странно. Ведь зубным врачом Гитлера был Блашке, откуда же Хойзерман могла все знать и помнить?

И наконец: «Сталин сказал МаТцуоке…» Надо — Мацуока, Мацуоке.

Есть еще несколько замечаний, но это уж сплошная

шизофрения, поэтому воздержусь.

Всего доброго. Еще раз спасибо за книгу».

* * *

Позже, увы, мне пришлось напечатать в «Правде» неласковую статью «Кто дублировал Бабетту?» о сомнительном интервью Е. М. Ржевской, которое она взяла когда-то у маршала Жукова и напечатала лишь через много лет после смерти маршала, в пору вседозволенности. Тогда какой-то незнакомый человек позвонил мне с горячим желанием помирить нас. Я ответил, что мы не ругались, просто Ржевская высказала свою точку зрения, я — свою. И пусть читатель сам решает, кто ближе к истине. Статья вошла в мою книгу «За родину! За Сталина!» (2003).

24 мая.

Сегодня проснулся в шесть часов и больше не спал. После обеда меня сморило: в 3 часа лег и проспал до 4.30. Все полтора часа снилась какая-то небольшого роста смуглая женщина, которую я ужасно ревновал. Ревность во сне — что это? Толстой говорил, что во сне мы не знаем нравственности. Похоже на то.

18.15. Только что ушел Борис Куняев. Прочитал мои 200 стр. Говорит, что это очень важно и многое написано прекрасно, однако его смущает сопоставление Солжа с Достоевским (это будет смущать многих), и отмечает длинноты, о которых я и сам знаю. Рассказывал, что в Риге его однажды пригласил в гости какой-то русский приятель, а у него был Солженицын с женой. Дело случилось на Рождество. Стояла наряженная елка, на столе — самовар. АИ. перед тем, как сесть за стол, перекрестился, и когда встал из-за стола — тоже. Чай пил вприкуску. О, лицедей!

25 мая.

Вчера перед ужином захотелось выпить. В плоской фляжке еще с дороги оставалось грамм двести. Взял ее в столовую и стал ждать Гришаку. А его нет. И Селезнева нет. Пришлось выпить одному (чуть-чуть налили себе Куняев и Рынкевич). Собрались после ужина Соловьев, Куняев, Селезнев. Я в хорошем настроении, пошли по набережной. Я так оживленно рассказывал об одном забавном эпизоде, бывшем здесь, в Коктебеле, со мной несколько лет назад, что мы остановились в нескольких шагах от одной скамейки. А на ней сидели две девушки. Я заметил, что они посмотрели на меня и засмеялись. (Как оказалось, одна из них сказала другой: «Давай «снимем» этого мужика».) Я подошел

к ним с легкостью подвыпившего повесы, присел рядом и стал расспрашивать, чего они смеются. Познакомились. Любопытно, что я с ходу, с первой попытки, узнал их имена: Галя и Таня, только оказалось, что неправильно распределил их.

27 мая, Коктебель

Зашел на рынок, купил овощей, клубника — 10 рэ.

Стал покупать в магазине огурцы. Отобрал 1 кг, заплатил 1 р. 56 к, получил сдачу и пошел. Только дома схватился, что огурцов нет. Пришлось вернуться в магазин, благо недалеко. Склероз! И подобные вещи случаются со мной все чаще.

Галю видел, когда она шла (25-го) с пляжа и показалась мне простоватой в этом пляжном полуголом виде, чуть вульгарной. Но вчера утром в темно-сиреневом легком (слишком легком) платье, когда она возвращалась откуда-то, опять была пленительна.

Спал сегодня беспокойно, видел множество снов. Снилась мама, которая лежала на земле, на каких-то сухих сучьях в углу какого-то сада; снились хлопоты с чьей-то свадьбой; снилось, что меня оштрафовали на 10 р. за то, что я помочился на улице на стену дома, и еще за что-то оштрафовали на эту же сумму. Чепуха какая-то полнейшая.

Вчера с Мишей Селезневым ополовинили бутылку моей «Кубанской» перед ужином.

Вчера начал купаться.

Б. А. ИСАЕВУ

«28 мая 1982

Егор Исаев! Русский поэт № 2!

Напоминаю тебе, бесстыжий, что 12 ноября 1980 года на Четвертой отчетно-выборной конференции МО Союза писателей России, ты в 11-й раз сказал мне, что книга моих стихов ставится в план редподготовки и со мной вот-вот будет подписан договор. И не думай отделаться от меня тремя листиками, придется раскошелиться на все пять, ибо рукопись лежит у тебя ШЕСТЬ лет.

Владимир Бушин, русский поэт № 1».

* * *

Так и не издал поэт № 2 книгу поэта № 1. Она ему не сулила никакого приварка.

* * *

29 мая.

Работа над статьей о двух Аяксах (Ю. Суровцеве и В. Оскоцком) идет плохо. Пока перечитываю написанное — свое и чужое. Зато пишу стихи. Написал три. Сегодня у Брокгауза и в двух наших энциклопедиях прочитал все, что есть об Арзамасе.

Есть в России город Арзамас.
Не питал к нему я интереса.
Мне казалось: это не для нас,
Это на обочине прогресса.
А теперь…

31 мая.

Забыл, как писать: «еле-еле» или «ели-ели». У меня нередко случаются заторы с орфографией. Например, как писать Апполон или Аполлон, перепитии, пирепитии или перипетии — никогда не знаю. Душан Маковицкий (я недавно купил в Книжной лавке писателя все четыре тома его записей о Толстом) рассказывает, что Лев Николаевич однажды обрушился на русскую интеллигенцию: «Это презренная клика! Своим умом не думает, а только повторяет то, что Европа сказала. Через несколько десятилетий от нее и помину не будет». Ему кто-то возразил: «Да вы сами интеллигент!»

Толстой возмутился: «Я? Ничего подобного! Я был офицером и орфографию плохо знаю». И мне позволительно сказать: «Я был солдатом и с орфографией тоже не в ладах!»

* * *

Потом я проверил эту запись. Оказалось, вспомнил почти дословно, это у Маковицкого в последнем, 4-м томе. Да, крут был Л.Н.Т. с русской интеллигенцией, почти как Ленин, назвавший ее говном. Но писатель ошибся, что она исчезнет. Все в том же облике обожателей Европы и Америки она живет и процветает поныне: Чубайс… Немцов… Сванидзе… Млечин… Новодворская… Радзинский…

* * *

Рядом со мной живет милый старичок Виктор Андроникович Мануйлов с женой-старушкой. Он лермонтовед. Я спросил его, как он относится к мысли, что «Прощай, немытая Россия»

Лермонтов не писал. Он не пришел в бешенство, как иные лермонтоведы, наоборот, сказал, что разговоры такие есть, что мою статью об этом надо бы напечатать, это интересно.

Пишу стихи. Все это последствия солнечного удара.

Вчера приехала Вера Соловьева, решили отметить это на веранде у Чукреевых И там — слава тебе, Господи, наконец-то! — мы так расплевались с Г., что никакое примирение не возможно. Три года я терпел. И ведь из-за чего разругались-то — из-за евреев! Он, как всегда, начал направо и налево развешивать еврейские ярлыки, а я, конечно, как всегда, стал противиться этому вредному вздору. Ну наконец-то!..

1 июня 1982

Вчера заходил Боря Куняев, читал свои стихи. Я рассказал ему свою арзамасско-магнитофонную историю. Он выразил свое впечатление так «Не умрешь ты своей смертью, Володя, не умрешь!»

«4 июня

Герман Флоров, я прочитал, наконец, твою рецензию на рукопись книги моих стихов.

Некоторые твои замечания оказались недоступны моему пониманию. Например, у меня говорится о древних греках

> Не с гор, не с моря и не из земли —
> Из моря к ним явилась Афродита…

Ты недоуменно подчеркнул «не из земли». Что показалось тебе сомнительным? Ведь речь идет о мифологии, герои которой действительно появлялись Бог знает откуда, даже из головы Зевса.

В другом месте у меня так

> Ничто не зная, все отдали,
> Все совершили, что могли…

Ты опять в сомнении: «Ничто не зная»? Ты думаешь, что надо было сказать «ничего не зная»? Но глагол «знать» (не знать) довольно прихотлив, и в его согласованиях с другими словами немало фокусов. Так, мы говорим «знать в лицо». Казалось бы, в лицо можно посмотреть, даже плюнуть, но — знать? Да, знать.

Или вот «знать грамотЕ». Нелепость! Однако у Тургенева читаем: «Владимир знал грамоте, почитывал книги» («Льгов»).

У Чехова: «Жуковских ребят, знавших грамоте, отвезли в Москву» («Мужики»).

О строчке «Ты должен внять урок веков» ты написал: «Косноязычно». Да чем же? Ты, видно, хотел сказать, что надо бы «внять урокам веков». Нет, дорогой. Можно и так и так У Пушкина, например, читаем:

И внял я неба содроганье
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольной лозы прозябанье…

Или:

Она смущенный ропот внемлет…
Вздохнули ль вы, внимая тихий глас…

Ты бы, конечно, написал «И внял я неба содроганьЮ..» и т. д. Словом, не так все просто, дорогой. Будь здоров!»

6 июня

Сегодня день рождения Пушкина, Троица и День мелиоратора. Праздники на любой вкус. Погода стоит прекрасная, купаюсь, ем клубнику (3 р. кг).

Еще 31-го с утра пересел от Гришечки за стол, где сидят Вл. Петр. Рынкевич, его дородная супруга, которой так идет ее имя — Раиса Демьяновна, и Б. Куняев.

Позавчера познакомился на пляже с Олей из Свердловска, она с мальчиком Алешей, первоклассником, Кривокорытова Ольга Дмитриевна. Сегодня вечером гуляли по бульвару, а потом пошли ко мне и выпили за Пушкина, Святую Троицу и День мелиоратора. Потом я их проводил, они живут на ул. Десантников, рядом. Она мила. Чувствуется открытость, душевная чистота. Работает в политехническом институте художником-оформителем. Смешно, она с первого раза угадала мое имя и не поверила себе. Точно как я угадал имя Гали. А своей фамилии она стесняется. У меня из тех же краев, из Ирбита, был приятель Подкорытов, кажется, Николай. Писал трагические стихи:

Я обрасту щетиной бороды,
Блуждая по дорогам жизни…
Приезжал ко мне в Москву.

11 июня

О, как старательно меня
Ты избегаешь даже взглядом!
Как будто я цистерна с ядом
Иль отсвет адского огня.
А я не отсвет и не свет,
А я совсем и не цистерна —
Я твой поклонник самый верный,
Уже не помню сколько лет.

58 — 28 = 30!

14 VI Коктебель

Когда началась англо-аргентинская война из-за Фолклендских островов, Катя однажды за столом выразила недоумение: «А почему все говорят против Англии?» Я стал объяснять, что, мол, эти острова 130 лет тому назад принадлежали Аргентине и т. д. Но она возразила: «Но ведь 130 лет они были английскими!» И я вдруг подумал: а ведь действительно, вот и китайцы предъявляют к нам территориальные претензии, ссылаясь на то, что Приамурье сто с лишним лет назад принадлежало им. А что мы будем делать, если японцы захватят те из Курильских островов, на которые они претендуют? Что? Вчера я рассказал об этом за столом. А Чулпан (дочь Мусы Джалиля) рассказала какому-то их знакомому, кажется, Сергею Петровичу. Тот сразу согласился, тут же обратился к Кате за разъяснением еще по какому-то международному вопросу. При этом он говорил ей «вы» — первый зафиксированный случай такого обращения к Кате. Итак, она обретает репутацию оригинального политического мыслителя.

А.М БАБКИНУ. ЛЕНИНГРАД

«17 июня 1982

Дорогой Александр Михайлович,

На днях в Академкниге на ул. Горького с радостью и ужасов увидел Ваш «Словарь иноязычных выражений». Потому с ужасом, что прозевал в свое время оставить открытку-заказ, а теперь купить уже нельзя.

Вы мне говорили в 1974 году во время наших прекрасных мартовских прогулок и бесед в Комарове, что такой словарь готовится. Не могли бы Вы по старой дружбе помочь мне приобрести «Словарь»? Право же, он оказался бы в хороших руках

и не лежал бы без дела.

Не приходилось ли Вам читать в ж. «Москва» № 9 за 79-й год мою статейку, в которой немало сказано и в защиту русского языка? Она наделала много шума не только в Москве.

Заранее благодарен Вам за любую помощь и желаю всего самого доброго.

С поклоном».

19. VI. 21 ч.

Здесь находится азербайджанский поэт Ф.М. Я знаю его давно и чувствую, что он давно симпатизирует мне. Вчера он пригласил меня на коньяк Я предложил перенести это на сегодня. Отказаться было нельзя, он бы смертельно обиделся. И вот сегодня перед ужином я к нему зашел. Была его дочь, Светлана, ей 27 лет. Мы пили втроем коньяк, дружески беседовали, были довольны друг другом. А я же помню ее по тому времени, когда ей было лет десять, в очках, я заходил однажды к ним, но она меня, конечно, не помнит.

23. VI.

Прав Куняев, прав: не умрешь ты своей смертью, не умрешь…

25 июня

Вот Пастернак

> В нашу прозу с ее безобразием
> С октября забредает зима…

Слово «проза» употребляется в двух значениях: в прямом — жанр литературы и в переносном — проза жизни и т. п. Тут. конечно, в переносном. Но почему безобразие? Откуда взялось? Что означает? Кроме того, зима вовсе не забредает случайно, а регулярно приходит каждый год. Другое дело

> Меж высоких хлебов затерялося
> Небогатое наше село.
> Горе горькое по свету шлялося
> И на нас невзначай набрело…

Именно невзначай, случайно. То горе, о котором дальше говорится в этой песне (самоубийца), могло и миновать село.

26. VI

Вчера в перерыве между футбольными матчами ФРГ — Австрия и Северная Ирландия — Испания гуляли с Фаиком по набережной. Говорили о разных разностях. Пришлось мне доказывать ему и разъяснять, на кого он работает, когда твердит:

Андропов — еврей, Черненко — еврей, Анатолий Карпов — еврей и т. п. Соображает он туго. Вдруг спрашивает:

— Слушай, а кто эта девушка, с которой твоя Таня все время ходит?

— Моя дочь.

— Сколько ей лет?

— Тринадцать.

— Это от первого брака?

— Нет, это наша с Таней дочь.

— Но ведь Тане же не больше двадцати пяти!

— Что ты, — сказал я, в душе помирая со смеху, — ей уже 42.

— А ты меня не обманываешь?

Еще говорил, как он целомудренно ведет себя: вот нравится ему в Москве одна женщина, и больше он ни на кого не хочет смотреть. И спрашивает:

— А ты не бабник?

— Господь с тобой!

Работа с утра не клеилась. Видимо, надоел мне этот Суровцев. Но статья получается. Кто, однако, станет ее печатать? Скорей всего, никто. Около часа пошел на пляж, и уже по дороге и там, у моря, сложилось восьмистишие:

О, как внезапно ты исчезла!
Как метеор или звезда.
Пространство как бы пасть разверзло,
И ты в ней скрылась без следа.
И, опечаленный глубоко,
О нашей встречи светлом дне
Твержу невольно фразу Блока:
«Иль это только снится мне?»

29. VI

Вчера ездили в Керчь. Это заняло весь день — от завтрака до ужина. Были в Аджимушкайских каменоломнях. Смог бы я там выдержать хотя бы десять дней? По нынешнему своему состоянию — сомневаюсь. А они были там 170 дней. Страшно себе представить. Экскурсовод занималась главным образом патриотической декламацией, а тут надо было быть предельно строгой, сдержанной и четкой. Такие вещи не нуждаются в украшательстве.

10 вечера. В ООН голосовали резолюцию, осуждающую Израиль за агрессию в Ливане. 127 стран были «за», и только две «против» — США и сам Израиль. Они бесстыдно плюют на все, на всех.

Вспоминая былое, чуть не каждый день пишу по стихотворению. Обстановка располагает. Тут словно окружают тени былого. Сегодня:

Ты взгляд метнула: — Вот тот парень,
Что в море спас меня вчера.
Я так ему был благодарен!
Но зависть так была остра!
Зачем не я случился рядом!
Его ревниво отстраня,
Я б кинулся!.. И добрым взглядом
Ты б удостоила меня.
А он, герой, лежит на пляже,
Шагах в пятнадцати от нас.
И не подозревая даже,
Что две души вчера он спас.

Ахматова сказала: «из какого сора растут стихи…» Ну, не обязательно из «сора», совсем не обязательно.

30. VI, Коктебель

Не забыть бы… 28-го утром какой-то «голос» передавал, что Рейган пригласил Солженицына в Белый дом. А он ответил: я, мол, занят, попозже, когда вы перестанете быть президентом, и если тогда случится вам быть в Вермонте, заходите, я с удовольствием с вами побеседую. Слышимость была плохая, и, кажется, в его письме было еще вот что: как, мол, я могу припожаловать к вам в гости, если вы разрабатываете план выборочного уничтожения русского народа путем атомной бомбардировки. Комментировал это Владимир (?) Любарский. Возмущался тоном письма. Солж, мол, никак не поймет, что американская пресса находится в иных отношениях с Рейганом, чем советская с Брежневым. Кажется, раньше Р. приглашал к себе в Белый дом многих наших диссидентов, и все они, конечно, ринулись, а С. в этом коллективном мероприятии, конечно, принять участия не мог. В числе всего-то быдла — он! Что, говорит, хочет сказать Солженицын? Что американский президент пригласил диссидентов, чтобы скоротать время? Намекает, что Рейгана не переизберут? И т. д.

1. VII.82

Идут супруги Кныши — Ида и Георгий. Лет пять назад здесь была их дочь Ирина, которая интенсивно вращалась в нашем кругу, а когда появился взрослый сын Е. Астахова, тотчас переключилась на него. Однажды она попросила показать ей восход солнца, для чего следовало рано ее разбудить. Я показал ей восход. А вот вчера Кныши позвали нас в степь, чтобы показать нам заход солнца. И сегодня я написал стихи:

РАССВЕТ И ЗАКАТ
Иде и Ирине Кныш

Я знал двух женщин — дочь и мать —
В краю, поэтами воспетом,
Одну — тому назад лет пять,
Вторую… Впрочем, суть не в этом,
А в том, что с дочерью встречал
Я в том краю восходы солнца
И в пору ту не замечал,
Что есть и в чашах жизни донца.
А с матерью решил пойти
Закатом любоваться в горы.
Я пульс ей измерял в пути,
Все о давленье разговоры…
Но главное, что солнца круг,
Когда оно земли касалось
И уходило в землю, вдруг
Тем самым донцем показалось…

3. VII

Видит Бог, я не хотел столкновения с этим самодовольным тупицей К, терпеливо сносил его угнетающее всезнайство, хвастовство и прущий из него национализм. И все-таки случилось. Сейчас перед завтраком пошел купаться и встретил его на пляже. Вздумалось прочитать ему:

Живу два срока в Коктебеле,
Почти полпуда соли съел.
И мне тут все осто. ели,
И я тут всем осто. ел.
А он в ответ вдруг выдает такое:
Вокруг Московского Кремля,
Куда ни глянешь, только бля!

Я не успел ничего ответить, он ушел. В столовой они сидят сзади нас, и когда пришли, я спросил его:

— Это чьи же ты мне стихи читал — батьки Махно, Бандеры или свои?

Он заморгал глазами:

— Это фольклор.

— А ты такой фольклор слышал:

Прекрасный древний город Львов
Стал стольным градом медных лбов?

— Ну зачем ты так о советском городе! (Они там живут.)

— А как же ты мне, русскому человеку, москвичу, читаешь такие бандеровские гнусности?

— Значит, я бандеровец?

— Стихи бандеровские.

Я при этом был довольно взвинчен. Его Ида пыталась шутить: «Володя хочет вызвать тебя на дуэль». Ко всему разговору прислушивалась жена В. Гусева за соседним столиком…

Ах, какая вчера была игра на мировом чемпионате по футболу! Бразилия — Италия. Бразильцы без конца трезвонили, что чемпионами будут они. И действительно, все игры, кажется, четыре, они выиграли. Наши холуйские комментаторы по спорту называли их не иначе как «гранды футбола». И вот вчера итальянцы вышибли их из игры! Итальянцы превзошли «грандов» во всем. И в счете все время вели, а «гранды» только отыгрывались: 1:0; 1:1; 2:1; 2:2 и, наконец, 3:2! Победа! Какой-то горбун кричал «Viva Italia!» Я вопил «Да здравствует Гарибальди!» Когда бьют самодовольных хвастунов — будь это романист Окуджава, пародист Иванов, критик Суровцев или бразильские футболисты, — это всегда отрадно и полезно!

19. VII, Москва. 2 часа

Сейчас читал у Бондарева в его «Выборе» о том, как главному герою померещился телефонный звонок — будто бы позвонил отец, который в эту пору уже умер. И вдруг в самый этот момент звонит мой телефон: молодой женский голос спрашивает Сережу. То есть там — звонок с того света, а здесь — звонок на тот свет…

23. VII, пятница. Москва

Катя уехала на три дня к Лене Соловьевой на дачу. Мы с Таней одни. Сегодня за завтраком зашел разговор о М-вых: Миша

(это в его-то 60 с лишним лет!) завел на работе (больше нигде найти не мог!) молодую возлюбленную. И дело приняло серьезный оборот она то ли должна родить, то ли уже родила. И все это стало достоянием всего издательства «Художественная литература». Жена с дочерью оставили его, поехали к матери и теперь живут у нее. Но об этом обо всем мы уже говорили еще в Коктебеле. А тут разговор шел главным образом о его возлюбленной. Как молодая девица могла на это пойти? Тем более — в одном издательстве! И Таня сказала, что совсем не хотела бы возвращения первой молодости, теперь, мол, так все ясно и определенно, а тогда — неизвестность, смута и каждый хочет затащить в постель, и все время приходится быть начеку и отбиваться. Действительно, она ведь в двадцать лет, да и позже, была очень хорошенькой, и, видно, ей дремать не приходилось. Собственно, и я не хотел бы возвращения первой молодости, когда так много было мучительного, смутного, тоскливого. Я, пожалуй, хотел бы сохранить нынешний возраст, разве что внеся кое-какие незначительные физические поправки вроде зубов. Или вот — хуже стал переносить алкоголь, труднее стало плыть к берегу в море. Но это же — пустяки.

4. VIII.82

Сегодня в двенадцатом часу был в «Москве» у Алексеева. Он рассказал, что говорил о моей работе на самом высшем уровне — с самим Андроповым. Он сказал, что Солженицын — это «дохлая собака». Обычное наше тупоумие. Они всегда недооценивали его и не могли понять. Договорились, что я еще от своего имени обращусь к нему. Алексеев всей душой «за», но я думаю, что рукопись мою он не прочитал — во всяком случае, до конца. Да, говорит, ты такой писатель, что печатать тебя интересно, но — трудно. Я в конце сказал: «Давай пощекочем Б.». Нет, говорит, не надо. Суровцева я могу, а его не надо. Я хочу, а он при всех его регалиях — боится. Всего-то лишь пощекотать…

12. VIII

Дни позора и бессилия. На глазах всего мира израильские фашисты уничтожают Бейрут с его детьми и женщинами, а весь мир смотрит, возмущается — и ничего не делает! Да ведь это же как в 30-е годы, когда Гитлер делал что хотел, а весь мир только ахал. Но там хоть была большая и сильная держава, а здесь — маленький душегуб, наглый покровительством американцев. Выходит, что на поверку ООН так же беспомощна, как Лига Наций.

25. VIII

Сегодня около 8 утра по «Радио Канады» выступал шеф «ИМКА-ПРЕСС» Никита Струве. Сказал, что издали 9 томов ПСС Солженицына, будет издано еще 9, а потом — цикл романов об Октябрьской революции. Мамочка родная, да кто это читать будет?

* * *

Б. Сарнов в книге о Солженицыне (2012) рассказал, как великий Исаич препирался и крохоборничал с этим Струве из-за гонораров, как хотели облапошить друг друга. Но жидок Струве против Солжа, тот своего не упустил. А позже этому Струве наш Путин дал Государственную премию. За что? За издание драгоценного титана.

Сейчас вдовица титана ратует за увеличение часов преподавания литературы в школе. И это притом, что в программу внедрили насквозь лживый «Архипелаг» ее покойного супруга. Вот и сказала бы: уберите эту хренотень!.. Куда там!

27. VIII. Москва

Если в отношениях между мужчиной и женщиной нет «игры» или, как ныне стали говорить, «составляющей», то их общение подобно купанию в море на резиновом матраце — скучно, неинтересно. Пушкин сказал об этом так

Где нет любви, там нет веселья.

2. IX.82

Сегодня приснился маршал Рокоссовский. Это, конечно, от обильного чтения военной литературы. И его воспоминания «Солдатский долг» читал недавно — то, что относится к событиям войны до 5.XII.41. Будто иду я слева от него, поднимаемся на какой-то бугор, и я спрашиваю его, почему он начал войну лишь генерал-майором. Он отвечает, что до войны сидел и что будто с июля 42-го по июль 43-го тоже сидел. Вот и все. Сон был короткий, как видение.

Читаю сейчас, как всегда, сразу несколько книг Симонова «Разные дни войны» (дневники, очень интересно!), Бондарева «Горячий снег» и «Страницы дипломатической истории» В. Бережкова.

Сегодня еще читал «Живые и мертвые» Симонова, чтобы сопоставить, как он и Бондарев описывают 16 октября 41 года в Москве. У Симонова о той трагической поре достойнее. Я знал в

Малеевке его мать, княжну Оболенскую.

Какой сегодня день! Две вести о смерти: умерла Розия Фаизова и мать Алимовой — две татарки. Да еще сообщение в газетах о смерти Гомулки. Розия все собиралась написать в Кремль гневную анонимку.

Я отговорил: найдут. Она недоумевала: как? Да у них разработана целая технология.

3. IX. 82. 3.15

Сейчас ходил гулять в парк (сыро, но надо) и среди прочего думал вот о чем. На днях в «Правде» была большая статья Юрия Грибова, давнего мастера жанра «О людях хороших», о двухтомнике Юлии Друниной. В 45-м году она стала известна своим стихотворением:

> Я только раз видала рукопашный.
> Раз наяву и тысячу во сне.
> Кто говорит, что на войне не страшно,
> Тот ничего не знает о войне.

Сейчас, судя по цитате Грибова, она переделала так «Раз наяву и сотни раз во сне». Вот когда переделает на «много раз» или «а сколько раз», тогда и будет полная правда.

Но дело не в этом, а в том, кого это стихотв. имеет в виду? Ни на войне, ни после я не встречал человека, который говорил бы, что на войне не страшно. Ну если не считать уж вовсе дураков.

И суть стихотворения выражается двумя словами: «На войне страшно». Спасибо за такую новость. Ее воспитательную роль трудно переоценить.

* * *

Я был не прав. Ахматова в 42-м году в Ташкенте, где не свистели пули и не горели дома, написала:

> Не страшно под пулями мертвыми лечь,
> Не горько остаться без крова…

И думаю, что сандружинница Друнина ответила именно Ахматовой на эти строки. Тут уместнее было бы, например, так

Мы можем под пулями мертвыми лечь,
Мы можем остаться без крова,
Но…

5. IX.Москва

Болит у меня сердце за Катю. Она стала высокой, а держаться не умеет, сутулится, иногда неряшлива в одежде. Такой королевский рост, говорю я ей, требует королевской осанки. А она не слушает!

Вчера ходили с Таней гулять в парк, гуляли около двух часов. А Катя была на дне рождения у Грампика. Девчонки-одноклассницы зовут его Грампузя. Не думаю, что это ему нравится. А я зову — Грампулино. И это ему явно по душе.

9 сентября

Послал С. Островому письмецо, не выдержал.

«Дорогой Сергей Григорьевич!

Твое стихотворение «Они так быстры», напечатанное не так давно в «Правде», озадачило меня.

Ты с великой страстью убеждаешь кого-то:

Не говори мне «малая река»!

Само слово «малая» приводит тебя в неистовство, и ты пытаешься опровергнуть его:

Река, она и есть река. Любая.

Действительно, любая река имеет право называться рекой.

Над нею те же ходят облака,
Зеленая она иль голубая.
И тот же ветер — некий чародей(?) —
Волшебничает(?) с легкою водою.

Все верно, хотя и не совсем понятно, как ветер волшебничает с водой. Только ты ничего не доказал. Над всеми реками ходят облака, с каждой из них «вошебничает» ветер, но все-таки реки разные, в частности, одни — большие или даже великие, другие — малые. Но ты продолжаешь гнуть свое, приводишь доводы

совершенно неуместные:

Нет малых рек Все реки для людей.

Да, для людей. Но по одной ходят пароходы, а по другой можно только на лодочке. Неужели не замечал?

Невозможно понять причину твоего негодования против слова «малый». Оно противоречит не только здравому смыслу, но и всей традиции нашей литературы. Она вовсе не чурается этого слова, наоборот, и народная литература, фольклор, и письменная как раз часто подчеркивают, что герой мал, невзрачен, неказист, но совершает важные дела, представляют собой великую ценность. Вспомни пословицы и поговорки: «Мал, да удал», «Мал золотник, да дорог». Вспомни капитана Тушина и Толстого или Тюлина в рассказе Короленко «Река играет». Небольшого роста, неказисты, а какие молодцы!

Люди могут быть невелики ростом, но велики духом. Так же и с реками: и на малой реке может произойти великое событие, например, на Непрядве, которую я знаю с детства, произошла Куликовская битва, на Угре — знаменитое «стояние» русских и татар.

Ты ломишься в открытые настежь ворота, доказываешь то, о чем никто не спорит, и твоя ненависть к слову «малая» заводит тебя в дебри напыщенной декламации. В сущности, это даже очень недемократично. Вспомни Маяковского:

Если в партию сгрудились малые,
сдайся, враг, замри и ляг!

От ложной исходной мысли все стихотв. получилось натужным. Крикливым и смешным. Зачем тебе это на восьмом десятке? Ты ведь умеешь лучше.

Если я тебя не убедил, то давай и дальше в этом духе:

Не говори мне «малая земля».
Земля, она и есть земля. Любая.

Будь здоров!»

14. IX, 10 вечера

Сейчас по телевидению услышал слова Циолковского: «Я всю жизнь занимался тем, что не приносило мне ни хлеба, ни силы».

Я воскликнул: «Это же обо мне!»

Я предельно аккуратен и даже педантичен в выполнении замысла, но в то же время предельно безрассуден в самом замысле. Четыре года писал книгу о Солженицыне, и ведь ясно же было, что никто ее не напечатает. Сейчас пишу (с тех пор, как вернулся из Коктебеля, с 10-х чисел июля) статью о Б. — и ясно же опять, что никто ее не возьмет. Но что делать — ведь не могу иначе!

20. IX

Ну и денек сегодня выпал!

Вчера поминали Валикова у него дома в поселке Правда. Год — как один вздох. Из наших литинститутцев были Коля Войткевич, Кафанов да я. А еще Игорь Крохин, который очень скоро напился и уснул в другой комнате. Еще какой-то Сергей, знакомый в лицо, стихотворец. Какой-то Петя из «Современника», видно, славный парень. Были Аллочка и Светлана из Совписа, вернее, Аллочка-то теперь (вот уже три года) работает в Детгизе. Был его отец, маленький, аккуратный старичок Герман совсем на него не похож Я перебрал и обратно всю дорогу до станции амурничал с этой озорной гигантшей Аллочкой. Много болтал и шумел, как за столом, так и в электричке. Как от этого отучиться?

Много неожиданного узнал о Германе. Любил он жизнь и любил работать руками. Делал шпаги! Их у него штук 15. И как сделаны!

Тамара и девочки были рады, что мы пришли. Я подарил им своего «Генерала». Пришел домой около двенадцати.

Каверзнев показывал сейчас по ТВ репортаж из Бейрута. О Господи! Как это можно терпеть? Этот фашизм еще омерзительнее, чем арийский. В двух лагерях Западного Бейрута они уничтожили более 1800 безоружных людей, хотя была договоренность, что они не войдут в Зап. Бейрут и не тронут там палестинцев. И все это на глазах всего мира, весь мир видит это по телевидению — и никто ничего не может сделать! Какой позор беспомощности. Ведь совершенно такая же безнаказанность, как у Гитлера. Как и сейчас, мир возмущался и протестовал, а он делал свое дело. ООН такая же беспомощная говорильня, как была Лига Наций. Неужели все так и сойдет Бегину и остальным?

22. IX

Через два часа уезжаю опять в Коктебель.

24. IX, Коктебель

Вчера с Фаиком Мамедовым заявились в Коктебель. Я

поселился, как в прошлом году, в 15-й кв. 19-го корпуса. Роскошно! Большая комната и такая же веранда, где я сегодня ночью и спал. Море — такого не было в июне — июле, 20–22 градуса.

Только что смотрел по телевидению похороны И. Х. Баграмяна.

Плывут похоронные марши
В столице нашей страны.
Умер последний маршал
Отечественной войны.

26. IX, Коктебель

Заметил за собой печальную новость. Раньше, как бы я ни был пьян, всегда наутро помнил все, что было. А вот на поминках Германа, после того как Алла и Кафанов вышли из вагона метро на пл. Дзержинского, — дальше ничего не помню: как сделал пересадку в центре, как доехал до «Аэропорта», как шел по улице, как пришел домой, умылся, лег спать — ничего! Проснулся на Таниной кровати. Вот и здесь позавчера. Собрались отметить встречу: Селезнев, Фаик и я. Селезнев принес бутылку «Русской». Ну и хватит же. Нет! Когда ее допили, он заставил вынуть из холодильника еще и четвертинку (гр.300) разведенного спирта, что принес Фаик И все бы ничего, но, во-первых, я проснулся ночью около четырех и больше путем уже не спал; во-вторых, многое не мог вспомнить, в частности, никак не мог вспомнить, отправил я письмо О. Кр. или нет. Днем на пляже Лера сказала, что своими глазами видела, как я бросил его в ящик на почте. Нельзя же так! 3–4 рюмки в нашем возрасте вполне достаточно.

27. IX.

Вчера водил на могилу Волошина трех молодых дам: Леру, Галину Федоровну и Миру. Все было хорошо, если не считать, что Лера на обратном пути прыгнула через ручей и шлепнулась. Правда, благополучно, только немного перепачкала свои изящные черные брюки и еще более изящный светло-коричневый кожаный пиджачок Я обратил на нее внимание (живому человеку нельзя было не обратить!) еще в автобусе, когда ехали из Феодосии в Коктебель, и я стоял в проходе лицом к большинству пассажиров. «Какая красивая еврейка!» — подумал я. Вот, наверное, о такой Куприн написал замечательный рассказ «Жидовка». Она нелегко переносила дорогу и то принимала какие-то таблетки, то утомленно закрывала светло-серые глаза, делаясь еще красивее. 24-го, когда этот убивец Селезнев напоил нас, я вечером долго

гулял со всеми тремя этими дамами.

В тот вечер звонили мы в Москву, и не помню почему, Лера вдруг сказала мне, что у нее 17-летний сын. «Как? — удивился я. — Неужели вы хотите сказать, что вам под сорок?» — «Ровно сорок». Право, я думал, не больше двадцати восьми. Из разговора дальнейшего стало ясно, что не замужем. Я не люблю расспрашивать женщин. В них всегда должна быть тайна, хоть какая-нибудь. Видел, что она красива, и больше ничего знать не хотелось. Но когда мы спускались, обогнав остальных, с горы Волошина, я вдруг понял, что она очень не глупа, и добра, и проста, и душевна. Но и говорлива. Чтобы остановить ее словоизвержение, я прочитал ей стихи Степана Щипачева:

Мне твои глаза забыть едва ли, У евреек, кто-то мне сказал, Лишь в глубокой древности бывали Серые, как у тебя, глаза.

Она сказала: «Если меня как следует умыть (она красится), то видно будет, что у меня обыкновенное русское лицо»: мать у нее русская. Это она сказала в ответ на мои слова, что гены отца (он у нее погиб в 45-м на фронте) возобладали над генами матери.

Сейчас купил две бутылки «Столичной» (по 6.40), бутылку коньяка (4 звездочки — 11 р.), кусок сала (1.40), килограмм груш «Бере» (2.50), кабачковой икры банку (47 к). А до этого в первый день купил 3,5 кг слив, 1 кг недозрелых груш, 1 кг яблок (плохих), килограмма четыре винограда (2 — по рублю на рынке, 2 — по 65 к в магазине), 1 кг мелких помидор — 50 к, 1 баночку меда — 2.10. Ну, еще воды минеральной 2 бутылки. В итоге осталось на сегодня 193 рэ.

30. IX, четверг. Вера, Надежда, Любовь и мать их София

Вчера я обмывал свои «Эоловы арфы», один экземпляр которых выцарапал в «Современнике» накануне отъезда сюда, 21-го. Пригласил Мишу Селезнева, Леру, Фаика, конечно, а остальные, как теперь соображаю, были приглашены по его настоянию: Оксана Петровна и чета Вороновых. Коля, как всегда, был в своем репертуаре говоруна-всезнайки, но нашел-таки время, поднимая тост за меня, что-то сказать о моей «самости» и т. п. Селезнев прочитал стишок-посвящение. Что-то лестное говорил и Фаик Я сказал Лере «Мы увидели с вами друг друга в автобусе из Феодосии в Коктебель. Думали ли вы тогда, 23-го, что 29-го будете со мной пить коньяк?» И она, не обижаясь, тотчас ответила: «Думала. Знала». Какая прелесть! Я переспросил: «Даже знала?» — «Да, знала».

О.П. пела под гитару, и получилось очень славно. Выпили бутылку «Столичной» и бутылку коньяка. На семерых немного. Разошлись в начале одиннадцатого (с 7.15). Потом мы с Лерой

бродили около часа, даже больше, по парку. Верный своему принципу, я ничего у нее не расспрашивал, но она все рассказала сама. В 65–72 гг. жила с мужем в ГДР. Через год-полтора после возвращения они развелись. Затем девять лет до самого недавнего времени у нее тянулся роман с женатым человеком. Он собирался уехать за границу. Она готова была последовать за ним, вернее, за его семьей. Он говорил, что не может без нее жить, но и семью оставить не может. За границу почему-то не уехал. И вот она, наконец, решила с ним порвать. Три месяца назад она пошла с кем-то в кино (познакомили), и после зашли к ней домой. Вдруг является тот, с девятилетним стажем (у него был свой ключ от ее квартиры), обругал ее, ударил (тут я сказал: «На этом мы и остановимся») и, разгневанный, ушел.

И вот ее мучит, что прошло три месяца, а он не звонит, не извиняется. Видно, она все еще любит его.

У нее холодная неуютная комната. Я полушутя говорил ей: «Могу сдать вам свой балкон. И дам подписку о дипломатическом иммунитете, и поклянусь…» Она сказала: «И тут же нарушите клятву». Я рассмеялся. Нет, она, право, очень не глупа и мила. У нее довольно крупные, теплые и красивые руки.

1. X.82

Сегодня мне много снилось, но запомнил только одно: будто вручили мне Звезду Героя Соцтруда, но я удивляюсь, что она не золотая, а серебряная. Прицепил я ее и думаю, что сейчас же сяду писать заявление насчет квартиры: «От Героя Соцтруда В. С. Бушина». Вот, думаю, все удивятся. А за что дали? За мои «Эоловы арфы». Потом пригляделся: серебро-то лишь обертка, я ее снял, а под ней — золото. И ужасно все это мне, подлецу, приятно. Уж так жаль было, когда проснулся!

Воронов вчера рассказал (он с женой сидит с нами за столом), что кто-то подошел к нему и спрашивает: «Как фамилия Бушина?» — «Бушин». — «Нет, это псевдоним. А настоящая фамилия?»

2. X

У нас в классе, насколько могу вспомнить, было 14 мальчишек, а вот какова их судьба (перечисляю, как сидели на партах, считая ряд у окна первым):

Вадим Тарханов — контужен.

Борис Федоров — ранен, кажется.

Шведов Юра — на войне вроде не был.

Прохоров Коля — вернулся без ноги.

Шумейкин Коля — на фронте не был.

Рассохин Коля — ранение в живот.
Давыдов Лева — убит.
Андрусов Валя — убит.
Моисеев Гриша — убит.
Фридрих Бук — убит.
Федотов Толя — убит.
Гиндин Леня — убит.
Иноземцев Володя — кажется, ранен.
Афонин Коля — кажется, убит.

То есть из 14 бывших на войне 7 убиты. 50 процентов! Цифра ужасающая.

Селезнев сегодня сказал мне, что в их классе (в Днепропетровске) было 11 ребят, на фронт попали 6, убиты 2, т. е. 33 %, и это, конечно, ужасно.

3. X

Чудеса в решете! Сейчас около автостанции встретил Светлану Гусеву. Увидел ее, лицо страшно знакомое, а кто — не могу вспомнить. Подошел, поздоровался, разговариваем, а не знаю — кто. От неожиданности даже заговорили на «вы». Она только сегодня приехала, живет в пансионате «Голубой залив». Мы познакомились с ней в октябре или ноябре 76-го года в Гаграх.

А теперь вернусь к вчерашним процентам. Проценты страшные. Но вот некоторые любят их повторять. В августовском номере «Юности» напечатано интервью с Бондаревым. Он сказал, что из нашего поколения 20-х годов, из тех, кто попал на фронт, осталось в живых 3 %!

* * *

Позже я спрашивал Бондарева, откуда он взял эту цифру. Я, говорит, у генералов интересовался. Да какой генерал подсчитывал свои потери по возрастам! Вот по национальности уже гораздо позже дали сведения, а это…

Погибло русских 5.747,1 тыс.(66,3 % общих потерь), украинцев — 1.376,5 тыс. (15,9 %), белорусов — 251, 4 тыс. (2,9 %), татар — 188,3 тыс. (2,2 %), евреев — 138,7 тыс. (1,6 %) и т. д. (Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Воениздат. 2005. Стр. 253).

4. X, Коктебель

Многие люди видят лишь первый, лишь поверхностный слой

жизни, а проникнуть в глубину явления у них не хватает зоркости, поэтому их усилия часто оказываются бесплодными, а то и вредными. Вот лишь три примера из разных областей.

Вся наша пресса, а часто и весьма известные писатели весьма рьяно выступают за бережливое отношение к хлебу. М. Алексеев, Евг. Носов, С. Викулов без конца пишут об этом то в прозе, то в стихах. Взывают: «Как дорога была корочка хлеба в годы войны!..» и т. п. Но все это бесполезно. Никого сейчас не заставишь жить по меркам военного времени, никого не уговоришь есть черствый хлеб. Жизнь стала динамичной. Люди ездят, ходят в гости и т. п. Это ведет к лишним покупкам хлеба. Люди выбрасывают черствый хлеб. И правильно делают, вернее, у них нет другого выхода. Проблема состоит не в том, чтобы дрожать над каждой корочкой, а в том, чтобы организовать в масштабе всей страны сбор пищевых отходов, — это и есть фундаментальный второй слой, за что и надо бороться, а не разводить сентиментальные нюни о корочке военного времени.

Второй пример. Иные фронтовики ужасно преувеличивают наши боевые потери на войне. Они именно в таких потерях видят героизм. И не соображают, что помогает здесь Солоухину, Астафьеву и всем, кто твердит, будто мы задавили немцев массой, что мы шли вперед, не считаясь с потерями. Да, этого второго лживого слоя они не видят.

Третий. Фаик Мамедов, как и многие другие, считая себя врагами сионизма, без устали твердят о еврейском засилье. Да, оно, бесспорно, во многих сферах жизни есть. Но вот это! Фаик относит к евреям Паустовского, Симонова, Катаева, Ан. Карпова, Игоря Моисеева, даже Исаковский для него сомнителен, Николая Озерова (да будь он хоть японцем!) и т. д. И опять не видит он (а таких ныне прорва!) второго слоя — что эта пропаганда в ущерб русским. И не задумываются. И когда им возражаешь, требуешь доказательств, объявляют тебя наивным человеком, обижаются. Ужас!

* * *

Что взять с Фаика Мамедова или с Байгушева! Но вот известный, образованнейший человек П. И то же самое! Аж до Ромена Роллана и до Черчилля добрался. Устав отбиваться от него, я однажды сказал «Да ведь у тебя у самого первая жена была еврейка» — «Нет! — вскинулся он. — Полуеврейка». Я со смехом ответил фразой, услышанной в какой-то передаче телевидения: «Полуевреев не бывает».

Что там «полу»! М. Лобанов в беседе с В. Бондаренко процитировал Мандельштама: «Капля еврейской крови определяет личность человека подобно тому, как капля мускуса заполняет ароматом большую комнату» *(В. Бон.* Красный лик патриотизма. 2002. с.174). Вот и вдыхаем сей аромат…

4. X

Я обедаю раньше и, дождавшись, когда уйдет Мих Лев, сидящий против нее, иду и сажусь на его место.

— Ну, какие новости в жизни миллионеров?

— Почему миллионеров?

— На вас же драгоценностей на полмиллиона. Ей это не понравилось.

— Как хорошо бы сидеть сейчас на диване, пить коньяк и слушать ваши рассказы о жизни миллионеров. Я брал бы ваши теплые русские руки и смотрел бы в ваши серые еврейские глаза, шепча стихи Блока:

И странной близостью окованный,
Смотрю за темную вуаль
И вижу берег очарованный,
И очарованную даль…

Она смеется:

— Вы еще не раз проклянете тот автобус. И чем дальше, тем вам будет хуже.

Это, пожалуй, уже промашка с ее стороны.

23.10. После обеда ходили с Фаиком по поселку. Зашли в аптеку. Я купил грелку. После ужина нагрел кипятильником чайник, налил грелку кипятком и отнес Лере. У нее холодно в комнате. Пусть погреется, бедняжка.

6. X

Раньше было так всходил на престол новый царь, и начиналось новое царствование. Оно во многих отношениях не несло ответственности за предшествующее царствование, у молодого (нового) царя во многих отношениях руки были развязаны. Это было разумно и целесообразно. Особенно плодотворно — для литературы критического направления. Видя какие-либо мерзости жизни, автору стоило намекнуть, что это было, дескать, когда-то (как Достоевский в «Мертвом доме»), как такой намек облегчал возможность публикации. Малограмотный Никишка попытался начать «новое царствование», т. е. продолжить стародавнюю традицию, но сделал это коряво, несуразно, вредно для страны, и не приходится жалеть о том, что инерция системы его задавила. Да, у нас еще ни разу не было «нового царствования». Наши руководители всегда чувствовали себя ответственными и обязанными за всю нашу историю. В 1982 году они не могут решиться признать какие-нибудь глупости или преступления, совершенные от имени советской власти в 1917–18-м годах. Этим объясняется, например, что 60 лет у нас не издают Н. Гумилева.

8. X

Съездил в Алушту к Павлову. О, это было нечто! Вся поездка заняла около 45 часов: позавчера выехал из Коктебеля на автобусе «Турист» в 16.10, возвратился сегодня в 12.30. Раскладка времени такова: в автобусе до Алушты 4,5 часа + обратно 5 часов = 9,5 часа. В постели в первую ночь 8 часов + во вторую 7 = 15 часов (из них спал не больше 5–6). Остальные — пребывание на пасеке, прогулка по городу и т. д. Спать было невозможно из-за ухабистой постели, шумов рано утром за окном, раннего писка 4-летней Марины и 1,5-годовалого Кости (я его прозвал «Костик-мамин хвостик»). Зачем он меня приглашал! Ведь в трех маленьких комнатках тесной квартирки их 8 человек сам, Лора, Наташа, ее муж, двое детей и еще какая-то родственница.

Но много и отрадного. Дорога из Алушты (туда большую часть ехали в темноте, и я любовался низкими звездами). Пасека, на которой мы пробыли часа два, и я впервые в жизни разглядел пчел, которых не видел со времен детства — у деда было ведь несколько ульев на задворках. И было еще вот что. Я спросил у отца Алексея, у Бориса Алексеевича (мать — Елизавета Константиновна), есть ли у пчел враги, много ли их. Он ответил: «Отсюда до Москвы раком не переставишь». Ради одной этой фразы стоило ехать и мучиться.

Отец у него мужик незаурядный. 80 лет, но еще крепок,

только вот зрение подводит. Алексей сказал, что мать ему как-то заметила: «Если я умру (ей тоже 80), то он другую приведет». И Алексей говорит, что у него есть кого привести. О, бремя страстей человеческих!

Воронов сказал за обедом: «Эта женщина в твое отсутствие даже не улыбалась». Наблюдал! А когда я вышел из столовой и мы с Фаиком стояли у входа, о чем-то разговаривая, она прошла в столовую, сопровождаемая, видимо, из какой-то прогулки Мих Левом, ее соседом по столу (сидит напротив), который явно к ней неравнодушен. Она улыбнулась мне и сверкнула своей великолепной загорелой спиной, которая здесь привела в восторг какого-то художника (по словам все того же универсально осведомленного Воронова).

9. X

Лежу весь день в постели: со вчерашнего обеда скорблю животом. Между прочим, во время всех поездок к Павлову меня постигают некие кризисно-стрессовые ситуации. Когда-то во Львове, куда я приехал, чтобы написать для «Красной звезды» о тамошнем военном театре, мы пошли с его дочкой Наташей (ей, видимо, было тогда лет 12) в этот театр, и там во время спектакля мне сделалось плохо, я вышел в фойе и лег на диван, домой меня доставили на «скорой помощи». То ли это повлиял какой-то львовский микроклимат (о нем говорят), то ли Павловы перекормили меня, кажется, рыбой. В 79-м году, когда мы были у Алексея уже в Алуште, в тамошнем парке мы с Катей катались на каком-то круговом аттракционе, и это оказалось так неожиданно страшно, что я чуть не закричал «Остановите!». Ну, и вот теперь.

Приходила Лера. Рассказала мне, в сущности, всю свою жизнь. Зачем? Я и не хотел бы знать о ней так много, хотя ничего дурного в ее жизни, вроде, и не было. Интересно наблюдать, как с течением времени она все больше и больше выдает «информации», которую вначале держала при себе. Сегодня вдруг появился какой-то Боря, который «хочет сделать из меня стерву». Он ей, конечно, явно не во всем по душе. Просидела часа два.

10. X, 7.30 утра

Входишь в комнату. Наружная ее стена, почти целиком застекленная, выходит на балкон, за которым — прекрасный сад, сквозь ветви деревьев проглядывает море. На постели лежит человек, ему нездоровится. Он лежит головой к саду и морю, он смотрит в глухую стену — и сразу видно, что дурак и что выздоровеет не скоро. Недолго таким дуракам в такой комнате был я, но скоро опомнился и перевернулся лицом к саду, и дело

пошло на поправку. Этому наверняка способствовало и то, что вчера в моей комнате побывало пять очень приятных и привлекательных женщин: медсестра Лиля, молдаваночка, которую я знаю здесь уже несколько лет; Фаик уверяет, что она еще и теперь при всех своих соблазнах. Официантка Галя — еще года два-три назад, когда она надевала голубую кофточку, я любовался ею. Светлана — принесла книгу моих переводов стихов Мусаева, кое-что ей понравилось. Она была в красной кофточке, уже загорела лицом, а когда вставала со стула, нельзя было не обратить внимание на ее крепкие, приятной формы ноги… О, горгоны и медузы!.. А Коля Глазков говорил:

Женщины — народ коварный,
Но — очаровательный.

Затем пришла Оксана Петровна Базук Послушала меня, пощупала, посмотрела язык Нашла, что немного увеличена печень. Ну как же после всех этих визитов я мог не пойти на поправку!

Между прочим, это был целый интернационал: Лиля — молдаванка, Галя (она заходила в поисках заболевшего Баренца, чтобы накормить его) — украинка, Светлана — еврейка, Оксана Петровна — белоруска, Лера — ну, скажем для полноты набора, русская. Если уж и дальше идти по статистической стезе, то можно отметить, что самая молодая — Лера, ей сорок, самая старшая О.П. — 50, остальные в этом интервале. Что ж, по нынешним меркам — цветущие дамы.

2.20 ночи

Не спится. Эта чертова болезнь все нарушила. Я спал тут как сурок…

Я видел все твои обманы
Сквозь крупной лжи гремящий вал.
И мелких выдумок туманы
Всю истину я прозревал…

Вот написать бы рассказ. Встретились, допустим, на курорте или в поезде леди в районе сорока и джентльмены в районе пятидесяти. И все поначалу изображают из себя кутил, сердцеедов, прожигателей жизни. А к концу срока или поездки постепенно обнаруживается, что все они любят своих жен и мужей, скучают по дому и вполне добродетельны, и все это,

затеянное тут от безделья, совершенно ни к чему.

13. X, 23.30

Нет, она знала не все.

15. X

13-го Фаик затащил на день рождения к какому-то Диме из АПН, который женат на Вике (фамилию не помню, еврейка, похожая на бабу-ягу, но, видимо, довольно славный человек), я с ней когда-то работал в «ЛиЖи». Кроме был еще какой-то детский писатель Анатолий Иванович (?) Лентяев (?). Эти Дима и Толя очень быстро окосели и принялись наперебой трезвонить о своей 9-й ударной ордена Суворова и т. д. бригаде тяжелых минометов, о своих медалях «За отвагу» и т. д. Слушать их героический дуэт было довольно тягостно, и несколько притихли они только после того, как из своих настырных расспросов ошеломленно узнали, что я старше их обоих и даже воевал там же, где они (Кенигсберг). Потом забрали половину огромного арбуза, бутылку «Рислинга», что я принес, и пошли на улицу Десантников к фаиковской знакомой Наде. Та, конечно, была ошарашена при виде такой орды, но, слава Богу, долго у нее мы не задержались, спустились в этом же доме на первый этаж к Оксане Петровне. Та в папильотках, но была рада. От нее по черной дороге, через ямы, ручьи и спуски пошли ко мне. Здесь выпили по рюмке водки и отправились ужинать.

Вчера Танзиля рассказывала, что когда-то, лет, видимо, двадцать тому назад, была моей пылкой симпатизанткой. Вот уж не знал, вот уж не замечал, вот уж ни к чему. А перед этим она была у меня и часа два рассказывала, как Кайсын Кулиев обкрадывает ее. Например, эти отличные слова о том, что каждая пуля на войне летит в сердце матери (их в свой прошлый приезд цитировала в одной из своих речей Индира Ганди) принадлежат ей, а не Кайсыну. Ну и что? Гете говорил, что Вальтер Скотт переписал из его «Эгмонта» целую сцену, и правильно сделал, она у него пришлась очень к месту.

Были разговоры и, кажется, даже статьи о том, что песня «Священная война» («Вставая, страна огромная!») была написана еще в 1914 году, и Лебедев-Кумач с Александровым только подправили, подновили ее. Чепуха. Но если бы и так, то ведь главное, что тогда песня не прозвучала, не стала одной из реалий войны, а в 1941 году — в первый же день! И была гимном войны все ее годы.

Ярослав Смеляков еще в 45-м году писал в стихотворении о

матери:

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

* * *

Позвонил, наконец, домой. Поговорил с Катей. Как среди воплей содомитов услышал голос чистого ангела. Впрочем, ну, какие содомиты?

16. X

Через три часа уезжаю из Коктебеля. Кажется, еще никогда не проводил здесь время так неплодотворно. Только прочитал «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» Ю. Бондарева, кое-какие статьи и сделал выписки. Поддался я этому бездельнику Мамедову Ну, правда, и поездка в Алушту, и болезнь тоже отчасти помешали. Но ты не имеешь права бездельничать и искать этому оправдания. Работать, работать!

19. X, Москва

17-го вечером, около десяти, приехали с Фаиком в Москву. Последние три часа пути от Тулы нам скрасила, вернее, украсила 23-летняя студентка-медичка Люся, возвращавшаяся из Тулы, где живут ее родители, в московский институт. Тары-бары-растабары все три часа. В конце выяснилось, что вот уже второй год у нее есть друг, такой же студент, как и она, но женатый. Я, говорит, ему необходима, без меня он бы пропал. Результат благотворного влияния налицо: получал двойки, теперь — пятерки. Как же не постараться ради такого благородного дела и дальше. Замуж за него она не хочет, вообще пока не хочет. Хочет поехать на Сахалин, посмотреть мир и испытать себя. Интересная девушка. Много у нее вполне самостоятельных и очень твердых убеждений. Она читала «Суд» Ардаматского. Вернее, не читала, а держала в руках. Я обещал ей послать свою книженцию.

Из Коктебеля я привез 5 кг кизила, собранного в горах, 3 кг груш Бере, 4 кг синего лука (купил в Алуште на рынке по 1,5 р.), банку меда килограмма 3, рамку сотового меда (то и другое дал Алексей) и два ведра яблок (купил в Курске). Это сколько же получается килограммов? Да еще бутылка Новосветского

шампанского, бутылка дагестанского коньяка «КС» (подарок Танзили) и бутылка одесского коньяка, купленного сдуру в ресторане Харьковского вокзала за 18 р. Это, поди, пуда два наберется Никогда не бывало столько груза при возвращении втроем. А тут… Оттого что делать было нечего, и деньги шевелились.

Вчера Таня начала варить кизиловое варенье, сегодня Мария Михайловна доваривает. Вся квартира пропахла теплым запахом варенья. А за окном метет крупа. Ах, как хорошо!

25. X

Вчера Таня, Фаик и я ездили в Зеленоград к его приятелю Шахмамеду в гости. Он звал к 10 утра, кое-как удалось оттянуть до двенадцати. Но в час уже сели за стол, и началось! Сперва обычная московская выпивка и закуска, потом необыкновенной вкусноты суп, вроде нашего супа с пельменями, затем голубцы — обыкновенные и в виноградных листьях, шашлык, чай, после чая — еще и рыба! Ее я есть уже не смог. Вывалились около шести часов. Жена его по-русски не говорит, дочь и сын (совсем маленький) тоже, в Баку у них еще трое детей. Он учится в какой-то академии МВД и имеет слабость — пишет стихи. Я обещал одно перевести.

26. X, вторник

30 сентября еще в Коктебеле, на Веру, Надежду, Любовь, поздравляя знакомых обладательниц этих имен и пользуясь тем, что автомат работал без монет, я поздравил и Веру Лазаревну, кардиолога, с которой познакомились года три-четыре назад в Малеевке. И вот сегодня часов в 9 утра она вдруг звонит. Стала рассказывать о вчерашнем вечере в ЦДЛ, посвященном 90-летию Цветаевой. Я почему-то упомянул ее пациента Ник Вас. Рыжкова, и она передала такой разговор с ним. Спросила его:

— С Бушиным в Коктебеле общались?

— Мало.

— Почему? Он вам несимпатичен?

— Не очень. И вообще у нас мало точек соприкосновения.

— А вы попытались бы найти их на почве антисемитизма.

— Что вы! Ведь Бушин еврей, его настоящая фамилия Бушман.

Ну вот, еще один свихнувшийся. Одни считают меня евреем, другие — антисемитом в прямой зависимости от того, похвалил я еврея или поругал. Вера сказала, что с годами антисемитизм прет из него все больше и больше. Я сказал ей, что как же так, у него когда-то был сценарий «Еврей» апологетического свойства.

«Да, — ответила она, — но все это было давно, а теперь он просто антисемит». Допустим. Но еще не ясно, что она считает антисемитизмом. Вполне допускаю, что просто сказать о еврее, что он еврей, в ее глазах, как у многих из них, уже оголтелый антисемитизм.

Вчера похоронили Викт. Ал. Старикова, он умер 21-го. На похоронах я не был, т. к захворала Катя, и я до трех часов ждал врача. Но на поминки съездил. Обратно шли пешком с Тоней Буковской (из нашего подъезда), и я рассказал ей, как на поминках В. В. Полторацкого кто-то в духе черного юмора предложил выпить за следующего. Им оказался Стариков, который тоже выпил тогда.

На поминках поразили меня два человека, очень пожилых, тяжелых папаш, но оказалось, что один на год, а другой лет на 6–7 лет моложе меня. Неужели так выгляжу со стороны и я?

Два дня подряд много пил и ужасно переедал. Немного побаливает сердце. Впрочем, пил еще и в субботу — в ЦДЛовском ресторане с Ник Павл. Плевако и его милой племянницей Инночкой. Правда, всего лишь бутылку «Мукузани».

30. X

26-го было партсобрание, на котором свирепые евреи Вадим Соколов и Борщаговский требовали для Семанова высшей меры — исключения из партии. За что? Совершенно неясно. Он покупал и читал журнал «Вече», который издавал Анатолий Михайлович Иванов, я его знаю. Иванова выслали в Киров на 5 лет. Но что это был за журнал? Как он издавался? Где распространялся? Главное — что там писалось? Неизвестно. Но они требуют высшей меры! Вот так их отцы в 37-м требовали высшей меры для неугодных им лиц, в чем-то оплошавших. Какая свирепость! И наглость. И невежество. Соколов говорил: еще Яковлев, ответственный работник ЦК, когда-то (15 ноября 1972 г.) критиковал Семанова, еще Симонов (тоже в «Л.Г» 28 мая 78 г.) писал… Но Яковлева за эти статьи сняли с поста завотделом агитации и пропаганды ЦК (был и.о.), а статья Симонова комически нелепа!

31. X, 13.40

Только что ушел С. Семанов, просидел около часа. Рассказал свою историю в связи с делом А. М. Иванова… В сущности, страшная история. Остановлены все его публикации. Как будто это лютый враг. А Окуджава давал по французскому телевидению интервью Гладилину — это никого не интересует. Этот Гладилин недавно выступал на «Немецкой волне» в связи с сорокалетием

краснодонской «Молодой гвардии». Одни, говорит, утверждают, что это была группа молодежи, которая воровала картошку, а немцы действительно расстреливали за воровство. Другие говорят, что это были украинские националисты, боровшиеся и против Гитлера, и против Сталина. Да там большинство русских было! С чего бы им стать украинскими националистами? Но это, говорит, крайние точки зрения, которые мы рассматривать не будем. А тень бросил!

5. XI 82

Вчера было общее партийное собрание, и довольно интересное. Мы с О. Зобниным вышли выпить по 100 г коньяка, а в это время выступал Ю. Бондарев, которому возражал Павел Богданов, и было, говорят, довольно шумно. Потом мы вернулись. В конце выступал Ф. Кузнецов. Восхищался нашей идейно-политической зрелостью перед лицом «Метрополя». Ну, сколько можно! Но очень хорошо привел тогдашнее выступление Борщаговского (по стенограмме). Очевидно, не все поняли, что это был удар по его нынешнему живодерскому выступлению с требованием высшей меры для Семанова. А тогда он говорил о четкости, сложности, о человеческих судьбах и т. п.

Кузнецов сказал о «пушкинском таланте» Б. Ахмадулиной. Че деется! Ну, простительно Вознесенскому, который когда-то назвал ее Лермонтовым наших дней, а это же говорит первый секретарь!

После собрания поехал к Васильевым. Передал Ире 300 р. за памятник на могиле Сергея. Она выглядит вроде неплохо. Рецензирует какие-то книги или рукописи для «Молодой гвардии», там конкурс им. Николая Островского.

Зашел и к Ал-ре Дмитриевне. Ей 78 лет. Плоха старушка, но смеется, много рассказывает, как всегда…

7. XI.

Вчера ходил на день рождения Фоменки. Были его друзья Вл. Сорокин (Герой Советского Союза с 69 г.), Саня и Виктор, а еще его дочь Марина с мужем Володей и сын Женя. Старички были не всегда воздержанны на язык, смущали Марину и Женю, они даже выходили из комнаты. Домой пришел около трех. Таня встретила словами: «Где ты был, пьянчужка?» Сегодня тягостно и болит сердце, а это значит, совесть еще жива.

11. XI, 10.35

Что-то случилось. Вчера был День милиции, и по телевидению должны были передавать концерт в двух

отделениях. Его не было. Заменили фильмом «Человек с ружьем» без всякого объявления о замене. Сегодня была изменена вся программа радио. Сейчас передают только музыку. Когда умер Суслов, второй человек, ничего подобного не было. Может быть, только Брежнев или что-то в космосе.

Сейчас Гончаренко сказал по телефону, что о космосе утром передавали по радио. Выходит, что Брежнев.

Каковы могут быть последствия этого, предвидеть невозможно.

10.50. Сейчас обшарил весь эфир, передают только музыку.

10.55. Включил телевизор. Передают из консерватории. Кто-то играет на фортепиано, кажется, Шопена. Рихтер? Нет?

Заходила соседка Софья Павловна, сказала, что в 11 часов…

Брежнев! Только что передали одновременно по радио (на 3–5 секунд раньше) и по телевидению сообщение от Президиума Верховного Совета ЦК и Совмина. Сообщение очень короткое. (Объявляла об «Информационном сообщении» Светлана Жильцова, читал Кириллов.) Краткость сообщения, конечно, неспроста.

11.15. Когда Кириллов произносил слова «Леонид Ильич Брежнев», на экране появлялся его портрет со всеми пятью звездами и медалями. Как гуманист я должен сожалеть о смерти человека, но честно признаюсь: скорби нет в моей душе.

Зашел к соседу Льву Ефимовичу. «Да, да, ужасно!..» И, как всегда, довесок «Я слышал, что и Кириленко умер». Какое это имеет значение рядом с этим. Сейчас пойду в магазин, куплю пленки, заряжу аппарат и пойду на Красную площадь.

11.20. Умер вчера в 8.30. 26 с половиной часов соображали, что делать. Кто ж теперь будет руководить выполнением продовольственной программы?

1450. Захватив фотоаппарат и приемник (он был в чемоданчике включен), чтобы слышать сообщения, если они будут, я ринулся в город. В 12.30 жду поезда на нашей станции «Аэропорт», на скамье рядом со мной сидят три девицы, едят мороженое и смеются. Я не выдержал:

— Девушки, человек умер, а вы хохочете!

— Какой человек?

— Брежнев. А вы хохочете.

Они вроде не поверили, но смолкли. А в поезде продолжали есть мороженое и похохатывать.

В вагоне народу было много. Как всегда, в руках то там, то здесь виднелись книги.

Сошел на Маяковке. Заглянул в магазин телевизоров. Торговля идет как обычно. Купил батареек Зашел рядом в

фотомагазин. Купил пленку и тут же зарядил аппарат. Пошел пешком на Красную площадь, иногда делая снимки. Вход на площадь отсюда и со стороны Москвы-реки был перекрыт.

15.40. В три часа по радио и телевидению (Кириллов) передавали «Обращение к партии и народу», некролог «Л.И.Б.» и постановление об организации комиссии по организации похорон. Председатель — Ю. В. Андропов. Интересно, кто возглавлял комиссию по организации похорон Сталина? Не Хрущ?

Но вернусь к Красной площади. Во втором часу заграждения убрали, и народ ринулся к Мавзолею. Народу собралось с обоих концов довольно много. Сделал несколько снимков. Разговоры велись о том, кто же будет на его месте. Называют три фамилии: Андропов, Черненко и Романов.

Народ занят своими делами. Скорбных лиц я не видел. В третьем часу вернулся домой.

В опубликованных документах все традиционно, никаких свежих слов и новых веяний нет. Ну, оно и понятно. Суть обнаружит время.

13. XI, суббота

Вчера в 12 часов в Союзе писателей был траурный митинг. Собрали в Малом зале. Я опоздал минут на десять. Зал был полон, народ толпился у входа. Увидел Нину Сударушкину из библиотеки, она о чем-то беззаботно переговаривалась здесь у входа, с какими-то подружками. Я сказал, касаясь ее руки: «Что-то не вижу в вашем лице государственной печали». Она уж совсем рассмеялась и принялась изображать печаль.

Митинг открыл секретарь парткома В. Кочетков, а выступали, как ни странно, В. Амлинский и В. Гусев, а потом — уж это просто забавно — Юра Мельников и Наташка Дурова. Хитроумный Феликс сидел в президиуме, но не проронил ни слова.

Минут через десять Нина, ее не знакомая мне подружка и я отошли к телевизору и включили его. Она рассказала, что еще 10-го, когда я заходил в библиотеку и развлекал ее смешными рассказами об Островом (сейчас в последних известиях по радио выступал о Брежневе Ю. Бондарев и выдал весь полагающийся набор похвал и сожалений), она знала о смерти Б. «Что же вы не сказали?» — «Я думала, это очередная байка». Минут через 15 они с подругой ушли: «Работать надо». А мы пошли с О. Зобниным в нижний буфет, и он угостил меня парой чашечек кофе и бутербродом. А я взял 2 кг раков. Ада Ефимовна из Литфонда тоже была. Я сходил еще за пивом, мы заперлись в их комнате и, сказав «Король умер. Да здравствует король!», стали

пить пиво и есть раков. Объедение!

15. XI, 10.35

По телевидению идет последний репортаж о Брежневе. Сейчас давали Колонный зал. Андропов и другие члены Политбюро, кандидаты и секретари третий раз стояли в карауле и третий раз выражали сочувствие вдове. Когда это было в первый раз и Андропов обнимал левой рукой вдову за плечо, рука его, как мне показалось, дрожала. Волнение? Слабость? И то. и другое нежелательно. А, впрочем, что ж, ведь, в сущности, он тоже старик

Когда Сталин сменил (не по должности, а по существу) Ленина, ему только пошел 45-й год, и он был моложе предшественника на 9 лет. Хрущеву, сменившему Сталина, было 59 лет, и моложе он Сталина на 15 лет. Брежневу, когда он сменил Хрущева, подбиралось под 58, моложе Хрущева на 12,5 лет. А Андропову сейчас идет уже 69-й год, и он моложе предшественника лишь на 6,5 лет.

Итак 45–59 — 58 — 69

Или: 9 — 15–12,5–6,5

В первом ряду особенно удручает сопоставление последней цифры с двумя предпоследними. А во втором — сопоставление двух последних цифр.

На экране (я сижу на кухне около телевизора) — Красная площадь.

Избранию Андропова я рад. Очень не хотел и опасался загадочно-несимпатичной фигуры Черненко. Но, надо сказать, что по действиям КГБ выдающихся способностей его руководителя видно не было. Чего стоит одно то, что до последнего предела держались они за каждую диссидентскую душу и при этом нередко садились в лужу, как в случае с невесткой Сахарова, который добился для нее выезда голодовкой. Во-первых, голодовку можно было предвидеть. Во-вторых, какой смысл был в том, чтобы держать эту девицу и не пущать?

13.00. Вот и похоронили. Почти весь репортаж я записал на пленку. Очень радует, что никто из брежневских ставленников — ни Черненко, ни Тихонов, ни Кузнецов — слова на митинге не получили. Выступили после Андропова Устинов и акад. Александров. Это можно понимать как обещание силы, твердости в сочетании с интеллигентностью. Это радует, как и то, что в Колонном зале был патриарх Пимен.

Андропов производит впечатление непосредственного человека. Перед началом речи, обнажив голову, он сказал рядом стоявшему Тихонову: «Подержи шапку». А потом, уже после

погребения, когда стояли в три ряда и Черненко оказался во втором, он как-то очень простецки поманил его опущенной вниз рукой, давай, мол.

16. XI

Еще ходят упорные слухи, что умер А. Я. Пельше, застрелился Кириленко. Ничего удивительного. Первому 82 года, а второй ровесник Брежнева (с 1906 г.), и у него, говорят, удрал за границу сын.

В выдвижении и назначении людей на посты Брежнев думал не о государстве, не о будущем, а только о себе и жил одним днем. У него было два критерия: продвигать своих (днепропетровско-молдавских), которые постарше. Он преследовал при этом две цели: окружить себя верными холуями и не выделяться на их фоне своей старостью. Чего стоило одно только назначение вместо 76-летнего Косыгина 75-летнего Тихонова, видимо, уж совершенно карманного деятеля. Он не желал или не мог предусмотреть даже такую вполне реальную жизненную ситуацию, когда один за другим, а то и кряду трое, старички начнут валиться. Но, видимо, эпоха геронтократии приходит к концу. Такое ощущение, что ни Тихонов, ни Кузнецов, ни Черненко не останутся на постах.

17. XI

Сегодня утром говорили с Таней о том, что для Хрущева при всем его бесстыдстве все же существовали некие нравственные препоны, преодолеть которые он то ли не смел, то ли не догадывался. Допустим, как Брежнев, для которого никаких препон уже не существовало, он не объявил себя героем войны, не схватил орден Победы, не произвел себя в маршалы, хотя и навесил четыре Золотых Звезды, но только одну — Героя Советского Союза, а три остальных — Героя Соцтруда (у Б. 4 — Героя Советского Союза и только одна — Героя Соцтруда, полученная в 66-м году) и т. д.

23 ноября

Был в Союзе писателей РСФСР (комната 15) на обсуждении карповского «Полководца». Началось в 2 часа. Кое-что записал.

Вадим Соколов в восторге: «Это для нашей литературы о войне принципиальный успех. Его определили точность, объективность в изображении сложной фигуры генерала Петрова, чему способствовало военное образование автора. Это написал профессионал. Нам говорили, что Ворошилов, Октябрьский — выдающиеся полководцы… Петров включает отступающие

дивизии в свою 44-ю армию — вот свое! Карпов пережил свою трагедию и теперь без сенсационности рассказал о ней».

Алексей Васильевич Басов из Института истории АН: «Ошибки Сталина автор смакует. Умаляет заслуги других командующих ради возвышения Петрова».

Евгений Воробьев: «Меня огорчает предыдущий оратор уровнем своего эстетического и стратегического мышления…»

Ах, ты, Господи! Стратег…

24 ноября

Послал письмо Е. Воробьеву, М. Галлаю и И. Козлову. Они нахваливали повесть Карпова.

25 ноября 82

Работая над статьей о стишке «Прощай, немытая Россия», впервые прочитал стихотворение «Родина», неизвестно кем придуманное.

Природа наша, точно, мерзость:
Смиренно-плоские поля —
В России самая земля
Считает высоту за дерзость, —
Дрянные избы, кабаки,
Брюхатых баб босые ноги,
В лаптях дырявых мужики,
Непроходимые дороги
Да шпицы вечные церквей —
С клистирных трубок снимок верный,
С домов господских вид мизерный
Следов помещичьих затей,
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут —
И вот что многие болваны
«Священной родиной» зовут.

И вот нашлись эстеты, которые этот патриотический панегирик, начинающийся и кончающийся словом «мерзость», приписывают Веневитинову. О нем, умершем в 22 года, еще И. В. Киреевский тогда же писал: «Веневитинов был создан действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии». Вот такими стишками, от которых вонь, просвещал бы он отечество и украшал его поэзию? С помощью «клистирных трубок» создавал бы русскую философию? А гораздо позже

Чернышевский выражал уверенность: «Проживи Веневитинов хоть десятью годами более — он на целые десятки лет двинул бы вперед нашу литературу».

Однако еще в 1857 году, к 30-летию со дня смерти поэта, М. И. Семевский, будущий издатель-редактор журнала «Русская старина», включил, взяв неизвестно откуда, это распрекрасное сочинение в рукописный сборник нелегальных произведений как принадлежащее Дмитрию Веневитинову. Естественно, напечатать его тогда в открытой печати было трудно, даже невозможно, но в 1914 году это все-таки удалось. Слава такого культурно-просветительского подвига принадлежит С. Шпицеру Подвиг не был забыт в советское время: в 1934 году Б. В. Смиренский уже включает «шедевр» со всеми его ароматными мерзостями в полное собрание сочинений поэта. Сия «жемчужина» патриотической поэзии приводит в восторг литературоведа Д. Д. Благого. Он давно занимался Веневитиновым, Еще в первой советской литературной энциклопедии, начатой в конце 20-х годов, есть его статья о поэте. Теперь он был поистине живым классиком литературоведения.

И во вступительной статье к этому ПСС, и в книге «Три века» Благой объявляет стишок «замечательным», носящим «заостренно политический характер», дающим «беспощадную по своему горькому и бичующему натурализму картину рабской николаевской России». Мало того: «В нашей литературе конца XVIII — первой трети XIX века нет произведения, которое равнялось бы веневитиновской «Родине» по яркости и силе обличения. И все это море гнева, боли и печали сгущено, сжато в шестнадцать предельных по своей лаконичной энергии строк! Замечательна «Родина» и резким натурализмом рисунка» и т. д.

26. XI, пятница

В понедельник, 22-го, был у Васи Шкаева в «Советской России». Отнес ему свои «Арфы» на предмет переиздания. У меня с ними многолетняя история. Вася показался мне не таким простым, как я думал о нем раньше. Помню, как он однажды покоробил меня, рассказав в присутствии какой-то сотрудницы довольно похабный анекдот насчет сигарет «Стюардесса» и «Опал». Подарил ему «Арфы».

В среду, 24-го, Таня уехала в Харьков дней на десять. Ехали на Курский вокзал через центр, т. е. по прямой. Она предлагала по кольцу, но я решительно сказал «Порядочный человек по кривой не поедет».

А накануне, 23-го, я позвал Загорного и Гончаренко отметить выход моей книги. Тупые хохлы! Имени Симонова просто

слышать не могут. Загорного я чуть не обложил. Ведь никаких резонов не понимают. Я им говорю: кто такой Симонов? Писатель. Что у писателя самое главное? Книги, т. е. образы и идеи. Так есть ли у него хоть один образ как-то особенно выигрышно показанного еврея? Есть ли хоть одна еврейская идея? Нет ни того, ни другого. Наконец, может быть, у него есть оскорбительное или хотя бы неуважительное о русском народе? Соглашаются, что тоже нет. Так какого же черта вам надо?! — ору. А этот ленивый толстяк Гончаренко говорит: «Я не верю в его искренность». Вот возьми его за рупь двадцать! Он подозревает, что Симонов всю жизнь любил Израиль, а в книгах прославлял Россию — притворялся. Да ведь почти всю его жизнь никакого Израиля не было…

Сегодня часа в 4 заходил Зобнин. Потом я поехал в Союз и там, наконец, оставил для Ф. Кузнецова первую половину своего сочинения об АС. Мы с ним об этом уславливались по телефону. И сегодня же отправил письма Г. М. Гусеву о том, чтобы признали мои «Арфы» первым изданием.

27. XI,2320

Еще о безродной «Родине».

У Д. Благого не обошлось, конечно, без естественного сопоставления: рядом с ней «бледнеет известное лермонтовское восьмистишие «Прощай, немытая Россия», напечатанное в 1841 году(?!)». Ну, что перед чем бледнеет по мерзости, надо еще доказать. Но автор этого не делает. А продолжает: «Читая «Родину», начинаешь понимать, в какую громадную величину мог бы вырасти Веневитинов, проживи он еще хотя бы пять-десять лет».

Что ждал от поэта Чернышевский и что — Благой. Да, его Веневитинов, несомненно, развил бы тему своей «Родины» именно так, как хотелось бы Благому: глядишь, облил бы презрением не только брюхатых русских баб, мужиков-лапотников, но и сопливых голодных детишек, а для вящей живописности русского быта перешел бы от клистирных трубок к сортирам и не ограничился бы для людей, любящих родину ярлыком «болваны», а придумал бы что-то позабористей.

28. XI, воскресенье. 9 вечера

Сейчас пили с Катей чай и смотрели по телевидению передачу, посвященную памяти Анны Герман. Какое это редкое было сочетание обаяния, женственности, артистизма и простоты! И ни грана эстрадной пошлости. Таня однажды сказала, что у нее ангельский голос. Да, она и была ангелом, случайно посетившим

нашу Землю. Только присутствие Кати помешало мне разрыдаться в голос, но когда она ушла, я все-таки прослезился.

* * *

В сентябре 2012 года по ТВ показали фильм об Анне Герман. Так они даже из ангела небесного сварганили зловонную антисоветскую несъедобщину! Всю жизнь ее представили цепью ужасов и кошмаров по вине Советской власти. А 9 сентября мы с Таней были в ВДНХ на книжной ярмарке, и она купила книгу воспоминаний Анны. Конечно, были трудности, конечно, были неудачи и драмы, даже трагедии, но сквозь все это — свет, радость, любовь!

Простим угрюмство. Разве это
Сокрытый двигатель его!
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

29. XI, понедельник

Сегодня в «Правде» имя Андропова упомянуто только один раз — на 5-й стр. в статье, посвященной какой-то годовщине освобождения Албании. А имя Брежнева — на 2-й стр. в статье о сборнике Ленина насчет бережливости. Это нельзя не соотнести с тем фактом, что Председатель Президиума Верховного Совета до сих пор не избран, хотя Андропов избран членом П. В. С. Что бы это значило? Завтра начинается сессия Верховного Совета РСФСР и кое-что прояснится. Можно предположить, что за пост Председателя идет борьба.

Был Сергей Семанов. Выглядит он неплохо. Я сказал ему о своем намерении написать письмо в Секретариат Союза о том, что карающие органы обошлись с посторонним им человеком гораздо более гуманно, чем наша гуманная писательская организация — со своим членом. Не советует.

1 декабря 82

Еще о «Родине».

Ведь вот что любопытно! Благой видит, что полюбившаяся ему жемчужина изящной словесности «представляет собой совершенно исключительное явление не только в творчестве Веневитинова, но и в истории нашей словесности вообще». Тут он, конечно, прав, Как и «Прощай, немытая» — в творчестве Лермонтова и вообще. Нечто разумное он пишет и дальше:

«Родина» до такой степени идет вразрез со всеми нашими привычными представлениями о Веневитинове, что невольно закрадывается сомнение в самой принадлежности ему этого стихотворения». Вот и проверить бы это сомнение, вот бы и проанализировать это совершенно исключительное явление, а заодно — и «Немытую».

Да ведь знатока творчества Веневитинова должна бы смутить самая первая строка «жемчужины» — «Природа наша, точно, мерзость…». Ведь русская природа была предметом постоянных и возвышенных размышлений поэта. Он называл себя «певцом лесов». В письме сестре признавался: «Мне хотелось бы изобразить природу такой радостной и такой прекрасной, какой вы до сих пор ее не видели». И вдруг после этого: «природа — мерзость»?

Белинский с глубоким пониманием этой особенности его творчества писал «Изо всех молодых поэтов пушкинского периода он один обнимал природу не холодным умом, а пламенным сочувствием и силою любви, мог проникнуть в ее святилище, мог

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга заглянуть, —

и потом передавать в своих созданиях высокие тайны, подсмотренные там».

Надо ли повторять, что такое любовное и восторженное отношение к природе, как к другу, сложилось у поэта не в Италии же и не во Франции, не в Германии же и не в Англии, а под родным русским небом. И вот, говорю, об этом любимом друге ни с того, ни с сего вдруг брякнуть «мерзость»? Да это иначе как вероломством или затмением ума и назвать было бы нельзя! Опять же — как и «Немытую Россию» после пронзительной лермонтовской «Родины» («Люблю отчизну я, но странной любовью…»), написанной в том же 1841 году, к коему исследователи относят и «Немытую».

Д. Благому не пришло на ум сопоставить два необъяснимо противоположных отношения к русской природе. Он был слишком увлечен задачей создания образа «подлинного Веневитинова».

И это многие болваны
Научной критикой зовут.

Благородную работу сомнения, проверки и установления

истины, слава Богу, выполнили другие.

3. XII.82

Вчера заходил сосед с пятого этажа Володя Бурич. Сказал, что ходят слухи, что Зимянин и его команда могут исчезнуть. Я был бы рад. Но как и куда?

Еще говорил о возникшем движении против христианства и за буддизм. Еще давно я слышал от Н. Воронова, например, и от И. Кобзева, что они против христианства, принятие его считают ошибкой и т. п. А теперь развивается такой взгляд. Христос, мол, с его проповедью любви к ближнему, непротивления и т. п. был не что иное, как величайший провокатор. Цель его — подготовить христиан к покорению их евреями. И Семанов передавал мне слова Анат. Мих Иванова: христианство — предбанник сионизма. И вот, мол, потому ныне так плохи дела, такое засилье евреев. Хорошо, но ведь христианство это не только наше уютное, теплое, домашнее православие, но и суровое кафедральное католичество. Это во-первых. Во-вторых, выросло с 17-го года уже несколько совершенно безрелигиозных поколений, но и они не помешали еврейскому засилью. Нет, это лишь недобросовестная попытка свою вялость и бездеятельность свалить на предков, которые-де 1000 лет тому назад так непростительно оплошали. Вот будто все это нашло какое-то отражение в повести Вал. Сидорова, опубликованной в «Москве» № 8. Сидоров в роли Мартина Лютера! Религиозный реформатор! Усикаться можно!

5 *декабря*

Через несколько лет после сооружения Д. Благим образа «подлинного Веневитинова» литературовед В. Л. Комарович писал, что эта самая «Родина» «ни в биографическом, ни в стихотворном, ни в идеологическом отношении ничего общего с Веневитиновым не имеет». К такому же выводу пришел и академик В. В. Виноградов в книге «Проблема авторства и теории стилей». И он особо подчеркнул, что его анализ «не подтверждает, не оправдывает и ту восторженную эстетическую характеристику, которую получило это произведение у ДД Благо го». Но перед «Прощай» немеют и академики. Неприкасаемо!..

6. XII,23–10

Сейчас опять смотрели с Таней (она-то первый раз) передачу об Анне Герман. А вчера Татьяна Доронина великолепно читала по радио Ахматову.

Но я предупреждаю вас,

Что я живу последний раз…

Это гениально! Как хорошо, что можно жить и вкушать все это!

В своей работе над статьей о Б. вдали увидел берег.

10. XII

Ровно месяц со дня смерти Брежнева. Что изменилось? Кое-что! Ушли Кириленко, министр ж/д Павловский, Тяжельников (это первостатейный прислужник, знаю сам, но говорят, еще и…) с должности завотделом пропаганды отправлен в Румынию, на его место — Стукалин Б. И. (туповатый Ив. Курчавов хвалит его). На место Стукалина в Госкомиздат — Пастухова, какого-то министра сельского строительства — на пенсию.

Все-таки какое-то движение началось, и я полон надежд на лучшее.

Вчера был в ЦДЛ. Платил взнос и прочитал в библиотеке статью М. Лобанова «Освобождение» о «Драчунах» М. Алексеева в «Волге» № 10. Как напечатали — поразительно! Глядишь, и моя статейка о Б. проскочит.

Хотел взять «Москву» № 8 с повестью В. Сидорова, но в библиотеке не оказалось. Нина Сударушкина предложила свой экземпляр.

Сейчас второй раз смотрел по телевидению «Последнюю жертву», поставленную М. Козаковым. Великолепно! Юлию Павловну играет какая-то Елена Романова. Ах, что за прелесть! Какая благородная красота, и сыграла талантливо. Вадима Григорьевича играет Янковский, которого я очень люблю. Сцены, где он обнимал и целовал Юлию — Елену, сыграны с неподдельной искренностью.

11 декабря

Недавно послал письмо ученому критику В. И. Сахарову.

«4 декабря 1982 года

Уважаемый Всеволод Иванович!

Позавчера приобрел в нашей Книжной лавке на Кузнецком сборничек Веневитинова с Вашим предисловием. Вы пишете: «Даже если «Родина» и не принадлежит Д.В., все же можно предположить, что Лермонтов, зная стихотворение в одном из списков, был уверен в его авторстве и вослед ему написал свою горькую и вместе с тем полную любви, веры и надежды «Родину». Тут непонятно, на каком основании «можно предположить», что

Лермонтов и знал помянутый стишок, и даже был уверен в авторстве Веневитинова, и, мало того, почему «поспешил во след».

В примечаниях Вы возвращаетесь к этому вопросу и пишете, что стихотворение «Родина» приписывалось Веневитинову «современниками и некоторыми позднейшими исследователями». Ну, о позднейших мы несколько осведомлены. Самыми

позднейшими были СМ. Шпицер и Д. Д. Благой, ныне благополучно здравствующий. Но кто из современников поэта?

И дальше у Вас: «Не собираюсь решать здесь сложную проблему авторства (автограф пока не найден, но современники, в их числе Лермонтов — ср. «Прощай, немытая Россия» — в авторстве Веневитинова не сомневались). Опять названы какие-то современники, но по имени — только один Лермонтов. Но, повторяю, у Вас же нет никаких доказательств, что Лермонтов не сомневался или хотя бы просто знал этот стишок?

Судя по Вашему «пока не найден», Вы сами не сомневаетесь ни в авторстве Веневитинова, ни в уверенности на сей счет Лермонтова. Но почему бы Вам не назвать тех, кто не только сомневается, но решительно отвергает это авторство и никак не приплетает сюда Лермонтова?

Буду рад получить от вас разъяснение и заранее благодарен».

12. XII

Вчера в передаче «Для полуночников» «Голос Америки» передавал, что 10.XII в «День прав человека», у памятника Пушкину была молчаливая демонстрация, которая по традиции проводится с 66-го года, и что милиция забрала 60 человек За несколько дней до этого по «Голосу» разоралась в истерических нотах об этой демонстрации какая-то Наталья Алексеева (невестка Сахарова?), призывала фактически к ней, указывая и место, и день, и время — семь часов. Я был там ровно в семь. Вся площадь от памятника до пешеходной части действительно была забита народом. Но что это за народ — бог весть. Было несколько милиционеров в форме, человек 5–6, и, видимо, достаточно кагэбэшников в штатском. Кое-кто был без шапок (это знак принадлежности к демонстрантам), но погода стояла довольно теплая, и кто знает, все ли это были демонстранты. На моих глазах взяли под руки и увели двоих, одного — стоял рядом на костылях, плохо одет, с болезненным лицом, маленького роста, с редкими спутанными волосами. Он что-то стал им говорить, кажется «Меня?». Мне было его жалко.

Когда в последний раз гуляли с Ан. Мошковским, он сказал: «А вдруг Феликс Кузнецов станет Генсеком!» Это в связи со

слухами, что он уходит в ЦК. А что? Он ловок, ух как ловок!

А рукопись моя лежит у него на столе в кабинете уже третью неделю, с пятницы 26 ноября. Все некогда ему!

15.12

Сахаров ответил: «К сожалению, ничего не могу добавить к написанному…» Так я и знал.

17. XII

В воскресенье у меня заболели нижние передние зубы. Потом стало ясно, что это не зубы, а десны. В понедельник был у зубнихи Саводжан. Она так разговаривает с пациентом, словно тот перед ней виноват за свои зубы. Да еще выдумала поучить меня русскому языку, засмеялась, когда я сказал «спереду». Я пообещал прислать ей выписку из Даля, где это есть (т. IV, с. 239). Работает грубо, ткнула мне в верхнюю губу сверлом, уронила на колени что-то и не подумала извиниться. Назначила полоскание. А во вторник я поехал вечером в «Книжную лавку» подписываться на Диккенса, не подписался, очередь, а приехал совсем больным, часов в 8 лег в постель, температура 38,5. Но спал хорошо и к утру был почти здоров. Видимо, это были зубы, сегодня уже делал гимнастику с обливанием, вчера — без обливания.

И. Ф. СТАДНЮКУ

«19 декабря 82

Дорогой Иван Фотиевич!

Кончаю читать твою «Войну». За такие ее страницы, как те, например, где ты рассказываешь о военной игре на картах в январе 41-го года, или о речи Сталина 3 июля, или о допросе генерала Власова, и за некоторые другие, на которые ты не пожалел ни времени, ни труда, ни таланте, — за все это тебе многое отпустится и на этом, и на том свете.

Но, дорогой Иван Фотиевич, тебе отпустилось бы еще больше, если бы иные пассажи ты своевременно убрал. Например, тот, где интеллигентная женщина, хирург, обещает своему не менее интеллигентному мужу, что, если он заведет роман на стороне, она ампутирует ему глянс пенис. Или философические рассуждения о том, что судьба, мол, как распутная женщина, особенно опасна, когда ласкает слишком пылко. Надо ли тебе было создавать сей философический вариант в свое время довольно популярной песенки Герцога из оперы «Риголетто», которую скабрезные шутники распевали на такой манер:

Если красавица
На х… бросается,
Будь осторожен —
Триппер возможен!

Поставь мне бутылку коньяка, и я еще кое-что скажу. Обнимаю и всех тебе благ в наступающем Новом году!»

21. XII

19-го, в воскресенье, отметили сразу множество дат: Танин день рождения, нашу янтарную свадьбу, выход моих «Эоловых арф», день рождения Брежнева, сорок дней, и Николин день — ведь Таня-то Николаевна.

Были Ивановы, Фоменко, четыре штуки Мухачевых и Мария Мих

А в пятницу я зашел в ЦДЛ и забрал из кабинета Ф.К свою рукопись, которая пролежала там ровно три недели, и он ее даже домой не взял. Вернул Мар. Ив-не расписку и сказал, что обойдусь без Ф.К., как и он без меня. Она что-то лепетала о его великой занятости на благо Московской писательской организации, но я ответил, что занят не меньше.

— Но вы работаете на себя.

— Нет, я работаю на человечество.

23. XII

Сегодня с Адой ездили на могилу Сергея. Ира поставила надгробие. Черный мраморный столб в человеческий рост, а сверху то ли изображение (из камня) урны, то ли раковина, а впереди буква «С». Строго и достойно. Протер я снегом все три надгробия — и его, и Сергея Кашина, и деда. Ах, какая работа… Сфотографировал — и ушли.

Галю срочно забрали в больницу. Она уже звонила оттуда. Что это? А у Ады болит душа о ее Сережке.

26. XII

Заведующий недавно созданным отделом международной информации ЦК, фамилия Замятин, а его заместителя — Загладин. Замять и загладить. Нарочно не придумаешь! Вчера этот Загладин выступал по телевидению. И внешность вся такая мягкая да гладкая. И имя Вадим Валентинович — как струя масла.

28. XII

Вчера во время прогулки по парку пришли в голову две недурные мысли о «Береге» Бондарева, но когда пришел домой, одну забыл. И вспомнил только перед сном, уже в постели. Сразу встал и записал. Надо всегда носить при себе записную книжку.

30. XII

Вчера работал до трех, потом с пяти до семи, а написал всего одну страницу, и доволен.

31.1983, Малеевка

Новый год, как уже несколько лет подряд, встречали дома. Была елка, купленная мной на базаре у метро еще числа 21-го, были гирлянды разноцветных лампочек на елке и на кухне, были свечи на праздничном столе. Все так славно! Катя впервые выпила немного шампанского. Не понравилось. Горько, говорит.

А 2-го утром поехали в Малеевку. Тут уже были с нами Катины подружки Лена и Аня, тоже на зимние каникулы, а вот теперь Таня Кузнецова. Татьяна 2-го же вечером и уехала, а девочки должны пожить здесь до 10-го. Я же, видимо, буду до 23-го, хотя уже чувствую, что трудно будет высидеть здесь.

7. I

Вчера вынужден был присутствовать при извинении Владлена Анчишкина перед Дугинцом. Накануне вечером перед ужином Ан. выкушал полбутылки водки, угостил меня, а когда сел за стол его сосед Д., он ни с того ни с сего стал меня уверять, что тот был полицаем. Дело чуть не дошло до драки, Ан. был очень агрессивен с бутылкой в руках. Кончилось тем, что Дуг. пересел за другой стол. А утром потребовал от него взять свои слова назад в моем присутствии и извиниться. Оказывается, Ан. совсем дурак, когда напьется. Надо запомнить.

Сегодня приехала его жена Лариса. Рассказывает, что в Москве принимаются меры по укреплению порядка. Молодец Ген. секр. ЦК КПСС!

9. I

Сегодня в три часа уехали домой Катя и ее подружка Таня. Мне тут быть еще 14 дней. Как их прожить? Я плохо стал выносить долгие сроки в домах творчества.

Стоит теплынь, которой не было в январе то ли 100, то ли 200 лет, как сказали сегодня по телевидению. 0 — +2–5 градусов. Сегодня утром в лесу я поймал и отпустил большого комара.

12. I, Малеевка

10-го уезжал в Москву, переночевал и 11-го вернулся в Малеевку. Здесь после отъезда детей стало тихо и спокойно. Вчера с 8 до 9 вечера прогуливался с Ларисой Васильевой и Сергеем Поликарповым. Зашел разговор о «Выборе» Бондарева. Я с возмущением стал рассказывать, как там (она не читала) два дружка по очереди лезут на одну бабу. Поэтесса сказала, что, скорее всего, так и было. «Но какова она! — не унимался я. — Приняла одного и просит его прислать дружка, он-де больше ей нравится. Рядовую советскую колхозницу автор изображает какой-то Клеопатрой, что ли!» — «При чем здесь колхозница! — воскликнула поэтесса. — Просто она баба, ей хочется. Ну, как кошке…» Вот так — в глазах нынешней русской поэтессы — что женщина, что кошка — все одно. Это ли не инновация времени!

13. I,16.30

Позавчера «Голос Америки» передал, что из Советского Союза эмигрировало евреев в 1979 г. — 51 300 чел., в 1981 — больше 9 тысяч, в 1982 — лишь 2 700 чел. Умнеют.

14. I

Вчера вечером пошел прогуляться перед сном, ко мне подошел Николай Верещагин, молодой парень, прозаик, член редколлегии «Москвы», он ждет номер «Волги» со статьей М. Лобанова, который записан на меня. Разговорились, сделали три больших круга, а потом он пригласил к себе на рюмку коньяка. Просидели до двенадцати, встретили старый Новый год. Парень производит хорошее впечатление. Но я потом долго не мог уснуть, принял полтаблетки радедорма, часа в два уснул. В половине восьмого проснулся, стал слушать «Голоса». Передали, что Георгий Владимов обратился к Андропову с просьбой дать разрешение на эмиграцию. Приводили его письмо в обратном переводе: я, мол, надеялся на перемены после смерти Брежнева, но их нет. Меня преследуют, мне угрожают. Я готов принять обычный для русского писателя терновый венец в виде Лефортовского изолятора, но угрожают и моей жене, и я не могу допустить, чтобы и она приняла страдания. Поэтому прошу отпустить. Не знаю я всех обстоятельств его ситуации, но знаю, что в 1968 году он попался на ловкую удочку Солжа: написал гневное письмо в адрес съезда как отклик на письмо того, в его защиту. А ведь Солж лгал там в каждом абзаце.

Кстати, вчера, вернее, позавчера в передаче «Для полуночников» сообщалось, что АС. опубликовал в № 137 «Вестника Русского Христианского движения» какие-то новые воспоминания (слышимость была плохая). Из этой же передачи я

узнал, что альманах «XX век», в котором была напечатана статья Вл. Лакшина о «Теленке», издавался не в Париже, как я думал, а в Лондоне — Жоресом и Роем Медведевыми.

* * *

Владимов незадолго до смерти написал роман о войне — «Генерал и его армия». Покойный Владимир Богомолов разнес его за антисоветскую лживость и холуйство перед немцами.

15. I, суббота

В этом году снег выпал еще в 20-х числах октября и лег, казалось, прочно. Но дней через 5–6 сошел, и с тех пор настоящего снега и настоящей зимы не было: от Ленинграда до Баку стоит плюсовая температура. Зима только в Армении, где все время хорошие морозы, доходили даже до — 27 градусов.

Все частенько повторяли Пушкина:

> В тот год осенняя погода
> Стояла долго на дворе.
> Зимы ждала, ждала природа.
> Снег выпал только в январе,
> На третье, в ночь…

Здесь, в Малеевке, я ходил на лыжах только два раза. И вдруг вчера в ночь на сегодня (15 = 3 января), точно по Пушкину, повалил снег. Ну, не очень, но все-таки. Во всяком случае, я после завтрака встал на лыжи и совершил прогулочку на часок с четвертью, в основном по лесным опушкам. Сейчас пришел и принял теплый душ. Прекрасно! Кажется, вслед за мной собираются идти Юра Томашевский, Сева Сурганов и его Светлана. Вчера они позвали меня к себе, посидели часок, распили стакан какого-то странного коньяка, который им кто-то преподнес. Оказывается, Юра — пасынок Сергея Александровича Швецова, моего крестного отца из армейской газеты «Разгромим врага»: он начал меня там печатать.

17. I

Наконец-то, наконец-то настала настоящая зима. Вчера был прекрасный зимний вечер, я гулял часа два, да еще на лыжах ходил. А сегодня снег валит и валит.

Вчера в передаче, которая начинается в 22.30, радиостанция «Свобода» передавала в авторском чтении 4-ю главу романа Василия Аксенова «Бумажный пейзаж». Господи, какое убожество!

Единственная примечательная черта в том, что слова «жопа», «мудак», «говно», «бля буду» и т. п. так полностью Аксенов и читал. Ах, какая смелость! У него нет других доказательств знания жизни, это — единственные и самые доступные.

18. I

Юра Томашевский (живет внизу) ездил в Москву. Рассказывает, что по слухам Генсек вызывал Маркова, беседовал с ним в течение 1 часа и 6 минут. (Зря потраченное время, и 6 минут хватило бы, чтобы понять, что ничего, кроме собственной личности, ну и, конечно, изданий-переизданий да премий для себя, своей жены и дочерей, его не интересует.). Беседовали будто бы о статье Лобанова «Освобождение» в «Волге». Конечно, она талантлива, но вполне антисоветская.

С первого дня со мной в комнате живет кошка. Она входит и выходит через форточку. Тихое деликатное существо. Я думал, что она в возрасте, а она пообвыкла и начала играть. Сегодня утром я принес ей люля-кебаб. Она сперва не стала его есть, видно, слишком остро. Я этого не понял и в обед ничего ей не принес. Она встретила меня с ожиданием корма, но увидев, что ничего нет, откусила кусочек от люля. Я ничего не принес и на ужин, и только вот сейчас она съела всю котлетку с явным отвращением к ней.

21. I

Приехал Петруша Проскурин. Сейчас вышли мы из почты с газетами, и я рассказал ему и Пациенко, что вчера в Литинституте, где Лобанов работает, обсуждали на ученом совете (в 3 часа) его статью в «Волге». Петруша очень лихо заявил, что пора, пора Лобанову стать знаменитым, ибо критик он хороший и т. д. Я сказал, что ведь это прозаикам хорошо быть. А то, говорю, ты вот пишешь столь безошибочные книги, что их делегатам партсъездов дарят. А завернул бы какую-нибудь залихватскую идею. «А где напечатают?» Да ведь вот же Лобанов напечатал. Конечно, хорошо писать с твердой уверенностью, что напечатают. А Шолохов, когда писал первую книгу «Тихого Дона», никак не мог быть уверен, что его издадут.

И еще я сказал им, как раньше Сурганову, Ларисе Васильевой, Сергею Поликарпову, что статья Лобанова вполне антисоветская хотя бы по трем пунктам: 1) он отрицает и высмеивает советскую литературу; 2) отрицает и высмеивает колхозный строй; 3) представляет Ленина подстрекателем необоснованных расправ. В сущности, в эпизоде с буденновкой (об этом я пока никому не говорил) отрицает он и вообще

советскую власть. Ларисе, Сурганову, Поликарпову и Томашевскому я говорил еще о том, что статья Лобанова свежа по примерам, но не самостоятельна по идеям, что на ней лежит тень Солженицына, и все эти три (вернее, четыре) идеи принадлежат ему.

22. I

Сейчас с этим важным гусем Кикнадзе схватился. Дня два назад он в разговоре сказал, что издал 289 печатных листов своих сочинений. Я ахнул. Он сказал, что первый признак гения — плодовитость, но плодовиты также графоманы. «Но ведь ты, Саша, не гений?» Он обиделся и стал мимо меня ходить молча. Сейчас я сидел у телефона, а он шел мимо. Сказал: «Саша, что ты такой сосредоточенный?» Он ответил: «Я готов рассредоточиться, если и ты кое в чем изменишься». — «Что такое?» — «Меня задела одна твоя реплика». — «Ну, знаешь, я более терпимо отношусь даже к некоторым твоим публичным выступлениям, неприемлемым для меня». — «К каким?» — «Хотя бы к тому, в котором ты объявил Шагинян победительницей Гудериана». (Он в докладе на партсобрании говорил, что АС. Щербаков вызвал в самые тяжкие дни сорок первого года Шагинян и предложил ей написать брошюру, как бороться с немецкими танками. «Я их никогда не видела!» — «Надо!» Она села и написала.)

Он стал говорить, что я не понял этот факт: если писателя как следует попросить, он способен на многое. Я сказал, что именно из-за фактов такого рода мы едва не проиграли войну, что немцы дошли до Москвы и до Кавказа.

— Тебе нечего сказать, и ты уходишь.

— Я ухожу потому, что мне неинтересно с тобой разговаривать.

Я был уже в шубе, в шапке и ушел. Еще раньше он носился с идеей, чтобы фронтовой партстаж считался двойным. Идея такая же великая.

23. I.1983. Малеевка

Погода установилась прекрасная: легкий морозец, снежно. Вчера после обеда я увлек с собой в Старую Рузу Вл. Бор. Микушевича и его жену Тат. Владим. Маркову. Шли через лес по снежной тропке. Я хотел купить шампанского для Вал. Вл. Воробьевой, но, увы, не оказалось. Пришлось угощать молдавским вином «Виорика». 2 рэ бутылка, но хмелит!

С этим Микушевичем не соскучишься. Говорит, например, марксизм был оружием Запада, направленным против России, и гениальность Ленина в том, что он это оружие обратил против

Запада. Человек удивительных познаний. В детстве читал бабушке Псалтырь, выучил церковнославянский, кроме того, знает немецкий, английский, французский и итальянский. У него несколько шокирующая манера говорить, невзирая на окружение, очень громко и категорично. Так, при первой же встрече здесь он в вестибюле во весь голос заявил, что сторонник переводческой школы Жуковского, а не Маршака и Пастернака. Это здесь-то такое сказать! Но в лесу его голос и категоричность принимаются хорошо. Кажется, это единственный человек из моих знакомых, который доволен нынешней жизнью, т. е. он доволен ее стабильностью, устоявшимся бытом. Что ж, Таня тоже об этом говорит всегда. Вчера с большим одобрением сказал, что Сталин отбил охоту от всяких заговоров лет на сто. Правда, добавил: «Хотя какой ценой!»

Из Рузы зашли к ним, они живут в корп. «Б», и распили бутылку водки.

После обеда с Сережей Поликарповым на его машине едем домой. Пора! Я соскучился и о моих девочках, и о доме.

29. I, Москва. 0.15.

Вечером в 7.30 Таня позвонила маме, и ей сказали, что она плоха. Таня сразу поехала, и вот только что позвонила. У М.М. инсульт, она отвезла ее куда-то в больницу в Измайлово. Как она теперь доберется? Метро уже не работает, а такси поймает ли? Я весь в тревоге. И денег у нее только три рубля. Никогда она не берет с собой денег. И ведь я спросил ее, когда уходила, есть ли деньги. Буду ждать и читать дневник Симонова.

0.55. Слава тебе, Господи, — Таня приехала на такси.

13.05. Спал плохо, ворочался, один раз проснулся из-за боли в сердце, как будто сквозь него что-то проскочило, но встал в восемь часов вроде бы освеженный, сделал по обыкновению зарядку и принял прохладный душ.

Таня с утра опять уехала в больницу, у М.М. тяжелый инсульт. Положили ее в б-цу № 36, где-то на Фортунатовской. Боюсь, что измотают Таню поездки в такую даль.

М. Н. АЛЕКСЕЕВУ

«1 февраля 83

Михаил Николаевич!

Поздравляю с хорошим очерком сегодня в «Правде» о Сталинградской годовщине и хочу высказать несколько замечаний, к-е, может быть, ты найдешь полезными.

Об участниках битвы сказано, что «после 2 февраля 1943 года их оставалось не так уж много». Что это значит? Есть возможность

дать читателю более определенное представление об этом, если принять во внимание, что медалью «За оборону Сталинграда» награждено свыше 750 тыс. ее участников.

Бондарев и Бакланов уверяют, что их одногодков, пошедших на войну, вернулось ли 3 %. Во всякой военной операции, как ты знаешь, раненых бывает раза в три больше, чем убитых. Это соотношение существует и в наши дни, когда убойная сила оружия так возросла. Например, в не столь давней Фолклендской операции против Аргентины англичане потеряли 255 человек убитыми и 777 ранеными, а у наших друзей получается, что раненых вовсе не было — одни убитые.

Ребят, занимающихся военно-историческим «следопытством», поисками останков, ты чуть ли не ставишь в один ряд с истинными героями битвы. Зачем?

В одной прежней статье ты сравнил борьбу с наводнением на Волге со Сталинградской битвой. Это было тоже неуместно. Не следует ради прославления дня нынешнего так обходиться с днем вчерашним. Ты-то, участник Сталинградского побоища, знаешь лучше многих, что это такое. Рядом с ним борьба с наводнением — что?»

22 апреля Алексеев встретил меня в ЦДЛ и все отверг, кроме того, что напрасно сравнил борьбу с наводнением со Сталинградской битвой.

5. II, суббота

Вот уже неделю М.М. лежит в больнице и не приходит в сознание. Таня ежедневно у нее, вчера и сегодня, и ночь была там. Боюсь *я*, измотается она, а ведь здоровье-то не чемпионское. Вчера пришла в слезах, мать всю ночь гладила ее руками — значит, сознание не совсем погашено, но ничего не говорит и не слышит.

Вчера был в «Книжной лавке». Лучше туда не ходить. В прошлый раз купил книг на 37 р., вчера — на 30. Выходит, за две недели почти 70 р.

6. II, 11.00.

8 четверг, 3-го, ездил в Воениздат (они неожиданно для меня решили переиздать моего «Генерала»), а на обратном пути надо было заехать на ул. Алабяна за продуктами. На автобусе доехал от ул. Зорге до «Сокола», и здесь у метро невольно подглядел сцену, которая до сих пор сжимает мне сердце. Почти у самого края тротуара, видно, только что сойдя с автобуса, стояла маленькая девочка, вероятно, первоклашка, хорошенькая и тоненькая. Над ней склонилась молодая женщина, должно быть,

мать, и что-то злобно и много говорила ей. Я словил только одно слово: «стерва». Она отчитывала ее за какую-то оплошность. Женщина, судя по внешности, вполне интеллигентная. На лице девочки была растерянность и страх Потом мать достала платок и зачем-то стала вытирать ей лицо, хотя оно было, кажется, вполне чистым. Но как она это делала! С какой ненавистью и силой проводила платком по лицу! Девочке было, понятно же, больно, но она была так перепугана, убита, что молча терпела, даже не отстраняя лица. Я ходил около и порывался вмешаться, сказать: «Прекратите! Она возненавидит вас!» Но так и не решился Ах, как жалко! Ведь нужно было, нужно.

9. II, 1450.

Часа полтора назад звонил Алексей и сказал, что мой «Ветров» произвел очень хорошее впечатление, что сейчас читает начальство. Просит предоставить вторую часть. О, если бы это появилось!

10 февраля, 10.10.

10-го, в четверг, ходил в ЦДЛ платить партвзносы. Зашел в библиотеку. Застал Нину, два прежних раза ее не было. Покопался в стенографических отчетах партсъездов. Бондарев, Бакланов, Ростоцкий все твердят, что их ровесников после войны осталось лишь три процента. А Друнина даже взбодрила стишок («Новый мир», № 5, 1975), который так и называется «Три процента». Картина, мягко выражаясь, комическая: Ростоцкий за всю державу возглашает по телевидению: «Нас, рождения 1922 года, осталось три процента». Его перебивает Бакланов: «Нет, это нас, 1923 года, осталось три процента». Бондарев глушит их своими многомиллионными тиражами: «Извините, подвиньтесь, это нас, 1924 года, три процента». А Друнина примиряет: «Мальчики, не ссорьтесь. Всех вас, и 22-го, и 23-го, и 24-го осталось три процента». Им всем очень нравится быть трехпроцентными представителями, и даже голосами, совестью погибшего поколения! И сообразить не могут, что это липа, лестная для гитлеровских генералов — вот, мол, как мы многоуспешно поработали!

Ну, и копался я в отчетах мандатных комиссий съездов, желая через их данные косвенно опровергнуть эти 3 %.

Потом мы стояли с Ниной на лестнице, и она спросила: «Так мы увидимся до моего отъезда?» Она летит куда-то на Филиппины, что ли. «Конечно», — ответил я и пригласил ее пойти выпить по чашечке кофе. Наверху была большая очередь, мы пошли вниз. Она выпила рюмочку коньяку, я — три. И очень славно посидели. Она мила. А потом договорились, что она

пойдет оденется, а я буду ждать ее у выхода. Прождал целый час и не дождался. Наверное, мы не поняли друг друга, и она ушла через другой выход. Вчера утром отправил ей газетную вырезку о филиппинских бабочках и письмецо, в котором, кажется, кое-что сказано излишне.

Спасибо вам за тот случайный
Прекрасный вечер в феврале,
С его открытостью и тайной,
И светлой думой на челе.

Я помню все: наш столик в зале,
И как далек был этот зал,
И все, что вы тогда сказали,
И все, что я тогда сказал.

И вспышки ваших глаз живые,
И как вы, ложечкой звеня,
Сказали: «Поздно уж…», впервые
Назвав по имени меня.

И моего смущенья муку,
И ликование мое,
Когда я тронул вашу руку,
А вы не отняли ее…

Нет, жизнь нельзя назвать напрасной,
Не все так худо на земле,
Коль был возможен тот прекрасный
Случайный вечер в феврале.

12 февраля, 19–00.

Сегодня утром (до восьми) «Голос Америки» передавал, что Георгий Владимов и его жена Наталья подали в ОВИР заявление с просьбой выехать в ФРГ, в Кельн, куда его пригласили преподавать русскую литературу. В январе (я слышал это тогда же в Малеевке) он обращался с письмом к Генсеку с той же просьбой. Мы, говорит, доказали свою любовь к Родине терпением, с которым переносили долгие преследования, обыски и т. п. По-прежнему ли он так наивен, как в 67-м году, когда выступил в защиту бедного Исаевича, «боевого командира Красной Армии, всю (!) войну провоевавшего на передовой (!)». Ха!

13 февраля, воскресенье.

Я еще спал после вчерашнего дня рождения Инны Симоновой, когда около девяти часов раздались наши обычные условленные звонки. Я встал. Это была Таня. Вся в слезах, она сказала, что мама умерла сегодня утром между 6 и 7 часами. Я перекрестился: «Царство ей небесное!» Таня не видела ее смерти. Не в силах смотреть, как тяжело она дышит, она вышла куда-то, а когда минут через сорок вернулась, Мария Михайловна уже отошла. На девятом десятке ничего уже нельзя было сделать. Вероятно, непосредственной причиной смерти явился отек легких.

16 февраля, 23:30.

Вот и похоронили мы Марию Михайловну. И помянули, как полагается, и панихиду отслужили в церкви Гавриила Архангела, что в Телеграфном переулке. На поминках было человек 25–28. Приехали ее двоюродные сестры из Коломны — тетя Клава и тетя Маруся. В крематории Таня сильно плакала, когда увидели мы Марию Михайловну в гробу, но потом успокоилась. Сейчас приняла элениум и легла спать. Вот и осталась Катя без обеих бабушек, а ведь у ее подружек они есть.

17 февраля.

И все-таки живые думают о живом!

Вчера на поминках, когда уже встали из-за стола и начали расходиться, я ушел в спальню и лег на кровать Марии Михайловны да и уснул. Проспал часа два. Домой мы приехали в начале десятого, в 12 лег спать, но не мог уснуть, видимо, из-за тех двух часов. В час ночи принял полтаблетки радедорма. Все равно не спится. Начало складываться в уме стихотворение. В начале четвертого, около четырех я его закончил и записал. Только после этого в пятом часу уснул. В восемь Таня меня разбудила, подвалившись под бочок

22 февраля.

Ну, я совсем закрутился! В субботу, 6-го, на дне рождения Белошицкого, в субботу, 13-го — на дне рождения Инночки, 17-го похороны и поминки Марии Михны, в субботу 19-го был в Измайлове у Толи Лишаева, пригласил он меня на встречу своих одноклассников, и вот вчера еще — девять дней.

У Лишаева были Миша Копытов (генерал!), Аркашка Введенский (Вельт), Володька Боков, Зоя Серова, Женя Можаева, Толина жена Галя, ну и я. Они почти все с 23-го, так что им уже за шестьдесят или вот-вот. Но было очень шумно и весело. Хотя у Миши плоховато с сердцем, Аркашка ужасно располнел, Боков

вообще с палочкой ходит, Женя тоже очень полная. Вот Зоя и выглядит хорошо, и чувствует себя, видно, неплохо. Нас с Ниной до сих пор помнят как прекрасную пару.

Сегодня написал стихотворение «Мой амулет», а то можно было бы считать день пропавшим. Правда, еще заказал в мастерской Литфонда ондатровую шапку. Ждал, как увидел на заявлении, с 28 сентября 1978 года — почти четыре с половиной года. Вот он, наш развитой социализм! Шапка — четыре с половиной года! И это еще по великой привилегии. Но какая шапка! И не всем же такая нужна.

Б. И. БУРСОВУ, Ленинград

«25 февраля 83

Многоуважаемый Борис Иванович, в нашей Книжной лавке на Кузнецком было третье издание Вашего «Достоевского», но я его прозевал. Поздравляю Вас с этим изданием. Надеюсь, те мои придирки, которые я Вам в свое время сообщил, не оказались вовсе бесполезными для этого издания.

Всего Вам доброго.

С поклоном *В. Бушин».*

О моих «придирках» как-нибудь в другой раз.

1 марта.1983

Экого я вчера свалял дурака — взял да и бросил кошке под хвост целый вечер и полночи. Позвонила патриотка Тамара Пономарева, пригласила на свой вечер в музей Николая Островского (там есть зал). Я много раз не отзывался на разные ее призывы. Надо, думаю, хоть раз уважить, ведь это добрая душа. Думал, однако, посидеть не более получаса. Прихожу, а хитрец Цыба, который должен был вести вечер, не явился, конечно. Уговорили меня. И пришлось сидеть за столом три часа вместо того, чтобы гулять по морозной Москве. А потом она еще минут сорок прощалась-расставалась, а мы ее ждали. Наконец в двенадцатом часу приехали к ней на Грохольский.

12 человек. Водка. Какой-то баночно-консервированный салат и т. п. Но застолье получилось славное, веселое. Собрались милые и интересные люди. Особенно какая-то Нина Саратовская, вятская уроженка с татарскими глазами. Баба — оторви да брось! Какой-то спорт-подполковник интересно рассказывал о спорте.

А рядом со мной села певичка Лайне Аренс, полуэстонка-полусибирячка. Проявила ко мне интерес. Ее я и отвез в третьем часу куда-то на Хорошевское шоссе. Прощаясь, взял телефон: 192-97-46. Но позвоню ли?

А во время вечера вот что произошло. Тамара стала рассказывать, как летом прошлого года была в местах боев 2-й ударной армии. И понесла об этой армии несусветную чушь, которую ей, конечно же, внушил малограмотный балбес Ст. Гагарин: все, мол, отступали, а 2-я ударная наступала, что ее считали перешедшей на сторону немцев, власовской и т. д. Я после нее встал и постарался деликатно развеять эту чушь. Конечно, не совсем хорошо опровергать именинника, но что было делать! Вечер тронулся дальше, но тут присылают записку: «За что Власов получил звание Героя Советского Союза?» Мне бы, конечно, надо сразу сказать, что это чушь или вопрос, мол, не имеет отношения к вечеру, я могу ответить на него потом в личном порядке, а я пустился в россказни! Благо все это мне хорошо известно. Словом, вел себя как тот чеховский генерал на свадьбе. И весь комизм состоял в том, что рядом со мной действительно сидел настоящий генерал-майор (Калиниченко Леонид Николаевич), так он негодовал на мои генеральские замашки.

2 марта, 16.25

Ура! Ура! Ура! Закончил статью «Старший лейтенант или генералиссимус?» Это великая статья. Если ее Ананьев

напечатает, то последствия трудно предугадать. А ведь так было бы ко времени. Но — ее не напечатают. Как пить дать! Хотя Ананьев и хорохорится.

6 марта.

Три дня все дома — 6-го, 7-го и 8-го. Как хорошо! Сегодня Таня пекла пироги с мясом. Как всегда у нее — объедение.

М.М. оставила Тане сберкнижку на 5 тысяч, были у нее завещаны деньги и для Юры, но он заставил ее отдать их ему на машину — 2,5 тыс. И еще осталась книжка на 2 тыс. Да 340 р. лежали на похороны. Так что целых 10 тысяч получается. Работала до последнего дня, осталось несколько незаконченных платьев. И все это с мыслью о детях, как бы помочь им и оставить добрую память. Таня рассказывает, как в больнице она ночью прижималась головой к ее груди. Какая жалость! Это невозможно слушать. Говорить не могла, очевидно, не все понимала, но знала — это ее дочь, и хотела последний раз приласкаться к ней.

19 марта.

14 марта, на Евдокию, погода переменилась — сразу потеплело и повеяло весной. Курочка напилась в этот день вволю. Евдокия в этом году совпала с первым днем Масленицы. В

четверг, на широкую, мы позвали гостей — Микушевичей. Очень славно посидели. Он все читал:

У них на Масленице жирной Водились русские блины.

Водка была лимонная, с перчиком, со зверобоем, и чистая. Всем понравилась лимонная. Хороша!

21 марта.

Сегодня, в чистый понедельник, отправил по почте письмо Андропову. Ох, Бушин, ведь тебе известно, что незнайка на печи лежит, а знайку на веревочке ведут. Пенять будет некому.

22. III, 10 утра

Приходил вчера вечером Т. М. за журналом со статьей Лобанова. Увидел за стеклом книжной полки прекрасную фотографию красивейшей женщины — Ксаны Рябинкиной. Он не восхитился, не охнул, не ахнул, а начал рассказывать мне, что-де слышал, будто лет 15 назад… Какой-то вздор о ее сестре Лене, Таниной подруге. Лена была замужем за артистом Марцевичем, потом разошлась… Но какая темная ассоциативность ума! Я, кажется, уже писал, что М. — человек запуганный, не имеющий ориентиров и крепости в душе, в нем нет ни грана скептицизма, охотно верит любому вздору. Особенно все это видно опять же в еврейских делах. Ему говорят, что Николай Асеев еврей — он верит и даже приводит довод: Сарнов о нем книгу написал. Говорят, что Коля Старшинов еврей — верит, жена Вл Попова, которую я знаю с 1953 года с Дубулт — верит, недавно появившийся прозаик Кондратьев («Сашка») — верит, и т. д.

* * *

Однако же, с Кондратьевым-то он был, кажется, все-таки прав.

1. IV.1983

Позавчера у нас был большой финансовый день. Ездили с Таней в сберкассу на Центральном почтамте. Взяли там завещанные М.М. деньги: 5 тыс. + 655 проценты = 5655 р. В этот же день я положил на Танино имя 5 тыс. на срочный вклад и 500 р. на обыкновенный — здесь у нас, на ул. Черняховского, 9а.

В последнее время мне много снится снов. Два раза снилось родное Рыльское — крутой берег за Непрядвой против огородов. В ночь на 28-е приснилось письмо, да, только письмо от О.К. со словами, что собирается на неделю в Москву. А сегодня — Алена

Грачева. Дня два назад по пути в парк я встретил Ларису Богданову, и она рассказала, что недавно говорили с Аленой о коктебельцах, вспоминали и меня, и что А собирается в Италию. И вот, видимо, эта встреча и послужила толчком ко сну.

Вчера были с Таней на дне рождения у Васи. Бывает же такое стечение неприятностей! Побежал на Ленинградское шоссе купить коньяку — магазин закрыт. А ботинки ужасно жмут. А Таня (договорились встретиться у метро) опоздала. А на Новослободской в винном магазине полно народу. А стоять жарко, душно, ноги горят. А таксист везти отказался. Не хватало бы еще уронить на асфальт «Энсели» за 22 р., но тут Бог остерег. У Ивановых, как всегда, пошумели. Выпил три больших рюмки коньяка. Хватило бы и одной. Вернулись часов в 8.

Сегодня Ген. Ив. Гончаренко позвал на выставку художника Алексея Ив. Паукова в ЦДЖ. Я сидеть на юбилейном торжестве не стал, пошел домой, но, проходя по Калашному, подумал не зайти ли к Глазунову? И зашел. Получилось нечто ужасно нелепое. Я же не был у него сто лет. Он не ожидал. Жена меня просто забыла. У них какая-то срочная работа. А я без всякого дела! Не нашел ничего умнее, как спросить его о Солженицыне. Он спросил, не от КГБ ли я пришел. И это было с его стороны вполне понятно. Да, простота хуже воровства, хуже.

13 апреля

Ах, как пела сегодня утром по радио эта худенькая грузинская девочка Тамара: «Земля моя! Земля моя! Земля моя!» Я и не знаю, какие там еще слова, улавливал только «весна» и «любовь», но больше ничего и не надо, ибо тут нараспашку вся душа — ликующая, трепещущая и влюбленная.

* * *

Как теперь понимаю, это была Тамара Гвердцители. Увы, ни она, ни очаровательная Софи Ротару («Мой белый город!..») не удержались на своем прекрасном советском уровне. Стали приспосабливаться к «новому мышлению».

14 апреля

Сегодня проснулся часов в пять, и не спалось. Среди потока мыслей и воспоминаний вдруг всплыл Устименко — наш ротный сапожник. Ему было, должно быть, лет 45–50, но мне он казался стариком, папашей. Человека, в лице которого, во всем облике было столько доброты, я больше, кажется, не встречал. Он был

небольшого роста, крепкий, со смешными моржовыми усами. Я часто подходил к нему и говорил: «Шось ты, Устымэнко, все робышь?» Он смеялся и что-нибудь медленно отвечал. Сегодня он со мной был весь день.

Вечером в 5 часов был у Тамма в Совписе, взял рукопись осетина Музафера Дзасохова на рецензию. Однажды в компании с ним и еще с несколькими кавказцами в Коктебеле провели прекрасный день. Он звонил, просил какой-то поддержки. Потом зашел в ЦДЛ. В нижнем баре посидели часок-полтора с Ниной Сударушкиной из библиотеки, выпили по рюмочке коньяка. Прощаясь, я поцеловал ей руку. Она похожа на птичку. Я сказал ей это.

Она уезжала в какую-то ужасно дальнюю туристическую поездку на Восток, и я тогда подарил ее стихотворение «Амулет»:

Ваш путь лежит в немыслимые дали!
Под самолетом за день проплывет
Простор, на коем в наши дни едва ли
Не половина всех землян живет.

Навстречу солнцу будете вы мчаться
И раньше нас увидите зарю…
В надежде вскоре с вами повстречаться
Я амулет чудесный вам дарю.

На улицах Бангкока и Манилы
Пусть будет с вами этот амулет —
Кусочек камня, взятый у могилы,
Где спит и дышит первый наш поэт.

Он вас не оградит от неудачи,
От яда кобры или пасти льва.
Он вам послужит несколько иначе —
Без сказочных чудес и волшебства.

Когда бы вы его ни попросили, Забравшись в те далекие края, Мой амулет напомнит о России, Где, между прочим, остаюсь и я.

18 апреля, понедельник

Вчера отметили Катино четырнадцатилетие. Были все ее подружки, кроме Ситы, которая на соревнованиях в Сухуми. Во вторник я ездил в Ховрино и привез оттуда в подарок велосипед «Салют-С» (100 р.). Два дня и две ночи он простоял укрытый на балконе, а вечером 14-го я протер его и поставил в Катиной

комнате, когда она уснула. Насажал на сиденье, на руль всяких ее игрушечных зверушек Утром она, конечно, была обрадована и удивлена: «А где же он был?»

Вчера я ездил к Васильевым. Ирины не было дома, Лили тоже. Поговорил с Ал. Дмитриевной (она еще ничего, соображает, говорит) и с Борей. Потом поехал к Белошицким: они схоронили Анну Мих. Она умерла в 83 года, а супругу ее 95. Теперь он будет жить у них, а Сева переедет туда. Пришел, когда все уже расходились.

Сегодня вечером смотрели по ТВ «Позднюю любовь» Островского. Когда обнаружилась пропажа у стряпчего Маргаритова ценного документа, Катя расплакалась. А когда выяснилось, что этот беспутный малый перехитрил бессовестную бабенку, что документ цел, она обрадовалась и рассмеялась. О, Господи, какая чистая и нежная душа!

19 апреля

Сегодня три года как погиб Сергей. Три года! Идти ли к Ирине? Не знаю.

20. IV, 23–20

Вчера около полудня позвонила Св. Червонная и пригласила в Большой на «Спящую». Отмечалось 225-летие Академии художеств. Был нудный доклад Демичева едва ли не на час, потом разные выступления, ну а после всей этой тягомотины дали спектакль. К счастью, им оказался не «Спящая», а «Ромео и Джульетта». И три часа я провел в размышлении о любви и смерти — как лучше я мог почтить память сына? Не среди же его приятелей, которых я не знаю. Не в обществе же Ирины, которая всегда и во всем права даже теперь.

А Надежда Павлова в роли Джульетты была восхитительна. Это понял даже такой дубарь, как я.

23. IV

Вчера, в пятницу, в 2.30 сдал в окно № 1 приемной-справочной ЦК, что на ул. Куйбышева, пакет, на нем написал: «Юрию Владимировичу Андропову». В пакете — письмо на семи страницах и моя книга «Эоловы арфы» с надписью «Товарищу Андропову с горячим пожеланием, чтобы Ваш неусыпный труд был целиком на благо Родины. 22 апреля 1983 г.» Неужели опять ответом будет молчание?

Таня сегодня утром говорила, что я не знаю жизни, верю всему, что пишут, что для меня главное — моя «концепция», и ради нее я готов перерыть всю землю и т. д. Это я-то верю! Ну… И

я отвечал, что да, мало работал в учреждениях и на производстве, но для умного человека достаточно крупицы наблюдения жизни. А уж если ты не без таланта… Пушкин говорил: «Гений постигает истину с первого взгляда». А кто доказал, что я и не гений вовсе?..

Конечно, я родом из Ламанчи. Вот написал 1000 страниц (800 + 200), которые, по всей вероятности, никто не напечатает, и ведь я знал об этом, когда писал. А разве мои письма по высочайшим адресам не донкихотство? Но она же знает, что я не могу быть иным.

М. Н. АЛЕКСЕЕВУ

«3 мая 1983
Великий вторник

Дорогой Михаил Николевич!

Как видишь, я не слишком обременяю «Москву» писаниями: последний раз печатался в июле 79 — гогода, т. е. четыре года т. н. Но вот недавно сдал в отдел критики одну статейку. Суть ее вот в чем.

В начале 30-х годов некто С. Шпицер откопал в архиве стишок «Родина». Вот его первая и последняя строфы:

Природа наша, точно, мерзость!
Смиренно-плоские поля…
В России самая земля
Считает высоту за дерзость…
……
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут —
И вот что многие болваны
«Священной родиной» зовут.

С. Шпицер объявил, что этот гнусный стишок написад Дм. Вевевитинов. Этому ужасно обрадовался ученый муж Д. Благой и включил стишок в Полное собр. соч. поэта, написал к нему восторженное предисловие, где об это стишке сказано: вот, мол, подлинный-то Веневитинов!

Эта бесцеремонная проделка возмутила многих. Вмешался сам ак В. В. Виноградов. В специальной работе он доказал, что это вовсе не Веневитинов. Вопрос считался исчерпанным, и почти 50 лет никто о стишке и не вспоминал. Но вдруг в 1980 и 1982 годах появляются книги, в к-х он опять воспроизводится, объявляется

замечательным и приписывается ДВ. Один автор уверяет даже, что эта смрадная «Родина» неведомо как вдохновила Лермонтова на его прекрасную «Родину» («Люблю отчизну я…»). Будто не сама жизнь была источником творчества, а такие вот литературные образцы самого худшего пошиба.

Вот против этой попытки эксгумировать и оживить литературный труп и написана моя статья. Некоторые давние имена (Шпицер, Благой) я опустил.

Буду рад, если ты посодействуешь публикации.

Поздравляю с наступающими праздниками, которые ныне так славно переплелись — День Победы и Пасха».

6 мая

Вчера в Литфонде Вл. Федоров сказал мне, что с полгода назад слышал, что умерла Наталья Смирнова. Неужели правда? Неверное, никого никогда я не любил так больно, как ее. Она была на полгода моложе, и невероятно подумать, что сейчас ей было бы столько же, сколько ее матери Зое Георгиевне, когда мы поженились, — около шестидесяти. Конечно, вся ее жизнь была очень сложной, напряженной и трудной. Было время износиться от такой жизни. Если правда — царство ей небесное!

Она оделила меня горчайшими днями, но были у меня с ней и минуты, может быть, самого высокого взлета души.

Да, сейчас позвонил в МГПИ, и в отделе кадров мне подтвердили: умерла в начале этого года. И я невольно вспоминаю — пятая…

* * *

Года два тому назад Юрий Петрович Изюмов, давний мой сотоварищ, бывший замглавного в «Литературке», а в годы смуты возглавлявший еженедельник «Гласность», пригласил меня почтить память Юрия Николаевича Верченко, оргсекретаря Московского отделения СП, по случаю его 80-летия со дня рождения. У меня с ним были добрые отношения. Я пришел. Это было в актовом зале Дома Ростовых. Все было чинно и благородно. Со мной рядом сидел известный когда-то телевизионный международник Генрих Боровик, о котором я очень неласково писал пару раз. Первый — по поводу того, что он на XIX Всесоюзной партконференции в 1989 году пустился в рассуждения с трибуны о нерусских корнях Пушкина. Второй раз — в связи с каким-то заурядным враньем о Сталине. Но он то ли не знает об этом, то ли хватило выдержки сидеть за столом, да еще по такому случаю, как полагается. Мы даже о чем-то перемолвились по его почину.

За столом, уставленном яствами, было довольно много народу, и все говорили о покойном юбиляре очень тепло и добро. А когда Изюмов попросил сказать и меня, я тоже молвил несколько хороших слов, но потом добавил, что однажды Юрий Николаевич и первый секретарь Союза писателей Владимир Карпов подали на меня в суд. Зал встрепенулся: как так? А рядом с Боровиком и вдова сидела, кстати, не такая уж старая. Она тоже сделала какой-то жест то ли изумления, то ли недоверия. Я не стал рассказывать, в чем была суть дела, а закончил так: «Суд не состоялся. Стороны пришли к примирению. Так, давайте осушим бокалы за то, чтобы подобным полюбовным образом кончались у нас все конфликты». Все поддержали, выпили.

* * *

9 октября этого 12-го года Изюмов зашел к нам по моему приглашению и обещанию подарить «Я посетил сей мир». Пили французский коньяк. Тара-бары-растабары. Я подарил ему воспоминания и стихи — для Нонны Аристарховны, жены. А он мне — книгу «Пьер Безухов в Доме Ростовых» — о Верченко. Так вот. Пьер Безухов и подавал на меня в суд.

Но при чем здесь Наталья, с которой я начал эту запись? А при том, что обратно из ЦДЛ до метро Маяковская я шел

переулками по Вспольному и Ермолаевскому и дошел до Патриарших, до ее дома, точнее, до дома, где мы с ней жили. Я остановился у ее подъезда, постоял, вошел. Она жила на четвертом этаже. Хотел подняться, постучать в ту дверь, может быть, открыли бы, и я зашел бы в ту коммунальную квартиру, посмотрел бы, вспомнил… Но внизу сидел лифтер. Я спросил его, кто живет в той квартире. Он ответил, что никаких Смирновых там нет. Ну, конечно. А что же ты думал?

Я вышел на улицу, дотащился до той скамьи у пруда, на которой 5 декабря 1950 года в День Конституции первый раз поцеловал ее. Посидел, помолчал и побрел дальше…

Потом Наталья вышла замуж за Ивана Николаевича Серегина, директора Литературного института, где она работала. Одна деятельница райкома партии (кажется, по фамилии Трифонова) пыталась втравить меня в склоку по этому поводу, поскольку они стали жить вместе, когда наш брак еще не был расторгнут. Любителей таких склок всегда хватает. Я решительно пресек эти попытки. А позже Наталья родила двух сыновей, и, кажется, все у них было благополучно до его неожиданной ранней смерти в Дубултах, в Доме творчества.

Но вот как бывает! Однажды, не помню по какой надобности, мне позвонил от КПРФ незнакомый Серегин, кажется, член ЦК или даже один из секретарей. Из разговора выяснилось, что он — сын Ивана Николаевича от первого брака. Мы хорошо поговорили, и я попросил его, если можно, взять у сыновей Натальи ее фотографию. Увы, это ему не удалось…

12 мая

8-го, в первый день Пасхи, нас, детей трое, и Сережа ездили в Глухово на могилу отца и мамы. Народу было на кладбище — как на демонстрации. Вот ведь — никто не агитирует, не организует, даже не извещает о дне, а люди идут и идут. Это прекрасно!

9-го встретился у Большого театра со своими фронтовыми старушками-подружками. Поехали в Парк Горького. Там встретил Геру Шишкину с двумя внуками. Расцеловал ее и сфотографировал. Потом встретил Лилю Беляеву. Прошли со старушками вдоль набережной до штандарта нашей 50-й армии. А еще у метро встретил Мишу Фоменко и его дружка Сорокина, Героя Труда. Из парка решили ехать к Якушевой на новоселье. По дороге четыре человека — старье! — потерялись, приехали мы только четверо. Клава угостила как надо. Бутылку коньяка мы с ней почти прикончили без чужой помощи.

Потом я поехал к Фоменке. Потом куда-то еще зашел. На другой день на душе было тяжко и пакостно. Теперь почти всегда

так бывает после крепкой выпивки.

Вчера отвез в Воениздат своего «Ветрова». Посмотрим. Рыбин сам предложил принести.

16 мая

Сейчас позвонила Ада и сказала, что умер Федор Абрамов. Ей позвонил Сергей и сказал, что в театре у них, на Таганке, вывешен его портрет. Ужасная утрата! Не второй ли после Шолохова это был русский писатель. А я все эти дни вот уже недели две собирался написать ему письмо по поводу все тех же трех процентов — у него была в «ЛГ» статья, дававшая повод для размышлений на эту тему.

Вчера с Адой ездили на кладбище к моему Сергею. Я помыл все три камня, Ада посадила кустик незабудок

20 мая

«Ветрова» отнес в «Молодую гвардию» и после разговора с Т. М. Шатуновой сдал в отдел писем на имя Вл Ил. Десятерика, директора.

С 10 мая 1-я часть у Рыбина Б. И. в Воениздате.

23. V. Коктебель, 10.30 вечера

Коктебель! Опять я в этом филиале рая. Какая красота! Какое великолепие! Цветет акация, жасмин, все зелено, свежо. Море — 18 градусов. Завтра буду купаться. Но почему-то не поют соловьи. А поезд вчера мчался сквозь сплошной соловьиный свист.

В вагоне (СВ) я ехал с очаровательной молодой особой лет 28–29, Еленой Петровной Кулик, урожденной Алексеевой. Она везла сына, 6–7 лет, к матери в Феодосию. Я всю дорогу называл ее ангелом на пять с двумя плюсами, а его чертенком на три с двумя минусами. Рад был встретить здесь опять Мишу Селезнева. Сегодня перед ужином выпили у него коньячка, а после ужина пошли по набережной. На пирсе набрели на Гришечку, я обнял его за плечи: «Что, Гриша, рыбку ловишь?» Потом пошли все вместе к телефону. Я позвонил домой.

24. V

В первую ночь здесь, на крымской земле, приснилось, будто умер Алеша Павлов, и я у него дома на крыльце утешаю его мать. Тьфу! Тьфу! Тьфу через левое плечо. Впрочем, говорят, это верная примета, что долго жить будет.

27. V

Любовь Александровна Герасимова, Люба, спросила:

— Сколько вам лет?
— А как вы думаете?
— Сорок пять.
Я, наглец, сказал:
— Сорок семь.

Я проводил ее до шоссе и вел себя по дороге так, что она могла подумать, что мне и не 47, а 17.

Завтра условились встретиться в 7.30 у входа. Видно, очень славная женщина. Она сказала, что ей 25, вернее, приняла эту цифру. Жила в Башкирии, вышла замуж и уехала в Смоленск Сейчас живет в Десногорске, обучает солдат строительному делу. У нее умерла дочка в возрасте одного года и семи месяцев. Похоже, что сейчас не замужем.

29 мая

Сегодня по «Голосу Америки» передавали какое-то выступление или статью Солженицына. Наверное, будут повторять. Хорошо бы послушать, что он квакает. А вчера, вероятно, «Немецкая волна» передала, что Г. Владимову дали выездную визу и он приехал в ФРГ. Он хочет пробыть за границей, как сказал, не больше пяти лет, работать, преподавать, а потом вернуться. Ему сказали, что возвращение будет зависеть от поведения за границей.

Позавчера — коньяк, вчера — водка. Не пора ли хотя бы сделать перерыв?

Люба вчера сказала: «Вы очень молодо выглядите. Вам, наверное, говорят об этом часто?» Милая девочка! И это несмотря на то, что я соврал ей на 12 лет!

2. VI, Коктебель

Купаюсь, читаю, пишу письма — больше ничего не делаю. Дочитал сегодня «Навеки — восемнадцатилетние» (заглавие — как лозунг) Г. Бакланова. Общее впечатление — скучно. И люди — неинтересные, несимпатичные. Силится он дать трогательную любовь, а любви нет, нет дыхания, тепла. Зря я печалюсь о Бондареве. Он рядом с Г.Б., право, титан. По крайней мере, у него батальные сцены органично входят в сюжет, в них продолжается раскрытие образов и отношений между героями. А ведь у Г.Б. батальные цены отрезаны от всего остального. И раздражает его постоянное стремление малевать ужасы, выдавать чрезвычайности и невероятности. Ранение — так сквозь всю голову, от уха к уху, а он жив, или — черви в ране,

или — молодой летчик красуется в поезде перед девушкой, рассказывает ей о воздушных боях, а по белому подворотничку у

него ползет крупная вошь… Уж лучше бы сказал, что ширинка была расстегнута и из нее торчал пенис. Все это — от незнания войны, от своей неуверенности. Помню, читал когда-то его «Пядь земли» (больше-то я, кажется, ничего и не читал из его сочинений), и там тоже было: в походе солдат выколол глаз о штык впереди идущего и т. п. «ужасти». Да ведь штык-то выше головы, как на него угодить глазом? И с тех пор сколько лет прошло! Мог бы подумать.

7 июня

Сегодня видел странный сон. Будто я иду голый из дома Васильевых в метро «Смоленская». Так и иду на глазах у всех. (Это мне снится уже не первый раз.) Прикрыл обеими руками причинное место и иду. Вдруг вспоминаю, что надо идти мимо Министерства иностранных дел, и это останавливает меня. Но потом делаю еще две попытки идти, и каждый раз не решаюсь пройти мимо МИДа. Кажется, видеть себя во сне голым — к болезни. Но какое почтение к МИДу с гербом на лбу!

А вчера приснился Феликс Кузнецов. Это ж надо такую каку увидеть! Неужто для его явления достаточно было увидеть Фелю в программе «Время» на Пушкинском празднике в Михайловском? Но был он во сне как в молодости — без бороды, бритый. Уж не собрался ли кто-то побрить его?

Вчера перед ужином выпили по случаю дня рождения Пушкина по рюмочке водки (я — три). Молодые дамы сразу захмелели. Здесь, в Крыму, спиртное действует быстрее и глубже. А после ужина, уже часов в 9, зашли Оля Чалмаева и некая Наташа, невестка М. Колесникова. Они пили сухое, а я — еще рюмочку «Столичной» и читал им Пушкина: «Пора, мой друг, пора…» и «Мне вас не жаль, года весны моей…»

Сегодня утром не делал гимнастику, а бегал по дорожке, что справа от нашего коттеджа. Сделал 20 оборотов = 8 минут. Буду каждый день прибавлять по два конца.

Долматовский сказал мне вчера невероятную вещь. Солженицын пишет в «Архипелаге», что после опубликования «Одного дня» ему стали писать со всех концов страны, и вот по материалам 227 таких писем он и написал «Архипелаг». А Долматовский говорит, что ему рассказывал какой-то генерал (видимо, КГБ), что дело обстояло совсем не так Оказывается, сам Хрущев распорядился, чтобы ему дали доступ к делам и отобрали бы для него наиболее курьезные, особо экстраординарные. Вот эти-то дела он и использовал. Очень похоже на правду! Это объясняет многое, в частности, почему он не назвал никого из 227, хотя в других случаях, гораздо более рискованных, называет

людей. Значит, не только «Одним днем», но и «Архипелагом» мы обязаны Кукурузнику. Да от этого фрукта вполне можно было ожидать таких подарков.

9. VI, среда. Коктебель

Долматовский меня тронул: дня в 3–4 прочитал мои «Арфы» от корки до корки и сегодня, когда я, пообедав, подсел к нему, высказал ряд дельных замечаний, которые, впрочем, мне и самому были известны.

Позавчера вечером вернулся из поездки в Михайловское Миша Селезнев, и вчера перед ужином мы распили у него бутылку коньяка вместе с его дочерью и зятем. А за ужином, когда мимо проходила та увлекательная чудачка, что ходила даже в жару в меховой безрукавке, блистая полными, как ни у кого загоревшими руками, я, пребывая в легкомысленном состоянии, сказал:

— За такой загар я вам присудил бы Гран-при.

— Только за загар?

— О, нет! И за все остальное — тоже! Она сказала, что идет купаться.

— После купания заходите на рюмку коньяка.

— Если бы я еще знала куда.

Я сказал. Она не промолвила «Хорошо», не кивнула головой, и я подумал, что это был пустой разговор.

Но она пришла! Выпили, закусили. Она сказала, что надо накормить сына и мужа художника Володю, и пошла жарить им мясо.

У Евтушенко так

Со мною вот что происходит:
Ко мне совсем не та приходит…

А у меня так

Со мною хуже происходит:
Ко мне та самая приходит,
Но все равно, хоть плачь, дела:
Пришла, поела и ушла.

11. VI, суббота

Вчера в 4 часа пошли с Галей Ойстрах в Тихую бухту. По дороге много читал ей стихов, главным образом Пастернака, ибо она о нем заговорила. Но выяснилась и такая вещь. Она знакома с

внучкой Пастернака. Та воюет с Литфондом за дачу

деда: ее, мол, надо превратить в музей. Галя всей душой с ней заодно и считает возмутительным, что бедную внучку хотят выгнать из кооператива. Я объяснил ей, что, во-первых, дача эта не кооперативная, а служебная, литфондовская Во-вторых, ведь нет пока музеев ни Асеева, ни Луговского, ни Светлова, ни Смелякова — почему должен быть музей Пастернака? Ведь это поэты тоже большие. Нет, сказала она, Пастернак выше. Допустим. Но ведь в Переделкине еще жили Леонов, Федин, Фадеев и другие крупные писатели, — что будет, если все их дачи превращать в музеи? Внучка пользуется дачей вот уже лет 20, пусть и за это спасибо скажет. Но это я не сказал, чтобы не обострять дело.

Я торопился, даже не успел искупаться, так как должен был прийти Миша. Он пришел уже около семи, и мы выпили грамм по 120 коньяка. Возвращаясь после ужина в веселом настроении, я встретил Риту Кокорину, Марину Таурину, Галю Кострову и всех троих пригласил на рюмку коньяка. Дамы не замедлили явиться. Пришлось откупорить новую бутылку. Помыл черешню, нарезал сыр — и дело закрутилось. Сперва — я был в ударе! — посвятил их в свою идею упразднения литературных премий, прочитал некоторые места из своего письма. Потом читал стихи: Пушкина, Бунина («Пора, мой друг…», «Пророк», «И цветы…», «Они глумятся над тобою…»). В одиннадцатом часу выставил и клубнику.

16 июня

12-го вечером поехал в Феодосию и привез всю ораву Катю с Таней, Таню Кузнецову, Белу с ее двумя детьми — Светой и Олегом. Еще хорошо, что не захватили с собой Ирину Константиновну или старика Файнберга. И жизнь моя, жизнь анахорета, пошла кувырком. Белу с детьми я поселил здесь, рядом, в комнате, которую сдала Люда, работница кухни, там они и живут. А девочки две ночи ночевали в ком. 22 третьего корпуса, можно бы и еще ночку закосить, но Таня моя отговорила. А теперь, конечно, живем все четверо вместе, Таня спит на раскладушке, которую я заблаговременно взял у Ани. Ну, а завтракать и обедать все собираются на нашу веранду, да еще является Бисвиська — и содом полный! К тому же сегодня девочки приветили чудного котеночка из породы мурлыкающих блохоносов. Он моментально освоился и сейчас возлежит на Катиной постели.

Таня привезла 200 р., да Таня К. 110, да у меня было 80. Я уже сказал, что можем осуществить мечту кота Матроскина —

купить корову Мурку и каждое утро пить парное молоко.

17. VI

Андропова вчера избрали Председателем Президиума Верховного Совета.

Слава Богу! Почти все, что он делает, на его месте я делал бы тоже.

Какой-то из «Голосов», вероятно, Америки, сегодня утром говорил: «Того, что Брежнев добился через 13 лет, Андропов добился через 7 месяцев». И отлично! И во всем остальном, во всех других начинаниях надо спешить так же. В его речи на пленуме настойчиво звучит эта мысль: надо торопиться! Да, конечно, тем более, когда тебе уже 69 лет.

20. VI

16-го приехал Вл. Бор. Микушевич с женой Тат. Влад и пасынком Митей. Я, как всегда, рад встрече с ним. Занял ему место в столовой на веранде. Вчера после завтрака шли домой вместе (они живут в 14-м), и он завел речь о том, что вот читает сейчас Андрея Белого и видит, как ныне пала не только поэтическая культура, но и культура чувств. Я привел ему в подтверждение этого такие примеры. Балкарская поэтесса Т.З. написала стихи (она мне подарила эту книгу), в которых говорит матери: «Как я тебя люблю! Как ты мне дорога! И как мне будет больно и одиноко, когда тебя не станет!» Второй пример: в романе Бондарева «Выбор» супруги Васильевы, похоронив друга детства и юности Илью Рамзина, едут в машине с кладбища, и жена говорит мужу «Если с тобой что случится (!), я не переживу!» Третий. Поэтесса Татьяна Кузовлева с восторгом цитирует стихи Геннадия Красникова, обращенные к участникам войны: «Без вас будет пусто на свете…» и т. д. (1 мая 1983 г.). И ведь все это из добрых чувств, из чистых побуждений. Писатели, поэты, поэтессы, они не понимают, что доброта, любовь, восхищение, как и все на свете, имеют свои формы выражения, что им должны сопутствовать некие и другие чувства, например, деликатность, а без всего этого доброта может обернуться сердечной тупостью, восхищение — бестактностью, нежность и любовь — оскорблением. Ведь, в сущности, все эти трое, вернее, четверо, говорят людям, которых любят: «Как жаль, что ты (вы) сыграешь скоро в ящик!»

А вечером четыре девицы (Вера, Наташа, Надя и Лена) пригласили отметить День медицинского работника. Ну как же — такой праздник! Было мне тоскливо и томительно, почти не пил, но съел несколько черешен.

27. VI

Вчера отменно отметили здесь Троицу. Собрались на лужайке у нашего дома человек 15 взрослых и столько же детей. Орда! Лена Грюнталь принесла огромную камбалу, которую ей подарил сын хозяйки, где она живет. Мы разожгли костер, чтобы испечь ее на углях, но тут же появилась какая-то завскладом Мария Николаевна, потребовала потушить. Ей, конечно, стали возражать. Тогда она взяла ведро воды и залила сама. При этом дело дошло до мелкого членовредительства. Я в это время ходил с Микушевичем в столовую за нашими ужинами, и мы не видели всего этого. Камбала получилась сыроватой, но кое-кто все равно ел. Но и без камбалы пир удался на славу. Расстелили на траве газеты, расставили водку, вина и прочие яства, уселись вдоль этого стола на ковриках — и пошло дело! Потом пришел Зот Таболкин с женой Нелей, потом Миша Селезнев заглянул, а в 9 часов мы его проводили. Без него сегодня грустно. Люблю я таких людей — бесхитростных и надежных. Он был тронут, что я на его проводах 25-го похвалил его стихотворение «Платформа Отдых». Я похвалил совершенно искренне, но стихотворение это специально прочитал перед тем, как мы пошли к нему на прощальный вечер.

29.VI

Вчера приснился сон, кто-то знакомый, но неузнанный сказал мне о моем поведении там, во сне, что это постыдно, и он был прав, и я ничем не возразил ему.

30. VI

Всю ночь опять что-то снилось. Вспомнил сейчас три вещи. Тигран Петросян, с которым я будто бы сидел рядом в каком-то большом зале, и мы познакомились. Он то ли надписал мне свою книгу, то ли дал адрес. Это первое. Второе — кто-то вошел и сказал, что в автомобильной катастрофе погиб Даниил Гранин. Ни о том, ни о другом и мыслей у меня никаких не было. А третье — в своей желтой кофте (значит, сон был цветной) промелькнула Таня Мартынова (Рубина Татьяна Борисовна). Это 30-летняя приятная женщина, с которой я познакомился на пляже незадолго до приезда моих. Я послал ей по почте два стихотворения и дал «Москву» с моей статьей об Окуджаве.

Кстати, вчера смотрели фильм 1976 года «Ключ без права передачи». Режиссер Динара Асанова, сценарий Георгия Полонского (он, кажется, был тут в первую смену). Так в этом фильме живой Окуджава читает стихи у дома Пушкина на

Мойке, и там говорится, что как, мол, везло Пушкину — он любил красивых женщин и даже убил его красивый человек. Ведь вот до чего заласканные мэтры доболтаться могут!

4. VII.83

И даже в море, купаясь и плавая, наш брат ведет разговоры о литературе. Сегодня перед обедом, кувыркаясь в волнах, говорили с Петей Палиевским о Б. У него мнение очень резкое. Тетерев, говорит. Особенно его возмущают, как и меня, бесконечные философствования. Ведь действительно опупеть можно. Я попросил его прочитать кое-что из моих писаний о нем. Это, говорю, в том же духе, что и об Окуджаве. Надо будет завтра дать страниц 50.

Прочитал здесь «Осень патриарха» Маркеса и «The great Gatsby» Фицджеральда, которого раньше ничего не читал. «100 лет одиночества» Маркеса я пробовал читать, но, осилив страниц 130, не смог продолжать. Все в голове перемешалось, не воспринимаю я этот «фантастический реализм», что смахивает на дурашливость. А вот «Осень» читал с удовольствием. Там с самого начала задан четко и ясно этот самый «фантастический» ключ, и я это воспринимаю. Даже жалко, что не прочитал раньше. Сделал пять страниц выписок «Гэтсби» вначале показался легковесным, но потом увлек, и в нем есть настоящая глубина.

5 *шюля*

На каблуках, в огромной, почти как сомбреро, шляпе, в размалеванных разными надписями майках, развратной походкой старой бляди гуляет здесь по набережной и аллеям коротышка Эдвард Радзинский. Вчера он был в рубашке со словами «Перо сильнее шпаги. Драматург». Имеется в виду конечно, «драматург Радзинский». И каждый день с новой бабой. Господи милостивый, неужели Татьяна Доронина действительно его жена!

Вчера был фильм «Андрей Рублев». Петя Палиевский сказал: «Если бы показывали, как его (фильм) сжигают, то я бы пошел».

9. VII

Итак, сегодня вечером уезжаем домой. Кажется, еще никогда я не проводил здесь время столь энергично. Правда, ничего не написал, кроме нескольких лирических стихов и письма «Об упразднении чинов и званий в российской словесности». Но зато, во-первых, начал играть в теннис, последние две недели играли с Таней по часу перед завтраком и по часу перед

ужином. Прекрасно! Во-вторых, никогда не плавал так много и так далеко, делал треугольник к бую, от него к другому и к

берегу. В-третьих, никогда не пили так много и так хорошо. Вот сейчас посмотрел, остались 5 бутылок из-под коньяка (только одна не моя, Андрея Грюнталя), 5 бутылок из-под водки (и все какая — «Посольская», «Сибирская», «Московская»!) и 6 бутылок из-под сухого, да еще, помнится, что-то я выставлял на веранду, и горничная забрала.

В-четвертых, прочитал «Великого Гэтсби» Фицджеральда, «Осень патриарха» Маркеса, кое-что в наших журналах и ежедневно читал «Правду», «Известия», «Комсомолку», «Красную звезду», по поводу чего Петя Палиевский мне сказал «Как ты можешь при твоей квалификации тратить на это время!» В-пятых… Но здесь я и остановлюсь.

2 июля 1983 г. «Уважаемы тов. Бушин В. С.!

В связи с Вашим письмом в ЦК КПСС просим позвонить по телефону 206-26-38.

Инструктор Отдела культуры ЦК КПСС Г. Гоц».

Черт меня дернул писать им! Ведь затаскают теперь. Был же у меня опыт общения с ними.

11. VII, Москва

Вчера вернулись из Коктебеля. Ехали хорошо. Девочки всю дорогу спали. Поезд вместо 22.10 пришел около 11-ти. Нас встретил на машине Юра, и в половине двенадцатого мы уже были дома. Помылись и около двух часов легли спать.

В Москве литературная жизнь бьет ключом. Во-первых, над нами, на 9-м этаже, обчистили квартиру Аникстов. По одним сведениям, на 5 тыс. рублей, по другим — на 8,5. Даже для шекспироведа это немалая трагедия. Во-вторых, еще ранее того обчистили квартиру Майи Ганиной и Юрия Сбитне-ва на Кутузовском проспекте. По некоторым сведениям, унесли на 35 тыс. рублей (сказал А Мошковский). Знать, пронюхали, что они года два назад отгрохали роскошную дачу где-то под Лопасней. В-третьих, было совершено гангстерское нападение на Владимира Огнева. По звонку он открыл дверь, и какой-то малый, стоявший на пороге, кинулся на него. А дома была и жена, бедный Огнев только успел крикнуть ей, чтобы позвонила в милицию, а сам вступил в борьбу с преступником. Тот, поняв, что их двое, бежал. Таким образом Огнев спас честь всей корпорации критиков, а заодно и свои богатства, которые после выхода недавно его двухтомника и однотомника, видимо, сильно возросли. Бедный Огнев! Когда-то на него упала в ЦДЛ люстра, а вот теперь нападение. Тогда его некоторое время звали Огнев-

Люстрин. Как назовут теперь? Да, литературная жизнь кипит.

13. VII

Я испугался только в первый момент, а потом откуда-то пришла уверенность, что все кончится хорошо, но был взбешен нерадивостью Татьяны. Они поехали к Люсе. Когда выходила из дома, я спросил, есть ли у Кати деньги, сказал: «Дай ей». Они собирались купаться, но дождь промочил их, и они пошли к Люсе. Оттуда Татьяна позвонила, сказала, что Катя, вероятно, поедет домой, а они — к Лиле. Я сказал: «Когда примете решение — позвони мне». И вот около девяти она звонит: «Катя дома?» А ее нет. Оказывается, они расстались полтора часа назад, и Катя давно должна быть дома. Где же она? Я уже обзвонил и Ситу, и Соню, и Таню, и Бисвиську — никого их дома нет и в Москве нет. Позвонил нашей Гале. Да, за Катю я, пожалуй, не волновался, но вот-вот стемнеет. Татьяна каждые пять минут звонила. И вот наконец около десяти Катя заявилась. Оказалось, родная мамочка посадила ее, вернее, показала ей не ту остановку, и она уехала до конца не в ту сторону. А денег всего 5 копеек! Слава Богу, она решилась ехать назад без билета. Доехала до «Сокола», а на метро пяти копеек нет! Ох, Танечка, до чего ж ты легкомысленна! Но — слава Богу! — все обошлось.

21 шюля

Был в ЦК. Беседовал с Гоцем Ген. Сидоровичем и зав. сектором Степановым В.А Пустое дело.

2. IX, Москва

Третий день твержу стихотворение Л. Мартынова:

Я жил во времена Шекспира,
И видел я его в лицо,
И говорил я про Шекспира,
Что пьесы у него — дрянцо,
И что заимствует сюжеты
Он где угодно без стыда,
И грязны у него манжеты,
И не изящна борода.
Но ненавистником Шекспира
Я был лишь только потому,
Что был завистником Шекспира
И был соперником ему.

Только я читаю не «где угодно», а «где попало», и не «не

изящна борода», а «неопрятна», и не «ровесником», а «соперником».

18. IX, воскресенье

Ах, какая стоит осень! Каждый день как ломоть спелой дыни. (Впрочем, пожалуй, так лучше б сказать об августе.) Собираюсь в Коктебель.

Я, казалось бы, вполне искренне презираю нынешние обильные награды — все эти медальки да орденки. Ну, в самом деле, после 18-кратного Героя, маршала, кавалера ордена Победы и лауреата Ленинской премии по литературе все это опоганено окончательно. Все так, но вот, однако же, два раза уже снилось, что награжден я Золотой Звездой Героя Соцтруда. О, глубины подкорки, кто в вас проникнет!

19. IX

Сегодня в 12 часов проводил с аэровокзала Таню — полетела в Самарканд на какую-то конференцию с фильмом своей студии. Вернется в субботу, а я в четверг отправляюсь в Коктебель.

С аэровокзала поехал в российский Союз — отдать рецензию на книгу Ан. Знаменского «Золотое оружие». Зашел к Мише Шевченко. Он великий почитатель и знаток Шолохова. Почти целый час о нем и проговорили. В Алма-Ате вышла книга какого-то Гавриленко о Шолохове, и в ней он рассказывает, как однажды Шолохов прочитал статью Шевченко о себе, вернее, то была не статья, а зарисовка, что ли, о том, как старик-отец читал «Тихий Дон», как был поражен и раздосадован он тем, что Мишка Кошевой не поверил Григорию и тем пихнул его в банду. Шевченко, конечно, очень доволен, что Шолохову это место понравилось и взволновало его. Рассказал Миша, что, когда Шолохов окончил «Тихий Дон», написал Лежневу: отослал, мол, в «Новый мир», концовка такая, какую никто предугадать не мог, лишь бы напечатали, а там — хоть четвертуйте.

А я в четверг отнес в «Москву» своего «Суровцева» и сказал Вике Софроновой, что не нужно мне, мол, никакого гонорара, сам готов перечислить в Фонд мира тысячу рублей. Лишь бы напечатали.

Потом вернулся домой, пообедал и поехал в издательство «Молодая гвардия». Десятерика не застал — он числа до 10 октября в отпуске. Володин («ЖЗЛ») на заседании. Так и вернулся ни с чем.

М. Н. АЛЕКСЕЕВУ

«20 сентября 83

Михаил Николаевич!

Я выполнил нашу давнюю договоренность — написал статью о Ю. Суровцеве, отчасти прихватил В. Оскоцкого. Значение статьи, я думаю, гораздо шире личных имен. Я показал, что очень важные позиции в критике захватили люди недобросовестные, развязные и невежественные, и что сделано это при пассивном, а то и поощрительном отношении литературного начальства. Я показал также, как это вредно и опасно для литературы и ее будущего.

Я сейчас уезжаю из Москвы и надеюсь, что к моему возвращению недели через три статья будет уже всеми прочитана, и вопрос станет ясен.

Всего наилучшего!»

В. ШОРОРУ,
помощнику ЕММаркова
«20.10.83

Дорогой Володя!

Своими расспросами, а отчасти и угрозами вчера в ЦДЛ ты меня удивил и огорчил.

До тебя дошли какие-то невнятные слухи от людей, которых ты отказался мне назвать, о какой-то моей рукописи, будто бы сданной в какую-то инстанцию Союза писателей. И вот ты кинулся разыскивать ее, но, увы. Нигде не обнаружил. Разве твоя служебная обязанность в том, чтобы вызнавать и вынюхивать все, что происходит в литературном мире, и осведомлять об этом начальство?

Если рукопись не поступила тебе, значит, она не тебе и адресована, значит, тебе и не следует о ней беспокоиться да еще так рьяно. Пойми же, дорогой, что есть в литературной жизни вещи, которые тебя не касаются, тем более, что ты такой молодой член Союза писателей, кажется, еще и трех лет не исполнилось твоему стажу.

И уж совсем ты меня ошарашил уверенным заявлением: «Если захочу, твоя рукопись завтра будет у меня на столе». Но, как я понял, ты уже давно очень хочешь, а рукописи нет…

Друг мой, при таких замашках, склонностях и амбициях тебе бы не на побегушках у Георгия Мокеевича служить, а быть бы правой рукой Леонтия Васильевича. Ей-Богу!

Обнимаю

С пламенным литинститутским приветом!»

26. IX, Москва

Ого-го! Как давно не раскрывал дневник Надо было бы записать и об августе, проведенном в Малеевке, и о сентябре — в Москве, и о сентябре — октябре в Коктебеле.

В Малеевке хорошо работалось. Закончил статью «Послушай, дедушка» о Суровцеве. Все время купался в пруду, играл в теннис с Таней, когда она приезжала, с Катей (она жила там две недели), а в конце — с Надей Островой.

… А 22 сентября уехал в Коктебель. Дала мне Ада Ефимовна 11-ю квартиру 3-го корпуса. Жил я там как бог. Опять играл в теннис, купался в холодном море, и работа была подходящая: сокращал своего «Ветрова». Из 400 стр. убрал 130. И, откровенно говоря, почти все это пошло на пользу делу. О Достоевском много было интересного, но знающим людям это известно, а книга-то не о нем. Сейчас сокращаю вторую часть — военную. И тоже делаю с удовольствием. Много там лишнего. Ну, в самом деле, нельзя же всерьез опровергать весь солженицынский вздор и всю его малограмотную клевету, а я это делал. Доказывал, скажем, что Герои Советского Союза — это действительно герои. Приводил 11 примеров в ответ на его слова, что-де Героя давали «тихим мальчикам», отличникам политической подготовки. Ну не смешно ли! Как помогает время трезвости взгляда. А ведь тогда, полтора года назад, я наверняка стал бы при случае доказывать, что это нужно, важно и т. д. …

Вчера пошел в Союз за талоном на фрукты и попал в объятия Юры Гордиенко. Хорошо поработали в малом банкетном зале — две бутылочки коньяка выкушали на четверых — Юра, Феликс Чуев, Юр. Кузнецов и я. Платил Гордиенко. Кузнецов было вынул две «красненьких», но он заставил его убрать. А придя домой, решил поздравить с 80-летием Э. Гр. Герштейн. Сорвал распустившийся цветок с кактуса и пошел. А там уже застолье. Мне бы поздравить и уйти, но она, по вежливости, пригласила сесть, и я с пьяных глаз остался. Должно быть, больше часа просидел, кидал им свои завиральные идеи насчет «Александрийского столпа», «Прощай, немытая…» и др.

16 ноября 1983 г.

Сегодня в «Литературке» на целую полосу напечатаны прекрасное письмо Глеба Горышина Бурсову и отрывок из замечательной книги Бориса Ивановича «Судьба Пушкина». То и другое прочитал с удовольствием.

Захотелось посмотреть, что я писал ему еще в 81-м году. Покопался и нашел это письмо от 20 января.

«Уважаемый Борис Иванович!

Работая над книгой о самой что ни на есть современности (о Солженицыне. — *В.Б.*), я ощутил нужду опереться в одном пункте на Достоевского. С этой целью решил заглянуть в Вашу книгу «Личность Достоевского». Заглянул, да так и не смог оставить ее, не дочитав до конца. Книга интереснейшая, богатейшая по наблюдениям и мыслям. Однако кое-какие как раз интересующие меня места остались для меня неясными.

Например, Вы пишете: «петрашевцы предпочли лучше(?) подняться на эшафот, чем отречься от своих убеждений» (с.142). А разве такая возможность выбора им предоставлялась?

Я не понял, как вел себя Д. на следствии: «он сваливал вину за свои действия как члена группы на Спешнева» (с.93). Где это имело место? Когда? Как? На самом следствии или потом в каком-то разговоре или письме? Разница очень важная. Если на следствии, то как же понимать его слова в письме Тотлебену: «Я вел себя перед судом честно, не сваливал свою вину на других и даже жертвовал своими интересами, если видел возможность выгородить других» (с.307). Это подтверждают и слова чл. Следственной комиссии ген. Ростовцева о нем: «умный, независимый, хитрый, упрямый преступник».

Озадачивает и вопрос об отношении Д. к Западу. В одном месте в книге сказано: «к Западу относился с нежностью. Достойной удивления» (с.600). В другом читаем: «Оба (Толстой и Д.) резко отрицательно относились к Западу» (с.666). Что читателю думать?

Вы пишете: «С детских лет Д. узнал нужду в разных ее обличьях… запомнил детство как мрачное и нелюдимое». Но этому противоречат и вспоминания брата, Андрея (с. 115), и сведения о том, что в семье Д-х прислуживали няня, две горничных, были кухарка, кучер, лакей, имелся свой выезд, наконец, два имения.

Вы уверяете, что Д. признавал большое значение «достижений едва ли не всех выдающихся писателей, живших до него и одновременно с ним», а на стр. 137 — совсем иное.

Вы пишете, что Толстой признавал великими пять писателей. Почему не назвать их? Ведь читатель умирает от любопытства.

Вы неоднократно хвалите «редкую терпимость Д. к чужим мнениям». И вдруг: «Он зло издевается над всем, что не соответствует его собственному умонастроению» (с.170).

Сомнительным мне кажется Ваше утверждение: «Желания могут быть только у свободного человека» (с.372). У несвободного человека, мне кажется, есть, по меньшей мере, одно желание — обрести свободу.

«С А. Шуберт у Д. было некоторое подобие романа». Что это

такое?

Позвольте заметить и о том, что есть не «Троице-Сергиев-СКАЯ» лавра, будто она названа так не в честь о. Сергия, а какого-то тов. Сергиева, но — Троице-Сергиева.

Если хоть 2–3 моих замечания Вам пригодятся, буду очень рад.

И еще одна просьбы: не могли бы Вы сказать, откуда эти слова Д-го: «дети голодали, уже несколько дней они ничего не видели, кроме хлеба и колбасы».

А известна ли Вам странная книга В. И. Кулешова «Жизнь и творчество Достоевского»? Странность ее уже в том, что в отличие от Вашей книги она написана без любви к писателю и даже с явным чувством вражды. Так вот он пишет «Суслова обвинила Д в том, что, порвав с изменившей ему женой, он помогал ей материально». Что за чушь! Мария Дмитриевна умерла у него на руках. В этой книге все от начала до конца сомнительно».

На эти мои январские придирки Б.И. ответил 12 февраля:

«Уважаемый Владимир Сергеевич,

простите Бога ради, что с таким запозданием отвечаю на Ваше столь любезное письмо. Я бы даже сказал, что это редкостный случай для нашей среды, где так принято подсиживать друг друга.

Я действительно собираюсь переиздать «Личность Достоевского, и Ваши замечания для меня очень ценны. Кое-что из того, о чем Вы написали, было уже исправлено. На следствии Достоевский вел себя безукоризненно».

Далее перечислял свои исправления, а в конце писал «Еще раз большое, большое спасибо. Через год-полтора будет возможность послать Вам новое издание «Личности», и вы убедитесь, сколь внимательно я отнесся к Вашим замечаниям.

А пока всего Вам доброго. Примите мои самые лучшие пожелания. При случае был бы рад познакомиться.

В. Бурсов».

Я ответил: «Вы пишете, что рады были бы при случае познакомиться со мной. И я был бы рад. Я видел Вас на последнем съезде писателей в буфете Дворца съездов, но не решился подойти. Что ж, будем ждать нового случая. Но я с Вами уже в большой мере знаком через Достоевского, а если у Вас есть желание составить некоторое заочное представление, то можно, например, взять ж «Москва» № 7 за 79-й год — там один мой

довольно нескучный опус. (Это была статья о «Путешествии дилетантов» Окуджавы).

Всего Вам доброго.

С поклоном».

22. XI.83

Вчера позвонил в Воениздат насчет справки о гонораре для пенсии и чтобы забрать две свои рукописи («Ветров» и о Б.), и вдруг секретарь отдела прозы Марг. Мих. говорит мне, что вышли мои «Арфы». Как так? Ведь я ожидал в лучшем случае будущим летом. А вот так! Словно в сказке — в феврале, кажется, я им сдал расклейку, в марте они сдали в набор, и вот в ноябре — выходит. Несмотря на недомогание, поехал в издательство за «сигналом». Как издали! Какая обложка! Какие надписи! Какой корешок! Ну словно Бальзак.

Право, вся эта история будто сказочная. И издать предложили сами, и 350 рублей за лист платить согласились (вернее, вести отсчет от этой точки!), и тираж определили в 100 тыс., и вот издали, что ли, не всего через полгода. Фантастика! Теперь бы еще заплатили как следует, а там на страх врагам можно бы и на премию выдвинуть. Хотел порадовать такой удачей свою семейку. И что же? У дочери как клещами вытащил «Поздравляю». А жена, поскольку я, по обычной своей склонности к розыгрышам, сказал вначале, что это, мол, всего лишь дополнительный тираж «Современника», за который никакого гонорара не полагается, — жена, выхватив у меня книгу и три секунды повертев ее в руках и даже не разглядев, что это Воениздат, даже не заметив прекрасного оформления и не порадовавшись ему, не поздравив меня, метнула: «Ну, раз без гонорара, то такое искусство нас не интересует!» Потом, когда я сообщил, что гонорар будет, она заинтересовалась произведением искусства, хотела взять книгу посмотреть, да я не дал ей. Позже пришла Катина подруга Марина смотреть «Подростка», так от нее я увидел больше заинтересованности в моей книге и больше участия ко мне, чем от этих так называемых ближайших родственников.

30. XI

Был утром в поликлинике — закрывал больничный лист у Лифшиц. Встретил в коридоре Мишу Шевченко, поздравил его с премией комсомола, заметив при этом, что вообще-то я, как Толстой, противник литературных премий. Ну, говорит Миша, если бы дали, наверно, не отказался. Нет, говорю, отказался бы. Вот, мол, только что в Воениздате вышел мой роман об Энгельсе

— вполне могли бы за него дать, а я бы не взял и т. д.

Подходит Евтушенко, здоровается с Мишей, бросает мне «Привет!» и протягивает руку. Собственно, мы с ним никогда не ссорились, хотя я раза два-три когда-то и задевал его в статьях. Последний раз в статье о «Дилетантах» Окуджавы. Буквально следующее: «Поэт Евгений Евт., вспоминая свое знакомство с О., недавно писал: «Меня невольно потянуло к этому человеку — в нем ощущалась тайна…» Действительно, и мы говорим об этом. Как же не тайна!» «О. показал мне рукопись своей новой книги, — пишет Е. — Раскрыв ее, я был поражен… Сразу врезались такие строчки:

Сто раз я нажимал курок винтовки,
А вылетали только соловьи…

Вот она — тайна! И даже не одна. Во-первых, зачем Булат нажимал курок, когда надо нажимать на спусковой крючок? И т. д. Но как бы то ни было, а мы с ним давно никак не общались. Изредка встречаясь, даже не всегда здоровались, вернее, иногда делали вид, что не замечаем друг друга. Так было, например, в «Книжной лавке» как-то. А последний раз я видел его стремительно вошедшим в ресторан ЦДЛ в окружении каких-то незнакомых людей (вроде бы восточных), — на груди его красовался орден Трудового Красного Знамени. Было такое впечатление, словно он его только что получил (это в связи с 50-летием) и вот зашел обмыть.

Ну, протянутую руку я пожал, он ответил слабо. Они с Мишей начали выяснять какой-то вопрос о какой-то женщине. Я отступил на шаг. Но вижу, он хочет вовлечь в разговор и меня. Миша стал выражать восторги предисловием Евг. Сидорова к трехтомнику Евт. Тот стал рассказывать, что редактор был против иных мест предисловия, ибо там были критические замечания. «Ну и что? Пусть!!» Евтушенковеды, говорит, подсчитали, что я написал 110 тысяч строк, а в трехтомнике будет только 47 тысяч. Я спросил, как считали — по рифмам? «Нет, по строкам, но я же редко разбиваю строки».

Миша спросил меня, читал ли я книгу его критических статей. Я сказал, что у меня есть книга его статей, изданная «Молодой гвардией» («Точка опоры»), и тут вспомнил и стал рассказывать, что вот, мол, написал работу о Б., у него тоже вышла в «М. гв.» книга статей, и я сравнил обе: в ней 30 фотографий (Б. в пыжиковой шапке, Б. в ондатровой шапке, Б. без шапки…), даже у Ев. только 28! Правда, говорю, одна уж очень хороша: поэт на берегах Амазонки в объятиях анаконды. Очень

красиво и впечатляюще! Но голову-то анаконды держит двумя руками змеелов-профессионал. Я даже подумал, что эта фотография могла бы быть отличным фотоэпиграфом ко всему творчеству Евтушенко. Он слушает, смеется.

Потом стал рассказывать, что поставил двухсерийный фильм о сорок первом годе. Снимал на станции Зима, попросил там сыграть настоящую свадьбу — со старухами, с настоящей водкой, настоящими песнями и т. д. Приняли, говорит, первой категорией. «ФРГ сразу купила». Я подал ему левую руку, правая болит.

А когда он ушел, я сказал Мише: «Вот единственный у нас писатель, не имеющий никаких медалей, ничего, кроме имени. Так и должно быть у настоящего художника: ничего, кроме имени!»

Сейчас заходила машинистка Тамара Афанасьевна, отдала «Один день И.Д.», который я давал ей читать. Рукопись она закончила. Вероятно, по крайней мере, хоть часть ее прочитал и муж. «Он сказал, — говорит, — что если бы дали волю, я пошел бы и убил его (Солженицына)». Видимо, такова будет реакция у всех нормальных людей на мою книгу.

5. XII.83

Вчера были в гостях у Левы Экономова. Ну и кудесник! Что он сделал из своей квартиры! Никакой покупной мебели нет, все своими руками, да как! Но венец всего — домашняя парилка, которую он устроил в уборной с помощью металлического ящика, наполненного камнями. Камни он калит на газу. Ну кудесник, ну мастак! А откуда вдруг завязалась дружба? Он хочет, чтобы я зачислил себе секретарем его старшего сына Аркадия, 29 лет, кандидат наук Что ж, пусть. Жил 60 лет без секретаря, теперь будем с секретарем. Как Лев Толстой.

12. XII

Заезжал Фоменко. Я прочитал ему два фрагмента — стихи о Манделе и «следственный эксперимент» (любовь через колючую проволоку в «Архипелаге»). Хохотал до слез.

Катя с Соней собираются в театр на «Много шуму».

Наконец-то сдал! Почти три месяца не разгибал спины. Наконец-то! Но, конечно, еще не все это, не все. Да, пришли Божьи сроки, Александр Исаевич!

М. Н. АЛЕКСЕЕВУ

«15 декабря 83 Михаил Николаевич!

Со времени твоего звонка прошло полтора месяца, да еще

месяца два моя статья лежала в редакции до этого — вот такие сроки! А мои писания, увы, не обладают свойством бессмертия, как, допустим, сочинения Сартакова. Они интересны сейчас для нынешнего читателя, а не для потомков. Но моя последняя статья лежит в журнале уже четверть года. Сейчас ее читала бы по меньшей мере «вся Москва», и она сделала бы полезное дело. Ты похваливаешь: «Молодец, старик Хорошо!» И я работаю не для читателей моих рукописей, а для литературы. Ты за четыре с половиной года не напечатал ни единой моей строчки. А ведь у меня и способностей, и любви к слову, и жара души, без коих невозможна литературная работа, может, всего с полфунтика меньше, чем у того же Сартакова и других бессмертных.

Ты говоришь, есть резкости. Что ж, давай пригладим. Но помни и о том, что Суровцев-то и вся его их братия не стесняются лепить в глаза все, что хотят. Тот же Оскоцкий вел недавно вечер Искандера в ЦДЛ. И обронил между делом: «Как приятно видеть полный зал! Ведь на вечере, допустит, Михаила Алексеева он был бы на три четверти пуст, если бы, конечно, не пригнали солдат».

А мы деликатны, стеснительны, робки, у нас высшие соображения, нас скоро приучат считать Божьей росой нечто по составу совсем иное.

Если робеешь печатать, так и скажи: я, мол, хоть и Герой, но не из храброго десятка, боязно…

Как ни дико, а единственное, что сейчас утешает меня, это слова Солженицына, который писал мне: «Влад. Серг., помните: где нет сопротивления, там нет и работы».

Кстати, моя рукопись о нем, которая тоже так долго и мертво лежала на твоем письменном столе, кажется, скоро будет издана.

Жду ответа, как соловей лета».

17. XII

Если бы сегодня ночью кто-то мог бы наблюдать меня, то у него сложилось бы полное впечатление моего безумия. В 3 часа я проснулся помочиться. Чувствую, что не усну. Принял полтаблетки пипольфена и стал читать книгу «Мужчина и женщина», через полчаса отложил книгу и погасил свет. Все равно не спалось. Через некоторое время я вскочил, стал бегать по комнате и материться. Принял еще полтаблетки. Опять погасил свет. Опять не спалось. Я стискивал кулаки и выкрикивал ругательства. Принял еще полтаблетки радедорма. И так пробесновался до шести часов, когда, наконец, заткнул уши затычками, положил на голову думочку и, наконец, уснул. И все из-за чего? Из-за того, что был вчера у Ивановых (день памяти отца), и те по своему всегдашнему мещанскому обыкновению

потребовали снять ботинки! Ну, правда, Вася еще такой вздор нес, что просто не верилось. Зачем, говорит, писать критические статьи? Зачем портить отношения с человеком, который так популярен (Окуджава и т. д.)? Неужели не слышал он о Белинском, Добролюбове, Чернышевском?

Таня вчера уехала в Тбилиси. Мы с Катей хозяйничаем одни.

Вчера звонил Слава Пушкин, который посылал моего «Б» какому-то могущественному приятелю во Владивосток. Работа моя пересекла всю державу туда и обратно и вернулась ко мне с восторгами ее читателей, но безо всякой надежды на опубликование.

23. XII

Да! Да! Да!

Тихо, Бушин, тихо, а то сорвешься. Вот сегодня по дороге из «Нашего современника» в Центральный дом журналиста при переходе с Петровского бульвара в Рождественский едва не попал под машину. Тихо, Бушин, тихо.

24. XII

А дело-то вот в чем. Статью о святой троице (Суровцев, Оскоцкий, Соколов) я сдал в «Москву» еще до Коктебеля, 15 сентября. Софроновой, как все мои статьи, и эта не нравится, хотя она не говорит. Ну как она может ей понравиться при ее складе ума! Числа 2-го ноября позвонил мне Алексеев. Во всем, говорит, согласен. Но есть резкости, надо это убрать, и мы «доведем статью». Но с тех пор прошло почти полтора месяца. Мое терпение лопнуло, я взял второй экземпляр и в четверг отнес в «Наш современник». Отдал в руки Вл. Вас. Васильеву, очень, кажется, славному парню. Это было около часа дня. А часов в 8 он мне звонит: хотел, дескать, посмотреть две первых страницы и не мог оторваться. Передал Викулову. А утром, часов в 9, звонит и Викулов. Уже прочитал! Это, выходит, и двадцати часов не прошло, а Алексеев четвертый месяц чухается. Попросил приехать к четырем часам. Приехал. Поговорили. Кажется, все понимает — и что советоваться ни с кем не надо, и что давать следует быстро и т. д. Кажется, хочет дать в мартовском номере. То-то славно было бы! Вот все это меня и взвинтило.

А Алексееву я послал официальное «Прошение»:

«По договоренности с Вами, более того, — по Вашей неоднократной настоятельной просьбе я написал для «Москвы» статью «Послушай, дедушка». Вы мне выразили полное согласие с тем, что я написал. Однако время показало, что Вы либо намерены тянуть с публикацией статьи до неизвестных времен,

когда она потеряет всякую актуальность и интерес для читателя, либо не намерены печатать ее вовсе. Мой многолетний и безрадостный опыт общения с журналом убеждает меня в большей вероятности второго: за 15 лет Вашего редакторства я раз десять предлагал журналу свои работы и каждый раз слышал Ваши похвалы, но, в конце концов, за все время лет пять тому назад была напечатана только одна статья, и то после возмутительного скандала, вызванного тем, что в статью для повышения ее идейности мне бесцеремонно насовали несуразных фраз, что заставило меня снять первый вариант статьи.

И раньше во всех помянутых случаях я имел право требовать выплаты гонорара хотя бы как за литературные разработки, но, дорожа вроде бы дружескими отношениями, я этого не делал. Так могло длиться год, два, три, но не 15 же лет! Поэтому ныне, исходя из вышеизложенного, прошу оплатить статью «Послушай, дедушка» в полном объеме, как это предусмотрено юридическими установлениями и правилами литературной чести».

25. XII,5 утра

Проснулся, и не спится. Буду сейчас читать «Полководца» Карпова.

Вчера были в гостях у моего секретаря Аркадия. Вернулись около двенадцати. Катя говорит: «Странное дело — били наши часы, что в кухне». Да, странно, они никогда не били, это часы Марии Михайловны. В 12 они сделали уже при нас один удар, а в 12.30 разразились двенадцатью ударами. Что бы это значило?

Это — пробил мой звездный час.

Это —

Час мужества пробил на наших часах…

28. XII,5 утра

Не спится. Неужели все эти волнения, и напряженность, и бессонница пропадут даром? Да ведь вроде же нет…

11.1984

Вчера около семи вечера я поехал в Центр поискать какие-нибудь подарки для моих курочек Вышел из метро на Театральной площади, пошел в ЦУМ. Против Большого театра елка, идет какое-то представление. Народу везде мало. Ничего хорошего выбрать я не смог, купил набор вьетнамских салфеток (7 шт. за 6 р. 80 к) да Кате модель автомобильчика за 8 р. В Столешниковом купил торт, за которым накануне простоял у нас битый час, и не досталось. Около девяти был дома. Таня

готовила, Катя мастерила торт «Птичье молоко», и он получился на славу. А я развешивал в кухне фонарики. В половине двенадцатого сели за стол. Открыли шампанское. Да какое — «Новосветское», коллекционное, специально для этого случая привезенное осенью из Коктебеля (была еще бутылка — подарил Фоменке в день рождения). Катя тоже пила — впервые в жизни. Как славно было втроем! Только не хватало Марии Михайловны, которая все последние годы была на Новый год с нами.

В два часа я пошел спать и проспал до десяти. А курочки мои еще долго смотрели телевизор, и разбудил я их только в 11. Снилось мне, будто мы целовались с Бондаревым. К чему бы это?

Завтракали, конечно, поздно, а после завтрака, около часа дня, все трое пошли в парк на лыжах. Прекрасно прогулялись полтора часика! Потом я вычитывал своего «Ветрова» (3-й экз.), а девочки после обеда поспали, потом смотрели телевизор. Шло двухчастное (до «Времени» и после) представление какого-то Евгения Гинзбурга. Спарили Аллу Пугачеву и Кио на арене цирка. Что было, что было! Плещется вода, бьют фонтаны, клубами валит откуда-то дым и все окутывает, а Алла поет о любви и страсти. Словом, пожар в бардаке во время наводнения.

21,23 часа

Сейчас смотрел интереснейшую передачу об Игоре Ильинском. Поразителен путь этого актера от фокусника и смехача к глубине и простоте, к классике, без желания, как он сказал, быть умнее ее, современнее, интересней. Ах, какие прекрасные слова Толстого читает он! Не хвалите меня после моей смерти, слишком часто я был темен и нечист, но иногда высокая истина все же проходила через меня, и мой дух давал ей форму. И еще: правда, получив ясное и четкое выражение, становится непобедимой.

Утром пришла мысль, когда думал о Лермонтове, повторяя про себя его «Смерть поэта» и «Выхожу один я на дорогу»: как обедняет Пушкина то, что он не знал Лермонтова; как повезло Лермонтову, что, прожив всего 26 лет, он знал Пушкина!

Б А. ИСАЕВУ,
Герою Социалистического Труда
«7 января 1984 г., Рождество.

Егор, друг ситцевый!

Только что прочитал в «Правде» твой очерк «Дела председательские». Это как рождественский подарок! От души поздравляю. У тебя иногда неплохо получается, когда ты пишешь

не о литературе. А о ней, драгоценной, право, поостерегся бы иной раз.

Вот однажды вздумалось тебе восславить Пушкина, и ты разверз уста:

«Как замечательно, как гениально сказано у бессмертного гения:

Глаголом жги сердца людей!

Не существительным, не прилагательным, а именно глаголом — словом, выражающим движение, поступок!» и т. д.

Тебе и в голову не пришло, что при чтении такой похвалы многих мог хватить удар. Ну, в самом деле, дожить едва не до шестидесяти лет, всю жизнь писать стихи, получить Ленинскую премию и Золотую Звезду Героя Труда, и не ведать, что означает «глагол» в этом одном из вершинных произведений Пушкина. Егорушка, здесь «глагол» — высокое слово, речь пророка.

Читал ли ты, милый, стихотв. того же Пушкина «Поэт». Там так сказано:

…Но лишь Божественный глагол
До уха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел…

Неужто, и здесь ты всегда видел часть речи? Ну, Егор… До чего вы, секретари да лауреаты, обленились, вам уже невмоготу и в словарь заглянуть. Вот и у Бондарева один персонаж восклицает: «О милая пора, очей очарованье!». Другой тотчас поправляет его: «Пардон, не «милая», а «осенняя». Есть в цирке такой номер — соревнование дураков. Так это как раз то самое соревнование. Надеюсь, ты-то знаешь, что не «милая», и не «осенняя», а «унылая».

Обнимаю, Егорушка. Жми дальше, но иногда все же оглядывайся: позади великая литература».

* * *

А когда начался погром колхозов и этих самых «дел председательских», о которых с восторгом писал Е. Исаев в «Правде», он ведь и не шелохнулся. На даче в Переделкино курей разводил, о чем я и написал в статье «Муса Джалиль и куровод Исаев», что была в «Советской России».

Вчера на Рождество пригласили Лену и Сашу Щербатюк, соседей по 1-му коттеджу в Коктебеле минувшим летом.

Пришли с бутылкой шампанского, коробкой конфет и роскошными слайдами о нашей коктебельской жизни. Просидели до половины двенадцатого. Славные ребята, но мало у нас с ними точек соприкосновения.

13 января

Анастасия Ивановна Цветаева через свою опекуншу передала мне свои воспоминания. Написала:

«Владимиру Сергеевичу Бушину на добрую память о семье Цветаевых в старом мире (в России и давних европейских странах наше с Мариной детство и юность) и о зрелости нашей в новом мире. И все, что я узнала о конце Марины. И на добрую память о совместном пребывании в Коктекбеле осенью 1983 года. С добрыми пожеланиями!

Анастасия Цветаева.

30. XII.83 г. Москва».

15 января

Из «Молодой гвардии» звонила мой редактор Нина Лагранж. Сказала, что утвердили план на этот год. Мои «Эоловы арфы» (34 листа) пойдут по школьной серии, тираж 200 тыс. экз. Ого!

22. I

19-го вернулся из Малеевки. Со 2-го там жила Катя с Капочкой. 8-го утром они уехали, а я приехал. Но 10-го я снова вернулся в город, и только с 13-го жил без выезда до 19-го. Так что всего дней десять, не больше. Четыре раза ходил на лыжах, два раза собирались у Микушевичей — 13-го, на Новый год, и 18-го, на крещенский сочельник Многим давал читать своего «Б» — Лиле Беляевой, Анд. Дугинцу, Ник Верещагину, Конст. Кедрову, Вл. Дм. Фоменко. Хотел дать еще Мустаю Кариму, но не успел. Кое-кто высказал весьма дельные замечания (Верещагин, Кедров). Удивили супруги Фоменки. Во-первых, читали больше недели, словно я только для них и привез рукопись. А главное, подошли к делу так, словно мне нужна была их консультация. И они дали мне ее дважды, и минут по 45. Но ничего интересного не сказали, а все больше беспокоились, как бы я не рассердил поклонников Окуджавы (он упоминается). Провинциальность это, что ли? А потом еще третий раз Фоменко завел со мной речь все о том же. Посоветовал убрать все рассуждения о языке и прочих «тонкостях», оставить только о войне, об издательских

злоупотреблениях и в таком виде послать в ЦК Я ответил: «Это будет донос». — «Почему?» — «Да потому, что я написал литературное произведение и хочу, чтобы к нему как к произведению и относились. А если писать об издательских злоупотреблениях, то надо брать не одного Б., а человек десять. А об одном — именно донос».

Супруга его Ирина Иосифовна — это Собакевич в юбке, охаяла всех ростовчан, которых упоминали. Лебеденко и Бондаренко — бандиты, главари мафии, способные и на убийства. Наташу Суханову представила в комическом виде по той причине, что она болезненно переживает свое чуть ли не двадцатилетнее старшинство над мужем. О Долинском сказала, что он занят добыванием денег. Даже Мустая Карима не обошла, сказала, что он ни во что не желает вмешиваться, и ему рукопись давать не следует. Да и меня самого уподобила Сенковскому. Право, Собакевич, и только!

В последний день, вернее, 18-го, произошла у меня дикая стычка со С. Л. Около девяти утра я пошел в ванную, чтобы побриться. Вижу — дверь заперта. Я начал бриться в уборной, хотя там тесно, зеркальце маленькое — неудобно. И при этом говорю Марии Андреевне, горничной, чтобы она повесила объявление, что не след, мол, по утрам запираться в ванной. Действительно, можно принимать себе душ или ванну, а другой в это время может прекрасно побриться или умыться над раковиной. Вдруг Л. заорал: «А когда же можно?» Я объяснил. Тогда он, бандит санузла, заорал еще пуще: «Да пошел ты на х..!» С намыленной физиономией я ринулся к запертой двери и двинул по ней кулаком. Дверь открылась.

— Вы что себе позволяете, молодой человек?

— А вот позволяю!.. Дурак!.. Должен же тебе кто-то сказать это! А то все боятся…

— За…ц!

— Сам такой!

— Гов — д!..

— Сам такой!

Я повернулся и пошел добриваться. Странно, что я после этого сортирного ристалища был совершенно спокоен и не терзали меня приступы ни злобы, ни бешенства.

Перед ужином послышались какие-то шорохи на лестнице, ведущей к моей комнате. А когда я пошел ужинать, то за дверной ручкой обнаружил такое послание: «Глубокоуважаемый Владимир Сергеевич! Я хочу попросить у Вас прощения за свою грубость. Извините меня, пожалуйста. С утра у меня было какое-то нервозное настроение (свои причины). А к Вам, Вы знаете, я

всегда относился по-доброму. И не знаю, чего меня занесло. Я думал, меня выгоняют, и т. д. Еще раз огромные извинения. С. Л.». Никогда он по-доброму ко мне не относился, и в искренность его извинения я не верю. Скорее всего, оно действительно продиктовано боязнью, о которой он орал. На его послание я никак ему не ответил.

23. I, утро

Полчаса назад позвонил Васильев из «Современника» (зам. Викулова) и сказал, что в пятницу обсуждали на редколлегии мою статью и решили, что в таком виде напечатать ее не сможем. Хорошенький подарочек к моему 60-летию.

— А что же меня не позвали на редколлегию?

— А зачем?

— Как зачем? Я же ни вам, ни Викулову никогда не говорил, что моя статья — неприкасаемая святыня. Я готов был выслушать и по возможности учесть все ваши замечания, соображения, опасения и т. д. Единственно, на чем я настаивал, это все изменения в статье сделать собственными руками.

Какая трусость!

Ведь Викулов 23 декабря, на другой день как я отдал им статью, сказал мне: «Возможно, кое-кто в редакции будет против, но решающее слово принадлежит мне, и я буду за. Поставим статью в мартовский номер».

Господи, и как я мог поверить! Ведь была же история со статьей об Окуджаве, когда он в Малеевке прочитал ее и тоже сказал: «Я хочу видеть ее в нашем журнале», а потом съездил в Москву и через два дня запел другое: «У нас сложная обстановка, трудное положение» и т. п. Они сами себе создают трудности, печатая такие бульварные, безграмотные и провокационные вещи, как «У последней черты» Пикуля.

Что же теперь делать? Пойду опять к Алексееву. Но сколько сил-то все это стоит! Лучше с врагами иметь дело, чем с такими патриотами!

13–00. Сейчас прочитал в «Известиях» слова, будто бы сказанные когда-то Твардовским: «На писателе, который печатает свои произведения на машинке, надо ставить крест». Какая узость и догматизм.

24. I

Звонили и поздравляли с днем рождения:

В 9, когда я еще спал, Миша Шевченко, потом — в 10. Назвал меня счастливым человеком.

В 9.30 Алимова и Св. Игнатьева. Очень приятно. Сказали, что

в другой день зайдут.

В 10 звонила Людмила Сбоева, «дитя моя».

В 12 — Нюся Пархомовская, одноклассница.

В 11.30 — Бела (Танина сослуживица).

В 12.30 — погода пасмурная, валит крупный снег, и вдруг — молния и гром. Салют небес в честь моего юбилея! Мать всегда говорила, что именно в этот час, в 12, я родился.

25. I, среда

Первый юбилейный эшелон пройден. Кроме нас троих, были Ада с Васей, Сергей с Валей, Фоменко и Лариса Кожухарь. Всего 9 человек Это как раз то количество, когда можно хорошо поговорить и послушать друг друга. Юбилейных речей избежать не удалось. Фоменко договорился до того (а ведь, кажется, был еще не пьян), что скоро, мол, Бушин обретет мировое звучание или что-то в этом роде. Сестрица Галюшка отсутствовала. Поругались из-за ее манеры насильно разувать всех приходящих к ней в дом. Прислала все-таки поздравленьице. Если бы змеи поздравляли друг друга с днем ангела, то они писали бы именно так.

Лариска и Фоменко почти переругались из-за еврейского вонючего вопроса. А в остальном все было очень славно. У Ады и Васи хватило такта никак не упоминать о прошедшей ссоре в Нагатино, когда я после сестричкиных требований переобуться матюгнулся, хлопнул дверью и ушел. А был голоден как черт, и дома обеда не было (Таня уезжала в Тбилиси).

Удивляюсь, как много выпили: бутылку шампанского, бутылку (0,75) лимонной водки, бутылку водки, настоянной на грецком орехе (0,75), и почти две бутылки армянского коньяка. Так что одного винца выкушали на 40 рубликов, а ведь вроде никто и не пил.

Второй эшелон предполагается на субботу.

2. II.84

Юбилейная моя барщина продолжается. В прошлую субботу были Белошицкий с Милой, Карпеко с Фаиной, Гальперин с Регина, Мухачев с Мурой. Карпеки подарили часы, которые теперь тикают, проклятые, и не знаешь, что с ними делать. А Гальперины принесли роскошную бутылку арманьяка в специальной деревянной коробке. Отведаем при подходящем случае. Ну, и так далее. Посидели славно и приятно. Гальперин по обыкновению хотел затеять спор о Сталине (и Карпеко был на его стороне), но я по случаю юбилея уклонился. Разошлись около двенадцати.

А позавчера довольно неожиданно нагрянул Володя Бурич с двумя бутылками шампанского (одна — Golden Soviet) и домашними туфлями. Растрогал. В этот день он получил билет члена Союза. Это был у него больной пункт, и сейчас он, конечно, безмерно рад.

Вчера был мой секретарь Аркадий с родителями Левой и Зоей Экономовыми и Гончаренко. Тоже было хорошо. Я читал им записи из дневника за июнь 79-го года, когда мы соседствовали с интеллектуалами Виноградовыми.

Ночью в половине четвертого внезапно проснулся, как от толчка или крика. Принял таблетку радедорма, но все равно часов до пяти с лишним не мог уснуть. Проснулся только в половине десятого.

В ночь на свое 60-летие видел во сне собаку в гостях у какой-то неопознанной женщины. Собака была черная, с белыми пятнами на голове, гладкошерстная и очень ластилась ко мне. Дня через два — опять собаку, тоже гладкошерстную, но поменьше ростом, рыжую и тоже очень резвую и ласковую. Будто у нас было 3–4 кошки, и вдруг оказалось, что одна из них — собака. Вот после этого сна и пришел Бурич с шампанским и шлепанцами.

* * *

В А. КАВЕРИНУ
«4 февраля 1984 г.

Уважаемый Вениамин Александрович!

С большим интересом прочитал сегодня в «Комсомолке» Ваше интервью, которое Вы дали В. Галантеру. Но одно Ваше сравнение меня несколько озадачило и огорчило. Вы сказали о плохих литераторах: «то, что они пишут, напоминает разговор двух старух на завалинке, в котором нет ни складу, ни ладу». Конечно, такие разговоры могут быть у деревенских старух, но только ли их эта привилегия? «Разговоры», в коих нет ни ладу, ни складу, нередко слышим мы не от деревенских старух, а от городских ученых мужей, высокопоставленных сановников и даже писателей, пребывающих в полном расцвете своих возможностей и талантов. И слушать их вынуждены не кучка любителей посидеть на завалинке, а все народонаселение державы.

Приведу лишь один пример. Известный писатель, в определенном смысле даже первый писатель страны не на завалинке, а с самой высокой в стране трибуны говорил:

«Огромное воздействие на все (!) виды и жанры литературы и искусства в эти годы оказали книги (надо ли их перечислять? — *В.Б.)*… удостоенные Ленинской премии. (Аплодисменты). Эти подлинно народные книги обогатили духовную жизнь советского общества, показали высокий образец партийного мышления, побудили художников всех (!) поколений на более весомые художественные обобщения» (ЛГ. 4.3.1981).

Где эти книги ныне по прошествии трех лет? Кто их читает?

Согласитесь, ни одна деревенская старуха на такие «разговоры» не способна. И надо заметить, что все «разговоры» на завалинке, как правило, совершенно бескорыстны, чего нельзя сказать об иных «разговорах» приведенного выше образца. Так надо ли было, Вениамин Александрович, обижать помянутых старух? Вы и сами знаете множество примеров, подобных тому, что привел я.

В конце беседы Вы говорите об интеллигентности и даете свое определение. Очень хорошо. Я с Вашим определением согласен. Но больше мне по душе то определение, которое дал когда-то еще до революции Максим Горький: «Интеллигент это человек, который во всякую минуту жизни готов встать с открытой грудью на защиту правды, не щадя даже собственной жизни». Очень хорошо тогда же сказал и Леонид Андреев: «Интеллигент это, во-первых, не подпевала сильным мира сего. Во-вторых, это человек с гипертрофированным, можно сказать, изнуряющим чувством совести. И, в-третьих, сколько бы ни выпил, всегда остается культурным человеком». Что можно возразить?

Всего Вам наилучшего!»

* * *

Каверин, конечно, понимал, что речь шла о книгах ЛБрежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». А Ленинскую премию по литературе дал за них и потом нахваливал их председатель Правления Союза писателей СССР Герой Социалистического Труда Георгий Марков.

* * *

5. II.84

Вчера были с Таней на 60-летии Белошицкого. Как всегда — содом. Все взвинчены, все лезут из кожи, стараясь показать свое остроумие, и все страшно многоречивы — даже Севастьян произнес длиннющую речь. Особенно несносны Ушаев со своей напористостью, металлическим голосом, желанием торчать на первом месте, и жирный Летик (фамилию его я так за долгие годы и не узнал) с бесконечной болтливостью, помешанностью на еврейской теме, с его юмором, шибающим сортиром, да не простым, а вокзальным, даже пристанционным.

Самодовольные, сытые, орущие, уверенные в том, что так и надо, что это и есть жизнь. Хорошо держались Зорик Вертман, Ян, Ной, какой-то высокий русский мужик, которого я не раз встречал. Ну, и, пожалуй, все женщины, кроме хозяйки, которая сразила меня в первые же минуты. Софья Ильинична что-то сказала ей, попросила, а она ей в ответ «Если еще раз скажете (что — я не понял), то врежу». Господи! И она считается интеллигенткой в наше время! 80-летней свекрови грозится «врезать». Впрочем, однажды она при нас в прямом смысле врезала дорогому супругу, который в каком-то споре между ней и моей тещей Александрой Дмитриевной посмел поддержать мою тещу. Так-таки и врезала по физиономии…

А Катя помыла сегодня голову и была со своими разлетными бровями очень похожа на Ал-дра Ульянова.

6. II

Сегодня всю ночь снился мне Сталин. Может быть, это после фильма «Блокада», который недавно передавали по телевидению, где он много раз появляется; возможно, сыграла тут роль и ссора с Ритой Ураловой на дне рождения Белошицкого. Будто бы в каком-то большом моем доме, неожиданно появившись, Сталин дает кому-то интервью. Но его собеседника я не запомнил, его словно бы и не было. Сталин очень высокий и крупный. Я сказал ему, что удивлен этим. Ну, помните, говорю, как вы сами были удивлены, когда увидели, что Ленин небольшого роста. Он мягко улыбается и почему-то говорит об Ортодаксе [именно «а»]. Я спрашиваю, кто это. «Троцкий». Это, кажется, понятно, откуда появилось — только вчера я вставил в рукопись о Солженицыне, что у него во время обыска при аресте нашли портрет Троцкого и что, мол, видимо, он всю войну хранил его у сердца.

У меня мелькает мысль — взять у Сталина автограф. Тут кто-то и еще (довольно много людей) с тем же. Я достаю из шкафа «Вопросы ленинизма», но это старое издание, у меня где-то есть лучшее, в красном переплете, но где — не знаю, искать некогда, и я иду к нему со старым изданием. Что он написал — не знаю, это мне даже и не виделось.

Он очень мягок, тих, в какой-то момент кладет руку на левую часть моей головы, а мое состояние — благоговейно-восторженное.

1330. Исторический час. Первый раз принесли пенсию! Почему-то не 120 р., а 150 р. 97 коп. Теперь заживем! Теперь мы им покажем, всем этим Марковым, Карповым, Суровцевым. Не лишат же меня пенсии!

7. II

Ездил в Дом военной книги и купил еще 20 экз. (раньше купил 40) своих воениздатовских «Арф». Продавщица сказала, что книга идет хорошо, другая поправила — «очень хорошо». В этом магазине ее, конечно, много.

А утром получил письмо от Г. М. Гусева, директора «Современника». В ответ на мою жалобу в Госкомиздат, что обманули, поставили в договоре 3-е издание, а не второе, он, не упоминая, конечно, о жалобе, грозит взыскать с меня за «причиненный убыток». Ах, шельма! Книга лежала у них 10 лет — это ничего, а тут сразу лезет с параграфом. Я ему устрою Карфаген! Ответил: «Сообщите сумму убытка».

8. II,11.4_ вечера

Сегодня получил пенсионное удостоверение. Вручала мне его очаровательная девушка Таня, по отчеству Михайловна. Смотрел я на нее глазами совсем не пенсионерскими.

10. II, 11.2

Сейчас позвонила Ада. Вася в своей поликлинике, позвонил ей и сказал, что плохо с Первым. Включил радио. Передают классическую музыку. Неужели правда? О, это было бы ужасно! Ужасно! Ужасно! Пойти на Красную площадь?

11.45. Включил телевизор. Передают с Олимпиады лыжный бег на 30 км. Может, неправда? Пронеси, Господи!

11.55. Позвонил Гончаренко, Соловьеву, сказал, чтобы включили радио. Обшарил эфир: по всем программам, кроме первой, идут обычные передачи. Надежда? А может, это с космонавтами, запущенными дня два назад?

Возвращаюсь к работе над рукописью.

12.00. По радио передают обычные последние известия. Значит, брехня. Ура!

12.05. Позвонила с работы Таня — о том же. Назвала даже имя преемника — Устинов. Неужели все-таки правда? Видно, весть облетела уже всю Москву. А я думал о Романове.

12.30. Позвонил Г. Соловьев. Сказал, что не Андропов, а Устинов. Все равно — плохо, все равно — очень жаль.

2.37. Да, сбылось самое худшее. Только что передали по радио и телевидению.

2.45. Я плачу, плачу… Как мало у него было времени, чтобы расчистить брежневские конюшни! Да, он останется в памяти народа надолго.

2.52. А у нас сегодня хотели быть гости — Миша Шевченко, Толя Мошковский, Леня Образцов, Светлана Червонная. Придут ли? Хорошо, если бы пришли. В такие дни хочется быть с людьми.

3.03. Радио повторило сообщение о смерти и передает музыку, а по телевидению — поразительное дело! — идет какой-то антимистический фильм о «сибирском чуде»! Не есть ли это очень дурной знак?

3.23. Пошел было немного проветриться. Заглянул по пути в молочный магазин. Оказалось, есть простокваша и ряженка. Нагнулся над ящиком, кладу в авоську баночки. Вдруг, весело что-то напевая, подходит работница магазина и тоже тянется к баночкам.

— Вы что, с ума сошли? — вскинулся я.

— А что, я вас напугала? — улыбается.

— Андропов умер.

— Что?! Извините… У нас тут нет радио… Телевидение: мчатся тройки, в санях весело хохочущие мужики и бабы. Видно, все тот же фильм о «сибирском чуде». Мерзавцы!

Выходя на улицу, спросил лифтершу:

— Слышали?

— Слышала! Горе-то какое!

Да, всего 15 месяцев, 450 дней, отвела ему судьба высшей власти и высших возможностей.

5.15. Сходил-таки прогуляться в парк Вернулся — Катя уже дома, первый ее вопрос: «А мы будем хоть один день не учиться?» По радио повторяют сообщение о смерти, некролог, а с экрана телевизора опять раздается смех. На этот раз смеется… Ленин! Пустили какой-то фильм, где Ленин, Горький, какой-то пианист и маленькая девочка Таня. Так вот Ленин разговаривает с этой Таней и хохочет, этот болван Лапин, как видно, уверен, что ленинский смех сейчас — это как раз то самое, что требует коммунистическая идеология.

11. II, 11.30

Вчера никто из ребят не пришел. Миша позвонил — у него температура 39. А без него все рассыпалось. Я позвонил Мошковскому и Образцову, сказал, что потом, дескать, соберу их.

Но часов в 9 явилась Червонная. И сразу

— Вы что — в трауре? И гостей отменили? Да бросьте вы!

И понесла! На мои слова, что-де начал покойный хорошие дела и т. д. она свое: до предела обострил международную обстановку, жрать нечего и т. д. Заявила, что не может сказать ничего хорошего об Андропове и ничего плохого о Рейгане. Я оборвал: «А то, что Рейган назвал нашу страну империей зла?» Вроде, на мгновение смутилась, опустила глаза, но тут же: «Смотря что считать злом!» — «Да ведь всю же страну!» И так весь вечер. Этот человек с нулевой нравственностью, с полным отсутствием совести. Она говорит за рюмкой коньяка (и даже без нее) — одно, а на публике, а пишет — совсем другое, очень правоверное, очень патриотичное и т. д. И ее, конечно, знают как ловчилу. Помню, когда я работал в «Дружбе», написала она хвалебную статью о художнике Пименове, ныне покойном. Я почему-то сказал ему об этом заранее. Так он потребовал снять статью, когда узнал, что ее автор — она. Вот до чего! Даже похвалы ее порядочным людям мерзки. А она и член партии, и состоит в какой-то группе активистов при МК, и пишет сейчас докторскую!

18. II, суббота

Сегодня устроил себе полный отдых. Коля Плевако пригласил меня быть свидетелем с его стороны при регистрации брака. Второй раз женится на своей жене. Ну, это самое надежное дело — по себе знаю. Ему 62, а жене Татьяне 34. Разница 28 лет. Это их дело. Не хотелось ехать, но подумал, как он огорчится, как будет выглядеть в глазах молодой жены — и поехал. А это не Москва, а Лобня. Добирался до них 2 часа. Пошли в ЗАГС. Я говорю ему: «С тебя сто рублей. Где ты найдешь такого свидетеля — член партии, писатель, ветеран войны!» С ее стороны была приятельница Лена. Потом пошли к ним домой. На столе шампанское, «Монастырская изба» и много всякой правильной пищи. Они оба увлечены сыроядением и прочими затеями, которым нет конца: едят морскую капусту, моченый горох и пшеницу и т. д.

Коля славный парень, да и она приятная женщина. Вначале она кажется внешне отчасти избыточной, но потом это ощущение пропадает.

Просидели у них с 11.30 до 2.30. Потом они пошли меня проводить, но Таня сказала, что хочет съездить в город. И Николаю пришлось согласиться (28 же!). Так и проводили они меня до Белорусского вокзала.

… Идет вторая неделя нового царствования. На похоронах Андропова новый генсек вызывал жалость: старенький, маленький, сутуленький да еще говорит сбивчиво, задыхаясь (Таня Плевако сказала сегодня, что у него больные почки). Разве такому мужику надо бы стоять во главе России!

Сейчас я звонил Володе Буричу и пригласил его на завтрашние пельмени. Он ездил в Клин и говорит, что потрясен тем фактом, что Чайковский умер в 53 года. Я ему сказал: а ты представляешь себе, что, когда началась война, Сталин был в возрасте нынешнего Романова, одного из самых молодых в нашем руководстве? А умер в возрасте нового генсека. А я, говорю, уже старше Достоевского. Он ахал и удивлялся.

21. II, вторник

Вчера в первом часу был в «Москве» у Алексеева с новым, сокращенным и приглаженным вариантом своей статьи «Два Аякса» («Послушай, дедушка») — о Суровцеве и Оскоцком.

— Я, — говорит, — его ненавижу, но меня за эту статью съедят, даже с помощью Маркова — он в восторге от Суровцева: какого, мол, теоретика вырастили! Но я пойду даже на то, чтобы хлопнуть дверью.

— М.Н., да что же они могут сделать тебе, — я рассыпался мелким бесом, — тебе, стоящему в рядах первой пятерки, а то и тройки наших писателей!

— Суровцев и сам поверил в свое величие.

— Конечно!.. Ах, как хорошо бы напечатать! Ведь это святое дело — за честь нашей литературы. Сколько же можно терпеть, чтобы нас поучали и прорабатывали такие личности.

— Я ему сказал однажды: Юрий Васильевич…

— Иванович.

— Юрий Иванович, вы весь в броне из цитат, а мы, писатели, перед вами с голой грудью.

Поговорили (это вначале) об Андропове, пожалели. Алексеев сказал:

— Как его успел полюбить народ!

— Люди понимают же, что хорошо, что плохо. По-моему, его смелости испугались даже члены Политбюро.

— Вероятно.

Расстались хорошо. Договорились, что я буду ждать от него вестей.

12.55. Только что позвонил Лева Экономов. Умер Шолохов! Да, и таких смерть не щадит. Последний классик России.

Я думал порой, где, в каких обстоятельствах может застигнуть меня эта весть. И очень боялся, что где-нибудь в Коктебеле или в Малеевке, среди всей этой жрущей, сытой, загорающей публики. Хорошо, что это случилось, когда я в одиночестве, никто мне не мешает, никто не лезет в душу.

Низкий тебе поклон, дорогой Михаил Александрович. Сыновнее спасибо за великий подвиг твоей жизни.

Вот как начался 1984-й, високосный…

15.30. Вдруг усомнился я в этом Экономове — ведь несуразный же мужик, может, все перепутал. И стал названивать в Российский Союз. Шевченко нет на месте, Загорного нет… Тогда набрал телефон дежурного у входа:

— Это Союз писателей?

— Да.

— Скажите, о Шолохове — это правда?..

— Да.

И только тогда, бросив трубку, я разрыдался.

1945. Позвонил милый Володя Семенов и добрым голосом стал поздравлять с выходом «Эоловых арф» — они сегодня поступили в продажу в нашей «Книжной лавке». А я ему в ответ — умер Шолохов. Извинился, конечно, что он ко мне с доброй вестью, а я к нему — с такой.

22. II,11.15 вечера

Вчера, когда по телевидению передавали сообщение о смерти Шолохова, зазвонил телефон. Я приподнял трубку и опустил ее на рычаг. Опять звонит. Я сделал то же самое. Третий звонок

— Да.

— Володя, зайдите за талонами, — это Евгения Федоровна Аникст не нашла лучшего часа.

А сегодня соседка Софья Павловна вдруг принялась поздравлять меня с Днем Красной Армии, который завтра.

— Завтра хоронят Шолохова, — сказал я.

— Но это в Вешенской, — удивилась она.

А чем лучше этих дам тов. Лапин со своим телевидением — прелестная Ангелина Вовк объявила сейчас, что завтра будут передавать из Останкино праздничный концерт, посвященный Дню Красной Армии!

23. II, 11.00

Только что отправил окончательный и полный текст телеграммы: «Москва 326 Пятницкая 25 Госкомрадио Лапину. От

праздничного концерта, что вы додумались закатить на всю державу в день погребения Шолохова, отвернутся и родина, и революция, и народ, великим певцом которых был гениальный художник, их любовь, гордость, мировая слава. Вам будет рукоплескать сегодня один Сальери. Примите мое негодование. Владимир Бушин»

Спросил у девушки-приемщицы: «Надеюсь, никаких препятствий не будет?» Она ничего не ответила, взяла два с полтиной и ни слова.

Ах, надо было написать «Примите мое презрение».

11.55. Вывешены флаги. А в сегодняшнем приказе Устинова обещан в 21 час еще и «праздничный фейерверк» в Москве и еще в 32 городах. Это какая годовщина Красной Армии? 66-я! Могли бы одну из 66 отметить и без фейерверка, ведь этим годовщинам и впереди конца не видно, а смерть Шолохова, как прекрасно сказал вчера в программе «Время» Абашидзе, это такая утрата, что случаются одна-две в столетие.

Вечером

Сегодня утром получил ответ Каверина на мое письмо. Адрес четко написал, видимо, кто-то из домашних, а само письмо — слепыми заглавными буквами на машинке:

«Уважаемый Владимир Сергеевич!

Не могу с Вами не согласиться, но, может быть, Вы, умный и интеллигентный человек, напишете мне, что сделать для того, чтобы поднять уровень ученых мужей и высокопоставленных сановников до уровня старух на завалинке хотя бы в нравственном смысле. Вы остроумно заступились за деревенских старух, Вы справедливо оценили незначительность литературных премий, которые давно надо как-то трансформировать, чтобы подлинные таланты, не нуждающиеся в премиях, все-таки время от времени получали их. Посоветуйте.

Мнение Леонида Андреева, Горького и Ваше совсем не противоречат моему мнению и даже больше того — подтверждают его.

Желаю Вам всего лучшего. С приветом.

В. Каверин (от руки красными чернилами)

16.2.84.

(И тоже от руки теми же чернилами)

P.S.

Извините за плохую машинку».

24. II, пятница, 10.10

Вчера утром, в это же время, Ульянов читал по радио главу из

«Тихого Дона» — ту, где умирает Аксинья, и Григорий, вырыв могилу шашкой, хоронит ее. Я вспомнил:

Зарыта шпагой — не лопатой
Манон Леско…

Михаил Ульянов читал прекрасно. В свое время, года два-три назад, я прослушал по радио почти весь «Тихий Дон» в его чтении. Это лучшая его актерская работа.

А последнюю, XVIII главу передали вчера в чтении самого Шолохова. Когда он читал: «А там, где прошли палы, зловеще чернеет мертвая обуглившаяся земля, не гнездует на ней птица, стороною обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль», — я вспомнил «Анчар» Пушкина:

К нему и птица не летит,
И зверь нейдет. Лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.
Он читал, едва не плача.

А вечером в программе «Время» передали его похороны. На панихиде выступали с речами (так было показано) только чины: М. Зимянин, секретарь обкома Н. Бондаренко, слава Богу, что не передали еще и Маркова, и Михалкова, которые тоже выступали.

Как хорошо, что лежать он будет не в Кремлевском колумбарии, а возле своего дома, где прожил почти всю жизнь. В утешение остается лишь повторять строки Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

8 вечера. А концертик-то праздничный по телевидению, конечно, состоялся вчера. Ну, сперва «День Победы» сыграли, а потом одна милашка пела «Смуглянку-молдаванку», другая — «Полюбила я парнишку, а завлечь не завлекла». А уж в конце солдаты ансамбля ходили по сцене колесом. О, времена!

Сегодня у Кати в школе встреча с американцами, как она говорит. Вот я и мечтаю: влюбился бы там в нее с первого взгляда американский мальчик, пригласил бы в гости в Америку, она бы поехала, и оказалось, что это единственный наследник мультимиллионера. Потом он делает Кате предложение. Она

принимает и уезжает к нему в Штаты. Он человек энергичный, деятельный, талантливый, и через несколько лет становится президентом США! Прекрасно. Но он уже так распропагандирован Катей, что принимает решение и проводит его через Конгресс — слиться с Советским Союзом в одно государство. Участникам этого великого дела, а также их родителям, т. е. Тане и мне, при жизни ставят памятники в СССР и США Человечество ликует!

28. II.1984; вторник

Началась Масленица. В воскресенье Таня устроила блины — объедение!

Погода стоит прекрасная. И в декабре, и в январе, и в феврале выпадало много солнечных, словно мартовских, дней. Каждый день хожу на лыжах. Снега мало, но я приспособился по кругу, который там, в парке, разыскал.

1. III.84, четверг

Весь клокочу. Только что ушел Зобнин. Я даже не вышел в прихожую проводить его. Пришел, сел, интересно говорил о Толстом и Бальзаке. Я слушал и радовался. Вдруг опять как-то соскользнул на еврейскую тему и понес: Федор Абрамов — еврей, Исаковский — еврей, жена Твардовского — еврейка… Я ему сказал, что он из тех деморализованных, которых на фронте расстреливали, что он работает на сионистов, воображая, что видит и знает все их происки. Анатолий Карпов тоже! О, непролазные русские идиоты!

4. III, воскресенье

Сегодня были выборы в Верховный Совет СССР. Нашими кандидатами были в Совет Национальностей 27-летняя красавица Орлова Нат. Вл и Предсовмина Тихонов Н.А, 1905 года рождения. Голосование проходило в школе. Я выполнил свой гражданский долг: оставил Орлову и вычеркнул Тихонова — уж очень стар, пора ему подумать о душе.

6. III, вторник, 11.10 вечера

Только что бегал к метро бросить письмо М. Алексееву. Письма, которые я получаю и отправляю через нашу почту, как показывает дело, идут целую неделю — здесь, в Москве. А два письма, которые я отправил как-то Сергею, вообще не дошли. А книга, которую я послал А П. Роговой, моему редактору, получена была в распечатанном виде. Только дурак не поймет, в чем тут дело.

А написал я Алексееву вот что:

«Михаил Николаевич!

Мы с сентября все размышляем о моей статье. Вот уже до великого поста дотянули. А там — Пасха, негоже нарушать всеобщее благолепие, потом — Майские праздники — и того пуще! А потом разъедемся и — крышка затее!

Ты всегда говоришь, что тебе лучше видна «раскладка». Допустим. Но подумай, как выглядела бы наша литература, если бы в свое время Радищев, написав «Путешествие», Пушкин — «Во глубине сибирских руд», Лермонтов — «Смерть поэта», Толстой — «Не могу молчать», Шолохов — «Тихий Дон», — если бы все эти прародители и учителя наши, написав помянутые произведения, стали бы гадать да размышлять, подходяща ли «раскладка», и решив, что нет, неподходяща, положили бы те произведения в долгий ящик и стали бы выжидать… Я написал, конечно, не «Смерть поэта» и не «Тихий Дон», однако — это важное, честное и смелое слово, которое нужно именно сейчас.

Я готов пойти даже на новые сокращения и изъятия. Например, можно опустить те строки, где Оскоцкий поносит лично меня, а прямо перейти в тому, какими олухами они оказались с цитатами из Маркса и Ленина.

Жду вестей.

Поклон супруге в связи с Женским днем».

(Статья «Два Аякса» появилась только без малого пять лет спустя в «Москве» № 11 за 1988 год).

Вчера заходил С. С. Принес ксерокопию статьи бывшего зав. отделом информации «Л.Г.» Виктора Перельмана в «Русской мысли». Правда, дело старое — еще 1974 год. Перечисляет всех евреев в газете: Чак-й, Горбунов-Шидельман, Сырокамский… до Синельникова. Что ж, в этом смысле статья не устарела. Только Синельникова нет. Дубина он, этот С. С. Про «Василия Теркина» говорит: «Лубок!» Он из тех, чей патриотизм сводится к юдофобии, именно «фобии».

Выпили по две рюмки портвейна «Старый нектар», и я так размягчился, что дал ему своего «Ветрова» да еще 1-й экземпляр. Утром позвонил: «Немедленно привези!» Привез, дочитывал здесь. Выдул бутылку пива.

10. III

Было три дня свободных — целые каникулы. Так моя дочь драгоценная все эти дни просидела у телевизора. Как дура деревенская, никогда не видавшая его. А когда я вчера настаивал, чтобы она пошла с нами на лыжах, так Татьяна засыпала меня упреками: я не уважаю ее личность! Ах!..

12. III

Как здорово походил вчера на лыжах! Вышел утром, в 8.10. Снег был прекрасный, сияло солнце, небо чистое. Ходил около двух часов. Пришел, принял холодно-горячий душ и сел работать. А потом в окно стало светить солнце, я вышел на балкон повесить штору и делал это в одной кофточке шерстяной, и, видно, меня продуло. Часам к четырем заболела правая часть поясницы. Радикулит! Старый друг! И сегодня уже ни лыж, ни прогулки, а поликлиника да сдача бутылок Вот так все переменчиво. Жаль! Видно, с лыжами все кончено.

На днях прочитал «Мои встречи во Сталиным» Милована Джиласа (дал С. Семанов). Ничтожный чистоплюй и мерзавец. Это было написано в 61-м году, и вот почти через четверть века случайно попадает мне. А если дали бы мне ее тогда же, я мог бы разнести ее в пух.

15. III

Колебался, поздравлять Бондарева с 60-летием или нет. Но, в конце концов, подумал: он-то меня поздравил, хотя и в коллективной телеграмме от имени Российского Союза. И вот только что (1.45) отправил: «Юрию Бондареву. Мы теперь старше Достоевского. Наши самые яркие годы, самые звонкие дни, сладчайшие минуты давно позади. Но лучшая книга, но достойнейший поступок, но высшая благодать могут быть еще впереди. За это сегодня и выпей. Поздравляю».

Сделал это, возвращаясь из «Москвы». Алексеев все жмется с моей статьей о Суровцеве: и хочется, и колется, и трусость не велит. Как же! Его опять на премию выдвинули, кажется, на Ленинскую, которой у него еще нет, и вот вдруг это помешает — премиальный бант останется неполным!

4.45. Ходил сейчас в поликлинику (радикулит!), а потом в магазин на ул. Алабяна за заказом. Ужасно устал, болит поясница, пах правый и правая нога. На обратном пути достал из ящика письмо — из изд-ва «Радуга», куда я подал заявку. И вот держу конверт в руках. Что там? Может быть, договор, и тогда — новое издание, гонорар! А может, и отказ, и тогда — ничего, кроме горечи и досады. Вот она, литературная жизнь. Ты должен быть готов ко всему. Что ж, вскроем конверт… Ура! Директор изд-ва В. И. Незнамов пишет, что «роман будет включен в наши ближайшие планы для издания на одном из иностранных языков». Ура! Но почему на одном?

* * *

Ни на одном не вышел…

* * *

20 марта 84

60 лет Льву Кулиджанову. Присвоили звание Героя. Что ж, он почти двадцать лет возглавляет Союз киношников. Я с ним не встречался, но однажды в апреле 73-го года послал ему письмо по поводу сценария первой серии его фильма о молодом Марксе, и потом мы разговаривали по телефону.

В сценарии было много несообразностей, начиная с образа Генриха Маркса, отца. Например, он однажды заявляет сыну, что лишь «в 37 лет смог позволить себе завести семью». А как же тогда объяснить такое любопытное обстоятельство, что к 38 годам у него было уже пятеро детей: Давид, Софья, Карл, Герман и Генриетта? Хорошо бы объяснить.

А 19-летний Маркс говорит «Мне просто никогда не приходилось думать о Боге». То есть с точки зрения Отдела пропаганды ЦК КПСС, которой следовали авторы фильма, Маркс и родился марксистом. Но как же не приходилось думать, если когда ему было лет 6–7 лет, вся семья перешла из иудаизма в христианство, крестилась. Это было важнейшее событие, и мальчик не мог это не запомнить. О его родном Трире Гете писал «Говорят, в нем больше церковных строений, чем иных.

Город просто подавлен церквями, монастырями, часовнями…» Многое из этого оставалось еще и в юные годы Маркса, и разве могло до 19 лет не наталкивать столь пытливый и большой ум на мысли о религии и Боге. Есть прямые документальные доказательства того, что в детстве и отрочестве Маркс, хоть и не в такой степени, как Энгельс, но был религиозен.

22. III

Мы иногда говорим Кате: «Тебе повезло с родителями. Они у тебя такие либералы, такие демократы». А вчера она сказала Тане: «И вам повезло, что у вас родилась я, а не Крылов, не Перепелов». И мы правы, и она права.

… Идут бесконечные дни. Мой «Ветров» держит меня в подвешенном состоянии. Не могу ничем заняться всерьез, хотя замыслов много. Пишу всякие заявки да письма. Одно развлечение — радикулит, да и тот, кажется, кончился (начался 10-го).

25. III

Еще я писал Кулиджанову, что у него весной 1836 года Маркс говорит: «Я был давно и безнадежно влюблен». Это не так Тогда его любовь была уже отнюдь не безнадежна, ибо очень скоро он тайно обвенчался с предметом своей страсти.

А вот Маркс обнимает и целует Женни. Это подано так, словно произошло впервые, а она, словно уездная барышня, панически восклицает: «Что ты делаешь! Не смей! Никогда не смей!» и т. п. Женни в отношениях с Карлом вовсе не была такой цыпочкой, и надо же помнить, что ей шел уже 23 год, она была старше мужа.

А еще до женитьбы Маркс в разговоре с отцом восклицает о Женни: «Чем она жертвует? Она получает меня!» Это дикая бестактность сценария.

Неверно представлено отношение отца к женитьбе сына, которой он будто бы не хотел, отговаривал. Наоборот! Он писал ему еще в Бонн, где тот учился: «Тебе, милый Карл, выпало на долю счастье. Ты в самом начале жизненного пути нашел весьма достойного друга. Умей ценить это счастье. Требуй с твердостью мужчины, чтобы она не колебалась, не оглядывалась назад, а твердо смотрела в будущее». Папочка не знал, что сыночек уже обвенчался…

Потом, 13 апреля 76-го года, мы говорили с Кулиджановым по телефону. Он прежде всего стал допытываться, где, как я смог прочитать сценарий. Я попробовал отшутиться: «По рукам ходит», но он настаивал, и я сказал, что его помощник Жора обратился ко мне, как к человеку, хорошо знающему тему. «Ах, это Склянский!.. Я никого убивать не собираюсь…

Вы прочитали? Ну, и как?» — «Многое требует уточнения и поправок». — «Я не отношусь к этому тексту как к окончательному. Ошибки могли вкрасться от наших немецких товарищей». Сказал, что пользовались многотомной биографией Корню. К моему отзыву отнесся настороженно, однако: «Спасибо. Мы благодарны за всякую помощь».

В 1982 году фильм получил Ленинскую премию.

28. III

Все эти дни, едва расстался с радикулитом, хожу на лыжах. Начал в пятницу, 23-го, в субботу ходили вместе с Таней. Ах, какое скольжение было эти два дня! В воскресенье к нам присоединилась Катя. В понедельник я не ходил. А вчера и сегодня, в среду — опять, причем с утра, пока не растаяло. Редкое дело — до самого конца марта!

30. III, пятница

Ну, отходил я на лыжах, 28-го это удалось в последний раз. Ходил, что называется, до упора.

Вчера поехал к четырем часам в Союз уплатить партвзносы за март. Оказалось, в последний четверг не принимают. Пошел в библиотеку, полистал кое-какие старые газеты и журналы. Посмотрел первую публикацию стихотворения Исаковского «Враги сожгли родную хату». Это было в журнале «Знамя», № 7, 1946 год. Кроме него, в номере еще напечатаны такие авторы: П. Вершигора («Люди с чистой совестью»), Л. Первомайский (стихи «После боев»). П. Антокольский (цикл «Не вечная память»), С. Гудзенко (четыре стихотворения), Вас. Гроссман (пьеса «Если верить пифагорейцам»), Л. Арагон (рассказ), статьи Л. Ландау («Атомная энергия»), А Лейтеса, М. Гельфанда, Д. Данина и Л. Варшавского. Встретил в вестибюле Солоухина, показал ему этот список и говорю:

— Из двенадцати авторов только один русак, один хохол да один француз, женатый на еврейке.

— Какой француз — Арагон? Я был у него дома. Это французский Эренбург.

Значит, из двенадцати только два.

Видел Алексеева. Собирается дня на два на Украину, на Гоголевские торжества. Вроде бы намекнул, что после этого займется моей статьей, но все невнятно. Хитрюга!

2. IV, 84, понедельник

Два дня ходили по гостям. В субботу были у Т. А. Спендиаровой и Сусанны. Пили коньяк и рижский бальзам. Я много разглагольствовал о своей титанической борьбе за справедливость. В воскресенье тетя Дина повела нас к какому-то генералу МВД по фамилии Лекарь Антон Григорьевич. Сам он оказался в больнице. Принимала его жена Надежда Александровна. Оказывается, это был день поминовения их сына, умершего 7 лет назад. Обильный, но невкусный генеральский стол. Колбаса огромными ломтями. И душно, душно. А я это не выношу.

4. IV, 11.20

Только что звонил Алексеев. Сообщил, наконец, что от моей статьи «SOS!»(«Два Аякса») отказывается. Замы, говорит, против (Годенко?), а Софронова была против еще раньше (врет!). Вопросы, мол, мелкие, факты надерганы. Я перебил: «Если дурной язык, такой, что понять невозможно, если хамство по отношению к писателям, если чушь об Энгельсе — это все мелкие вопросы, то конечно».

Ну, живем! Литературный генерал не решается сделать замечание литературному фельдфебелю, даже капралу! А я еще говорил ему о Лермонтове, об этом безвестном поручике, который бросил в лицо не кому-то, а толпе, стоявшей у трона:

Свободы, Гения и Славы палачи!

* * *

Статью «Два Аякса» Алексеев все-таки напечатал. Но когда! 8 № 11 за 1988 год. Четыре года размышлял!

5. IV, 10.50 вечера

Смотрел сейчас передачу «Писатель и время». Вел Феликс Кузнецов. Сколько пустых, угодливых, недостойных литератора слов! Начал, конечно, с Кучера и кончил им. А как же! Нет, ни за какие коврижки не стал бы я играть эту роль. Первым его собеседником был, конечно, Алексеев. Кому это надо? Кого обманывают? Ведь когда-то подобные вещи делались хоть и глупо, но искренне. А теперь? Спасибо, Господи, что минула меня чаша сия.

8. IV

Сегодня ни с того ни с сего приснился Жорка Друцкой, с которым работал вместе на радио в 1958 году. Будто бы он молодой, стройный и даже не захотел со мной разговаривать из-за того, что я так постарел. Утром по справочной разыскал его телефон и позвонил. Ему уже 63 года, работает все там же. Голос бодрый, в жизни все нормально. Приятно было поговорить со старым дружком.

9. IV

Военные дневники Симонова в двух томах (573 + 780 = 1353 стр.) начал читать 29 июня 1982 года, а кончил только сегодня, т. е. без двух месяцев и двадцати дней читал два года. Конечно, с большими перерывами. Много интересного. Но, может быть, больше всего поражает его трудолюбие и добросовестность, порой доходящая до занудства. У меня изменилось представление о нем, я не думал, что это был такой работяга.

К. У. ЧЕРНЕНКО,
первому секретарю ЦК КПСС

«12 апреля 1984 г. Уважаемый товарищ Черненко!

В речи на Пленуме ЦК 10 апреля Вы привлекли общее

внимание к такой действенной форме контроля, как депутатский запрос: за последние годы во ВСЕХ Советах, с Верховного до местных, в среднем приходится 1 запрос на 30 депутатов. Как же быть с таким печальным обстоятельством? Думается, надо начинать с центра — с Верховного Совета СССР.

Надо создать такую обстановку, чтобы ничего не опасаясь, никого не стесняясь, депутат мог бы поднять руку и сказать: «Прошу депутата Гарбузова, министра финансов, ответить, сколько народных средств тратится на изготовление, установку и освещение таких лозунгов и призывов, как тот, например, что на площади Маяковского: «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!»

Если подобные запросы зазвучат в Москве, то этому примеру последуют и республики, и районы. Надо только начать.

С глубоким уважением *Бушин В. С.,* ветеран войны и труда».

13 апреля 84 г.

Б. И. Бурсов прислал свою новую книгу и письмо:

«Владимир Сергеевич!

Не обессудьте Бога ради за столь запоздалое исполнение своего обещания. Очень трудно было мне в последние полтора-два года. Если вздумаете написать мне, то вот Вам мой новый адрес 197136 Ленинград, ул. Ленина, 34, кв. 69.

Всего Вам доброго, самого доброго.

Ваш *Б. Бурсов*

28.111.84».

Раньше он жил на канале Грибоедова. Судя по почерку, плох, слаб.

17. IV

Сегодня Сергею исполнилось бы 28 лет. Уже четыре года! А жизнь идет… На Пасху съезжу навестить могилу. Она пополнилась — теперь там лежит и Александра Дмитриевна. Да, вот была семья: Валентин Федорович, Александра Дмитриевна, Сергей Кашин, мой Сергей, Лиля, Ира, я, Боря. И из этих восьми человек уже умерли четверо!

Сегодня мне приснилось, что я мыл голову. Это недобрый сон.

С.М… БОРЗУНОВУ

«18 апреля 84

Дорогой Семен Михайлович!

Выполняя давнее обещание, хочу сказать несколько слов о твоей книге «Михаил Алексеев». В ней много интересного,

зоркого, но я думаю, лучше обратить внимание автора на промашки: это может пригодиться.

Ну, во-первых, ты пишешь: «М.А талантлив во всех жанрах: он и беллетрист, и публицист, и сценарист, и поэт». Полно, Сеня! Знай меру. Ну, какой он поэт? Многочисленными цитатами ты сам доказал его полную бесталанность в поэзии. Например:

Пусть песня гремит, наливаясь!
Пусть славит она храбрецов!
Пусть выше летит, поднимаясь,
Могучая песня борцов!

Ты же знаешь, что на фронте в «Боевых листках» подобные вирши печатались километрами. Или вот

Мы помним тех, кто, умирая, выжил,
Кто воплощен и в камень, и в металл,
Кто Третий рейх над головою выжал
И сбросил, и ногами растоптал…

Война изображается как соревнование по тяжелой атлетике. Это не только смешно. Похвалами таким виршам ты ставишь и себя и Алексеева в неловкое положение. В случае переиздания выбрось все это графоманство чистой воды. К чести Алексеева можно сказать, что он понял цену своих юношеских усердий и никогда в ним не возвращался. Но странно, что сохранил тексты. Об этом можно говорить лишь с улыбкой, как о преграде, которую М.А преодолел на пути к своему таланту.

Ты пишешь еще, что Монастырское, родное село Алексеева, «займет достойное место среди таких дорогих русскому сердцу названий, как Ясная Поляна». Сеня, убери это и больше никому не показывай. Побить могут.

И вот еще что: «Шел 1940 год. Белофинны, как известно, спровоцировали нас на военный конфликт». Побойся Бога, полковник! 3-миллионная страна спровоцировала 195-миллионную державу. Да, в 39-м году у нас так говорили, но теперь-то мы с тобой, старые люди, знаем, что это не так В условиях шедшей уже на Западе войны нам надо было отодвинуть границу от Ленинграда. Мы попробовали сделать это мирным путем: предложили финнам взамен Карельского перешейка в два раза большую территорию. Они, имея за спиной Англию и Францию, не согласились. И, увы, пришлось решать этот вопрос силой. И неизвестно, какова была бы в 41-м году судьба

Ленинграда, если бы мы этого не сделали. Такова правда истории, а не пропаганды.

И уж вот такие частности. Ты пишешь, что в полку, где служил М.А, было 30 Героев Советского Союза. В полку не могло быть столько.

Или вот перечисляешь награды на груди Алексеева: медали «За оборону Сталинграда», «За отвагу», орден Красной Звезды. Надо сделать это в обратном порядке.

Будь здоров, и всех тебе благ, Семен Михайлович.

Помнишь, был в Ленинграде твой тезка поэт С. М. Бытовой (Каган). О нем говорили:

Семен Михайлович Буденный,
Семен Михалыч Бытовой —
Один рожден для жизни конной,
Другой для жизни половой.

Обнимаю!»

19. IV, Чистый четверг

Вчера мой квазисекретарь пожелал угостить меня в ресторане ЦДЛ. Конечно, был и его отец. Взяли бутылку коньяка, зелень, осетринку — все прекрасно! И я предупредил, что больше этой бутылки — ничего. Так нет же! После нее, воспользовавшись моим размягчением, он взял еще 300 гр. и по куриной ножке! Конечно, все это вкусно, соблазнительно, но — лишнее же! Почти по 300 грамм на брата. А потом еще взяли такси и поехали к нему пить чай, по дороге прихватив Зою. Правда, за такси заплатил я, но в ресторане он выложил 55 рэ. А зачем? Устроил, в сущности, два ужина подряд. Домой я явился во втором часу. Часов в 6 проснулся, не спится. Принял снотворное, проспал до половины одиннадцатого и все равно невыспавшийся и разбитый. Черт бы побрал это русское гостеприимство, это варварство!

20. IV, 17.30

Сейчас звонила из ЦК некто Сушкова. По поручению секретариата сказала, что мое письмо Черненко получено и «будет использовано». Что значит «будет использовано»? Где — в сортире?

22. IV, Пасха

С Адой и Васей ездили на могилу Сергея. Положили тюльпаны и два крашеных яичка — голубое и красное. Потом поехали к Гале. Позже туда пришла и Таня, она ездила в

крематорий к отцу и матери. У Гали провели часа три с лишним.

Иногда я проделываю такую штуку, как сегодня в метро. Сидят два молодых мерзавца, а кругом женщины, пожилые люди, тот же Вася, Ада. Вошла пожилая седая женщина. Я взял ее за руку: «Позвольте я вас посажу». Подошел к парню, поднял его и посадил старушку. А его красотка так и осталась сидеть. Какой-то парень рядом пожал мне руку: «Молодец!» Был под хмельком.

25. IV, 3.40 утра

Вчера схоронили Василия Федорова. Я был сильно простужен, но не пойти не мог. Гроб стоял в верхнем фойе. Почетный караул выходил из зрительного зала. Мне довелось стоять с правой стороны (если смотреть ему в лицо) у изголовья. Он лежал удивительно спокойным, красивым и молодым, хотя вся голова седая. Я едва сдерживал слезы. Начались речи: Михалков, Исаев, Алексеев, секретарь Марьинского райкома — все начальство. Алексеев перепутал Дон Жуана с Дон Кихотом, говорил, что, мол, снаряды ложатся рядом, без чего, разумеется, можно было обойтись. Исаев запомнился тем, что назвал покойного великим поэтом, сказал, что его будут читать в веках и т. д. Это был, конечно, перебор, но потом на поминках тоже говорили: великий (Солоухин, кто-то еще). А хоронить повезли в «филиал» Новодевичьего кладбища, где я был последний раз, когда хоронили Полторацкого, потом В.А Старикова. Там панихидой руководил Миша Шевченко. Выступал Валентин Сорокин, вещавший как граммофон нечто возвышенно несуразное, потом Фазу Алиева, только вчера из программы «Время» узнавшая в Махачкале о его смерти, кто-то еще. При прощании одна из сестер его выла и причитала, как полагается русской бабе. Потом вернулись в ЦДЛ, где в Дубовом зале были накрыты в три ряда столы. Лариса пригласила меня. Я сидел рядом с Искрой Денисовой, а напротив — Чивилихин, Викулов, Шундик Правее — Солоухин, его друг генерал-майор Ал-др Степ. Косицын.

26. IV, Коктебель. 18.30

Сегодня приехали с Левой Экономовым в Коктебель. Ехали вдвоем — в спальном вагоне, в котором он долго не хотел ехать.

Закончу о похоронах и поминках Федорова. Дубовый зал был полон. Вначале вроде бы застольем поминальным руководил Прокушев, потом двум-трем слово предоставила вдова, а большую часть поминок руководил ими Миша Шевченко. Я попросил слова уже где-то после экватора. Сказал:

— Дорогая Лариса! Дорогие родственники и земляки! Я, пожалуй, тоже имею право сказать несколько слов, ибо знал

покойного с осени 47-го года, а позже несколько лет работал под его началом в журнале «Молодая гвардия», где он был заместителем главного, а я заведовал отделом. Работали там тогда и присутствующие здесь Искра Денисова и Вл. Фирсов…

28. IV

Сегодня две женщины, случайно встреченные мной, угостили меня мочеными яблоками из здешнего гастронома. Одна из них мне знакома (С. Петренко) и стара, другую я не знаю, вернее, мы перемолвились с нею лишь несколькими фразами, она молода и прекрасна. Словом, женщины совершенно разные. Но, потчуя меня, уговаривая взять второе яблоко, они, в сущности, прибегли к одному и тому же доводу: все равно выбрасывать. Но старушка сделала это как бы стеснительно и завуалированно, а незнакомка — внятно и с усмешкой, подмигнув при этом подруге. И потому первая словно подала милостыню, а вторая — одарила частицей своего очарования.

… А Лева Экономкин действует так Он не хотел ехать в СВ, но я хотел, и он поехал. Я в вагоне-ресторане купил килограмм лимонов, и он купил килограмм. Я купил грецких орехов, и он грецких орехов. Я купил китайский помазок, и он помазок Я взял в библиотеке «Театральный роман» Булгакова, и он «Театральный роман». И так далее. Самостоятельность проявил только при покупке рубашки. Но — глупо. Денег нет, а за 20 рублей купил точно такую же клетчатую серую рубашку, какая у него есть уже. Зачем? Неизвестно.

4. V.84 Коктебель

Позвонил домой. Катя говорила со мной простуженным голосом — и сразу сделалось не по себе.

Интересно, а бывает когда-нибудь не по себе Сергею Островому? Печалится ли он? Умеет ли грустить? Сегодня у столовой я подошел к нему, и он сказал, что о его жене Наде (арфистке) снято три фильма (я заговорил о ней, вспомнив, как мы играли в Малеевке в теннис). «Вот видишь, — сказал я, — она тебя перегнала: о тебе ни одного фильма». «Как так? — возмутился он. — Неужели ты не видел? Обо мне тоже три фильма». Боже мой, шесть фильмов об Островых. За одно это Лапина надо было бы снять с работы.

6. V

Ну писатели! Ну мужики!

Коле Воронову, сколько я его знаю, вечно блазнится, что его кто-то выслеживает, высматривает и даже хочет извести. Он

рассказывал мне, что, когда плавал с маской в Лягушачьей бухте, какой-то мужик на берегу взял камень и хотел убить его в воде. Коля это вовремя заметил и пристыдил мужика: нехорошо, мол, убивать членов Союза писателей. А Ольга Борисовна Власенко вчера сказала, что он клялся ей, будто на Кара-Даге в него стреляли. Ну, у каждого свое. Игорь Кобзев уверен, что злые лиходеи хотят его отравить, и рассказал мне о двух недавних попытках с помощью подарков — бочоночка меда и коробки конфет.

Так вот, этот Воронов вчера утром заметил в кустах против нашего корпуса человека. Он тотчас скрытно направил на него монокуляр (у него для таких случаев всегда с собой соответствующая аппаратура) и безошибочно установил, что в кустах скрывается террорист, который ведет наблюдение за нашим домом: кто ушел, кто пришел. Коля увидел Леву Экономова, тот шел мимо, рассказал ему о своем леденящем кровь открытии и попросил: «Сходи за кем-нибудь из мужчин». И вот Экономов (рост 180 см, вес 86 кг, герой Отечественной войны) пошел в административный корпус, чтобы найти там «кого-нибудь из мужчин». Увы, долго никого из мужчин он найти не мог. Наконец, откуда-то вернулся наш автобус. Видя, что за рулем его сидит мужчина, Лева кинулся к нему. Тот выслушал, но ничего не сказал. Лева, тревожный и огорченный, ушел. Однако шофер оказался парнем не промах. Рассказ Левы о террористе, который прячется в кустах, был, видимо, так страшен, что он сообщил об опасности, нависшей над группой прекрасных советских писателей, в милицию. Милиция, как видно, только того и ждала, застоявшись без дела. И вот нагрянул вооруженный наряд, окружили кусты и по всем правилам военной науки стали их прочесывать. Возможно, что при этом они покрикивали: «Эй, бросай оружие, сдавайся, сопротивление бесполезно! Ты окружен!» Так или иначе, но человека в кустах действительно нашли. Прав был Воронов, и не подвел его монокуляр! И кто же им оказался? Ученик 7-го класса местной школы, удравший с уроков! Он скрывался от родителей, естественно, опасаясь родительской встряски. Ах, мужчины! Ах, писатели!

8. V

А Коля-то Воронов действительно того. Сейчас после обеда полчаса рассказывал, как таинственные недруги насыпали ему в какие-то бумаги «биологического вещества», и он спасся только тем, что уехал в Коктебель и пил шампанское, которое-де выводит это «вещество».

…Сегодня утром после завтрака ездили автобусом в Старый

Крым к армянскому монастырю. Как прекрасно там — простор, все цветет. Двум телятам почесал лобики, из которых лезут рожки. Наверное, им приятно было, может, вспомнят обо мне.

9. V Коктебель

С ума сойти! Сильвия Федоровна Звягина из Одессы! 34 года! Мила как ангел. Актриса. «Не все сразу. Встретимся завтра в 7.30 на набережной».

10. V

Казалось бы, ну, банальный курортный пустяк — а как тяжело и горько.

11. V

Большой русский поэт Сергей Островой в День Победы сломал свою вставную челюсть. Конечно, это был дурной знак, зловещее знамение. И вот сбылось: сегодня распространился слух, что 12–19 мая в районе Кара-Дага ожидается землетрясение силой в 7 баллов. Очень просто! Было же в 1927 году землетрясение в Ялте. Меня несколько утешила Нора Адамян. Она сказала, что по предсказаниям японцев еще в прошлом году Крым должен был уйти под воду. Ан не ушел. Но — все в руце божьей. Всегда надо быть готовым ко всему. Готов ли я? Нет.

13. V

Обидел я Колю! Вчера был литературный вечер, и я прочитал на нем шутливый рассказец, только что написанный, в котором вывел его под именем Менелая Галкина. Посмеялся я над его манией преследования, над его нелепыми страхами. Рассказ называется «Как писатели террориста ловили». Там все документально точно. Но он осерчал, не разговаривает со мной. Прав, конечно.

15. V

Да ни черта он не прав! Мы с ним беседовали тут два раза. Такой вздор плел! Гоголь, мол, ненавидел Россию, и вот по сей причине его юбилей недавний стараниями евреев был отмечен широко. А Тургенев с любовью писал о русских людях, и его юбилей, происками тех же всемогущих, вездесущих сил, был отмечен бледно и т. п. На евреях он вообще помешан. Их, говорит, 20 миллионов. Ну откуда ты взял, говорю, их во всем мире столько не наберется. Нет, говорит, 20 — они плодятся со страшной силой. Нет, поделом я его изобразил.

23.V

Директор Дома творчества Николай Васильевич Дегтярев полон творческих идей. Иные из них очень полезны. Провел паровое отопление в ленинградские коттеджи, застекляет веранды и т. п. Но он бывший первый секретарь Донецкого обкома и потому одержим идеологическим рвением: всюду натыкал лозунги и транспаранты в таком духе: «Слава ударному труду!», «Быть народным писателем — значит способствовать воспитанию нового человека» и т. п. А еще сейчас всем приезжающим раздают листок с поздравлением и просят высказать на нем замечания и пожелания. Я высказал: надо снять один транспарант и использовать его как крышку для выгребной ямы возле 16-го коттеджа, в который я переехал 21-го. Так как никакой реакции не последовало, то вчера вечером я сам отодрал транспарант с каким-то величественным видом и прикрыл им яму. Как раз пришелся! Теперь от него хоть польза есть.

25. V

Вчера к Леве Экономову, который прохлаждается здесь с Милочкой Блюмкиной, приехала сноха Таня с сыном. Он по этому поводу выставил бутылку «Лимонной», и мы ее с ним почти целиком усидели. Потом я ждал двух девиц, которых сфотографировал, они не явились, свистушки.

Когда уже темнело, я шел один мимо дома Волошина и вдруг вижу — в том месте, где я сам перелезал через забор, чтобы прямиком попасть на пляж, его перелезает Алена. Я сказал: «Что вы делаете! Это же опасно!» Она перелезла, и я пошел проводить ее на пляж После тенниса ей хотелось окунуться. Пришли еще какие-то люди. Я стал было ее отговаривать, сказал: «Я вас в случае чего спасать не буду, не рассчитывайте». Море было довольно бурным. Она все-таки искупалась.

— Сейчас хорошо бы рюмку коньяка.

— Я не люблю коньяк

Спросил, сколько лет она уже ездит в Коктебель. Оказалось, что девять. Боже мой! И все по цековскому блату.

Перемолвились еще несколькими фразами, и я, не прощаясь, ушел.

26. V,утро

Вчера во время вечернего купания сильно ударился о подводный камень левой частью лобка и большим пальцем левой ноги: синяки. Смочил прополисом.

Обед. Сейчас звонил домой. Таня говорит, все в порядке, изнывают от жары.

— Какие новости?

— Никаких. Вот только ходят по дому и предлагают за 25 рублей вставить в дверь штырь, чтобы ее уж никак нельзя было вору открыть.

— 25 рублей?

— Да.

— Подожди, я скоро приеду и бесплатно вставлю тебе такой штырь!

— Ха-ха-ха!

И разговор оборвался.

12 часов ночи. Смотрел сейчас фильм Ларисы Шепитько «Восхождение» по повести Василя Быкова «Сотников». Они хотели показать преданность советского человека (Сотникова) родине и долгу, хотели вызвать ненависть к войне, но обилием нагромождаемых кошмаров вызвали только духовную подавленность, фильм запугивает, и нет мне никакого дела до Сотникова. Это типичная картина. Очень часто хотят, допустим, разоблачить фашизм (австрийский фильм «Наследники»), а в итоге — только запугивание. Состряпан фильм по западным канонам «ужасной правды». Такие фильмы ставили итальянцы, поляки, югославы, кажется. Смакуется поведение человека перед расстрелом, перед повешением. Берутся запредельные ситуации. Ну, давайте тогда ставить фильмы о том, как сжигали людей в Освенциме, как вели себя люди в двух шагах от печи. Это спекуляция на ужасах войны, на крови, на боли, на страхе. Это демагогия под видом беспощадной правды. Не удивительно, что фильм получил множество премий на Западе.

27. V

Я послал тебе черную розу в стакане
Золотого как небо аи…

Роза была не черная, а желтая; и не в стакане (бокале?), а в газете; и не послал, а сам вручил… Но во всем остальном — то же самое, как у Блока.

1. VI, 1984, пятница

Позавчера приезжал Алексей. Вечером я позвал Мишу Селезнева, двух Экономовых и устроил у себя на веранде ужин. Выпили две бутылки водки и полбутылки коньяка. Весело не было. Утром посмотрел я на Алексея: старик В 10.40 он уехал автобусом Тяжело это — 7 часов сюда, 7 часов обратно. Надо, видимо, отказаться от таких встреч. После выпивки у меня нечто

похожее на депрессию. Это теперь все чаще после выпивок

Тоска!.. Перекоктебелился, что ли? Статью о Карпове закончил, получилось около 2 листов. Надо еще кое-что перекомпоновать. Но — тоска! Выпить разве? Нет, неохота. Домой хочу, домой. Соскучился о своих курочках, о доме. Надоели мне эти розы, бокалы, благоухания, все, все надоело.

2. VI

Сегодня приснился Солженицын. Будто сидим мы у нас на кухне, мирно о чем-то беседуем, он не похож на нынешний свой облик, в чем-то темном. Кто-то третий (вроде не Таня) говорит ему, что, мол, мне присвоили звание Героя Соцтруда. Он удивляется. Но это, кажется, шутка. Вот и все.

А вечером был литературный вечер. Вел Гришечка Соловьев. Выступали Алигер, какой-то Юрий Греков из Кишинева, В. Ерашов, Нина (Валерьяновна) Королева из Ленинграда, Кныш, Миша Селезнев. Алигер прочитала ядовитые стихи про литературного, всем довольного, преуспевающего паразита, у которого все есть — только нет творческой свободы.

Как ему, скотине, повезло!

Дескать, может равнять себя со мной, действительно страдающей от отсутствия свободы.

* * *

Мы давно возмущены тем, что тело Чехова было привезено из Баден-Бадена в вагоне из-под устриц. А погребение Шолохова под праздничный фейерверк по всей державе — не позорнее ли в сто раз!

6. VI.

Мировая скорбь прошла. Этому сильно способствовало появление двух милашек — блондинки Наташи и брюнетки Тамары. Очень разные, но обе милы невыразимо. По вечерам пьем у меня на веранде коньяк и едим клубнику, и я терзаюсь муками буриданова осла.

Сегодня день рождения Пушкина. Будем пить Новосветское шампанское и есть все ту же клубнику (6,5 р. + 4 р. — такова формула радости). Что за жизнь, а? Вот это развитой социализм!

Вчера была гроза, шел дождь. И какой же я все-таки хитроумный! Захотел собрать в чайник дождевой воды (в водопроводе не было). Подставляю под струи, а они хлещут вразброд, и почти все мимо. Тогда я взял зонтик, подставил под

несколько сразу струй, поймал их, наклонил зонтик, и все они стали стекать с одного конца прямо в чайник Архимед, и только!

7. VI

Вчера по случаю дня рождения Пушкина пил шампанское у Миши Селезнева, а потом у себя на веранде в блондиночно-брюнеточной компании. Скушали килограмм клубники тож В конце появился Лева. Был тотчас пленен брюнеткой. А утром я написал стихи.

О дивное застолье в Коктебеле!
Шампанское, клубника и цветы…
Не от вина глаза мои хмелели,
А от блистанья близкой красоты.
От вашего безудержного смеха,
От вида загорелых ваших плеч
И от своих попыток без успеха
Восторг в слова достойные облечь.
Был слаб язык моей убогой прозы,
Но давний стих не шел из головы:
«Как хороши, как свежи были розы,
Так хороши, так свежи были вы».

Но при чем же Ишка Мятлев в день рождения Пушкина? Надо заменить строками Пушкина. Вот, пожалуй, как надо:

Меня терзала мука неуменья.
Я выхода искал из немоты.
И вдруг нашел: «За чудное мгновенье,
За тот же чистый гений красоты!»

8. VI, 11.30 вечера

В соседнем номере живут детская писательница Юркова Наталья Вениаминовна, ее муж Яковлев Сергей Сергеевич и его сын. Мальчику лет 7, худенький, бледный, горбатенький, с больными глазками, которые он все время трет, они гноятся. Он был на детской площадке, а они куда-то ушли. И до сих пор их нет. Я велел ему умыться и лечь спать. Он так и сделал. Он думает, бедненький, что они ушли его искать. А они сидят сейчас где-нибудь и хлещут вино, и не помнят его, и не хотят вспоминать. Ну, хорошо, я дома. А если бы меня не было? Как можно бросить такого малыша одного в таком далеком доме?

9. VI, суббота. Час ночи

Какая ночь! Какая крымская ночь! Тихо, тепло, чуть вздыхает море, светит почти полная луна. Мы посидели у меня на веранде, выпили по полстопки коньяка, потом чай с клубникой и пошли по темным аллеям парка. Вышли на пустую набережную, дошли до пирса, постояли на пирсе. Под ногами вздыхало море… Ах, нет, сперва мы пошли за спасательную станцию и прошли за нее сколько можно. Останавливались, смотрели то на Кара-Даг, то на море. А потом уже пошли на пирс, с пирса опять направо, мимо «Эллады». Я вспомнил:

В ресторане «Эллада»
Мы сидели вдвоем.
Ах, какая отрада!
Вот сидим мы и пьем.

Дошли до конца и повернули обратно. Без пяти двенадцать прошли через ворота на территорию Дома творчества. И потом целый час бродили по аллеям парка, уже пустого, безлюдного. Какая ночь! Как это у Шекспира, кажется, в «Венецианском купце»? «В такую ночь, как эта…» Странно, странно… Что есть время? И что есть человеческая душа? И что есть счастье? Такие ночи существуют для того, чтобы думать обо всем этом. Думать? Нет. Чтобы чувствовать все это. «И тень от льва увидев раньше льва, я, ужасом объятая, бежала…» В такую ночь…

10. VI, 10 утра

Говорят: надо быть терпимым. Но как терпеть Кныша, который почему-то убежден, что среди его достоинств великое остроумие, на дню несколько раз угощает меня своими стихотворными экспромтами, в которых нет ничего, кроме тупоумия и похабщины. Его любимые объекты словесной «игры» — сексуальные извращения. Сейчас перед завтраком он угостил меня очередным экспромтом с минетом. И это в присутствии своего сына. Ну не дурак ли! Но я терплю. Хватит ли моего терпения еще на три дня? Помоги, о Господи!

Вечер. А сегодня прочитал у Лабрюйера: «На свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо, и нет музыки слаще, чем звук любимого голоса».

Сегодня шел дождь, и тенниса не было, но в половине пятого зашла Наталья, чтобы договориться, будем ли мы играть, и мы выпили по стопке коньяку: сегодня Троица.

11. VI

— Тринадцатого я уезжаю, двенадцатого прощальный ужин, приходите одиннадцатого.

— Нет.

— Я очень прошу: приходите одиннадцатого.

— Нет, нет, нет.

И пришла десятого.

12. VI, Коктебель

Вчера опять было застолье. Кныш организовал на моей веранде стол и пригласил В. Брюггена и А. Ф. Чернішова (именно так он себя называет) из Харькова, Вик Вик Коптилова из Киева и вот меня из Москвы, а сам из Львова. Получился союз городов. Славно погудели. Выпили бутылку коньяка, бутылку водки, бутылку «Ркацители» и бутылку «Совиньона». Коптилов приятный человек. Заведует кафедрой в Киевском университете и ведет курс украинистики в Сорбонне. Меня удивило, как он и Чернішов вольно говорили о евреях. Разве Брюгген не еврей? Очень же смахивает. Чернішов (в начале застолья говорил только по-украински, но видя, что я никак не реагирую, перешел на русский) говорит, например: «Какой же он Иван, откуда он Радченко, коли я видел, что он еврей!» Коптилов, когда я принес из комнаты книгу Андре Моруа «От Монтеня до Арагона», чтобы показать там явную нелепость перевода: «В браке отсутствие сопротивления (!) притупляет желание». Конечно же, надо было сказать не о сопротивлении — Коптилов вставил: «Получается как в грузинском анекдоте: «Сопротивляйся же, дура!», — а о препятствиях, которые отсутствуют, — когда я это сделал, В.К сказал, что и Моруа еврей. Опять!

Удивительное дело! А неужто Андре Жид не еврей? Нет, это только буквенное и звуковое совпадение. Кстати, вот любопытная мысль в этой книге А Моруа: «Поль Моран заметил: французские писатели никогда не бывают столь молодыми и свободными от всякого рода теснений, как после шестидесяти лет. В этом возрасте они избавляются от романтических треволнений молодости, от погони за почестями, которая в стране, где литература — общественное дело, поглощает в период зрелости очень много сил». А наши? Вот Марков и в 75 все трусит за почестями.

11 вечера. После ужина на набережной Оля Чалмаева сказала, что звонила Виктору, и он сказал, что умер Володя Чивилихин. Я уехал из Москвы сразу после похорон (Федорова) и приеду сразу после похорон. На поминках Федорова мы сидели напротив, чуть наискосок, он дважды брал слово.

15. VI Москва

Ну вот, вернулся я вчера поздно вечером из Коктебеля, вернулся. Не было меня дома 50 дней — почти два месяца. Во всяком благоустроенном семействе это должно быть праздником: убранная квартира, цветы, хороший обед.

18. VI

Чехов хотел высмеять, осудить свою душечку: вот, мол, какая бесхарактерная и переменчивая, непостоянная, ветреная. А получилось наоборот: она постоянна в своей доброте, сострадании, заботе. Толстой понял это и писал, что так убедительно это получилось именно потому, что непроизвольно, вопреки авторскому замыслу. А у самого с «Анной Карениной» произошло в сущности то же. «Аз воздам…» Но Анна так пленительна и несчастна, что все симпатии читателя, конечно, на ее стороне. В чужом глазу…

19. VI

Эмоционально-этическая драма нынешней интеллигенции состоит в том, что от старой простонародной деликатности чувств она ушла, оторвалась, а к развитости и тонкости чувств подлинно интеллигентных людей, увы, не пришла. Вот и появляются такие, как поэт Карпеко, который на своем юбилейном вечере выходит на сцену и говорит после чтения стихов: «А теперь я вам расскажу (дело было в клубе «Правды»), как я убил первого человека». Первого! Он мог бы рассказать, как видно, и о третьем, и о пятом.

Или Миша Селезнев, который, явившись ко мне впервые в дом сильно навеселе, тоже возгорел желанием рассказать мне и Тане, как он убил немца. Видимо, это у него самое яркое и многозначительное воспоминание жизни. Ну конечно, так Но рассказывать о таких вещах на юбилейных вечерах, делиться этим с женщинами! А ведь простой солдат Ерошка в «Казаках» Толстого понимал, что о таких вещах рассказывать нельзя, даже мужчина мужчине, даже на войне.

22. VI, пятница

Сегодня утром проводили Катю в трудовой лагерь — в Лотошинский район (на самом северо-западе Московской области) полоть свеклу. Я хотел поехать вместе с детьми, чтобы посмотреть, как они там. Но Катя — в слезы. И все-таки я сел незаметно от нее в первый автобус, она ехала во втором. Проехали мы уже Тушино, вдруг — удар, треск, шум. Что такое? В мелкие кусочки рассыпалось ветровое стекло. Почему?

Неизвестно. Никакого удара не было. Вероятно, из-за перекоса. В этом автобусе было всего шесть-семь человек Слава богу, никто не пострадал, в том числе и шофер. Ребят пересадили во второй автобус, мест там не оказалось. Мы с Джульеттой Аркадьевной (Сониной мамой) решаем ехать обратно. Но как? Выясняется, что автобус без ветрового стекла поедет в гараж, а вместо него пойдет в лагерь другой. Ведь сейчас туда поехало 42 человека, а взять там надо 62, одного автобуса мало. Ну, поехали. Дж Арк намерена была на другом автобусе ехать все-таки в лагерь, но я ее отговорил, и мы вернулись домой. Она, между прочим, сказала, что Катя напоминает ей улитку, вылезшую из своей раковины. Такой она представляется ей ранимой и незащищенной. Неужели это так? Со стороны видней. Сердце у меня сжалось.

28. VI

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — сказал Ленин. Какая глубокая и какая горькая мысль! Я потому и люблю свою профессию, что она дает мне известную свободу от общества. Но в то же время жить без людей я не могу.

2. VII

Вчера вернулась из трудового лагеря Катя. Пробыла там десять дней. Привезла две трудовые мозоли на руках. Хотя было там много всяких неустройств, но очень довольна, жалеет, что рано уехала. Если бы не поездка в ГДР, осталась бы, говорит, там.

Был сейчас в поликлинике у зубного. Разговорился с вдовой Дм. Кедрина. Ей уже 76 лет. Спросил, русскими ли были родители Дмитрия Борисовича, ибо, мол, говорят разное. Она сказала, что не только русские, но даже дворяне.

Вспомнила, что видела в октябре 41-го, как Фадеев и Дубинский (секретарь) жгли во дворе Союза писателей у памятника Толстому личные дела писателей.

4. VII

Сейчас был у зубного. Встретил Феликса Чуева, который вхож к Молотову Он сказал, что 7 июня Молотова восстановили в партии. Через 22 года! Билет вручил сам Генсек. Восстановили стаж с 1906 года. Теперь он самый старый член партии. Феликс давно обещает сводить меня к нему.

Зашел к зубному врачу. Сел в кресло. Приятно полная женщина лет тридцати пяти. Труфанова Людмила Васильевна. Рассказал ей о Молотове. А она говорит: «Какой Молотов?»

7. VII

Ты в разговор вступала смело,
Но что-то чуть не так, и — ах!
Ты так неистово краснела,
Что даже слезы на глазах.

И говорила, морщась мило,
Ладони прислонив к щекам:
«Вот мама даром наградила —
Краснеть по всяким пустякам!»

11. VII, Малеевка

8-го проводили Катю в ГДР. И я перешел на другую платформу и поехал в Малеевку. За Катю, конечно, страшновато. Ведь за границу же!

Живу в 8-й комнате 2-го коттеджа, в моей любимой, с балконом. 8-го и 9-го была хорошая погода, я играл в теннис с Надей Островой, купался. А 10-го уехал в город. Надо было получить гонораришко (300 р.). Это Алексеев расплачивается за свою трусость. Все сделал и сегодня вернулся в Малеевку. Во второй половине дня погода снова исправилась, но сейчас (11.30 ночи) небо чистое.

16. VII

С пятницы до вечера воскресенья была Таня. Все три дня играли в теннис, купались, читали. И этим наш досуг не исчерпывался. В воскресенье я зачем-то позвал в гости Володю П. с женой Галиной Петровной. Видно, просто потому, что хотелось выпить. Никогда этот П. симпатии у меня не вызывал, не вызвал и сейчас, как и здоровенная жена его.

За столом со мной сидят какие-то нелитературные простушки Вера и Валя, башкир Ф. Мансуров, Б. Сарнов и Марианна Строева. Сарнов все тот же банальный умник Живет в мире экстравагантных легенд, которыми они друг друга снабжают и часто утешают, вернее, удовлетворяют. По одной его легенде, Юр. Карякина исключили из партии за то, что он вот уже в наши дни, после Хрущева, непочтительно выразился о Сталине где-то; по другой легенде, переводчика К. Богатырева из наших аэропортовских домов укокошили кагэбэшники за то, что он ходил пить чай к Сахарову; по третьей — Окуджава замечательный поэт и страдает из-за того, что изменил своему Арбату, переселившись в Безбожный переулок … и т. д.

Я сказал:

— Но свой любимый Арбат он воспевает неграмотно.

— Как так?

— Да так «От любови твоей вовсе не излечишься…»

— Он хотел сказать «от любови к тебе».

— Так почему не сказал? Но все равно глупость. Зачем «излечиваться»?

20. VII, Малеевка

Ушел сейчас Владлен Анчишкин. Часа два держал передо мной речь на балконе. И вчера тоже. По поводу моей рукописи о Б., которую он прочитал. Ведь я держал его за граммофон, а он говорил очень важные, интересные и полезные для меня вещи. Собственно, он единственный, кто мне это сказал.

Во-первых, он считает, что надо внятно сказать обо всем положительном, что есть у Б. И, конечно, совершенно прав. Во-вторых, он считает, что проза Б-а — это «поток недодуманностей», т. е. у него преобладают ощущения, состояния души, эмоции, но нет ясности чувств и ясности мысли. И это накладывает свою печать на все — и на язык, и на композицию, и на идею книги. И что этот «поток» противоречит традициям классической ясности, определенности, четкости. Думаю, что и в этом он совершенно прав. Действительно, почему в батальных сценах у него все так четко, нет никаких украшательств, безвкусицы и т. п. Да потому, что это он знает, тут все «додумано» до конца. А начинает описывать движения души, любовные переживания и т. д. — и сразу возникает этот самый «поток». Толстой писал однажды Фету: «Я сейчас очень много работаю». Через месяц то же самое: «Страшно устаю». Через месяц опять: «Измучился». И вдруг еще через месяц: «Наконец-то мне все стало ясно, я начал писать». Т. е. все предшествующие месяцы шла напряженная изнурительная работа мысли. А потом началась работа пером. Б-в не знает этой изнурительной работы мысли, добивающейся ясности вопроса, он застревает на стадии ощущений и удовлетворяется ею. Анчишкин — молоток! Я даже обещал ему сто грамм, которых у меня сейчас нет.

21. VII, суббота

Сегодня должна была приехать Таня. Без четверти двенадцать пришел автобус, а ее нет. Телефон не работает. И как сразу тревожно. В голову лезет всякое, хотя, скорее всего, она просто проспала и опоздала на поезд. После обеда пойду в ВТО звонить.

22. VII, 7.30

Вот уже больше часа, как не сплю. Вчера, не дождавшись до трех часов Татьяны, пошел в санаторий Дорохово звонить. Идти

полчаса с лишним. Ждал очереди. Звоню. Телефон не отвечает. Звоню соседке Софье Павловне. Она говорит, что видела Таню вчера во второй половине дня. Идет, звонит и стучит в дверь. Никакого ответа. «Что передать?» — «Передайте, что звонил». Что еще скажешь? Словом, ничего не прояснилось. Что думать? Поехала и не доехала? Почему? Что-то случилось с тетей Диной? Самое страшное — вдруг какие-то недобрые вести о Кате?

Вернулся в Малеевку, постепенно успокоился. А за ужином Марианна Строева подлила масла в огонь, дала новый толчок моему чудовищному воображению. «Тебе надо еще раз сходить в Дорохово или в ВТО. Там, в ВТО, у входа есть телефон. Скажи, что у тебя чрезвычайные обстоятельства, пропала жена…» Господи, с какой легкостью люди произносят самые страшные слова! «Пропала жена»! Неужели, дожив лет до шестидесяти пяти, она не понимает до сих пор, что слово имеет магическую силу?

Без четверти десять взял у В. Ковды велосипед и поехал в Дорохово. Велосипедик какой-то вихляющий, но все-таки доехал. Там огромная очередь. Кто-то сказал, что в ВТО никого нет у телефона. Поехал туда. Очередь, конечно, есть. Выстоял минут 40. Звоню. Дома, мерзавка! Как ни в чем не бывало, сообщает, что ездила на дачу к Нинке Зиновьевой. «Ты что, телеграмму дать не могла?» — «А почему ты не позвонил?» Будто не знает, что телефон тут работает раз в год по обещанию! «Будь ты…!» И бросил трубку. Уже в двенадцатом часу по темной дороге добирался до Малеевки. Ну откуда в ней это поведение безмозглой дурехи, откуда это? Как это? Почему? Это же не людское поведение! И ведь уже сколько раз об этом говорено. И ведь знает, что я буду не спать, буду бесноваться. Если приедет сегодня, выставлю.

И вот ведь спал плохо, проснулся в седьмом часу и работать сегодня едва ли смогу. А она, чертовка, наверняка спала как тюфяк.

Я знаю, как я умру…

10.35. Третий день за нашим столом сидит отпрыск Левки Гольдштейна-Березина-Устинова. Он появился со словами: «Кажется, я отсюда сбегу. Мое окно выходит на детский сад, где дети весь день разучивают вслух патриотические стихи». А сегодня за завтраком мы с Бенедиктом вели разговор все о тех же трех процентах. Поняв это по-своему, отпрыск принялся рассказывать о каком-то знакомом, который написал диссертацию, в которой доказывал, что Александр Матросов совершил свой подвиг в пьяном виде. И его, говорит, этого ученого, посадили в сумасшедший дом.

— И правильно сделали, — сказал я. — Еще легко отделался.

Только диссертаций о том, кто был пьян или трезв, не бывает. Ври да знай же меру. — Встал из-за стола и ушел.

24. VII, Малеевка

Господи всемилостивый! Прости мне, бешеному, позавчерашнюю запись. Ведь все не так. И она свидетельствует только об одном — о помутнении разума, что случается у меня в моменты приступов бешенства. Только об этом!

Вчера ездил в Москву. Возвратилась из ГДР Катя. Ужасно довольна поездкой. Привезла кое-какое барахлишко. «Но знаешь, — говорит, — нам так и не удалось научить немцев играть в дурака». О, это наша национальная игра.

29-го у нас будет Family Day — Familien Tag. В гости придет девочка Доротея, у которой Катя была в гостях.

27. VII.

Я долгие годы считал, что мой однокашник Сарнов умнее, интеллигентней, трезвей смотрит на вещи, чем иные его собратья. Ничего подобного! Сляпан по той же колодке. Все те же симпатии и антипатии, суждения и взгляды. Например, при имени Сталина совершенно дуреет, теряет способность соображать.

16.20. Утром до завтрака купался. С 11.40 до 12.40 играли с Надей Островой в теннис.

Сарнов прямо-таки фонтанирует глупостями:

1. Курильские острова надо отдать японцам. Они за это стали бы на нас молиться. Он знает! Будто полжизни прожил в Японии или, скажем, личный друг микадо. Молились они, когда получили весь остров?

Финляндии — Карельский перешеек? (Он тоже против того, что мы там отодвинули границу. Таким образом, расширение нашей страны он осуждает, а сужение приветствовал бы). А Польше отдать Гродно, Львов и др.? А ФРГ — Калининград? А Румынии — Бессарабию? А китайцам — 1,5 млн. кв. км? Ведь тоже были бы нам крайне признательны. Вот и Окуджава: «Меня удручают размеры страны проживания»

2. Сталин объявил себя корифеем науки.

Где? Когда? Этого не говорили даже холуи, воспевавшие его громче всех, впереди которых бежали его соплеменники — Мехлис, Эренбург и Давид Заславский.

3. Сталин очень любил фильм «Волга-Волга». [Сам же называет его талантливым.] Мне кто-то рассказывал, что Сталин хлопал его по колену и, заливаясь, говорил: «Вот он сейчас упадет в воду!» Ну и что? Живой человек, живая реакция на смешное.

4. Рокоссовского во время войны освободили, его вызвал Сталин и говорит: «Нашли время сидеть».

Я сказал, что Р. был освобожден не во время войны, а до нее, весной 40-го. Он сразу поехал отдыхать с семьей в Сочи, потом его вызвал Тимошенко и предложил командовать 9-м мехкорпусом. Сарнов на это только и сказал: «Странно!» Странно, что ты такой олух. Ведь Литинститут окончил, годы…

5. Сталин, когда началась уже война, запретил отвечать на огонь немцев.

— Ты обитаешь в мире легенд.

— Да я читал об этом!

— У Некрича?

— Нет.

Читал он, скорей всего, у Солженицына. Да ведь другие и твой вздор читают, думая, что это правда.

23.30. Все разговоры Сарнова вертятся вокруг евреев, и все, что он рассказывает о них, представляется ему очень милым и трогательным. Вот на днях умерла Фаина Раневская. После нескольких общих фраз о ней («Это целая эпоха умерла» и т. п.) следует конкретный эпизод для оживления великого образа:

— Во время войны Раневская была в эвакуации, кажется, в Ташкенте. Там за ней толпами бегали мальчишки и кричали: «Муля, не нервируй меня!» Она оборачивалась и говорила: «Мальчики, идите вы в жопу!» Юный отпрыск Голдштейна, которому этот очаровательный эпизод тоже известен, уточняет: «Нет, она говорила грубее».

Другой эпизод. Заходит речь о питании. Сарнов рассказывает:

— Один мой знакомый (кто — не называет. Да конечно же, свой) вспоминал, как однажды они ехали куда-то с Василием Гроссманом, сошли на какой-то маленькой станции, заглянули в буфет. Гроссман взглянул на прилавок и бросил: «Яйца холодные, как у покойника». И это он запомнил, и это он рассказывает как необычайно меткую остроту. Как будто вместе с Гроссманом щупал яйца у покойников, один — правое, другой — левое. А гольдштейновский отпрыск с поразительной болтливостью сочетает поразительную осведомленность. Знает буквально все: и когда в нашей молочной можно лучшие продукты купить, и как погиб адмирал Холостяков, и когда стали выпускать танк Т-34 (убежден, что в 44-м году, хотя на самом деле еще до войны) и т. д.

28. VII, Малеевка

Вот хоть лучший рассказ Сарнова:

— Светлова как-то спросили: «Михаил Аркадьевич, вы

действительно еврей?» — «Нет, я сегодня просто плохо выгляжу».

Алек Коган знает о моей работе о Б. И, убежденный, что мне понравится любая гадость о нем, говорит:

— В военной его биографии есть нечто странное и сомнительное.

— Что?

— Понимаешь, есть фотография (я могу тебе ее показать), где он снят во власовском мундире…

— Власовцы носили мундиры старой русской армии. Ну и что?

— Нет, я не хочу ничего сказать… Но — странно…

Он, мерзавец, не хочет ничего сказать! А зачем сказал? Ведь этот факт может не означать ничего — просто человек напялил на себя вражеский мундир либо в шутку, либо холодно было, а своя одежда, допустим, промокла или изорвалась; партизаны нередко носили даже немецкие мундиры, — но тогда об этом ничего не значащем факте зачем говорить, зачем распространять его с преамбулой о чем-то сомнительном в военной биографии человека? Или этот факт означает слишком много, и тогда зачем же ты лепечешь, глупец, что не хочешь ничего сказать? Все это имеет особую гнусность в связи с тем, что в Гослите только что вышла книга Ю. Идашкина о Б., написанная в жанре гав-гав: автор облаивает всех, кто осмелился когда-либо выказать хоть одно критическое замечание о Б. И редактор этой книги не кто иной, как этот милый Алек!

Вспоминаю давнюю историю. Я еще не был членом Союза писателей, но уже вступил в Союз журналистов, и даже сподобился стать там членом бюро секции критиков. И вот бюро рассматривает заявление Когана о приеме. Я голосую за. Через много лет он все не мог прийти в себя от моего поступка и выражал мне свое недоуменное восхищение, ибо незадолго до разбора его заявления на бюро в «Вопросах литературы» была напечатана его статья, в которой он лепетал что-то неодобрительное обо мне. В этом недоумении сказался тот же склад ума и души, что и в нынешней его надежде понравиться мне подлыми домыслами о Б.

1. VIII, 84. Малеевка

28-го, в субботу, после обеда поехал в Москву. В воскресенье был Family Day. В 8 часов утра Катя пошла в школу и привела немецкую девочку Доротею. Симпатичная упитанная девочка. Ее появление я приветствовал несколькими заранее выученными немецкими фразами. Она улыбалась и ничего не отвечала. Потом она приняла ванну, так как в школе помыться негде.

После этого сели за праздничный стол: пироги, икра, торт и т. п. Затем отправились вместе с Шавровыми в Архангельское. Не без маленького скандальчика взяли девять билетов: Катя, Доротея, Таня, я + Таня Шаврова, ее мать Нат. Серг., ее отец Вл. Григ., ее сестра Женя и немочка Катрин.

Погода, немного нахмуренная с утра, разгулялась, и когда мы вошли в роскошный Архангельский парк, я в упоении стал декламировать Гёте:

Wie herrlich leuchtet.
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur!

Но немочкам это было до лампочки. Они накануне легли спать чуть ли не в три часа ночи, не выспались, и, конечно, им было ни до чего. Но мы их все-таки поводили по парку, показали старинную церковь, колоннаду (там выставка зарубежной керамики), а потом и сам дворец. Вначале пристроились было к экскурсии, но это долго, и мы прошли по залам довольно быстро, чтобы девочки потом смогли поспать. Мне запомнилась мраморная «Сияющая Венера» работы какого-то француза. Даже сложились строчки:

В Архангельском, в Юсуповском дворце
Три века спит на мраморе Венера.
Покой и нега на ее лице.
Ваятеля изысканна манера.

Потом взяли такси (у Шавровых своя машина) и поехали домой. Спать Доротея отказалась. Сели обедать. Мы с Таней выпили по паре рюмочек коньяка, причем я возглашал тосты: «За великий немецкий народ и его маленькую дочь!» и т. п. Около шести поехали в гостиницу «Россия» — в главный концертный зал «Россия» на спектакль Ленинградского балетного ансамбля Эйфмана. Билеты были хорошие — в 11-м ряду, но Катя и Доротея сели с Таней и Катрин в 22-м. По наблюдениям наших девочек, балет немочкам не понравился. Катя ну очень страдала оттого, что Катрин так неинтеллектуальна. Оказывается, она с ней давно переписывается.

Потом поехали пить чай к Шавровым. Там на немочек напал по неизвестной причине приступ дикого смеха, который передался и нашим девочкам.

Около двенадцати мы отвели гостей в школу — она оказалась буквально напротив. Когда немочкам сказали, что они явились последними, их охватил новый приступ восторга.

Хорошо бы написать рассказ — глазами участника войны — «Family Day».

Вчера вернулся в Малеевку. Погода два дня, в понедельник и во вторник, была отвратительная — лил дождь. Но сегодня во второй половине дня прояснилось, засветило солнце, и мы с Игорем Минутко даже играли в теннис перед ужином.

3. VIII, 13.45

По ТВ идет 10-частный сериал «ТАСС уполномочен заявить…» по сценарию Юлиана Семенова, советского Сименона. Фильм не лишен экстравагантненьких моментиков. Во-первых, если раньше о всяких там досье, слежке и тому подобных вещах речь у нас велась обычно лишь в отношении уголовных элементов или представлялось это принадлежностью западного мира, то здесь мы видим обстоятельнейшие досье, кинослежку и т. п. на рядовых советских людей. Словом, дается понять, что постулат «на каждого мусье имеется досье» распространяется и на мир развитого социализма. Во-вторых, в числе лиц, подозреваемых в шпионском пособничестве американской разведке в Москве, названа и некто Ольга Винтер, о которой внятно сказано, что она еврейка. И вот сейчас, после четвертой серии, все подозрения сходятся на ней. Что же это такое? Еврей Семенов избрал американским шпионом советскую еврейку? Конечно же, нет. Ибо, с одной стороны, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Она ни в чем не повинна. С другой — если бы Семенов все-таки изобразил еврейку американской шпионкой, всех их во главе с Лапиным объявили бы антисемитами. Мысль проста: как нехорошо подозревать евреев в плохих делах!

16.10. Галя Балтер принесла из Москвы слух, что у Тендрякова инсульт, а Леонард Лавлинский говорит, что он умер. Так ли? Я сказал об этом Тельпугову, он, правда, что-то писал и только молвил: «Да?» Сказал Файнбергу. Что-то в этом же духе. И лишь Надя Островая выказала живость.

Сейчас больше часа мучил меня Гр. Марк. Корабельников. На свою беду я дал ему почитать своего «Лейтенанта». Он читал чуть не две недели, сделал множество заметок, и вот сейчас все это высказывал мне. Заявил, что статья ставит на свое

место не Б., а нашу литературу и т. п. Хвалил очень. Но и претензий немало и есть дельные, есть неприемлемые. Экий работящий старичок!

4. VIII, суббота

За завтраком разговор почему-то коснулся власовцев. Я сказал Бену, что вопрос это не простой и что удивляться надо не тому, что власовская армия существовала, а тому, что она была столь малочисленна — всего две дивизии. Ведь были еще во вполне деятельном возрасте многие, кого задела и революция, и Гражданская война, и коллективизация

— Как! — изумился Бен. — Всего две дивизии? А сколько это человек?

Я ответил, что в нашей дивизии полный комплект составлял 12 тыс. человек, в немецкой, кажется, 14 тыс.

— Но ведь говорили о миллионах власовцев!!

— Кто и кому говорил? Тебе — Гроссман? Первой дивизией командовал Буняченко, второй — Зверев. Все остальное — пропаганда.

Он не верил своим ушам, а я с трудом верил степени его осведомленности. Он читал какую-то книгу «С русским народом против Гитлера и Сталина». Видно, оттуда и набрался сведений. Там миллионы, как у странницы Феклуши, что у Островского: «Что больше тысячи, то и мильен».

Конечно, добавил я, были еще всякие охранные батальоны и другие вспомогательные части, но боевых единиц — две дивизии, которые были разбиты под Прагой.

5. VIII, Малеевка

Сегодня среди ночи проснулся от явственного возгласа: «Папа?» Голос вроде бы Катин, но она же не зовет меня папой. Но вроде бы не Сергея голос…

За завтраком Бен рассказал такую вещь о Есенине, вычитанную в какой-то книге 20-х годов. Кто-то говорил ему: «Сергей Александрович, зачем вы так пьете, скандалите, буйствуете. Ведь у вас же душа нежная и тонкая. Зачем?» Есенин ответил: «Надо! Надо! А то всю жизнь так и проживешь Пастернаком».

Я в свою очередь рассказал то, что слышал от Сеньки Сорина. В ЦДЛ шел вечер памяти Есенина. Вдруг в числе других ораторов поднимается Пастернак и говорит: «Я тоже встречался с Есениным. Как сейчас помню, однажды на Невском он подошел ко мне, взял за грудки и говорит «Это ты, жидовская морда, русский язык портишь?»

Бен усомнился в том, что Есенин мог сказать «жидовская морда». А я сомневаюсь, что так мог сказать Пастернак Но Сеньку-то, отпетого еврея, никто за язык не тянул.

Ну, конечно, Пастернак был в глазах Есенина дивом: он же ни

с кем, поди, кроме Эдгара По, и не пил. Сам же писал:

Пока я пил с Эдгаром По,

Пока я с Байроном курил…

Ишь ты, все с иностранцами. А с Некрасовым не пил, с Кольцовым не курил…

6. VIII, понедельник. Малеевка

Да, сейчас за обедом Лариса Латынина подтвердила, что Тендряков умер: сделал пробежку в 10 км, пошел в душ, и там его хватил инсульт. Это какой же он по счету с нашего курса? В. Малов, В. Кривенченко, Люда Шлейман, Женя Марков, Герман Валиков… Кажется, кого-то еще забыл. Если нет, то шестой. А всего нас было человек 25. Значит, умерло уже около четверти.

7 августа 1984 г.

Послал в ЦК на имя Черненко письмо на пяти страницах, в котором предлагаю в связи с приближением 40-й годовщины Победы вот что.

Первое. Возвратить Сталинграду его великое прославленное имя.

Второе. Присвоить Смоленску звание «Города-Героя» и учредить медаль «За оборону Смоленска». Там же впервые остановили немца.

Третье. Присвоить звание «Города-Героя» Вязьме и учредить медаль «За подвиг под Вязьмой». Там несколько недель мы сковывали 28 немецких дивизий, рвавшихся к Москве.

Четвертое. Установить в Москве памятник маршалу Жукову.

Пятое. Переиздать большим тиражом книгу Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

* * *

С годами несколько пожеланий выполнено: Смоленску и Вязьме присвоили нелепое звание «Город воинской славы». Лишь бы не так, как в советское время. И после памятника Окуджаве поставлен памятник Жукову.

* * *

8. VIII, среда. Малеевка

Поразительное дело! Какая наивность, какое превратное представление о реальных вещах! Сарнов убежден, что партизанское движение возникло только в ответ на немецкие зверства, а если бы их не было, то не было бы и сопротивления; если бы мы в свое время подписали Женевскую конвенцию, то немцы хорошо относились бы к нашим пленным; что немцы только потому не прибегли к газам, что была соответствующая международная конвенция и т. д. Ну, уж еврей-то мог бы знать побольше о таких вещах. Они же все время твердят: «Евреев уничтожали только потому, что они евреи». Да, а русских еще и потому, что это была главная сила, которая им противостояла и сама уничтожала их.

9. VIII

Вчера приехали Таня и Катя, и я решил устроить небольшое праздничное застолье. Пригласил Фазу Алиеву, которой заранее сказал, что хочу подарить ей свою книгу, Ирину Георгиевну Волобуеву и ее невестку Светлану (они живут подо мной). Волобуева, сославшись на головную боль, не пришла. На столе стояли цветы, бутылка дагестанского коньяка, яблоки, шоколад и пр. Очень славно часок перед ужином посидели. Фазу предложила выпить за мою книгу и за мое лучшее произведение — за дочь, которая ей очень понравилась.

Катя рассказывает, что когда 6-го провожали на Белорусском вокзале немчиков, то немецкие девочки плакали — так сдружились за месяц. О, если бы эта картина явилась мне во сне в 42-м году! Разве можно было бы в нее поверить!..

А когда Катя ушла, озорная Фазу рассказала, как однажды явилась на съезд писателей, увешанная всеми своими наградами. Подошел Вася Федоров и сказал «Фазу, ведь это очень долго снимать». Она ответила: «Когда я очень хочу, то это снимается быстро».

Я прочитал стихи, когда-то написанные в самолете на пути в Москву из Махачкалы, куда приезжал к Расулу Гамзатову.

ВИДЕНИЕ

Я в Дагестане, я в Махачкале.
Все радует меня и восхищает —

И то, как море стонет в сизой мгле,
И то, как солнце горы освещает.

И толп многоязыких пестрота,
И детский смех, и в окнах слитки света,
И вольное дыхание труда, —
Что может быть прекрасней, чем все это!

Но вот сегодня среди бела дня
В гостиничной сберкассе за барьерцем
Причесывалась девушка одна…
Я мимо шел и — как споткнулся сердцем.

Прибой, казалось, перестал шуметь
И птицы поперхнулись песней звонкой,
Когда ее волос живая медь
Лениво заструилась под гребенкой.

Близ красоты волшебного костра
Мне стало и томительно, и жарко —
Всех женщин мира то была сестра
И всех мадонн прославленных товарка…

За все, что встретил на его земле,
Но перво-наперво, скрывать не стану, —
За то видение в Махачкале
Я поклонился в пояс Дагестану.

Это стихотв., не зная даже ее имени, я послал в ту гостиницу девушке, не рассчитывая на ответ. Но однажды после какой-то отлучки приехал домой, и Таня подала мне конверт со словами: «Там что-то шевелится». Оказалось, она прислала локон своих волос! А если бы я воспел руки или плечи, губы или уши? Сейчас напевают лихую песенку «У моей подружки розовые ушки». И что?.. С этой девушкой мы довольно долго переписывались. Потом она переехала куда-то в Якутию. Очень восторженная была…

11. VIII, суббота

Купаюсь, играю в теннис, пишу безнадежную отповедь В. Карпову.

Вчера закончился показ по телевидению 10-серийной баланды Юлиана Семенова и Вл. Фокина «ТАСС уполномочен

заявить». Сегодня уже выскочил с бесстыдными похвалами бесстыдный Виталий Коротич.

Сейчас за ужином Слава (жена Сарнова) сказала:

— Самое большое безобразие в фильме — это то, что в нем советник по культуре, т. е. дипломат американского посольства, изображен шпионом. Дипломат — шпион!

— Ну и что? — спросил я. — Экое диво! Не раз их дипломаты, разные советники и секретари посольства попадались на шпионаже. Об этом писали. Это общеизвестно.

— Знаете, а я не верю нашей прессе!

— А их — верите? Вот Бенедикту кто-то внушил, что было несколько миллионов власовцев…

— Да, — вступил Беня, — три миллиона.

— А всего-то в действующей Красной Армии никогда за все время войны не было больше шести миллионов. В конце 44-го — 6,4 млн.

— Не может быть! — воскликнул Бен. — Я думал — миллионов десять.

Тому, что Слава совершенно не верит нашей прессе, но верит американской, кажется, удивился сам Бенедикт. Но как характерно: не может быть, ибо он думал иначе.

Я сказал Славе, что она просто недостаточно осведомлена, что есть вещи, в которых невозможно солгать и т. п.

— Я на старости лет выучила английский язык…

— И вам открылась истина? Понимаете ли вы, что Би-би-си вещает более или менее объективно, «Голос Америки» врет больше, а, допустим, «Свобода» брешет напропалую. Но все они часто врут даже на спортивную тему.

Однако надо было спешить на кухню, там жарились наши грибы.

Катя ушла смотреть кино «Тот самый Мюнхгаузен», а мы с Таней поужинали. Три рюмочки водки так отлично прошли под жареные грибки! Да на балконе под ветвями развесистого 300-летнего дуба. Это жизнь!

16 августа

Уезжал на два дня в Москву. Был в ЦДЛ. После нескучного вечера в ресторане с Диной Терещенко, стихов которой не читал, возвращались по Садовому кольцу домой, мне нужно было метро «Маяковская», а она жила подальше — на Садово-Спасской.

Когда подошли к метро, я показал рукой на большой дом на той стороне площади Маяковского и сказал: «Помните, Дина, над этим домом красовался огромный светящийся призыв: «ПРЕВРАТИМ МОСКВУ В ОБРАЗЦОВЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

ГОРОД!» А теперь его нет. Куда он девался?

Ее это не интересовало. Мы посмеялись, я поцеловал ей руку и нырнул в метро, а она пошла дальше, ей было уже близко.

Но на другой день, проспавшись, я сдуру написал письмо в горком партии.

Москва. Старая площадь, д.6.
Горком партии. Отдел пропаганды.

«15.8.84
Уважаемые товарищи,
на пл. Маяковского над кинотеатром «Москва» лет десять москвичи видели страстный призыв: «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!» Но вот минувшей весной, кажется, в марте, призыв сняли. Чем это объяснить?

Или призыв уже выполнен и потому устарел?

Или он признан ошибочным? Но тогда почему столько лет не могли понять это?

Или просто сочли, что он портит вид красивой площади? Но тогда почему не сняли призыв на соседнем доме «Решения 26-го съезда выполним!»

Буду вам признателен за ответ, а то меня, коммуниста, иногда об этом спрашивают, а что отвечать, неизвестно.

В. Григорьев».

Подписался своим официально зарегистрированным литературным псевдонимом.

17. VIII, пятница. Малеевка

Вчера была автобусная экскурсия на Бородинское поле. Мы все трое поехали, я — кажется, третий раз. Поездка была прекрасна, и погода прекрасна, и экскурсовод Галина Степановна, и сама экскурсия. Все было рассказано и показано подробнейшим образом. И я, наконец, воочию понял, как все там было 24 и 26 августа 1812 года.

Всю обратную дорогу почему-то думал о строках Гете из «Фауста», которые недавно (в сотый раз, конечно) где-то попались на глаза:

…Жизни годы
Прошли недаром. Ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

[Nur den verdienst das Leben und die Freiheit,
Wer täglich sie erobern muss!]

Двести почти лет восхищаются этими строками. Но почему «nur» и почему «täglich»? Почему право на свободу и даже на жизнь связывается и обусловливается способностью за них бороться да еще ежедневно? Но ведь на борьбу, тем паче ежедневную, способны только мужественные и сильные, только титаны и супермены. Выходит, что они лишь и достойны жизни? А слабых и робких, не способных на такую борьбу, поэт обрекает на рабство и даже на уничтожение. Ничего себе гуманизм!

23. VIII, четверг

В воскресенье вечером уехал в Москву. Думал вернуться утром во вторник, но 22-го меняли в наших домах напряжение тока со 127 на 220, и я остался. Вернулся в Малеевку только сегодня. В городе было ужасно, и чувствовал себя неважно, а здесь опять — красота! Снова теннис, купание в 17-градусном пруду. Таня и Катя тоже сегодня играли и купались.

28. VIII, Малеевка. Утро

26-го вечером, в воскресенье, Таня и Катя уехали. На другой день резко похолодало, купаться я перестал, тем более что за дни пребывания в Москве умудрился простудиться. А после возвращения из Москвы и до отъезда Тани и Кати мы все купались, вода была градусов 15–16.

Сегодня уезжает Сарнов. Два срока просидели с ним за одним столом рядом, никогда за все 28 лет знакомства не общался с ним так много. Сейчас с ним и с Ник Ст. Даниловым (новый мой знакомый) прогуливались по дорожкам и говорили о всякой всячине. Почему-то он начал рассказывать о том, как его в свое время в Литинституте исключили из комсомола и из самого института. Мне казалось, что в институте его из комсомола не исключали, а дали выговор, исключил же райком. И я не помнил, играл ли во всем этом какую-то роль я. Он рассказал вот что.

Это было в 1948 году, следовательно, на третьем курсе. Я был тогда членом бюро комсомола, но не секретарем, им я стал на 4-м курсе, т. е. в 49—50-м годах. Исключили его вот за что: он не сдал зачет по марксизму, и когда его кто-то об этом спросил, как же, мол, так, он ответил, что вот-де классики марксизма так много написали, а нам надо все это читать и знать. Кто-то, говорит, написал донос на имя Жданова (Уж именно Жданову! Но разве он

в 48-м году был еще жив?), где ему приписывались слова «ненавижу марксизм», говорилось об органическом неприятии марксизма: человек, мол, способный, начитанный, а марксизм осилить не может и т. д. На комитете комсомола, говорит, ты, конечно, дал осуждающую политическую оценку моим словам, но ты был единственным человеком, который сказал: «Я при этом присутствовал и твердо заявляю: слов «ненавижу марксизм» Сарнов не говорил» (Сейчас я вспомнил вдруг еще и вот что: я осудил автора доноса, я с негодованием назвал его «сферическим дураком», — еще, помню, Алешка Кафанов потом подошел ко мне и что-то говорил по поводу этого понравившегося ему выражения. Если так, если подходил ко мне Кафанов, то дело было не на комитете, а на собрании, так как Алешка членом комитета едва ли был.) Первый раз собрание его не исключило. Исключило повторное. Секретарем тогда был Игорь Кобзев. Райком и МК утвердили решение собрания. Через год или даже спустя несколько месяцев ЦК восстановил его в комсомоле, восстановили и в институте. Во всяком случае, институт он закончил вместе с нами, с кем был на первом курсе. А доносчика я назвал «сферическим дураком», развивая ту мысль, что ему, дескать, следовало сразу все сказать в глаза Сарнову или уж, в крайнем случае, обратиться в комитет комсомола.

Шестой час вечера. Сейчас поймали меня с поличным. Подошел к сестре и попросил радедорма.

— А вам не давали сегодня?

— Нет, — ответил я твердо.

— А вот тут записано, — ответила девушка и немного покраснела.

— Хотел нажиться за ваш счет, — усмехнулся я, хотя было мне совсем не смешно, а неловко. Вот ведь сущий пустяк — две таблетки, а — совестно: ведь это она за меня покраснела.

Еще несколько слов о Сарнове.

Дня два тому назад я завел речь о том, что в других царствах-государствах были и есть женщины на ответственнейших постах, вплоть до глав правительств и государства: Голда Меир (именно с нее начал), Тэтчер, мадам Перрон, Индира Ганди… При имени Ганди мой собеседник начал чуть ли не плеваться, говорил о ней с негодованием: реакционерка и т. п. Я был поражен: много лет она проводит дружественную нам, нашей стране, т. е. его, Сарнова, родине, политику, но это в его глазах, оказывается, ничего не значит! Я высказал ему свое недоумение, а про себя подумал, что, вероятно, Ганди занимает осуждающую позицию по отношению к Израилю, и этим для Сарнова все определяется, это — самое главное. Но я не помнил ее высказываний по

израильскому вопросу и потому не был до конца уверен, что правильно разгадал причину бенедиктовой позиции по отношению к ней. И вот сегодня в «Правде» читаю: «Заявление И. Ганди: «Обстановка в Южной Азии приобретает все более зловещий характер. Шри-Ланка фактически вступила в сговор с Израилем, который будет иметь далеко идущие последствия для Индии». Ну, все ясно! Я ничуть не ошибся в своей разгадке. Сарнов знал о ее позиции раньше.

31. VIII. 1984. Москва

Позавчера вернулся из Малеевки. Как хорошо дома! Как я люблю свой дом!

Сегодня Таня с Катей собрались в магазин «Березка», благо у нас собралось 830 рублей (чеков). Я увязался с ними. Купили мне кроссовки за 35 чеков, а Кате итальянские джинсы за 100 чеков — с рук. Когда я подвел ее к прилавку с джинсами, она что-то мямлила и мялась: «Нормальные…» — «Ты хочешь такие?» — «Можно бы…» Оказывается, она стеснялась такой цены, как объяснила мне Таня. А когда я куда-то отошел, им подвернулся какой-то парень и предложил за ту же цену итальянские. Можно было ожидать, что жулик, но, кажется, все в порядке. Еще в обычном магазине купили мне за 14 р. чехословацкие босоножки. А бедненькой Тане — ничего.

2. IX

Таня сказала по телефону, что приходила какая-то дама и спрашивала Григорьева. О! Это, конечно, из горкома. По поводу моего дурацкого письма о коммунистической Москве.

3. IX.1984, понедельник

Сегодня полтора часа простоял в очереди за арбузами. Купил три штуки по 20 коп. за кг. Насилу дотащил. А некоторые брали по 4–5, одна женщина — 10! Она была с мужем на «Волге». К лицу ли мне, интеллектуалу, тратить столько времени на арбузы! Палиевский сказал бы: позор!

Еще два момента из неисчерпаемых впечатлений о Б. Сарнове.

Зашла речь о Солженицыне. (Кстати, я ему показал журнал «Neue Politik» с факсимильной копией его лагерного доноса и — для наглядности сравнения — письмо С-а ко мне. Прореагировал словами Собакевича: «Есть лишь один порядочный человек, да и тот, если сказать по совести, свинья».) Так вот, он рассказал, что однажды был на выступлении С-а, кажется, в каком-то институте. И там его спросили, как он относится к какому-то американскому

или английскому писателю, а он ответил, что, мол, не интересуется иностранной литературой и не читает ее. «Как неумно! — воскликнул Бен. — Ведь литература — это же единый мировой процесс. Разве можно не читать зарубежных авторов!» В этом весь он, книжная душа. Для него главное, что литература именно процесс, э-во-лю-ци-я.

И еще. Однажды после какого-то разговора о войне Б. привел мне слова, будто бы принадлежащие Хемингуэю: «Хотя иногда приходится воевать, но война — это грязное дело». И опять, человек не может понять, что одно дело, когда это говорит Хемингуэй, принимавший участие в двух войнах, имевший ранения, и совсем другое — когда то же самое говорит он, ничего в своей жизни не нюхавший, кроме книжных корешков, даже почему-то и в армии не служивший. Будучи с 27-го года, мог бы и на фронте быть. Совсем другое дело, совсем! А война в защиту родной земли — святое дело.

4. IX

Сейчас, возвращаясь из парка, на трамвайных путях едва не угодил под здоровенный бешено мчавшийся грузовик И ситуация-то пустяковая. Просто не учел его скорости. Да, она всегда у нас за спиной… Спасибо тебе, Господи, на этот раз.

Вспомнил, что башкир Фаниль Мансуров попросил у меня в Малеевке почитать мои «Арфы», да так и уехал, не отдав книгу. Попросту говоря, украл. Лестно, конечно, что твои книги воруют, но каков шельмец!

Опять послал письмо в горком заведующему отделом пропаганды:

«Уважаемый товарищ заведующий!

Я обращался в отдел пропаганды с просьбой объяснить, почему на пл. Маяковского сняли призыв «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!». К сожалению, ответа не получил. А хотелось бы получить разъяснение и по некоторым другим вопросам нашей т. н. «наглядной пропаганды». По-моему, она ведется в Москве довольно неумело, по дедовским рецептам, а то и не шибко грамотно.

Вот утыкали всю столицу двухметровыми лозунгами, которые своим обилием только портят вид нашего прекрасного города. Например, на той же пл. Маяковского на красивое старинное здание против памятника поэту взгромоздили здоровенный черный гроб, на который взглянуть страшно, и на нем время от времени вспыхивают разные призывы. Этот гроб уродует всю площадь. Удивительно, как Маяковский еще не сбежал оттуда.

Или вот в других местах города читаем: «Коммунизм есть

советская власть плюс электрификация всей страны». Можно сказать, что страна в целом электрифицирована. А где коммунизм?

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Так ведь таблица умножения тоже верна — и тоже всесильна?

Что Вы думаете о подобных фактах?

Прошу Вас ответить мне, как принято, письменно. А если горком так не отвечает, то другого ответа мне не надо. Тогда я обращусь в ЦК

Между прочим, сегодня «Правда» на второй странице пишет «На письма принято отвечать. Это признак элементарной культуры». Точнее, элементарный признак культуры.

С уважением *В. Григорьев».*

6. IX, четверг

3-го числа отправил письмо в Воениздат на имя генерал-лейтенанта Рябова, начальника издательства, с предложением отрецензировать для них «Полководца» В. Карпова. Сегодня позвонил главный редактор изд-ва генерал-майор Лаврентьев Валентин Васильевич. Оказывается, Рябов в отпуске.

Сказал, что рецензии у них уже есть: из Института военной истории, из Главного штаба ВМФ и чья-то третья, видимо, писательская. Следовательно, мои услуги они отклонили (пока, до возвращения Рябова). У них уже верстка. Над рукописью, говорит, проделана большая работа, замечаний не десятки, а сотни. Я сказал ему, что герой повести, в конце концов, вызывает у меня отвращение. Автор тянет его на маршала, а никак не получается. Я бы дал, говорю, Петрову вторую Звезду Героя, но на маршала он не тянет. И Карпову я дал бы вторую Звезду Героя, если он добыл 75 «языков», но в кресло Симонова, в кресло Твардовского я бы ни за что не посадил: нет у него для этого ни знаний, ни способностей, ни писательского авторитета.

* * *

Впрочем, однажды в метро у нас на станции «Аэропорт» я встретил Карпова с двумя Звездами на груди. Я с удивлением воскликнул: «Володя! Откуда вторая?» Он начал лепетать что-то о наградных документах, которые, мол, тогда затерялись, а вот недавно в этой безграничной гласности вдруг нашлись. Потом оказалось, что это Сажи Умалатова навесила ему. Да она и мне что-то вешала. Широкая душа! Правда, больше я не видел Карпова с двумя Звездами. Видимо, очухался.

7. IX, пятница

Сарнову и всем им всюду мерещится рассчитанное, запланированное, заранее организованное зло, они совершенно исключают из жизни элементы хаоса, случайности, ералаша.

Сам он убежден, что в свое время его восстановили в комсомоле только потому, что секретарь ЦК комсомола Михайлов враждовал с секретарем МК Красавченко. Подобно своей жене, которая сказала, что она вообще не верит нашей прессе, принципиально не верит, ни одному сообщению не верит, он не может даже в виде исключения допустить мысль, что с ним обошлись несправедливо, а потом разобрались, и справедливость была восстановлена. Нет, этого не может быть!

Или вот его жена рассказывала. Бен где-то объявил, что, мол, Андрей Вознесенский не поэт. (Где уж он мог это объявить, неизвестно.) И вот в Совписе, прослышав об этом (каким образом?) и имея запланированную цель загубить рукопись АВознесенского, послали ее на отзыв Сарнову. Но тот, мол, написал, что эта поэзия ему чужда, но почему же не издать книгу, надо издать. И книгу благодаря этому издали. Господи, сколько же здесь наивных глупостей.

А. Я. МАРКОВУ,
однокашнику по Литинституту

«8 сентября 84

Алексей Марков, несколько разгрузившись от неотложных дел, хочу кое-что добавить к тем четырем словам напутствия, что сказал тебе 21 августа в ста шагах от священного для всякого русского человека места — от памятника Пушкину.

Наш разговор тогда начался в вестибюле «Известий» с твоего возбужденного восклицания, что вот Евтушенко в Никарагуа заявил, что главная проблема нашей страны это проблема однопартийности. Твоя возбужденность меня удивила: да мало ли кто что брешет ныне в подлунном мире.

Но вдруг на какое-то одно мое высказывание ты брякнул, что я то ли защищаю Гитлера, то ли являюсь его последователем. Я тебе напомнил, что был на войне против Гитлера. А сейчас добавлю: у меня есть медаль «За отвагу» и «За взятие Кенигсберга», полученные на той войне, но нет медали «За оборону Махачкалы», которую вполне заслужил ты, просидев там всю войну. Но ты продолжал что-то в том же прежнем духе. Тогда я и высказал весьма энергично то самое напутствие из четырех слов и пошел по своим делам.

А главная часть твоей тирады на пл Пушкина была такова:

— В 33-м году я слышал ежедневно по радио: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» А в это время умирали от голода 12 моих сестер и братьев! Когда они умерли, отец покончил самоубийством.

Я тебе ничего не ответил. Что тут, в самом деле, скажешь, если человеку пришлось пережить такое. Но придя домой, я достал из своего архива верстку твоей поэмы о Сталине «Не снимая шинели». Она так и не увидела свет на страницах «Октября», где планировалась. Но ты в свое время почему-то дал ее мне. Я снова просмотрел текст.

В 33-м году ты был подростком и многого мог не понимать и даже не пережить со всей глубиной семейное горе. Но поэму-то ты писал, когда уже перевалило за тридцать. В этом возрасте невозможно не понимать, что такое смерть ближайших родственников. Что ж заставило тебя на четвертом десятке так холуйски превозносить Сталина, которого ныне считаешь убийцей своих сестер и братьев? Пять тысяч строк сплошного превознесения убийцы до небес! В чем дело? Да никакой загадки тут нет. Всю жизнь ты рвался к жирному пирогу — любыми средствами, любыми путями, даже топча могилы своих сестер и братьев. А ухватить столько, сколько хотелось бы, тебе никогда не удавалось, как удается Евтушенко, вот ты на него и беснуешься

Но вот ведь что еще: раньше ты с великой скорбью рассказывал мне о лютой смерти шести сестер-братьев и ничего не говорил об отце, а В. Фролову с той же скорбью вещал о смерти девяти сестер-братьев и тоже ни слова об отце. И вот добрался до 12… Так были ли у тебя хоть один братец, хоть одна сестренка?

Помнишь еще немой фильм «Праздник святого Йоргена»? Там Игорь Ильинский при первом появлении говорит: «Моя бедная мамочка уронила меня в детстве с пятого этажа». Потом — с десятого. И так добрался до 14-го. Как ты. Но между вами огромная разница. Там все понимают, что человек врет, и это смешно, а ведь тебе многие верят — писатель! — и потому у тебя — гнусно. И потому еще верят, что простодушным людям и в голову не приходит, что человек способен так бесстыдно лгать, что для него народное горе и, возможно, горе собственной семьи — только предмет демагогии и саморекламы.

Ты всю жизнь столько болтал устно и письменно, что у тебя не оставалось времени думать, читать, сопоставлять факты. Давать тебе сейчас советы бесполезно: время упущено. Но все-таки постарайся хоть как-то маскировать свою хищную душу. Ты же прямо говорил покойному Васе Федорову, как и другим

секретарям Союза, и парторгам: «Что ты сделал для меня лично? Чем я лично могу тебя вспомнить?» И при этом ссылался на Ленина, который будто бы поощрял такое шкурничество».

9 сентября

Михалков сказал мне в ЦДЛ:

— Зайдите к Люсе. Я оставил для вас однотомник

— Спасибо.

12 сентября

Звонил из МК Кочетов Сем. Викт. Отставил телефон 222-98-03. Просил позвонить до 7 часов или завтра с 10-ти. Но Таня сказала ему, что никакого Григорьева тут нет.

А Володя Бурич позвонил и сказал, что случайно в домоуправлении был свидетелем, как туда кто-то заходил и наводил справку, живет ли В. Григорьев в кв. 56. Адрес-то я дал! Ему ответили, что нет, но, видимо, дали наш телефон. А Таня в разговоре с этим Кочетовым назвала мое имя.

18 сентября

Зашел к Люсе. Она говорит: «Кто-то взял Михалкова посмотреть и не вернул. Извините, пожалуйста». Как Мансуров — у меня.

Звоню Михалкову:

— Сергей Владимирович, ваша популярность по-прежнему велика. Ваш однотомник украли.

— Не-не-не пе-пе-печалься. Ступай се-се-бе с Богом. Я по-по-дарю двухтомник Дня через три зайдите к Люсе.

— Спасибо.

21 сентября

Зашел к Люсе.

— Владимир Сергеевич, вы не поверите, но и двухтомник кто-то увел. Просто беда. Уж простите.

Звоню Михалкову.

— Не-не-не печалься. Я подарю трехтомник Зайдите на днях к Люсе.

22 сентября

В дополнение к тому, что писал Черненко, послал письмо министру обороны Д. Ф. Устинову и Председателю Совета Министров РСФСР В. И. Воротникову. В связи с приближающимся 40-летем Победы предлагаю:

во-первых, учредить медаль «За победу в Курской битве»;

во-вторых, создать в кремлевской квартире Сталина или в его рабочем кабинете музей «Ставка Верховного Главнокомандования»;

в-третьих, создать в одной из дач Сталина его музей;

в-четвертых, издать все документы, всю переписку Верховного Главнокомандующего в годы войны: приказы, директивы, переговоры по прямому проводу и т. д.

23. IX, Коктебель

Сегодня приехал опять в Коктебель. Поселился в 10-й комнате 3-го корпуса. С балкона виден кусочек моря, слышен его шум. Теплынь. Ходил на рынок Купил 5 кг сладчайших коктебельских слив. Перед ужином искупаюсь. Красота! Денег 200 рэ. Хватит же. Желания пить нету. Хотя в дороге Гал Ник Ойстрах угостила спиртиком, и не отказался.

26. IX

Опять я отравился, как осенью позапрошлого года. И опять — не один, а несколько человек Думаю, что кабачковой икрой, которой положили подозрительно много. Видно, надо было сбыть залежалый товар.

Заходили Вася Литвинов, его жена Лиля и Гришечка. Литвиновы читают мою крамолу. Вася сказал

— Читаю и все время думаю, как это нужно прочитать всем! Ведь лживость уже просто перестали замечать.

* * *

А через несколько лет в пору демократии сам столько наврал в статье о Шолохове, которую состряпал для биографического словаря «Русские писатели XX века»! (2000). А ведь всю жизнь нахваливал его, им и питался.

* * *

28 сент.

Наконец, перед отъездом сюда Люся передала мне трехтомник Михалкова. На первом томе он написал:

Попал Бушину на суд — Адвокаты не спасут.

Отменно!

30. IX

Ах, как славно я вчера поиграл! С каким-то случайным партнером. Это был настоящий мужской теннис, а не дамские перекидалочки. Но сегодня он уехал, и мне пришлось вернуться к своей Светлане из ВААПа. Впрочем, сегодня утром она играла лучше, чем раньше.

1. X.84, понедельник

Дня три назад какая-то почти незнакомая компания из 9-го корпуса, что напротив, пригласила вечером к себе. Идти не хотелось, тем более пить и есть через два часа после ужина, но отказаться неудобно. Пошел, пришлось выпить полстакана водки, кое-что съесть. Все это было ни к чему.

А вчера эта же компания увлекла меня в «Голубой залив» на танцы. И танцевал! То есть становились мы, человек шесть, в круг и выделывали кренделя ногами да руками. Это смог даже я. А потом я прошел от входа по левой стороне до конца, мимо эстрады, и сел на скамейке у правой стороны. Все так, как осенью 70-го года…

Давным-давно на этой танцплощадке
С тобой мы встретились, случайный друг.
И вот сегодня на седьмом десятке
Я снова посетил знакомый круг…

Она утопилась в Яузе в первых числах января 80-го года. Почему — не знаю… Сама. А Ирина Полякова летела из Адлера, и самолет рухнул в море…

2. X, вторник

Моя партнерша по теннису, как выяснилось сегодня, оказывается, дочь Ник. Ал. Михайлова — того самого, который сто лет возглавлял ЦК комсомола, потом был министром культуры (после Александрова), потом где-то послом (не во Вьетнаме ли?). На мой вопрос, кем был ее отец, она ответила: «Крупным партийным функционером». Я сказал ей, что родного отца не следовало бы именовать «функционером».

16. X, Коктебель. 17.10

Через два часа уезжаю из Коктебеля. Грустно и одиноко. А дома Тани нет, уехала в Воронеж. Будем несколько дней одни с Катей. Сейчас звонил ей, телефон не отвечает. Тревожусь, конечно. Ведь впервые в жизни она осталась одна. Почему молчит телефон? Еще не пришла из школы? Или упрыгала в кино?

Работал я мало и плохо. Правда, прочитал кое-что нужное.

В А. САФОНОВУ,

«24.10.84

Дорогой Вадим Андреевич!

Ваше письмо от 21.9.84 я прочитал лишь несколько дней назад по возвращении из Коктебеля. У Вас очень неразборчивый почерк, но главное я, кажется, понял: что Вы за Анатолия Карпова и что я жестоко ошибся в своем домысле. Очень-очень-очень рад! И все свои домыслы беру обратно.

Действительно, как можно не желать победы Ан. Карпову, шахматисту,

который так интеллигентен и деликатен, что ни об одном из своих соперников не сказал ни единого худого слова;

который знает себе цену, держится с достоинством, не стесняется говорить, что никогда не испытывает страха ни перед одним противником, но никогда не бахвалится и не фанфаронствует;

который оказался действительно небывалым чемпионом, ибо не блаженствует на Олимпе, как блаженствовали некоторые его предшественники, а постоянно работает во славу шахмат, доступен едва ли не для всех значительных шахматистов мира не через телеэкран, а за шахматной доской;

который за девять лет своего чемпионства принял участие в 36 турнирах и в 29 из них вышел победителем; Алехин за пять первых лет своего чемпионства был победителем в пятнадцати турнирах;

который в трех отчаянных битвах с беглым евреем отстоял для России шахматную корону;

который получил девять «Шахматных Оскаров», причем три первых — еще не будучи чемпионом мира;

который, наконец, положил в государственную казну 300 тыс. долларов, едва ли не самую крупную сумму пожертвования за всю советскую историю, — как можно не желать успеха такому человеку и шахматисту!

И в то же время разве может у человека, не ослепленного мелкой страстью, вызывать симпатии шахматист,

который перед матчем с Карповым без малейшего стеснения твердил в многомиллионной прессе о своем превосходстве над противником («Комс. пр.», 10.4.84);

который столь честолюбив и агрессивен, что на турнире, посвященном 60-летию С. Глигорича, уже обеспечив себе первое место, играл в последнем туре с самим именинником и жестоко разгромил его. Карпов никогда не поступил бы так В данном случае ему наверняка было бы достаточно ничьей;

которого к шахматному трону ведет за ручку мамочка;

который, наконец, на вопрос «Ваше любимое блюдо?» отвечает: «Большой кусок мяса» («Юность» № 8’84. С.107), — можно ли симпатизировать такому человеку и такому шахматисту!

Доброго Вам здоровья и всего наилучшего!»

* * *

Как позже я негодовал, когда в Туле на выборах в Госдуму великому Карпову противостоял ельцинский постельничий Коржаков, и туляки избрали именно постельничего! Это в стране уже начиналась эпоха деградации и дебилизма.

25. X, Москва

Приехал из Коктебеля 17-го вечером. Таня была в Воронеже. У нас в эту ночь ночевала Аня Каминская, а на другой день Катя ушла ночевать к Соне Ковалевой — ее родители уехали в Тбилиси на свадьбу. Там у них какая-то родственница-экстрасенс, гребущая бешеные деньги, женит сына. Соня вчера сказала, что на свадьбе было 600 гостей, и обошлась она в 20 тысяч. Соня вот уже две ночи ночевала у нас. Таня вернулась в воскресенье. Как хорошо, когда все дома!

31. X

Сегодня утром два сикха убили Индиру Ганди. Восемь пулевых ран. Мерзавцы! Летом в Малеевке меня поразил Сарнов своей ненавистью к ней. Оказывается, она дала отпор происка Израиля на Цейлоне.

2. XI 1984

На днях произошло два знаменательных возвращения. Из Франции доставили прах Шаляпина и перезахоронили его на Ново девичьем. А вчера по радио и ТВ сообщили, что вернулась Светлана Аллилуева с дочерью Ольгой, которой предоставлено советское гражданство. Все это я одобряю и приветствую.

Сегодня Родительская (Дмитриевская) суббота. Собираемся с Таней поехать в крематорий.

4. XI

Вчера в ЦДЛ смотрел фильм «Маршал Жуков». Сценарий какого-то Игоря Ицкова. И, конечно же, он провел свою линию: Жуков противопоставлен Сталину, показано, будто он действовал

вопреки Сталину. Ничего нового я о Жукове из фильма не узнал, и образ его там не воссоздан, а есть сведения о нем.

Но этот Ицков рассказал интереснейшую вещь. Булгаков был знаком с работником Генштаба Шиловским, жена которого позже стала его женой. В доме Шиловского он встретил молодого военного, о котором сделал такую запись: «Чеховская фамилия. Обещает многое». И это был молодой Жуков.

5. XI

Фиксирую этот исторический момент. В 14.59 раздался звонок, и кто-то мужским голосом попросил Катю. И это был не Саша Грамп. Не Саша! Вслед за этим сразу позвонил Вл Карпов.

9. XI

5-го в 3 часа звонил Вл. Карпов. Думаю, что это результат моего разговора с Иваном Падериным или И. Т. Козловым о его «Полководце». Он решил меня нейтрализовать ввиду предстоящего выдвижения на Ленинскую премию и обсуждения в СП РСФСР. Начал с того, что он, мол, получил два моих письма (врет, их было 6 или 7), учел замечания, учел и замечания моряков, Института военной истории и благодарит меня. «А у вас еще есть замечания? Дайте их мне!» Я ответил, что в свое время предлагал ему товарищескую помощь, и сейчас готов оказать ее, но теперь — не в форме, которая удобна ему, а мне — пусть Воениздат даст мне рукопись на рецензию. Молчит. Я сказал, что отношение к его повести по мере чтения у меня сильно менялось и дошло до неприятия. Это его, конечно, разозлило. Я сказал, в частности, что Петров не тянет на маршала. Это его заело, кажется, больше всего. «Это ваше личное мнение!» Да нет, не личное, так считали и Верховный Главнокомандующий, и Ставка, и ГКО, и СНК, а ваше мнение действительно личное. Словом, разговор пошел на резкости. И черт с ним!

Я тут сильно загулял. 2-го был у Михаила Фоменко на дне рождения. Просвещал русских дураков, деморализованных еврейской пропагандой. 4-го ходил в ЦДЛ на фильм «Маршал Жуков». 5-го был в Колонном зале на матче Карпов — Каспаров. 6-го ходили в гости к Гальпериным, и я там крепко набрался. 7-го ездили в Красково к Микушевичам и опять хорошо пили. 8-го мои уехали к Малышевым, а ко мне зашли два дружка и, конечно, выпили — бутылку «Алазанской долины» и немного коньяка. Сегодня, 9-го, ездили к Гале в Беляево, куда она недавно переехала. Ну опять не обошлось без двух-трех рюмок Беда!

10. XI

К сестрице Гале сходили — как в крематории побывали. Что за страсть у человека малевать всякие ужасы! И Вася-то дышит на ладан, и Сергея-то прошлым летом избили и ограбили, и Валентина-то сейчас целует ему ноги, чтобы он не ушел к другой, и у Пескова-то она прочитала, что появились в городах вороны, которые убивают щенков и кошек…

18. XI, воскресенье

Ходили с Катей в прошлое воскресенье в Музей Пушкина на выставку 30-ти картин Дрезденской галереи. Меня больше всего занимало вот что: висит, например, картина Рейсдаля «Еврейское кладбище», и я узнаю, что когда-то ею любовался Гете и что-то писал о ней. Или вот другой картине что-то около 500 лет. Господи, кто на нее только не смотрел, кого только она не видела!

А сегодня в 11 часов я чуть было не отправился к праотцам. Пережег половину квартирной электросети и полез в щитовое управление с отверткой, и произошла ужасная вспышка, на стеклах очков остались брызги застывшего металла. Вот так бы и сыграл в ящик или ослеп. Таня перепугалась.

21. XI

Сегодня минут без десяти четыре я ушел прогуляться, заглянул к Гончаренко, вернулся около шести. В это время заходил какой-то человек и спросил Бушина. Катя ответила, что меня нет. Ничего больше из Кати выудить невозможно. А у меня на душе тревога, как у Моцарта после прихода черного человека.

25 ноября

Вчера в 27-й партии на 59-м ходу Каспаров сдался. Счет стал 5:0 в пользу Карпова. И — какое свинство! — на этом матч прервали под тем предлогом, что соперники переутомились. Конечно, устали, но Карпов не хотел перерыва, он выразил готовность продолжать борьбу. Действительно, ведь ему для победы достаточно взять еще только одно очко, и в пяти-шести партиях он это сделал бы. Всегда во всех матчах на первенство мира мнение и желание чемпиона считалось решающим. А тут! Мерзавец Компаманос!

29. XI

В воскресенье, 25-го, были с Таней у Толи Лишаева в Измайлове. Любопытно, что в завязавшемся разговоре все участники войны — Валя Дурдинова, Лиза и я — оказались заодно по многим вопросам — от отношения к Сталину до матча

Карпов — Каспаров, вернее, до отношения к участникам матча.

В понедельник было партсобрание, после которого Ник Данилов, Тамара. Пономарева и я хорошо поужинали в ресторане, выпив бутылку водки и заплатив за все 25 рублей.

Вчера был в СП РСФСР на обсуждении «Полководца» Карпова. Хвалу ему пели Галлай, Коган, Захаров, В. Соколов. Против выступили некто Басов из Академии наук и я.

12. XII

Около шести или немного позже раздается наш условный звонок Мы с Катей вскакиваем из-за своих столов и бежим открывать дверь. Я бегу встречать Таню, а Катя — сумку (с чем-нибудь вкусненьким).

23. XII

Работаю как черт. Вчера, когда лег спать, показалось, что схожу с ума, что-то в голове шевелилось. «Не дай мне Бог сойти с ума…» Только и спасаюсь лыжами. Стоят морозы никольские (15–18 градусов), а я и вчера, и сегодня ходил по часу-полтора.

Завтра похороны Д. Ф. Устинова. Последний из сталинской гвардии.

25. XII.

Вот и схоронили Устинова. «Сей остальной из стаи славной…» Мороз стоит градусов 20 и больше, но весь ритуал выполнен был полностью, без сокращений и спешки. Отсутствовал только Черненко. Видимо, по причине слабости легких.

9. I.1985

Первые три дня Нового года ходил на лыжах. А сам год, как уже несколько лет подряд, встречаем втроем дома, под разноцветными огоньками. В два часа Катя захотела пойти к Соне Ковалевой. Одну ее, конечно, не пустили, я пошел с ней. Зашли к Соловьевым, посидели полчаса, потом спустились на 2-й этаж к Ковалевым. Я от них вернулся около четырех, Катя — около шести.

А на Рождество были у нас Микушевичи. Он, как всегда, упоенно произносил вельмигласные речи и читал свои загадочные стихи. Из всех его речей отчетливо проступили три главных мысли. Первое: марксизм ненаучен, бесплоден, чужд России. Второе: Сальвадор Дали (почему он?) сказал, что Гитлер начал войну только для того, чтобы героически ее проиграть. Эта полоумная мысль ему, как видно, очень нравится, я слышал ее от

него уже раз пять. Третье: толкует о некоем родстве, единомыслии, единой вере Сталина и Гитлера.

Ну, за всеми этими суждениями отчетливо виден человек, который в жизни ничего не нюхал, кроме книжных полок Кроме того, все это я слышу всякий раз, как мне попадается радиостанция «Свобода» или встречаюсь с кем-нибудь из диссидентского кодла.

С. Дали болван или прохвост, пытающийся принарядить романтическим тряпьем кровавого скорпиона. А о «родстве» Сталина и Гитлера этот умник рассуждает на том основании, что Сталин назвал нападение Гитлера «вероломством», — дескать, единую веру нарушил. На Западе, говорит, об этом целая литература. Еще бы! Точно так же прохвост Солженицын писал, что-де Сталин призывал нас «отрешиться от благодушия», а ведь благодушие — это доброта, любовь к ближнему и т. п. А он говорил о недопустимости благодушия в военное время. Не веру единую нарушил Гитлер, а разорвал и бросил коту под хвост два межгосударственных договора, которые исключали всякую возможность конфликта

Еще: «Ясно же, что Каспаров играет не в полную силу». Ну, словно как тот еврей, что сидел в Коктебеле напротив: «Не дадут выиграть!» А Таня его добавила: «Нам сказали, что он (Каспаров) не подготовился к матчу». Я сказал: «А в чем это видно? И кто ему мешал подготовиться? А если плохо подготовился, то зачем хвастался накануне матча?»

14 января

Ходил на лыжах 1,2,3,12,13-го. А сегодня был на шахматном матче Карпов — Каспаров.

15. I

Вчера был в Колонном зале на 41-й партии матча Карпов — Каспаров. Это, кажется, уже шестое мое посещение. Сейчас проверил билеты (я их сохраняю). Выходит, что я был на 19-й партии (29.X.84. отложена, и ничья без доигрывания), 22-й (понедельник, 5 ноября, ничья на 20-м ходу), 23-й (понедельник, 12 ноября, ничья на 22-м ходу), 29-й (3 декабря, ничья на 13-м ходу, были с Катей), 30-й (6 декабря, ничья на 21-м ходу, с И.Р.), 33-й (17 декабря, ничья на 20-м ходу), и вот на 41-й. Значит, всего был на семи партиях.

Вчера была захватывающая игра. Я уверен, что когда после долгого раздумья, страшно волнуясь, Каспаров поставил своего коня, кажется, на d3, в самую середину расположения белых, вскочил и убежал в свою комнату отдыха, то он там или лежал

несколько минут в беспамятстве, или молился. А как держится Карпов! Ни единого лишнего жеста. Только в критические моменты как бы сжимается весь и слегка нависает над доской. Он был вчера близок к победе, по потом отдал проходную пешку, и в итоге партия отложена с лишней пешкой у него, но есть ли выигрыш — не знаю. А вся пресса молчит, оценок не дает, ибо в предыдущей партии и Таль по телевидению, и все остальные уже ставили на Карпове крест, похоронили его в этой партии, а он при доигрывании нашел гениальный ход пешкой на f5 и вывернулся. Да, поистине не тот борец, кто поборол, а кто вывернулся! Сегодня пойду на доигрывание, если оно будет.

17 янв.

Не пустой день.

22. I.

Сегодня видел такой сон. С кем-то вдвоем любуемся полетом голубей, особенно — очень красивой голубкой (я почему-то знаю, что это именно голубка). Потом голуби садятся на землю, я подхожу к ним и правой рукой ловлю красавицу-голубку. Она держится спокойно, а я показываю ее своему неразгаданному собеседнику: смотри, мол, какая. Он удивлен и моей ловкостью, и красотой голубки. К чему бы это — поймать во сне руками птицу, да еще за два дня до дня рождения?

24. I.

День рождения. Во сне видел Максима Горького. Куда-то шел с ним рядом с левой стороны, испытывая благоговение и нежность.

Были Гончаренко, Гришечка Соловьев (с бутылкой коньяка) и Коля Плевако. Гончаренко подарил свой роман в двух книгах, вышедший в 61-м году.

Читал им письмо, отправленное 22-го по высочайшему адресу. Пришли в 3.30, ушли часов в 7. Позже Гончаренко позвонил и стал говорить, что я то ли великий человек, то ли выдающаяся личность. Он, конечно, прав.

31 янв., четверг.

18, 19, 26, 28-го и сегодня — лыжи в парке.

1 февраля.

Весь январь много ходил в Тимирязевском парке на лыжах, а 30-го, в понедельник, опять был в Колонном зале на шахматном матче. Если раньше приходилось искать и клянчить билетик, то

на этот раз у выхода из метро их предлагали. Купил в 9-й ряд за 2 рубля. Прежде я всегда раздевался справа, на этот раз сознательно пошел и разделся слева, в гардеробе прессы. Когда вошел в зал, Карпов думал над 8-м ходом. Довольно долго думал Все шло вроде бы к ничьей, и Глигорич за судейским столиком даже зевал, но вдруг… Я восхитился выдержкой Карпова. Каспаров весь клокотал от радости (еще бы — из 50 партий выиграл вторую!), ему хотелось бежать куда-то и ликовать, а Карпов предложил разобрать партию, и они минут 10 продолжали сидеть за столиком. Все подошли ближе к сцене, и когда они уходили, я крикнул: «Карпов! Шесть — два!» Вероятно, он услышал.

Не помог мне левый гардероб. Напрасно я и значок нацепил, который он мне подарил в 75-м году. Преждевременные торжества всегда опасны. В раздевалке какой-то тип сказал: «Это ему возмездие за то, что избаловался на заграничных турнирах!» Будто он там с пионерами играл… И слова-то какие страшные: «Возмездие». О, вас не сеют, не жнут, вы сами родитесь.

23. II

Зачем Чехов поехал на Сахалин? Вот затем и я пишу свои работы о Бондареве и Карпове, которые при моей жизни никто не напечатает. Когда Чехова спрашивали, зачем он едет, он шутил: «Хочу выкинуть из жизни два года». И выкинул. А я выкинул, кажется, уже лет пять, если не больше, если считать и книгу о Ветрове.

Ах, какая была сцена на дне рождения у Белошицкого 7 февраля! Но об этом как-нибудь после. Сегодня придут на блины — Масленица же! — Ада и Вася.

24. II, воскресенье

Сегодня ходили с Таней голосовать. Я зашел в кабину и зеленым фломастером написал на бюллетене Тихонова: «Пора на отдых». Ну, действительно, 80 лет человеку. Сколько же можно трудиться на благо человечества! Надо хоть немного и отдохнуть и человечество пожалеть. Потом ходили на лыжах. Снега много, снег чистый — красота! Полуторачасовой прогулки (на все) нам вполне достаточно. А часов в пять — блины. Провожали Масленицу.

Вечером в программе «Время» было «явление Христа народу»: показали Тишайшего на избирательном участке. Краше в гроб кладут. Глаза бессмысленные, сказать ничего не может, но все-таки вытянул вперед правую руку, как памятник, и произнес: «Хорошо». Что хорошо? Выборы, что ли? Или здоровье его? О,

Господи… Выставили старого больного человека на посмешище.

11. III

В прошлое воскресенье позвонила Сильвия Звягина (из Одессы). Та самая, которую в прошлом году 9 мая в Коктебеле я встретил у телефонной будки и потом украл у ее приятелей. Мы убежали с ней, перелезали через какие-то заборы и примчались ко мне. Распили бутылку шампанского. Она обещала прийти на другой день, но не пришла. И вот — звонок Встретились у левого фонаря Большого театра, пошли в ЦДРИ, но там ресторан закрыт, пришлось направиться в ЦДЛ. Славно посидели в Дубовом зале. Потом я ее проводил куда-то к «Войковской». При встрече у Большого я ее поцеловал в щечку, а она меня — при прощании. Вот и весь мой бурный роман.

13. III

Итак, сегодня схоронили Черненко. Я называл его Тишайшим, или Промежуточным. Горбачев родился под созвездием Рыб. В гороскопе, который есть у меня, говорится, что родившиеся под этим знаком мужчины отличаются щедростью, мужеством, искренностью и справедливостью. Что ж, отличные качества для властителя, за исключением, разве, искренности.

21. III,Дубулты

Сегодня в 12.20 приехал в Ригу и через час был в Дубултах Первый раз мне довелось побывать здесь летом 53-го года. 32 года тому назад! Последний раз, как мы вспомнили с Таней, лет 10 назад. Вспомнили по синенькому костюмчику, который я купил тогда Кате. Он ей очень шел. Ей было лет пять. Она должна приехать 25-го.

Нашего брата здесь сейчас мало. Встретил только Димку Комиссарова, Игоря Мазнина, Грибанова, Белинского да Залыгина. Живу в 94-м номере — двухкомнатном — на самом верхнем, девятом этаже. Широченный обзор из окон — замерзшее море, сосновые леса, кирха. Рассчитываю за 21 день довести здесь до конца своего Карпова. Сегодня уже перепечатал три страницы. А всего, думаю, не больше 50.

22. III

Сегодня на новом месте мне снилась какая-то женщина, которой я говорил, что люблю ее, хотя вовсе не чувствовал уверенности в этом. Женщина совсем незнакомая, крупная, чем-то похожая на Светлану Евгеньевну Дарову. И еще приснилось, что я по неосторожности сбрил усы. Это едва ли к добру. В

первую-то ночь на новом месте.

25. III,понедельник

Сегодня приехала Катя. Я встретил ее на вокзале в Риге. А накануне ночью несколько раз просыпался в тревоге: ведь это она впервые ехала так далеко одна.

Приехали в Дом творчества, ей понравилось. Перед обедом зашел Борис Куняев, которому я звонил, как приехал. Выпили по рюмке коньяка. Все жалуется на здоровье, но еще не помню случая, чтобы отказался выпить.

После обеда мы с Катей поехали в цирк Сто лет не был в цирке! Неожиданностью было то, что все циркачи — русские. Поразился непосредственности детской реакции на разные штучки с арены. И дети согласным хором тоже кричали по-русски: «Да!», «Нет!» и т. п.

Вечером Катя ходила в кино, смотрела какую-то комедию, после которой скривилась. А я смотрел спектакль по пьесе И. Стаднюка. Реакция та же.

31. III

Ах, какая нелепость! То ли девица в кассе перепутала, то ли я сам — пришли сегодня с Катей на вокзал к поезду 18.53, как я сам написал на билете, а оказалось — наш поезд 18.02 и уже ушел, конечно. Побежал скорее к дежурному по вокзалу, потом в кассу, и там какая-то старая ведьма дала билет на 20.26. А это пассажирский, не скорый, идет до Москвы почти сутки, приходит в 18 с чем-то. А у Кати всего один бутербродик с сыром да булочка, и даже воды нет.

Поезд грязный, обшарпанный. Уж я попросил у проводника посмотреть за Катей, и какую-то молодую женщину по имени Люда. Весь день буду в тревоге. Бедная девочка! Но как смиренно она все воспринимает. Я был в отчаянии, глядя на ее, как мне казалось, убитое лицо, но перед прощанием она рассказала анекдот про чукчу, который всю ночь падал с полки вагона, засмеялась, и мне стало немного легче. Но знаю — всю жизнь я буду за нее в величайшей тревоге.

5. IV, Дубулты

Вчера была ужасная погода: дождь, снег, ветер, туман. И я пожалел, что купил на сегодня билет на экскурсию по Риге. Но сегодня все переменилось. Весь день светило солнце. И поездка была отменная. Наконец я как следует разглядел Ригу, она действительно прекрасна.

Ехали на автобусе, потом ходили по улочкам старой части

города. Были на Домской площади (мы там с Катей дважды были), провела нас экскурсовод по собору. Потом поехали на кладбище. Посетили три рядом находящихся кладбища: Райниса, Братское и Лесное. И тут я вспомнил, что был здесь. Вероятно, в 53-м году. А потом я приезжал в Ригу, когда работал в «Дружбе народов». Помнится, жил тогда в гостинице «Балтика» около вокзала, и это было ужасно — шумно, неуютно, и что-то было связано то ли с моим переводом в другую комнату, то ли с подпиской об освобождении ее по первому требованию. Последний раз был здесь лет десять назад, уже в Доме творчества жил. Тогда и купил Кате синенький шерстяной костюмчик, себе какие-то ужасные «итальянские» ботинки, костюм, который до сих пор считается модным, много маек и трусов. Выходит, я в Риге четвертый раз. Как сказала экскурсовод, Ленин был здесь один раз в 1900 году на каких-то переговорах, а Петр Великий — 9 раз.

8 апреля, Великий понедельник

На днях в «Правде» фельетонист И. Шатуновский в рецензии на книгу «Летописцы победы» с восторгом цитировал известную «шутливую» песенку К Симонова о военных корреспондентах:

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали…

Другим, дескать, давали, а нам нет; другим-то хорошо было за броней, а нам каково приходилось!

Репортер погибнет — не беда…

Никто, мол, нас не жалел — ни редактор газеты, ни политотделы, никто!

Но в пикапе драном
Мы с одним наганом
Первыми въезжали в города.

Первыми! А уж пехота и танки за нами шли, по нашему проторенному следу. Раньше еще забористей было:

Первыми врывались в города…

Врываться можно, только ломая сопротивление врага. И мы,

журналисты, ломали.

Ведь серьезный человек был Симонов и знал войну, а какое легкомысленное пижонство, какая похвальба! Ну, молод был…

9. IV,Дубулты

Продолжу вчерашнюю мысль.

Вот «Землянка» Суркова.

Бьется в тесной печурке огонь…

Из этого следует, что землянка находится далековато от передовой, в противном случае немец так саданул бы по дымку из твоей печурки, что костей не собрал бы. Это первое. Второе — в землянке тепло, тем более, что

… На поленьях смола как слеза…

Т.е. в печурке-то не какая-нибудь горькая осина, которая, по присловью, не горит без керосина, а хорошие сосновые или еловые дровишки.

… И поет мне в землянке гармонь…

Это, во-первых, еще раз подтверждает, что передовая неблизко — рядом с ней не будешь играть на гармошке, ибо опять же в ответ на ее прекрасные звуки саданет немец. Во-вторых, люди, находящиеся в землянке, — в хорошем настроении, им тепло, уютно и сытно, ибо на голодный желудок не станешь ни играть музыку, ни слушать ее.

… про улыбку твою и глаза.

Опять же это свидетельствует о благополучии и сытости. При опасности, в холоде да сырости, на голодный желудок не больно-то размечтаешься об «улыбке». И все это в целом ставит под сомнение правдивость слов и о том, что

… До смерти четыре шага.

И потом, что

… мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

В землянке тепло от хороших сосновых дров, и никто и ничто не мешает герою топить печурку.

В обоих случаях — чисто политотдельско-журналистское восприятие и описание войны. И эти стишки выдают чуть ли не за гимны войны!

* * *

Когда-то потом я высказал эти соображения Вадиму Кожинову Ах, как он возликовал! А чего ликовать? Так можно что угодно разложить на молекулы. «Мир разложил на части Пикассо… Но вот слеза. Попробуй, разложи» А эта песня действительно хорошая, и ее любят не только фронтовики.

* * *

14. IV, Москва. Пасха

Только что вернулся с кладбища.

В баночке из-под меда, которую так и вез с водой, поставил на Сережиной могиле букетик синих и розовых гиацинтов и положил рядом синее крашеное яичко. А перед этим по пути зашел в церковь и поставил у иконы свечку. Сделал все это, как и перекрестился в церкви, несколько раз, с удовлетворением.

Народу на кладбище — толпы. Но как неприглядно выглядят наши кладбища по сравнению с рижскими, на которых я был всего несколько дней назад. Какой там простор, чистота, величие.

А у нас — коммуналка. И все же этот пасхальный обряд просветляет и успокаивает.

Киоскерша у метро Ел. Фед. обещала оставить «Полководца» Карпова.

6 мая

В ресторане гост. «Минск» в День Победы будет встреча ветеранов 50-й армии. До 15 апр. Надо внести 15 р. Марии Серг.

10. V, пятница

Ну, вчера был шорох в ЦДЛ!..

В День Победы во втором часу встретились, как всегда, у левого фонаря Большого театра. Хотели было поехать в Парк Горького, но потом решили — прямо к Якушевой. Она накрыла прекрасный стол, а мы привезли по бутылке коньяка, шампанского, водки и сухого. Хватило двух первых бутылок Ну, конечно, все рады повидаться, поговорить. Собрались всего 8 человек Выпили за Победу, за невернувшихся, за Сталина.

Около семи я распрощался. Поехал в ЦДЛ. Там — никого. Что такое? Оказывается, все уже в зрительном зале. Встретил Солоухина, его дружка генерала Косицина, да еще тут оказался

увешанный до пупа всеми мыслимыми и немыслимыми орденами, крестами и значками Овидий Горчаков. Взяли чешского пива. С Солоухиным была его дама — Евгения Александровна. — «Можно Женя». Красивая и приятная женщина. С чего-то Горчаков начал нападать на славянофилов, называл их фашистами. Я ему сказал, что он мудак и ни хера не понимает. (Извинился перед Женей.) Он смолчал.

— Славянофил — это тот, кто любит славян. А какой смысл придают этому слову другие, какую нагрузку они ему дают, меня не касается. Я русский, я славянин. Как же я могу не любить славян, не быть славянофилом?

… Кончилась перекличка, все направились в ресторан. Мы заняли место на самом заду — у камина. За столом сидели Женя, Солоухин, я, Плевако, Вас. Степанов, Гр. Соловьев и еще два каких-то старика, одному из которых будто бы 106 лет. Яков Красный. Еврей. Ну, все шло хорошо. Вдруг уже в конце застолья Солоухин вышел к микрофону и сказал:

— Я не был на фронте. Я всю войну служил в Кремле, охранял Верховного Главнокомандующего. Предлагаю поднять бокалы за организатора наших побед Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина!

О, что тут началось! Завопили: «Долой! Позор!» А я на каждый такой возглас отвечал возгласом: «Слава!», «Слава!», «Слава!» На меня заорал какой-то старик с бородой: «Вы слишком молоды! Вы ничего не знаете!» Я обозвал его бородатым дураком. Тут ко мне подсел внучатый племянник Некрасова. «Как вы можете! Он загубил двадцать миллионов!» Ну, как всегда у них водится. Как это говорил мне в Коктебеле Айлисли, в Дубултах — Грибанов и многие другие. С Айлисли, помню, такой разговор произошел:

— Откуда вы знаете?

— Ну хорошо, десять.

— Откуда вы знаете?

— Ну, пусть один миллион. Так он дошел до 400 человек

Точно так же при первом же вопросе 10 миллионов скинул Грибанов. Что же это за позиция, когда с такой легкостью и готовностью сбрасывают 10 млн.?

В баре к Солоухину подошел какой-то седенький еврейчик и сказал: «Оказывается, среди ваших талантов есть еще и провокаторство». Я его послал куда подальше. Женя долго жала мне руку за такую горячую поддержку Солоухина.

Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

«12 мая 1985 г.

Дорогой Роберт!

В последнем номере «ЛГ» в ст. «Уроки памяти» ты с негодованием пишешь: «Есть такой профессиональный термин: «театр военных действий». Убежден, что человек, придумавший его, явно был высшим офицером и имел самое прямое отношение к Генеральному штабу, ибо только оттуда война может показаться этаким грандиозным спектаклем, в котором есть режиссеры, исполнители, суфлеры, декорации».

Ты убежден… Если не ошибаюсь, термин ТВД ввел в оборот в 1815 году Жомини. Тот самый Генрих Вениаминович, о котором ты, конечно, слышал

Жомини да Жомини, а об водке ни полслова!

В ту пору Генеральных штабов в нынешнем понимании еще, пожалуй, и не существовало. А Жомини хоть и стал впоследствии военным историком и теоретиком, но в молодые годы знал войну не по книгам. Он был, как ныне говорят, активным участником нескольких сражений и войн. Довелось ему послужить, выражаясь опять по-современному, в должности комбата, отличился он в успешном для французов Бауценском сражении. Так что военное дело знал он не по книгам Карпова и уж никак не хуже, чем мы с тобой знаем дела литературное. Уж никак

Возможно, не только тот, кто придумал и ввел в обиход термин ТВД, но и те, кто его употребляет, кажутся тебе зрителями спектакля. Но вот у Пушкина в «Истории Пугачева» читаем: «К нему присоединили генерал-майора Фреймана, уже усмирявшего раз Яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков». Пушкин — зритель в театре беспорядков?

В «Войне и мире» сказано: «Вдали от театра войны, в Петербурге был составлен план поимки Наполеона». Толстой — зритель Отечественной войны?

А кто, по-твоему, придумал термин «анатомический театр» — кто-то из обитателей Министерства здравоохранения? Кому прозекция трупов могла показаться этаким спектаклем, в котором есть свои режиссеры, исполнители и т. д.? Но вот у Тургенева его язвительный Базаров говорит об Одинцовой: «Роскошное тело! Хоть сейчас в анатомический театр!»

А что касается, твоей неприязни к «высшим офицерам» и «генеральным штабам», то тут ты, к сожалению, не одинок. Вот, допустим, Ваншенкин, наш собрат, который требовал в законодательном порядке запретить песню Харитонова и Тухманова «День Победы». Недавно в «Правде» он прославлял героя, который

Он в войну служил не в Ставке,

Он солдатом был вполне…

Конечно, рядовой солдат заслуживает уважения или даже славы, но тут прямо не сказано, однако намек ясен: Ставка это что-то вроде убежища для бездельников и трусов. Зачем противопоставлять одно другому? Каждый на войне выполняет свою задачу, и без Генерального штаба современная война немыслима.

Пользуясь случаем, хочу заметить, что недавно в «Известиях» ты напечатал замечательное стихотворение «Отвечать!». После него не остается ничего другого, как пойти к Маркову и сказать, стукнув, конечно, перед этим кулаком по столу: «Доколе ты сам и твои родственники будут беспрепятственно издаваться-переиздаваться и получать награды-премии?» Право, отменные стихи. Поздравляю. Не умствуй о ТВД, а пиши такие стихи. Их пора приспела.

Будь здоров».

* * *

Это было деталью, частностью литературной жизни. Но надо сказать о гораздо более важном, если уж я вспомнил Рождественского.

Их было пятеро: Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина и Рождественский. Не так давно, уже в Америке, второй из них воскликнул:

Пускай шипят, что мы бездарные,
продажные и лицемерные,
но все равно мы — легендарные,
оплеванные, но бессмертные!

Какой выразительный образец того, о чем сказано: уничижение паче гордыни. Ну, во-первых, что бездарными их никто не считает, никто об этом не шипит и не визжит. Все они, бесспорно, талантливы. Другое дело, что талант того или другого из них кому-то не по душе. Это обычное дело в мире искусства. Допустим, мне нравятся многие песни Окуджавы, но его сочинения из жизни XIX века не могу читать без смеха. Да что Окуджава! Даже если взять такую глыбу, как Достоевский. Его не любили многие замечательные художники и выдающиеся личности: Тургенев, Некрасов, Чайковский, Бунин, Горький,

Ленин… Но никто не отказывал ему в огромном таланте. Горький, еще в 1914 году выступавший против инсценировки «Бесов» во МХАТе, но в 1932 году защищавший от «Правды» (Д. Заславский) публикацию тех же «Бесов» в издательстве Academia, считал Достоевского по изобразительной силе равным Шекспиру. А самого Шекспира решительно отвергал Лев Толстой.

Во-вторых, «продажные»? Нет никаких оснований сказать это не только о Рождественском, Ахмадулиной, но, я думаю, и о Вознесенском, хотя он и признался:

> Нам, как аппендицит,
> поудалили стыд.

Нам — это всей пятерке? Не думаю. Но вот в 1967 году в американской газете «Русская мысль» поэт напечатал стишок, обращенный к Михаилу Шолохову, которому в 65-м году присудили Нобелевскую премию:

> Сверхклассик и сатрап,
> стыдитесь, дорогой.
> Чужой роман содрал —
> не мог содрать второй.

Это, конечно, очередной персональный припадок бесстыдства. И подумать только, в пароксизме бесстыдства он призывает стыдиться других! Правда, позже уверял, что это о Василии Ажаеве. Такие фортели для него были привычны. Помню, как стихи, под которыми значилось «Памяти Толстого», он через много лет объявил посвященными Пастернаку. Но тут сразу было ясно, что это было вранье во вранье: кто в Америке знал Ажаева и какой он «суперклассик»? Однако, в конце концов, все-таки признался: метил доплюнуть до Шолохова.

Известный Рой Медведев, именующий себя историком, в частности, и литературы, подлинный «корифей антишолоховедения», сорок лет, как Сизиф, в поте лица трудившийся над доказательством плагиата «Тихого Дона», вдруг очухался — недавно выпустил книгу, в которой признал-таки Шолохова великим писателем, гением и автором романа. При этом в книге столько самых высоких похвал писателю, как отмечает в «ЛГ» Ю. Дворяшин (№ 37’12), трудно сыскать даже в работах подлинных шолоховедов.

«Лицемерные»? А вот это что такое?

Окуджава писал: Меня удручают размеры страны

проживания…

Россия для него «страна проживания». Думаю, даже Смердяков не сказал бы так. У Евтушенко, например, стран, где он проживал, было около сотни, вот теперь — США. А сказал это Окуджава в 1995 году, вскоре после того, как «размеры» страны сократились на 4 миллиона квадратных километров. Но ему и этого мало! Его и уменьшенные размеры жутко удручают! Вот бы еще Сахалин отдать Японии, Сибирь — Китаю, Карелию — Финляндии… Успокоился бы? Я тогда посоветовал ему: если так, то поезжай пребывать в какую-нибудь малогабаритную державу. Назвал Грузию, откуда родом его отец. Не нравится? Тогда — в Армению, где родилась мать. И туда не поехал. Так что же это, как не лицемерие? — голосил, что великая Россия его удручает, а переселиться в портативную Грузию, что так просто, отказывался, не пожелал обрести там покой и счастье. Чего ж ты тогда народ мутил?

Но надо признать, что в древнем искусстве лицемерия не знает соперников Евтушенко. Я когда-то написал о нем:

Как много у него идей!
Как он печет за книгой книгу!
И с разрешения властей
Властям показывает фигу.

А примеров лицемерия тут много и не надо, приведу только один. Уж как он всю жизнь клялся в любви к родине, уж как божился вплоть до прямого уподобления родины своей персоне:

Моя фамилия — Россия,
А Евтушенко — псевдоним!

А как только двадцать лет тому назад на обожаемой родине запахло жареным, тотчас укатил в Америку. Ведь никто же его не гнал, ничто не понуждало к этому, как некоторых других. Все сделал очень обдуманно и ловко: и не бросил роскошную квартиру в доме на Кутузовском, где жил Брежнев, и ухитрился приватизировать отменную дачу в Переделкино, которая по уставу является собственность Союза писателей. А я, говорит, хочу иметь здесь прижизненный музей. И заимел.

«Оплеванные»? Это вопрос многосоставный. С одной стороны, все они в Советское время издавались и переиздавались на родине и за рубежом, снимались в кино (Евтушенко и сам ставил фильмы, сам играл в них), имели широчайшую аудиторию

читателей, слушателей и зрителей, катались по заграницам, занимали важные посты разных членов, председателей, секретарей в журналах, в Союзе писателей и вне его (Окуджава занимал 24 таких поста), получали квартиры и дачи, некоторые — литературные премии и ордена… Где ж тут «оплеванные»? Не точнее ли было бы «увешанные»? В антисоветское время все это только приумножилось.

С другой стороны, некоторые из них оплевывали себя сами. Так, Окуджава, вспомнив однажды свою фронтовую молодость, заявил: «Я был фашистом» («Известия».8 апр. 1992). Что же это как не оплевывание, но не кем-то, а собственными устами? А через полтора года он подтвердил это, рассказав, с каким чувством смотрел по телевидению 4 октября 93-го года расстрел танками Дома Советов: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости к ним у меня не было… Заключительный акт…» («Подмосковные известия».11 дек. 1993). И после этого слушать его песню о виноградной косточке, про «надежды маленький оркестрик под управлением любви»? Об этом признании Окуджавы я узнал тогда же, в 93-м. И, конечно, уже «терпеть не мог» его как человека. Ничего удивительного. Это порой случается и по менее серьезной причине.

Вот М. Арбатова рассказывает: «Неведомая сила занесла меня на заседание правления Литфонда. Я была на 17 лет моложе и на 17 лет наивней, чем сейчас, и потому онемела от восторга, когда рядом со мной опустился в кресло Окуджава. Прошло пять минут, вдруг мой кумир, как заведенный ключиком, выпрыгнул из кресла и безумно заорал: «Нельзя давать дачу Воронову! Не смейте давать дачу Воронову! Воронов не должен получить дачу!» Это какой же Воронов — Владимир? Николай? Юрий? Скорее всего, последний, который некоторое время был главным редактором «Комсомолки».

И дальше: «Маэстро орал так, словно от этого зависела судьба его детей и его страны. А в промежутках между ором, глотал таблетки, тяжело дышал и темнел лицом. Кончилось тем, что Окуджаву увезли на «скорой» с сердечным приступом и полученной дачей в зубах. Если бы я не сидела рядом, то никогда не поверила бы в подобную историю. Кумир кубарем слетел с лестницы моих иллюзий.

А впереди был сюжет о передаче свыше 2 гектаров земли в поселке Жаворонки для коттеджного поселка работников театра «Школа современной пьесы». И в списке работников театра почему-то оказались Булат Шалвович Окуджава и Анатолий Борисович Чубайс. Впереди был и конфликт Минкульта с

Чубайсом, когда вдова Окуджавы потребовала кроме дачи под музей еще и квартиру на Арбате. А Чубайс не мог сказать «нет», потому что последнее стихотворение Окуджавы было посвящено ему» («ЛР» № 15'11 апр.2008).

Кумир слетел кубарем… Но когда через три года он умер, я не только не «насладился этим», но пожалел талантливого барда.

Что там у Евтушенки еще — «легендарные»? Ну, это точно. Есть легенда, что в КГБ работала не только его первая теща, а сам он имел личные прямые телефоны Брежнева и Андропова, иногда позванивал им, беседовал. Жива легенда, что Пастернак однажды сказал о Вознесенском: «Он начинал как мой ученик, а стал учеником Кирсанова», у которого, как в свое время говорили, главных три качества — трюкачество, трюкачество и трюкачество. Бродит легенда, что Ахмадулина иной раз собирала за одним столом всех пятерых своих мужей — Евтушенко, Нагибина, Мамлина, Кулиева-младшего и Мессерера. Ходит легенда, что Окуджава был когда-то исключен из Союза писателей, из партии и лишен той самой дачи в Переделкино. Есть легенда… Да хватит.

Ну, а что касается «бессмертия», то это, как говорится, вскрытие покажет.

* * *

24. V.85, Коктебель

Снова Коктебель! Приехал сюда 22-го, во второй день заезда. Поселился опять в 3-й комнате 16-го коттеджа. Прекрасно! Все цветет и благоухает. Сегодня утром уже купался. Холодновато, тело горит после, но это-то и здорово. Играю в теннис с Лерой Золотусской. Публика в основном все та же. Рад был встретить Мишу Селезнева. В первый же день он пригласил к себе отметить приезд. Хитрый Гришечка не явился, но был Вл. Жуков, видно, большой любитель выпить.

В минувший четверг был в Союзе, платил партвзносы. ЦДЛ производит впечатление дома, где умер кто-то очень близкий, дорогой и важный. Все ходят тихие, мрачные. Оказывается, действительно покойник — во всем доме, даже в ресторане нет ни капли алкоголя, даже пива! Сухой закон! Запрет! Из шумного Дома изъяли душу, и все омертвело. Неужели это продержится долго? Неужели не будет даже сухого вина? Хоть бы талончики ввели какие-то, что ли. И поставили бы у дверей Шорора выдавать их.

27. V.1985

Третий день одолевает мысль: а не отказаться ли от ордена, когда будут его вручать по случаю 40-летия Победы? Действительно, за что нам их дают? За то, что мы на сорок лет пережили наших товарищей, оставшихся на поле боя? Ведь только за это. А можно ли за такой подвиг получать награду?

На войне не давали награду (вернее, не должны были давать) за то, что человек просто погиб. Давали за подвиг, за успех. Но тем более не давали за то, что ты просто выжил, когда другие погибли. Если ты возмущался, что Брежневу дали орден Победы, что Черненко по случаю 73-летия дали Звезду Героя, т. е. если ты возмущался, когда другим давали награды ни за что, то как же сам примешь орден ни за что?

Я высказал эти мысли здесь участникам войны. Со мной согласилась Ольга Борисовна, а Друнина и генерал не согласны. Селезнев близок к моей точке зрения.

2. VI, Троица. Коктебель

Сейчас за завтраком уборщица Надя поздравила с Троицей. Она всегда поздравляет с церковными праздниками. Обычно на Троицу приезжали Таня и Катя, а в этот раз, возможно, вовсе не приедут. Жаль. В Москве жара (+29) и духота, а здесь — рай земной.

И, тем не менее, мне снятся какие-то кошмарные сны. Однажды приснилось, дня три-четыре назад, будто меня в собственной квартире избили и отняли 140 тысяч. Именно столько. И какой-то мужчина и женщина из жалости бросили мне мою меховую шапку. Но снятся и такие сны, которые не следует записывать.

Еще в Москве где-то прочитал: «Талант делает то, что может, гений — то, что должен». Что тут подходит мне?

* * *

Но продолжу о той легендарной пятерке.

21—24 сентября 1992 года в «Правде» была опубликована стенограмма «круглого стола» в редакции на тему «Опыт и уроки советской цивилизации». Очень хорошо и полезно.

Интереснее всех выступила Жанна Болотова. Она не теоретизировала, а говорила конкретно — о жизни. Между прочим, сказала о Роберте Рождественском: «Его стихи и песни многие годы были с нами, мы их любили, они настолько естественно выражали наши чувства и мысли, что забыть их невозможно. И вот вспомнились мне такие строки:

Мне земля для жизни более пригодна
после Октября семнадцатого года.
Я в державу верую вечную эту,
Красную по смыслу, по флагу, по цвету.
Никогда не прячусь за кондовой завесой,
По национальности я — советский».
Этими строками я могу и сейчас сказать о себе.

Прочитанные строки — пример заостренной поэтической гиперболы. Если быть рассудительным и аккуратным, то надо сказать, что все мы, разумеется, оставались кто — русским, кто — украинцем, кто — белорусом, но по духу мы были единым советским народом. Такой прием заострения был известен еще деду Щукарю. Однажды он варил в поле для бригады кашу, а воду взял из какой-то лужи, и каша получилась с лягушками. И вот, побитый за это колхозницами, он воскликнул: «До чего вы, бабы, вредная нация!»

Но Жанну тут же перебил Виктор Кожемяко: «Одно только обидно: кончил Роберт Иванович, увы, совсем иными стихами. Попал-таки под влияние перестройки».

Жанна ответила: «А я не читала… Что ж, очень жаль, что попал…»

Я позвонил Жанне и сказал, что она и не могла читать у Рождественского ничего «перестроечного» и жалеть ей не о чем — ничего такого он и не писал. И вообще в этой «легендарной» пятерке он был белой вороной, «красной по смыслу, по флагу, по цвету». В самом деле, он, как это проделывал Евтушенко, не хвалил Сталина, чтобы потом проклинать его; не издавал за границей своих сочинений, чтобы потом каяться за это, бить себя в грудь и хныкать на пленуме Союза писателей: «Я больше не буду… Это урок на всю жизнь»; не писал стихов о Бабьем Яре, чтобы потом переделывать их; наконец, у него и мысли не могло быть — бросить родину, податься за океан, дабы США стали страной его постоянного пребывания, а Россия в немалой степени — страной пропитания. Рождественский, как Окуджава, не сочинял песни с антисоветским намеком, двусмысленные повести с фигой в подтексте, и уж, конечно, немыслимо представить, чтобы он наслаждался зрелищем любого расстрела, не говоря уж о расстреле почти двухсот своих соотечественников. И никогда он не фокусничал со словом, не выворачивал его наизнанку, как Вознесенский-Кирсанов, в его стихах все было ясно, доходчиво, они шли из глубины сердца; разумеется, не мог он написать стихи, посвященные памяти Пушкина, а через тридцать лет

объявить, что они посвящены Мандельштаму; и уж, конечно, орда клеветников Шолохова была ему отвратительна. Наконец, не мог Роберт, как могла Ахмадулина, собрать за одним столом пять своих драгоценных вторых половин хотя бы уже по той причине, что всю жизнь у него была только одна половина.

И — поразительное дело! Человек всю свою литературную жизнь прожил в тесном житейско-бытовом окружении таких фигур, по-своему очень сильных, энергичных, даже агрессивных, да еще с молодых лет имея под боком супругу, которая ныне голосит: «Я всегда была крупной антисоветчицей!» (да, в ней было нечто даже очень крупное, если смотреть со спины), и при всем этом кошмаре устоять, выдюжить и до конца остаться советским человеком, советским поэтом.

Тут уместно определенного рода сопоставление с поэтом старшего поколения — Ярославом Смеляковым. Ведь как только жизнь не метала его, не пыталась переломить, сплющить, стереть в пыль! Ведь он трижды сидел — при всех режимах! Мало того, во время войны еще и выпал на его долю плен у финнов. Другой написал бы 33 тома о несправедливости жизни вообще и о советской жизни в частности, о своих мучениях, страданиях, терзаниях. Критик Борис Рунин был уверен, что Смеляков «скрывал от своей музы, что его трижды лишали свободы». Нет, не скрывал, просто музы бывают разные. У Солженицына рифмовалось «муза — пузо», а у Смелякова: муза — дочь Советского Союза..

10. VI.

Зашел ко мне Антропов, я давал ему «Старшего лейтенанта». Стояли на веранде, разговаривали. Вдруг — дикий собачий крик. Он бросился туда, метров 30 от нашего дома, я переменил очки и тоже. А он уже идет обратно. Какой-то мерзавец убил топором собачонку Альму. Ее подкармливали дети. А тут пришла Тамара за советом по своим делам. Я угощал ее клубникой, а на душе было прескверно.

* * *

Надо закончить о Ярославе.

Мучеником, жертвой и пытается изобразить Смелякова критик Андрей Турков: «Сложная и драматическая действительность 30-х годов доверчиво воспринималась молодым поэтом в прямолинейном, подсказанном пропагандой духе». Жертва сталинской пропаганды! Только такая жертва могла тогда

писать с такой яркой жизнеутверждающей силой:

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте ночную звезду.

Я ходил напролом,
я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом в осенних цветах…

От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь — почувствуешь:
вечно живем.
Не облатками белыми,
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.

Вот истинное чудо поэзии! Ведь речь идет о болезни, хоть и предполагаемой («если»), даже о смерти («от вас ухожу»), но сколько здесь жизни и любви к ней! Какой вселенский размах чувств!

А. Турков уверяет: «Смеляков был и остается одной из самых трагических и противоречивых фигур отечественной поэзии». По жизни — да, трагическая фигура. Но, впрочем, ни три ареста, ни плен не помешали ему получить две высоких литературных премии и быть председателем секции поэзии московского отделения Союза писателей. А его поэзия трагична в той мере, в какой трагична вся человеческая жизнь. Вот хотя бы:

Одна младая поэтесса,
живя в довольстве и красе,
недавно одарила прессу
полустишком, полуэссе.

Этот полустишок о том, что вот едет поэтесса в поезде и видит в окно, как женщины орудуют лопатами, ремонтируя железную дорогу. И поэтессу радует, как они, по ее мнению, ловко это делают.

А я бочком и виновато,
и спотыкаясь на ходу,
сквозь эти женские лопаты,
как сквозь шпицрутены, иду.

И поэтесса — дура, и женщины на тяжелом труде, и чувство вины, и боль в сердце поэта — все это трагедия.

11. VI, вторник

Вчера и сегодня весь наш Дом гудит из-за убийства собаки. Кажется, даже отправили телеграмму протеста в правление Литфонда в Москву. Я подписаться отказался. Факт, конечно, дикий, возмутительный, и сделано это, оказывается, по приказу директора Дегтярева Н. В., но все же писательские имена должны ставиться на телеграммах другого рода. Что-то не было слышно возмущения и не было видно телеграмм обитателей нашего Дома, когда евреи уничтожили тысячи палестинцев в лагерях Сабра и Шатила.

Утром море было всего 13 градусов, день пасмурный, и я после обеда часок поспал. Зато после сна так хорошо поработалось. За день написал две бессмертных страницы. А вчера вечером заходили ко мне после купания Валя-Галя со своим детским садом, и мы выпили по 2–3 стопочки водки и ели клубнику.

19. VI, среда

15-го перебрался в 15-ю комнату 19-го корпуса. Я тут жил дважды. Хороший номер. Самый светлый и солнечный из всех остальных, кроме 16-го, друнинско-каплеровского.

23. VI

Заходил Петя Палиевский. Вернул моего «Карпова», вернее, «Анти-Карпова». В полном восторге. Советует действовать немедленно. Обещает сразу по приезде позвонить Викулову Ты, говорит, открыл мне глаза на Карпова. Я думал, что это просто солдафон, службист, а оказывается, продолжатель линии Эренбурга — Симонова. Он считает, что его «Полководец» — это рассчитанная провокация. Момент сознательности и запланированности он явно преувеличивает, как делал это и

раньше. Назвал интересную книгу «Солдат трех армий» Бруно Винцера («Воениздат»).

И в оценке Симонова я тоже с ним совершенно не согласен. Проговорили минут 45.

25. VI

Весь день бился над строчками:
Вы улетаете, вас ждет аэропорт.
Вам предстоит далекая дорога.
И будет вам сопутствовать эскорт —
Моя печаль, смятенье и тревога.
Никто и не заметит в вышине,
Что вы под их охраною тройною…
Потом они воротятся ко мне
И навсегда останутся со мною.

И что-то еще не то.

28. VI

Вчера приехали Таня и Катя. Я ездил встречать их в Феодосию. Сегодня Катя надела шорты, какую-то оголенную кофточку и стала Афиной-Палладой. Таня спала на балконе.

Сегодня в 7.45 проводил минчан — Валю, Галю, их Павлика и Диму.

3. VII

Давал Л. Жуховицкому читать своего «Анти-Б.», позавчера он зашел ко мне, чтобы высказать свое впечатление. Хвалил до небес. Читал, мол, ночами — так интересно. «Критика должна быть самостоятельным видом литературы». Когда-то Л. Аннинский говорил ему так человек прочитал статью критика о книге и сказал критику: «После вашей статьи мне захотелось прочитать книгу». И это многие считают высшей похвалой. А настоящая похвала была бы такой: «Я прочитал вашу статью, и теперь хочу прочитать новую». И вот, мол, он, Л.Ж., и хочет так сказать, прочитав мою работу о Бондареве, и т. п. Но не в этом суть. Похвал я наслушался довольно. Гораздо интереснее другое. Он говорил:

— Ты отрицаешь, что 16 октября 1941 г. в Москве была паника. (Ничего подобного. Была. Я ее своими глазами видел, но не такая, как описал Б.)

— Ты осуждаешь Б. за то, что он не радуется тому, что убит молодой немецкий солдат. (Нет. Осуждаю за то, что он изображает его невинной жертвой, заслуживающей сожаления. А

кто его звал к нам?)

— Мы три с половиной года отвоевывали то, что немцы завоевали за 3 с половиной месяца. (Первый довод идиотов, считающих, что война — это вид спортивного состязания, в частности, и по бегу.) Когда немцы вторглись, начали войну, у них не было превосходства в силах. Я читал в книгах «Воениздата», что у них было 5 млн. солдат, а у нас — 6. (Немцы выбрали и лучшее для них время, и самое выгодное направление главного удара. Это великое дело.)

— Молодым немецким ребятам так же вдалбливали в головы, как и нашим. (Это Борщаговскому надо было вдалбливать, но не удалось — так всю войну и просидел в театре на должности завлитчасти, где могла бы любая девчушка справиться.)

— Из воспоминаний Г. Жукова выдрали три листа, они ходят по рукам в виде верстки, мы их еще прочитаем. Там дается совсем иная оценка Сталину, чем в опубликованных воспоминаниях. Ты знаешь, почему парадом командовал Жуков, а не Сталин? Описывается, например, как Жукова вызвали в манеж: «Я увидел там то, чего бы мне лучше не видеть: три генерала подсаживают Сталина на коня». Это, мол, он готовился к параду. (Только болван может думать, что человек в 65 лет решится впервые сесть на коня, и не для того, чтобы прогуляться по лесной тропинке, а принимать парад с его многолюдством, грохотов музыки, полыханием знамен и штандартов.)

Еще говорил, что есть в рукописи вещи, которые производят крайне дурное, отталкивающее впечатление. «Ну вот, например, ты пишешь о «еврейско-воронежской» точке зрения». (Я ответил, что там же у меня есть и «русско-замоскворецкая точка зрения». — «Разве?» — говорит. Не увидел! Не заметил! Шибанула его только еврейская точка зрения. Ничего дальше своего еврейского носа не видит.)

Еще сказал, что эта работа меняет его мнение обо мне. Я сразу ответил, что меня это ничуть не интересует. Да и в чем же она может изменить? Прямота, открытость, что думаю, то и говорю — разве раньше я был иным? Нет, для него это действительно переворот: раньше я критиковал, например, Окуджаву, т. е. человека его лагеря, а теперь — Б-а, т. е. фигуру противоположного лагеря. А то, что я в обоих случаях воюю за русскую литературу, ее достоинство и честь, этого он не видит, не понимает, да и начхать ему на эту честь.

Еще сказал в связи, кажется, с «еврейско-воронежским» вопросом, вообще национальность, мол, это вопрос несущественный. «Ну какая разница, я полуеврей-полуполяк, ты — полурусский-полунемец…» Я чуть не упал! Это, говорит, все

так считают. Соловьев рассказывал, что он ему говорил о моей немецкой педантичности. Я ему рассказал, как мы с Винокуровым ездили в мою деревню.

Словом, раскрылся передо мной не только невежда, но и тупой клеветник Ах, Леня, ах, писатель русский!.. Еще, говорит, тебе надо обозначить свои литературные симпатии. Вот Симонов. А кто еще? Хотел бы, конечно, чтобы я вставил Эренбурга, присобачил бы, допустим, Слуцкого да Самойлова — вот тогда бы я его устроил. Ведь сами-то они никогда не обходятся без обозначения, без сигналов своих симпатий.

Насчет слов из песни Окуджавы «Мы за ценой не постоим» сказал, что ведь это в фильме поют солдаты о себе, и потому имеют на это право. Тут он прав.

Еще: под Москвой немцев встретила другая армия, а та, которая встретила удар, была разгромлена.

Я сказал, что не только Жуков, но все маршалы пишут о Сталине с уважением. «Они стали маршалами благодаря репрессиям 37-38-го года. В эти годы и был проигран сорок первый». (Они стали маршалами благодаря победам под их командованием.)

— Ты знаешь, что вначале были другие командующие: Тимошенко, Буденный и Ворошилов? («Ты знаешь»! Он даже не понимает меру своего невежества. Не понял и меры моей осведомленности.)

— 70 процентов русских писателей — не русские. (Спутал с Московским отделением. Я поддакивал, что да, есть среди русских писателей — от Кантемира до Куприна, даже до Шолохова, у которого мать — украинка — много совсем по рождению не русских или отчасти, а он сразу — 70 процентов! Дай хищнику палец, он всю руку оторвет.)

5. VII, Коктебель

Шолохов и Ульянов получили Ленинскую премию дважды.

Таня спит на веранде, а мы с Катей — в комнате. Катя говорит, что я так храплю, что это можно использовать в фильмах ужасов.

7. VII, 12.00

Закончил статью «Дети солнца». После «Смерти поэта» Лермонтова ничего более смелого и отчаянного, даже моментального в нашей литературе не было. А?

* * *

Мне могут сказать о Роберте Рождественском: «Но ведь его подпись стоит под позорно знаменитым письмом «Раздавите гадину!», с которым 5 октября 93-го года после расстрела Дома Советов наша либеральная интеллигенция обратилась к Ельцину: «Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу… Они будут всех нас вешать…»

Да, подпись стоит. Но тут я должен рассказать одну поучительную историю.

6 июня 2008 года я напечатал в «Литературной России», в которой очень неласково вел речь о тогдашних стихах Константина Ваншенкина и Андрея Дементьева, напечатанных главным образом в «Литгазете». Через несколько дней Дементьев позвонил мне и сказал, что в целом согласен с моей критикой — редчайший, в моей жизни только третий случай в нашей литературной жизни! — но вот, мол, я негодую по поводу его подписи под письмом 5 октября 93-го года, а я, говорит, его не подписывал. Как так? И он рассказал, что в те дни был в Пятигорске, но покойный поэт Владимир Савельев, подпись которого там есть, позвонил жене и спросил, можно ли поставить имя Андрея. Верная супруга, хорошо зная умонастроение мужа, сказала, что да, конечно, о чем тут говорить! И подпись появилась. Есть веские основания думать, что так же возникли там подписи и Роберта Рождественского, и Михаила Дудина. Все трое были очень популярны, Дудин еще и Герой Социалистического Труда — то и другое весьма полезно для такого письма. В самом деле, как можно сопоставить никому неведомого Балаяна и всем известного Дементьева, почти безвестного Нуйкина и популярнейшего Рождественского, литературную перепелку Чудакову и Героя-фронтовика Дудина!

Рождественский и Дудин в ту пору уже тяжело болели, и по одному этому могли быть непричастны к письму. До того ли им было… Первый умер через десять месяцев после письма, второй не прожил и трех месяцев. А главное, супруги всех троих — духовные сестры жены Роберта, которая, повторю, сейчас говорит о себе: «Я всегда была крупной антисоветчицей».

Разговор о гнусном письме 5 октября возникал в нашей печати неоднократно, и те, чья подпись оказалась там невольно, случайно, могли заявить об этом публично. Рождественский и Дудин не могли сделать это из-за болезни и скорой смерти. Но никто не раскаялся и из тех, у кого было достаточно времени. А сейчас, насколько мне известно, из 42 подписантов в живых остались только Зорий Балаян, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Андрей Дементьев, Сергей Каледин, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Андрей Нуйкин,

Александр Рекемчук, Андрей Чернов и Мариэтта Чудакова — всего 12 человек И все до сих пор молчат…

А Дементьев, в разговоре со мной свалив вину на супругу и вроде бы оправдавшись, однако же потом вновь заявил «Письмо я не подписывал. Меня вообще не было в Москве» (выделено им. — *В.Б.)*. Мало того, попытался и оправдать это письмишко: «оно было подписано академиком ДС.Лихачевым, Белой Ахмадулиной, Виктором Астафьевым, Василием Быковым, Булатом Окуджавой, Робертом Рождественским, Владимиром Войновичем, Юрием Левитанским и другими… Оно было продиктовано тревогой за зарождающуюся в стране демократию» («Тверская газета».12.2.12).

Нет, не за демократию, а за собственную шкуру «Они нас всех перевешают!..» за то, что мы все — ясно понимали! — уже несколько лет помогаем установлению в стране под видом демократии бандитского режима ограбления и истребления народа. Нет, Михаил Дудин и Роберт Рождественский не могли быть с вами.

Вдова Роберта вот уже не раз устраивала в Переделкино грандиозные вечера, посвященные его памяти. Их показывают по телевидению. Прекрасно.

Но в этих вечерах большой советский поэт предстает как чистый лирик, певец любви и верности. Все советское в нем, все, что делало невозможным его подпись под таким письмом рядом с подписями Бакланова и Дементьева, Разгона и Чудаковой, Нуйкина и Окуджавы, — все это изгнано и даже не упоминается.

Роберт однажды подошел ко мне в рисованном кафе ЦДЛ и спросил, не нужна ли мне какая помощь. Я сказал, что не нужна. А вот теперь сказал бы: уйми свою жену, чтобы не искажала твой облик, не глумилась над твоей памятью.

8. VII

Ходили сегодня в поселок Орджоникидзе. Это, видимо, километров 10. Я с вечера не хотел идти, а после завтрака соблазнился. Было человек десять: мы трое, Чулпан с Таней, Маша с Севой, Машина подруга Люся из Ленинграда и какая-то немолодая дама Ольга Николаевна, которой я очень благодарен.

Так вот, идти не хотел, а оказывается, надо было. Моим обеим курочкам на самом крутом подъеме едва не сделалось плохо, по очереди они садились на землю и отдыхали. Ладно, Таня, но Катя-то! Вот так Афина-Паллада! Обратно шли другой дорогой, преодолели только один-два подъема и не таких крутых.

А во-вторых, вернулся с прогулки со стихотворением. Над яркой зеленью и цветением летало много бабочек, и эта

незнакомая Ольга Николаевна стала говорить о бабочках, которые живут только один день. Я знал о них и даже вспомнил рассказ, кажется, Шагинян, как она в детстве прочитала о такой бабочке, для которой вся жизнь — один день. Но тут меня вдруг словно толкнуло: стихи! И с 10 до 11.15 я сочинил:

Есть бабочки, которые живут
Всего лишь день — с восхода до заката.
Но, засыпая, участь не клянут:
Их жизнь была прекрасна и богата.
Я рядом с вами прожил двадцать дней,
И восемь — издали я любовался вами.
Чем стали эти дни в судьбе моей,
Я не пытаюсь выразить словами.
И в день, когда черед наступит мой,
Не будет мне ни горестно, ни больно.
Что ж, было все. Я знал полет и зной
И выпил свой нектар. С меня довольно
И никакого конкретного адреса.

9. VII

Каков же творческий итог 48-дневного пребывания в Коктебеле?

1. Написано 20 лирических стихотворений.
2. Написано 55 стр. статьи «Дети солнца».
3. Выпито:

1 бутылка водки «Московская»;
1 бут. коньяка;
2 бут. водки «Посольская»; 1 бут. шампанского;
1 бут. сухого «Ркацители»;
1 бут. сухого «Солнечная гроздь»;
1 бут. Bison Vodka (зубровка);
1 бут. Новосветского шампанского (без моего участия у Малышевых в день приезда Тани и Кати).

Итого: 9 бутылок И это только у меня. Надо еще прибавить бутылки 4, выпитых у Миши Селезнева.

Так мы встретили постановление о борьбе с алкоголизмом и пьянством.

Что было еще? Прогулка на могилу Волошина с Валей и Павликом. Поход, вернее, из Старого Крыма. Поход в Орджоникидзе и обратно.

Что ж, все это неплохо. Да еще более 40 игр в теннис. Да более 60 купаний, причем порой, как сегодня, при температуре воды 8-9-12-13 градусов. И загорел как черт.

12. VII, Москва

10-го благополучно вернулись в Москву. Благополучно, если не считать, что поезд опоздал почти на 2 часа.

Вчера и позавчера уже два раза сбегал в Книжную лавку, оставил 40 рэ.

Сегодня мне приснилось, что одна очаровательная женщина призналась мне в любви. Она сделала это неожиданно и смело. Во сне я был тронут и взволнован. «Сладко ли видеть неземные сны?» — спрашивал Блок. Сладко.

14. VII

В 3 часа вытащил я пузатого Гончаренко погулять в парк Почти сразу, как вошли туда, к нам подбежала огненно-рыжая белочка с явной просьбой что-нибудь дать ей. Ах, ничего нет! — ужаснулся было я. Но пошарил в карманах и нашел ириску. Она взяла с руки ириску и радостная убежала. Какой милый зверек! Потом еще встретилась одна, но, увы, дать ей было уже нечего.

В пятом часу начался сильный дождь. И хотя у меня был зонтик, ноги у нас здорово промокли.

18. VII

Каждый день часочка на полтора хожу в парк Один раз был с Гончаренко (попали под дождь), два раза — с Гришечкой, сегодня — один.

Вот что сегодня в парке пришло на ум. Обилие жестокости в нынешних западных фильмах (да теперь уже и в наших, вроде «Восхождения» Ларисы Шепитько) есть знак недостаточной эстетической образованности (чутья) или бездарности. Подлинный художник делает жестокость эстетической категорией, только в этом качестве она ему и нужна. А у таких, как Шепитько, она есть и остается биологическим кошмаром, все затмевающим, подавляющим и оглушающим зрителя.

Таня сказала, что в таком духе Рихтер говорил о фильме Тарковского «Андрей Рублев».

25 июля

Кате звонили: Кира, Таня Кузн., Арина Калач. и НМЧ (неопознанный молодой человек).

26 июля

Гончаренко взял дневник Достоевского.

28 июля

Катя ушла из дома.

3 августа Катя вернулась.

11. VIII, воскресенье

28-го июля в воскресенье у меня с Катей был какой-то возбужденный разговор в присутствии ее подруги Тани Кузнецовой. И, между прочим, она решительно заявила, что завтра поедет на дачу к Ане. «К какой Ане?» — спросил я. «Ты не знаешь». — «Ну если не знаю, то ты не поедешь. Я не могу разрешить тебе ехать неизвестно куда и неизвестно к кому». В ответ она — в слезы и за порог. Время позднее, а ее все нет. Ясно было, что пошла к Кузнецовым, но Таня все-таки позвонила им, хотя я просил не звонить. Потом я позвонил и потребовал через Таню Кузнецову, чтобы Катя немедленно вернулась. Минут через 40 звоню опять — они вешают трубку. Так и не пришла. И на другой день, и на третий. Вернулась только в субботу! Одну ночь ночевала у Кузнецовых, одну — у Сони Ковалевой на даче, одну — у Калачкиных, две — у Тани Шавровой. Ну и характерец! Мы, конечно, все издергались, перемучились, плохо спали.

13 авг.

Послал в Минск Евменову послесловие.

16. VIII

С великой радостью прочитал сейчас в «Известиях» за 15 августа статью профессора Иркутского университета Над. Степ. Тендитник «Много шума — из-за чего?» и статью от редакции З. Александровой. Первокурсники-филологи написали куда-то в Москву письмо против проекта переброски вод сибирских рек на юг. В университете среди начальства поднялась паника: ЧП! Студенты начали думать! Собрали комитет комсомола, партком университета, стали требовать, чтобы сняли свои подписи. Но узнали студенты других факультетов — и вместо 60 подписей их стало 250! Ах, молодцы! Завтра пошлю этой Тендитник свою книгу с благодарственной надписью.

17. VIII

Позавчера Катя пришла в половине первого. Мы волнуемся, названиваем ее подругам, а она является с вопросом на непорочных устах «А который час?» Конечно, все так и должно быть, но смириться с этим ох как трудно!

27 авг.

Маляр Слава Фадеев завез инструмент и материал.

Е. К. ЛИГАЧЁВУ, секретарю ЦК КПСС
«18 августа 1985

Уважаемый товарищ Лигачев!

Сегодня в «Правде» напечатан дельный фельетон Леонида Лиходеева «Воробьиное слово». Автор едко высмеивает распространившуюся манеру «пудрить мозги» людям с помощью «деликатных слов», маскирующих подлинную суть явлений и смысл вещей. В этом сильно погрешны и самые высокие партийные инстанции, они даже показывают пример.

Когда-то о лицах, которые за преступления или ошибки снимались с работы, так и писали: снят, уволен, исключен. А теперь даже о тех, кого отдают под суд, пишут с непостижимой деликатностью: «освобожден от должности». Ос-во-бо-жден! Этим хлюстам свободу, видите ли, их избавили от тяжкого бремени.

Вот, допустим, 14 июля «Правда» дает отчет с пленума Чимкентского обкома партии: «Речь шла и о личности первого секретаря. За семь лет на этом посту т. Аскаров допускал ошибки, которые с годами разрастались.

Исходя из этого, пленум освободил (!) его от обязанностей за серьезные недостатки в работе. А из приведенных фактов ясно, что это не ошибки, а циничное злоупотребление служебным положением, должностные преступления, за которые судить надо.

Если мы не вернемся к революционной прямоте, то скоро о людях, подобных Аскарову, будем говорить: «освобожден от пребывания в рядах партии».

Скажу Вам еще о том, что я дважды писал М. С. Горбачеву о том, что ни в одной партии, ни в одном парламенте мира нет такого обыкновения, чтобы при появлении в президиуме руководителей весь зал — а это порой не одна тысяча человек и среди них много женщин — вскакивал со своих мест, как школьники при появлении учителя. На свете существовала только одна партия, где это было железным законом. Но, слава богу, в 45-м году мы с ней покончили. Разве недостаточно одних приветственных аплодисментов? Да и аплодисменты-то больше к лицу Аркадию Райкину и Алле Пугачевой.

Все это печально, Егор Кузьмич.

Желаю успехов в искоренении этих ненормальных вещей».

* * *

Верная своему принципу брать из прошлого только худшее,

нынешняя власть даже о создателе полного бардака в самом важном министерстве страны Сердюкове заявила устами и Путина, и Часовых дел мастера: к нему у следствия никаких претензий… Да его, мерзавца, судить надо! Как и тех, кто его укрывает.

А если раньше зал вскакивал при появлении в президиуме всего руководства, то теперь все правительство вскакивает при появлении из двери одного Часовых дел мастера. Ничему не научились и ничего не забыли, даже преумножили.

* * *

28 авг.
1-й день ремонта в квартире.

29 авг.
2-й день ремонта

31 авг.
3-й день ремонта. Оклеил мою комнату. О!..

2 сент.
4-й день ремонта. Слава окрасил в моей комнате окно.

4 сентября 85 г.
Вчера в Зале Чайковского начался новый матч Карпов — Каспаров. Партия была отложена на 41-м ходу. Сегодня Каспаров сдал ее без доигрывания. Но какое негодяйство! Ведь первый матч был не прерван вопреки желанию чемпиона мира, а просто ликвидирован при подавляющем сухом счете 5:0 в пользу Карпова. И вот эти пять побед брошены коту под хвост. И Карпов согласился! О Русь моя!..

9 сентября
Слава кончил ремонт. Просил 15 р., я дал 25, лишь бы ушел и чтобы больше его не видеть.

11. IX, среда
С Катей что-то происходит странное. Вчера на кухне делала уроки, вдруг встала и ушла в ванную, там расплакалась, да как — навзрыд, слезы ручьем. Мы с Таней бросились к ней,

успокаиваем, расспрашиваем, что случилось. Она сквозь слезы выдавила только одно слово: «Скучно!» О, это очень

страшно. Может, так трансформировалась вчерашняя пропажа у нее в школе белых сапожек с вешалки, которые она так любила? Может, поссорилась? Влюбилась?.. Но успокоилась довольно скоро и продолжала до 12 часов делать уроки.

12 сент.

Международники на ТВ: Цветов, Шолквер, Зорин, Боровик, Зубков, Потапов. Кудрин, Мнацаканов, Сейфуль-Мулюков, Фесуненко… Ну, хорошо…

20 сент.

В 12.30 ночи звонок из травматического отделения б-цы № 13 Пролетарского р-на. Несчастье с Катей.

16. X, Коктебель

Сегодня уезжаю из Коктебеля. Прожил здесь с 22 сентября. Много работал над «Детьми солнца». Давал читать. Когда уезжал из Москвы, Катя была в больнице. Этим и объясняется, что за целый месяц не сделал в дневнике ни одной записи.

Звал к себе Алексей. Но не могу — очень соскучился о Тане, о Кате, о доме. Кажется, уже никогда от них никуда не уеду. В последние дни здесь побаливал затылок Давление? Купался здесь лишь 10 дней, вода была 8—14 градусов. Почти совсем не пил. Только в первые два дня грамм по 100 коньяка, потом калмык один приглашал мать помянуть — грамм 100–120. Да еще раза три-четыре выпивал по рюмочке коньяка. Везу домой едва початую бутылку коньяка. До чего дожил!

22 окт.

Таня Кузн. взяла «Белый пароход».

М. С. ГОРБАЧЁВУ, Н. И. РЫЖКОВУ. ЦК КПСС

«25 октября 1985 г.

Уважаемые товарищи!

Вы настойчиво призываете народ к свежести взгляда на вещи, к новизне подхода к проблемам жизни, к слитности слова и дела. Очень хорошо!

Но вот вам через несколько дней предстоит подписать важный документ, который явится воплощением совершенно противоположного — косности взгляда, рутинности подхода, полного разрыва слова и дела. Это — постановление ЦК КПСС и Совета министров о присуждении Государственных премий.

После того, как в 1978 г. председателем Комитета по премиям назначили Г. М. Маркова, из процесса присуждения

премий исчезли последние остатки демократичности. Теперь премии не присуждаются в результате обсуждения, а просто раздаются. В этом году, как и прежде, никакого обсуждения в печати не было. Дело доходит до полной бессмыслицы. Вот выдвинуты три поэта — М. Львов, КВаншенкин и А Дементьев. И «Правда» с равным рвением нахваливает всех трех, не смея сделать ни одного критического замечания. Разве это обсуждение? Хоть бы напомнила, что последний не так давно получил премию Комсомола — может, пока хватит?

Вам, новым руководителям, какая нужда начинать свое участие в деле премий с одобрения замшелого порядка? Ведь люди связывают с вашим приходом свои последние надежды. А если все остается по старому даже в такой области, как литература, то какие же надежды на перемены к лучшему!

В свое время горячо и убедительно говорил об этом Михаил Шолохов, но даже его голосу не вняли! За 30 лет с тех пор дело стало еще уродливей.

Неужели так все и останется?»

27. X, воскресенье

Я не сдержался, сейчас впервые в жизни выматерил Катьку и хотел ударить, но не удалось. Ведь это же черт знает что такое с ней творится! Как с цепи сорвалась. Ушла сегодня в 3 часа, без четверти семь позвонила, я разрешил ей еще погулять 45 минут, а она заявилась уже в 11-м. Я и не сдержался. А ведь ей же уроки делать. Но ни ругань, ни уговоры, ни внушения — ничто на нее не действует. Дня три тому назад поехала со своей новой подружкой Аней Богомоловой какие-то часы отдавать в ремонт, потом зашли к какой-то подружке и на все это ухлопали тоже часов шесть. А мы волнуемся.

Особенно после того, что было в ночь на 20 сентября. Я все не мог решиться это записать, но надо же, наконец. В тот день часов в шесть она поехала с другими девочками из класса навестить больную учительницу. Она мне об этом сказала. Можно было ожидать, что часов в 9 вернется. Но вот 10, 11, 12, а ее все нет. Злясь на нее («Вот шлендра!»), мы легли спать. Вдруг телефонный звонок Это было в половине первого. Таня вскакивает, хватает трубку, и я слышу ее плач и слова: «Травматологическое отделение?..» О Господи! Я вскакиваю и начинаю быстро одеваться. Знаю: куда-то надо бежать. Соображаю: что надо? Взять деньги.

Постепенно кое-что проясняется. Звонит врач из травматологического отделения 53-й больницы. Там оказались Катя и Аня. Их избили хулиганы. Все было ужасно, но нас

немного, нет, очень успокоили слова врача: «Если было бы не поздно, мы их отпустили бы домой». Конечно, это сняло главный груз тревоги и страха.

29. X.

Врач сказал, чтобы мы приезжали за ними в 10 утра. Когда Таня повесила трубку, вдруг опять подступили страх и сомнение: а почему надо приезжать в 10, если он сказал, что могли бы и сейчас отпустить, если бы не поздно?

Я попытался разыскать телефон этой Ани, чтобы сообщить ее родителям, но безуспешно. Как уж мы там спали оставшуюся часть ночи, я не знаю.

Утром поехали. Это где-то у метро «Автозаводская», а потом на трамвае. Нашли больницу, нашли палату. Катя как раз вышла из палаты, и мы ее увидели в коридоре. У нее были ссадины на губе, с левой стороны, и слабый синяк на лице. У Ани было хуже. Под правым глазом у нее темнела большая ссадина. Оказалось, у обеих сотрясение мозга, и пробудут в больнице несколько дней, чтобы их исследовали, сделали уколы, что-то еще. В коридоре мы с Таней расплакались. Потом я все-таки наговорил обеим девчонкам неприятных вещей.

Что же произошло? После посещения учительницы, когда другие девочки еще оставались у нее, Катя где-то встретилась с Аней, и они пошли в кинотеатр «Ангара» смотреть фильм «Милый друг». Сеанс кончился в начале одиннадцатого. Вместо того чтобы спешить домой, Аня села на какие-то ступеньки покурить, а Катя — рядом. Шла мимо какая-то компания. Парни из нее подошли к девочкам и опрокинули их. В этот момент они, мерзавцы, видно, и ударили их затылками до сотрясения мозга.

14. XI

Сегодня мелькнул в какой-то газете заголовок «После нас хоть потоп!». После?.. Да это сейчас звучит как подлинный гуманизм! Ведь нынче живут по другому девизу «Потоп? Хоть при нас!»

9-го Карпов проиграл. Я встретил это, к удивлению и Тани, и своему, очень спокойно, но потом стало очень тяжело. Написал ему письмо ободряющего характера, говорил по телефону с его матерью. Старушка (ей 65 лет) убита. Я успокаивал ее как мог. А у самого сейчас на душе муторно и тревожно. Может, это реакция на вчерашнюю встречу? Едва ли. Нет, это карповский проигрыш.

15 ноября

Ходил в Союз к Колову. Просил стенограмму вчерашней

партконференции. Обещал в понедельник. Он спросил: «Говорят, вы написали статью «Дети солнца». Правда? О чем она?» — «О том, как прекрасна жизнь». На том и расстались.

20. XI

Ну и дали мы вчера, в День артиллерии, залп по толстобрюхим! Начал В. Лазарев, а я продолжил.

Было отчетно-выборное собрание всей парторганизации, и вот Лазарев начал с памятников да могил (Ф. Кузнецов потом признал с трибуны: «Я сказал Колову как хорошо сегодня выступает Л-в, но тут его понесло»… Им хотелось бы, чтобы мы только о памятниках да могилках), а потом добрался до Маркова. Толстобрюхие хотели внести в резолюцию слова об осуждении Л-а. Но не вышло, провалилось!

А потом я взял слово для справки и привел цифры изданий-переизданий узбекских и таджикских писателей в переводах Маркова и его дочери Ольги. Цифры убийственные, они ошеломили. А как толстобрюхие изворачивались, как пытались процедурными хитростями запутать нас, сбить с толку! Не удалось.

Я чувствую себя сейчас, как Петр после Полтавы.

26 ноября 85 г.

«По Вашему письму в адрес горкома партии, просим позвонить по тел. 222-96-44 Курбатовой Анне Николаевне». Ни обращения, ни даты. Какое бескультурье!

29. XI,2.45

Часа полтора назад отвез в «Знамя» кусок «Детей солнца» — о Маркове. Озаглавил так «Гоша Марков нарядился…» Раздумье о будущем нашей литературы».

Там были две сотрудницы отдела критики, пили чай. Я попросил папочку для рукописи, нет, говорят. «Что ж вы такие бедные?» — «Мы бедные, но гордые». — «Ну, если действительно гордые, то я вам оставлю свою рукопись». И ушел. Они о чем-то еще хотели спросить, но я смылся. Пусть почитают.

Звонил этой Курбатовой. Она, прежде всего, потребовала, чтобы я сказал, из какой я организации.

— Разве ответ будет зависеть от этого? Я же спрашивал, как это полагается по Уставу. Разве это тайна? Секрет?

— Так полагается.

— Тогда я обращусь в «Правду». Считайте, что наш разговор окончен.

— Я сообщу руководству.

Идет время, а они ничуть не изменились с той поры, как я написал им письмо по поводу нелепого лозунга «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!». Тогда они меня довели, и 6 февраля 76-го года я им писал об одном из их конторы:

«Действия т. Герасимова Юрия Александровича в связи с моим письмом в горком вызывают крайнее недоумение и возмущение. Направив мне три подряд не очень вежливых письма даже без подписи и не получив на них немедленного ответа (меня не было в Москве), он начал по телефону, номер которого я ему не давал, назойливо наводить обо мне справки у моих родственников, включая 75-летнюю тещу.

Не успокоившись на этом, т. Герасимов явился в наш дом и пошел в домоуправление, а потом по моим соседям, выспрашивая у них, кто я, чем занимаюсь, где сейчас нахожусь, что там делаю, кто моя жена и т. д. Ему и в голову не пришло, что после такого расследования могут подумать обо мне соседи. Подобные методы, вероятно, практикуются в уголовном сыске, но в партийной работе это черт знает что!

Не обошел ваш сыщик и моего соседа по лестничной клетке напротив. А это известный «борец за права человека» (Л. З. Копелев), друг Солженицына. Хорошенькая картина: работник горкома партии обращается к махровому антисоветчику с расспросами о старом коммунисте! А этот борец любит обращаться с разного рода протестами к высокопоставленным лицам и важным учреждениям Запада от конгресса США до папы римского, а также обожает давать интервью западной прессе. Так что не будет ничего удивительного, коли после розыскного усердия Герасимова появится сообщение о том, что, мол, в СССР попрание гражданских свобод дошло до того, что работники горкома партии собирают сведения о писателях у их соседях для принятия нужных мер.

24 января я вернулся в Москву и не успел еще узнать о сыскных действиях Герасимова. На другой день он звонит и предлагает зайти к нему. Я готов был зайти, но заболела дочка, и мне не до этого. И я сказал, что зайду позже. Но он и слушать ничего не хотел, он требовал, чтобы я зашел в ближайшее время. Я сказал, что в интересующем меня вопросе о построении коммунизма в отдельном городе уже разобрался и разъяснительная беседа мне не требуется. Я нашел ответ у Маркса. Но для него и это не имело никакого значения: он горел желанием просветить меня.

Тогда я сказал ему, что в образцовом коммунистическом городе, прежде всего, должны быть образцовыми работники

горкома партии, и повесил трубку.

На всякий случай высылаю справку о болезни дочери, а то, чего доброго, ваш ретивый просветитель вздумает еще кинуться в школу расспрашивать учителей, гардеробщиц и уборщиц, действительно ли она болела и, конечно, о том, что им известно о ее отце.

Ответа на это письмо мне не требуется»

Только так мне удалось тогда отбиться от горкома. Удастся ли теперь?

30. XI

Коля Прохоров будет долго жить, как Алексей Павлов. Сейчас позвонил ему, а мне говорят: умер 5 сентября. Потом выясняется, что телефон переменили, и это умер какой-то Николай Игнатьевич, 79 лет. Ничего себе путаница!

* * *

Нет, недолго после этого прожил мой друг-одноклассник Коля, вернувшийся с фронта без ноги. А Алеша, слава Богу, жив-здоров, но уже очень плохо видит.

* * *

2. XII.85

Сегодня утром, около десяти, был в Сов. Комитете ветеранов у Героя Советского Союза полковника ИА Кузовкова. Хотел выяснить у него кое-какие вопросы: посылали ли с 58-й статьей на фронт, долго ли шло представление к званию Героя. Тут он мне никакой ясности не внес. Ему Героя дали уже в звании полковника и комдива за форсирование Днепра. Тогда там 2,5 тысячи получили Героя. Но был еще вот какой интересный разговор. Еще летом Вас. Дм. Соколов говорил мне, что Вл. Карпов выкинул хулиганскую штуку в кабинете Кузовкова. Я тогда же, весной или летом, позвонил ему, и он охотно рассказал вот что.

Однажды Кузовков прочитал в «Красной звезде», что Карпов совершил «более двухсот рейдов за линию фронта» (это можно было прочитать, например, в статье А Сгибневой 10 февраля 1979 г.). Ранее что-то в этом духе он читал в «Неделе». Тогда он позвонил в «Красную звезду»: что, мол, головы людям морочите! Там ответили, что примут к сведению, но сами, как видно, сообщили о звонке Карпову или попросили у него объяснение. Через несколько дней поздно вечером Карпов позвонил Ивану Александровичу: «Вы что, хотите меня Золотой Звезды лишить?» — «Нет, но вы и газета говорите неправду. Не мог человек более 200 раз ходить в тыл врага» (он еще не знал, что К-в был на фронте лишь полтора года, а не четыре). Тогда, говорит, он стал угрожать, что призовет меня к ответу в ЦК. «Пожалуйста, я готов хоть сейчас». Ни в какой ЦК В.К, конечно, Кузовкова не потащил, но через несколько дней он явился к нему в городской комитет ветеранов с кучей газетных вырезок и справок. Все они Ив. Ал-ча не убедили. Тогда, говорит, он отошел от стола, вздернул рукава пиджака, принял стойку, как на ринге, и сказал: «Учтите, я боксер. Я умею упреждать удары». Кузовков ответил, что по причине возраста (сейчас ему 83) он боксировать с ним не станет, но свою точку зрения готов отстаивать где угодно. Предложил ему собрать свои бумажки и очистить помещение. Так вот, сегодня он это мне повторил слово в слово.

Спросил я у него, могу ли получить медаль «За оборону Москвы» по имеющейся у меня справке. Он позвонил горвоенкому, и тот сказал, что надо обратиться в райисполком.

Во время нашего разговора заходил генерал-полковник Ник. Павл. Дагаев, тоже, кажется, заместитель председателя (Желтова),

как и И.А.

На память я подарил К-у «Его назовут Генералом», а он мне — значок «25 лет Советскому комитету ветеранов» и открыточку (смешной старик!) — поздравление с 68-й годовщиной Октября.

4. XII

После моего выступления на партсобрании 19 ноября, где я разоблачил хапужничество Маркова и его семейки, знакомые и друзья только и делают, что запугивают меня. Толя Мошковский счел нужным напомнить мне историю его соседа по подъезду Богатырева, года два назад убитого кем-то на площадке у двери. Бурич рассказал, что какой-то еврей, уезжая в Израиль, предлагал Вронскому телефон наемного убийцы, и Бурич присовокупил при этом: «У них миллионы, они могут все и способны на все». А сейчас я говорил по телефону с Загорным, он твердит: «Ты должен быть готов ко всему!» О, русская интеллигенция! До чего же ты измельчала и иструсилась. Хоть бы кто сказал слово ободрения. Впрочем, сказала Майя Бессараб, звонившая сегодня. А пока меня вычеркнули из представленного Загорным списка на получение гостевого билета в Кремлевский Дворец на съезд писателей РСФСР.

5. XII

Проснулся полчетвертого и потом спал плохо, хотя и видел сон: будто сплю в каком-то саду или в лесу на бугре, в яме, и вывалился из ямы, и полез вверх на бугор.

7. XII, суббота

Сейчас ходил к В. Огневу, относил заявление насчет моей пропавшей тысячи рублей. Давно надо было. Он сказал, что деньги нашлись, но заявление я все равно оставил.

А еще Огнев рассказал вот что. На конференции 14 ноября после выступления В. Карпова кто-то подошел к нему и сказал, что не надо было выступать, читать письма и т. д. Он ответил: «Я не стал бы выступать, но Бушин писал (то ли говорил кому-то), что я как был антисоветчик, так и остался им».

Ах, дубина! Я-то знаю, что твоя «66-я статья, пункт 10» — это не антисоветчина, такого пункта вообще нет, как и 9 предыдущих

Звонил сейчас Лазарев. У них (поэтов) было партсобрание, где он выразил возмущение тем, что у нас с трибуны читают личные письма. Это, говорит, встретили аплодисментами.

8. XII

Ходил сегодня первый раз на лыжах. Красота! Но приходится

в парк пролезать через дырку под забором, так как вход крепко заделали. Зачем?

10. XII

Вчера отправил первый вариант своего обработанного выступления в «Комс. пр.». Сегодня в 3 часа отдал «Открытое письмо» в партком — Лене Аршаруни.

11. XII

Сегодня открылся VI съезд писателей РСФСР. Мне не дали билета даже гостевого! Что ж, как поется в одной давней песне:

Если к другому уходит невеста,
То неизвестно, кому повезло.

Те часы, когда они в Кремлевском Дворце наминали зады, слушая великий доклад Михалкова, я провел отменно — в приятной компании за бутылкой «Негру де Пуркарь».

22.15

Только что ушел Толя Мошковский, и при нем звонили Лазарев и Чалмаев. Все с восторгом рассказывают, как сегодня на съезде прогнали с трибуны аплодисментами — единственная доступная у нас форма протеста — Мих. Алексеева, Р. Гамзатова и Егора Исаева. Ничего не поняв в происходящем, эти ораторы по обыкновению пытались декламировать и восхищаться. Ах, как хорошо! Чалмаев говорит, что на съезде были работники поликлиники (Бурштейн), Литфонда (Св. Ник. Алекеева, Марг. Мих., Ел. Мих.).

Когда в Кремлевском Дворце в присутствии членов Политбюро сгоняют с трибуны увенчанных героев, то это что-нибудь да значит.

12. XII

Сегодня отнес на имя Лигачева свое «Открытое письмо товарищам по партячейке». А потом, в четвертом часу, оказался в Колонном зале на съезде. Прошел просто так, безо всякого билета. Повидал многих старых друзей по Литинституту. О моем выступлении на партсобрании 19 ноября знают очень многие. Говорят так:

Ася Пистунова: «Тобой все восхищаются, но принесет ли это…»

Толя Мошковский: «Это сверхгероизм. Ты как Александр Матросов, бросаешься на амбразуру».

Володя Гордейчев: «Это офицерский поступок».

Вчера по пути в Колонный зал придумал:

Когда говорунов отпетых
С трибуны гербовой в Кремле
Сгоняют, догола раздетых, —
Жить веселее на Земле.

В Колонном зале был до пяти вечера, потом, как и вчера, шел пешком до Белорусского.

В суете и толчее все же удалось поговорить или хотя бы перемолвиться словечком в кулуарах с Мишей Лобановым. Несколько раз говорили и в буфете, и в фойе. Много было интересного и согласного, но он пугает меня своей чрезмерной критичностью. Вот и о Твардовском говорил плохо, хотя в том, о чем говорил, был прав. А.Т. писал где-то «дура-смерть» и т. п. «Он никогда не думал о смерти. А как вельможно держался!» И вспоминал, что в свое время он будто бы отрекся от отца.

С Астафьевым — дважды. Один раз я сказал ему, что в восторге от его трех статей в «Правде», «Лит. России» и «Л.г.». Договорились, что я ему напишу. Он был, кажется, с женой, маленькой с не очень, вроде бы, добрым лицом женщиной. Рассказал, что будто Чаковский и Ан. Иванов ходили в отдел пропаганды

ЦК к Яковлеву с возмущением его статьей в «Правде» (как, дескать, так, он пишет, что наши солдаты бежали), но «получили отлуп». Я об этом уже слышал, но в ином варианте: Чак. и Марков. Возмущался «Моей военной порой Маркова». О моем выступлении 19.XI он знает.

С Беловым. Он подошел и спросил, не напечатал ли я свое исследование о «Прощай, немытая…», которое я давал ему когда-то читать в Коктебеле. «Чего, — спрашиваю, — ездить туда перестал?» — «Я подкаблучник», — отвечает. Рассказал ему о своем выступлении 19.XI.

С Граниным, которому я еще летом послал на «Неву» своего «Анти-Б.». Работа, сказал, огульная (с чем я тут же и согласился), но много удивительно меткого, интересного. «Я за публикацию таких работ, так как должны существовать разные мнения. Но она для журнала велика по объему». Я сказал, что, конечно, для публикации мог бы кое-что и поправить, и сократить. Договорились на том, что он вышлет мне рукопись обратно.

С Анатолием Рыбаковым. Он подошел ко мне с Елизаром Мальцевым. Стали расспрашивать меня о выступлениях, а Р., отстранив М., сказал, что хочет со мной поговорить. С обидой напомнил, что я в прошлом году не дал ему почитать своего

«Анти». Да, я тогда сказал ему, что мы, дескать, незнакомы и, пожалуй, не совсем корректно с моей стороны давать незнакомому человеку неопубликованную рукопись отрицательного свойства об известном писателе. Он тогда согласился. Мы, говорю, соприкасались лишь один раз, и заочно: вы были председателем приемной комиссии, и там было отклонено мое заявление о приеме из-за одной «телеги». Да, говорю, я был в Доме кино, куда явился крепко выпившим (должен был встретиться там с Региной и Сашкой Гальпериными), и, стоя в ложе, куда меня затолкала администраторша, вступил в полемику с каким-то писателем, выступавшим с эстрады (был праздник 8 Марта).

— А это, — говорит Рыбаков, — было представлено как антисемитская выходка.

— Возможно, что тот писатель и был евреем, но я этого мог не знать, не ведать. Мне передали, что вы тогда сказали приблизительно так: «Мы Бушина знаем, его принять надо, но вот — «телега», и потому вернем дело в секцию».

— Да, и мне дал хороший отзыв Леонид Зорин (впрочем, это, видно, уже по просьбе секретариата).

Договорились, что после возвращения из Венгрии он мне позвонит, и я дам ему рукопись. Я, говорит, как писатель, верю первому впечатлению о человеке.

15. XII, воскресенье

Катя сегодня проснулась (в 11.30) вопреки своему мрачному обыкновению с улыбкой. Кажется, впервые в жизни! Что бы это значило?

Вчера около девяти вечера собрались было уже с Соловьевым идти ко мне смотреть «Время», как вдруг на перекрестке между Красноармейской и Аэропортовской обнаружилась Лиля Беляева. Она возвращалась от Алексеевых, сказала, что там Давид Кугультинов.

— Я хочу пожать ему руку, — сказал я. И мы все втроем пошли к СП. Алексееву, который живет в первом подъезде 25-го дома, где Гончаренко.

Пришли. Там застолье. Нам рады. Приглашают за стол. Я пожал руку Кугультинову за его поступок на съезде при выдвижении кандидатур делегатов на съезд писателей СССР.

А дело вот в чем. Позавчера последним в прениях выступил поэт Б. Бедюров из Горно-Алтайска. Говорил смело, горячо. Эти, мол, многочисленные полуклассики, как плотина, перегородили свободное течение рек… Вся страна говорит ныне на новом языке, а здесь на съезде говорили языком старым… Везде идет

обновление и омоложение руководства, произойдет оно и в Союзе писателей! И т. п. Конечно, начальству это никак не понравилось. (Между прочим, ни один из героев, кроме, кажется, Михалкова, не пришел на съезд со Звездой. А Марков вначале сидел в первом ряду президиума, а потом перебрался в последний.) Так вот, на партгруппе все согласовали — 251 делегат. А при общем сборе какой-то делегат из Горького вдруг отвел свою кандидатуру и предложил Николая Благова (я его знаю, хороший парень). Вслед за этим Д Кугультинов внес кандидатуру Бедюрова — дескать, до съезда еще полгода, за это время человек 50 будут приняты в Союз, так вот почему бы из этого расчета не избрать еще одного делегата.

Михалков взбеленился. Все же, мол, уже согласовано, вот если бы вы отвели свою кандидатуру и предложили Бедюрова вместо себя…

— Хорошо, — сказал Кугультинов, — я предлагаю его вместо себя.

Уж тут взбеленился цековский Альберт Беляев. Вырвал, как рассказывал мне все это В. Чалмаев, у Михалкова микрофон и стал грубо поучать Давида, что тот ведет себя не как коммунист (он еще учит других коммунизму!). Ну, все замяли и Бедюрова не внесли в список

И вот хотя бы за такую попытку протеста против полной регламентации я и пожал Д. К-у руку.

Но потом… Я впервые сидел с ним рядом и выпивал. И лучше бы этого не было. Он говорил о себе без конца и неутомимо рисовал свой прекрасный образ. Говорит, что 10 лет сидел в лагерях. Когда? И рисовал такие ужасы, что четыре дамы, сидевшие за столом (впрочем, с его женой Аллой — пять), едва не падали в обморок. Вот, мол, вижу как-то: два зэка по очереди отрубили друг другу ноги, чтобы не работать на лесоповале. Сделали они это 21 декабря 1949 года в день 70-летия Сталина и сказали: «Это ему на холодец». Байки для идиотов в солженицынском духе. Ненавистью к Сталину пропитан он насквозь.

— Мне рассказывал Микоян, будто Сталин хотел переименовать Москву в «Сталин». Внесли этот вопрос в повестку дня заседания (то ли Политбюро, то ли Совмина, то ли Президиума ВС). Когда его огласили, все, мол, потупили смущенно глаза, и Сталин сказал: «Ну, перейдем ко второму вопросу». Лютая чушь! Я сказал: «Ну, это Микоян вам врал». Он сразу сник, видимо, понял, что я хотел сказать, что это он сам врет.

А дамочки ахают, возмущаются, чуть не плачут.

В оправдание, почему не ответил на грубость Беляева, рассказал байку о Сократе. Ему, дескать, однажды кто-то залепил пощечину, а он повернулся и пошел. Его ученики возмущены, негодуют, а он ответил им: «Вон стоит осел. Когда я пойду мимо него, он может меня лягнуть. Но разве можно на осла обижаться или подавать в суд?» Хотел я сказать ему, что это хорошее оправдание для трусов, но в присутствии его жены и других дам воздержался. Может, напрасно.

Говорил я о безграмотности Карпова, к которому он, видно, благоволит. Рассказал об обмене письмами с Ваншенкиным.

За столом К. рассказывал, что «свалил секретаря обкома». Сейчас назначили нового. И вот при прощании у метро он уже о нем: «Первые три года он меня будет бояться, а потом начнется борьба». Какой самовлюбленный хвастун! Представляю себе, как он держится у себя в Калмыкии. Его лейб-переводчица Юлия Нейман.

Еще рассказывал, как двадцать лет назад у Дома литераторов на площади, где стоянка такси, избил Михаила Бубеннова за то, что у него в «Орлиной степи» будто бы есть слова «Калмыки — самый мерзкий (подлый, отвратительный) на свете народ». Это он прочитал будто бы в «Огоньке», когда был в заключении.

21. XII

Время от времени мне снится один и тот же сон. Будто я еще студент какого-то технического института, коих было в моей жизни три, и почему-то сильно отстал по математике,

так отстал, что уже ничего не понимаю в каких-то новых формулах, и мне тревожно, даже страшно — как же я буду сдавать экзамены? И я просыпаюсь с облегчением и радуюсь, сознавая, что никакие формулы надо мной не висят. Это приснилось мне и сегодня.

В понедельник ездил в Подольск — в Центральный военный архив. Там развели такую секретность, что я сказал зав. читальным залом: «Легче было Кенигсберг взять, чем ваш архив!» Уехал не солоно хлебавши. Надо оформляться через аж начальника Генштаба!

В четверг, 19-го, ездил в Красновидово. Поставил в кухне плиту, застелил полы бумагой и картоном.

Вчера Тане исполнилось 47 лет. Катя испекла по этому случаю прекрасный рулет. Был праздничный ужин, выпили с Таней по рюмке водки (я — две). А сегодня утрецом…

23 дек.

Отвез на дачу холодильник, кушетку и т. д.

*2. I.*1986

Новый год встречали дома. Без двадцати пяти двенадцать мы с Таней пошли к Полторацким, подарили им большой вантуз (прокачку). Посидели у них за столом минут 15, выпили по бокалу шампанского, а потом поднялись к нам. Минут за десять за столом стали слушать речь Горбачева. На другой день я прочитал ее, там есть прекрасные слова: «Сегодня мы называем вещи своими именами: успехи — успехами, недостатки — недостатками, ошибки — ошибками». Мне вспомнились слова Маркеса: «Нас пленяет эта работа — называть вещи своими именами».

Около часа Катя ушла к Тане Кузнецовой. Там мама ушла в гости, и они собрались впятером — Таня, Катя, Аня Кам., Аня Богомолова и потом пришла Капочка. Там Катя и ночевала.

Полторацкие ушли около двух. По ошибке мы смотрели по телевидению вторую программу и удивлялись: одна классическая музыка!

1-го ездили с Таней гулять в парк, была прекрасная погода, ясно, солнечно, пахло мартом. Жалели, что без лыж.

А сегодня я покатался на лыжах. Перед лыжами в час дня звонил В. М. Андреев, парторг. Сказал, что 1) мое «письмо» «рассматривается в соответствующих инстанциях»; 2) спросил, не «распространяю» ли я «письмо»: «Вы, кажется, это делаете?» — «Нет». И просил «не распространять»: «Если вам что-нибудь не ясно, зайдите в партком». — «Нет, мне все ясно».

20. I

С Катей что-то происходит. Казалось бы, музыка давно начисто забыта, но вот стала время от времени подходить к пианино и играть. Вот и сейчас играет «К Элизе». Прекрасно!

А еще она впала в вегетарианство и вот уже неделю ест все только по выбору — отказалась от колбасы, от икры даже и т. п. К чему бы это? Мы с Таней отговариваем ее, просим бросить блажь, но она упорствует.

24. I

День рождения начался со звонка из ЦК Ответственный инспектор Мих Ив. Елизаветин пригласил на беседу в связи с моим «Письмом товарищам по партячейке», которые я направил на имя Лигачева 12.XII прошлого года. Явился к нему (по пути сделал три ключа от входной двери в проезде от пл Революции к Никольской) в начале одиннадцатого, ушел в двенадцать. Тихий, деликатный человек, 67 лет, был вторым секретарем Омского

(или Томского) обкома. Главная его цель была при беседе охранительная. Стал читать ответы по пунктам на мое «Письмо»

1. В том, что обе дочери Маркова приняты в Союз, он не видит ничего особенного. «Ведь нет второй такой семьи!» — «Ну, а вот теперь есть». — «У него же еще и внучка имеется Может, и ее в Союз?» — «Что ж, если заслуживает — можно и принять».

2. В изданиях Марковым своих книг, в т. ч. собрания сочинений, «никаких нарушений издательских норм нет». — «Возможно, но я говорю об этических нормах коммуниста и руководителя».

3. Я сказал: «Можно себе представить, чтобы в ваш комитет пришли работать жена Соломенцева, его дочь и его племянница?» — «Нет».

4. Будто бы не соответствует действительности моя оценка творчества Ек Марковой. Я ее не давал, я лишь привел другую точку зрения. Это-де статья не о повести Марковой, а о ней там сказано как бы мимоходом. Неправда. Рецензия целиком посвящена повести и называется «Облегченным путем».

Не смущает Маркова и то, что «Юность» (!) обильно печатает его дочь, премирует ее, а гл. ред. А Дементьев еще и нахваливает его жену в «Литгазете».

В. А. КАВЕРИНУ

«4.2.1986 г., Москва

Многоуважаемый Вениамин Александрович! Если помните, год назад мы с Вами обменялись мнением о высокопоставленных сановниках, старухах на завалинке и о литературных премиях. В развитие и дополнение к тому, что я сказал тогда, посылаю Вам в ответ на Вашу просьбу посоветовать, как тут быть, некоторые новые свои размышлизмы. С наилучшими пожеланиями».

* * *

Текст «размышлизмов» не сохранился.

* * *

3 февраля.

На собрании критиков и прозаиков я выступил с разъяснением, что такое наш Первый секретарь Ф. К, человек, как он сам сказал, «с ролевым сознанием». Выступали о «ролевом» и другие в том же примерно духе. Но он, уцепившись зубами за

карниз, все-таки не шлепнулся на асфальт.

Свое выступление послал в «Литературку».

«7 февраля 1986

Дорогой Володя!

Опять валяюсь у докторов. Эта зима особенно трудная: к ранам добавились еще и перепады давления.

Сегодня мне из соседней палаты дали почитать «Московскую правду» с отчетом Московского горкома. Ну и дела!!! Это впервые так! Давно пора сказать все, как есть. Даже выступление Феликса Кузнецова не эпическое словоблудие, как обычно. Впервые тронуты такие имена, как Айтматов, Чаковский, Юлиан Семенов. Уж не говорю об Окуджаве, Поволяеве… А ведь сколько таких «приписок» в литературе»!!!

Черкни хоть пару слов о своем житье-бытье, о московских новостях.

Желаю всего! Привет супруге!

Борис Куняев».

«17 февраля 86

Дорогой Борис!

Я получил твое письмо от 7 февраля, где ты радостно восклицаешь «Это впервые так! Давно пора сказать все, как есть». По страной игре случая нечто похожее говорил мне при встрече в Литфонде твой однофамилец Станислав. Вот, мол, торжествует наконец справедливость. Я, говорит, вспомнил прежде всего о тебе. О твоей статье о романе Окуджавы «Путешествие дилетантов». Вот, мол, она теперь получила поддержку первого секретаря с трибуны партконференции. Я ответил Станиславу то, что сейчас напишу и тебе.

Странно мне видеть людей столь зрелого возраста такими политическими и нравственными простачками. В выступлении Ф. Кузнецова все тщательно взвешено, рассчитано, отмерено. Он не тронул никого, кто хоть на одну ступеньку выше его на литературно-иерархической лестнице: ни Маркова, ни Михалкова, ни Бондарева. С другой стороны, что для него Айтматов, обитающий за горами, за долами? А чем опасен старый, больной Чаковский, вот-вот уходящий в отставку? Совершенно безобиден и Поваляев со всей его поваляевщиной. А Окуджава и Семенов, никаких постов не занимающие?

Но дело не только в этом расчете. Кузнецов лгал, когда говорил, что этих писателей невозможно тронуть. О «Буранном полустанке» Айтматова были критические суждения Н. Потапова, М. Синельникова, Ю. Мельвиль. О исторических фантазиях

Окуджавы писали и я, и молодой критик С. Плеханов. А где же был в это время Кузнецов, если у него, оказывается, имелись серьезнейшие претензии к этим авторам? Почему молчал, когда выдвигали на госпремию «Полустанок»? Что могло помешать ему, первому секретарю МО, секретарю Российского Союза, секретарю СП СССР, депутату Верховного Совета, дважды лауреату, дважды орденоносцу, доктору наук и профессору? Да еще и члену парткома МО, члену горкома. На собрании 3 февраля я задал ему эти вопросы. Ему нечего было ответить. На партконференции он поступил, как Хрущев в докладе на XX съезде: во всем обвинил Сталина, а сам в эти годы будто жил где-то в Центральной Африке.

С трибуны того же собрания я привел прежние высказывания Кузнецова о некоторых авторах и произведениях, которые он сейчас критикует. Например, теперь он называет роман Чаковского «Победа» слабым. А вот что писал раньше: «Все более заметен поворот нашей литературы к проблематике социально-философской. Углубление государственного ее мышления. Речь прежде всего идет о таких заметных явлениях прозы последнего времени, как «Берег» Ю. Бондарева, «Победа» А. Чаковского». Даже о Поваляеве, которого ныне топчет, говорил в возвышенном духе: «Книги В. Поваляева позволяют говорить о новой ступени в развитии нашей социально-экономической публицистики» (МЛ.21.11.80).

И вот тебе еще: «Мы не умеем ни гневаться, ни радоваться в полный голос согласно масштабу того, о чем идет речь». А он умеет, когда нужно — радоваться, когда выгодно — гневаться. «Надо научиться говорить правду в глаза» (МЛ.31.10.80). Он будет нас учить! Но я ему сказал: «Вот я читаю в «Правде» твою хвалебную статью о спектакле Малого театра «Вызов» по пьесе Г. Маркова и Э. Шима и вижу, как безрадостно, как скучно ты

радуешься, как деревянны твои похвалы… Но вот читаю в той же «Правде» статью Лилии Беляевой, слушаю ее выступление по радио и воочию вижу: человек всем сердцем и радуется и гневается. Или вот статья Майи Ганиной в «Литературке» — тоже живое лицо в радости и гневе. Можно назвать и другие имена. Так что не надо свою собственную бледную немочь выдавать за вселенское бедствие. Но именно так всегда поступают те, кому пора уходить.

Как видишь, Борис, Кузнецов — это ловкий литературный оборотень, и выступление его на партконференции — обычное политиканство. Вот что на первый случай я хотел тебе сказать.

Надеюсь, со здоровьем у тебя стало получше.

Обнимаю. *В. Б.».*

Я. К. ГОЛОВАНОВУ
«18 февраля 1986

Уважаемый Ярослав Кириллович!

С большим опозданием и случайно я прочитал на днях в «Комсомолке» за 30.11.85 Вашу статью о фильме «Константин Симонов». Вы сделали, конечно, доброе дело, но одно место в статье меня удивило. Вы пишете о знаменитом стихотворении «Жди меня»: «Давайте задумаемся: в газете оно напечатано в январе 1942 года, значит, написано, скорей всего, в конце 41-го». На самом деле было не так Стихотворение написано не в конце 41-го, а в июле 41-го и не на фронте, а в Москве, точнее, в Переделкино жарким июльским днем.

И, к слову сказать, после войны Симонов не остановился перед тем, чтобы опубликовать письмо одной женщины с горьким упреком ему. Она писала, что это стихотворение твердила всю войну как заклинание, как молитву, но муж не вернулся, погиб. Что ж, спрашивала она поэта, я плохо ждала? Ведь там вот какие слова были:

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Действительно, это прекрасное стихотворение именно как молитва, как заклинание верности, но если тот, за кого молились, погибал, оно неожиданно оборачивалось совсем другой стороной, оно становилось обвинением. И автор имел мужество признать эту страшную сторону своего шедевра.

Всего доброго!»

22 февраля.

Получил письмо от Каверина. Адрес надписывал, видимо, сам — каракули, но машинописный текст письма четок Судя по обратному адресу, он за это время переехал из Лаврушинского переулка, из писательского дома, на какую-то улицу Ульбрехта. Где это, не знаю. Надо думать, квартиру получил не хуже лаврушинской. И вот:

«17.2.86

Уважаемый Владимир Сергеевич!

Я с удовольствием прочитал Ваши размышления о

литературных премиях и в целом не могу с Вами не согласиться. Я тоже думаю, что премии приносят больше вреда, чем пользы, и будь моя воля, учредил бы некоторое количество их, согласуясь с характером жанра того или иного произведения. За выдающийся роман я учредил бы премию Льва Толстого, а за выдающийся стихотворный сборник — премию Пушкина. Но таких произведений в нашей литературе, к сожалению, нет. И Булгаков, как известно, умер, не дождавшись не то что премии, а просто публикации своего прекрасного романа «Мастер и Маргарита» (он умер в марте 1940 года, а первый раз Сталинские премии присудили в 1941 году. — *В.Б.)*.

Вообще говоря, меня мало беспокоят эти премии — со всеми своими премиями Симонов, к сожалению, будет забыт через 3–4 года, а, скажем, Чаковский — на другой день после его кончины. Так что премии и не только мешают справедливой оценке произведений русской литературы, они только вполне естественная декорация к тому глубокому неестественному положению, в котором находится наша литература.

С отдельными Вашими оценками я, однако, не могу согласиться. Думаю, что Залыгин отнюдь не заслуживает звания Героя (Неужели я писал, что заслуживает? После публикации «Архипелага» в «Новом мире» он тотчас заслужил звание американского академика. — *В.Б., 2012)*. А в неровном таланте Шолохова не нахожу ни следа гениальности. Не надейтесь, что я могу дать Вам дельный совет. Литературой управляют лица, награжденные премиями. И они едва ли согласятся на Ваши предложения (об упразднении премий. — *В.Б.)*. Конечно, если бы я был влиятельный писатель, я бы постарался доказать, что в премиях никакой необходимости нет. Но меня нельзя назвать влиятельным писателем. И хотя я тоже получил премию, но очень давно (В 1944 году за «Два капитана». — *В.Б.)* и за роман, который все-таки выдержал около ста изданий.

А пока я бы посоветовал Вам направить Ваши дельные соображения в комиссию по подготовке съезда партии.

С приветом *В. Каверин».*

8. III, суббота

Позавчера вечером, в день закрытия 27 съезда партии, делегатом которого он был, позвонил А Чаковский. Поблагодарил за сочувствие по поводу интервью Ф. Кузнецова «Московской правде» (20.2) и его выступления на городской партконференции, где тот поносил роман Чаковского «Победа». АБ. сказал, что у него связаны руки. Я ответил, что ведь можно и не упоминать «Победу», можно обойтись другими именами, например,

В. Поволяевым. Такой поворот его заинтересовал. Сказал, что завтра уезжает за границу (в Бельгию, как уточнил сегодня по телефону М. Синельников), вернется 16-го. Предложил позвонить его заму Юр. Петр. Изюмову или после 16-го — ему.

Договорились, что я напишу статью о Ф. Кузнецове. Вчера я ее начал писать. Получается памфлетно. Подойдет ли так?

Сегодня были все дома. Праздничный обед: я выпил две рюмки коньяка — одну на помин усопших (сегодня Родительская суббота), вторую — за праздник. Вечером Катя играла на пианино, что случается крайне редко. А ночью ей сделалось страшно, и она пришла спать к Тане, но на тахте в кухне тесно, и они легли в ее комнате на одной кровати.

С. В. ПОТЁМКИНУ
Отдел культуры ЦК КПСС
«5 марта 1986 г.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Ваш сегодняшний звонок был для меня неожиданным, и потому у меня не было под рукой источников, которые могли бы подтвердить мою правоту. Но сейчас я могу восполнить этот пробел.

Я сказал, в частности, что Г. Марков ходит в секретарях сорок лет. Вы воскликнули: «Загнул! Загнул!» Но вот книга его осведомленного биографа И. Мотяшова «Георгий Марков» (1984). В ней читаем: «Новый 1946 год писатель встретит в Иркутске. Вскоре Г. Маркова избрали секретарем отделения СП». И с тех пор он все время возвышался по секретарской линии, дойдя в 1971 году до первого секретаря СП СССР, где пребывает и ныне. Итак, 1946–1986. Это ровнехонько сорок лет.

Далее Вы уверяли, что Марков не имеет премии Комсомола. В той же книге на стр.322 читаем, что Марков огреб Ленинскую, Государственную СССР и РСФСР, им. Комсомола, им. Тычины, а также три иностранные. Всего 8! Особенно примечательна комсомольская. Во-первых, ведь она предназначается для литераторов не старше 35 лет (КП.25.2.86), а ему было уже 70. Во-вторых, эту премию он разделил с Анат. Ивановым. Не побрезговал, болезный, даже половинкой («МЛ».14.11.80).

Тут же критик сообщает, что Марков имеет две Золотых Звезды Героя. Как Шолохов! Чем он хуже? Кроме того, четыре ордена Ленина (больше, чем у маршала Жукова после войны), ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медаль «За победу над Германией», пребывая всю войну на востоке и т. д.

М. Горбачев сказал однажды, что иные награды теряют у нас стимулирующий смысл. И тут он прав.

Если Вас интересует, какие награды имеют жена Маркова и его дочери Ольга и Екатерина, — все четверо члены Союза писателей! — то Вы можете без труда узнать это сами.

С наилучшими весенними пожеланиями!»

10 марта.

Борис Куняев пишет:

«Дорогой Володя!

Спасибо за письмо-размышление о самых острых углах нашей литературы. Разумеется, ты полностью прав! Но все эти мысли гасит бюрократическая костоломка нашего правления. На кой хрен нужны все эти бесчисленные секретари и члены? Ведь куда ни плюнь — начальство. А где начальство, там кончается творчество, остается лишь чинопочитание. Пора разогнать все правления и бюро! У писателя должно быть одно звание — писатель!!!

Сейчас я, как та одинокая телега. Вечер и бесконечная тоска.

Обнимаю. *Борис».*

11. III, вторник

Вчера поехал в «Молодую гвардию» за окончательным расчетом по «Эоловым арфам». Когда был на прошлой неделе, в бухгалтерии мне сказали, вроде, что полагается еще 2800 р. Я такую сумму приблизительно и ждал, даже меньше — вычеты же еще. И вдруг вчера мне говорят вам еще 6200. Я не поверил своим ушам. На 4 тыс. больше, чем ожидал! Вот это сюрприз! Дали на руки три тысячи, остальные перечислят на сберкнижку. Пришел домой и сказал Тане, что нашел на дороге по пути от «Динамо» сумочку с четырьмя тысячами. Не поверила.

Но судьба строго блюдет закон равновесия добра и зла. Вечером, когда ел апельсин, выпали два вставных зуба. Разве это стоит четырех тысяч.

Сегодня ездил на улицу Лестева в челюстной госпиталь к Гале Ревуновой. Поставила те зубики на старое место и говорит, что надо бы по-другому, опасается за надежность.

18. Ill

Как видно, Чаковский сильно заинтересован в статье о Фельке. Вчера утром позвонил его зам Юр. Петр. Изюмов. «Как дела со статьей?» Я сказал, что часа в три привезу. Но приехал в «Л.г.» только около пяти. Изюмова уже не было. Секретарь в вестибюле позвонила секретарю Чаковского, и он тут же меня

принял, хотя сперва его секретарша сказала, что он занят, у него люди. Я впервые в новом здании «Л.г.». Роскошно устроились они в Костянском переулке, что на Сретенке. Какой-то огромный дореволюционный дом этажей в 6–7. И внутри все отделано по последней моде.

Кабинет Чака на втором этаже. Не большой, не такой, что был когда-то на Цветном бульваре во времена Кочетова — Друзина — Смирнова — Косолапова, но уютный и богатый.

Чаковский сильно постарел. Опасается, как бы не обвинили, что он привлек меня для своей защиты. Попросил написать на рукописи «Ю. П. Изюмову. В. Бушин», что я и сделал. Стал жаловаться: «Столько доносчиков развелось!» — «Что делать, АБ., таков мир, в котором мы живем, другого у Бога нет».

Еще жаловался, что утром был секретариат большого Союза, многие выражали ему сочувствие, говорили, какой подлец Кузнецов, но с трибуны никто не сказал об этом ни слова, не защитил его. Лишь, говорит, Колька Грибачев, который-де сегодня может разругаться, а завтра лезет целоваться, только он сказал, что «Победа» хороший роман, но опять-таки безо всякого отношения к Кузнецову, который разнес роман. А!.. Это тебе с твоими званиями-регалиями, постами-должностями, орденами-премиями больно и лихо от одного критического словца, а каково нам, у которых нет никакой защиты, когда нас пинают и топчут, как хотят, хотя бы издатели.

Потом он меня поблагодарил, и я ушел.

Сегодня ездил к Анат. Богдановичу. Бедный парень! Он совсем теперь не может передвигаться. Дал мне книгу М. Меньшикова.

21. III

Позавчера утром уехал на дачу. Ехал поездом до Истры. Там в мебельном магазине купил два стола для кухни и две книжных полки. Обещали привезти в 4, заявились в 6. Пока я относил полки, два здоровенных малых все сгрузили и укатили. Даже не попрощались. Пришлось звать на помощь Ник Андр. Втащили стол рабочий, все остальное — сам. Ехать в город было уже поздно. Остался ночевать. Весь вечер возился

со столом. Первый раз ночевал на даче. Прекрасно! Спал как младенец. На другой день тоже возился с квартирой. В город приехал только в половине восьмого (в пути у «Икаруса» была небольшая авария).

Поламывает затылок Неужели давление?

8. IV

Купили собаку! В прошлое воскресенье мы с Таней были на дне рождения Василия Александровича (76!), а Катя поехала на Птичий рынок и за десятку притащила оттуда маленькую бестию — курбастенького щенка бурой медвежьей масти, будто бы помесь лайки с немецкой овчаркой. Есть белые пегашины — под нижней губой, на пузе, на задних лапах Сучка. Катя зовет ее Тофсла — есть такой персонаж в какой-то давно прочитанной ею шведской книжке. Я зову Тэффи, Таня — Жучка. Конечно, очень забавное существо, но, кажется, и свирепое. Вдруг вырастет с теленка? Сейчас ему всего месяц. Мы с Таней решились на это в расчете, что собака благоприятно повлияет на Катю, свяжет ее заботами и хлопотами, отвлечет от того проклятого мира. Ведь в позапрошлый четверг, 27 марта, опять был фокус без четверти одиннадцать позвонил парень, назвавшийся Мишей, и сказал, что не волнуйтесь, Катя просила передать, что она уехала в Ленинград. И ночь она вместе с АБ., конечно, не ночевала дома, они явились часов в 12 — около часа. «Где ночевала?» — «У Иры с Мишей». — «Тот самый, что звонил?» — «Нет». — «Кто они?» — «Муж и жена, студенты лет двадцати».

Ада, Галя, Сергей — все одобряют наш собачий шаг.

16. IV

Вчера отметили по-домашнему Катино 17-летие. Из подружек была лишь Арина Калачкина. Распили бутылку приятного грузинского вина «Ахмета». В субботу она, должно быть, соберет подружек

Сегодня хоронили Валентина Катаева (умер 12-го на 90-м году жизни). Гроб стоял на сцене Большого зала ЦДЛ, зал был почти полон. Выступали Вит. Озеров, Анд. Дементьев, Ф. Кузнецов и какой-то секретарь ЦК комсомола. Панихида длилась полчаса. Всю жизнь он шагал в ногу, а лет за двадцать до смерти у него проснулась совесть. И завершил свою жизнь он достойно — повестью «Уже написан Вертер». Дай-то Бог такую старость — почти до самой смерти работал!

17. IV

День рождения Сергея. Ему исполнилось бы тридцать лет.

А. Б. ЧАКОВСКОМУ

«17 апреля 1986

Уважаемый Александр Борисович!

Ю. П. Изюмов сообщил мне, что с публикацией моей статьи об известном литературном Бармалее дело обстоит довольно

неясно, однако радостно присовокупил, что с нее сняли копию и направили куда-то «для принятия мер». Куда именно, умолчал. Э-тэ-тэ-тэ-тэ… Куда же все-таки — в ЦК, в КГБ, в Интерпол? И даже не спросив автора! Но ведь возвышенная статья написана вовсе не для «принятия мер» по отношению к коллеге, а в защиту святынь искусства. Есть же некоторая разница между жалобой в редакцию пенсионера на плохую работу жэка (такую жалобу можно и нужно переслать куда следует для принятия мер) и статьей писателя о другом писателе.

К тому же, с одной стороны, ведь Вы не владелец газеты, а только один из ее редакторов, пусть и главный; с другой — Золушка-Бармалей задел не одного Вас, а целую группу писателей и грубо исказил положение дел в целом. Поэтому выступление газеты с отпором лицемерному Бармалею было бы защитой совсем не Вас лично. Да и вообще эпизод о Вас можно и вовсе снять.

С наилучшими пожеланиями *В. Бушит.*

* * *

Статья не была напечатана. А куда ее послали, не знаю.

* * *

НАРОДНОМУ АРТИСТУ М.А УЛЬЯНОВУ
«21 апреля 1986

«Уважаемый Михаил Александрович!

На протяжении долгого времени Вы читаете по радио и по телевидению рассказ Василия Шукшина «Микроскоп». С увлечением Вы прочитали его и со сцены Колонного зала 24 февраля в концерте для делегатов 27-го съезда партии, который транслировался на всю страну.

Как видно, рассказ Вам очень нравится или Вы просто доверились авторитету очень талантливого писателя. Но разве Вы не знаете, что и у самых больших мастеров бывают неудачи? Тут — явная.

В рассказе все построено на диком, точнее, дикарском невежестве героя. Человек зрелых лет, грамотный, он вдруг узнал о микроскопе и загорелся несуразной страстью неизвестно зачем приобрести его. Ради этого пошел на обман жены, утаив от нее заплату — 120 рублей, которые предназначались на покупку

теплой одежды детям. И вот купил и носится с несуразной покупкой, как дурак с писаной торбой.

Лет 50–60 тому назад можно было встретить людей, которым микроскоп представлялся загадкой, чудом и мог вызвать у них восторженное изумление. И это могло дать Михаилу Зощенко повод для горькой усмешки над нашей тогдашней отсталостью или для веселой шутки. Но где сыскать такого темного человека ныне? Автор не показал ни причины столь загадочного невежества своего героя, ни источника его маниакальной страсти. И какой хоть сколько-нибудь значащий смысл можно извлечь из образа такого человека? Все это выглядит фальшью, выдумкой с целью рассмешить — и только.

Герой не только неправдоподобно темен, но и не умен, не только примитивен душой, но и вульгарен, лжив. Он еще и лишен простейшего чувства ответственности перед семьей: лишает свою блажную прихоть за счет благополучия родных детей. Он вызывает решительную неприязнь. А Вы его пропагандируете!

Под стать герою и его жена, особа столь же примитивная, неумная и вульгарная. Вот муж говорит, что потерял зарплату. Поверив ему, она не сочувствует беде, а хватает сковородник и с диким воплем бросается на мужа и бьет его по кумполу. Как видно, и автор, и Вы считаете, что эта сцена отвратительного супружеского суесловия полна сочного юмора и народного колорита. Ведь супруги то и дело частят друг друга на такой манер: сволочь!.. паразит!.. чурка с глазками!.. кикимора болотная!.. дура!..зараза!..гад!.. Да еще и слегка усеченная матерщина. И все это при родных малых детушках.

К слову сказать, Вы читали эту непотребщину со сцены Дома, который когда-то назывался Российским Благородным собранием. Стены этого Дома повидали на своем веку многих. Они помнят Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Островского, Гончарова и Аксакова… 6 июня 1880 года с этой сцены произнес свою великую пушкинскую речь Достоевский. Наконец, эти стены помнят январь 1924 года и март 1953-го…

Невозможно представить, чтобы в пору помянутых великих людей России на эту сцену допустили бы кого-то с рассказом, подобным «Микроскопу». А если кому-то и удалось бы проскочить и выйти к рампе, то при первом же произнесении таких слов, как «зараза» и «сволочь», проныру стащили бы со сцены и через черный ход вышибли бы на Большую Дмитровку да еще, как того Аркашку Счасливцева, гнали бы нагайками до Страстной площади или аж до Тверской заставы, дабы очистить нравственно-эстетическую атмосферу Первопрестольной. Помнить об этом надо всегда.

С наилучшими пожеланиями успехов на сцене, на экране и в эфире, особенно — в выборе репертуара.

Владимир Бушин,
искренний почитатель таланта и Вашего,
и Василия Шукшина».

23. IV, 440 ночи

Вчера ходили с Экономовыми в ресторан «Белград». Мой секретарь выставился. Я хотел дать 20 рэ, но он не взял.

Не спится. Проснулся часа в три, и пришли в голову строки:

Я не буду весной в Коктебеле,
Как бывал много весен подряд.
Или чувства к нему ослабели?
Или море увидеть не рад?..

Неужто и после этого (да еще таблетка димедрола) не усну?

6. V.1986

В 10 часов Галя, Ада, Сергей и я встретились у метро «Щербаковская» и поехали на машине в Глухово, на могилу отца и матери. Доехали благополучно. Сперва было холодно и ветрено, хотя и солнечно, но потом потеплело. Сергей поправил золотой краской надписи на досках. Поставили цветы. Потом отъехали и перекусили. По дороге Ада сказала мне, что 1-го получила телеграмму о смерти в Минске тети Лены. Умерла на Страстной неделе, как святой человек. Она и была истинно святой. Такой доброты я больше нигде не встречал в жизни. А как она бросилась на помощь раненому красноармейцу, когда в нашем Рыльском шел бой! И сама была ранена в руку.

На обратном пути заехали на Пятницкое кладбище — на могилу Сережи. Поставили три горшочка с цветами у всех трех памятников — у Сережиного, у Васильевского и у Кашинского. Потом поехали на Ваганьковское. Я был там впервые. Посмотрели могилы Есенина, Владимира Даля, Высоцкого и много других. Получился сплошной кладбищенский день.

Б. Н. ЕЛЬЦИНУ,
первому секретарю МГК КПСС

«10 июня 1986 г. Уважаемый товарищ Ельцин!

Не были бы Вы так любезны посмотреть прилагаемую статью «Как бедная Золушка стала Бармалеем». О ней весьма положительное мнение у С. В. Михалкова, АБ. Чаковского и некоторых других известных литераторов, но, несмотря на явный

расцвет демократии и грандиозные успехи гласности, напечатать эту статью мне никак не удается. А она, мне думается, могла бы сыграть полезную роль перед съездом писателей СССР. Я был бы Вам весьма признателен, если Вы нашли бы возможным помочь мне напечатать статью в московской печати или еще где-либо.

С наилучшими пожеланиями.

Извините, что не первый экземпляр. Первый не вернули из редакции».

19. VI, Красновидово

Жизнь моя сейчас в бесконечных переездах. В понедельник утром я еду с Фроськой из Красновидова в Москву. Живу там понедельник и вторник В среду утром нашим автобусом один или с Фроськой еду в Красновидово. Здесь нахожусь до четверга (вечера) или пятницы (утра), и опять — в Москву. В субботу все втроем + Фроська едем в Красновидово. В воскресенье вечером Таня и Катя уезжают нашим автобусом домой, а мы с Фроськой ночуем и уезжаем в понедельник утром.

Такой образ жизни растаптывает время, и я ничего не успеваю делать, кроме того, что требуется по дачному хозяйству. С великим удовольствием я хожу сейчас по хозяйственным магазинам и покупаю настоящие мужские вещи: топор, паяльник, лампу, пилу, отвертки, молоток, краску, олифу, растворитель и т. п. Это почти такое же удовольствие, как рыться в книгах. И с наслаждением вожусь на огороде. Таня посадила на двух грядках салат, свеклу, укроп, но все это плохо взошло. А я позже посадил картошку (глазками), и вот уже взошли 33 куста. Вчера посадил еще, опять глазками, больше 70 клубней, так что теперь, если примутся, будет больше сотни кустов. И штук 15 луковиц.

А 1 июня посадил против южных окон дубок Сколько он мне стоил мучений! Корень у него оказался изогнутым и очень длинным, яму пришлось копать глубокую, а ведь там сплошные камни, куски цемента, щебень. День был жаркий, и я работал то лопатой, то ломом, в трудовом остервенении был на грани инфаркта. Но вот мы его с Таней присыпали землей, полили, и он стал вянуть. Листья сразу опустились, а потом и завяли. Как я жалел, как досадовал! 15-го решил выкопать его и посадить на этом месте березку. Подошел, наклонился, смотрю — а на веточках набухли зеленые почки. Жив! Две недели дубок боролся за жизнь и победил. Я верил в это, я говорил Тане, неважно, что листья завяли, что листья — самая нежная часть дерева, а само оно может быть живо. И вот я не ошибся.

Я так обрадовался оживлению дубка, что в этот же день посадил рядом с ним три березки.

«Милый Володя!

Прости, что я напутал с передачей о Есенине. Мне стало совсем плохо. Я почти не двигаюсь. Как ты, старина? Что нового в столице? Сердечно поздравляю тебя и все твое семейство с Октябрем.

Привет Грише Соловьеву.

Желаю всего.

Борис» (Куняев).

«7 декабря 1985

Дорогой Боря!

Позволь выразить надежду, что ты не так плох, как пишешь. Ты любишь порой похныкать, это мне известно. Думаю, мы еще встретимся в Коктебеле. Я был там в этом году и весной, и осенью. Ты же летописец Коктебеля, и тебе надо бы знать, что минувшей зимой в коктебельской бухте жили лебеди. Вернее, большие белые птицы. Но все говорили, что это лебеди. Но я-то знаю, что это не так Это, Боря, погибшие здесь в декабре 41-го года десантники. В образе птиц они прилетели посмотреть на этот край в год сорокалетия Победы. Я написал об этом стихи.

Что еще? У музея поставили бюст Волошина. И много всего другого разного. Расскажу при встрече.

Обнимаю. Будь бодр! С Наступающим!

В.Б.».

* * *

Ответа я уже не получил.

* * *

В. КРУПИНУ

«17 февраля 1986

Дорогой Володя!

Вчера в телевизионной передаче «Писатель и время» вы в беседе с Ф. Кузнецовым процитировали: «Я оглянулся окрест, и душа моя пороками уязвлена стала». Я, разумеется, горячо приветствую всякое обличение пороков, даже если это в беседе с такой личностью, как Ф.К Но у Радищева речь шла не об этом, а

вот о чем: «…и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Страдания и пороки — вещи очень разные.

Возможно, такую обмолвку вы допустили под влиянием того пафоса, с коим ваш собеседник обличает ныне пороки нашей литературной жизни, к которым он будто бы не имеет никакого отношения.

Жму руку
В.Б.».

А. М. БАБКИНУ. ЛЕНИНГРАД
«22 мая 86

Дорогой Александр Михайлович!

Извините за более чем месячную задержку с ответом на Ваше письмо от 18 апреля: на седьмом десятке приобрел дачу, а она требует пропасть хлопот.

Итак, 2-й том Вашего словаря иностранных «крылатых слов» планируется на 1987 год, через шесть лет после первого! В моей жизни было лишь два эпизода, затмевающие этот книга «Эоловы арфы» издавалась в «Современнике» 10 лет, а упомянутая дача в дачном кооперативе строилась 18 лет. Так что нам это знакомо.

1-й том мне в свое время подарила одна дама на день рождения, и это был лучший подарок за многие годы. Если сможете помочь со вторым, буду очень признателен.

Жизнь моя протекает многосложно. Отчасти это из-за любви к писанию сочинений вроде тех, что посылаю Вам на память.

Всего доброго».

28 мая
Приехал с Фроськой на дачу. Нет света.

29 мая
В 12 часов поездом приехала Катя.
Е. Ю. МАЛЬЦЕВУ
«4 июня 86

Дорогой Елизар Юрьевич!

Помня Ваше возмущенное выступление Е. Шевелевой на съезде, посылаю Вам копию письма, которое сегодня, не удержавшись, отправил ей. Будьте здоровы!»

Е. В. ШЕВЕЛЁВОЙ
«4 июня 86, пятница

Уважаемая Екатерина Васильевна!

К сожалению, я не имел возможности с трибуны прошедшего съезда писателей высказать кое-какие замечания о Вашем выступлении, поэтому позвольте сделать это в письме.

Прежде всего, не могу согласиться в оценке некоторых коллег. Так, Вы сказали, что «задвинут в тихую заводь поэт патриотического накала, яркого темперамента Валентин Сорокин». Да, накал есть, темперамент тоже, вот только грамотки маловато, что для писателя, Е.В., имеет некоторое значение. Между тем, никто его в тихую заводь не задвигал. Много лет он был гл. редактором изд-ва «Современник», откуда пришлось ему уйти из-за отвратительной свары, в которой он принимал активнейшее участие. А сейчас В.С. пребывает в недурной должности проректора Литературного ин-та, много пишет. Еще больше издается — какая же Вам «тихая заводь»! Но Вам хочется, чтобы он стал еще и рабочим секретарем СП РСФСР. Но зачем же на одного человека, о котором говорят, что у него нет и среднего образования, взваливать так много? На мой взгляд, для него несколько избыточно и одной должности проректора.

Далее Вы объявили покойного Ю. В. Андропова «истинным поэтом» Вашего поколения и сказали, что он мог бы печататься, иметь несколько книг, обрести «литературную славу», но по скромности ничего этого не получил. В подтверждение Вы прочитали восемь его строк. Конечно, Е.В., весьма отрадно, что председатель КГБ, а затем и генсек писал стихи, но, положа руку на сердце, надо признать, что приведенные строки и др. стихи этого автора, которые мы знаем, конечно же, лучше сорокинских, но — и только. Известно немало политических деятелей, писавших стихи: Маркс, Энгельс, Сталин, Дзержинский, Мао Цзэдун… Но никто из них заметного следа в поэзии не оставил. Не оставит и Ю. В. Андропов. Как, впрочем, и по настоянию Феликса Кузнецова недавно принятый в СП заместитель министра иностранных дел А. Г. Ковалев (р.1923), автор книги «Азбука дипломатии» и даже лауреат Государственной премии СССР (1984).

Право же, Е.В., в том и др. случае Вы проделали именно то, что так возмущает Вас, — «произвольное укрупнение литературных судеб».

Вы сурово критикуете Г. М. Маркова за то, что «в отчетном докладе ни слова о еврейской литературе». Это озадачивает, ибо в докладе не упомянуты десятки национальных литератур. Почему же Вас беспокоит только одна? Это тем более странно, что Ваш муж фельетонист А. А. Лацис, ведь это не еврейская литература, хотя он и Винтер.

Под прикрытием этих создающих впечатление смелости и

критичности заявлений Вам легче было приступить к своему любимому делу — к восхвалению Г. Маркова. Последний раз я созерцал это 19 ноября прошлого года на отчетно-выборном собрании. Тогда Вы превознесли всю семью Марковых — и самого, и супругу, и их много талантливых детушек. С точки зрения антропологии, любопытно было наблюдать, как Вы даже в отсутствие этих персон не решались называть их, как принято на партсобраниях — товарищ Марков, товарищ Кузнецова — а величали только по имени-отчеству. А теперь Вы сказали: «Сам(!) Георг. Мок. Марков человек не равнодушный. Он читает наши рукописи, книги, заботится о справедливости, понимает специфику литературного процесса». Никаких доказательств всего этого у Вас не нашлось. Поэтому позвольте хоть отчасти восполнить пробел.

Особенно много внимания Вы уделили критике Михалкова. Он мне не сват, не брат, мы с ним всего раза два-три разговаривали по телефону. И я приветствую критику. Но дурное впечатление производит то, что самого большого нашего секретаря Вы пламенно превозносите, а секретаря поменьше столь же пламенно хаете за грехи, которыми еще больше грешен первый.

Вы сказали: «Какая это интеллигентность, когда помощник издает хвалебную книгу о своем начальнике, о вас!» Конечно, это достойно осуждения, и никто не собирается это оправдывать. Но почему же Вы восхищаетесь интеллигентностью Маркова, если и его помощник (В. Я. Шорор) издает и неоднократно хвалебное сочинение о нем? Мало того, у Маркова есть придворные редактора и критики вроде Андрея Дементьева, которые издают, награждают премиями пишущих членов его семьи и нахваливают их даже в «Лигазете», где Марков — член редколлегии. А разве Вам неизвестно, что на родине Маркова создан музей, экспонаты которого рассказывают о жизненном и творческом пути его самого и дражайшей супруги. Возможно, и для дочек место зарезервировано. Позвольте напомнить, что первый музей Пушкина был открыт в 1922 году, спустя 85 лет после смерти поэта.

Вы упрекали Михалкова за то, что он получал премии и награды чуть ли не за каждую строчку». Понимаем-с: гипербола. А интеллигентный Марков? У него же одних орденов Ленина больше, чем у маршала Жукова после войны. А премий! Восемь! Даже за премией Комсомола не постеснялся протянуть лапу. Как ни ужасен Михалков для Вас, но он всю войну был военным корреспондентом на фронте и за это получил часть своих наград. А Марков хоть имеет медаль «За победу над Германией», но всю

войну прослужил на Дальнем Востоке и по количеству наград превосходит всех наших писателей.

Как это ему удалось? Да очень просто. Кроме него, никто не называл маршала Брежнева, пятикратного Героя, кавалера ордена «Победа», «великим сыном народа», «творцом народного счастья», никто так упоенно не превозносил его знаменитую трилогию, не говорил, что «по влиянию на умы и сердца читателей он не имеет себе равных», а он — с восторгом! И все это превращалось в золото наград и премий. Разве для Вас, Е.В., все это — новость?

Но почему же все эти интересные вещи я говорю Вам в письме, а не с трибуны съезда? Да потому, что Марков, Верченко и их сателлиты (это словцо прозвучало на съезде) создали в СП такую обстановку, при которой литератор, начавший творческий путь еще на фронте, там же ставший коммунистом, не получает не только делегатского мандата на съезд, но даже и пригласительного билета хотя бы на одно заседание. И у Вас поворачивается язык нахваливать эти гробы повапленные, которые давно пора снести туда, где им полагается быть С Марковым это следовало бы сделать еще по той причине, что ведь он ходит в секретарях вот уже более сорока лет.

Всего наилучшего.

До встречи на Девятом съезде. Если Вы будете избраны делегатом».

7 шюня 86 г.

8 понедельник позвонила Шевелева и сказала, что письмо написано порядочным человеком и т. д. А о Маркове говорила так только потому, что думала, будто он при смерти. Посоветовала послать письмо в ЦК Юрию Воронову. Нетушки…

* * *

Вскоре эта Шевелева оказалась злобной антисоветчицей и прокляла, оклеветала время, когда она благоденствовала за счет такого же угодничества, как Марков. Может быть, это объясняется тем, что она была сексоткой, как о ней говорили, и вот решила сыграть на опережение, хотела заранее обезопасить себя. Как Солженицын признался же, что был в лагере завербован под кличкой «Ветров». Он утаивал это даже от своего друга Льва Копелева, с которым вместе сидел.

23 шюня 86 г.

Сегодня в 17.40 сдал в окошко приемной ЦК (ул. Куйбышева,

23) вот это письмо.

«22 июня 1986 г.

Уважаемый товарищ Горбачев!

Я начал литературную работу еще на фронте, где вступил и в партию. В Союзе писателей состою более двадцати лет. Когда-то довольно активно выступал в печати как критик Но уже давно наступили для меня иные времена. Много лет я предлагаю свои работы в разные редакции, но их нигде не печатают. В большинстве случаев редакторы одобряют мои статьи и хотят их напечатать, но не решаются, боятся: слишком, дескать, остро, чересчур нелицеприятно по отношению к начальству. Так было, например, в «Нашем современнике», в «Октябре», в «Доне». Некоторые редакторы даже выплачивают гонорар за предложенные им, но не напечатанные статьи. Так было, например, в журнале «Москва», в «Литературной газете»… На, мол, тебе, только отвяжись, без тебя спокойнее.

А результат таков: последний раз я выступал в печати как критик семь лет тому назад. Это вся творческая жизнь Добролюбова! А ведь я пишу не о батьке Махно и не о Голде Меир, а, например, об Энгельсе. Кстати, замечу, что моя книга о нем продиралась к читателю 10 лет — две пятилетки.

В качестве примера ко всему сказанному посылаю Вам одну из своих статей, которую вот уже много месяцев не могу напечатать.

О подобных вопросах я уже писал тов. Лигачеву, но — ни ответа, ни привета. И факты убеждают меня в том, что без Вашего содействия никто эту статью не напечатает.

С наилучшими пожеланиями».

* * *

Все письма подобного рода большим начальникам были продиктованы отчаянностью положения, но были фактами великой наивности. Никто мне на них не отвечал. Но ведь и Толстой писал и царю, и Столыпину, и кажется, только один раз получил ответ от «любезного брата» Столыпина, который решительно отверг соображения писателя о том, что земля Божья и не может быть частной собственностью. Ну вот теперь она у нас стала. И что мы видим? Скоро к Истре мы ходить не сможем. Там известный Греф (годовое пропитание — 450 млн. рублей. — «СР», 22.11.12) огородил поле для какой-то застройки, наставил столбы у самого берега для будущей ограды.

* * *

29. VI.1986, воскресенье. Красновидово

Тошно…Вчера часа в три приехали с Михаилом на дачу. Сгоношили обед и выпили грамм 300 водки. Пошли прогуляться в Борки. Это было прекрасно. Какой там по дороге простор, какие виды!.. А потом ужинали и еще грамм 300 выпили.

Спал хорошо и крепко, но сейчас все равно клонит в сон. Михаил утром уехал на своем «жигуле», а мне тошно. Может быть, еще и оттого, что так мерзко закончился съезд. Хотя Маркову набросали 125 черных шаров, а Чаковскому и Иванову около 180, но все прошли, и все осталось по-прежнему. Печатать меня опять никто не хочет. Сбылась голубая мечта Маркова — его сделали председателем. А первым секретарем стал Карпов. Как видно по всему, там ничего не понимают ни в литературных делах, ни в литературе вообще.

А позавчера у Кати был выпускной вечер. Таня пошла в школу к девяти помогать готовить стол. Я приехал с дачи только ради вечера. Надел свой новый серый костюм и в половине двенадцатого тоже явился. На улице и в актовом зале томились ожиданием родители. А выпускники были в это время в Колонном зале, потом — на Красной площади, и вот только в начале первого часа ночи они, наконец, явились в школу. Нарядные, красивые, но, видимо, уже уставшие. Катя была в прекрасном голубом платье и так хороша, что Женя Грамп сказал нам с Таней: «Она у вас стала настоящей красавицей». Торжественная выдача аттестатов, речи, речи, речи. Часа в три родители ушли. На машине Грампов поехали домой. И по дороге Таня предложила зайти к нам и отметить такое важное событие. Все поддержали. Мы выставили бутылку «Киндзмараули», Каминские принесли бутылку «Оджалеши», Грампы — конфеты. Часок посидели. Вино было достойно события.

С. В. МИХАЛКОВУ,
председателю Правления Союза писателей РСФСР
«4 июля 1986 г.

Сергей Владимирович!

Посылаю Вам письмо, отправленное сегодня Е. В. Шевелевой. Прошу напечатать его в «ЛитРоссии». Если Вы этого не сделаете, я отправлю его в Би-би-си, где у меня есть один знакомый дядя Степа.

А как моя статья о Золушке-Бармалее? И почему до сих пор Вы не назначили меня главным редактором «Нашего

современника», как я Вас просил? Викулов устал, ему редакторство осточертело, ведь двадцать лет сидит. Сколько можно! А лучше меня Вы редактора не найдете.

В кадровой политике тоже нужны новые решения, нестандартные подходы. Когда-то они существовали. Вы знаете, например, как стал командующим фронтом Н. Ф. Ватутин? Он был начальником оперативного отдела и замом начальника Генштаба. Однажды на очередном докладе Верховному Главнокомандующему он вдруг сказал «Товарищ Сталин, назначьте меня командовать фронтом». Сталин очень удивился (как Вы моей просьбе), но вскоре (в отличие от Вас) назначил Ватутина командовать Воронежским фронтом. Это было летом 1942 года, почти 45 лет тому назад. А мы до сих пор все назначения производим со строгим соблюдением иерархии, субординации и тому подобных мерзостей бюрократии. Ну, как можно назначить редактором журнала человека, у которого нет Государственной премии! Вот и будете искать такого. До скорого!

В. Бушин».

10. VII, Красновидово

Вчера утром приехал в Красновидово, купался, читал. А вечером взял на поводок Фроську, и пошли по дороге в Борки. Прошлый раз с Фоменко видели там поле подсолнуха вперемежку с горохом. Вот мне и захотелось гороху. Нарвал два кармана. Должно быть, не рвал горох с деревенских времен, лет 45–47. Все не перестаю радоваться здешней красоте. Какие русские края!

Надя из котельного просит отдать ей Фроську. И ведь надо бы, я с ней в городе мучаюсь, но ведь это была бы измена. Как быть?

11 июля

Звонил Михалков. Говорил с Катей. Расспрашивал, сколько ей лет. Настойчиво наказывал передать, что звонил С. М. Михалков. А о деле — ни слова…

17. VII, Красновидово

Вчера приехали сюда с Фроськой. Как обычно, я пустил ее на все четыре стороны. В половине второго покормил, и она опять убежала. С тех пор ее нет. Прошлый раз был случай, что она где-то пропадала ночь, но часов в 9 утра явилась. Но вот прошла и ночь, и день, уже больше суток Ходил в Борисково, спрашивал у тамошних жителей (на ближнем конце она бывала с Пискуновыми, и ее там знают), — никто не видел. Прошел по дороге: не задавили ли? Тоже нет. Видно, кто-то увел. Бедная

Фроська. Она ведь не хотела ехать на этот раз сюда; и у Тани вырвалась, когда она вышла с ней из подъезда, и потом не хотела влезать в автобус, и Таня еще сказала: «Она не хочет ехать на дачу!» Как порой оказываются полны глубокого смысла вроде бы случайно сказанные слова.

18. VII

Фроськи все нет, и теперь уже ясно — украли. Вот стало тихо, никто не мешает, ни о ком не надо заботиться — а как тоскливо и тошно. Меня еще мучает совесть, что я ведь помышлял отдать ее Наде из котельной. Где-то ты сейчас, Фросенька? Хорошо, если в добрых руках…

26. VII, суббота. Красновидово

Приехал сюда в среду. Сегодня утром нашим Икарусом приехала Таня. А Катя осталась в городе — у них там большой балдеж — у всех девочек 25-го кончились вступительные экзамены. У Кати они кончились раньше всех. На собеседовании она получила 2 балла (можно было и ничего не получить, и 1, и 3), математику написала на 3, сочинение вопреки всем ожиданиям — на 5, физику на 4. Словом, все это превзошло все наши надежды. Мы готовы были к тому, что она вообще провалится. И она сама думала, что ничего не сдаст. Тем более что ведь с репетиторами занимаются, как правило, по полгода, а она занималась физикой и математикой не больше трех недель.

Сейчас смотрели по телевидению передачу о кинорежиссере И. Хейфице. Многие фильмы его я люблю, но передача — сплошные похвалы, как на панихиде по усопшему.

Между прочим, подумал: рассказ Чехова «Дама с собачкой» и рассказ Бунина «Солнечный удар» об одном и том же — как банальная связь (в первом случае — курортная, во втором — дорожная) оборачивается большим чувством. Рассказ Чехова прекрасен, но у Бунина все сжато в поэтическую концентрацию, и у него пронзительней.

31. VII, Красновидово

Вчера приехал сюда утром с Катей и ее четырьмя подругами: Таней Шавровой, Таней Кузнецовой, Соней Ковалевой и Кирой Мушкиной. Вчера они весь день купались в Истре и загорали. Катя уже черна как сапог. В 7 вечера Соня и Мушкина уехали. А две Тани остались. Около 10 часов вечера они втроем пошли на берег Истры, развели там костер и пекли картошку. Я их еле дозвался с северной лоджии уже в первом часу ночи. Я спал у себя, Катя в прихожей, а девочки в той комнате. Сегодня в 17.29

все трое уехали. Я остался один. Заходил Коля Евдокимов, которому я вчера дал почитать своего «Маркова». А сегодня он взял «Б».

С 8 июля работаю над статьей, которую назову, видимо, так «Два лица поневоле и двуличие сознательное». Нет, тяжело.

9. VIII, Коктебель

Приехали сюда 5-го втроем плюс Аня Каминская. Стояла дикая жара: 29 градусов в тени. Мы с Таней живем во 2-й комнате 17-го коттеджа, а девочки в 11-й комнате 2-го корпуса, в одноместной мансарде на 3-м этаже. Они довольны. Мы тоже. Первые три ночи терзали комары, но вчера и сегодня спали хорошо — на ночь перехлопали комаров.

10. VIII

Сегодня на пляже Бор. Леонову, а в столовой — М. Годенко предложил почитать мои писания, оба отказались. Годенко сказал: «А ты напечатай, тогда я почитаю». Untertan…

12. VIII

Я все время подшучивал: «А где-то сейчас Бергер?» И что же? Вчера он тут объявился. Спал у нас. А вокруг заболевшей Кати сформировалась компашка — два парня-соседа и вот теперь Бергер. Он произвел на меня хорошее впечатление.

13. VIII

Сейчас в столовой вдруг появился в одних шортах какой-то волосатый старый хрыч с голым пузом и шишкой на плече. Я спросил у официантки Таи, кто это. Она сказала: «Арон Львович». С негодованием прикончив свой завтрак, я подошел к его столу и сказал:

— Уважаемый товарищ, между пляжем и общественной столовой есть некоторая разница, и в нашем возрасте это надо понимать.

Он явно смутился, но пробормотал что-то вроде «не валяйте дурака». Я повернулся и ушел. Это был, оказывается, поэт Арон Вергелис, главный редактор журнала «Советиш Геймланд». Может, и хороший поэт, но брюхо-то спрячь.

14. VIII

Продолжается дикая жара. На веранде в тени 31 градус. Ночью одолевают еще и комары. Костя Бергер две ночи спал у нас, сегодня — на пляже. Пусть уж спит опять у нас. Мне его жалко. Ведь юность — это ужасная пора жизни.

15. VIII

Вчера ходили на могилу Волошина. Сперва ушли Катя, Аня и Костя. Потом пошли Таня, Саша (Анин отец) и я. Скоро мы почти догнали молодежь, и я впервые видел, как моя дочь шла за руку с парнем.

Сегодня Ю. Сбитнев организовал поездку на автобусе до биостанции, а оттуда мы в сопровождении проводника прошли через весь Кара-Даг. Прекрасная прогулка. Уже много лет я ее не совершал. Были: Таня, Катя, Аня, я, М. Кудинов с женой Галей и Сбитнев с Ганиной.

Вчера-позавчера выскочили стихи:
Я был уверен, что влюблен
В сам Коктебель — в его природу,
В его безмерный небосклон,
В его неумолчную воду,
В его рассвет, в его закат,
В его приволье и беспечность,
Да в гомон птиц, да в звон цикад,
Да в гор незыблемую вечность.
Но вот впервой за столько лет
Я вас не встретил в Коктебеле —
И все не то — и звук, и цвет,
И говор волн, и птичьи трели.

О ком это? Если бы я знал…

17.VIII

Вчера я вел литературный вечер. Выступали Иван Савельев, Владимир Забаштанский, Юрий Черниченко, Юрий Кобрин (Вильнюс), Игорь Росоховатский, Анат. Макаров, московский перс Джехангир Дорри, Ал-др Коноплин (Ярославль) и Евг. Дударь (Киев). Получилось довольно разнообразно и не скучно. Во всяком случае, летний зал был почти полон, и никто не уходил. Вот только Черниченко со своим вульгарным фиглярством был мне тошен.

20. VIII, Коктебель

Позавчера, нет, третьего дня Саша возил всех в Чуфут-Кале и в Бахчисарай, вернулись около девяти вечера. А вчера в 10.45 поехали в Старый Крым. Побывали в армянском монастыре. Сколько лет я там уже наблюдаю, как все топчется на месте — все в том же виде его реставрация. Заехали и в дом Грина. Был

обеденный перерыв, но мы прошлись по садику, посмотрели через окна вовнутрь. Потом поехали в ресторан «Горный». Года два назад мы там прекрасно пообедали, пройдя пешком из Старого Крыма. Была там еще Оля, спутница Ан. Ив. Цветаевой, а всего человек 6–7. Вчера нас не хотели обслуживать в шортах, но потом смилостивились. Ну, действительно, разгар сезона, жара, дневное время! Неплохо пообедали. Жара вчера стояла опять ужасающая. Какое блаженство было искупаться после поездки! Как после перехода через Кара-Даг.

Вчера вечером распили бутылку венгерского шампанского на проводах Саши и Рафы, его спутника. Сегодня они уезжают.

30. VIII, Красновидово

Вчера в 10 вечера приехали с Таней в Москву. Последние дни в Коктебеле были не очень-то приятны. 25-го только с третьей попытки (первая — 20-го, вторая — 23-го) выставили из Коктебеля Бергера. Катя и Аня уехали 26-го, но накануне Катя заболела, температура поднялась до 37,8. Мы с Таней проводили их до поезда, посадили в вагон. Приехали в «рафике» обратно, я вышел из машины — и не могу ступить: жуткий приступ радикулита, так еще никогда не было. Таня в панике. Мимо проходила Люда. Она сбегала куда-то и привела двух парней со стулом. Они посадили меня, как китайского богдыхана, на этот стул и понесли. Принесли в медпункт. Там врач Любовь Евгеньевна сделала мне в задницу какой-то укол. Через полчаса мы с Таней кое-как выползли на улицу. Таня сбегала в комнату отдыха и нашла там Николая Данилова, с которым дня за три до этого мы пили коньяк Коля предложил отнести меня в коттедж на горбу, но я отказался. Тогда он сбегал за культурником, машина которого стояла здесь, у административного корпуса. Тот пришел, я кое-как влез на сиденье, и он меня докатил до коттеджа. И весь следующий день я лежал на веранде, любовался голубизной неба и живой игрой листьев, которые как полог спускались с крыши до земли. В день отъезда отпустило. Уж и не знаю, что помогло: два сеанса электромассажа? Какие-то пилюли, что мне давал сосед Очкин? Массаж с вьетнамской «звездой», что делала Таня? Рюмка коньяка, поднесенная Даниловым? Или, наконец, просто время?

В поезде ехали в одном купе с забавным стариком Тоуле-ном Шамшиевым, которому членский билет СП подписывал еще Горький. Я пригласил его переночевать у нас, но он сказал, что устроится в гостинице «Москва». Таня звонила, чтобы нас Саша Каминский встретил. Но они (Саша, Катя и Бергер) опоздали. Мы вышли из вагона — никого нет, и пошли на такси. По своему

ветеранскому удостоверению удалось быстро взять такси, и не было еще одиннадцати, когда мы явились домой.

Утром я решил поехать в Красновидово. Но в 9 автобус не пришел. Нас оказалось четверо: я, Светлана, жена Лакшина, и какой-то Сергей. Мы взяли «левака» и за десятку прикатили на Истринскую поляну.

31. VIII, Красновидово

Сегодня приснилась собака. Будто бы это выросшая Фроська, но я позвал ее, а она не отозвалась и смотрела на меня незнакомо.

А в Коктебеле мне приснился однажды такой страшный сон, что я даже не решился его записать. Между прочим, Толстой прав, что в снах нравственность отсутствует.

11. IX, Красновидово

Приехал сюда вчера утром на автобусе. Ходили по грибы, ничего не нашли, а другие корзинами несут опята.

Вчера в «ЛГ» Б. Окуджава отметил меня иудиным поцелуем.

Позавчера Ада, Вася и я ездили к Гале на обед. Были отличные свиные отбивные. Но — ни рюмки вина. Зато здесь вчера тяпнули коньячку.

Г. Я. БАКЛАНОВУ,
главному редактору ж. «Знамя»
«26 сент. 86

Гриша!

Вчера послал тебе по домашнему адресу письмецо, а сегодня родилась новая идея… Рузвельт говорил о Черчилле: каждый день ему приходит в голову около восьмидесяти, из которых 2–3 заслуживают внимания. Так вот, в этом смысле я вроде сэра Уинстона.

Почему бы тебе не завести в журнале рубрику «Письма, на которые не последовало ответа»? Почему бы не печатать некоторые выступления на наших собраниях? Или вот не так давно я обменялся письмами с Б. И. Бурсовым и В. АКавериным. Письма интереснейшие! Зачем ждать, когда все перемрут? Или — с соответствующими комментариями — мою переписку с Солженицыным.

Посылаю тебе два материала для этих рубрик Подумай. Чего бояться в наши-то годы. Ведь мы помрем, одна сволота останется.

Салют!»

15. X, Красновидово

Невероятная погода! 17 градусов тепла. Сейчас лежал на тахте лицом к окну и любовался синим небом, золотой березой и соснами.

Устал. Ездил автобусом в Манихино за саженцами. Привез 10 корней смородины, 2 черемухи и 2 барбариса. Надо посадить. Обратно от Красновидовского поворота шел пешком. Красота кругом — невыразимая.

…Так и не смог оторваться от окна, пока не потухла золотая береза.

19. X, Красновидово

10-го вечером был в ЦДРИ, в его конюшне, подарил книгу Вале Савицкой.

Стоят по-прежнему невероятные для второй половины октября дни. Теплынь, безветрие, тишина, солнце. Вчера и сегодня посадили с Таней перед домом и сзади 12 кустов смородины, 2 куста черемухи и 2 куста барбариса, а в прошлое воскресенье — 2 куста сирени, 6 кустов шиповника, три березки, одну елочку и т. д. Все это время я выкапываю из земли камни, их собралось уже, видимо, несколько сот килограммов.

Вчера попалась такая здоровенная цементная плита, что я ее вытащить никак не мог. Приезжали Вера Соловьева со своим Ив. Ив-чем. Так вот только вчетвером мы с ней справились.

«Ю. В. БОНДАРЕВУ,
члену Комитета по Ленинским и Государственным премиям
по литературе и искусству при Совете министров СССР

Откликаясь на традиционный призыв Комитета к работникам литературы и искусства помогать ему в работе своими непредвзятыми суждениями о произведениях, выдвигаемых на премии, и в силу достопечальных причин не имея возможности высказать свое мнение печатно, посылаю критическую работу о представленной к премии повести «Полководец» первого заместителя председателя Комитета тов. Карпова В. В.»

(Не отправлено)

А. В. ЧАКОВСКОМУ

«28 октября 1986

Уважаемый Александр Борисович!

Во время наших с Вами бесед у Вас в кабинете минувшим летом, помнится, мы больше всего толковали об исторической правде. Это есть и в Вашей дарственной надписи на экземпляре романа «Победа», который Вы мне подарили. Во имя этой правды

посылаю в «ЛГ» статью «Манипуляции» — о романе В. Карпова «Полководец», в котором правда грубо попирается. В данном случае не буду возражать, как прошлый раз, если редакция, не решившись ей напечатать, перешлет статью в Комитет по премиям. Он же предлагает и даже просит присылать отзывы о произведениях, выдвинутых на премии.

С наилучшими пожеланиями».

* * *

На сей раз «ЛГ» поступила еще круче, чем в прошлый: мою статью не напечатали и не переслали в Комитет по премиям, а прямехонько направили в ухватистые рученьки Карпова! А он включил ее в число вещдоков моей преступной деятельности, приложенных к заявлениям на меня в суд.

С. В. МИХАЛКОВУ

«29 окт. 1986 Сергей Владимирович!

Уж коли Вы столь давний и упорный мой благодетель, то посылаю Вам еще один мой труд в надежде, что Вы не будете спокойно наблюдать, как гибнет яркий талант, а топнете ногой — и статья тотчас появится в «Литературной России». Ведь надо же кому-то постоять за святую правду!

Между прочим, Е. Шевелева мне тогда звонила, сказала, что я во всем прав.

Посоветовала послать то письмо в Отдел культуры ЦК Юрию Воронову, но я не послал. Это же литературное дело. При чем здесь ЦК?

Всего наилучшего!

В. Бушин, продолжающий ждать
посажения в кресло главного редактора
«Нашего современника».

9. XI, Красновидово

Вчера приехали сюда с Белошицкими, потом подгребли Гальперины. Мы их сводили посмотреть окрестности, потом был прекрасный обед с шампанским. Володя и Сашка почти не пили. А Катя уехала вчера с Ариной Калачкиной в Таллин. Там у Арины какие-то родственники или знакомые. Должны приехать в понедельник, 10-го.

Написал статью о мерзких воспоминаниях Ю. Трифонова о Твардовском, что напечатаны в последнем (№ 44) номере «Огонька».

М. Б. КАЗЬМИНУ,
главному редактору ж. «Вопросы литературы»
«12 декабря 1986

Слава!

Мы с тобой договаривались побеседовать, да что толку-то на пустом месте рацеи разводить. Вот посылаю тебе две статьи

«Под белым парусом возвышенного духа» (о последней повести Ч. Айтматова) и «Два лика и двуликость». Читай и решай.

За двадцать лет (или меньше?) своего редакторства ты не напечатал ни одной моей рецензушочки. К вящей радости Ш. Ты и дальше намерен его радовать? Неужто перемены-то у вас будут выражаться только в таких статьях, где от слова «еврей-чата» прямехонько торят дорожку к Освенциму?

Будь здрав!

Жду вестей от тебя лично, не от Ш.

Привет Гарольду» (Регистану, его свояку).

20. XII. Красновидово

Приехал с радикулитом, который проходит. Сегодня весь день провел как-то впустую. Отдыхал. Дышал. Сейчас восьмой час. Таня приехала с Надей Козловой, своей школьной подругой. Сегодня у Тани день рождения — 48 лет! А ведь помню, когда было 20, и какой была тогда — тоже.

Вчера меня чуть не до слез насмешил Коля Плевако. Пришел ко мне из поликлиники, а я занят — перепечатывал Устав нашего … кооператива. Чтобы он мне не мешал, дал ему том Тургенева. Он стал читать рассказ «Жид». И вдруг говорит:

— Какая чепуха! Разве на березах вешают?

— А как же! — удивился я.

— Вешают на осинах.

Я был поражен такой осведомленностью.

— Ты что, — говорю, — в карателях служил? Смеялись оба.

11.1987 г.

Вчера я выхлопотал вне расписания автобус на 19.00, и в восьмом часу мы с Таней приехали на дачу. В автобусе было человек 15. Ёлку, которую я купил (4 р.), и она была брошена на веранду к Озеровым, Таня мне не разрешила внести в квартиру: огромная, неровная, без макушки. Я стал устанавливать ее на лестнице (на площадке). Установил, разукрасил. Около девяти вдруг приходят Асадовы, приглашают к половине одиннадцатого к себе. Что ж, мы явились. С горячими пирогами. За столом была

еще внучка Эдуарда, маленькая Кристина. Было не так уж интересно. Пили коньячный спирт на лимоне. Я выпил рюмок пять. Не много ли, старый хрыч? Во втором часу вышли на улицу. Там горел огромный костер. Много народа. Когда костер несколько приутих, я разбежался и прыгнул через него. Упал спиной в огонь, но быстро вскочил. Ничего не сжег. Лиля, жена Коли Евдокимова, пришла в восторг от такого молодечества 63-летнего резвуна. Обещала назавтра всем рассказать о моем подвиге.

Пошли домой, но у Озеровых в окне горела елка, и мы зашли к ним. Пригласили к столу, выпили еще по 1–2 рюмки. Спать легли в три. Проснулись в 10.30. В первом часу пошли на лыжах. Дошли до пруда в Борках Погода как по заказу.

После обеда я часок поспал. А в восьмом часу пришли Асадовы на ужин. Распили бутылку полусухого шампанского. Осталась бутылка «Ркацители» и коньяк

Год начал, как подобает мужчине во цвете лет.

Завтра должны приехать Белошицкие и Гальперины. Мало нам здешних.

4. I

Три дня прожили на даче с Таней, три раза ходили на лыжах, два раза принимали гостей — Асадовых и Белошицких Вчера вечером Таня уехала, а я поеду сегодня.

Когда были Белошицкие, Милица все возглашала тосты за дружбу, за то, чтобы в этом доме чаще бывали друзья, и тут же заводила речь о том, что я, мол, скоро уезжаю в Ялту, а вы тут не забывайте моего мужа. Он же вас не стеснит? А постельное белье с собой привезет. Все уже обдумала! А ведь когда-то заявила нам в ответ на нашу просьбу заехать за нами, когда мы собирались к Ураловым: «Друзья существуют не для того, чтобы пользоваться их машинами». О, господи! Что с того, что она русская. Она трех персов за пояс заткнет…

1-го числа, когда шли на лыжах в Борки по разъезженной дороге, Таня шлепнулась, стукнулась затылком, аж в глазах потемнело. У меня сердце упало. И тотчас я проклял себя за эту мысль идти в Борки. Ведь она не хотела. Но, слава Богу, все обошлось.

17. I

14-го ходил в СП на обсуждение романа А Бека «Новое назначение». Хотел выступить — о второй волне оглупления Сталина, которая вздымается в этой бесцветной книге, но — как и на обсуждении «Плахи» — не решился. Однако же не сейчас, так

позже, а скажу.

Алексеев жмется, видно, печатать мою статью не будет. На Викулова тоже надежды мало.

А Катя сдала экзамены. Физику на «4», математику — на «3», и все мы, конечно, горевали, а два последних — по устройству автомобиля и трактора и по начерталке — пятерки! Все мы так рады, что слов нет. Какая умница! Ведь начерталка, я помню по Бауманскому, мозговой предмет.

21 янв.

Звонил в «Огонек» Коротичу. Ответил через секретаршу, что читает.

3 февраля

Дал Гончаренко 50 рублей. Вернет ли? Может быть.

8. II.87.

В начале недели умер Миша Вершинин, то бишь Шульман. Комический был человек Еврей-Хлестаков. А жалко…

8 четверг умерла тетя Дина. Это последняя ниточка, связывающая нас с миром Таниного прошлого.

6-го я приехал сюда, на дачу. Первую ночь плохо спал, а сегодня — как убитый. Днем ходил на лыжах. Весь день солнце, тишина, тепло. Блаженство! А сейчас смотрю на сосны, на березу, освещенную солнцем, и не могу насмотреться.

9 февр.

Звонил Леонид Васильевич Ханбеков (неужели русский?) из Комиздата СССР. Обежал повысить тираж моей «Божьей росы» в «Советской России».

Потом позвонил В. В. Несмачный (т. е. Невкусный) из Госкомиздата РСФСР и сказал, что имя его начальника не Иван Петрович, как я написал, а Иван Егорович. Потом стал уличать меня в стилистических погрешностях. Куда деваться от этих несмачных стилистов?

С. С. ГЕЙЧЕНКО
директору Музея-усадьбы А. С. Пушкина,
Герою Социалистического Труда
«11.2.87

Дорогой Семен Степанович!

Вы были, конечно, правы, сказав вчера по телевидению, что слово «смерть» у Пушкина одно из самых употребительных. Да,

оно встречается у него 293 раза, не считая слов производных. Но все же, слово «жизнь» поэт употреблял гораздо чаще — 603 раза! Он говорил о ней даже в самом драматическом контексте:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть…

Можно вспомнить и о других словах. Вот стихотворение «Телега жизни». Там вторая строфа начинается так

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел мать!

Ну, хулиганил по молодости лет! Да разве он один? Однако же такие слова Пушкин даже в молодости употреблял гораздо, гораздо реже, чем Вы, дорогой Семен Степанович в Ваши почтенные лета, как рассказала мне моя жена, которая была недавно в святом Михайловском со съемочной группой «Вузфильма».

Извините.

Всего наилучшего!»

12 февр.

Звонила Тат. Вас, секретарь Коротича. Сказала, что все мои рукописи у Енишерлова. Это не тот ли самый, что за Вл. Карпова написал статью в «Огоньке» о Николае Гумилеве, о котором Карпов едва ли что знает?

* * *

Все это было крайне наивно: я хотел в «Огоньке» напечатать что-то неласковое о Солженицыне и Айтматове.

И. П. ЗОЛОТУССКОМУ

(будущему лауреату премии Солженицына и моему персональному клеветнику на страницах родной «ЛГ»)

«16 февраля

Дорогой Игорь!

С удовольствием прослушал вчера Ваше выступление в телевизионнм «Литературном альманахе», а перед этим прочитал в «ЛГ» Ваше «мнение» о телепередачах недели». Право же, хочется пожать Вам руку и за Пушкина и за Достоевского. И там и тут Вы были убедительны.

Кажется, слава те Господи, разгул «огоньковско»-«знаменской» демократии пошел на убыль.

Кстати, в Вашей одобрительной рецензии для «Сов. России» на мою книгу, видимо, было немало справедливых замечаний и советов, но я получил там еще три или четыре рецензии, и т. к они содержали противоположные оценки и советы, то я счел за благо молча пройти мимо. Всего наилучшего! Привет супруге. Давненько мы с ней не сражались на корте».

17 февр.

Катя решительно заявила, что больше она в МАДИ не пойдет. На той неделе подала заявление об отчислении. А что будет делать? Ведь успешно сдавала экзамены…

В. И. БЕЛОВУ. ВОЛОГДА

«18 февраля 1987

Дорогой Вася!

Знаешь ли ты о таком гадюшнике, как «Московские новости»? А слыхал ли о такой его обитательнице как Татьяна Толстая? На его страницах она рассуждает о разных разностях Ни редакцию, ни ее саму ничуть не смущает, что пока она написала лишь дюжину рассказов, даже книжечки еще нет. А какая спесь! Какой апломб! И вот заявляет, например: «Во всей русской литературе лишь один положительный герой, да и то идиот».

Что, если бы я взял да написал о ней для вашей областной газеты. Напечатают? В Москве-то идти некуда. К Алексееву? Он

только что вернул мне статью, которая ему очень нравится, но печатать боится. К Викулову? Вот он не побоялся напечатать мерзости Астафьева о ваших вологодских женщинах. А больше идти некуда. Такая вот печаль…

Будь здоров. Привет супруге».

19 февр.

Звонил Леон. Вас. Ханбеков из Госкомиздата СССР. Обещал повысить тираж моей книги «Божья роса» в «Сов. России».

* * *

Была уже верстка этой книги. И мне позвонил главный редактор издательства Свининников, сказал, что если ему удастся издать еще одну такую книгу, но он умрет с чувством исполненного на земле долга. Но книга так и не вышла. Ее зарезал ельцинский министр печати Борис Миронов, как только вскоре обрел власть.

20 февр. 1987 г.

С. Д. СЕЛИВАНОВОЙ, «Литературная газета»

«Уважаемая Светлана Даниловна!

С большим удовольствием прочитал в «ЛГ» вашу пушкинскую беседу с П. Палиевским. Особенно приятно было читать строки о незабвенном С. М. Бонди. Я учился у него в

Литинституте, а в последние годы его жизни мы подружились домами. Между прочим, он подарил мне свою книгу о Пушкине с дарственной надписью, сделанной справа налево. Он умел это!

По поводу «разъяснения» Давида Самойлова, что «аракчеевский холоп» у АЧернова — это народ, Вы пишете: «Наука таких вещей не допускала». Вы ошибаетесь. В памятном стишке «Прощай, немытая…» раньше всегда печатали

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ…

А теперь усилиями науки в лице И. Андроникова печатают совсем иначе:

И ты, им преданный народ…

Русский народ, преданный Третьему отделению!

Я написал работу, в которой отвергаю авторство Лермонтова. Могу предложить это «Литгазете». Дело-то уж больно непустячное.

Соблаговолите позвонить или написать.

Всего доброго!»

21. II.87 г.

Позавчера заходила ко мне Инна Симонова, племянница Коли Плевако. Принесла переписку Эйдельмана с Астафьевым. Рассказала, что на вечере в ЦДЛ, где она была, Евтушенко впервые со времени опубликования в «Правде» прочитал свой гнусный стишок «Наследники Сталина». А потом ему подали записку: «Прочтите еще стихотворение «Мой лучший друг живет в Москве». Взвился. Тогда, говорит, все так писали.

В тот же день позвал меня к себе Мошковский, у него был Миша Шевченко. Пили водку и «Алазанскую долину», закусывали невкусной сухой колбасой и таким же сыром. Потом пошли провожать Мишу до троллейбуса. У него язык развязался, и он рассказал кое-что любопытное. Ал. Ив. Овчаренко рассказывал ему в Малеевке, что в своих литературных розысканиях он обнаружил доносы Эренбурга на Мих. Кольцова и Кольцова — на Эренбурга. Поток Эренбурга одолел поток Кольцова.

Еще рассказывал, что когда работал в Союзе секретарем и сидел с Толей Чеховым в одной комнате, то однажды пришел к Чехову какой-то посетитель — знакомый Поскребышева. Толя как-то спросил его о воспоминаниях Эренбурга

«Годы, люди, жизнь». Поскребышев ответил, что ж, много интересного, но его удивляет, почему Эр. пишет, что ни разу не встречался со Сталиным, «когда я лично трижды провожал его в кабинет Ст-а». Все это похоже на вранье, но непонятно, кто соврал. Известно семь писем Эренбурга Сталину, известно, что Сталин звонил в 1940 году Эренбургу, когда тот приехал из оккупированной Франции и работал над «Падением Парижа», но в журнале посещений сталинского кабинета в Кремле следа Эренбурга нет.

22. II

Стоя под холодным душем после гимнастики, подумал сейчас вот о чем. Как известно, Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция произойдет одновременно во всех или нескольких наиболее развитых странах. Ленин же заявил: «А почему вначале не взять власть и потом начать догонять наиболее развитые страны?» Почему… А потому, что для социализма с самого начала требуется определенное развитие — и социальное,

и экономическое, в частности, опыт демократического развития. В России же опыта этого почти не было, после революции сразу началась Гражданская война, когда о всякой демократии смешно говорить, потом разруха, угрозы новых военных вторжений… Вот за это «А почему бы…» мы кое-чем и заплатили…

27 февраля 87 г.

Вася Белов пишет:

«Дорогой Володя!

Да, гласность только для определенных критиков.

Присылай что-нибудь в нашу молодежную газету, там, м.б., напечатают.

Вообще-то на такие мерзости надо давать сдачи. Неужели так обеднела Москва? Все молчат — Ланщиков, Палиевский, Кожинов…

Будь здоров!

Кланяюсь твоему семейству!

Белов.

24.2.87».

Написал письмо В. Каверину:

«12 марта 1987 г. Красновидово Уважаемый Вениамин Александрович! Получив в свое время Ваш ответ на письмо о литературных премиях и будучи во многом согласен с Вами, я, однако, хотел было тогда же возразить на некоторые Ваши литературные оценки и предсказания будущей судьбы некоторых писателей. В частности, — Константина Симонова, о котором Вы писали, что он будет забыт через три-четыре года. Я не могу с Вами согласиться хотя бы уже только потому, что мое фронтовое поколение, если Бог даст, еще лет 15–20 не сойдет со сцены жизни, а оно не забудет Симонова. Думаю, что Вашим пером в данном случае водило пристрастие. Не согласен я с Вами и в оценке Шолохова, в творчестве которого Вы не находите «ни следа гениальности». Похоже, что и здесь Вы дали несколько лишнюю волю своим эмоциям. Точнее сказать, Вам просто чужды, непонятны герои книг Шолохова и совершенно неинтересны их радости, беды, страсти — вся их жизнь.

Да, хотел я тогда на такие оценки и суждения возразить, но, поразмыслив, понял, что переубедить Вас мне все равно не удастся, как и Вам — убедить меня. Помните спор князя Андрея с отцом о Наполеоне? Он был долгим и упорным, а закончился так: «Сын не возражал, но видно было, что, какие бы доводы ему ни

представляли, он также мало способен был переменить свое мнение, как и старый князь». Вот я тогда и последовал примеру князя Андрея: решил не возражать.

Но недавно (25.2.87), прочитав в «Литгазете» публикацию «Накануне столетия поэта», где фигурируете и Вы, захотел все-таки написать Вам и высказать некоторые сомнения и опасения в связи с тем, что происходит сейчас вокруг имени Пастернака. Конечно, это поэт интересный, своеобразный, талантливый. Конечно, в 1958 году с ним обошлись чрезмерно сурово. Но… Евтушенко устно и письменно твердит: велики!.. великий!.. великий!.. Вознесенский наддает жару: великий и гениальный!.. гениальный и великий!.. А Вы возводите уже на высшую ступень: великий, гениальный и народный!.. Не опасаетесь ли Вы, что столь густая концентрация предельных эпитетов может иметь эффект, обратный тому, которого вы добиваетесь и ожидаете? А это было бы прискорбно. Мне кажется, что здесь Вы так же пристрастны, как в суждении о Шолохове и Симонове. Но одно дело высказывать свою пристрастную точку зрения в частном письме, и совсем другое — публично. И одно дело, когда голосят сравнительно молодые стихотворцы, с молодых ногтей известные своей экстравагантностью, и совсем другое дело — когда заодно с ними маститый 85-летний романист, автор знаменитых «Двух капитанов» с их благородным девизом «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Всего доброго!»

* * *

Ответ на это письмо, как и следовало ожидать, я не получил. На этом наша переписка оборвалась. А через два года 2 мая 1989 года Вениамин Александрович скончался.

21. III.87 г.

Прав Борис Куняев: не умру я своей смертью! Ведь подумать только, в одном выступлении на писательском собрании 19 марта вдарил по двум членам ЦК, по двум героям, по двум своим самым высоким начальникам — по Маркову и Карпову! Вадим Соколов тут же предложил создать комиссию, чтобы выяснить, кто же говорит правду и кто врет, я или Карпов. Умник, он не понял, что я не касался его повести «Полководец», а говорил только о том, что пишут о нем газеты и что он сам говорит о себе корреспондентам.

Думаю, что никакой комиссии не будет. Ну, действительно:

кандидат в члены ЦК и первый секретарь Союза против рядового необученного. У Маркова хватило ума в ноябре 85-го года сделать вид, что ничего не случилось. А если создадут комиссию, я скажу: дорогие товарищи, прежде разберите мои заявления, которые я подал в ноябре 85-го в секретариат, в партком и в райком, а потом посмотрим.

В. В. БЫКОВУ,
Герою Социалистического Труда,
лауреату Ленинской премии
«1 апреля 1987

Уважаемый Василий Владимирович!

Сегодня в «Литгазете» Вы пишете о А. Т. Твардовском: «как известно, он при жизни далеко не получил всего, им по праву заслуженного». Чего же именно? Многочисленные издания, в том числе три двухтомника и два собрания сочинений по 4 и 5 томов получил. Пять высших литературных премий, в том числе Ленинскую, получил. Семь больших орденов, среди которых три самых высших — Ленина, получил. Членство в ЦК получил. Мандат депутата Верховного Совета получил. А главное, с молодых лет получил огромную популярность; когда же появился «Теркин», то получил и великую всенародную любовь. И это все при жизни! Вот так «далеко»… Да о чем еще писатель может мечтать?

Не по воспоминаниям ли Юрия Трифонова судите Вы о жизни Твардовского? Ну, там картина ужасающая! Эти подлын русские травили своего прекрасного поэта, а защищали его главным образом представители «химерической нации» (КМаркс).

Ныне, тов. Быков, считается хорошим тоном пинать все прошлое и рисовать, как ужасно страдали тогда многие известные и даже самые достойные наши люди. Почитайте хотя бы в «Огоньке», какими мучениками эпохи были, например, Евтушенко и Вознесенский. У последнего, по его словам, даже «душу отбили». Так и носится по всему свету без души, так и стихи строчит.

Ну, правда, вот Вы получили и Звезду Героя, а он не получил. Так неужели обязательно надо иметь полный бант? Думается, кое-что и не обязательно, прожить без этого можно.

Извините, если помешал.

Всего доброго!»

Ч. Т. АЙТМАТОВУ
«5 июня 1987

Уважаемый Чингиз Айтматов!

Рассказывая недавно по телевидению о своем романе «Плаха», Вы, между прочим, заметили, что у всех народов мира волк является олицетворением зла, а вот у Вас в романе волки вызывают сочувствие и симпатию. Это не так

Вспомните хотя бы о том, что Ромул и Рем, основатели Рима, были вскормлены волчицей. Как же римляне могли видеть в ней олицетворение зла.

И в русском фольклоре, в нашем искусстве волк далеко не всегда олицетворяет зло. Как можно забыть хотя бы картину Васнецова «Иван-царевич и серый волк» или строки из «Руслана и Людмилы» Пушкина:

> Царевна там в темнице тужит,
> И бурый волк ей верно служит.

Можно также отметить, что в русских сказках волк частенько предстает в образе не злодея, а смешного и вызывающего сочувствие неудачника, простака. Так это, например, в сказке о том, как волк по наущению хитрой лисы пробовал ловить рыбу в речной проруби, опустив туда хвост, да и остался без хвоста.

Другое дело, товарищ Айтматов, волчьи стаи, что ныне рыщут по всей нашей стране. Это действительно великое, небывалое зло. И его надо искоренить.

Всего доброго!»

* * *

Вскоре член партии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Айтматов Ч. Т. присоединится к этим бешеным волчьим стаям.

2. VII.87, четверг

В «Московском литераторе» за 26 июня напечатано решение парткома о вынесении мне «строгого выговора с занесением в личное дело». Мотивировки ужасающие! По каждой из них следовало бы исключить из партии, а потом четвертовать. На другой же день я пришел в редакцию с письмом, ставящим под сомнение две мотивировки: неявка по вызову парткома без уважительных причин и заведомо ложные обвинения В. Карпова. Невзрачненькая гл. редактор Е. Жернакова воскликнула, проведя меня в свой кабинетик «Ах, это вы Бушин? Да, у нас такое

недоразумение вышло. Вы по этому поводу пришли?» Я ответил, что не знаю ни о каком недоразумении, что пришел с «Письмом в редакцию». Оказалось, мне вынесли не строгий, а простой выговор с занесением в личное дело. Я, конечно, в душе возликовал от такого недоразумения, но сказал, что дело не в этом, что мне безразлично, какой выговор, и выразил надежду, что будет напечатана поправка. Да, ответила Жернакова, мы даем ее в следующем номере. Они начали с того, что слали мне вызов на партком по неправильному адресу, а кончили дурацкой «опечаткой».

Она принялась было тут же читать письмо, но я сказал, что вопрос сложный, с ходу она его не решит и пусть прочитает потом.

Они думают, что дело кончено, а на самом деле все только начинается. Надо записать все грубейшие нарушения, допущенные парткомом.

1. Главное — партком отказался рассмотреть мое заявление в ответ на клевету Карпова в 1985 г.

2. Когда секретарь парткома Мезенов мне первый раз позвонил, я сказал ему: мое заявление на Карпова вы не разбираете вот уже полтора года, но стоило мне задеть его, как вы тут же создаете комиссию. Он ответил, что никакая комиссия не создана, а просто партком попросил нескольких участников войны высказать свое мнение о моем выступлении 19 марта. Но ведь в решении парткома сказано, что работала «комиссия парткома». Таким образом, сам факт существования комиссии от меня скрыли.

3. Никто из пяти членов комиссии (В. Сытин, В. Ардаматский, М. Галлай, А. Тверской, А. Сахнин) не только не встретился со мной, но даже не поговорил по телефону, хотя двое последних живут буквально в нескольких шагах от меня, в соседних домах, с Тверским мы можем переговариваться из окон. Они могут сказать, что раз вы не являетесь на партком, то какой же смысл вызывать вас на комиссию? Нет, комиссия это не партком, который игнорирует мои заявления. На комиссию я явился бы хотя бы лишь затем, чтобы объяснить причину неявки на партбюро.

4. В решении сказано, что я не являлся на вызовы партбюро. Но партбюро ни разу меня не вызывало, и туда я тоже явился бы хотя бы с той же целью, ибо никаких отношений с партбюро по поводу Карпова у меня не было.

5. В письменном вызове на заседание парткома или по телефону Мезенов должен был бы сказать мне, что раз я не являюсь, то партком решит вопрос при моем отсутствии. Видя,

что мои надежды на то, что в парткоме наконец возобладает здравый смысл и уважение к старому члену партии, не оправдались, я пришел бы на это заседание. Однако я предупрежден не был.

6. Выговор с занесением в личное дело утверждается райкомом, а до этого он еще не выговор. Как же можно было печатать о нем в газете?

7. Выговор вынесен 9 июня. И партком должен был тотчас меня об этом известить хотя бы устно, а я узнаю об этом из газеты за 26 июня. А мог узнать еще позже, если бы не выписывал ее, а мог и вообще не узнать. Таким образом, своим неизвещением партком лишил меня возможности оперативно реагировать на взыскание.

8. О взысканиях другим членам партии (напр., Окуджаве, Курганову, Солоухину) публикаций не было, а о моем даже не утвержденном — пожалуйста, в трех газетах: в «Московском литераторе», «Литературной России» и в «Литературке», т. е. ославили меня на всех уровнях — на московском, российском и всесоюзном.

Я думаю, что они дали маху. Таких, как я, надо либо вовсе не трогать, либо бить так уж до смерти — до исключения из Союза или из партии.

Да, есть еще пункт!

9. В решении сказано: «Предоставить возможность членам Московской писательской организации ознакомиться в парткоме с материалами, на основании которых принято решение.

а) Это с какой же стати предоставлять такую возможность даже беспартийным?

б) Когда Гончаренко в понедельник, т. е. 29-го, через три недели после принятия решения, позвонил в партком, ему какая-то Елена Борисовна сказала, что никаких материалов нет, будут дня через два-три.

8. VI1. 87, 6.15

30 июня я послал Верченко письмо, чтобы восстановили в Союзе Инну Лиснянскую.

Она в давней истории с «Метрополем» дала слово, что если кого из-за этого сборника исключат из Союза, то она подаст заявление о выходе. Многие тогда из их компашки давали слово, но никто не подал заявление о выходе, а она подала. Я сравнил ее в письме с мальчиком из баллады Гюго, который отпросился у версальцев проститься с матерью, дал честное слово, что вернется к часу расстрела, и вернулся. Он иначе не мог — дал слово! Вот и она. Сейчас Верченко звонил. Вчерашний истец был просто нежен

и ласков: «милый…» даже, вроде, сказал «Вовочка». Сказал, что, конечно, надо восстановить, но она же сама вышла. Вдруг мы, говорит, пригласим, а она скажет, что не желает.

— Ты, наверно, удивлен, что я за нее прошу. Я просто живу с ней рядом на даче, и она рассказала мне свою историю.

— Нет, я не удивляюсь.

Сказал, что и в «Знамени» был напечатан цикл Вл. Корнилова при его содействии — он направил Бакланову. Сказал, что пусть она подумает, как лучше сделать.

М. Р. ШКЕРИНУ, критику

«3 июля 87

Я был крайне удивлен, Михаил Романович, твоей столь бурной реакцией на мой вчерашний телефонный звонок Я начал с того, что буду говорить без обиняков. И к тому, что сказал, хочу добавить лишь один пример, как я мог бы сделать для романа что-то полезное.

У тебя один персонаж заявляет: как это Маркс мог сказать «подвергай все сомнению»? И утешает себя мыслью, что это он имел в виду капиталистическое общество. А дело совсем не в этом.

Действительно, на вопрос «Ваш любимый девиз?» Маркс ответил дочерям словами Декарта: «De omnibus dubitandum». У нас это порой толкуют как принцип универсального характера и значения. Прошлым летом моя дочь окончила школу.

На выпускном вечере у них выступил известный Марк Захаров. Он сказал:

— Что пожелать вам, дорогие юноши и девушки, в столь знаменательный для вас день? Скажу одно: идите в жизнь с девизом Маркса — «Все подвергай сомнению!»

Это было безответственное словесное пижонство. Советовать юнцам, вступающим в жизнь. Шагать по ней с этим девизом в душе, это все равно, что дать ребенку взведенной противотанковой миной. Сей девиз это личный принцип ученого, гения, он следовал ему в своей гигантской критической работе по пересмотру экономической науки прошлого. Лично ему этот девиз был совершенно необходим как инструмент работы. Но превращать такой девиз в ширпотреб недопустимо. И в капиталистическом обществе немало такого, в чем сомневаться не следует, например, в том, что родина есть родина, даже если она угнетена и бедна.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,

Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви…

Тем более что Маркс, обращаясь к другим сферам бытия, писал: «Ведь та разносторонность, которая навязывается нам современным образованием, и тот скептицизм, который заставляет нас подвергать сомнению все субъективные и объективные впечатления, только и существует для того, чтобы сделать всех нас мелочными, слабыми, брюзжащими и нерешительными. Однако не любовь в фейербаховскому «человеку», к молешоттовскому «обмену веществ», к пролетариату, а любовь к любимой делает человека человеком в полном смысле этого слова» (т.29. с.435).

Думаю, что ты мог бы с пользой для романа использовать эти рассуждения Маркса в письме к жене.

Я не хочу портить отношения с тобой или даже наживать еще одного врага. У меня их достаточно, и все они нажиты честно. Поэтому прошу решить, согласен ли ты на мою нелицеприятную критику или ждешь от меня главным образом похвал. В последнем случае, сообщи об этом Ф. Шахмагонову, и я возвращу ему твой роман.

Как ты понимаешь, после «дела 19 марта» жизнь моя шибко усложнилась: Вл. Карпов подал на меня в суд, партком вынес мне выговор, три литературные газеты оповестили об этом человечество и т. д. Так что дополнительные нагрузки чужих несдерживаемых эмоций я могу и не выдержать.

С наилучшими пожеланиями».

* * *

Роман Шкерина не увидел свет. А Марк Захаров, цитировавший Маркса, теперь говорит, что его любимый философ — Бердяев. Как же! Ведь он уверял, что главная и чуть ли не единственная причина антисемитизма — зависть.

Ю. Н. ВЕРЧЕНКО, оргсекретарю МО СП РСФСР
«3 июля 1987

Дорогой Юра!

Мне кажется, ты был не точен, когда, позвонив мне 28 апреля, сказал, что мы знакомы с начала 60-х годов. А не с конца ли 50-х, когда ты работал в ЦК комсомола, а я пришел из «ЛиЖи»

в ж «Молодая гвардия»?

Так вот, по старой, почти тридцатилетней дружбе хочу я тебе сказать: брось ты заодно с Карповым сутяжничать против Бушина (все равно дело дохлое) и проверни-ка вот какое стоящее дело.

В свое время Инна Лисянская влипла в дело «Метрополя». Она дала слово молодым участникам сборника, что если их исключат из Союза (за эту пакость), то она выйдет тоже. Может быть, приняв участие в сборнике и дав слово, она поступила опрометчиво, импульсивно, как поэты не редко и поступают, но другие, давшие слово, не вышли из Союза. А она слово сдержала. Для такого поступка требуется немалое мужество, высокое уважение к своим обетам, и у далеко не молодой больной женщины все это нашлось. Ты погляди кругом. Много ли видишь людей, способных так поступить только ради данного слова?

Ты помнишь мальчика из баллады Гюго, который после разгрома Коммуны попал в лапы версальцев. Его должны были расстрелять вместе со всеми коммунарами, но он попросил разрешения сбегать домой попрощаться с матерью, а к назначенному часу казни, сказал он, честное слово, я вернусь. Версальцы усмехнулись: да уж ладно, беги — слишком жалок и мал был мальчишка. Он побежал, и никто не ждал его, но к назначенному часу запыхавшийся, дрожащий от страха опоздать, он снова был тут как тут. Минута в минуту. Он не мог поступить иначе, он дал слово и считал долгом разделить участь товарищей… Ты скажешь, что Василий Аксенов далеко не коммунар. О да!.. И все-таки, Юра, среди нынешней панорамы жизни и нашего бытия такие люди, как Инна Лисянская, это мальчик из баллады Гюго, над судьбой которого обливались слезами в детстве. Неужели в наших душах уже не осталось ничего, что было в детстве, с чем пришли мы в этот мир? Если хоть что-то осталось, то поставь вопрос о восстановлении И. Лисянской в Союзе. Жму руку».

10. VII, четверг, Красновидово. 2.40

Вчера один приехал в Красновидово. Таня приедет сегодня. Вчера утром сделал один круг по опушке леса, к новым домам. Сегодня два круга (20 минут) — и в Истру. Холодно, но очень бодрит. Прекрасно!

Сказал при встрече Липкину (они живут здесь во 2-м корпусе), что звонил Верченко. Инна вчера дала мне почитать венок сонетов. Сейчас я зашел к ним и сказал ей, что это прекрасные стихи. Разговорились. Она, конечно, оказалась в одиночестве в этом, как пишет, «бутафорском братстве». Ни Андрей Битов, ни Фазиль Искандер, ни Белла Ахмадулина,

которые тоже подписали письмо, грозя своим выходом из Союза, этого не сделали. Бела, говорит, умна как бес, и подписалась не под общим письмом («коллективка», которой нас сто лет пугают), а написала отдельно. Инна говорит, эдакое хитро-сослагательное письмо.

Потом поболтали о многом. Инна сказала, что Пастернак говорил о Вознесенском: «Он начинал как мой ученик, а стал учеником Кирсанова». Вознесенский, говорит, это какой-то кошмар нашей поэзии.

Поднялся вдруг ветер, затянул дождь, и я побежал, боясь, что у меня открыты окна.

16 июля

Звонил следователь Адамов. Сказал, что Карпов и Верченко просили дело против меня пока в суд не передавать. Они, дескать, справятся со мной своими средствами, посоветуются в парткоме. Обещал позвонить еще.

22 июля

В «Литгазете», «ЛитРоссии» и даже в «Моск литераторе» напечатано (работа Карпова), что мне вынесен строгий выговор с занесением за то, что я обидел Вову Карпова, заявив на собрании, что «79 языков» он персонально взять не мог, это туфта. И вот мне звонят отовсюду: в чем дело? Сестра Тоня — из Минска, Миша Селезнев из Днепропетровска (два раза), Ал. Балакаев из Коктебеля, Олег Злобин… Как могу, успокаиваю. Вот шухер учинили!

Ю.Н ВБРЧБНКО

«22 июля 1887 г.

Юра!

Как мы условились с тобой, я передал в общих чертах наш разговор И. Лисянской.

Она, как я и ожидал, была, конечно, довольна. Но при этом сказала, что подаст заявление о восстановлении в Союзе только после того, как будут восстановлены Попов и Ерофеев, т. е. когда будет устранена причина ее выхода. Старик, сними шляпу перед такой принципиальной последовательностью и нравственной щепетильностью.

Кстати, я не знал двух важных обстоятельств.

Во-первых, были исключены два русских олуха. Ведь можно было предполагать, что это евреи, но, оказывается, в позиции Инны не было ничего национального. Именно такого рода дела и

поступки следует поддерживать в нынешнюю пору обострения национальных амбиций.

Во-вторых, я не знал, что дочь Лисянской тоже литератор и хочет вступить в Союз.

Значит, подавая заявление о выходе, Инна не посчиталась и с этим, ставила под удар будущее дочери, — она не могла поступить иначе.

В выступлениях на наших собраниях я дважды приводил в качестве образца литературного братства и гражданского мужества выход из Академии Наук Короленко и Чехова в знак протеста против не утверждения царем избрания в Академию молодого Горького. Но подумай, чем они рисковали? Да ничем! Разумеется, допустим, издателям и в голову не приходила мысль перестать печатать столь популярных авторов. Наоборот, своим демаршем они только приобретали новые симпатии публики. А Лисянская? Ее восемь лет не печатали (как и меня, кстати, после статьи об Окуджаве). Словом, это был поступок не только чести, но и мужества, столь редкого в наше время… Так что, не тяни время. Стыдно.

Будь здоров!»

24 июля

В поликлинике Литфонда взвешивался в кабинете у Тат. Наум. Лифшиц — *66* кг в рубахе и трусах.

27 июля

А утром натощак голый — 67 кг. В чем дело? О, если бы только такие вопросы терзали меня!

29. VII, среда

Какое разнообразие своего конца предсказывал Пушкин:

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

И не угадал. А Маяковский угадал «точка пули в своем конце». И Есенин угадал: «на рукаве своем повешусь» …

А покойница мама, царство ей небесное, выражала частенько ту же мысль более универсально: «Смерть причину найдет». Не идут из головы пушкинские строки. Помню, мать говорила незадолго перед смертью: «Никого вас не жалко, одну Катю. Как у нее жизнь сложится?» То есть, конечно, не «не жалко», но за нас

она была спокойна, да и жизнь мы почти уже прожили. А Катя?

2. VIII.87, воскресенье

В пятницу вечером я уехал из Красновидова с нашим автобусом — затосковал о доме. А в субботу в 3 часа мы с Таней вызвали такси и за 11.50 (талончиками) прикатили обратно. Звали Катю, но она отказалась под предлогом каких-то неотложных дел. Сказала, что приедет вечером. Я дал ей расписание автобусов, отходящих от Нахабино. Последний уходит в 11.08. Таня сказала: позвони, чтобы так поздно не приезжала, пусть лучше совсем не приезжает. Я пошел в котельную звонить, но телефон там второй день не работал. Там встретил Асадовых, которым тоже надо было позвонить. Они были на машине. Гал. Вал. пригласила меня поехать на Волоколамское шоссе, там у поста ГАИ есть 15-копеечный московский автомат. Позвонил Кате, сказал, чтобы не приезжала так поздно. Это было в 9 часов вечера. Но Катя сказала, что они с Леной Соловьевой уже договорились ехать. Ну, если вдвоем, то давайте. В 11.30 мы с Таней пошли встречать этот последний автобус. Он промчался в 11.40. Девочек в нем не было. Мы решили, что они передумали ехать. Легли спать с тревогой на душе: а вдруг они опоздали на автобус и сейчас где-то торчат на станции. Я все-таки уснул, может быть, под действием мерказолила, перитола и рудотеля, которые принимаю второй месяц. И вдруг в половине второго ночи Катя является! Что же оказалось? Лена пришла к ней и сказала, что не поедет. Катя пошла одна. Села на электричку 10.26, которая, как видно, шла со всеми остановками, и к автобусу она опоздала. Подвернулась какая-то служебная машина до Аносина, но потом подвезли на легковушке какие-то муж с женой. Словом, от Нахабино добиралась она больше двух часов. Как мы были рады! Но ведь и глупая же, надо было вернуться на электричке назад. Сегодня она спала до десяти. И дача ей, наконец, понравилась. Как, говорит, «клево»! Ну, слава Богу, что все хорошо кончилось. Если бы так же в МГУ! Она набрала 11 баллов, а на вечернем проходной балл — 10. Но в этом году нельзя, как в прошлом, переадресовать туда заявление. Не великий грех взяли бы на душу начальнички, оказав содействие толковой, старательной девочке, дочери участника войны. Тем более что она набрала 11, а для вечернего достаточно и 10.

4. VIII.87 г.

Сегодня два раза купался: первый раз утром, после 20-минутной пробежки по кругу вдоль опушки леса, второй — перед

обедом. Вода 17 градусов. Сейчас 8. Идет дождь, тоскливо. Исправили телефон, звонил Тане, Кате, Гончаренко. Катя 6-го собирается к подружкам в Коктебель. С МГУ ничего не вышло. Болит душа. Что с ней будет дальше?

13. VIII, четверг

Вчера приехали с Таней на дачу. Она взяла три дня в счет отпуска. Погода плохая, но в городе жить невозможно — тополиная моль, из-за которой нельзя открыть окна. Но сегодня, кажется, и здесь эта гадость объявилась.

Сегодня в 12 часов поехали автобусом в Истру. Через полчаса обратный автобус. За это время сходили в мебельный и в хозяйственный магазины. Ничего не купили, кроме конфет. Когда ехали обратно (я еще купил щипцы для орехов), парень с соседнего места сказал, когда я вынул эти щипцы: «Дед, дай посмотреть». Я дал. Это, кажется, первый раз меня назвали дедом, хотя я позавчера бритвой аккуратно подрезал бороду. Ну что с него взять — пьяный был.

Впрочем, нет, еще давно, когда Катя была маленькой, мы гуляли с ней зимой в парке. Я был в тулупе, наверное, тоже с бородой, и какой-то мужик сказал мне: «Дед, возьми внучку-то на руки, не видишь, устала».

17 августа

Взвешивался в кабинете у Френкель — 65,4 кг. А у Лифшиц недавно было *66* кг. Но у себя дома в том же виде без ботинок и пиджака — 68. Это что ж такое? Одна съела 2, другая съела 2,5 моих доброкачественных килограмма. Вот он, еврейский заговор!

Ю. П. КУЗНЕЦОВУ, ПОЭТУ

«18 августа 1987

Юра!

Посылаю Вам статью, о которой говорил: о выступлении Ю. Друниной против Вас. Как увидите, напечатать ее будет трудно. Если Вам придут на сей счет какие-то плодотворные мысли, рад буду услышать.

Между прочим, Вы не совсем правы в сопоставлении сти-хотв. Сурикова «Степь да степь кругом» и «Жди меня» Симонова, осуждая второе. В первом случае герой (ямщик) умирает, у него нет никакой надежды вернуться к родным и близким, как и в «Завещании» Лермонтова. Герой Сурикова выражает желание, чтобы после его смерти все близкие были счастливы. А у Симонова о неизбежности смерти речь не идет, она лишь

возможна, но вовсе не обязательна. Поэтому его герой думает о другом, и сопоставлять его с героем суриковским неправомерно.

Всего доброго!»

18 авг.

В восьмом номере «Нашего современника» появилась моя небольшая, но хорошо проперченная статья «С высоты насыпного кургана» — о Татьяне Толстой. Ее уж так надувают, так превозносят!..

19 авг.

Отнес в «НС» четыре статьи. Ни одной они не напечатают.

20 авг. 87 г.

Начал принимать дийодтирозин и декамевит. Не знаю, поможет ли это мне от обнаруженной вдруг щитовидки, но спятить от таких названий лекарств вполне можно. Откуда ей взяться, щитовидке?

23. VIII

В среду или в четверг позвонил Ягодин. Поблагодарил за книгу, за надпись, за письмо. Я там, между прочим, писал, что он в одном выступлении по телевидению отлучил от интеллигентности тех, кто не читал айтматовскую «Плаху», что так же недавно сделал в «Комсомолке» Евтушенко в отношении тех, кто не знает, кто такой Андре Марти, о котором-де сам Хемингуэй писал. Я могу назвать десятки имен людей, о которых писали не заморский мэтр, а наши Пушкин или Герцен, — и Евтушенко никого из них не знает. Я написал, что понятие интеллигентности столь сложно, многосоставно, что нельзя сводить его к одному имени, к одной книге и т. п., превращая их в тест на интеллигентность. Геннадий в общем согласился. О нем хорошо говорят, и никакого зазнайства в нем не замечено. Он, видно, тянется к литературной публике, высказывал желание видеться, посетовал на Солоухина, который перестал с ним общаться после того, как он стал министром.

— Как, — говорит, — дела в Союзе писателей? Как тарантулы в банке?

Я подтвердил его догадку. Привел пример — последняя передача «Позиция», посвященная интернационализму. М. Алексеев перечислял, кто с ним служил в одной роте: русские, украинцы, казахи… Не назвал евреев. И Бакланов тут же восполнил этот пробел в подчеркнутом духе: русские, евреи, татары…

— Разве Бакланов еврей? — удивился он.

О, sancta simplicitas!.. Конечно, надо будет встретиться с ним еще, может, пригласить и Солоухина.

Вернувшись домой, я заказал такси, и около двух часов мы прикатили на дачу. Вчера часов в шесть пошли прогуляться. Добрели до Борков, наломали там рябины, которая в этом году, как и в том, ужасно сильная. Обратно шли через Борисково. Зашли к старушке, у которой в прошлом году покупали антоновку. Увы, в этом году ничего нет. Очень милая, уютная старушка, ей 82 года, беззубая, но меня вроде помнит. Посидели с ней на лавочке, ей не хотелось нас отпускать. А на том конце, на выходе из деревни, другая старушка увидела в руках Тани золотые шары и остановила, позвала к себе, чтобы дать еще и флоксы. Вот два незнакомых человека, а один хочет сделать другому добро, пусть маленькое, но совершенно же бескорыстное. Нет, не все так плохо, как можно подумать, читая газеты и смотря телевидение, не так

28. VIII, пятница

В той комнате поставил на подоконник хрустальную чашу, чтобы окно было чуть приоткрыто. Подумал: не разбить бы. Так и есть! Рванул ветер, окно распахнулось, и чаша грохнулась об пол — вдребезги! Сердце упало: ведь Катя сегодня в дороге. Но потом вспомнил: посуду бить к добру, тем более хрусталь! Дай-то Бог. Я суеверен.

Приехал на дачу вчера поездом. Таня дома, ждет Катю.

Моя статья о Татьяне Толстой «С высоты насыпного кургана» в «Нашем современнике» наделала шума. Звонили мне многие. В среду какая-то ненормальная позвонила уже около часа ночи, я спал: «Вы гений!» Хотел ей ответить: «Сама такая!» Впрочем, я, кажется, ее когда-то встречал. Это бывшая жена

Почивалова — Светлана. Ну до того говорлива, минут 15 изливала восторги. Там у меня хорош эпиграф из Леонова: «Вполсилы пока работали гигантские из мобилизационного резерва генераторы озлобления».

29. VIII

Таня сказала по телефону, что секретарша центральной приемной комиссии ответила ей, будто Кате отказали. Мне так тяжело, что нет слов.

3. IX. 1987

Сейчас, когда ехал на электричке, такое отчаяние подступило к сердцу, что просто не хочется жить.

Катя приехала из Коктебеля 30-го. Веселая, загорелая, довольная. Но вот началась эта страшная пытка с поступлением.

Потом (вчера) я звонил председателю центральной приемной комиссии, которая заседала 29-го, но он, конечно, ничего не помнит (Пороховский Анат. Александр.) и высказывал мне общие положения.

Так жалко и Катю, и Таню, что порой хочется плакать.

А 31-го, в последний день, Катя с Таней Кузнецовой помчались подавать заявление в Историко-архивный институт. Вчера писали сочинение «Данко и Ларра». Но это все уже как-то не воспринимается всерьез.

Мне так их жалко. Не сорваться бы.

5. IX

Все чаще приходит мысль, а что если просто прийти к Мезенову в партком, к Колосову в «ЛР», к Чаковскому в «ЛГ» и залепить каждому оплеуху за публикацию о выговоре?

* * *

Разве я мог знать, что Гриша потом отчубучит против меня!..

31. X.87, суббота

В четверг позвонила какая-то женщина и сказала, что сегодня в ЦДЛ вечер «Личное мнение». Хорошо, если бы я пришел, билет для меня будет на контроле. Я спросил, кто она — не назвалась. Пошел. Билет был «Бушнину В. С.». Председательствовал В. Карпов — говорил либо глупости, либо лгал. Возмущался, например, тем, что «Труд» не печатает ответ на статью об Иване Падерине. А мои статьи в «М.Л», «Л.Р.» и Л.Г.»?

Р. Рождественский читал давно напечатанные стихи об ответственности, кончавшиеся так

Отвечаю за эти стихи!

Хорошо. А кто за другие ответит?

Выступал Коротич, недавний разоблачитель Америки. Ловок, по-журналистски расторопен, оборотист. Напомнил, как о великом событии, что 31 октября 1961 года из Мавзолея вынесли гроб Сталина. Говорил, что будут печатать стихи нового нобелиата Исаака (?) Бродского.

М. Алигер кто-то прислал записку: «М.И.! В 1936 году в «Правде» вместе с (было названо еще 2–3 фамилии) вы требовали

расправы над Павлом Васильевым. Сейчас, перед смертью, вас не мучает совесть?» Она спокойно, без возмущения ответила, что в 1936 году она еще не была членом СП и никакого отношения к Павлу Васильеву, к расправе над ним не имела. А совесть, говорит, меня мучает, ибо мы верили в справедливость того, что совершалось, и т. д. Достойно.

На этом я ушел.

Вчера поехал в «Моск комс.» и «Моск правду». В «МК» оставил «Письмо В. Конецкому» и «К вопросу о семейном подряде», а в «М.П» — «О литературных премиях» и «Дети солнца». В кабинете Татьяны Сергеевны Сергеевой находился какой-то молодой парень огромного роста, симпатичный. Очень внимательно смотрел на меня. Потом спросил, был ли я вчера на вечере. Оказалось, он из тех, кто хотел, чтобы я там был. Попросил мой телефон. Кажется, Хорошилов.

Вчера с Таней приехали на дачу. Погода стоит расчудесная.

ИВАНУ ЖУКОВУ,
заместителю главного редактора
«Комсомольской правды»
«3 ноября 1987

Уважаемый Иван Жуков!

С большим интересом и полным сочувствием прочитал 31 октября в «Комсомольской правде» Ваш очерк «Судьба Михаила Шолохова», особенно то место, где Вы возражаете Л. Вознесенскому на его ст. «Смешон ли дед Щукарь?» в «Московских новостях». У него он и улыбки не вызывает.

Но хочу возразить Вам по одному пункту. Вы пишете: «Сталин, взглянув на Шолохова, усмехнулся в усы и со свойственной ему привычкой ставить собеседника «на место», загонять в тупик, сказал…» С чего Вы это все взяли?

Во-первых, у Вас получается, будто Сталин с каким-то высокомерием, даже презрением относился к Шолохову. Откуда это видно? Наоборот, он чрезвычайно высоко ценил Шолохова и еще в 30-м году назвал его «знаменитым писателем нашего времени».

Во-вторых, Сталину вовсе не была свойственна привычка ставить собеседника «на место» или «загонять его в угол». Чушь! Он был очень внимателен к собеседнику, умел слушать. Так, Главный маршал авиации А. Е. Голованов вспоминал: «Сталин, как правило, никогда не прерывал говорящего… Если он звонил, то обычно здоровался, справлялся о делах, а в случае необходимости вашей личной явки никогда не говорил «Вы мне

нужны, приезжайте» или что-нибудь в этом роде. Он всегда спрашивал: «Можете ли вы приехать?» И, получив утвердительный ответ, говорил: «Пожалуйста, приезжайте».

Подобные свидетельства Вы можете найти в воспоминаниях и других людей, долго работавших со Сталиным и хорошо знавших его. Да хотя бы в воспоминаниях маршала Жукова. Есть основание этим людям верить больше, чем АРыбакову или В. Кондратьеву. Последний в тех же «МН» недавно писал, будто Сталин на весь мир объявил, что у нас нет пленных, а есть предатели. Где, когда, в каком приказе или выступлении? Бесстыдное вранье! В плену было больше трех миллионов человек, и руководителю страны, Верховному Главнокомандующему, надо быть полным идиотом, чтобы заявить: «Вот сколько у меня предателей!»

И это еще не предел вздора. Один писатель из Ташкента недавно сказал мне: «А вы знаете, когда немецкие войска вошли в Париж, Сталин послал Гитлеру поздравительную телеграмму». Я его спросил: «Вы ее видели, читали?» — «Нет, но говорят…».

А еще один мыслитель, на этот раз московский, уверял меня, будто генерал Власов был любимцем Сталина. Я спросил, как и в чем это выражалось. Ему, конечно, сказать было нечего. И это писатели, пожилые уже люди! Так что не надо спешить в компанию пустобрехов.

Поздравляю с хорошей статьей.

Всего доброго!»

5. XI.87 г.

Читаю доклад Горбачева к 70-й годовщине революции. Вот же опять о Сталине… О, неутомимые мыши! 35 лет они кота хоронят и все не могут похоронить: он с каждой новой попыткой погребения все живее этих мышей, которых ждет мышеловка.

6. XI

По телевидению идет многосерийный фильм «Жизнь Николая Батыгина». Ну, не шедевр, не шедевр, но хоть русская жизнь, русские лица, русский язык «Дождалась лиса своего колобочка».

8. XI

Таня приехала вчера утром на такси (на автобус 6-го опоздала, тетеря). Днем — погода вчера и сегодня прекрасная! — прошлись с ней в Борисково. Вечером пришли Асадовы, отметили праздник Октября, выпили грамм 350 водки. В 9 часов пошли гулять. А сегодня утрецом мы с Таней продолжили праздник как положено.

22. XI

Вчера зашел к Вал. Дементьеву, у которого был Викулов с женой. Часа полтора просидели, толкуя о том о сем.

Валерий рассказал, что в Ленинграде на конференции «Октябрьская революция и литература» произошел такой эпизод. Во время заседания на сцену в сопровождении 3–4 дюжих молодцев энергично вышел какой-то человек с бородой и усами. Взойдя на трибуну, он сорвал бороду, усы, парик и объявил: «Я руководитель общества «Память». Только в замаскированном виде я мог к вам пройти». И дальше стал отвергать все поношения нашей прессы этого общества. Вот какие ныне случаются дела!

Викулова я не видел давно. Постарел. Живет здесь, в корпусе 5, кв. 11. Я рассказал ему кратко всю свою историю с Карповым, поскольку он этим поинтересовался.

С. В. ВИКУЛОВУ
«27 нбр. 87

Сергей!

Что касается твоих опасений относительно моей статьи о В. Карпове, я тебе напомню: роман Чернышевского «Что делать?» был не только написан, но и напечатан в ту пору, когда автор сидел в Петропавловке и ждал казни. А я, слава Господи, казни не жду, судимости не имею, 43 года в партии состою, и мое личное дело как было все это время чистым, так и остается. И вообще, как сказала Татьяна Глушкова, «у НИХ такого, как Бушин, нет». Чего тебе еще? Или не стыдно нам, что гласность времен Александра Второго далеко превзошла нынешнюю?

И еще напомню: Карпов подал на меня в суд, и семь месяцев, потрясая регалиями, добивался возбуждения дела, на заявление его было столь живо и малограмотно, что ничего у него не вышло. Ничего не получилось и по партийной линии. Все-таки времена меняются, Сережа.

Будь здоров. Привет супруге».

А. С. ИВАНОВУ, главному редактору «Молодой гвардии»
«27 ноября 1987

Анатолий Степанович!

Поздравляю со смелым и важным выступлением на конференции в Ленинграде, которое напечатано в «Огоньке» № 46.

Вы сказали: «В нашем писательском мире Шолохов уже вроде

не Шолохов, Леонов — не Леонов, Алексей Толстой — не Алексей Толстой…» Возражая на это, В. Каверин вроде бы возмутился: «Кто зачеркивает старые заслуженные имена? Кто считает, что Шолохов не Шолохов… Все это взято с потолка». Прекрасно. Но вот что он писал мне в прошлом году: «В неровном таланте Шолохова не нахожу ни следа гениальности». То есть не только отказывает Шолохову в гениальности, но и в таланте видит неровность.

А посмотрите, что они устроили вокруг Пастернака. Евтушенко устно и письменно твердит: Великий! Великий! Великий!.. Вознесенский поддает жару: Великий и Гениальный! А сам-то старик Каверин обгоняет двух молодых: Великий! Гениальный! и Народный!..

Надо бы это добавить в мою ст. «Если знать и помнить», что лежит у вас».

В. В. ГОРБАЧЕВУ
заместителю главного редактора
журнала «Молодая гвардия»
«13 декабря 87

Вячеслав!

За все годы, что вы друзья-единомышленнички, сидите в «МГ», вы меня ни разу не напечатали. Наконец, вдруг вроде решились. Но этот Семенов, который всю жизнь колесного скрипа боялся, вдруг с поразительной смелостью взял да и сократил мою статью почти на треть, убрав самые острые места. Я что вам — студент Литинститута, мечтающий напечататься любой ценой? Я вовсе не считаю, что в моей рукописи нельзя ничего изменить, но я должен сделать это собственной рукой.

Семенов сделал все, чтобы статью обесцветить, опреснить, даже оглупить. Вот лишь один пример. Я писал, что у нас широко распространено бедствие восхваления до небес, и привел факты. М. Алексеев зачисляет в «сокровищницу мировой культуры» книги Маркова, Чаковского, Ан. Иванова и др. А «Известия» объявили «выдающимся писателем» Бакланова. Семенов вычеркнул пример с Марковым и Чаковским, но оставил с Баклановым и Окуджавой. То есть правду превратил в ложь: только там, дескать, такие бяки, а у нас одни праведники. Неужто не соображаете, что вам тут же ткнут в нос: врете! И кого за эту ложь будут мордовать — Семенова? Нет. Он останется в тени. Расплачиваться придется мне.

Что вам мешало пригласить меня на редколлегию и в ходе товарищеского обсуждения решить, что и как? Не исключаю, что

по причине такой бесцеремонности дело может кончиться нашим разрывом. Тебе и Семенову надо бы давно понять, что я трудный автор и скорее сдохну, чем позволю под своим именем напечатать то, что мне навязывают. Для меня литература — жизнь, а не средство добывания пищи. Я не для того терпел восемь лет полного молчания под запретом, чтобы выскочить в вашем журнале в кастрированном виде».

20. XII.87, воскресенье

В пятницу приехали с Тусей на дачу. Тишина, снег, покой — красота! Вчера и сегодня ходили на лыжах. Снег чистый, легкий, лыжи так и едут. Сегодня встретили на лыжах Кублицких Попробовали вместе с ними сойти с круга, по которому ходили, пошли на лыжах к карьеру, но дорога трудная, лыжня плохая — вернулись. На обратном пути на спуске Таня упала два раза и я разок…

Сегодня Тане 49 лет. А? Как сейчас вижу ее в 1958 году — девятнадцатилетней. Она сварила отменные щи, сделала беляши невыразимой вкусности. За обедом выпили по рюмочке.

А моя грешная плоть начинает убывать, остается один дух. Странно, что невыигрыш Анатолия Карпова меня не очень-то расстроил. Я почти спокойно к этому отнесся, а ведь в прошлый раз это произвело на меня гнетущее впечатление. Весь нынешний кошмар для меня начался с проигрыша Карпова.

26 января 87 г.

Вчера позвонили из райкома, сказали, чтобы завтра зашел к 3 часам в комнату 16. Захожу. Сидит пожилая женщина небольшого роста, доброе лицо. Она из внештатных помощников в работе райкома.

— Здравствуйте — Владимир Сергеевич.

— Здравствуйте — Мария Васильевна.

— Что вы говорите! Вот так диво. Так зовут мою маму.

— Вы сейчас удивитесь еще больше моя фамилия Бушина. Я обомлел. Даже не спросил, откуда она родом, не тульская ли.

Но в разборе моего дела с Карповым никакого ее расположения ко мне, никакой поблажки мамочки родной не заметил.

С. В. ВИКУЛОВУ

«4 января 1988

Вот, Сергей Васильевич, статейка «Живи и помни» о том, как Эльдар Рязанов ловко увиливал от армии, а теперь похваляется

этим. Я тебе говорил о ней в прекрасный день 2 января на красновидовской дороге. По-моему, полезно было бы напечатать.

С Рождеством Христовым!»

Был на парткомиссии в райкоме.

7 января

Был на пленуме райкома. Victoria!..

Еще до заседания позвонил из РК Николаю Данилову, попросил его приехать часам к восьми. После заседания сразу кинулся к телефону: «Таня, выставь на балкон бутылку шампанского!» Но ничего больше не сказал.

Приехал домой в начале девятого. Николай уже приехал, позвонил Гончаренке. Закатили пир. Отметили сразу три праздника. Ну, Рождество — понятно. Второй — победу над Карповым. Бюро райкома не утвердило выговор мне. Все отмело! Это ж великая победа! Раньше Герой Карпов растоптал бы меня. Важную роль сыграл при этом бывший член Политбюро, секретарь украинского ЦК Шелест, который ныне здесь на учете. Знаю, говорит, я этого Карпова, и понес…

Во время пиршества я читал вслух лучшие места из статьи Вл. Бондаренко в № 12 «Москвы». Все в восторге.

Настроение все дни было победительное. А тут еще Громыко сказал по телевидению: «Сталин сражался как лев…» Даже страшно немного было, боялся, что вот-вот случится что-то недоброе, и когда возвращался на метро домой, поезд вдруг остановился на полпути. Я невольно подумал: «Ну, вот оно, что меня ждало».

9 января

Ездил в «Литучебу». Гонорар за статью «Под белым парусом возвышенного духа» в № 6. Серьезная статейка о том, как Айтматов начал курвиться.

* * *

Потом было, конечно, тошно видеть, как он дарил Путину свой шеститомник, но и тогда я не мог вообразить, что Чингиз вконец скурвится, дойдет до таких изобретений, как «Сталин-гитлер» и «Гитлерсталин».

11 января

Кате звонил молодой человек. Не Грамп!

12 января

Заходил Семанов. Дал ему заявление В. Карпова в суд на меня. Пусть посмеется.

17. I.1988

Бешено работаю по договоренности с М. Алексеевым над ответом Наталье Ильиной на ее статью в № 2 «Огонька». Переступив через самолюбие, я позвонил ему и поздравил со статьей Вл Бондаренко. Он тогда сам и предложил написать об Ильиной. «Я с этим тебе и звоню», — говорю. Ну, был рад. Но все-таки ничто не может эту публику привести в чувство. Говорит, что в большой обиде на Маркова. Два раза выдвигали на Ленинскую премию и не дали. Мало ему Звезды Золотой и кучи орденов. Ну как же! — у Егорки Исаева полный бант, а у него с изъянцем. И с такими живыми классиками приходится иметь дело!

20.1

Общее собрание московских писателей.

С. П. ЗАЛЫГИНУ,
главному редактору ж. «Новый мир»
(только лично)

«28 января 1988

Уважаемый товарищ Залыгин!

Вчера прочитал в «Литгазете» о Вашем выдвижении на Ленинскую премию, а сегодня во всех газетах — постановление о присвоении Вам звания Героя Соцтруда.

Еще весной 1983 года я написал обстоятельное письмо Ю. В. Андропову о премиях и званиях в литературе. Позвонил мне из ЦК некий тов. Потимкин, болтушок из отдела культуры, и убеждал, что тут у нас полный порядок Расстались мы с ним при счете 0:0.

В 1985 году я написал своему младшему однокурснику по Литературному институту КВаншенкину, премия которому уже была присуждена, но еще не вручили, и предлагал ему отказаться от нее в пользу поэта Михаила Львова, татарина, пишущего на русском языке: он, мол, и старше гораздо и являет собой как бы живое воплощение интернационализма (он тут, конечно, сомнительный, но я нажимал). Ваншенкин ответил, что мое предложение очень странное и он им крайне удивлен.

На основе письма Андропову я написал статью и послал в «Огонек» и в «Сибирские огни». Ну, а ныне, исходя из убеждений,

высказанных в той статье, призываю Вас отказаться от звания и снять свою кандидатуру на премию. Отрезвляюще-оздоровительное влияние такого жеста на нашу литературную жизнь было бы трудно переоценить. Думаю с таким же письмом обратиться к Михаилу Дудину

С уважением

P.S. И как тут не вспомнить, что прожили же без премий и других регалий Михаил Пришвин, Ахматова, Паустовский, Заболоцкий…

31. I

Ходил в 5 часов звонить насчет автобуса. С чего-то разговорились с нашим Аркадием, начальником котельной. Да! Зашла речь о безответственных публикациях. Я привел несколько примеров, а он говорит: «Меня кто-то уверял, что 28 панфиловцев потому так дрались, что за ними заградчики стояли». Вот ведь мерзавцы, до чего доходят!

* * *

Сейчас, в 2012-м, это говорит уже не кто-нибудь, а сам президент и верховный главнокомандующий.

24 января

Вернулись с Таней из Красновидово. Отметим день рождения.

14. II

Вечером звонил Иван Шевцов. Хвалил статейку о Э. Рязанове в «НС» № 2. Он увиливал от армии и теперь принародно хвастается этим: как ловко увильнул! Потом об этом же звонили Г. Ладейщиков и Ольга Ивановна — патриотка.

20. II

Часто вижу сны, как всегда, когда напряженно работаю. В ночь на прошлую (или позапрошлую?) пятницу приснилось, что мы с Таней на какой-то станции ждем поезд. Таня куда-то отошла, а поезд вдруг пришел. Я сажусь, думая, что и она села в другой вагон. Поезд довольно странный, внутри вагоны похожи на салон самолета, сиденья обтянуты светло-серой кожей. А Тани все нет. Отстала? И сон в руку! Вечером она ухитрилась опоздать на автобус, который останавливается на 2-й Аэропортовской в 100 метрах от нашего дома, и на другой день электричкой и автобусом добралась сюда только к 12 часам.

А сегодня приснилось, что опять где-то выступаю, волнуюсь и не знаю, что говорить. Не отзвук ли это того, что позавчера Ф. Шахмагонов сказал мне по телефону, будто Кобенко подбивает Жукова подать в горком протест на решение бюро райкома, который 7 января отверг решение нашего парткома о выговоре мне. Ну, не думаю. Ведь должен же соображать, что вопрос был согласован в горкоме и даже в ЦК, как сказал мне после заседания бюро райкома В. Е. Мишуков — я сразу тогда зашел к нему и подарил свои «Арфы».

Еще снился сегодня Г. Марков — какое-то скучное его разглагольствование за столом какого-то заседания. Ну, это понятно. Моя статья о нем читается сейчас в «Новом мире», и мне выражали свои восторги И. Роднянская и Нуйкина Гал. Вл., работающие там в отделе критики. Но едва ли Залыгин решится напечатать. Ворон ворону…

5 марта.

Звонил Кате в 17.30 какой-то Виталик Потом, в 20.30 — он же (у меня слух отменный), но назвался Мишей. Тайны мадридского двора.

10 марта.

Звонил Миша Шевченко. Прочитал в «ЛитРоссии» мой фельетон «Скорбь б/у» о том, как Вознесенский в 1958 году в номере «ЛиЖи», посвященном 130-летию Толстого, напечатал стихотв. «Крона и корни» с подзаголовком «Памяти Толстого», а теперь голосит: нужен мне ваш Толстой, это я писал о Пастернаке!

Потом о том же звонили старый школьный друг Вадим Тарханов и какой-то Фед. Фил. Бреус из АПН.

14 марта.

Все об этой же «Скорби» звонили Олег Шестинский, Вадим Софронов, Ник Горбачев, Ст. Куняев и неведомый журналист из Киева по фамилии Кичигин.

* * *

Нахваливал по телефону мою «Скорбь» и А Байгушев, видимо, полоумный. Ну как же! В году примерно 2005-м он сочинил книгу «Анти-Бушин», где уверяет, что я еврей и агент КГБ. Это после того, как я славно отхлестал его в ст. «Грозы, позы и метаморфозы» на страницах «Дуэли» за то, что он объявил

гением Вал. Сорокина и какое счастье, мол, что мы живем в одно время с ним.

21 марта.

Вечером звонила мать Анатолия Карпова. Договорились, что завтра я занесу ей рукопись.

22 марта.

Жена Нуйкина, работающая в «Новом мире», привела меня к Залыгину для перспективной беседы. Осторожный, осмотрительный, чутконосый. Ни до чего определенного не договорились.

27 марта.

Звонил Анатолию Карпову. Потом он мне.

28. III

Был в библиотеке ЦДЛ.

Опять перезванивались с АКарповым.

2 апреля 88, суббота.

Ездили мы с Таней на машине с Леной Озеровой в Истру и Н. Иерусалим. Накупили множество полезных в хозяйстве вещей, в том числе, тачку. И одну бесполезную, но красивую вещь — жостовский поднос. Как на ярмарке побывали.

10. IV.1988. Пасха.

Вчера вечером и сегодня утром слушали с Таней пасхальную службу, кажется, из Лондона. Праздник А на душе тяжело. Разгул бесовских сил не только продолжается, но и нарастает. Против статьи Нины Андреевой в «Сов. России» (13 марта) уже выступила целая свора: «Правда» (редакционная статья, которую писал скорее всего Яковлев), «Советская культура» (Гавриил Попов + Ал-др Гельман), «Моск новости» (А Левиков + какая-то Царапкина). 5 ударов! На одну. Да еще сама «Сов. Рос.» перепечатала статью «Правды». Нет, им надо не просто возражать, а добиться раскаяния оппонента, его унижения. Так было и в истории с Ельциным. Идеологическая ежовщина это — и ничего больше.

Ко всему прочитал вчера в «С.К» статью «Люди ли?» — такую, что думал, не усну и уж, во всяком случае, до конца дней не забуду. В Горьком мерзавец по фамилии Смирдов в пьяном виде схватил на проспекте Ильича 13-летнюю девочку

Свету К, утащил ее на глазах публики куда-то на стадион и

изнасиловал ее, потом повел к своим приятелям Утину и Казакову, и те тоже изнасиловали…И они еще вопрошают! Нет, я не могу это даже записать. Ему дали 11 лет. А этим двум? Не дрогнув, я расстрелял бы всех троих, как бешеных псов. Прости меня, Господи, за такую запись в светлый день Твоего воскресения.

3 мая

Кате звонил очень вежливый Виталик

6 мая, пятница

Посадил за домом под окном одну грядку картошки…

8. V

6 мая было печальным днем для бесов. Во-первых, по ТВ повторяли фильм Бабак и Ицкова «Маршал Жуков», в котором все-таки нет того шабаша вокруг имени Сталина, что бушует теперь, все-таки несколько раз появляется его спокойный портрет при отсутствии глумливого авторского текста. Во-вторых, объявлено о награждении орденом Трудового Красного Знамени в связи с 70-летием и 60-летием М. Алексеева и А Иванова как писателей и, это самое важное в нынешней ситуации, как главных редакторов «Москвы» и «Молодой гвардии».

Надо бы записать слова и выражения, которые сейчас особенно в ходу.

Вот хотя бы: дефицит (даже «дефицит смелости»); истина в последней инстанции; стереотип; негативные явления; одночасье; прикосновение (к истории и т. п.). образовательные услуги…

9 мая

В «Московской правде» напечатано мое письмо о ВлКар-пове. Я пишу, что «Московский литератор», «Литературная Россия» и «Литературная газета» объявили о выговоре мне. Но никакого выговора у меня нет райком отверг решение нашего парткома. И ни одна газета не желает печатать опровержение. И ведь какое ханжество! М. Колосов («ЛР») сказал мне, что газета отражает жизнь писательской организации, а до райкома ей нет никакого дела

11 мая

Звонил Володя Богомолов, потом — Ю. Идашкин и Ф. Шахмагонов, которому я прочитал письмо в «МП».

А. С. ИВАНАВУ, главному редактору «Молодой гвардии»

«11 мая 1988

Анатолий Степанович!

Я вижу, Вас смущает, что в статье Куняева и моей говорится о тех же проблемах, о тех же лицах. Не устаю изумляться ни вам, ни Алексееву, ни Проскурину. Даже затрещины, которыми вас награждают чуть не каждый день с резонансом на всю страну, не могут привести вас в чувство. Если кто уже деморализован, то надо уйти в сторону и не мешать разворачиваться в бою другим. Тому, что есть две статьи, бьющие в одну точку, надо не смущаться, а радоваться, как на фронте радовались, когда видели хороший запас снарядов.

Одни Викулов из вас достойный боец.

Вы из без того неповоротливостью своих ежемесячников поставлены в крайне неравные условия против их еженедельников и газет, а вы еще добавляете сюда свою вялость, неповоротливость, робость, послушание начальству. Ведь сколько времени пролежала моя статья о «деле Пастернака»! Теперь и эта мурыжится… И без конца Вам надо звонить, писать, напоминать, теребить. Словно я у Вас квартиру выпрашиваю, а не об общем деле пекусь. Вы сколько лет сидите в «Молодой»? Кажется, уже лет двадцать. И сколько раз напечатали меня? Ровно два раза. Алексеев за это же время — один. А для юбилейных пряников вы находите место.

Если на Ваших местах сидели бы Борщаговский или Боровик, они печатали бы меня чаще. Вот и подумайте, в каком положении ныне в литературе русский автор: с одной стороны Сцилла, к которой он сам не хочет, а с другой — Харибда, которая дремлет да почесывается. Да и знать она тебя не хочет, эта Харибда, занятая премиями, орденами, юбилеями…

Ваши работники должны бы то и дело названивать мне: «Бушин, нет ли чего нового для «Молодой»?» А они в страхе: упаси Боже, в один год напечатать две статьи Бушина!

Проснитесь же, наконец! Протрите глаза. Посмотрите, как действуют наши противники — настойчиво, оперативно, безоглядно. У них один принцип: «Все, что не запрещено, то дозволено». Да и на запрет они плюют. А вы то и дело заглядываете в устав — то в партийный, то в комсомольский, то в уголовный. Ведь так можно дождаться, что вас из кабинетов начнут вытряхивать. Вон Алексеев, как ни ловчил, как ни изворачивался, а дождался, что общее собрание прозаиков приняло резолюцию, требующую его отстранения. И сонный Марков дождется. Жаль старика, но ведь заслужил. Чего стоит один его «семейный подряд», когда все писатели — и он, и жена, и дочь — и все получают премии. Всего наилучшего!»

12 мая

Звонила Лариса Федорова. Спорила и Сталине, а также о Вл. Карпове, Ю. Бондареве, В. Сорокине.

Ю. В. ИДАШКИНУ,
заместителю главного редактора
«Литературной России»
«12 мая 1988

Юрий Владимирович!

Если хотите принять участие в бессмертном деле, даю вам возможность: напечатайте мою статью о Г. Маркове.

Говорят, он остается председателем Союза до ближайшего пленума.

Конечно, статью хорошо бы напечатать сейчас, так сказать, «при жизни» и притом с указанием даты — 1985 год. В том, что это действительно так, можно удостовериться в «Знамени». Мой дружок Гриша Бакланов не даст соврать: рукопись пролежала у них два года.

1. Строки о Бондареве в нынешней ситуации надо обязательно сократить, ибо боги на стороне победителей, а Катон на стороне побежденных. Или, как говорили у нас на Балкане, лежачего не бьют.

Из двух разговоров с вами по телефону я вижу, что вы чрезмерно все драматизируете. Право же, не все так безнадежно. Хотя сам я порой впадаю то в бешенство, то в отчаяние.

Жму руку, *ВБушин,* адепт гласности и демократии».

14 мая. Суббота

Посадил вторую грядку картошки.

Сегодня в «Московской правде» напечатано письмо, которое подписали В. Астафьев, Г. Гофман, С. Михалклв и И. Шкляревский. Три Героя и один свежий лауреат Государственной премии.

Витя-то сибиряк откуда здесь взялся? Это ответ на мое письмо 9 мая. Главное у них, что я обидел фронтовика в День Победы, потому и заголовок такой — «Вместо поздравления?» Но не я же выбрал день публикации. Мое письмо лежало в газете довольно долго.

16 мая

Отнес в «Искусство кино» К. Щербакову ст. «Спорили семь городов» — о Г. Маркове. Ну, разве они решатся! А еще — и в «Молодой коммунист» ААпресяну. Тоже дохлое дело!

В. П. АСТАФЬЕВУ. КРАСНОЯРСК
«18 мая 1988

Дорогой Виктор!

В моем письме, напечатанном 9 мая в «МП», на которое ты с друзьями ответил там же 14 мая, сказано, что первопричиной конфликта между Карповым и Бушиным явилось их расхождение во взглядах на некоторые события войны и в оценках ряда ее участников, о которых Карпов пишет в повести «Полководец».

А вы пишете: «весь сыр-бор разгорелся из-за того, что В. Бушин публично взял под сомнение некоторые факты военной биографии и боевые заслуги В. Карпова».

Я буду тебе очень признателен, если ты объяснишь мне, что означают эти приведенные выше слова, т. е. какие именно факты из военной биографии Карпова и какие его заслуги я публично взял под сомнение, — его участие в войне в качестве разведчика, его Золотую Звезду? Ничего подобного! Я взял под сомнение то, что он говорит о себе, например, в «Советской культуре», — что взял первого «языка» в боях под Москвой, а на самом деле он в это время сидел в лагере. Я взял под сомнение также то, что о нем пишут, например, будто он сотни раз переходил линию фронта и лично взял 79 «языков». Но у вас были какие-то иные соображения и факты?

Я тем более рассчитываю и надеюсь на твой ответ, что ведь между нами никогда не было даже недоразумений. Более того, тебе известно, что в свое время я пытался выступить в твою защиту против глупой публикации в «Коммунисте», но, увы, это было не так-то просто и не удалось. В свою очередь я помню, как горячо ты выразил мне сочувствие в связи с гибелью моего сына.

Не задержи с ответом.

Будь здоров!».

Примерно такие же письма я послал Гофману и Шкляревскому.

21 мая, суббота

Заезжал Дм. Жуков с женой посмотреть, как тут у нас в Красновидове.

* * *

Сколько я его знаю, всегда был надутым антисоветчиком. Однажды в День Победы сообщил читателям, что Сталин летал на

Тегеранскую конференцию с коровой, поскольку не может без стаканчика парного молочка утречком. А какую резвость проявил в борьбе за дачу в Переделкино. И это притом, что сынок вот уже лет двадцать сидит в вице-премьерах при всех режимах от Ельцина до Медведева. Мог бы папочке дачу сгоношить, если тот сам не может.

* * *

23 мая

Щербаков из «ИК» позвонил и сказал: «У нас (в кино) своих Марковых хватает». Конечно.

На первой грядке взошло 34 куста картошки.

24 мая

Звонили В. Богомолов, Г. Гончаренко, Ю. Сбитнев.

26 мая, четверг

Первый раз купался в Истре. Т — 15–16 градусов. Вода, как всегда, быстрая. Бодрит.

А. С. ИВАНОВУ,
главному редактору «Молодой гвардии»

Анатолий Степанович!

Отличная Ваша беседа была в майском номере «НС»! Вот так и надо отмечать юбилеи. А не так, как тот же «НС» почтил Алексеева — отвел шесть полос под скучнейшую тягомотину скучнейшего Семена Борзунова. А в этом номере «НС» весь отдел критики боевой.

Поздравляю с прекрасным изданием «Повители» в Худли-те. Ведь книга живет, поди, уже лет 30. Для нынешних времен срок немалый»…

(окончание копии письма не сохранилось).

30 мая

Работал над «Имитацией». Купался.

1 июня 1988 г.

В 11 ч. Кате звонил Костя Бергер. Он мне нравится. Немного несуразный, ну и что?

Ездил в «НС». Взял верстку статьи об Анатолии Карпове «Gens una sumus».

5 *июня*

Из Ленинррада звонил Виктор Конецкий. Передал через Катю, что сожалеет о своем интервью в «Моск комс.» и просит не сердиться на него. Это по поводу моей небольшой статейки в «НС» № 5 о том, как он хвастался, что его издавали во

франкистской Испании. Жаль, что меня не было дома.

7 июня

Три дня подряд купался по три раза. Течение быстрое. Так и несет до зеленой бухточки, над которой нависает ветла.

9 июня

Написал В. Конецкому: «Мне дочь передала, что Вы звонили. Очень хорошо! Жму Вашу благородную руку».

12 июня

Катя по телефону сказала, что звонил Павел Ильич (Макрушенко?) и сообщил, что умер Геннадий Гончаренко. Это он ездил в родной Ростов справлять свой юбилей, ну, и не выдержал груза застолий и возлияний.

Мы с ним последние годы дружили. Добрая душа, но выпивоха.

Закончил «Имитацию».

13 июня

Было много звонков по поводу статьи в «НС» об Ан. Карпове, в т. ч. звонили В. Богомолов, Ю. Сбитнев, П. Горелов и экстрасенс Тафик Дадашев, который помогал Каспарову в матче с Карповым.

18 июня

Написал «Про Аню, которая родила без мужа».

В. И. БЕЛОВУ. ВОЛОГДА

«23 июня 1988

Дорогой Вася!

Из «НС» мне переслали письмо читателя со смешной фамилией Шпиков. Но я вижу, оно касается больше тебя, чем меня. К тому же оно так интересно своей непосредственностью, что я решил переслать его тебе. Посмотри. А я ему ответил. Будь здоров!

Не собираешься ли летом быть в Коктебеле?

Поклон супруге.

В «однотомнике Верченко» исправь мой адрес дом 29, кв. 56.

Этот однотомник воспел Миша Дудин:

Был я молод. Водку пил
И читал Аверченко.
А сегодня вот купил
Однотомник Верченко».

19. VI

Прочитал вчера в «Советской культуре» за 5 мая и в «Литгазете» за 18 мая отчет о встрече писателей и историков, состоявшейся 27–28 апреля. Одно можно сказать: состязание упырей. Особое возмущение вызывает Виктор Астафьев. Это же ужас, что таким самовлюбленным невеждам предоставляют трибуну, и они несут с нее вздор, который печатается в таких газетах, как «Л.Г.», «С.К.» да еще будет в «Вопросах литературы» и в «Вопросах истории». Он даже не умеет читать военные карты и схемы, даже не понимает, что стрелы на картах войны обозначают направления ударов и контрударов. Он уверен, что каждая стрела — это войсковая армия. И вопит: смотрите, сколько было наших армий и сколько немецких! Мы просто утопили их в своей крови. Сидят генералы, слушают и молчат! Из-за душившего меня негодования часов до трех не мог уснуть, пришлось принять радедорм. Написать об этом? Но кто напечатает? Придумал уже заголовок «Эффект нахрапа».

25 июня

Посадил перед домом бобы, а за домом — горох. Купался, как и вчера.

28 июня

Отправил в «Урал» и в «Книжн. обозр» ст. о Маркове. Да разве посмеют!

29 июня

Звонил Ю. Бондареву. Поздравил с дельным и смелым выступлением на XIX партконференции (передавали по ТВ), в котором он сказал, что наш самолет перестройки взлетел, а где он сядет — неизвестно. Ему отвечали глазник С. Федоров и Гр. Бакланов: мы, дескать, прекрасно знаем, куда самолет летит и где сядет. Бакланову договорить не дали, захлопали.

* * *

Через какое-то время Федоров разбился на самолете. Как символично!

Словно это был тот самолет, о котором так лихо говорили на конференции

1 июля

Работал над ст. о В.Астафьеве, о фронтовике, который не умеет читать военную карту.

2 июля

Купались с Таней. Астафьев.

6 июля

К Нине Петровне однажды явилась незнакомая женщина и заявил:

— Ваш муж — подлец!

— Мой Гриша? Не может быть!

— Он мне изменяет. Негодяй!

Потом выяснилось, что это была его любовница.

1 августа 88 г.

7 часов просидел под дверью Кукушкина. А он находился в парткоме. Окончательно утрясали списки принятых, и он немедленно исчез.

2 августа

Опять часа три-четыре просидел под дверью Кукушкина. Заходил к парторгу Чернову, потом — к Добренькову, но не застал.

17 авг.

Таня и Катя укатили в Коктебель.

19 авг.

Был в СП РСФСР у Бондарева. Он подписал письмо Ф. И. Перегудину.

Я отвез его и сдал секретарю.

25 авг.

Отнес в «Лит. Россию» восемь стихотворений: «Поэзия и смерть», «О, все доступно!», «Весь этот мир», «Silentium» и др.

29 авг.

Звонил Александр:

— О, если бы вы знали, как ваши слова (что Кати нет) ранят меня в самое сердце! Вот пижон!

30 авг.

Звонил гроссмейстер Крогиус Ник Вл. Прочитал с большим

одобрением, говорит, в «НС» № 8 мою статью об Анатолии Карпове. «Если эту тему будете развивать, я могу быть вам полезен». Договорились, что встретимся.

6 сентября 88

Ягодин сказал, что на меня жалуются писатели: слишком резок. Ах, Геннадий! Об этих оборотнях еще не так надо!

8 сент.

Был дома у Крогиуса. Он дал много материалов о Каспарове. За столом был и «Отборный».

14 сент.

Звонил Бондареву. Договорились встретиться в пятницу в Союзе.

18 октября, вторник

В 10.30 вернулся из Коктебеля

Зашла как-то Катина Соня. Я говорю Кате: «Угости ее кизиловым вареньем, попейте чаю». Мы же в этом году наварили и айвового, и кизилового. Катя говорит: «Соня, ты любишь варенье?» Соня отвечает: «Кто же не любит варенья!» Ответ, достойный Винни-Пуха. Как это нередко бывает у нас в доме с такими выражениями, Сонины слова стали крылатыми. Таня меня, например, спрашивает: «Тебе нравятся блинчики?» Я отвечаю: «Кому же не нравятся блинчики».

19 окт.

Звонили Вл. Богомолов и Ан. Богданович.

21 окт.

Был в Книжной лавке, купил книг на 46 р.

23 окт.

Занял у Коли Евдакимова 10 р., у Игоря Мотяшова — 15, у Мошковского -25. У дежурной Веры в котельной купил 10 кг антоновки за 10 р.

25 окт.

«Дорогая Л. Ф. (извините, имя Ваше не разобрал), мне передали из редакции журнала «Москва» Ваше письмо. Оно меня поддерживает и вдохновляет. Именно такую эпистолу я надеялся получить от Вас. Значит, не зря работаю.

А что касается шевеления волос на голове при чтении моего

сочинения, то есть одно верное средство — остричься наголо. Тогда это жуткое явление прекратится.

Всего наилучшего».

27 окт.

Звонил Солоухину на дачу.

29. X.88, суббота

18-го, во вторник, вернулся из Коктебеля. В пятницу поехали с Таней на дачу. В воскресенье она вернулась в город, а я остался до вторника. Во вторник, 25-го, приехал в город на электричке. Было уже около шести вечера. Быстро собрались и пошли с Таней на юбилей (90-летие) МХАТа на Тверской бульвар, к Дорониной (билет прислал Володя Бондаренко). Встретили там Палиевского, Свининникова, Любомудрова.

Вечер начался тем, что на поворотном круге на авансцену выехала вся труппа, а динамики гремели:

Наверх вы, товарищи,
Все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается
Наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Зал встретил это аплодисментами и смехом. Были и другие отменные сцены, особенно в конце, в капустнике.

А в пятницу, 21-го, по предварительному приглашению, сделанному 18-го, я ходил в приемную КГБ на Кузнецком Мосту на беседу с майором Анат. Фед. Рябополом и полковником Александром Ив. Васильковым. Р. симпатичный парень, а В. гусь отменный. Хвастовство так и перло из него: я работаю здесь 27 лет; я пишу статьи и стихи; получил премию «Лит. России» за цикл статей об американской литературе… Вначале вроде держался осторожно, а потом понесло. Речь они завели о Солженицыне. В. говорил, что его травят в США сионисты, что он страдает, он на распутье, что на Западе распространяются слухи о его переписке с Горбачевым, который-де размышляет, вернуть его или нет. Одни, говорит, внушают Горбачеву, что С-а надо вернуть, этого, мол, требует «новое мышление»; другие твердят, что это немыслимо. Это значит вывесить на Кремле белый флаг. А истина, говорит, где-то посередине. Словом, склоняли меня сыграть роль какого-то посредника в деле С-а. Например, написать статью «Вернется ли Солженицын?». Или послать ему

телеграмму. Или поехать к нему. Я, мол, говорю с вами не как официальное лицо, а просто как русский человек Я вам ничего не обещаю, просто предлагаю тему…

Ах ты, дерьмо собачье! Он как русский человек предлагает мне стать проституткой. Ведь когда он в самом начале спросил, как я думаю, вернется ли С, я ответил, что нет, ибо в нынешней обстановке его могут разоблачить как сексота. Спросил я его, имеют ли они отношение к публикации в «Огоньке» о сексотстве Бориса Дьякова. Ответил что-то невнятное, что он оказался, вроде, жертвой борьбы между кем-то.

Изображал себя вольнодумцем. Я, мол, думаю по-своему, добиваюсь своего, конфликтую с начальством.

Я спросил, жена Солженицына, Нат. Светлова, — еврейка? А почему бы и нет, ответил он. Знаете ли, прекрасный еврейский минетик… Тут мне захотелось послать его на… Болван. Хам. Бездарь.

Они попросили меня записать их телефоны. Записал. Но звонить, конечно, и не думаю.

Зашли с Таней за Викуловыми и пошли гулять вдоль Истры. Дошли до деревни Лужки, до церкви, до того места на берегу, где стоит каменный знак «Здесь проходила линия обороны в 1941 году». Поговорили, отвели душу. Сергей рассказал, что читал мою статью «С высоты насыпного Олимпа» в десятом номере «Мол. гв.» вчера в машине, когда ехал сюда, и так смеялся, что шофер попросил перестать читать.

30 окт.

Сбросил с крыши корпуса на наш задний огород 6 ведер полезного мусора — хвои, листвы, земли. И раньше — 8. Всего 14 ведер, а в прошлом году было 15. А кто их будет сбрасывать, когда у меня сил не останется? Гриша? Аня?

1 ноября 88 г.

Таня разбила бутылку коньяка. Какой ужас!.. Но хорошо, что на рынке, а не об мою голову.

2 ноября

Звонил Вл. Богомолов. Страшный матершинник. Зачем? Где успел привыкнуть? Меня это коробит. Это неуважительно к человеку, который не отвечает тем же. Вот так же коробило меня при встрече с генералом Ачаловым.

Я звонил Бондареву, которого ныне поносят, как только могут. Особенно тяжелой была статья Вигилянского (сына Ландау-Варламовой, которая в нашем подъезде).

Юра делает вид, что ему это до лампочки: — Никто не знает, откуда ветер подует завтра, — сказал Христос перед Голгофой.

4 ноября

Заняли у Гали Полторацкой 300 рублей. В магазине на Профсоюзной оплатили мебельный набор «Березка» — 779 р., 4 книжных полки — 62 р., доставка — 62 р.

8 нбр.

Ходил на лыжах. Так рано — впервые в жизни.

9 нбр.

Звонили Верченко из СП и гроссмейстер Крогиус

12. XI

Сегодня писал статью о прохвосте Коротиче — «Деяния святого отказчика» для «Молодой гвардии» и ходил на лыжах. А вчера, когда ехали вечером в «Икарусе» в Красновидово, В. Огнев сел на правое первое сиденье, которое обычно занимаю я. Ну, пришлось Тане сесть в глубине салона, а я сел на левое переднее сиденье. Держится Огнев со мной сдержанно — видимо, результат моей статьи в десятом номере «М.г.». Правда, днем звонил насчет автобуса. А сейчас я спросил его, видел ли он стенограмму собрания, на котором обсуждалось в 1958 году дело Пастернака. Он мне вот что рассказал:

Собрание проходило в старом Доме кино на улице Воровского. После выступления С. С. Смирнова, который председательствовал, и еще кого-то, я вышел из зала. Вдруг выходит Слуцкий, очень бледный (он выступал восьмым, после докладчика Смирнова — я). И тут к нему подошел Евтушенко и говорит

— Борис Абрамович, я должен вам крупную сумму (Слуцкий был добрый, он многим давал взаймы), но сейчас у меня этих денег нет, а пока примите тридцать сребреников. — И протянул ему два пятиалтынных. Слуцкий находился в таком трансе, что подставил ладонь и взял эти 30 копеек Мы вышли с ним на улицу вместе, но вскоре он сказал: «Володя, я хочу побыть один», и я его оставил. Я не знал, в чем дело, и поступок Евтушенки мне показался каким-то странным, немотивированной хулиганской выходкой. Но потом мне рассказали о выступлении Слуцкого.

Я спрашивал у Мартынова: «Леонид Николаевич, как вы могли?» Он ответил: «Я просто испугался, я боялся, что меня посадят».

Да, интересно. Значит, Евтушенко на собрании был,

выслушал Смирнова, Ошанина, Зелинского, Перцова, Вал. Герасимова, Безыменского, Софронова, Сергея Антонова и Слуцкого.

Я сказал Огневу

— Но он же голосовал и даже не воздержался!

— Он ушел с собрания.

На такой вот эффектный жест, который видели только двое, Евт. был способен, а выступить или проголосовать против, увы…

16 нбр.

Вера Соловьева взяла Писарева т.1 и «МГ» № 10 с моей ст. «С высоты насыпного Олимпа». Есть что почитать.

Звонила Оля Кожухова по поводу статейки о Рязанове в «НС» № 2. Схватилась матушка!

А. С. ИВАНОВУ,
главному редактору «Молодой гвардии»
«18 ноября 1988

Анатолий Степанович!

Могу доложить, что по поводу моей ст. «С высоты насыпного Олимпа» в «МГ» № 10 мне многие звонят, шлют письма и даже телеграммы. Слышу одобрение от людей самых разных — от Бондарева и Алексеева до Яши Козловского, который дважды при встречах на улице (мы живем близко) выражал мне свои восторги. А ведь я прошелся там по Бакланову, Боровику…

Причем некоторые хвалят не столько меня, сколько Вас. Так, Миша Синельников сказал: «Можно по-разному относиться к Иванову, но то, что он печатает такие статьи, — молодец!»

Вот несколько строк из письма, пришедшего из Твери: «ВЗАХЛЁБ читаем Вашу статью в «МГ» № 10. Вот это б о м б а!!! Вот это надрали Вы мнимых «перестройщиков», «апостолов наветов и сенсаций» (Ю. Бондарев)!

Без преувеличения — журнал стал бестселлером. Но дело не только в этом. Наконец-то мы перестали молча чесать задницу! Наконец-то начали называть прохвостов поименно — кто есть кто и что есть что. От души поздравляю Вас» и т. д. Это Владимир Юдин, преподаватель литературы в Тверском университете.

А один Ваш полный тезка даже стихи сочинил. Вы, наверное, знаете, что на недавних выборах президента в США по причине жены Дукакиса его поддерживали все сионистские силы страны. Так вот

У НИХ И У НАС

Сионистам полезен холодный душ.
Их план коварный разрушен.
В США победил не Дукакис, а Буш,
А у нас — не Бакланов, а Бушин.

Не будем, однако, предаваться радостным иллюзиям. Обстановка несколько изменилась в нашу пользу, но надо продолжать напор. А с помощью таких статей, как ст. В. Конотопа (Ваня, что ли, Шевцов постарался?), мы успеха не добьемся.

Всего наилучшего!»

* * *

Неисповедимы пути Господни. Не лучше ли было бы, если тогда в США избрали Дукакиса, а не Буша, которому Горбачев начисто сдал страну.

19. XI

Недавно, дней 10 назад, была по ТВ еще одна из бесчисленных ныне передач о гениальном, великом и народном поэте Пастернаке. Много говорил Нагибин. Его по телефону спрашивает кто-то из зрителей: «А почему вдруг стали так много говорить о Пастернаке?» Юрий Маркович, не моргнув глазом, ответил: «Потому что он гений». Ну вот возьмем кое-какие из самых популярных строк гения:

В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму шекспирову,
Таскал за собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Маяковский назвал это четверостишие из «Марбурга» гениальным. Но вглядимся:

Таскал за собою…

Мог ли Данте «таскать» за собой Беатриче, Петрарка — Лауру или Пушкин — Анну Керн, или его Ленский — Ольгу? «Всю тебя» таскал (кроме ног?) — это просто комично.

Шатался по городу и репетировал…

Это уже, вроде бы, наедине. А где же она? Еще:

О женщина! Твой вид и взгляд
Меня ничуть в тупик не ставят.
Ты вся как горла перехват,
Когда его волненье сдавит.

«Твой вид и взгляд…» Какая проза при такой теме! «У вас сегодня неважнецкий вид» и т. п. И больше подошло бы «взор», а не «взгляд».

Когда простым (?) и нежным взором,
Ласкаешь ты, меня мой друг…

Это, конечно, не высокий образец поэзии, но слово «взор» на месте.

Но вот Пушкин:

Увы, куда ни брошу взор…

А как это

Меня в тупик не ставят…

Ну, явно не те слова! Поставить в тупик — безысходное положение. Поэт хотел сказать именно это?

Ты вся как горла перехват…

Но это и значит, что «поставила в тупик».

Когда его волненье сдавит…

Тут повторение предыдущей строки: если уже есть «перехват», то зачем «сдавит»? Это одно и то же. Еще?

И надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства.

Услышать будущего зов.

Все прекрасно, кроме двух вещей:

1. Нет нужды в словах «к себе».

2. И что это за пустое безлюдное «пространство»? Почему не «земля», не «люди»?

Другое дело — у Мандельштама:

Но если истинно поется,
И полной грудью, наконец, —
Все исчезает, остается
Пространство, звезды и певец!

Прекрасно!

Это только при беглом взгляде.

21. XI,88, понедельник

Выпало много снега, и еще 8 ноября я уже ходил на лыжах. Вчера, как и сегодня, был прекрасный зимний день: солнце, легкий морозец, белизна. В четыре часа я пошел позвонить насчет автобуса, которым мне поручено заниматься. Когда шел уже по ту сторону шоссе, передо мной вдруг возникла женщина — молодая, статная, с красивым и ярко накрашенным улыбающимся ртом. «Скажите, где тут остановка автобуса в Москву?» Ей явно хотелось поболтать, пошутить, может быть, познакомиться. Мне надо было, конечно, сказать ей что-нибудь в таком духе: «Как? Вы уже уезжаете? Ну зачем? Посмотрите, как вокруг прекрасно. Мы только встретились, а вы уже уезжаете. Ну, хоть подарите номер телефона» и т. п. Когда-то же я был мастак на такие речи. А тут, ошеломленный внезапным явлением такой красоты, я не поймал брошенный мне мячик, а принялся правильно и нудно объяснять ей, где находится остановка. Я даже отвернулся от нее, как от слепящего света, и показал рукой, где остановка. Да она прекрасно знала, где эта остановка. Я был жутко серьезен, ни разу не улыбнулся. Уступил ей дорогу, и она пошла, наверняка думая при этом: «Господи, какой скучный болван!» Но, право же, нельзя возникать так внезапно такой красивой женщине перед мужчинами моих лет. Увы…

22 ноября

Звонили Шундик, Семанов, Чалмаев, В. Сафонов.

А. С. ИВАНОВУ

«Главный редактор! А главный редактор! За все двадцать лет редактирования журнала вам посчастливилось напечатать хоть одну гениальную вещь? Ведь нет же!

Так вот, даю вам возможность сделать это — посылаю статью «Деяния святого отказчика» — о В. Коротиче, но не только. До скорого!»

* * *

Статья была напечатана в «МГ» № 2 за 1989 год. И тоже произвела шорох.

25,26

Читал воспоминания генерала Горбатова А. В. Ходили с Таней на лыжах.

27. XI

24-го, в субботу, получил в «МГ» гонорар за статью в десятом номере «С высоты насыпного Олимпа». 530 рублей! О-го-го! Не ожидал. Думал, рублей 400, не больше. Может, они к этому приплюсовали премию, которую решили мне дать? А перед этим, 22-го, я пошел в сберкассу на улице Степана Супруна снять деньги, чтобы заплатить 2600 рублей за Катину квартиру, и вдруг контролер Людмила Ивановна, которая знает меня с незапамятных времен, с тех пор, как я только переехал на Красноармейскую, — вдруг она говорит, что мне был перевод на 353 рубля, но она его возвратила в какую-то свою центральную кассу, так как здесь нет моего счета. Дала мне телефон, стал я названивать, с великим трудом удалось добиться толка: некая Инна обещала перевести мне эту сумму на мой счет в сберкассе, что на Ленинградском проспекте. Но что это за перевод, кто прислал деньги — так и не знаю.

Получив 24-го гонорар, зашел к Инне Симоновой, которая работает сейчас в исторической редакции «МГ». Соблазнил ее кутежом в ЦДЛ. Там мы встретили ее дядюшку Колю Плевако. И очень славно посидели в Малом зале — никто не мешал, одни. Выпили (я выпил) бутылку «Цинандали», съели по какой-то рыбной котлете. Вдруг, блистая Звездой, влетает Анатолий Софронов, кого-то ищет. Я его пригласил к нам за стол, он отказался, а потом я сказал:

— Правильно вам и Солоухину недавно врезали (в «Огоньке» и в «Сов. культуре»). Не надо юлить и не надо вертеться. Ведь ваше интервью (в «Журналисте») читать смешно! Перечислил всех

евреев, что знал в жизни, и клянетесь им в любви.

— Вы меня презираете?

— Не презираю, но не надо давать такие интервью. Вы там дошли даже до того, что сказали: вот, мол, писал я песни с Новиковым, но они не так удачны, а вот с Кацем!

Он что-то еще пробурчал и ушел. Жаль, что не успел сказать, как смешон и лицемерен он со своими словами о Пастернаке: он, мол, хорошо ко мне относился, хвалил мои стихи. И как же, мол, я мог голосовать за его исключение.

Да, 26 октября 1958 года на объединенном президиуме он не голосовал за исключение, но 31 октября на общем собрании Московского отделения произнес вполне беспощадную речь. О, Господи!

3. XII.88

Я приехал вчера на дачу с трехчасовым автобусом, Таня — с семичасовым. Сегодня первую ночь спал безо всяких радикулитных помех, досаждавших мне недели три. Сейчас начну работать над статьей «Еще о «гражданской казни» Пастернака».

9 декабря

Звонили Яша Козловский, Евг. Карпов, Ив. Шевцов.

13 дек

Вот что интересно. Горький — человек из народа, был очень близок к большевикам, поддерживал их материально, встречался, переписывался с Лениным, тот бывал у него на Капри, написал роман «Мать», где образ Павла едва ли не большевистский, какое-то время даже состоял в партии и никак лично не пострадал от революции. Но при всем этом Октябрьскую революцию встретил в штыки, в своей газете «Новая жизнь» ужасным образом поносил и большевиков, и лично Ленина. Нашел с ним общий язык, сблизился, понял Ленина только после покушения на него Каплан. А Блок родом из утонченной интеллигентской среды, возвышенный поэт, да еще у него сожгли дачу, но принял революцию сразу, написал первую поэму о ней, воспел ее и осенил именем Христа. Тут много пищи для размышлений.

16 дек.

Выступал в обществе слепых.

18. XII

Вчера позвонили Кате, она радостно сообщила, что получила пятерку по истории первобытного общества. Я сказал, что знаю

почему. Потому, что ты хорошо понимаешь душу первобытного человека, ибо сама — первобытный человек и живешь в пещере. Смеется.

О, Господи! Если бы получать только такие вести…

14—15-го был пленум РСФСР. Я сходил только на второй день. Подошел в вестибюле к Ольге Фокиной — «Позвольте пожать вашу руку». Представился. «О! Это я хочу пожать вашу руку. Ваша «Скорбь б/у» о лицемерии Вознесенского лежит у меня на столе». Ну, обменялись любезностями.

Когда сидел в кафе и ел простоквашу, подошел К Ваншенкин, вроде навеселе:

— Ты, говорят, что-то обо мне написал.

— Да, о том, что ты предлагал запретить песню «День Победы» Харитонова и Тухманова. Даже требовал судить за такие песни.

— Мне там не понравилась только одна строчка, а запретить я предлагал песню Пляцковского.

— Да нет, ты, видно, за давностью лет подзабыл кое-что.

— Ну, хорошо, это мне развязывает руки. Вроде как бы угрожал, что ли.

А строчки он имел в виду эти:

> Здравствуй, мама. Возвратились мы не все.
> Босиком бы пробежаться по росе

Конечно, вроде бы плохо, что сразу после смерти — «босиком бы». Но можно и так понять, что этот резкий переход от трагедии совсем к другой теме и говорит лучше всего, как велика эта трагедия — о ней нет сил говорить.

19 декабря

Звонил Богомолов, приглашает зайти к нему.

Незнакомые Семен Осипович, Вл Ив., Иванова звонили по поводу моей статьи «Как Гриша посадил Аркашу» в «Московском литераторе». Некий Арк Норинский из Ленинграда прислал в «Знамя» Гр. Бакланову письмо будто бы от общества «Память» с угрозой физической расправы. Гриша знал, что это провокация, но напечатал письмо и поднял вой на всю страну. А ленинградские кагэбэшники или эмвэдэшники довольно быстро сыскали этого провокатора и сцапали. Недотыку судили, дали какой-то срок Вот так Гриша и посадил Аркашу, в сущности, своего тайного друга сердечного.

20 декабря

Тане 50 лет! Уму непостижимо… Давно ли, когда познакомились в «Литгазете», она прибавляла себе, говорила, что уже двадцать, а было еще 19. И вот уже прошло столько да еще полстолько…

21 декабря

Видимо, желая извиниться за свою подпись под письмом против меня в «Моск. правде», позвонил Игорь Шкляревский, с которым я в общем-то незнаком но говорил, что-то невнятное. Меня, говорит, возмутило, что ваше письмо о фронтовике Карпове было напечатано накануне Дня Победы. Будто не знает, что дата публикации от меня не зависела, ее избрали в редакции.

22 декабря

Звонил Байгушев. Сказал, что на пленуме Московского отделения СП завалили в «народные депутаты» Шатрова, Рыбакова, Коротича и Розова, но Бакланов двумя голосами прошел.

Лариса Федорова хохотала в трубку — так ее развеселила моя ст. «Два Аякса» о Суровцеве и Оскоцком в «Москве» № 11. Ну, действительно, такая самоуверенность и напыщенность, такая амбиция при такой амуниции.

И. И. ШКЛЯРЕВСКОМУ

«22 декабря 88

Ваш вчерашний звонок, Игорь, был для меня неожиданностью. Я послал Вам письмо в мае, а Вы звоните спустя семь месяцев трудных раздумий.

И я, конечно, сразу подумал, что Вы хотите извиниться за участие в недостойном деле в купе с тремя Героями тогда же, в мае. Но Вы много говорили о тяготах и хлопотах своей жизни, о терзаниях души, о том, как старательно избегали юбилейных торжеств и т. д. Еще Вы сказали, что давно хотели мне позвонить, но в справочнике нет моего телефона. В каких справочниках? Во всех справочниках СП с начала 60-х годов он есть.

Очень хорошо говорили Вы и о том, как ужасна сейчас обстановка в Союзе писателей, сколько вражды, злости и т. п. Да, это так И чтобы не множить вражду и злость, надо не принимать участие в недостойных делах, в таких, например, как коллективное избиение одиночек Тем более, если тебе начальство говорит при этом: «Ну, пни же его! Квартиру за это получишь»…

Припомнив потом все, что Вы сказали по телефону, я с великим удивлением не обнаружил там ни единого слова хотя бы сожаления о том вашем коллективном подвиге на страницах

«МК». Наоборот! Вы оправдывали свое соучастие. И довод у Вас был такой: Бушин выступил против Карпова в День Победы! Может быть, Вы писали это в болезненном состоянии? Кто же из литераторов, которые выступают в газетах, не знает, что дату публикации выбирает не автор, а сама редакция… Так вот, будем считать, что Вы мне не звонили».

22 дек.
Н. И. ДОРОШЕНКО
главному редактору «Московского литератора»

«Дорогой Николай Иванович!

Посылаю новую статейку. Если потребуется сократить, сократите строки, взятые в красные уголки. Буду признателен, если пришлете несколько экземпляров «МЛ» за 16 декабря с моей статьей о Яковлеве.

Если газета платит гонорары, то прошу гонорар за 16 декабря перечислить в помощь армянам, Спитаку: жилсоцбанк, счет 700412, землетрясение.

С наступающим Новым годом!»

А.С ИВАНОВУ,
«27 декабря

Анатолий Степанович!

Поздравляю с наступающим Новым годом. Желаю здоровья и добра. И дай-то Бог, чтобы 1989-й оказался мягче и добрей к нам, ко всему народу, чем уходящий год.

Желаю смелее учиться у противника, которому для пропаганды его идей не требуется ничего, кроме бумаги и печатного станка. А мы все оглядываемся на начальство, согласовываем, утрясаем.

Желаю, в частности, по примеру того, как они из номера в номер печатают ивановых, сарновых, рассадиных, смелее печатать Бушина, помня, что, пока мы выпустим один номер журнала, они выпустят четыре, и во всех — те же рассадины, сарновы, ивановы. Да еще четыре номера «Московских новостей» и 12 номеров «Советской культуры», где авторы того же толка.

Если бы эти ребятки имели такую статью, как моя «Забота о забвеньи» (о «Письме одиннадцати»), они ее уже бы пять раз переиздали. А Вы — как рыцарь Грюнвальдус сидите в раздумье…

Всех благ!»

1 января 1989 года

Новый год встречали на даче в соседнем подъезде — у Асадовых. Легли в 3 часа. Около 3-х дня они пришли к нам обедать.

2 янв.

Таня уехала в город. А я закончил «Открытое письмо к Горбачеву».

3 янв.

Вчера вечером вернулся с дачи. Сегодня отвез в «ЛГ» ст. «Соблазн прокукарекать первым» о Куняеве. А он тут как тут. На обратном пути остановился с С. П. Бабаевским у 1-го подъезда, а он как раз вышел. Что ты, говорю, о Горьком написал? «Где? Когда?» — «Ты оклеветал его, изобразив вдохновителем бухаринских «Злых заметок» о Есенине». Ничего знать не хочет. Об этом и есть моя статья.

* * *

Я тогда не знал всей меры ненависти Куняева к Горькому. Получив премию им. Горького и вскоре став главным редактором «Нашего современника», он первым делом вслед за Ф. Бурлацким в «Литгазете» смахнул его портрет с обложки журнала, где он красовался лет тридцать.

Я сказал тогда на даче Викулову, который остался членом редколлегии:

— Что вы делаете! Как вам не стыдно в одной упряжке с Бурлацким?

— А я и не заметил…

Вот они — патриоты, радетели русской литературы. Завтра памятник Пушкину снесут — они и этого не заметят.

4 января

Звонил Бондареву по поводу «Открытого письма» ему Михаила Колосова в «Огоньке». Письмишко подлое, написано в духе прозрения: а я-то думал!.. Бондарев, видимо, деморализован бешеной атакой на него Вигилянского в том же «Огоньке» и др.

5 *января*

Звонил Федор Шахмагонов (бывший секретарь Шолохова). Приезжал от него человек, забрал его рукопись об АСолж Читал верстку.

7 янв.

На даче ходили с Таней на лыжах. Писал статью о спекуляциях на теме «культа личности». Дочитывал верстку.

* * *

Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним…

Едва ли. За муки можно пожалеть, приласкать. Но полюбить? За состраданье можно благодарить, уважать. Но полюбить?

Гораздо вернее сказано у Горького: «Любовь — как солнце на небе, неизвестно на чем держится». На красоте? Далеко не всегда.

8 янв.

Таня расхворалась. Автобус не смог нас увезти. Остались ночевать на даче.

9 янв.

Вернулись с дачи часам к 12. В пять поехал в «Н.С.» с версткой. Звонил Викулову. Он сказал, что на российском секретариате выгнали М. Колосова.

В. Коротич провалился в Доме культуры «Правды». Ожидал 500 человек, а пришло не больше 350.

11 янв.

Поздно вечером звонила кор. испанской газеты «Эльпаис» (Страна) Пиляр Бонет. Сказала, что сегодня в этой газете напечатана ее большая статья о плагиате Вл. Карпова в его «Полководце». Спросила, где он получил звание доктора. Я сказал, что в Глазго.

Плагиата у него действительно там немало, содрал кое-что даже у Симонова, в кресле которого сидел в «Новом мире». Но какое дело до этого гордым испанцам, подданным его величества короля Хуана?

12 янв.

Звонили П. Бонет, В.А Юдин из Твери, Коробков из Воронежа — по поводу вранья Ан. Жигулина в якобы документальной повести «Красные камни» о подпольной молодежной организации в городе вскоре после войны. Он сейчас в духе веяния изображает ее антисталинской, а на самом деле она была

ультракоммунистической, скорее, даже полпотовской. В ее уставе предусматривался даже расстрел за отступничество. А оружие у них было. Естественно, такую тайную организацию с таким уставом загребли. И Анатолий несколько лет отсидел. А стихи у него хорошие.

Я звонил В. Богомолову, Бонет, Ю. Бондареву, которому рассказал о статье Бонет и о моей ст. в «Н.С.» № 3.

17 янв.

Писал ст. «Бах! Бах! в генералиссимуса»

Звонил В. Микушевич.

20 января

Звонил Байгушев.

23 января

Отнес в «Москву», отдал Вике Софроновой, которая меня терпеть не может, четыре статьи: «Сорок тысяч братьев», «Сегодня как позавчера», «Наконец-то!», «О войне с секундомером». Ведь ничего не напечатают!..

24 янв.

На дне рождения были Белошицкие и Лариса Кожухарь.

25 янв.

Катя уехала с Соней на каникулы в Киев. Вике Токаревой в поликлинике Литфонда я прочитал строки Брюсова:

Ты должен быть гордым, как знамя,
Ты должен быть острым, как меч.
Как Данту подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Нашел кому…

27 янв.

Обращает на себя внимание, что в батарее у Бакланова кого только нет и татары, и украинцы, и грузины, и армянин, и кто-то с «монгольским лицом». Так что русские-то на положении нацменьшинств, чего уж никак не было на фронте. И в госпитале — в палате два еврея: Ройзман и Атраковский. И все симпатии отданы им. Они и умные, и тонкие, и талантливые. А другие?.. Вон слепой Ройзман — даже слепой! — все время выигрывает в шахматы у зрячего Старых, который наделен чертами тупой

подозрительности. А ведь читатель-то, Гриша, не слепой.

28 янв.

На даче работал над ст. «Забота о забвении».

31 янв.

Сейчас на прогулке вдруг осенило: как здорово у Толстого Николай Ростов вместо того, чтобы выстрелить в догоняющего его французского гусара, швыряет в него пистолет. В этом нелепом жесте так много проявилось: и страх, и полная растерянность, и душевная неготовность к тому, чтобы выстрелить в человека и убить его.

2 февраля.

Отнес Вале Кургановой в изд-во «Сов. Россия» ксерокопию ст. об Окуджаве «Кушайте…» для коллективного сборника.

В 3–6 часов роскошно пообедали с Экономовыми в ресторане ЦДЛ. 50 рэ. Мои 20 Аркадий не взял.

4 февр.

Работал весь день над статьей до боли в правой руке.

10 февр.

В ЦДЛ поминки Славы Пушкина.

12 февр., воскр.

Вечером Таня уехала в Казань. Весь день работал над ст. «Забота о забвенье».

13 февр.

Был Гриша С, звонил В. Бондаренко.

14 февраля.

Вчера во время прогулки в парке пришли на ум такие вот строки:

Ярослав Васильич Смеляков
За меня однажды поднял тост.
Не терпел он шлюх и дураков,
Был он прямодушен и непрост.

15 февр.

Наши войска ушли из Афганистана.

Ездил в «Москву», взял 5 экз. с моей ст. «Как один критик

генералу конфузию учинил».

16 февр.

Звонил Богомолов. Сказал, что В. Карпов с той недели в б-це, даже в реанимации.

24 февр., пятница

Утром Таня вернулась из Казани. В 7 вечера уехали на дачу.

25 февр.

На даче работал над версткой ст. «Когда сомнение уместно». Заходил к Викулову дал ему «МГ» № 2. Там моя ст. «Деяния святого отказчика» — о прохвосте Коротиче.

4 марта 1989, суббота.

Окончил ст. «Я голосую за Иуду».

6 марта Гроссмейстер Крогиус.

М. П. ЛОБАНОВУ

«13 марта 1989 года

Дорогой Миша!

После нашего телефонного разговора в светлый день Восьмого марта еще раз просматривая твое интервью в «Кубани», я споткнулся о слова, которых раньше не заметил: оказывается, ты не читал статью Нины Андреевой «Нельзя поступаться принципами» в «Советской России». Как же так? Не читал, а наговорил мне таких оскорбительных слов о ней. А если вот таким макаром, не читая, о тебе? Ведь будешь возмущаться, негодовать.

И как не остановило тебя простое соображение опрятности: вот уже целый год вся наша пресса от могучей «Правды» до последней районной шавки остервенело бьют, пинают, поносят человека, — и ты вместе с ними! Ты, писатель, которому отчасти приходилось на собственной шкуре изведать, что такое у нас «объективное мнение», ты вместе с этой бандой негодяев, с этой сворой газетных бульдогов! Виктор Конецкий по ленинградскому ТВ назвал ее «бандершей публичного дома». Ты с ним? Ведь ничего подобного этой расправе над человеком, который всего лишь высказал свое мнение, не было у нас никогда. И все это тем более омерзительно, что творится руками людей, которые без конца мусолят слова об уважении к личности, о милосердии, а многие и кресты напялили. Хоть вспомнили бы, что перед ними женщина…

Коли ты не читал ни ее статьи, ни интервью «Вестнику» и «Нью-Йорк таймс», то бесполезно говорить с тобой о ее взглядах и суждениях. Скажу только, что можно по-разному к ним относиться, но нельзя отрицать у этой женщины, по крайней мере, двух качеств. Первое — это человек честный: что думает, чувствует, то и говорит, то и пишет. Второе — это человек мужественный: целый год беснуются вокруг нее все эти яковлевы, рыбаковы, захаровы, а она стоит на своем. Ты много видел в жизни таких людей? Ты много их видишь сейчас? Так вот, хотя бы за эти два качества характера и свойства души, столь прекрасных и редких, этот человек достоин глубочайшего уважения. Ужас времени состоит в том, что такие от века ценившиеся черты человека теперь не только не ценят, но даже высмеивают, преследуют, гонят.

Поразил ты меня и отношением к Павлику Морозову: «Гаденыш!..» Во-первых, тебе, уже старому человеку, надо бы знать, что политические и иные страсти ставили, ставят и будут ставить по разные стороны, заставляют враждовать самых близких людей. Тарас Бульба за измену убивает собственного сына; у Горького в «Сказках об Италии» мать убивает предателя-сына; у Шолохова в «Тихом Доне» сыновья убивают отца, изнасиловавшего свою дочь, их сестру… Так почему же вы об этом молчите, а к Павлику у вас такая ненависть? Во-вторых, ты и твои единомышленники говорите о нем с такой лютой злобой, словно он на предательстве отца сделал блестящую карьеру или обогатился, в-третьих, если он и виноват, то с него содрали за это цену, выше которой нет — жизнь. С изумительной легкостью вы обходите его зверское убийство. Будто это такой пустяк, ну, вроде выговора в пионерском отряде, что о нем и упоминать не стоит. И в этом тоже ужас времени. Я сказал тебе: «Ведь ребенок же, тринадцать лет!» Ты поправил меня: «Четырнадцать». Я спросил: «Так что, с четырнадцати можно убивать?» Ты промолчал. А братишке его Феде и вовсе было лет семь-во-семь. Так ведь и его зарезали…

Вам и в голову не приходит подумать, что же это были за люди, с которыми Павлик схватился, если они могли убить двух подростков. Это же звери. И Павел был прав, выступив против них, они сами доказали это своим зверством.

И ведь надо же знать разницу между каким-нибудь московским доносчиком или платным сексотом вроде Солженицына, который доносил в лагере на собратьев по несчастью, или Льва Копелева, который, работая в заводской многотиражке, делал для гепеушника Александрова, как сам признается, «обзоры настроений» сослуживцев, — и мальчишкой

из глухой уральской деревушки. Странно мне видеть тебя и здесь в одном строю с «Огоньком» Коротича, «Московскими новостями» Егора Яковлева да «Советской культурой» Альберта Беляева.

А ведь, между прочим, никакого доноса и не было. Павел на суде только подтвердил показания матери о жульничестве отца, который бросил семью, ушел к другой женщине в этой же деревне, что само по себе было в ту пору в русской деревне великим срамом. Буквально через два дня после нашего разговора, 11 марта, в «Советской России» появилась статья «Правда о Павлике Морозове», из которой это и следует. Почитай. А еще — статью Вероники Кононенко в журнале «Человек и закон» № 1.

Я понимаю этих антисоветчиков и русофобов — Альперовича (Дружникова), Амлинского, Бурлацкого, Эйдельмана, Соловейчика, но горько видеть в этой компании по травле покойного мученика тебя, Солоухина, Балашова, Куняева…»

22 марта.

Вечером звонил Ан. Карпов. Договорились созвониться 31-го.

29 марта.

Юрий Вронский взял на десять дней Атеистический словарь.

1. IV.1989

Стояли вчера в 3 часа на Красноармейской улице и ждали наш «Икарус», чтобы ехать в Красновидово. О чем-то трое разговариваем — Миша Коршунов, его жена и я. Подходит Сергей Островой. Как всегда, бодрый и уверенный. Вдруг начинает хвалить меня: «Злое у тебя перо, но талантливое. С тобой можно не соглашаться, но это всегда очень талантливо, очень! Я сразу как вижу в журнале твою статью, начинаю читать с нее» и т. п.

Ну, я молчу, а про себя думаю: «Ведь знаю, знаю, чего он стоит, а — приятно!» А когда тебя хвалят какие-нибудь академики неизвестных тебе наук? Вот то-то и оно! Дело-то очень непростое.

20 марта был с Юлией Петровной Некуль на вечере издательства «Советская Россия» в Лужниках, в спортзале «Дружба». О, это нечто! Выступали министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев (провалился), Илья Глазунов, перед ним Татьяна Доронина, еще раньше Солоухин, перед ним какой-то батюшка. Надо бы записать, да ведь некогда, столько приходится читать, что света белого не вижу.

2 апреля 1989, воскр.

Выпал обильный снег, метель.

4 апреля

Записался на телевизор «Рекорд».

7. V.89

Это надо зафиксировать… Сейчас я отовсюду слышу за свои статьи похвалы. Причем иные психи уж всякую меру потеряли. Звонит какой-то Шкодин: «За статью «Когда сомнение уместно» (это что в «Н.С.» № 4) вам надо Ленинскую премию дать!» Некий Евгений Одинцов пишет: «Ваши статьи будут рвать друг у друга из рук и через 400 лет!» В. Черкашин кричит в трубку: «Гений!» Знаю, что некоторые почитатели собирают все мои статьи (например, Таня из МХАТа или подружка Иры Ивановой). Некто Иевлев написал мне, что пошел в библиотеку, чтобы прочитать мои статьи, а во всех журналах они вырезаны. Ну и тому подобное. И вот я уже начинаю ждать похвал, мысленно требовать их от знакомых. И что же происходит?

Зашел ко мне на днях Олег Зобнин. Он все мои статьи читал и всеми восхищался. Я жду, что он скажет, вернее, как выразит восторг по поводу последней статьи «Когда сомнение уместно» в «Н.С.» № 4. А он молчит. Долго молчит. И я чувствую, как во мне растет против него раздражение. Но потом все-таки заводит речь, но говорит без привычного мне восторга, в чем-то, кажется, еще и сомневается: правомерно ли, мол, требовать документальной точности от художественного произведения? Потом соглашается, что в данном случае (в пьесе М. Шатрова «Дальше») правомерно. Но я чувствую, как мое раздражение растет…

А если все это возвести на другой уровень, допустим, на уровень Мишки-комбайнера? Он-то пятый год слышит одни похвалы. И, конечно, будет раздражен не только против своих критиков, но даже и против тех, кто просто молчит, не хвалит, не величает гением. О, как страшно устроен человек!..

9 апреля, воскр.

Звонил Евг. Як. Джугашвили, внук Сталина.

Послал по почте КАКорнеенковой «С высоты насыпного Олимпа», «Деяния св. отказчика», «Я солдат еще живой», «Как один критик…» и еще что-то.

14 стр.

Заходил профессор Гаджиев Салех Наврузович из Тюмени.

15 стр.

На дне рождения у Кати было человек 15. Таня все приготовила как надо. Я купил три бутылки пепси.

М. Н. АЛЕКСЕЕВУ

«5 июня 89

Михаил Николаевич!

В начале мая В. АСофронова возвратила мне шесть статей, которые я предлагал на выбор «Москве». Ни одна ее не заинтересовала. Я предложил ей еще одну. Сказала, что тут же прочтет и позвонит. Идет второй месяц… А дело простое: она боится моих статей, не решается взять на себя ответственность. Поэтому вновь вынужден обратиться к тебе: почитай. Уж такой у вас порядок в редакции: все делается только с твоего одобрения. И где только ты набрал таких соратников!»

11. VI

Вчера закончился Первый съезд народных депутатов. (Я писал в «Литгазету» и в «Известия»: зачем народных? Зачем высокопарное пустозвонство? Даже не ответили.) Он начался 25 мая и вот продолжался 17 дней. Было, кажется, два выходных, и не работал в день траура из-за катастрофы в Башкирии.

Каков итог? Какое впечатление? Я видел по телевидению почти все, за исключением отдельных эпизодов (например, второго отпора академику Сахарову в пятницу, 9-го).

Прежде надо заметить, что, как ясно из разговоров здесь у общественного телефона и в мимолетных встречах, Нуйкин, Гребнев (кино) и вся их компания сильно разочарована, пожалуй, даже травмирована съездом. Ну как же! От Т. Заславской, выступившей во второй день работы с провокационным заявлением о бесчинствах накануне московской милиции, потребовали извинения.

Евтушенко, которого какой-то рабочий выдвинул в конституционную комиссию, набрал всего 449 голосов и оказался провален. Карякину, выдвинувшему целый букет экстравагантных предложений (верните гражданство Солженицыну и т. п.), за его предложение ликвидировать Мавзолей и похоронить Ленина на Волковом кладбище рядом с матерью — «Советская Россия» дала отповедь устами племянницы Ленина Ольги Дмитриевны.

Ни Марк Захаров, ни Коротич, ни Ульянов, ни Заславская еще раз, ни многие другие (Вас. Быков, например) свистуны перестройки не посмели подняться на трибуну.

Егор Яковлев («Московские новости»), который всю жизнь паразитировал на ленинской теме, а ныне — антисоветчик, выступил бесцветно, ничем не запомнился.

Юрий Афанасьев нахамил съезду, назвал его сталинско-брежневским и навесил ярлык «послушно-агрессивное большинство», — и ему дали отпор.

Гав. Попов, призвавший к созданию фракций, тоже получил решительный отпор. Впрочем, к его второму выступлению отнеслись достаточно снисходительно. Н. Шмелеву, который заявил, что его не интересует, что будет завтра, важно сегодня, — ответил сам Горбачев. И т. д.

Но главное разочарование Нуйкина связано, конечно, с акад. Сахаровым.

Старичок вел себя как на своих именинах, то и дело лез на трибуну, надоедал, а за свое клеветническое заявление о том, что-де в Афганистане наши расстреливали своих, попавших в плен, получил такой отлуп, что лучше не придумаешь. Устроили ему головомойку и в пятницу, 9-го, когда он решил подвести итоги съезда, но я это, к сожалению, не видел. Уж не говорю о том, что никаких важных постов друзьям Нуйкина занять не удалось.

Ну, ввели Коротича в какую-то комиссию (кажется, по Тбилиси). Как же тут слезы не лить. Как же не печалиться!

15 июня 89

Звонил Алексеев. Сказал, что статья написана сильно. Условились встретиться в понедельник.

* * *

Речь шла о статье «Голоса и глушилки», которая так и не появилась в «Москве».

17 апреля, вторник

Сегодня день рождения Сергея. Ездили с Адой на его могилу. Потом заехали к ней, пообедали.

18 апр.

В 9.10 утра позвонил Михалков. Хвалил мои статьи.

Звонила некая Троицкая Тат. Серг. Просила зайти, хочет что-то мне передать, видимо, какие-то книги или документы. Ей 69 лет, очень больна, боится умереть.

22 апр.

Дождь. Гром, молния.

Заходил Викулов, взял ножовку.

24 апр.

Звонили Панфилов из Ташкента, В. Богомолов два раза, полк Шкодкин Конст. Ник, Николай Федь, критик

29 апр. субб.

Посадил одну грядку картошки. Работал над ответом В. Лакшину.

30 апр. Пасха

Таня ночью переселила хомячка Тузика из засортирья на балкон. Говорит, что глазик у него в порядке. А мне показалось на прошлой неделе, что у него вовсе глазика нет.

6 мая 89, суббота

Звонил Вас. Ив. Акулинин, секретарь Владимирского отделения СП, просил приехать. Я обещал 17-го.

Звонил Калугин из ж «Слово», просил написать о Сталине.

9 мая

На даче отметили День Победы. Был Викулов.

12 мая

Звонил Вл. Юдин, просил приехать в Тверь и выступить в ун-те. Договорились, что 22-го. Он будет ждать у головного вагона.

16 мая

Аня Каминская взяла рассказы Горького.

Звонила Нина Андреева из Л-да.

Л. И. ИВАНОВУ. ОМСК

«17 мая 1989

Дорогой Леонид Иванович!

Приятно было в числе других добрых откликов на статью «Когда сомнение уместно» в «Нашем современнике» получить и Ваш.

Вы пишете, что стали следить за моими публикациями после нашего знакомства в Малеевке, где сидели в столовой за одним столом у окна. Но Вам это, конечно, удалось не сразу, т. к с 79-го года по 87-й — целых восемь лет — не удавалось напечатать ни одной статьи. Но вот сейчас потоп моих публикаций. Но я согласился бы и дальше молчать до конца дней, лишь бы не видеть тех мерзостей, что нахлынули на нашу землю по сигналу Горбачева и Яковлева. Хрущев хоть после кровопролития в

Венгрии кое-что понял, а ведь эти получают оплеуху за оплеухой и все никак не очухаются, не поймут, что творится, куда они завели страну. Дорого нам придется расплачиваться за волостной уровень их кругозора. А надеяться можно только на себя. Положение как на Куликовом поле: перешли на тот берег и сожгли за собой мосты: либо выстоим, либо погибнем.

Всего доброго!

Спасибо за поддержку. Она так нужна!»

18 мая

Встреча «Единства» у метро «Смоленская» в 12 ч. В каком-то смоленском переулке собралось человек 80. И что?

* * *

Каким выразительным, емким, сильным может быть простое перечисление. У Пушкина:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой…

Или:

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви….

У Блока:

О подвигах, о доблести, о славе
Я забывал на горестной земле…

А у Ахматовой так

Я клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом,
Я к тебе никогда не вернусь…

Нельзя клясться одновременно иконой и «чадом» любовных

ночей. Это безбожно.

19 мая

Второй день работы «Единства» в р-не метро «Новогиреево», в помещении какого-то клуба.

22 мая

На даче работал над ст. «Голоса и глушилки».

22 мая, Тверь

Выступал почти два часа перед студентами филфака ун-та. Ночевал у Юдина.

23 мая

По ТВ выступали Рой Медведев, Гранин, Коротич, Н. Шмелев. В любого плюнь — не ошибешься.

24 мая

Выступал в Дзержинском РК партии перед пропагандистами (человек 600).

27 мая

С Мишей Фоменко купили и приволокли телевизор «Рубин».

2 *июня*

Начал купаться.

3 *июня*

Работал над ст. «Голоса и глушилки». Купался. Читал стенограмму съезда.

4 июня

Посадил последнюю картошку.

6 июня

На балконе в городе расцвели петуньи.

* * *

И милый Миша Селезнев из Днепропетровска, и Миша Фоменко, и Боря Куняев из Риги, все фронтовики, умерли. Мы не раз праздновали с ними День Победы и в Москве, и в Коктебеле. Фоменко умер давно, Миша не дожил несколько дней до 65-летия

Победы. Мы только что с помощью Тани Лебедевой, которая тоже из Днепропетровска, восстановили прерванную этим бардаком связь, и вдруг… Борис умер раньше…

12 июня

Три дня смотрел съезд. Написал ст. о Яковлеве. Купался.

16 июня

Утром уехал во Владимир.

18 июня

8 6 вечера вернулся из Владимира. Выступал там перед молодежью.

Некоторые весьма агрессивны. А этот Акулинин и есть Акулькин сын.

22 июня

Приехал на дачу на электричке, от Нахабино до дачи на такси за 3 рэ.

Перед обедом купался, но в 4 часа — ливень, град, гроза.

23 июня

Утром купался. Потом работал над ст. «Забота о забвенье». Приехала Таня. Собрали две тарелки прекрасной клубники.

24 июня

«Голоса и глушилки». Утром бегал почти до знака. Два раза купался.

29 июня

Встреча у пламенного Бориса Гунько.

6 июля

Приехал на дачу один. Холодно, но купался.

9 июля

Работал над ст. о Сахарове. Купался три раза. Таня уехала вечером.

12 июля

На даче работал над ст. «Эпизод».

13 июля

Работал с газетными вырезками о Сахарове. Три раза купался.

18 июля

Звонила Наталья Решетовская: «Можно ли использовать ваши письма Александру Исаевичу?» Да хоть съешьте их. Приглашала звонить и заходить.

19 июля

Ездил в «МГ», получил 10 экз. с моей статьей в № 7. Вечером зашли Миша Фоменко и Гриша Соловьев. В честь такого дела распили бутылочку «Варцихе» — обмыли.

21 июля

Звонил С. В. Червонописскому — тому самому одноногому афганцу, который на съезде разоблачил клевету акСахарова о том, будто наши расстреливали с самолетов своих, попавших в плен. Его спрашивали: «Откуда вы это взяли?» — «Я слышал по радио». — «По какому радио?» — «Не помню, не знаю». — «А где были такие расстрелы — в каком месте, в какое именно время?» Ничего это ученое трепло не знало, но набрехал на весь белый свет.

22 июля

Работал над ст. о Сахарове. Все ходили по грибы, купались.

25 июля

Звонил Бондарев.

«25 июля 1989 г.

«Уважаемый Владимир Сергеевич!

Письмо получил. Внесу на редколлегию. А вы не напишете ли нам послесловие к новому роману Проскурина «Отречение»?

Бондареву я сказал, что «прорабов перестройки» в XXI веке будут знать по сатире Бушина. Здоровья!

В. Ганичев».

(главный редактор «Роман-газеты»)

* * *

В 2011 году В. Ганичев, будучи председателем Правления Союза писателей России, вдобавок к похвалам еще и премию мне даст, вернее, «Похвальный лист». Ведь что такое премия? Во всем мире признано, что это некая сумма денег. А тут был «Похвальный лист», не обремененный презренным металлом, так

сказать, бескорыстная, нестяжательская премия.

Вот помянутый здесь Бондарев после десятилетних раздумий действительно дал мне премию. Потом, правда, решил ее отобрать, но, увы, было поздно: стяжательскую часть премии у меня украли.

26 июня

Звонил Бондареву.

Был вечером (7 — 11.40) у Шкодкина в Измайлове в обществе моих почитателей. Не сумел отказаться. Убил 5 часов.

28 июля

Был гигант Сафонов Анд. Мих. из Кишинева, из тамошнего Интердвижения. Ада уехала.

31 июля

В восьмом часу вечера с Леной Озеровой на ее машине уехали в город.

5 *августа*

Перепечатал ст. о Сахарове.

6 авг.

Ходили с Таней по грибы. Набрали опят и кое-что еще.

Течет река неспешно по долине.
Многооконный на пригорке дом.
И мы живем как при Екатерине…

Но река, между прочим, течет не по долине, а по руслу. И откуда такое благолепие? Разве хотя бы восстание Пугачева было не при Екатерине.

7 *августа*

Утром и перед обедом купался, сделал по берегу пробежку. Перепечатывал бессмертные труды. Правое плечо от машинки болит.

11 августа

Казинцев вернул статью о Сахарове, хотя ее одобрили и настаивали на публикации почти все члены редколлегии. Распутин писал: «Я за публикацию статьи В. Бушина. Пора публично говорить, кто есть кто, и внимательней посмотреть на вождей перестройки…» и т. д. АКазинцев: «Я за публикацию, но

редакция должна сказать, что не разделяет резкостей статьи, но Бушин, как участник войны имеет право писать, что он думает» и т. д. Примерно так писали и Кожинов, и Стрелкова. Но Куняев, недавно ставший главным в «НС», боится. Он дал статью антисоветчику Шафаревичу, которого недавно ввел в редколлегию.

Тот, конечно, решительно против: «Статья мне кажется убийственной для журнала… А ведь мы собираемся печатать Солженицына» и т. д. Так голосом академика, ничего не смыслящего в литературе, Куняев перечеркнул мнение профессиональных и широко известных литераторов, давних членов редколлегии.

* * *

Да, с первого номера 1990 г. «НС» начал печатать Солженицына и печатал целый год. А Шафаревич в передовой статье предлагал ликвидировать Антифашистский комитет и создать вместо него в помощь Ельцину Антикоммунистический. В конце концов, я напечатал о нем в «Правде» статью «Троянский конь в городе солнца».

13 авг.
Работал. Два раза купались. Обедали у Асадовых.

14 авг.
Выкопал первое ведро картошки.

15 авг.
Выкопал второе ведро картошки. С Леной в восьмом часу уехали в город.

* * *

Сейчас вдруг подумал за работой над статьей о Б., что вот это место, где проезд Художественного театра выходит на улицу Горького, чем-то для меня притягательно. Чем? Не знаю.

16 авг., среда Звонил Ю. Бондареву.

18 авг.
Звонил Бабаевский. Выражал восторги по поводу ст.

«Выбираю достойнейшего». Жалко старика, одинок, бесприютен.

19 авг.

Выкопал третье и четвертое ведро картошки. Вечером заходили оба Куняевых «Не изменить ли название журнала?» Я посоветовал убрать «наш».

20 авг., воскресенье

Выкопал пятое ведро картошки.

Отдал Куняеву статью. Он прочитал, одобрил и вернул.

21 авг.

Выкопал 6-е и 7-е ведро картошки.

22 *авг.*

Выкопал 8-е ведро.

23 *авг.*

Звонили Ямиль Мустафин и Нина Лагранж из издательства «МГ» — о статье в ж. «МГ».

25 авг.

Начал ст. о Солженицыне.

26 авг.

Работал над статьей. Выкопал 9-е, и последнее, ведро картошки. Вот и весь урожай.

Вечером с Таней прошлись вдоль Истры. Садилось солнце. Красота неизреченная.

27. VIII. 1989

Пасмурно.

Катя приехала из Коктебеля.

Звонил Вл. Карпов.

В статье «Выбираю достойнейшего» («МГ» № 7’ 89) о Евтушенко надо было бы сказать полнее: «Цепкость, ухватистость, безмылапролезаемость, какбычегохватизм — вот главные черты этого человека».

29 авг.

Уезжаем с Таней в Коктебель. Видимо, в последний раз.

23 сентября

Около 12 ночи приехали с Таней из Коктебеля. К нашему

приезду Катя испекла пирог, купила хлеба, сыра и даже для меня простокваши. Мы с Таней рыдали от умиления и благодарности.

24 сент.

Часа в четыре приехал на дачу на нашем ЛАЗике. В 5 часов купался. Ужасно холодно. Полил цветы, задал корм Тузику. Уеду в 8.

27 сент.

Во Дворце культуры МАИ от журнала «Слово» выступали: Виктор Калугин, Петр Паламарчук (певец Солженицына), Борис Споров, Мих. Фед. Антонов, очень симпатичный мужик, и я.

28 сент.

Перед офицерами ракетных войск выступали в Одинцово от «МГ» Слава Горбачев, Иван Савельев, Ник Родичев и я. Там ликвидируются наши ракеты, а офицерам — хоть бы хны. Подарили нам березовые срезы с памятными металлическими пластинами на них.

1 октября, воскресенье

Утром за завтраком чихнул во всю мощь и не смог разогнуться — радикулит!

2 окт. Приехал с дачи.

Вечером позвонил НА Решетовской в связи с ее письмом А Дементьеву в последнем номере «МЛ».

10 окт.

Часов в 5 была по радио молодежная передача о ж «Молодая гвардия». Ребята из редакции дали хороший отпор. Одна дамочка ужасно возмущалась моей ст. «Выбираю достойнейшего» в № 7: «Как можно так писать о евреях!» Ведущий ответил ей: «О каких евреях? Разве Айтматов, Евтушенко, Вознесенский, Дементьев, Альберт Беляев, которых критикует Бушин, евреи? Вроде бы нет. А Бакланов и Шатров, кажется, действительно евреи. Так что, их запрещается трогать?» Другой парень добавил: «Факты, о которых говорится в статье, никто не опроверг, а есть только возмущение и негодование. Но это к делу не относится, это сфера эмоций».

15 окт.

Таня ночным поездом в 2 часа уехала в Ленинград.

19 окт.

Пленум МО СП: Бондарев, Лавлинский, Аннинский, Годенко, Загорный, Падерин, В. Сорокин, Палиевский, Проскурин, Ал. Михайлов.

23 окт.

У нас все укоряют в идеализации патриархальщины. Но все великие художники прошлого идеализировали ее. Идеалом Данте была патриархальная Флоренция; пушкинское «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит…» — разве это не идеализация патриархальщины? А «Старосветские помещики» Гоголя? А Маяковский взывал: «Время, вперед!» Но он погиб в 37 лет, и еще неизвестно, что сказал бы в 50. Ведь идеализируется-то не вонь да тараканы в избах, не розги да взяточничество, а душевная чистота, правдивость человеческих отношений, которые виднее в прошлом.

24 окт.

Три дня лежу больной на даче.

25 окт.

В 11 часов Викулов увез меня на машине в город.

27 окт.

Селезнев рассказывал, что однажды, еще не зная меня, искал в ЦДЛ. Спросил у Алешки Маркова, как я выгляжу. Тот сказал: «Как типичный белогвардейский офицер». Вот гад! Но Селезнев по этому определению меня тогда не нашел.

28 окт.

На даче работал над «Странной судьбой одного стихотворения» («Прощай, немытая…»).

Принесли два ведра навоза с поля, где пасутся коровы.

3. XI, пятница. 16.30.

Вернулся из «Военно-исторического журнала», отвозил гранки второй половины моей статьи о Сахарове «Мы не рабы, рабы немы». Куняев печатать ее не посмел и зарезал с помощью Шафаревича. Первая часть должна идти в ноябрьском номере, вторая — в декабрьском. Удивляюсь я их смелости. Там есть прямые выпады против Горбачева.

…Стоял внизу у нашего лифта с Натальей Соколовой и Буричем. Выходят из кабины два молодых грузинских парня (видно, от наших грузин с девятого этажа). Выносят чемоданы, кожаные сумки. Мы входим в лифт. Володя говорит: «Водкой

пахнет… Чача». Я говорю: «От наших грузин». Бурич: «В Грузии опять какие-то беспорядки». Выходит на пятом этаже из лифта. Я: «Скоро в Москве начнутся (беспорядки)». Н. Соколова: «Говорят, что в Ленинграде уже было, громили кооперативы». Я: «Да как же их не громить. Они же действительно разлагают общество, хотя и составляют один процент производства». Н.С.: «Они слишком на виду». Я «Посудите сами. Галя, жена Ревунова, зубной врач, работала и получала 200 рублей, а пошла в кооператив, который в подвале нашего дома, и стала получать 600. Разве то не разврат?» Н.С.: «Вы видели этого Беккера, заведующего кооперативом? Это такой отталкивающий одессит… Видит Бог, во мне есть еврейская кровь, но такие, как он, вызывают антисемитизм». (Наталья Соколова-Ти-пот — первая жена Симонова, вторая — Ласкина, третья — Серова, последняя — Жадова, вдова Семена Гудзенко.)

А во вторник, 31-го, ходил я в гости к Анат. Загорному. Был еще Роман Палехов и его жена Женя. Как в сумасшедшем доме побывал: Сахаров — еврей, Примаков — еврей, Тэтчер — еврейка, Абалкин — еврей, ну, Андропов, конечно, и т. п. И смеялись надо мной как над блаженным, когда я все это, кроме Примакова, отвергал. И ведь это не антисемитизм, а русофобия тупиц.

* * *

И ведь никто из них не способен на такие подвиги, как, допустим, Сарнов. Ведь как плодовит! Некоторые его книги у меня есть, о некоторых других навел справку. И вот, отчасти, какова картина самых последних лет.

«Сталин и писатели».

Книга первая.2008, 830 стр.

Книга вторая. 2008, 830стр.

Книга третья. 2010, 990 стр.

Книга четвертая. 2011, 1180 стр.

Феномен Солженицына. 2012, 845 стр.

Это что-то около 5 тыс. страниц. Прямо-таки критический Лопе де Вега. Тот написал свыше 2 тыс. пьес. А этот… И ведь ни одной «Фуэнте Овехуна», «Собаки на сене» или хотя бы «Учителя танцев»!

6 ноября

Ул. Чкалова, 53. Тайная встреча «Единства». Доклад Н.А Андреевой. Выступил и я.

7 ноября

Праздновали у Асадовых. Пили «Несмеяшку».

8 нбр.

Сбрасывал мусор с крыши нашего корпуса, жег золу для огорода, читал.

9 нбр.

Сеня Шуртаков прочитал:

Пишу я день, пишу я ночь —
Хочу родне своей помочь.
Сидит вокруг моя родня
И ждет искусства от меня.

10 нбр.

С Мишей Фоменко на его машине привезли цветной телевизор «Рекорд». Ну, натурально, обмыли коньячком.

12 нбр.

Работал над ст. о «Прощай…». Жег костер: нужна зола для яблонь, их четыре.

14 нбр.

Был на Пленуме СП РСФСР. Синклит мудрецов. Поговорил с Куняевым, Свининниковым, Гордейчевым. Подал заявление на «Таврию».

17 нбр.

Заходил милый Миша Мусиенко. Подарил свой роман «Продолжение». Пообедали.

Когда разбирали мое дело в райкоме, мне было сказано, что могу кого-то позвать с собой. Я обзвонил несколько человек, все под разными предлогами отказались. И только Миша спросил: «Когда и где быть?»

20 нбр.

Третий день хвораю. Вызвал Тат. Наум. Лифшиц. Она ужасная формалистка, ей лишь бы в бумажке что-то записать, но что делать!

23 нбр.

Партсобрание. Поехал. Но прозевал выйти на Маяковке. Решил, что это перст Божий и вернулся домой. Так погибла моя

великая речь, которую я уже заготовил.

25 нбр.

Работал над ст. «Мы не рабы. Рабы немы» для «МГ» № 2.

28 нбр.

Во Дворце культуры МАИ в 6 часов встреча с социал-демократами. Их вождь Л. Варт. вдруг спросила: «Там мы сегодня увидимся?» — «Разумеется!» — сказал я и слинял. Так погибла еще одна моя великая речь.

29 нбр.

В «Военно-историческом журнале» вышла первая часть моей ст. о Сахарове «Мы не рабы. Рабы немы».

30 нбр.

«Молодогвардейцы» были в ЦК комсомола: А Иванов, В. Горбачев, Афанасьев и авторы журнала — К. Раш, И. Савельев, я… Просидели часа два. Они нас любезно благодарили. Господи, тут пора уже автоматы раздавать, а они…

Часов в 6 вечера звонил начальник Генштаба Мих. Алексеевич Моисеев. Говорил с Таней. Поздравил со статьей в «ВИЖ» № 11.

4 декабря 1989 г.

Звонил гл. ред. «ВИЖ» В. И. Филатову по поводу опечатки в моей статье.

6 дек

Звонил полоумный В. Н. Прищ. Уверял, что Вознесенский внебрачный сын Пастернака. Ему, мол, говорили Кобзев и Селезнев. А какое мне дело? У меня, может, у самого есть внебрачный сын.

12 дек.

Звонил Н. П. Поликарпов. Сказал, что в «России», куда я вчера передал «ВИЖ», статью «читают взахлеб».

14 дек

Звонила Гал. Ив. Кравченко, спросила, нельзя ли статью перепечатать в областной газете. Да ради Бога!

В. И. ФИЛАТОВУ,

главному редактору «Военно-исторического журнала»

«15 декабря 1989

Дорогой Виктор Иванович,

сразу, как только сегодня около 11 часов я узнал, что умер ак АД. Сахаров, я стал звонить Вам и ИИ. Волкодаеву. Оба телефона не отвечали. Наконец, около 12 трубку Вашего телефона взял Ник Троф. Аксенов. Я сказал ему, что не надо печатать окончание моей статьи о Сахарове в 12-м номере. Он ответил, что уже вышел сигнальный экземпляр и что остановить печатание номера технически трудно, хотя он понимает меня и разделяет мое решение.

Вы, конечно, разделяете мое сожаление о смерти большого ученого, но нельзя не заметить, что люди, окружавшие его, ничуть не беспокоились о том. Как уже далеко не молодой и не здоровый человек перегружал себя. Во вчерашнем стенографическом отчете «Известий» сказано, что на собрании представителей группы депутатов он выступал 33 раза, а на вчерашних пленарных заседениях еще и еще. Это и Юрий Власов не выдержал бы даже в пору своего расцвета.

Да, я сожалею, но примириться с тем, что покойный говорил об «афганцах» и о многом другом, конечно, не могу. И, тем не менее, мир его праху!»

Гонорар за первую часть статьи я попросил перечислить в фонд помощи «афганцам». Это 368 рублей, как сказали в бухгалтерии, когда я позвонил туда.

18 дек.

В 3 часа автобусом поехал на дачу, в 8 вернулся. Ездил кормить собак

20 дек.

В 15.15 позвонил пенсионер Иван Фадеев:

— Это вы так обосрали Сахарова?

— Да. За то, что он обосрал нашу армию.

В 17.30 позвонил некий Горяев из Гостелерадио:

— Вы поступили как последний мерзавец и подлец.

— А вы — как первый мерзавец и подлец.

21 декабря

В 11.45 мы, человек 30, собрались за Василием Блаженным. Иг. Сер г. Сычев повел нас на могилу Сталина. Там он достал из-под пальто красное знамя, обернутое вокруг тела (майор охраны не разрешал никаких знамен) и произнес горячую речь:

— Как ты дал клятву Ленину, так и мы в день твоего рождения клянемся бороться за родину и социализм…

Потом пошли к Могиле неизвестного солдата. Там тоже — возложение знамени, цветов, речь.

Оттуда пошли в кафе «Шведский стол», что в гостинице «Москва»: Гришин, Дородько из Киева, полковник Шкодкин, грузин Григорий, Нина(?) и я. Григорий взял две бутылки молдавского коньяка. Еще прислали штоф ребята-грузины. Пили и пели песни о Сталине.

23 дек

Начал ст. «Безмылапролезаемость».

Спать легли ок четырех. Смотрели съезд.

25 дек.

Был в Кубинском посольстве. Плучил там брошюру Фиделя Кастро «Социализм или смерть!». Тут же пошел в Литфонд и сделал 20 копий.

27 дек.

Был в «ВИЖ» е. Они все-таки напечатали окончание моей ст. о Сахарове. Взял 70 экз.

Вечером заходили Фоменко, Шкодкин, Гурам Гогиа. Дал им по экземпляру «ВИЖ» и брошюру Кастро.

30 дек

Написал 8 стр. статьи «Гром не из тучи» — о Евтушенко, навравшего в «Литгазете» о Шолохове в ст. «Фехтование с навозной кучей».

31 дек

Новый год встретили у Асадовых. В 2 часа пошли к елке у служебного домика на той стороне у 4, 5 и 6-го корпусов. Пригласил коменданта и сторожа зайти к нам выпить. Но они затащили меня в домик, где пришлось выпить.

Пошли с Таней домой, но попали к Озеровым.

У них были две американки, которых Миха пригласил, когда был в Америке. Вскоре я пролепетал: «Я want to sleep…» И мы отчалили…

7 февраля 1990 г.

Отправил Аминат Абдурашитовой в Махачкалу «ВИЖ» № 12, «Скорбь б/у», «С высоты насыпного Олимпа» и Ст. Куняева о Яковлеве.

18 февр., воскрес.

В 2.06 выехал в Ленинград.

19 фвр.

Приехали в Л-д около 12-ти. Поселились в гост. «Советская», 5-й этаж, № 514.

20 фвр., вторник

Возлагали цветы к Медному всаднику, к памятнику Кутузова, к стеле, которая стоит на месте взорванной дачи Столыпина, где в 1906 году погибло 29 человек.

Вечером во Дворце спорта «Юбилейный» (5 тыс. мест) — открытие фестиваля «Российские встречи».

16 марта, пятница.

Большой пленум во Дворце съездов. В «МЛ» вышла моя «Азбука» о Яковлеве.

19 марта, воскр.

7-й пленум Правления СП РСФСР. Многие хвалили мою «Азбуку» — Володя Семенов, М. Алексеев, Коваль-Волков, Вл. Крупин, А Салуцкмй, Стрелкова.

20 марта.

Утром был на пленуме. Подарил там «ВИЖ» и др. журналы с моими статьями Васе Белову («В знак давней-давней дружбы»), В. Распутину («Самому дорогому для меня писателю нынешней нашей литературы»), Ю. Бондареву.

Потом звонили с восторженными воплями об «Азбуке» Л. Беляева, Л. Федорова, М. Мусиенко, Н. Федь, И. Савельев, А. Богданович, Л Экономов, И Терехов, М. Чернолусский, Ю. Шишмонин, А Мошковский… Знать, проняло…

24 марта.

На даче работал над новой редакцией «Азбуки» для «МГ».

Копал огород, носил навоз.

27 марта.

С Ерохиным и Назарьевым(?) ездили в Подольск, выступали перед военными. Чтобы просветить этих одуревших от жидоедства олухов, я читал Пастернака («На ранних поездах»).

Звонила Н.А Решетовская. Обещала прислать «Дон» №№ 1 и 2 со своими воспоминаниями о Солженицыне.

31 марта.

Писал ст. «Боль и пустозвонство» и копал огород.

3 апреля

Был в «МГ». Моя «Азбука» идет в № 6.

5 *апр.*

Звонил из «Сов. России» Попов Ник Вас. Предлагал издать «Мы не рабы». Договорились, что зайду.

7 апр.

Работал над ст. о Президентском совете, копал огород, жег костер.

12 апр.

Выступал в клубе ветеранов милиции вместе с маршалом Псыго и Ив. Шевцовым.

15 стр.

День рождения Кати.

17 апр.

День рождения Сережи. Ходили с Адой на кладбище. Там по надписи на памятнике узнали о смерти Иры. И мне они не сказали!

6 мая

Приезжал Вит. Вл. Бармин из «Горьковского рабочего», привез кучу вырезок и ксероксов о Солженицыне. Ночевал у нас. Утром уехал.

18 мая

К тем двум, что позавчера, Таня купила еще две бутылки коньяка и я три. Сегодня день музеев. Как же!.. Работал над ст. «Волк на псарне».

20 мая

Засадили последние грядки картошки. Звонил И. Шевцову.

26 мая

Вскопал последний кусочек огорода. Писал ст. о Евтушенко

30 мая

И. Шевцов, Г. Серебряков и я ездили в Жуковский. После выступления — застолье. Выпил гр.150 мерзкой водки — и меня

заклинило.

31 мая

День мучений. Фоменко отвез меня в б-цу № 52. Не приняли: «Рабочий день окончен».

1 июня

«Скорая помощь». Б-ца 52, палата 210.

12 июня

Удрал из б-цы, ночевал дома. Врач устроил скандал.

21 июня

Операция по поводу аденомы. Резвись теперь сколько хошь! Вл. Богомолов обещал всплеск потенции. Может быть… Чувствую себя вроде нормально. Но еще на больничном листе. Завтра к врачу. Оперировал Станислав Филиппович Мончаковский. Хороший, но неразговорчивый мужик Я подарил ему свои «Арфы», вложив конверт со 100 рублями. А вот вчера узнал от Марка Лисянского (его оперировали год назад), что он дал 300. Что ж… И теперь вдруг появилось множество аде-номных знакомых, которые уже оперировались или ждут операции. Уже: Володя Семенов, Олег Смирнов, Толя Лишаев, Апт, Э. Кардин, М. Лисянский, Алешка Кафанов, Б. Рунин. Ждут: Ю. Разумовский, П. Градов, А Гулыга. Дай им Бог удачи!

6 июля

Выписали из больницы. Я дома! Сразу уехали на дачу.

18 июля

Катя уехала в Ленинград.

22 июля

Вильнер (кв.49) опять, гад, залил Катю.

8 авг.

Вчера с Гал Вал. Асадовой ездили на ее машине в Нахабино, привезли кресло. Вечером у них обмыли его. Звонил Ю. Бондарев.

16 авг.

Ходил в собес Сказали, что с 1 сент. пенсия мне будет 206 рэ.

21 авг.

На даче отметили с Асадовыми окончание Таниного отпуска.

22. VIII.1990, Красновидово

Жизнь такая напряженная, так много приходится читать газет и журналов, что редко удается что-то записать на память. Сознание этого, мягко выражаясь, не радует.

* * *

В субботу утром, 18-го, пошел на огород за земляникой. Она у нас плодоносит чуть не до снега. Набрал почти целое блюдо. Солнечное тихое утро, сверкает роса на траве. Я это все, конечно, вижу, чувствую и неосознанно радуюсь. С блюдом в руке пошел домой, и когда проходил мимо окон Шукшиных, оттуда зазвенел смех маленькой Анечки. И все связалось. Все озарилось, стало прекрасной цельной картиной жизни: утро, солнце, голубое небо, роса, блюдо спелой земляники и радостный детский смех.

Господи, как красива жизнь! Как хорошо жить! Вот так с помощью крупицы жизни, которая все связывает и преобразует, и рождается подлинная поэзия.

26 авг.

В 5 часов приехал с дачи. Пошли к Аде на поминки.

27 авг.

Работад над ст. о Волкогонове. Получил в Литфонде 200 р.

2. IX.90, Красновидово

Каждый раз, проходя мимо подъезда, в котором живут Стежинские, не могу не бросить взгляд на номер их ухоженной «Таврии»: 1837». Как может человек (литератор) взять для машины номер, который есть дата гибели Пушкина!

4 сент.

В 12.25 поездом Москва — Брест проводили Катю и Соню в Лондон. На прощанье Катя поцеловала Камзолова.

18 сент.

Выступали в Комитете народного контроля (ул. Куйбышева, 21) «молодогвардейцы» Ан. Иванов, Горбачев, Назаров, Соколов и я.

22 сент.

Работал над ст. «Лягушка в сахаре» — об ак Лихачеве.

Копался в огороде.

24 сент.

Мямлил по телевидению премьер Рыжков. Вопрос о чрезвычайных полномочиях. Прохлопав пять лет ушами, он вчера призвал идти в бой. Что ж, я готов, если вы со своим дружком-комбайнером перестанете мямлить и начнете, как учил Ленин, с врагами говорить по-вражески и называть их имена.

29 сент.

Катя не приехала, осталась в Лондоне до 11-го. Соня приехала одна.

30 сент.

Дача. Огород. Ак. Лихачев — «Лягушка в сахаре».

13 окт.

В 15.10 поездом Аахен — Москва Катя вернулась из Англии. Встречали мы с Таней и Артем Камзолов. Как гора с плеч!.. Ее первый вопрос: «Кто такой Собчак?» Ее там донимали, что она о нем думает.

18 окт.

Уехали с Мишкой на дачу. Жарили картошку, пили коньяк

6 ноября

Уехали на дачу Галя, Ада и мы с Таней.

14 нбр.

Партсобрание. Ресторан: Вл. Успенский, два корейца и я. «Варцихе», красная икра, сациви и т. п.

19 ноября

День рождения Ады и День артиллерии. Стол как во времена культа личности.

20 нбр.

Застолье у грузинки Нели в Измайлово на Никитинской с детства знакомой мне, хоженой-перехоженой улице. Коньяк «Арарат».

Говорил по телефону с Л. М. Кагановичем.

22 ноября

Шкодкин, Неля и я были у Кагановича. У него день рождения

— 97 лет. Неля с цветами. У него сломана нога, он лежал с задранной ногой. Говорил нам: «Бойтесь Гаврилу Попова!»

29 ноября
В. КУЗНЕЦОВУ. ЛЕНИНГРАД

Дорогой Вячеслав!

Я получил вашу книгу. Она удивила меня с самого начала — с дарственной надписи: «Человеку с горящим сердцем — от такого же чудика». Я никакой не чудик, а нормальный человек с нормально работающим сердцем.

Еще больше удивила сама книга. Вот стихотв. «Фотография», посвященное Виктору Астафьеву. Вы считаете его «родным братом». А я — предателем Вы, что же, не читали его малограмотные клеветнические измышления об Отечественной войне? Вам неизвестно его заявление, что ваш родной город надо было без боя сдать немцам? Не слышали, как он злобно вопил по поводу «Слова к народу», что было в «Советской России»? Или вы ничего не читаете, кроме собственных сочинений?

А вот еще лучше:

«Спасибо Вам, Александр Исаевич, за Вашу бесстрашную, страшную, горькую… правду». Да ведь большего лжеца Божий свет не видывал! А сколько злобы в сочетании с самовлюбленностью. Это самая грязная фигура не только русской литературы, но и всей нашей истории. Как у вас язык поворачивается благодарить человека, который глумится над Зоей Космодемьянской, нахваливает ген. Власова, грозит родине американской атомной бомбой! Или все это для вас новость? Вы хоть «Архипелаг»-то его в руках держали? 10 марта я писал в «Правде» о подлинном лице этого шкурника. И вот, как в благодарность за это, вы присылаете мне свою книгу.

Понять не могу. Как взбрело вам на ум прислать мне ее да еще говорить о какой-то общности наших сердец.

Всего наилучшего.

Пользуясь случаем, довожу до вашего сведения, что «Петербург» да еще «Санкт» существует только для тех, кого оболванил петербуржец читинского разлива Собчак А для разумных и порядочных людей город остался Ленинградом. С таким именем он прежил самые страшные и героические свои дни.

В.Б.».

4 декабря

Отдал Куняеву «Покаяние» (14 стр.).

11 декабря

В Театре Красной Армии начался 7-й съезд писателей России.

14 дек

Последний день съезда. Наконец, дали слово мне. Говорил под хохот зала. Сказал и скорей смылся на дачу. Ведь ЦК, КГБ, МВД — все на месте.

* * *

Потом это было напечатано в «Кубани» и пошло по многим другим газетам примерно в таком виде:

Я позволю себе с этой высокой трибуны обратиться к нашему президенту.

Дорогой Михаил Сергеевич!

В своих недавних речах и выступлениях вы вдруг вспомнили, что вы русский. И один дед, которого раскулачили, — русский, и второй дед, который сидел в тюрьме, — тоже русак

(Движение в зале?) Поэтому наш съезд должен бы заинтересовать вас не только как руководителя страны. Все четыре дня мы работали в Центральном театре Советской Армии. Здесь неудивительно было вспомнить, особенно писателям-фронтовикам, что вы имеете звание полковника. *(Движение в зале?)*

Это звание вы получили в 1978 году, когда маршал Брежнев взял вас, молодого и энергичного строителя, как вы теперь выражаетесь, казарменного социализма из Ставрополя в Москву и сделал секретарем ЦК партии по сельскому хозяйству. Зачем в такой должности полковничье звание? А для того, чтобы озимые и яровые стояли перед вами по стойке смирно *(Смех в зале?)* И надо думать, что тогда вам выдали и шинель, и папаху, и бинокль, и сапоги со шпорами. *(Громкий смех?)*

Мы ждали вас на съезде и не удивились бы, если в один из этих четырех дней распахнулась бы дверь и вы, поскрипывая сапогами, позвякивая шпорами, поправляя рукой кобуру с пистолетом, прошли бы в президиум и сели рядом с полковником в отставке Михалковым. *(Шум в зале, смех?)*

Увы, мы не дождались ни скрипа ваших сапог, на даже весточки. Но мы не в обиде, мы знаем, как много у вас неотложных государственных дел. Нет, мы не обиделись. Кое-кто говорил тут, что надо бы послать вам персональное приглашение,

но другие считают, что это бесполезно. Пригласили же вас недавно на свой съезд шахтеры, но вы все рано не смогли порадовать их своим присутствием: вам надо было принять премьер-министра Люксембурга, еще разочек проштудировать полугениальную заокеанскую статью Солженицына «Как нам обустроить Россию», побеседовать с очаровательной Джейн Фонда. *(Шум в зале?)* Короче говоря, дел было под завязку. И даже не было еще времени съездить в Осло за Нобелевской премией, с которой мы вас поздравляем.

Заодно поздравляем с испанской премией принца Астурийского, с итальянской премией Фьюджи, с ирландской премией «Конвент мира», с немецкой золотой медалью Отто Хана и даже с индийской премией имени Индиры Ганди. *Движение в зале?)* Весь мир ликует и благодарит вас за ваши великие деяния. Теперь, полковник, наград у вас больше, чем было звезд у маршала Брежнева. *(Смех?)*

В сиянии наград, что сыпятся на вас со всех уголков мира, выглядят совершенно непонятно и огорчают такие, например, факты, как выступления на последнем Пленуме ЦК партии тов. Савкина АС. и других, — они требуют вашей отставки. И не только вашей, но и Ельцина, Яковлева, Хасбулатова…

Некоторые злопыхатели дошли до того, что затеянную вами перестройку нарекли катастройкой и даже контрреволюцией. Что ж получается? Вы, полковник, контрреволюционер № 1, Яковлев — № 2, Ельцин — № 3… Боже милостивый, и это говорят люди, у которых нет даже медали «За спасение утопающих»! *(Хохот*)

Но, слава Богу, есть и на нашей земле у вас почитатели и защитники. Это прежде всего Григорий Бакланов, Александр Гельман, Даниил Гранин, академик Сагдеев… Они в своем «Открытом письме» к вам накануне этого года решительно заявили со страниц «Московских новостей»: «Каждый из нас весной 1989 года будет голосовать за вас!» Как трогательно! Избирательная кампания еще не начиналась, кандидаты не выдвинуты, а они уже мчались за сковородкой, дабы угостить вас яичницей сразу, как только снесет яичко та курочка, которая пока еще тихо сидит в гнезде и не кудахчет. *(Общий хохот?)* Но сейчас, когда вас поносят и гонят прочь, почему молчат, куда делись это влюбленные курощупы? *(Смех?)*

Допустим, Роальд Сагдеев, наш академик в экспортном исполении сейчас за океаном занят укреплением советско-американской дружбы посредством своего несколько поздноватого брачного союза с американской миллионершей, дочерью Эйзенхауэра. Но что молчат Бакланов и Гельман? Куда девались Гранин и Ульянов, который всю жизнь играл маршала

Жукова? Молчат и обласканные вами академики Арбатов, Аганбегян, Гольданский, Емельянов, Заславская…

Впрочем, Михаил Сергеевич, обижаться вам на этих перетрусивших курощупов не приходится вы и сами за шесть лет у власти никого не защитили от клеветы и поношения — ни партию, которая вознесла вас на самую вершину, ни армию, которая в 43-м году спасла вас и всю семью вашу от оккупации и рабства, ни сам русский народ, кровь которого течет в ваших жилах

Вы не защитили даже своих ближайших товарищей по работе — Лигачева, Рыжкова, Афанасьева… Конечно, каждый из них за что-то заслуживает критики, но не зря же Тарас Бульба, кстати, как и вы — полковник, в грозный час сказал «Нет уз святее товарищества!.. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей». *(Бурные аплодисменты?)* Нет, не зря так говаривал беспартийный большевик полковник Бульба. *(Смех.*

Вы помните, как казнила попавшего в плен Остапа, сына Бульбы? «Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в станки… Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость может только разжечь мщение казацкой нации. Но власть короля и иных мнений были ничто перед беспорядком и дерзкой волею магнатов, которые своей необдуманностью, отсутствием всякой дальновидности превратили сейм в сатиру на правление»… Не знакомо ли вам, Михаил Сергеевич, по нынешней поре и мщение, и жестокость, и необдуманность, недальновидность, и, наконец, сейм, превращенный в сатиру на правление?

«Остап выносил терзания и пытки как исполин. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему руки и ноги, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленных зрителей… Тарас стоял в толпе, потупив голову и гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку. Добре!..»

Но когда подвели Остапа к последним смертным мукам — казалось, будто стала подаваться его сила… О, — повел он очами вокруг себя. — Боже, все неведомые, чужие лица!» Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы услышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги. Хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! Где ты? Слышишь ли ты меня?

— Слышу! — *(гром аплодисментов)* раздалось среди всеобщей тишины, и весь мильон народа в одно мгновение вздрогнул». *(Шквал аплодисментов?)*

Не так ли ныне и нашу родину, Горбачев, возводят на эшафот, не так ли и ей ломают руки и ноги, не так ли и ее подводят к последним смертным мукам. И не так ли к вам, президент, несутся, заглушая ужасный хряск, отчаянные клики со всех концов державы на всех языках, что ни есть в ней: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты нас?» *(Гром аплодисментов?)* И если раздалось бы в ответ громовое полковничье «Слышу!», то весь трехсотмиллионный народ вздрогнул бы в одно мгновенье и воспрял духом. *(Аплодисменты?)*

Но нет никакого ответа, и только летят над страной, словно из уст предателя Андрия, жалкие мертвые слова: консенсус… приватизация… либерализация. *(Бурные аплодисменты?)*

В заключение просим вас, полковник-белобилетник, передать вашему другу и учителю Александру Яковлеву, главному производителю помянутых мертвых слов наше поздравление: сегодня он стал академиком в особо крупных размерах. Говорят, в Литве, Грузии и Молдавии ему уже собираются при жизни ставить памятники.

С неизбывным уважением капитан запаса Владимир Бушин.

(Аплодисменты?)

Сразу после моего выступления слово для реплики попросил народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии Виктор Астафьев. Он назвал мое выступление «диким вздором, недостойным этой аудитории и всего человечества».

16 дек. 1990 г.

Позвал в гости Владимир Максимов, приехавший из Франции. Ведь я когда-то напечатал в «ЛиЖи» одобрительную статейку о его повести «Жив человек». Он живет у Гали Полторацкой в нашем подъезде этажом выше, она сестра его жены, которую он уволок из библиотеки ЦДЛ. Говорил, говорил и говорил… Мы с Таней слушали, слушали и слушали… И были ему нужны только в этом качесстве.

19 декабря

Звонил Бондарев. Он и Эрнст Сафонов, гл. ред. «ЛР», боятся давать в стенограмме съезда мое выступление о полковнике-белобилетнике Горбачеве. Нас, говорит, оштрафуют на 50 тысяч. Я старался убедить: вы же не заказывали мне мое выступление, не визировали его, а стенограмма должна отразить все, что было на

съезде. Не убедил!

22 дек.

На лыжной прогулке вдоль Истры на маленьком спуске Таня упала навзничь. О Господи, как я перепугался!

24 дек

Звонила Лиля Беляева: умер Кладо. Честный и смелый был человек

25 декабря

С. Куняев, как всегда, без даты: «Володя! Возвращаю тебе фельетон о Евтушенко с отзывом Кожинова. В общем, все разделяют его точку зрения.

В 1991 году исполняется 150 лет со дня смерти Лермонтова. Давай я перепечатаю твою статью о стихотв. «Прощай, немытая Россия» из «Кубани». Как ты на это смотришь?».

А отзыв такой:

«Статья Владимира Бушина, без сомнения, сильный и яркий памфлет. Но как мне представляется, он, увы, несвоевременен. Он был бы очень уместен года три назад. Но сегодня Евг. Евтушенко потерял всякое реноме и у нас, и за рубежом. И памфлет сегодня явится (неизбежно) своего рода гальванизацией литературного полутрупа. В некотором смысле его публикация будет услугой Евтушенке, возвращением его из полузабытья. Мне грустно говорить это о работе очень высоко ценимого и душевно уважаемого мною Владимира Бушина, но это — как я убежден — факт.

В. Кожинов

18. X11.90»

* * *

Вадим ошибался. Евтушенко еще долго пребывал в роли весьма резвого «полутрупа», погромыхивающего костями.

Я не знал, что мне делать с памфлетом о нем. Позвонил посоветоваться Бондареву. Его не было дома, поговорил с его женой Валентиной Никитичной. Потом, как помнится, мне позвонил сам Юра и сказал, чтобы я обратился в «Советскую Россию», с главным редактором Валентином Васильевичем Чикиным он уже вроде бы о моей статье переговорил. Так я и сделал. Статья была напечатана в двух номерах газеты. С этого

началась золотая пора моей литературной жизни — трехлетнее сотрудничество в «Советской России», сделавшее мне литературное имя.

26 дек.

Похороны Кладо. Крематорий. Поминки в ЦДЛ. Против меня сидел эколог Яблоков в бороде. Когда в завязавшемся разговоре я почему-то упомянул, что недавно был с друзьями у Кагановича в день его рождения, этот эколог готов был справить поминки и обо мне.

31 декабря

Публикации за год:

1. «ВИЖ» № 3. «Мой уважаемый депутат» (О Евтушенке)
2. «МЛ» 16 марта. «Азбука, арифметика и химия» (О А Яковлеве).
3. «Слово» № 5. «Не надо лжи».
4. «Кубань» № 5. «Судьба одного стихотворения»
5. «Кубань» № 6. Та же «Азбука…»
6. «На боевом посту». Апрель. «Азбука»
7. «МГ»№ 6. «Азбука»
8. «На боевом посту», июль. «Если бы я мог…»
9. «Литобоз» № 8. «Соблазн прокукарекать первым» (о Куняеве).

2 апреля

Горячевой Св. Петр.: «Стою на коленях перед вашим мужеством, стойкостью, доблестью».

Исакову Вл. Бор.: «Не погибла Россия, пока есть такие, как вы и ваши товарищи».

Абдулатипову Рамазану: «Вами гордится не только Дагестан вся Россия пусть трепещут те кто на ходу бреет зайцев». [Это его выражение.]

Шаповаловой Л. С. — не помню что.

4 апреля:

Герою Советского Союза А Руцкому, который сколотил новую группу коммунистов, внеся раскол в их ряды: «В сорок третьем под Жиздрой я бы с тобой, герой-коммунист, в разведку не пошел. Владимир Бушин, коммунист».

Ф. Волкогонову, ген. — полк, который отчитал Исакова за его выступление «как профессор профессора»: «Как профессор профессору. 22 июня Черчилль никакой телеграммы Сталину не посылал. Даже в порядке исключения, вы не способны говорит

правду. Все это лживое лакейское хлебово вам предстоит выхлебать. Бушин»

Все телеграммы в адрес съезда принимаются только с обратным адресом, который тоже оплачивается…

6. IV.1991, Страстная суббота.

Закончился вчера III внеочередной съезд нардепов РСФСР. Я послал в его адрес 6 телеграмм.

* * *

20 марта 1993 г.

«Дорогой товарищ Бушин!

С удовольствием прочитала Вашу статью в «Правде» № 46 от 10 марта. Такое впечатление, что я встретилась и поговорила с хорошим человеком. Спасибо Вам, дорогой, за то, что Вы есть, что Вы такой и так думаете. Пока есть такие люди, как Вы, все остальное демократы могут забрать.

Я простая деревенская женщина, и в свои 50 лет имею свой взгляд на все события в стране.

Мне особенно неприятны писатели-оборотни. Когда они говорили правду — когда восхваляли Сталина, партию, СССР или теперь, когда порочат прошлое? Солженицын ненавидит не только социализм, но и Россию. И все русское, да и вообще человеческое. В «Комсомольской правде» № 44 с.г. он утверждает, что «внутренний террор уничтожил 50–60 миллионов наших соотечественников и без жалости уничтожено 80 миллионов на германской войне».

А я знаю, что в мою деревню пришло 48 похоронок, в соседней деревне Вишняково — 32, в Ждановское — 36, а в 1937 году в этих же деревнях было репрессировано 2 человека. Вот и сопоставьте.

Как же ему, бедолаге, кушать сладко хочется, что несет незнамо что и о себе, и о Родине! Лишь бы угодить новым хозяевам.

Проскурин, Чаковский, Бондарев, Исаев — умные мужики, ну, а то, что они теперь не борцы, что ж… Не каждый готов взойти на костер за идею. Дети, внуки, собственная дорогая шкурка — у каждого своя зона уязвимости. Да уж пусть лучше помолчат, чем стрелять в прошлое. «Им, гагарам, недоступно…»

Я верю, что нынешняя несуразица угомонится, все это пена, и скоро она сойдет. Будет социализм. И как тогда станут смотреть людям в глаза наши хамелеоны? Как, по выражению Горького, с

такой рожей перед Господом нашим стоять будут?

Желаю Вам, товарищ Бушин, твердости духа, уверенности в хорошем, в победу добра.

С глубоким уважением и благодарностью.

Антонина Колесник.

140185 Московская область, Раменский р-н, деревня Сельвачево».

* * *

«Здравствуйте тов. В. Бушин!

Я думаю, что каждая Ваша статья в «Советской России» прибавляет Вам и газете врагов, но гораздо больше — друзей.

Желаю Вам здоровья и успехов в Вашей ассенизаторской работе.

Если будете в Хабаровске, заходите в гости. Мы с женой живем в трехкомнатной квартире.

Угостим Вас лимонником. Вам понравится у нас.

Комаров Борис Николаевич.

Хабаровск, ул. Краснореченская, 169, кв. 92.

8 января 1993».

* * *

Уважаемый товарищ В. Бушин!

Уже несколько лет я читаю Ваши статьи и стихотворения. Для меня они как глоток чистого воздуха после случайного соприкосновения с испражнениями демократии вроде «МК». Читаю Ваши публикации быстро: живая разговорная речь, злободневные темы. Выразительным чтением Ваших стихов я поднимаю себе настроение, хочется больше сил отдавать борьбе за нашу Советскую родину.

В прошлом году у нас в школе был конкурс чтецов, посвященный 50-летию Победы. Я читал Ваш «Последний редут». Вначале никто ничего не сказал. Но по мере чтения среди учеников появились веселые лица, а учителя все словно застыли. Потом они долго не могли прийти в себя. И я долго видел оборачивающиеся на меня лица то радостные, то злые. Я стал победителем конкурса. Но на районный пустили с условием, что я буду читать другое стихотворение. А то… Учитель погрозил мне пальцем.

А при обсуждении Солженицына я сказал, что Владимир

Бушин считает его предателем, я — тоже. И полились изощрения в мой адрес.

— А кто такой этот Бушин? — взвился учитель, — Солженицына знает весь мир, а Бушина — только ты.

— Бушин в отличие от Солженицына родину не предавал, — сказал я.

А вообще в школе сейчас идет ожесточенная, бескомпромиссная борьба. От того, кто победит, зависит многое. Мы, коммунисты, пока в меньшинстве. Нам, молодым коммунистам, и вам, фронтовикам, предстоит много сделать.

Вышлите мне Ваши книги по 1–2 экз. «Колокола громкого боя», «Победители и лжецы», «Клеветники России». И укажите цену.

С 50-летием великой Победы!

Владимир Панихин, 16 лет

3 мая 1995 г. Брянск

* * *

«Дорогой Владимир Сергеевич! Несказанно благодарна за книгу ваших замечательных стихов, за «Колокола» и особенно за сам факт внимания. Книгу стихов проглотила в первую ночь. Теперь перечитываю то, что отметила. Вы как будто подслушали меня. По стихам изучаю ваш путь Человека и Солдата. И чувствую в Вас однополчанина.

С наступающим 1997 годом!

В этот радостный день
Всем несчастьям назло
Я хочу, чтобы Вам
Больше всех повезло.

Ваш труд не сиюминутный, не личностный. Вы работаете на будущее. А оно рано или поздно будет прекрасным. И в его строительство заложен ваш огромный труд по разоблачению нечистей, по восстановлению нравственности, гражданского чувства.

С глубоким уважением *Г. К. Гурулева.*

14.12.1996, Иркутск».

notes

Примечания

1

Г. Бакланов в «Еврейской газете» объявил евреями генерала Льва Доватора — белоруса, маршала бронетанковых войск Михаила Катукова — русского и Маршала Советского Союза Романа Малиновского — украинца, по поводу чего имел тяжелое объяснение с некоторыми родственниками названных Героев Советского Союза.